23 ОКТ. 1915

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ОКТЯБРЬ.

№ 1667 22616 49 г.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Петроградъ, Б. Подъяческая, 39.

верскаго, отъ дѣтскаго тщеславія въ своемъ меценатствѣ и разныхъ затѣяхъ спортсмена и дилетанта. Но я не могла ему привить своихъ стремленій. Онъ уже не смѣлъ прохаживаться надъ моей умственностью; но самъ не былъ способенъ идти со мною, въ этомъ смыслѣ, нога въ ногу.

На себя онъ смотрѣлъ совершенно опредѣленно — и по-своему логично.

«Къ чему мнѣ поступать въ обученіе ко всякимъ умникамъ? Я не неучъ, я учился въ университетѣ, у меня есть свой взглядъ на вещи, я умѣю оцѣнить хорошую книгу, пьесу, картину, совершенно такъ, какъ я цѣню статьи призовой лошади. Каковъ бы я ни былъ, но у меня своя *смѣкалка* въ головѣ, и я съ чужого голоса пѣть не вижу надобности».

Мнѣ самой было бы обидно за него, если бъ онъ сталъ моимъ «выученикомъ»—его любимое бытовое слово. Для меня нѣтъ ничего болѣе противнаго, какъ типъ мужа подъ башмакомъ. Ихъ столько гуляетъ по русской землѣ. И всегдашняя моя забота была—до самой смерти мужа—чтобы никто не считалъ меня тѣмъ, что французы называютъ «maîtresse-femme».

Въ домѣ, въ пріемахъ, въ тонѣ нашего совмѣстнаго жительства хозяиномъ былъ—или казался—онъ; и если онъ измѣнилъ свой холостой образъ жизни, то это вовсе не сказывалось въ томъ, онъ онъ совсѣмъ стушевывался или служилъ передо мною, какъ собака, на заднихъ лапкахъ.

Года за два до его смерти, когда онъ еще смотрѣлъ богатыремъ, я подмѣтила въ немъ желаніе какъ-бы «выслужиться» передо мною, говорить больше и чаще о томъ, чѣмъ я интересовалась, брать на прочтеніе книги, какія онъ находилъ на моемъ бюро, участвовать въ общихъ разговорахъ *моихъ* гостей, у меня въ кабинетѣ, при чемъ онъ, все замѣтнѣе, мѣнялъ свой прежній насмѣшливый тонъ, не позволялъ себѣ никакихъ остротъ надъ тѣми, кого я приблизила къ себѣ, какъ людей мнѣ самыхъ симпатичныхъ.

Но *своя* жизнь уходила отъ него, и это начало меня смущать. И даже иногда щемило меня. Я стала упрекать себя въ томъ, что я какъ-бы сознательно его обезличиваю.

Прежде онъ былъ яркій продуктъ бытовой жизни, и все въ немъ было свое, съ печатью несомнѣнной оригинальности. А теперь онъ точно сѣлъ между двухъ стульевъ и только вистовалъ, какъ партнеръ. Не трудно было мнѣ подмѣчать и то, что онъ часто скучаетъ.

Прежде у него были женщины, балетъ, скачки, крупная

игра въ клубѣ и въ Монте-Карло, куда онъ пересталъ ѣздить, попойки, всегдашній антуражъ такихъ же прожигателей жизни—богатыхъ виверовъ и прихлебателей.

А теперь онъ ото всего этого, какъ-бы по принципу, уходилъ. И замѣнить чѣмъ-нибудь своимъ, какой-нибудь забавой или дилеттантствомъ—не умѣлъ. Даже къ лошадямъ онъ сталъ охладѣвать; въ клубъ ѣздилъ, но игралъ въ коммерческія игры, почти охладѣлъ и къ зрѣлищамъ, а въ концерты началъ ѣздить со мною, какъ будто съ большимъ интересомъ; но опять-таки безъ увлеченія какимъ-нибудь композиторомъ или исполнителемъ.

Онъ сталъ совсѣмъ корректный въ разныхъ вкусахъ; но его прежнее «я» исчезло, а новаго онъ не пріобрѣталъ.

VII.

И вотъ подползла полоса разложенія — сначала его физической природы.

Этотъ богатырь—сразу сталъ больнымъ. Три такихъ органа, какъ сердце, почки и печень—почти одновременно.

Тутъ было и наслѣдственное предрасположеніе, и отплата за ту широкую жизнь, какую онъ велъ холостымъ.

У него не было никакой мнительности и гораздо меньше малодушія, чѣмъ можно было ожидать въ такой натурѣ, какъ онъ.

Сначала онъ не хотѣлъ серьезно лѣчиться, но поддался моимъ настояніямъ. Я его возила на воды, жили мы и въ двухъ заграничныхъ санаторіяхъ. Но онъ видимо таялъ послѣ острыхъ періодовъ и сильныхъ страданій.

Всего больше смущало меня его сердце. Одна изъ берлинскихъ знаменитостей прямо сказала мнѣ, что смертная опасность—именно въ сердцѣ и что грудная жаба можетъ унести его и черезъ годъ.

Такъ оно и случилось. И что было для меня особенно тяжко... и трогательно—это то, что онъ всѣмъ своимъ духовнымъ «я» показывалъ мнѣ—какъ онъ несчастливъ тѣмъ, что не успѣетъ еще болѣе слиться со мною «въ едино тѣло и единъ духъ»—какъ онъ часто выражался.

И это не была сентиментальная фраза. Онъ, въ передышки между припадками, только и твердилъ, что ему надо считать жизнь не годами, а мѣсяцами.

Все, чѣмъ онъ могъ выказать мнѣ свое пылкое чувство и пониманіе, и даже преклоненіе—все это онъ проявлялъ каждую секунду.

Тогда только я стала горько пенять себѣ, что была съ

нимъ не такой, какъ онъ этого заслуживалъ, если не вообще какъ личность, то какъ любящій человѣкъ.

Но этимъ прошлаго не перемѣнишь. Даже и въ моменты такого «раскаянія» я чувствовала, что во мнѣ нѣтъ и половины того, что́ жило въ немъ.

Жалость все покрывала; но жалость не страсть, не полный захватъ чувства къ живому существу. И я не могла обманывать себя, да и не хотѣла.

Онъ первый заговорилъ о моемъ положеніи, какъ его будущей вдовы.

Я неохотно шла на такіе разговоры; но онъ очень вѣско, съ подъемомъ эмоціи, сказалъ мнѣ:

— Надо объ этомъ говорить просто. Я долженъ теперь же, при жизни, всѣмъ распорядиться. Тебѣ нѣтъ надобности входить въ это. Но я—какъ видишь—въ полномъ умѣ и твердой памяти—выговорилъ онъ съ усмѣшкой въ глазахъ,—и мое завѣщаніе не будетъ оспариваться; а если и найдутся охотники, то они ничего у тебя не оттягаютъ.

Это выдвигало вопросъ о моихъ собственныхъ средствахъ къ жизни. У меня было приданое, но очень скромное, которое сводилось къ маленькой рентѣ. Но онъ владѣлъ милліоннымъ состояніемъ, которымъ могъ распорядиться, какъ ему угодно. Родового имѣнія у него не было. Я знала, что по закону я имѣю долю въ его движимомъ и недвижимомъ состояніи—и только.

Но я усиленно устраняла себя отъ всего, что́ могло бы показать хотя-бы и такое желаніе обезпечить себя на широкую ногу.

Передъ тѣмъ, какъ онъ составилъ свое завѣщаніе, онъ сказалъ мнѣ:

— При жизни—я все дѣлилъ съ тобою. Хочу, чтобы и послѣ моего *ухода* было то же самое. Отъ меня ты—надѣюсь—все можешь принять. Никого ты не обидишь—у моихъ ближайшихъ родственниковъ у всѣхъ хорошія средства. А какъ ты будешь употреблять излишки своего дохода—это уже дѣло твоей души, и я увѣренъ, что ты найдешь имъ употребленіе гораздо лучшее, чѣмъ сдѣлалъ бы это я.

И онъ прибавилъ веселѣе:

— Вы, женщины, стѣсняетесь говорить о деньгахъ. Но воздухомъ жить нельзя. Ты давно привыкла жить съ извѣстными привычками. Съ какой же стати, молодой женщинѣ, на свободѣ, не пользоваться тѣмъ, что послѣ меня пошло бы людямъ совсѣмъ для меня постороннимъ?

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

На это нечего было возражать.

Совѣсть моя была чиста, и меня сокрушало только то, что безпощадный недугъ уводилъ мужа моего изъ жизни, тогда именно, когда я надѣялась дойти до пробужденія во мнѣ настоящаго чувства.

Меня совсѣмъ не тѣшило то, что я и тутъ осталась «повелительницей».

Повелительницей кого? Умирающаго человѣка, который сдѣлаетъ меня—правда, по доброй волѣ—обладательницей всего своего состоянія?

Я не отказалась отъ этого. Но первой моей мыслью было сохранить это состояніе и завѣщать его—когда уйду изъ жизни—на дѣло, чуждое всякаго личнаго тщеславія и славолюбія.

Это я ему и сказала, когда онъ въ послѣдній разъ говорилъ о своей предсмертной волѣ.

VIII.

Пришелъ моментъ прощанія съ жизнью моего богатыря.

Такой сильный, еще недавно полный всякихъ позывовъ и аппетитовъ въ своемъ чувствѣ ко мнѣ, такой изумительно-выносливый и пылкій, съ возрастающею надеждой добиться безусловной взаимности. И вдругъ такая смерть!

По складу моей натуры, я не любила останавливаться на мысли о смерти... и раньше, до болѣзни мужа. Ни на своемъ концѣ, ни на концѣ близкихъ. Потеря родителей была для меня ударомъ, но не вызвала никакихъ «оборотовъ на себя»—я бы считала это постыднымъ малодушіемъ.

Если бъ я даже и стала искать чего-нибудь въ «потустороннемъ» мірѣ, я бы все-таки не соединяла этого съ жаждой *личнаго* блаженства въ загробной жизни. Такое благочестіе не трогаетъ меня въ самыхъ прославленныхъ угодникахъ.

Да у меня никогда не было такой фантазіи, чтобы представить «во-очію» безконечное, безмятежное, блаженное бытіе.

Мой умъ отказывается представить себѣ это. Вѣчность—не для насъ—смертныхъ и ограниченныхъ существъ.

И какая это должно быть à la longue—нестерпимая скука, если прикинуть такое вѣчное блаженство къ человѣческой психикѣ; а иначе, какъ человѣческимъ чувствомъ и разумѣніемъ мы вѣдь не въ состояніи ничего понять и оцѣнить.

я.—Почему же одно лицо, вмѣсто кружка, если оно имѣетъ большія средства, не можетъ предложить вамъ это?

— Это совсѣмъ другое дѣло!

Онъ даже покраснѣлъ.

— Почему? Угодно—я сдѣлаю это фактомъ общественнымъ... Сдѣлаю это анонимно...

— Онъ, все равно, узнается.

— Весьма вѣроятно. Но надо же быть выше такихъ щекотливостей.

У него блеснули на рѣсницахъ слезы.

— Я тронутъ, я глубоко тронутъ... но поймите... Вы милліонерша... и вы молодая, прекрасная собою женщина.

— При чемъ тутъ моя наружность?

— И сейчасъ пойдутъ толки... что вотъ я васъ увлекъ и воспользовался этимъ увлеченіемъ, создалъ себѣ субсидію въ такую-то сумму.

— А какъ же большой русскій композиторъ принялъ такой же дружескій даръ отъ женщины?

— Да... Но это было дѣло его совѣсти. Но и то мнѣ лично было всегда тяжело, когда злые языки перебирали это на свой ладъ.

— Будьте выше этого!.. Или вамъ дорого ваше призваніе, ваше творчество—и тогда гарантія свободы и досуга—не можетъ не быть вамъ пріятной? Или вы ставите выше этого... что̀ скажутъ—qu'en dira-t-on?

— Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Но я боюсь за нашу дружбу. Къ ней не должно быть примѣшано ничего такого.

— Но вѣдь я не могла бы даромъ брать у васъ уроки? А тутъ больше ничего, какъ тотъ же гонораръ... положимъ, увеличенный; но вѣдь для такой богачки, какъ я—это ровно ничего не значитъ.

XVI.

Онъ все-таки же не далъ полнаго согласія.

Но... «la glace est rompue», и теперь это вопросъ времени. Я своего добьюсь.

Меня необыкновенно освѣжаетъ сознаніе, что такая одаренная личность будетъ освобождена отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ, и этимъ я выражаю только половину моего дружескаго чувства къ нему.

Можетъ-быть, я увлекаюсь и ставлю его слишкомъ высоко.

Мой скептическій пріятель уже отпускаетъ шуточки на эту тему.

Говоря о немъ, онъ называетъ его не безъ иронiи:

— Вашъ *геніалъ*.

Но это не ревность. Онъ признаетъ въ немъ талантъ, но самъ къ музыкѣ равнодушенъ и повторяетъ:

— Я тутъ не судья! Но важно то, что въ вашемъ внутреннемъ мірѣ это интересный и согрѣвающій васъ *мотивъ*— подчеркнулъ онъ.—Особенно теперь.

Считая меня, до сихъ поръ, «съ холодкомъ», онъ врядъ ли боится, какъ бы изъ этого «интереса» не вышло захватывающей страсти.

Страсть захватила бы, но не дала мнѣ того безкорыстно-чуткаго пониманія всего, къ чему тянется эта трепетная душа.

Когда онъ, у меня въ кабинетѣ, ночью — не раньше перваго часа—сядетъ за рояль и начнетъ «бродить» по клавишамъ, говоря вполголоса отрывистыя фразы, по которымъ я могу слѣдить за полетами его творческой фантазіи—мнѣ кажется, будто и я участвую въ этихъ полетахъ. Я ловлю налету всякое слово и по одному звуку чую то, что́ ему представляется, въ эту минуту, въ видѣ лучезарнаго или трагическаго образа.

И если бы въ моей натурѣ лежалъ запасъ зависти—кому бы я могла завидовать, такъ именно этому «музыкантику» — какъ его навѣрно зовутъ нѣкоторые изъ моихъ друзей.

Неужели мнѣ никогда не удастся пойти дальше моего любительства? Это было бы слишкомъ обидно. Но мой музыкантъ не льстивый маркизъ моего двора. Онъ находитъ во мнѣ не однѣ только виртуозныя способности, но и творческія «предрасположенія»—какъ онъ выражается.

Такъ или иначе, но и мой мудрый духовникъ недаромъ приводитъ слова Базарова—насчетъ того, какъ *нужно* набивать чемоданъ жизни.

И не кое-какъ, а памятуя о формулѣ старенькаго мудреца Джона Стюарта Милля, на которой онъ также настаиваетъ.

Можетъ случиться, что кто-нибудь изъ моихъ «habitués» начнетъ, какъ мужички говорятъ, «щунять» моего музыканта.

Что жъ! Это будетъ курьезно. Но я сумѣю все это привести «къ одному знаменателю».

Да и врядъ ли до этого дойдетъ. Каждый изъ нихъ слишкомъ высоко ставитъ свое «я». И смотритъ на все и на всѣхъ съ высоты своего «міроразумѣнія», или своихъ «исканій», или своихъ «états d'âme».

Вообще же всѣ они любятъ музыку и до сихъ поръ кромѣ ласковыхъ словъ мой музыкантъ ничего отъ нихъ не слыхалъ. Моя же музыкальность ихъ положительно привлекаетъ.

Чего же больше?

XVII.

Если, въ числѣ моихъ друзей, нашелся бы прямой соперникъ моему музыканту, то это другой «Веніаминъ»—поэтъ-символистъ, взыскующій «потусторонняхъ» видѣній и тоже, по-своему, «не отъ міра сего».

У меня къ нему нѣжность... въ родѣ материнской. Это не самообманъ. На влюбленности въ него никогда я себя не ловила... раньше, до смерти мужа, не ловлю и теперь, когда я съ нимъ еще ближе сошлась.

Онъ гораздо красивѣе музыканта. Голова у него точно у какого средневѣкового барда. Прозрачная блѣдность кожи, глубокій, часто вспыхивающій или затуманенный взглядъ темнокарихъ глазъ, свѣтлокаштановые волосы, что-то необычайно плѣнительное въ улыбкѣ и несомнѣнно прирожденная наивность при всѣхъ исканіяхъ его гибкаго ума и чуткой души.

Это такой же цвѣтокъ, какъ и мой композиторъ, нуждающійся въ ласковомъ, нѣжномъ уходѣ за собою.

У композитора натура болѣе бурная, менѣе ясная, склонная къ «наитіямъ», которыя вызываютъ въ немъ почти болѣзненную борьбу съ своимъ творческимъ «я». А у этого—точно рядъ грезъ. Онъ безъ всякой борьбы переходитъ отъ одного настроенія къ другому. Онъ можетъ послѣдовательно побывать въ разныхъ «сферахъ бытія», какъ онъ выражается. Въ лирическихъ ли пѣсняхъ, или въ стихотвореніяхъ въ прозѣ, въ цѣлыхъ разсказахъ или думахъ на самыя отвлеченныя темы—онъ вездѣ вѣренъ себѣ. Это все онъ же; но грезы различны. И онъ одинаково вѣритъ въ нихъ.

Вотъ это-то въ немъ и плѣнительно.

Надъ нимъ смѣются, и за глаза, и въ статьяхъ разныхъ газетныхъ шавокъ. Когда онъ выступаетъ гдѣ-нибудь, какъ лекторъ — ему говорятъ рѣзкости. Это все съ него слетаетъ. Онъ волнуется, ему бываетъ больно. Съ нимъ даже случилось что-то въ родѣ обморока. Но это только его слабые нервы и весь его тѣлесный составъ; а душа остается все такая же. Въ немъ есть цѣлый кладъ вѣры въ высшія духовныя радости, въ «таинственную прелесть бытія».

Это не самодовольный оптимизмъ сытаго буржуа или самовлюбленнаго интеллигента. Это—грезы поэта, для котораго тайны всемірной жизни полны неизсякаемой прелести.

Мистикъ ли онъ? Да, въ общемъ—конечно. Но онъ «внѣисповѣдный», онъ и самъ такъ называетъ себя. Ему дорога красота религіознаго быта. Онъ не хочетъ разрывать съ «вѣрой отцовъ»; но всякіе споры о догматахъ ему противны.

Въ немъ нѣтъ и аскета. Для этого онъ слишкомъ влюбленъ въ жизнь, но не «обывательскую»—какъ онъ выражается, а ту, что̀ кроется подъ вещественной оболочкой.

Для него все—только подобіе—«ein Gleichniss»—любимое его слово изъ знаменитой фразы Гёте въ концѣ второй части «Фауста».

А философски онъ называетъ это «Schein»—не то призракъ, не то подобіе. Поэтому онъ и могъ бы перенести всякіе удары судьбы. Поэтому-то онъ, по-своему, также «не отъ міра сего», какъ и его *соперникъ*-музыкантъ.

Его онъ ставитъ очень высоко, говоритъ о немъ всегда съ нѣжностью, слушаетъ его съ видимымъ наслажденіемъ.

Вѣроятно, когда тотъ «бродитъ» по клавишамъ, мой символистъ уносится въ потустороннія сферы и творитъ, подъ эту музыку, въ видѣ вереницъ идей или образовъ.

И все, что̀ онъ скажетъ музыканту—всегда такъ ново, поэтично, неожиданно.

Разумѣется, на оцѣнку буржуазнаго «здраваго смысла», все это отзывается «блаженненькимъ», какъ его иногда, подъ шумокъ, и называетъ мой духовникъ; но это-то въ немъ и трогательно... и мое материнское чувство принимаетъ все это, какъ должное.

XVIII.

Такой мужчина можетъ ли онъ сдѣлаться «властителемъ» моихъ «думъ»?

Очевидно—нѣтъ. Будь я сентиментальнѣе, чувствуй я полное одиночество—я бы могла привязаться къ нему, какъ женщина, и безъ всякаго материнскаго оттѣнка. Но изъ нихъ обоихъ такой ходъ чувства возможенъ былъ бы скорѣе съ музыкантомъ. Когда тотъ въ «трансѣ» своего творчества, я чувствую всегда особое влеченіе къ нему... не эротическое, правда... Но какъ опредѣлить, въ каждую данную минуту, какого рода чувство загорается въ васъ?

Съ моимъ вторымъ «Веніаминомъ» я не испытываю ничего такого. Я только любуюсь. Я способна переноситься въ его міръ, когда онъ мнѣ читаетъ что-нибудь свое или «грезитъ на яву», при мнѣ, въ моемъ кабинетѣ, сидя на низкомъ табуретѣ, около той кушетки, гдѣ я лежу.

И *это* мой другъ-скептикъ отлично понимаетъ.

Онъ на обоихъ Веніаминовъ смотритъ совершенно, какъ моя нянька.

«Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось—только бы не плакало».

Музыканта онъ считалъ бы «опаснѣе», если бъ ревновалъ меня или вообще боялся, для меня, *запоздалаго* увлеченія.

«Запоздалымъ» онъ бы не считалъ никакого чувства, если бъ даже во мнѣ оно и заговорило.

По этой части онъ ничего за меня не боится. Онъ увѣренъ въ томъ, что на настоящую страсть я не способна.

А флёрта онъ для меня желаетъ. И, ужъ, конечно, лучше съ однимъ изъ моихъ Веніаминовъ. И въ томъ, и въ другомъ онъ увѣренъ. Ни съ однимъ изъ нихъ я бы не «зарвалась». Да и его глазъ тутъ былъ бы неизмѣнно. Все это выходило бы «en famille».

Я вотъ такъ дурачусь про себя, а на душѣ у меня совсѣмъ не «ангелы поютъ», какъ говаривали у насъ дома, когда я была дѣвочкой.

Мой символистъ понялъ *интуитивно*, съ чѣмъ я осталась послѣ смерти мужа. Не навязывая мнѣ своихъ «діагнозовъ», онъ разъ, съ глубокой проницательностью, точно ясновидящій, опредѣлилъ мою «надсаду» (это его слово), подлинный характеръ той горечи, которую оставила мнѣ потеря мужа, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я стала вѣрить въ то, что и мое чувство къ мужу будетъ такое же, какъ и его ко мнѣ.

На-дняхъ онъ говоритъ мнѣ:

— Дорогая моя! Другой бы, на моемъ мѣстѣ, сталъ васъ вводить въ два особыхъ потусторонникъ міра.

— Какихъ это?—остановила я его.

— Вы знаете, что я дружу съ теософами. И, кажется, васъ, еще недавно, интриговалъ этотъ видъ религіознаго настроенія.

— Я объ нихъ что-то совсѣмъ забыла.

— На обыкновенный аршинъ... послѣ удара, показывающаго, воочію, всю тлѣнность и тщету нашего земного существованія, великое благо—уйти въ такую вѣру, гдѣ настоящее есть именно только «Schein», только «Gleichniss» и гдѣ для нашего «я» открываются безконечныя перспективы безтѣлесныхъ переживаній.

— Да,—замѣтила я.—Но отъ буддійской Нирваны вѣетъ холодомъ.

— Можно ее и не признавать. Есть теософки, считающія себя хорошими христіанками. Но я васъ понимаю. Васъ этимъ не прельстишь. Не прельстишь и тѣмъ, чему предаются мои пріятельницы-спиритки.

— Конечно, нѣтъ,—очень твердо выговорила я.

— Вы будете искать другихъ откровеній. Они должны исходить изъ реальной жизни. Такова ваша натура.

И это очень вѣрно и глубоко. Хоть его мой мудрый совѣтникъ и считаетъ «блаженненькимъ», но и онъ ничего лучше бы не сказалъ.

XIX.

Остальные два «habitués» моихъ обѣдовъ и вечеровъ говорятъ только уму, запросамъ чисто-отвлеченнаго характера.

Изъ нихъ—философъ мнѣ гораздо ближе—и по своему воспитанію, и по тону. Я ему обязана моей теперешней подготовкой. Въ какихъ-нибудь двѣ зимы онъ сдѣлалъ изъ меня хорошую слушательницу какого угодно философскаго курса. Онъ давалъ мнѣ темы для небольшихъ рефератовъ, которые вызывали очень оживленныя пренія.

По своей «платформѣ»—какъ нынче говорятъ—онъ сторонникъ идеализма, и, прежде всего, старался о томъ, чтобы не допускать меня по «наклонной плоскости» матерьялистическаго направленія.

Но я ему сразу сказала:

— Профессоръ! Позвольте мнѣ самой во всемъ разобраться. Матерьялисткой я не желала бы быть; но не хочу и замыкаться ни въ какую догму.

Онъ отнесся къ этому терпимо; хотя въ немъ, рядомъ съ мыслителемъ, сидитъ и вѣрующій человѣкъ. Онъ единственно—за обѣдомъ или завтракомъ—крестится, садясь за столъ. Его религія придерживаетъ своимъ обаяніемъ, какъ сердечная связь съ дѣтствомъ, съ народомъ, съ поэзіей мистическихъ переживаній.

Изувѣрства въ немъ нѣтъ; но онъ стоитъ и за обрядъ, придавая ему особое символическое значеніе. Въ этомъ онъ сходится съ моимъ вторымъ Веніаминомъ. И между ними никогда не выходитъ споровъ. Но профессоръ—болѣе систематическій умъ.

Какъ съ человѣкомъ, я стала сближаться съ нимъ довольно быстро. Онъ давно женатъ и отецъ семейства; но жена—чахо-

точная и почти безвыѣздно живетъ заграницей, переѣзжая изъ одного санаторія въ другой. Я ее никогда не видала. При ней состоятъ двѣ дѣвочки.

Женился онъ слишкомъ рано, и не трудно было распознать, что цѣлая половина его души остается безъ удовлетворенія.

Натура у него скорѣе пылкая. Въ немъ, до сихъ поръ, сидитъ студентъ. Его философски-религіозное credo не помѣшало ему выработать изъ себя настоящаго «лѣваго». И гдѣ бы онъ ни выступалъ публично, всегда онъ выберетъ такую тему, которая не можетъ быть пріятна нашимъ «сферамъ».

Я ему, и въ этомъ смыслѣ, многимъ обязана. При жизни мужа я избѣгала политическихъ разговоровъ: онъ былъ слишкомъ большой скептикъ по этой части. Подъ вліяніемъ такого руководителя, какъ мой профессоръ, я, не дѣлаясь «завзятой радикалкой»—стала гораздо прямѣе и послѣдовательнѣе относиться ко всѣмъ основнымъ вопросамъ общественной морали.

Наши общія симпатіи и антипатіи все закрѣплялись и—на этой почвѣ—могло бы произойти гораздо болѣе теплое сближеніе.

Помѣшала болѣзнь мужа и то, что́ я пережила съ его потерей. Но душевное одиночество — по возвращеніи домой— могло бы только дальше повести наше сближеніе. Я давно уже начала замѣчать, что въ немъ заговорило и мужское чувство. И только особаго рода запоздалая стыдливость дѣлала его болѣе сдержаннымъ.

Но, какъ мужчина, онъ былъ для меня гораздо дальше, чѣмъ оба мои Веніамина, особенно музыкантъ. Я слишкомъ привыкла вести съ нимъ отвлеченные разговоры и мнѣ было бы болѣе, чѣмъ странно, если бъ онъ, ex abrupto, заговорилъ со мною, какъ мужчина, желающій моей любви.

Мой духовникъ частенько уже поговаривалъ, что профессоръ «вынашиваетъ въ себѣ моментъ любовнаго озаренія».

Онъ же давно пришелъ къ такому афоризму:

«Какія бы то ни было умственныя отношенія съ красивой и молодой женщиной непремѣнно перейдутъ въ флёртъ или въ болѣе серьезную связь».

— Только я отъ этого застрахованъ,—прибавляетъ онъ всегда.

XX.

Въ видѣ дополненія къ философу № 1— другой habitué моихъ средъ уже прямо «богоискатель».

Мой саркастическій другъ прозвалъ его:

«Человѣкъ звѣринаго числа».

Онъ выступалъ и въ печати и на публичныхъ преніяхъ—съ толкованіемъ Апокалипсиса. А тамъ вѣдь стоитъ число «666»—символъ «звѣря», подъ которымъ можно понимать императора Нерона.

Я имъ никогда не увлекалась и считала его вполнѣ искреннимъ. Въ немъ мистика сочеталась съ разными протестами—часто прямо революціонными. Можетъ быть, въ этомъ сказывается и старая «закваска». Онъ вѣдь вышелъ изъ рядовъ самыхъ крайнихъ соціалистовъ. И до сихъ поръ онъ на современный строй общества смотритъ почти какъ анархистъ, возмущается его неправдой и хищничествомъ капитализма.

Когда онъ разойдется на эту тему, то я точно присутствую на митингѣ «товарищей».

Хорошо и то, что онъ никогда не пытался—обратить меня въ свою вѣру.

Но *какая* эта вѣра—я до сихъ поръ ясно не вижу. По соціальнымъ вопросамъ это иногда революціонный марксизмъ, иногда революціонное народничество. Въ религіозныхъ—это обработанный по-своему катехизисъ, но съ безконечными порываніями въ царство символической мистики.

Каюсь, онъ для меня болѣе курьезный типъ, чѣмъ кто-либо. Но отъ него всегда многое услышишь такое, чего въ книжкахъ не найдешь. Онъ оригинальнѣе моего профессора, въ немъ чувствуется и народная стихія.

По происхожденію, онъ—изъ духовнаго званія, и долгая университетская «учеба» (какъ онъ часто говоритъ) не вышла этой основы его психики.

Какъ мужчина, онъ уже совсѣмъ не существуетъ для меня. Наружность у него мрачно комическая; голова какого-то миѳическаго звонаря, съ гривой безпорядочно кудрявыхъ, мужицко бѣлокурыхъ «космъ»—иначе трудно выразиться.

Но и въ немъ вспыхиваетъ несомнѣнная страстность, когда онъ говоритъ о «вѣчно-женскомъ» элементѣ, о бракѣ, о тѣхъ обманахъ, которыми половой инстинктъ опутываетъ злосчастное человѣческое «я».

Никто такъ не можетъ говорить на эту шопенгауэровскую тему, какъ онъ.

Если бъ онъ позналъ страсть—а можетъ-быть онъ и прошелъ черезъ нее—для него дѣйствительно женщина превратилась бы въ «дьявольскій сосудъ».

Въ моемъ мужскомъ антуражѣ нѣтъ ни одного моднаго

вожака—депутата, хлесткаго публициста, адвоката по громкимъ политическимъ процессамъ.

Кажется, мой профессоръ немножко отводилъ меня отъ «культа злободневныхъ знаменитостей». Можетъ-быть, боялся вліянія какого-нибудь «эсъ-эра» или даже махроваго бойца изъ партіи «народной свободы». Но я и сама къ этому не стремилась.

Мнѣ хотѣлось—и до сихъ поръ еще хочется—дойти до болѣе цѣльнаго и свободнаго «самоопредѣленія». А для этого надо воздерживаться отъ «злобы дня». Иначе какъ разъ будешь страдать тѣмъ, что не только мой профессоръ, но и мой совѣтникъ-духовникъ называютъ двумя кличками: «кружковщина» и «направленство».

Что же можетъ быть банальнѣе—попасть въ секту не только лондонскихъ суффражистокъ, но и россійскихъ феминистокъ?

XXI.

Въ моемъ «салонѣ» тонъ задаютъ исключительно мужчины. Подругъ, пріятельницъ—у меня нѣтъ. Не осталось и товарокъ по дѣвическимъ свѣтскимъ выѣздамъ.

Мужъ мой женился на мнѣ съ репутаціей великаго женолюба, но его побѣды были больше въ театральныхъ сферахъ и въ томъ классѣ, который граничитъ съ міромъ галантныхъ женщинъ, хотя бы онѣ и принадлежали къ «обществу» и состояли при законныхъ мужьяхъ.

Скажу прямо: женщинъ—вообще—я не очень-то люблю. Не изъ чувства соперничества, не изъ какихъ-либо личныхъ счетовъ—нѣтъ! И никогда я и никого не ревновала къ мужу, ни дома, ни въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы выѣзжали. Правда, онъ и не подавалъ къ тому никакого повода.

Мнѣ всегда или прѣсно, или даже тошно въ женскомъ обществѣ. Суетность и вздорность дамскихъ разговоровъ—еще дѣвицей—я съ трудомъ могла выносить. И ни одна умная личность, какихъ я встрѣчала до самаго послѣдняго времени, не любитъ дамскаго общества—кто бы она ни была—свѣтская женщина, или дѣловая, или увлекающаяся чѣмъ-нибудь интеллигентнымъ.

Присматривалась я и къ нашимъ феминисткамъ; но въ пріятельство съ ними не вступала. Даже самыя умныя и убѣжденныя—все-таки «выученицы» мужчинъ. Въ нихъ я не вижу ничего *своего*. И платформы ихъ слишкомъ уже прямолинейны.

Онѣ повторяютъ все одно и то же. Впередъ знаешь—какую онѣ выпустятъ фразу. У большинства ихъ заряженность противъ мужского пола—только маска. Онѣ сами обезьянятъ съ этихъ «тирановъ» и «хищниковъ». Если женщина подавлена мужчиной, то не въ томъ классѣ общества, къ которому онѣ сами принадлежатъ.

Я, на основаніи своего житейскаго опыта, скажу, что у насъ жены совсѣмъ «затюкали» мужей. Нигдѣ, заграницей мужчины не играютъ такой роли, какъ у насъ—такъ безвольны передъ своими «дражайшими половинами».

Иностранки давно это подмѣтили, особенно француженки. Навѣрно, и про моего мужа его пріятели говорили, что я его «прикрутила». А сама я скажу теперь, когда все уже позади, что женщина съ умомъ и волей можетъ поставить себя такъ, что ея личность будетъ совершенно обезпечена во всемъ, что́ она считаетъ нужнымъ добыть. И я могла, какъ членъ общества, предаваться какой угодно дѣятельности. И теперь могу. Но не вижу большой сладости въ томъ, чтобы «нашей сестрѣ» дали право засѣдать, если не въ государственной, то въ городской думѣ.

И я прямо сторонилась отъ заядлыхъ феминистокъ. Въ моемъ антуражѣ самыя развитыя должны были бы только повторять то, что́ для нихъ припасли мужчины. А главное—онѣ находили бы, что у меня собирается кружокъ, лишенный политико-соціальнаго духа, безъ всякой революціонной закваски. Ни одна изъ нихъ не выноситъ ни модернизма и его исканій, ни мистики, ничего, отзывающагося метафизикой.

А свѣтскія болтушки заводили бы только флёрты, интересничали, вносили съ собою воздухъ шумной и безвкусной суетности.

Я сдѣлала исключеніе для одной только дамочки. Съ нею мы давно знакомы. Она сдѣлалась ученицей моего музыканта, кажется, одно время «безумно» въ него влюбилась, не овладѣла имъ и настолько оказалась умненькой и чуткой натурой, что не перемѣнилась въ своемъ высокомъ уваженіи къ его личности и высшей одаренности, къ его идеямъ и порываніямъ въ области музыкальнаго творчества.

Изъ нея вышла бы прекрасная музыкантша; но она слишкомъ нервна и черезчуръ отдается всякимъ впечатлѣніямъ, чтобы бить все въ одну точку и дойти до настоящихъ результатовъ.

Она бываетъ и на нашихъ бесѣдахъ, хорошо слушаетъ и часто дѣлаетъ очень остроумныя замѣчанія.

XXII.

Ее зовутъ всѣ «Люля». Такъ и говорятъ:

— Видѣлъ Люлю... Люля васъ цѣлуетъ.

А фамиліи никто никогда не прибавляетъ.

Она, въ моемъ антуражѣ, какой-то пестрый красивенькій цвѣтокъ, или птичка-колибри съ яркими перышками. И говоръ у нея такой же: искристый, съ переливами голоса, съ маленькой, милой шепелявостью. Одѣвается она въ такомъ же жанрѣ: очень молодо, пестренько, но въ своемъ оригинальномъ стилѣ.

Безъ нея у меня было бы ужъ черезчуръ... не скучно, а серьезно, съ очень приподнятымъ тономъ бесѣдъ. Одинъ только мой скептикъ-духовникъ вноситъ нѣкоторую ноту юмора и отводитъ разговоръ къ болѣе реальнымъ предметамъ.

Онъ дѣлаетъ видъ, что ухаживаетъ за Люлей, всегда подсядетъ къ ней за чайнымъ столомъ и смѣшитъ ее... Да и вообще она всѣмъ имъ нравится, даже и мистику.

Но «исканій» въ ея душѣ нѣтъ никакихъ, въ ихъ духѣ. Она ищетъ постоянно, но не того... У нея, въ сущности, скучающая душа, но чисто женская. Она ищетъ «интереса». Это слово значитъ, на ея жаргонѣ, увлеченіе кѣмъ-нибудь. Черезъ много такихъ «интересовъ» она проходила, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась молоденькой вдовой. Былъ слухъ, что она хотѣла покончить съ собой—послѣ разрыва съ кѣмъ-то. Это было еще до нашего знакомства.

Но она не изливается со мною, какъ бы, навѣрно, желала этого сама. Я ей внушаю, вмѣстѣ съ несомнѣнной симпатіей, и особаго рода «респектъ»—это ея собственное слово.

Ей самой всегда хочется вызвать во мнѣ разговоръ «по душѣ», заглянуть хоть въ уголокъ моего «я».

Недавно, оставшись со мною, съ глазу на глазъ, она говоритъ мнѣ своимъ дѣтски-ласковымъ тономъ:

— Смотрю я на васъ, дорогая, слушаю... и все спрашиваю себя—неужели такая женщина, какъ вы—останется такъ... въ пространствѣ, безъ какого-нибудь настоящаго интереса.

Я знала, что это слово означаетъ въ ея жаргонѣ.

— Вы все насчетъ любви?—пошучивала я.

— Ну, да, я знаю... вы можете мнѣ возразить: а изъ вашихъ исканій что вышло? Пшикъ! Такъ это уже моя несуразная натура. Мнѣ на роду писано все трепетать, все волноваться, то хандрить, то хохотать. Вы не такая... Вы—одно слово: «пове-

лительница», какъ васъ здѣсь давно прозвали. Но вѣдь это все равно, что быть королевой. Всѣ повинуются, всѣ преклоняютъ колѣна. Но вѣдь у правительницы есть сердце. И она можетъ выбрать себѣ такого вѣрноподданнаго, котораго она приблизитъ къ себѣ и сдѣлаетъ даже своимъ повелителемъ.

— И вы желали бы этого для меня?

— За васъ нечего бояться. Вы, когда полюбите всѣмъ сердцемъ, не будете ничьей рабой. Но, сколько я своимъ умишкомъ смекаю, до сихъ поръ вы еще не знали, что́ такое любовь, достойная васъ. Тогда все, чѣмъ вы теперь живете—и музыка, и литература, и всякіе философскіе вопросы— все это освѣтится совсѣмъ иначе... А то такъ и совсѣмъ уйдетъ на задній планъ. Полетитъ вверхъ тормашками!—дѣтски-весело вскричала она.

— И вамъ бы очень хотѣлось, чтобы все это съ меня слетѣло.

— Что жъ! Каюсь! Хотѣлось бы! Пускай васъ схватитъ это, какъ вихрь, и завертитъ. Не на вѣкъ! Вы не такая, а хоть на годикъ, на полгодика!.. Вы расшибетесь! Но жизнь ваша сдѣлается въ милліонъ разъ краше!

Она вся разгорѣлась, развивая свою тему.

XXIII.

Разъ она, заставъ меня еще въ моей спальнѣ—я только-что надѣла пеньюаръ—присѣла ко мнѣ на низенькій пуфъ, около туалетнаго столика, гдѣ я сидѣла, положила мнѣ руку на колѣно и, глядя на меня, по-дѣтски, снизу вверхъ—начала вдругъ жалѣть меня, въ особомъ тонѣ.

— Погляжу я на васъ, дорогая,—начала она,—и такъ мнѣ васъ сдѣлается жалко.

— Почему?—почти удивленно спросила я.

— Потому, что вы только притворяетесь, что живете, а, въ сущности, въ пространствѣ.

— Какъ же это—въ пространствѣ?—переспросила я

— Да такъ! Можно съ вами говорить—совсѣмъ на чистоту?

— Пожалуйста!

— А что не такъ скажу—простите. Но я отъ моего чувства къ вамъ. Что вы меня не такъ любите, какъ я васъ, это вполнѣ понятно. Вы личность, крупная фигура, *повелительница*—какъ васъ давно прозвали. А я такъ себѣ, барынька...

мечусь, ищу, хандрю, увлекаюсь и не могу найти себѣ ничего такого, что́ бы меня поставило на рельсы. Но вѣдь и вы не живете.

И тутъ она, сложивъ кисти рукъ, все еще на моихъ колѣняхъ, и положивъ на нихъ голову, уже совсѣмъ дѣтскимъ жестомъ, продолжала:

— Вы теперь одиноки... Вы потеряли въ мужѣ своего раба.

— Почему раба?—остановила я.

— Онъ въ васъ души не чаялъ. Вы его покорили себѣ по ноги. Но скажите, дорогая, положа руку на сердце, развѣ вы его любили такъ, чтобы съ нимъ у васъ ушло изъ жизни все, рѣшительно все?

Въ первый разъ мнѣ ставили категорически такой вопросъ, вотъ такая «дамочка», какъ эта Люля.

Но она говорила такъ искренно и мило, что я скорѣе была тронута.

— Вы, быть можетъ, и правы,—сказала я, отведя отъ нея мое лицо.

— А вы вѣдь—повелительница! Великолѣпная женщина! Въ полномъ блескѣ и силѣ. И умница, и даровитая, и богатая, можете царить гдѣ и какъ угодно. А вотъ простого счастья, какое есть у самой заурядной бабенки, или барыни, магазюльки, швеи, горничной—у васъ нѣтъ.

— И у васъ вѣдь нѣтъ, Люля?

— Обо мнѣ что говорить! Я—шалая. Мнѣ на роду написано—метаться зря. Но вы... Вѣдь все, чѣмъ вы теперь живете—все это только гарниръ, а не самая суть жизни женщины... и такой, какъ вы... Окружили себя, правда, цѣлымъ ассортиментомъ мужчинокъ изъ высшей интеллигенціи... Чего тутъ нѣтъ! На всякіе вкусы. Но вѣдь ни одинъ изъ нихъ не заставитъ забиться ваше сердце! Начиная съ нашего маэстро. Я еще увлекалась имъ... а у васъ нѣтъ ни малѣйшаго интереса, какъ къ мужчинѣ. Остальные и того хуже. Все это для ума, для времяпровожденія, для обстановки. Ни одинъ не заставитъ васъ жить всѣмъ своимъ существомъ.

Она была такъ мила, въ эту минуту, что я ее поцѣловала. Даже глаза у нея сдѣлались влажны отъ искренняго волненія.

— Такъ складывается жизнь,—какъ бы про себя вслухъ выговорила я.

— Нѣтъ!—Я съ этимъ не согласна! Вы точно нарочно уходите отъ настоящей жизни.

Она встала. Мы пересѣли на диванчикъ.

XXIV.

Люля потянулась ко мнѣ и взяла обѣ мои руки.

— Дорогая! Какъ бы я была счастлива, если бъ исполнилась моя мечта.

— О чемъ?

— Да все о томъ же!

И она подмигнула мнѣ своими хорошенькими глазками.

— Конечно, я не имѣю никакого права давать вамъ совѣты. Что такое я—рядомъ съ вами! Въ родѣ какъ «мальчишка и щенокъ»! Ха, ха! Но воля ваша—вамъ надо перемѣнить валъ.

— Какой валъ?

— А знаете... какъ на шарманкахъ. Надо вамъ... немножко по-другому жить.

— Такъ вотъ... мыкаться, какъ вы?

— У меня изъ этого ничего путнаго не выходитъ; а у васъ выйдетъ... навѣрно... Отъ вашихъ мужчинокъ никакой настоящей жизнью на васъ не пахнетъ. Нашъ маэстро будетъ васъ тѣшить своимъ талантомъ и всякими полетами въ высоту... Но все это — сухояденье... А объ остальныхъ и говорить нечего!

И, помолчавъ, она точно выпалила:

— Нужно, чтобы явился онъ! И если вы захотите—онъ явится.

— Онъ—повторила я полушутливо.—Непремѣнно онъ!

— Нельзя безъ этого! Не проживете. И лучше теперь, чѣмъ позднѣе, когда мужчина можетъ превратить нашу сестру въ настоящую рабу.

Тутъ она начала извиняться, нѣсколько разъ, стоя надо мною, обняла меня и убѣжала, кинувъ мнѣ на ходу:

— Я васъ такъ не оставлю! Сердитесь—не сердитесь!

Ея дребезжащій голосокъ еще дрожалъ у меня въ ушахъ, и я все еще сидѣла въ той же позѣ, съ поникшей головой.

И кто-то точно сталъ мнѣ нашептывать:

«А развѣ эта тараторка не права? Загляни поглубже въ самое себя—и ты рискуешь найти тамъ пустоту. Берегись»!

Я стряхнула это съ себя и начала сейчасъ же выполнять «программу своего дня», какъ я обыкновенно называю.

Да, но эта «программа», быть можетъ впервые, встала передо мною неотразимымъ доказательствомъ того, что я тренирую себя по извѣстному рецепту, набиваю свой жизненный

чемоданъ, какъ Базаровъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», но что у меня нѣтъ ничего такого, что́ бы съ утра до ночи согрѣвало меня или заставляло жить хотя бы миражемъ особыхъ душевныхъ настроеній!

«Программа»!

Это хорошо для ученаго, для писателя, для дѣльца, но я ни то, ни другое, ни третье.

Изъ всего того, чѣмъ я наполняю свой досугъ—ничего творческаго не выйдетъ. Много-много, что буду съ *brio* играть любую сонату Бетховена или ноктюрнъ Шопена и сочинять дилетантскіе «impromptu», подражая моему музыканту.

И неужели только? Или изъ года въ годъ читать философскія и другія книги, собирать у себя сливки интеллигенціи, писать рефераты и участвовать въ преніяхъ?

Тогда, если искать «диверсіи» (какъ сказалъ бы мой скептическій другъ), не лучше ли ужъ уйти съ головой въ самую избитую благотворительность? По крайней мѣрѣ, тамъ можно что-нибудь толковое создать, найти, быть можетъ, какую-нибудь живую идею, новое средство борьбы съ безбрежнымъ моремъ всякой нищеты, грязи, заброшенности, умственнаго мрака, одичанія—здѣсь же, въ той самой столицѣ, гдѣ я предсѣдательствую на нашихъ говорильняхъ, вдаваясь въ жалкій самообманъ.

Неужели Люля глубоко права?

XXV.

Въ нашемъ «идейномъ» театрѣ, на первомъ представленіи, гдѣ бываетъ сборъ всѣмъ частямъ интеллигенціи и свѣтскаго общества, я была въ креслахъ; я всегда бываю одна и сидѣть въ ложѣ не люблю. И все та же Люля подскочила ко мнѣ, въ первый же антрактъ, и присѣла на свободное мѣсто.

— Какъ же вы одна?—залепетала она.

— Я всегда одна.

— И никого около васъ... никого изъ вашихъ habitués!

— Они не театралы.

— Мнѣ было бы скучно одной... А вы замѣтили—кто ко мнѣ сейчасъ подходилъ?

— Я и васъ еще не видала. Вѣдь вы сидите сзади меня.

— Да. Простите... Жаль, что не взглянули... Посмотрите, онъ стоитъ въ проходѣ... около моего кресла.

— Безъ лорнета... я плохо вижу.

— Возьмите лорнетъ.

— Я не люблю этой манеры.

— Вы и такъ... разглядите.

На проходѣ я увидала рослую мужскую фигуру. Голова брюнета, кажется, очень красивый профиль. Одѣтъ въ смокингѣ и бѣломъ жилетѣ. Большое distinction.

— Кто это?—спросила я вполголоса.

И почему-то, точно противъ желанія, приставила лорнетъ къ глазамъ.

— Ага! Вотъ видите... Не правда ли, какой интересный?

— Кто же онъ такой?—повторила я.

— Кто! Мужчина... какихъ у насъ совсѣмъ нѣтъ.

— Вы съ нимъ давно знакомы?

— Нѣтъ... только съ этого сезона.

— И что же?

Я шутливо подняла глаза съ восторженнымъ выраженіемъ. Она поняла этотъ жестъ.

— Ха, ха! Что жъ! Сразу онъ мнѣ далъ *шокъ*... какъ нынче по-модному выражаются. Но я испугалась.

— Будто?

— Честное слово. Простите за вульгарную поговорку: «не по носу табакъ». Такой съѣстъ тебя безъ остатка. Да, я испугалась... и сразу же успокоилась. И тогда же сказала—вотъ кого мнѣ надо познакомить съ вами.

— Почему же со мною?

— Вы его не испугаетесь. А для васъ онъ будетъ диверсіей... на фонѣ вашего салона. Какъ контрастъ. И вы его покорите «подъ ноги»...

— А развѣ это нужно?

— Мнѣ было бы очень пріятно.

Красивый брюнетъ всталъ уже лицомъ къ намъ, но мнѣ сдѣлалось неловко—еще разъ навести на него лорнетъ. Я даже отвела голову въ другую сторону.

— Дорогая... позвольте мнѣ подвести его къ вамъ.

— Зачѣмъ это?

Я сказала это искренно и, вѣроятно, съ гримасой; но какое-то темное любопытство шевельнулось во мнѣ.

— Ну, позвольте... И онъ очень просилъ меня. Видите, онъ идетъ. Будетъ неловко. Что же вамъ стоитъ? Вѣдь вы не обязаны—сейчасъ же приглашать его къ себѣ. Случайное знакомство въ театрѣ—что же можетъ быть обыкновеннѣе...

Я только пожала плечами; но больше не отнѣкивалась.

И мгновенно Люля подбѣжала къ нему; а черезъ нѣсколько секундъ подвела ко мнѣ и представила.

Фамилію я не сразу запомнила. Имени и отчества она не назвала, а сказала только: «Monsieur такой-то».

Онъ низко поклонился, и тутъ только я, безъ лорнета, быстро, но отчетливо схватила весь его обликъ.

Что-то дѣйствительно очень красивое и... сдержанно смѣлое... почти дерзкое во взглядѣ его «бархатныхъ» глазъ.

XXVI.

Люля стушевалась, а онъ попросилъ позволенія сѣсть рядомъ.

И какъ это было странно и необычно для меня: новые, для меня, духи—очень тонкіе, шедшіе отъ него, стали меня точно щекотать. Такой голосъ я слышала также въ первый разъ: баритонъ, съ ласкающими переливами средняго регистра. Я подумала, кто онъ, можетъ быть, пѣвецъ.

Но тотчасъ же я стала глядѣть на него. Онъ сидѣлъ въ полоборота, съ нѣсколько опущенной головой. Мнѣ на такомъ близкомъ разстояніи—уже не нуженъ былъ лорнетъ.

Такой именно наружности я не встрѣчала, ни здѣсь, ни въ заграничныхъ поѣздкахъ.

Не то, что̀ называютъ «писаный красавецъ», но изъ ряда вонъ — по всему своему облику, стану, абрису головы, игрѣ физіономіи.

Должна признаться: я и до смерти мужа, и послѣ нея, не испытывала еще—ни отъ одного мужчины — такого... вотъ именно «шока», какъ сказала недавно Люля.

Именно «шокъ». Я даже разсердилась на себя и сѣла въ кресло лицомъ къ рампѣ, такъ, чтобы не глядѣть на него.

Но я продолжала его чувствовать, тутъ рядомъ. И его духи волновали меня, и голосъ ласкалъ мое ухо.

Въ томъ, что̀ онъ говорилъ тогда, не было ничего особеннаго. Тонъ воспитаннаго человѣка, но въ какомъ-то своемъ родѣ: его нельзя было принять ни за здѣшняго фешенебля, изъ стародворянскаго круга, ни за теперешняго «сверхъ-купца», ни за бывшаго военнаго, скорѣе за артиста вообще... Можетъ-быть, даже за актера.

Впервые я почувствовала — въ чемъ обидно и теперь сознаваться—что мнѣ было безразлично — что̀ онъ говоритъ; но его голосъ и тонъ волновали меня на совершенно новый ладъ.

Въ нихъ я какъ бы слышала какой-то скрытый вызовъ. Точно онъ говорилъ мнѣ, безъ словъ:

«Ты, до сихъ поръ, считала себя повелительницей. Но застрахована ли ты отъ того, черезъ что всякая женщина съ душой и темпераментомъ должна пройти?».

Это впечатлѣніе вылилось именно въ такую мысленную фразу, когда онъ отошелъ отъ моего кресла, но съ такимъ видомъ, что онъ еще вернется, въ одинъ изъ антрактовъ.

Подскочила Люля и шепнула: — Ну что? Какъ на вашъ вкусъ?

Я пожала плечами. Банальность этого вопроса покоробила меня. — Не сердитесь? Скажете мнѣ спасибо.

Она меня поцѣловала и отлетѣла.

Въ первый антрактъ онъ не просилъ у меня позволенія— быть у меня въ мой пріемный день. И меня стало точно что покалывать, когда, во второй антрактъ, онъ не подходилъ. Я подавила въ себѣ это чувство и пристыдила себя. Однако, меня что-то погнало въ фойе, куда я обыкновенно не хожу, потому что не люблю никакой толпы.

И мы тамъ съ нимъ столкнулись. Онъ шелъ изъ буфета одинъ, держа голову нѣсколько откинутой, на вершокъ выше всѣхъ почти мужчинъ. Голова его, въ толпѣ, казалась еще живописнѣе.

Когда онъ ко мнѣ подошелъ и обласкалъ меня взглядомъ своихъ бархатныхъ глазъ, то въ этомъ взглядѣ промелькнуло какъ бы:

«Кто кого искалъ—я васъ или вы меня?».

Меня это очень больно кольнуло; но я все-таки прошлась съ нимъ взадъ и впередъ по фойе.

XXVII.

На другой день, утромъ, за кофеемъ, я прежде всего попеняла себѣ за то, что я вчера, когда онъ подсѣлъ ко мнѣ, въ послѣдній антрактъ, и, откланиваясь, наклонился и взялъ мою руку, чтобы ее поцѣловать, я ему это позволила.

Но отдернуть было бы странно. Этого теперь требуетъ самая ходячая вѣжливость: всякій студентикъ, каждый кадетикъ и гимназистъ прикладывается сейчасъ же къ вашей рукѣ.

Я не прикладывалась, при этомъ, къ его головѣ, но вся какъ-то внутренно встрепенулась.

Неужели это былъ своего рода «шокъ»?

А на его почтительно выраженный вопросъ:

— Вы разрѣшите быть у васъ... Въ какой день вы принимаете?

Я отвѣтила:

— Очень рада. Въ четвергъ я всего чаще бываю дома.

Но какъ же мнѣ было иначе отвѣтить? И что́ же тутъ было такого необычайнаго? Почему я стала пенять себѣ? Точно, я въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то смущена, чего-то боюсь.

Красивый брюнетъ, а потомъ что́ же? Съ какой стати я точно производила надъ собою какое-то самовнушеніе?

Ну, онъ нанесетъ мнѣ визитъ. Къ моему антуражу онъ не подойдетъ. И, если я приглашу его на одну изъ нашихъ бесѣдъ, онъ и окажется среди моихъ «habitués» самымъ ординарнымъ «кавалеромъ» и пойметъ, что онъ тутъ «не ко двору».

Но всѣ эти соображенія и оговорки все-таки не успокаивали меня.

И когда, въ тотъ же день, завернула ко мнѣ Люля, мое первое внутреннее движеніе было—почти «отдѣлать» ее за то, что она, не спросясь меня предварительно, навязала мнѣ знакомство съ этимъ господиномъ—особенно послѣ всего того, что́ она у меня болтала на тему интереснаго мужчины, и того, что́ такъ жить, какъ я, значитъ только прозябать и обманывать себя.

Но она была «невмѣняема» и, порывисто обнимая меня, выпалила:

— Ну что, дорогая? Каковъ мой выборъ? А?

Это слово «выборъ» могло придать всему разговору очень банальный характеръ, и я не позволила ей болтать дальше въ такомъ же тонѣ.

— Красивъ...—умышленно сухо выговорила я.—Но, кажется, и только!

— О! Умница... Шельма!

— Даже и «шельма»?

— Вы увидите. Но это-то и интересно.

— Да кто же онъ такой?

И тутъ я, тономъ старшей, сказала ей:

— Какъ же это вы, Люля, знакомите, не объяснивъ сначала—съ кѣмъ?

— Господи! Какъ строго! Какого-нибудь милостиваго государя я вамъ бы не представила. Вы видите у него дворянская фамилія. Изъ меценатовъ, былъ и военнымъ, долго жилъ за границей... у него голосъ... собирается, кажется, на оперную

сцену. У него порядочныя средства и хорошее родство. Говорятъ, что онъ ведетъ большую игру... Но кто же нынѣ не играетъ?

— И только?—полушутливо спросила я.

— Ахъ, Боже мой! Чего же вамъ больше? Свидѣтельство изъ охраны о его благонадежности?

Она выпятила губки.

— Какая вы недотрога-царевна! Право, я была бы рада, если бъ онъ васъ растормошилъ, стряхнулъ бы съ васъ всю эту неприкосновенность... Ха, ха! Скажете мнѣ же спасибо.

Чмокнула меня и также стремительно исчезла.

XXVIII.

Первый изъ моихъ друзей, кто нашелъ у меня *его* (мнѣ удобнѣе такъ называть его—безъ фамиліи и даже имени и отчества), былъ мой «духовникъ».

Просидѣлъ все время, до ухода того, говорилъ мало, обращаясь къ нему съ отмѣнной, почти чопорной вѣжливостью—на барскій ладъ, чего онъ почти никогда не пускалъ въ ходъ.

Я перехватила, раза два, его пытливый взглядъ, какимъ онъ обозрѣвалъ «незнакомца».

Вышло такъ, что я не имѣла повода—сообщить ему раньше о моемъ новомъ знакомствѣ. Да и онъ самъ—немного прихварывалъ и не былъ у меня больше двухъ недѣль.

Разговоръ зашелъ объ одномъ, надѣлавшемъ шуму романѣ—на модную тему «реабилитаціи плоти». Я его, въ свое время, прочла, и у насъ была даже бесѣда, гдѣ всѣ мои habitués высказывались очень горячо противъ тенденціи романа, обвиняли автора въ намѣренномъ развращеніи молодой публики.

И я была настроена въ такомъ же родѣ; но сама воздерживалась отъ слишкомъ рѣзкаго приговора.

Мой «духовникъ» и тогда держался болѣе спокойнаго тона, и его интересовала скорѣе литературная сторона романа, талантъ автора и реальная живость лицъ.

И теперь онъ высказался въ такомъ же смыслѣ. Но мой гость, обращаясь больше ко мнѣ, сталъ говорить совсѣмъ въ другомъ духѣ.

Онъ совсѣмъ *не хотѣлъ* становиться на точку зрѣнія моралиста, а сталъ указывать только на то, что пора покончить съ фальшью всего, что надо идти въ самую «суть» того вели-

каго инстинкта, безъ котораго не было бы никакой жизни на землѣ.

Я слушала его, нарочно закрывая глаза, и его тонъ, переливы голоса доставляли какое-то физическое удовольствіе, точно кто игралъ тутъ на моемъ любимомъ инструментѣ, віолончели.

Говорилъ онъ не какъ профессіональный «интеллигентъ», безъ всякихъ словечекъ и модныхъ терминовъ, но несомнѣнно, какъ человѣкъ, по-своему, начитанный и—главное—много жившій. Впервые, всѣмъ своимъ существомъ я чувствовала, что такъ высказывается не резонеръ, не лекторъ, не салонный краснобай, а мужчина, знающій себѣ цѣну въ глазахъ женщины.

Когда я раскрыла глаза, послѣ одной его тирады, взгляды наши встрѣтились, и я должна была невольно опустить рѣсницы.

Можетъ быть, это не укрылось отъ тонкой наблюдательности моего «духовника»; но, когда гость ушелъ, поцѣловавъ—красивымъ жестомъ—мою руку, то другъ мой сначала оглянулся на дверь, откуда тотъ вышелъ, а потомъ, подсѣвъ ко мнѣ на диванъ, сказалъ съ юморомъ и вполголоса:

— Кто сей?

Я ему разсказала, въ нѣсколькихъ словахъ, исторію нашего знакомства.

— Значитъ, наша шалая Люля подвела вамъ его съ намѣреніемъ?

— Вѣроятно.

— Найдя, что всѣ мы, завсегдатаи вашего «Hôtel Rambouillet»—все это сухая канитель, а надо настоящій объектъ женскаго интереса?

— Что же вы скажете, по первому впечатлѣнію?

Я этимъ вопросомъ уклонилась отъ настоящаго отвѣта и, конечно, онъ, какъ умница, сейчасъ же это понялъ.

— Скажу одно, вы вѣдь повелительница, и я вамъ желаю остаться и тутъ въ своей роли. Но съ такимъ, какъ этотъ таинственный незнакомецъ — надо и сильной женщинѣ держать ухо востро.

— Не пугайте!—пошутила я.

Мнѣ было почему-то весело и немножко жутко.

XXIX.

Познакомился съ *нимъ* и мой музыкантъ.

Я съ нимъ занималась. Это было передъ самымъ обѣдомъ. Обыкновенно я, въ эти часы, никого не принимаю.

Мы еще не кончили, когда лакей вошелъ, подалъ мнѣ карточку и доложилъ:

— Они просятъ извиненія... обезпокоить васъ на одну минутку.

Онъ вошелъ со словами:

— Простите... я не въ показанный часъ... Хотѣлъ только занести вамъ... вотъ эту книжку.

И онъ протянулъ мнѣ томикъ въ цвѣтной обложкѣ.

Неловко было не пригласить его присѣсть.

Музыкантъ мой съежился. Общаго разговора у насъ не вышло. И минутъ черезъ пять гость удалился.

Но творческое настроеніе слетѣло съ моего maestro; а онъ, подъ конецъ урока, только-что началъ «бродить» по клавишамъ.

Тотчасъ же онъ началъ собираться домой. Я его удерживала къ обѣду. Онъ не согласился.

— Простите... что этотъ визитъ васъ такъ разстроилъ.

— Ничего, ничего... но... я не знаю—въ этомъ господинѣ есть что-то глубоко для меня *диссонирующее*.

— Но вѣдь вы обожаете диссонансы въ вашихъ композиціяхъ?—пошутила я.

— Тутъ не можетъ быть никакого разрѣшенія.

Въ первый разъ въ его голосѣ задрожали какіе-то новые звуки. И нервное лицо точно проявляло внутреннюю боль.

Я подсѣла къ нему и протянула руку.

— Скажите... вамъ непріятно будетъ видать его у меня?

— Это, можетъ быть, только минутное впечатлѣніе... Но...

Онъ затруднился продолжать.

— Говорите, говорите!

— Да кто онъ такой?—еще нервнѣе выговорилъ онъ.

— Я хорошенько не знаю. Видите... свѣтскій человѣкъ... по-своему развитой.

— И бельомъ!

Это слово «бельомъ» вырвалось у него точно противъ воли.

— Почему же непремѣнно бельомъ? Красивый... Но что же изъ этого?

Я чувствовала, что во мнѣ что-то вдругъ поднялось тревожное. Мнѣ не нравилось то, что сейчасъ сказалъ мой милый maestro.

«Что это—ревность»? мгновенно подумала я.

До сихъ поръ, я не замѣчала въ немъ какъ-бы ничего, похожаго на влюбленность. И никогда я, ни тайно, ни явно, не старалась влюблять его въ себя. Если у насъ было, одно

время, что-то похожее на флёртъ, то чисто-духовный, эстетическій.

Но если въ немъ вдругъ заговорилъ мужчина, не было ли это признакомъ того, что онъ въ *немъ* зачуялъ «господина», который вторгся неожиданно въ нашъ интимный міръ? Значитъ, онъ зачуялъ и во мнѣ что-то новое.

И какъ подтвержденіе этого — онъ обронилъ такія слова, сказанныя съ опущенной головой и очень грустными нотами:

— Еще недавно... такой *красавецъ-мужчина* не проникъ бы сюда.

Это выраженіе «красавецъ-мужчина» кольнуло меня. Я точно обидѣлась, больше, должно быть, за гостя, чѣмъ за себя.

— Полноте,—сказала я тономъ старшей сестры. Нельзя быть такой мимозой. Вы должны быть выше всего этого...

— Чего же именно?—остановилъ онъ и такъ проникновенно поглядѣлъ на меня глубоко-грустными глазами.

Мнѣ стало почти жутко... и тревожно. Какое-то смутное предчувствіе чего-то, что̀ со мною фатально произойдетъ.

XXX.

И на той же недѣлѣ въ моемъ интимномъ антуражѣ вышло что-то въ родѣ—общаго возстанія всѣхъ моихъ habitués противъ *него*.

Можетъ быть, я неосторожно поступила, что сказала ему:

— По воскресеніямъ у меня завтракаютъ мои *друзья*.

Онъ сейчасъ же воспользовался этимъ косвеннымъ приглашеніемъ.

А, какъ разъ, на этомъ завтракѣ были всѣ мои—въ сборѣ. Люли не было. Я ее на завтраки обыкновенно не звала.

Всѣ, сразу, сжались, начиная съ моего maestro. Онъ сидѣлъ нервный, щипалъ свою клинообразную бородку, молчалъ и весь какъ-то обдергивался. Это было всѣми тотчасъ же замѣчено, и всѣ—нѣтъ-нѣтъ—да и переглянутся между собою.

Еще мой «духовникъ» держался своего обычнаго шутливаго тона, но и онъ былъ не въ ударѣ, и въ немъ я зачуяла нѣчто въ родѣ вопроса:

«Съ какой стати вы ввели этого господина въ нашъ интимный кружокъ? Развѣ мы васъ просили объ этомъ?»

Меня задѣла такая нетерпимость. Точно будто я не была хозяйкой въ собственномъ домѣ. За завтракомъ у насъ разговоръ

былъ всегда общій, больше житейскій, безъ всякой особенной идейности и безъ интимныхъ изліяній.

Какъ-то вдругъ разговоръ опять зашелъ о «сенсуализмѣ», о томъ романѣ, гдѣ «торжество плоти» явилось у насъ съ такимъ воинственнымъ вызовомъ всему, что́ русская интеллигенція считала, до сихъ поръ, своимъ нравственнымъ credo.

И опять онъ, не вступая ни съ кѣмъ въ споръ, проводилъ ту мысль, что подъ возмущеннымъ протестомъ «моралистовъ» кроется много фальши, что дѣло *реальной* литературы—вскрывать то, что́ есть, а не повторять общія мѣста старомоднаго идеализма.

Всѣ слушали его съ такимъ видомъ, что они и не желаютъ возражать ему. А на меня бросали они недоумѣвающіе взгляды, въ особенности профессоръ и «богоискатель», какъ его въ шутку прозвали у меня.

Не то, что́ говорилъ *онъ*, а выраженіе его физіономіи, то, какъ онъ смотрѣлъ на нихъ—во всемъ этомъ чувствовалась увѣренность въ себѣ и безусловное превосходство его, какъ властнаго *мужчины*, надъ всѣми этими «головастиками», какъ онъ, навѣрно, про себя обзывалъ ихъ.

Стали расходиться послѣ завтрака раньше обыкновеннаго. Онъ не пересиживалъ ихъ и удалился однимъ изъ первыхъ. Мой скептическій другъ не позволилъ себѣ никакой остроты на его счетъ; но, уходя, сдѣлалъ такую мину, оглядывая остальныхъ: вотъ молъ «вы отъ нихъ получите репримандъ».

И репримандъ былъ сначала общій, а потомъ и въ разбивку. Музыкантъ вздыхалъ, и у него вырывались возгласы глубокаго огорченія. Профессоръ уничтожалъ съ высоты своего философскаго «я». Символистъ въ первый разъ началъ подтрунивать надо мною, находя, что у меня обнаружилась «патологія нездоровыхъ инстинктовъ».

Послѣднимъ ушелъ «богоискатель».

Онъ, блѣдный и трепетный, взялъ меня за руку и со слезами въ голосѣ сталъ «отчитывать», точно я у него въ исповѣдальнѣ—на духу.

— Берегитесь, родная. Этотъ господинъ точно посланъ вамъ какой-то невидимой нечистой силой, чтобы...

— Чтобы наложить на меня печать звѣринаго числа?—добавила я.

Одно было слишкомъ ясно: всѣ они, каждый по-своему, ревнуютъ меня къ этому человѣку, который подавляетъ ихъ своей вѣрой въ себя, въ свое право побѣдителя въ борьбѣ за полноту радостей и наслажденій жизни.

XXXI.

Со мной что-то дѣлается... Мнѣ надо взять свою голову въ обѣ руки и уйти въ себя, встряхнуться, вспомнить, кто я, что̀ я собою изображаю.

До сихъ поръ, черезъ всѣ мои переживанія я провела свою личность, боролась, работала надъ собою, а, главное, *добивалась* того, чего хотѣла достигнуть. Такъ было и при жизни мужа... Я его побѣдила, а не онъ меня. И если мое чувство къ нему не дошло до той черты, о какой я начала мечтать, то тутъ вмѣшалась судьба—его болѣзнь и смерть.

Но вопросъ: полюбила ли бы я его такъ, какъ хотѣла? Развѣ это можно вырабатывать, какъ какую-нибудь философскую систему или планъ дѣйствій въ практической жизни, или сюжетъ романа, драмы?

Я осталась все-таки съ душевной пустотой, и мое горе, когда я потеряла его, не было горемъ страстно любящей женщины.

Страсть! Я ея не знала... и боялась. Она была для меня синонимомъ рабства передъ мужчиной. И я тѣшила себя своей ролью «повелительницы». Цѣлый годъ вдовьяго одиночества ни разу не вызвалъ во мнѣ чисто-женской тоски. Какъ будто даже я внутренно радовалась тому, что плаваю въ воздухѣ безусловной свободы.

Не знала я и просто скуки. Выше всего я ставила полное душевное равновѣсіе.

И вотъ теперь на меня что-то налетѣло. Что-то въ родѣ «надрыва», какъ нынче любятъ выражаться. Какая-то тяга къ чему-то, или точно предчувствіе недуга, когда ничего опредѣленно не болитъ, но вамъ сдается, что сразу вы свалитесь.

Неужели оттого только, что явился *онъ*?

Какъ это банально! Но что-нибудь да есть. Отчего же всѣ мои друзья такъ разомъ стали противъ него. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ на меня никакихъ хищныхъ видовъ. Но они почувствовали *обиду* за меня. Для нихъ я не должна, я не смѣю имѣть никакого увлеченія, да еще къ красавцу-мужчинѣ, какъ они чуть не вслухъ называютъ его.

Что онъ такое? Что представляетъ своей личностью? Чѣмъ, кромѣ наружности, можетъ привлекать такую женщину, какъ я—съ моей обостренной требовательностью?

Я не знаю. Ничего не знаю! До сихъ поръ, онъ для меня

точно совсѣмъ не личность. Въ немъ, для меня, нѣтъ какъ бы никакихъ особенныхъ чертъ, ни въ характерѣ, ни въ умѣ, ни въ образованіи.

Одно я чувствую всѣмъ своимъ женскимъ я: этотъ мужчина сознаетъ силу своего обаянія, какъ никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ жизнь сталкивала меня...

Теперь такъ злоупотребляютъ словомъ «гипнозъ»; но я начинаю понимать, что «внушеніе» можетъ исходить отъ человѣка, даже если онъ и не производитъ надъ вами никакихъ опытовъ.

Но вѣдь я еще не потеряла головы. Я могу думать, уходить въ себя, воля моя еще не парализована. Я полная хозяйка своего я.

Полно, такъ ли? Захочу—и выкину изъ головы всякую «бабью» дурь? Но захочу ли? И въ *немъ* ли одномъ, въ этомъ мужчинѣ—сидитъ причина моей тревоги? А не въ томъ, что въ его лицѣ мститъ за себя все то, что́ я такъ долго подавляла въ себѣ? Что-то точно нашептываетъ мнѣ:

«Не уйдешь ты отъ того, черезъ что́ должна была пройти!»

XXXII.

Но Боже—куда я иду? Что́ со мною дѣлается?

Ѣду въ своемъ «auto», передъ обѣдомъ, въ сумерки. Но фонарей еще не зажигали.

На перекресткѣ, мимо меня проѣхалъ другой автомобиль и, поворачивая, немного замедлилъ ходъ. Я почему-то оглянулась и сейчасъ же узнала песочно-желтый экипажъ Люли.

Ея рожица выплыла съ темнаго фона шелковой обивки. И рядомъ другое лицо—его лицо. Да, это былъ онъ, хотя я и въ первый разъ видѣла его въ высокой цилиндрической шляпѣ.

Ихъ лица были такъ близки. Оба—возбужденные, радостные... И мнѣ показалось, что ихъ губы слились.

Можетъ быть, мнѣ это только представилось; но кровь бросилась мнѣ въ щеки, сердце ёкнуло, что-то въ родѣ мгновеннаго забытья охватило меня. Я встряхнулась. Автомобиль Люли уже исчезъ за угломъ.

Что-то дикое захватило меня, такое негодованіе, такая ярость, какихъ я никогда не испытывала въ жизни.

Эта Люля сдѣлалась мгновенно, въ моихъ глазахъ, «пре-

зрѣнной тварью». Она подвела мнѣ его, она умышленно сыграла роль развратительницы, чтобы тайно издѣваться надо мною, позволила своему возлюбленному начать правильную атаку и когда я буду близко къ «паденію»—явиться ко мнѣ и подшучивать.

— Что? Поймались! Вы не устояли! И это я подвела васъ. Онъ давно мой! И только, если я это позволю, вамъ достанутся крошки отъ моей трапезы.

Я вся захолодѣла; въ горлѣ истерическая спазма. Въ глазахъ помутилось. Вотъ сейчасъ схватитъ меня настоящій обморокъ.

Шоффѣръ остановился у магазина, куда я раньше приказала ему ѣхать. Но я совсѣмъ обезсилила, опустила стекло и крикнула ему:

— Не надо! Сейчасъ домой!

Дома я раздѣлась и легла въ постель, въ халатѣ. Старалась увѣрить себя, что это—иллюзія, что я не видала никакого поцѣлуя; а что они ѣхали вмѣстѣ—что́ же тутъ особеннаго? Люля подвозила его куда-нибудь, и они весело болтали.

О комъ? Обо мнѣ?

Навѣрно, она все отъ него выспрашивала. А мужчина, да еще такой «красавецъ-мужчина»—всегда радъ все разболтывать.

Не могла дольше лежать. Было уже совсѣмъ темно. Я сообразила, что Люля вернулась домой. У ней всегда кто-нибудь обѣдаетъ.

Подбѣгаю къ телефону, звоню. Она дома.

— Что вамъ, дорогая?

— Вы ѣхали сейчасъ въ автомобилѣ съ нимъ?

Даже не назвала фамиліи; но она сейчасъ же поняла—съ кѣмъ.

— Ѣхала. Вы насъ видѣли? И что же?

Тонъ самый наивный и веселый.

— И цѣловались?

— Мы? Нѣтъ еще. До этого у насъ не доходило... да и не дойдетъ. Онъ говорилъ все про васъ, голубчикъ.

Это слово «голубчикъ» звучало новой, для меня, фамильярностью.

— Я не желаю быть предметомъ вашей болтовни.

— Да что вы... дорогая? Ха, ха!.. Вы, я вижу, уже *ревнуете*.

И это жаргонное «ревнуете» выбило изъ пазовъ.

— Молчите! Я не хочу слушать такихъ пошлостей.

— Господь съ вами! Вы нездоровы. Прощайте!

И дала отбой.

Мнѣ стало до боли стыдно за себя. Свернувшись на кровати, я вдругъ громко разрыдалась.

XXXIII.

Навѣрно, Люля передала ему мое объясненіе съ ней.

Мнѣ стало донельзя стыдно, когда я пришла въ себя. Но этотъ стыдъ смѣнился тотчасъ же неудержимымъ желаніемъ—видѣть его, говорить съ нимъ, слышать его голосъ.

Адресъ его стоялъ на визитной карточкѣ, которая лежала у меня на столикѣ, въ вазочкѣ. Есть ли у него телефонъ—я не знала. Онъ ни разу не говорилъ со мною по телефону. Я взяла книгу адресовъ и стала лихорадочно искать его фамилію. Нашлось еще два его однофамильца; но не онъ, не его имя и отчество.

Я одумалась. Если бъ я и нашла номеръ его телефона—безуміе было бы вызывать его сейчасъ же на разговоръ. И о чемъ? О томъ, что Люля передала ему уже.

Что я ему скажу, если бъ онъ вдругъ явился ко мнѣ... А онъ пріѣдетъ, не дальше, какъ завтра. Это мой день. Написать ему, что я не принимаю—глупо! Это значило бы выдать себя.

Мнѣ стало такъ не по себѣ, что я пролежала весь вечеръ на кушеткѣ съ сильнѣйшей невралгіей въ правой половинѣ головы. И должна была лечь совсѣмъ въ постель—къ десяти часамъ.

На другой день я ждала, что прилетитъ, еще до завтрака, Люля. Она молчала. А вызывать ее на примирительный разговоръ—по телефону—я не хотѣла; боялась еще сильнѣе выдать себя.

Если она съ умысломъ познакомила меня съ нимъ—она должна теперь торжествовать. И еще ужаснѣе былъ бы тотъ фактъ, что она сама состоитъ съ нимъ въ интимныхъ отношеніяхъ.

Меня бросало изъ жара въ холодъ, когда все это бороздило мою душу. И съ каждыми десятью минутами меня начинало засасывать одно желаніе: видѣть его, говорить съ нимъ, слушать его голосъ!

Это было сильнѣе всего. Моя личность замирала, а властвовало одно тяготѣніе, слышалось внутри души одно властное слово.

«Внутри души!» Такъ ли это? Душа ли тутъ заговорила? А не тотъ ли инстинктъ, которымъ я такъ долго руководилась

когда голова, умъ, выдержка, сознаніе своего достоинства преобладали во мнѣ?

Я ничего не могла ѣсть за завтракомъ. И тотчасъ начала переодѣваться. Никогда еще я такъ долго не сидѣла за туалетнымъ столикомъ. Зеркало докладывало мнѣ, что лицо у меня слишкомъ блѣдно, цвѣтъ кожи—не свѣжій, глаза красны.

Это ужаснуло меня. Но что́ же было дѣлать? Не прибѣгать же къ гримировкѣ! Я кромѣ пудры никогда ничего не употребляю. Впервые кольнула меня мысль, что я старѣю, что свѣжесть уходитъ, если уже не ушла... И никакой туалетъ не возстановитъ то, что́ каждый лишній мѣсяцъ будетъ подъѣдать незамѣтно и безпощадно.

Ждать дѣлалось мучительно. О другихъ гостяхъ я не думала: врядъ ли кто изъ моихъ habitués пожелаетъ встрѣтиться опять съ *нимъ*. Развѣ мой духовникъ.

Звонокъ въ передней—на другомъ концѣ дома—я заслышала мгновенно.

Это *онъ*?!

Да, это былъ *онъ*. Когда онъ беззвучно входилъ въ мой кабинетъ—сердце у меня такъ стало замирать, что я, сидя въ креслѣ, инстинктивно взялась за руки, боясь, что со мною сдѣлается дурнота.

— Вы одна—какъ я радъ!

Точно благодатная струя свѣжаго воздуха пахнула на меня; я быстро встала и почти подбѣжала.

Поцѣлуй моей руки—какъ искра—отдался по всему моему тѣлу. И въ первый разъ я поцѣловала его въ голову.

XXXVI.

И какъ онъ велъ себя въ этотъ tête-a-tête! Это было нѣчто великолѣпное по мужской тактикѣ и стратегіи.

Во-первыхъ—ни единаго намека на то, что́ могла ему наболтать Люля. Это было такъ искусно разыграно, что дико было бы спросить его:

— А вы ѣхали вчера въ автомобилѣ съ Люлей?

Но что-то подсказывало мнѣ, что онъ все знаетъ и только «ведетъ свою линію».

Тутъ я въ первый разъ почувствовала, какъ мнѣ «все равно»—кто въ сущности этотъ человѣкъ: правдивый или лживый, рыцарь или хищникъ... Я какъ бы не хотѣла ничего такого знать.

Мнѣ слишкомъ было сладко слышать его голосъ, глядѣть на его лицо. Что бы онъ ни говорилъ—это все равно. Меня уже не стыдило и то, что онъ могъ все узнать отъ Люли. Что же такое? Ну, и узналъ! Узналъ правду! Узналъ то, что я уже способна изъ-за какой-то, быть можетъ, галлюцинаціи ихъ поцѣлуя въ автомобилѣ—такъ выдать себя.

Это сразу облегчило меня. Если оно такъ—чего же ему больше?

Но онъ продолжалъ держать себя, точно онъ сидитъ тутъ въ цѣломъ обществѣ, а не съ глазу на глазъ съ женщиной, которая, изъ-за него, способна была такъ вести себя.

Онъ сидѣлъ около меня, на низкомъ креслѣ.

Обласкавъ меня взглядомъ, онъ другимъ, болѣе задушевнымъ, тономъ спросилъ:

— Вамъ нездоровится? Вы сегодня... очень блѣдны... Безсонница?

Но такъ могъ бы спрашивать меня и докторъ.

— Нѣтъ... ничего. Вчера была мигрень.

Тутъ онъ протянулъ ко мнѣ руку. Я дала свою, и онъ придержалъ ее.

— Какъ мнѣ васъ жаль!—выговорилъ онъ замедленно, не отводя отъ меня взгляда, который—я это чувствовала всѣмъ своимъ существомъ—притягивалъ меня физически.

— Почему?—полушепотомъ отозвалась я и отвела отъ него лицо. Мнѣ дѣлалось жутко. Въ сердцѣ опять начались перебои.

— Какъ почему? Вы не живете, вы изводите себя. Вы воображаете, что женщина можетъ уходить только въ свою интеллигенцію.

Это слово онъ произнесъ раздѣльно и съ явной ироніей.

— Не знаю,—съ трудомъ выговорила я.

Губы у меня точно извнутри поводило, и я боялась чего-то. Могу расплакаться. Можетъ выйти и что-нибудь... болѣе постыдное. И я почуяла, что еще пять минутъ такого состоянія—и я буду побѣждена.

Онъ къ этому велъ—намѣренно. Но я говорю такъ теперь, когда тотъ моментъ—уже отошелъ въ прошедшее, но тогда я уже не могла слѣдить за *его* поведеніемъ, докладывать себѣ, что онъ выдвигаетъ противъ меня такіе-то ходы.

—Бросьте все это,—слышались вибраціи его голоса.—Ищите того, что̀ даетъ только высшее блаженство. Другого нѣтъ для женщины.

И губы его прикоснулись опять къ моей рукѣ.

Я сидѣла трепетная, съ опущенными рѣсницами. Я ждала другого поцѣлуя. Я уже видѣла себя въ его объятіяхъ... Это ожиданіе было нестерпимо по своей... ѣдкости.

Но онъ сидѣлъ въ той же позѣ. Онъ выпустилъ мою руку изъ своей, а я все ждала чего-то... Говорю это безъ всякой утайки.

И... вышло то, что̀ должно было выйти. Я не выдержала такой пытки и сама, да! сама вся подалась къ нему—безъ словъ, вскинула руки на его шею и замерла въ безконечномъ поцѣлуѣ.

XXXV.

Все, что̀ я записала здѣсь за послѣдніе дни—я сегодня перечла и оставила это, какъ подлинный документъ.

Жизнь моя переступила на другую половину.

Неужели я уже не та, кто, еще мѣсяцъ тому назадъ, такъ сознательно руководила своимъ «я»?

Конечно, да! Но это «я»—въ чемъ оно состояло? Я постоянно думала, занимала себя, вела отвлеченные разговоры, окружала себя воздухомъ поклоненія моему уму и женскому обаянію... но жила ли я, какъ женщина?

Конечно, нѣтъ!

Теперь уже поздно стыдить себя за минуту женской слабости.

Ну да, я первая поцѣловала мужчину... и этотъ поцѣлуй повелъ меня далеко.

Но что̀ же въ этомъ ужаснаго? Кого я обманывала, какой завѣтъ нарушала? Я—свободная личность, не обязанная отчетомъ ни передъ кѣмъ! По-просту, житейски разсуждая, я,—какъ вдова—вольный казакъ. Ничего вызывающаго я не бросила тому обществу, въ которомъ живу.

Да, оно сводилось, въ сущности, къ маленькому кружку, почти исключительно мужскому.

Какъ мы, женщины, даже и считающія себя «эмансипированными», до сихъ поръ, ставимъ себя приниженно, по сравненію съ мужчинами!

Развѣ кто-нибудь изъ знакомыхъ мнѣ мужчинъ считаетъ себя «падшимъ» оттого, что онъ увлекся первой попавшейся бабенкой? И какое кому дѣлу до его интимной жизни?

А мы сейчасъ смотримъ на себя, чуть не какъ на падшее существо.

Въ васъ проснулось нѣчто... Пускай это будетъ капризъ. Это ваше дѣло. Вы за это будете отвѣчать не обществу, а самой себѣ, вашей собственной совѣсти.

Но это не капризъ. Я еще ничего такого не переживала. Если я ставлю своимъ высшимъ благомъ на землѣ свободу и душевное спокойствіе—я должна страшиться за нихъ. Я могу кончить полной потерей и того, и другого.

Уже теперь я чувствую, что мое прежнее «я» куда-то уходитъ. И мнѣ его не жалко. Въ ушахъ моихъ безпрестанно звучатъ тѣ слова, которыя онъ выговаривалъ такъ плѣнительно:

— Вы не живете!

Да, я не жила, а только устраивала себѣ обстановку, и не хотѣла сознавать—до какой степени все это было сухо и прѣсно, какъ я жестоко подавляла въ себѣ тотъ мощный призывъ къ радости и наслажденію. А ихъ дастъ только безумство любви.

Безумство? Пускай. Довольно мнѣ дѣлать надъ собою эксперименты. И я счастлива тѣмъ, что не хочу ничего разбирать, даже того, кто мною овладѣлъ, кому я отдалась такъ порывисто... что́ я въ немъ найду, какую душу.

Это почти чудовищно, что́ я сейчасъ говорю; но оно такъ.

Я *его* совсѣмъ не знаю и не хочу допытываться, какой онъ—высокая натура или самый обыкновенный мужчина, герой или хищникъ. Жизнь покажетъ это. Допускаю и теперь, что не онъ меня полюбилъ, а я его. Но развѣ тысячи самыхъ развитыхъ мужчинъ не увлекаются женщинами, которыя стоятъ неизмѣримо ниже ихъ во всѣхъ смыслахъ? И ни въ комъ другомъ они не находятъ того, что нашли въ этихъ, часто дрянныхъ бабенкахъ, или дѣвчонкахъ.

Не хочу ничего загадывать, бояться его, анализировать. Все это—гнилое резонерство, а не жизнь, не то, что́ трепещетъ во мнѣ, въ каждой жилкѣ.

XXXVI.

Вышло нѣчто очень тяжелое. И тутъ я увидала, что моя воля мнѣ уже не принадлежитъ такъ, какъ прежде, какъ еще мѣсяцъ назадъ.

Онъ оскорбилъ моего милаго маэстро — безъ всякаго прямого повода. Можетъ-быть, ему показалось, что тотъ, послѣ его прихода, сталъ ежиться и еле отвѣчалъ ему. Или это взрывъ ревности! Стало быть, онъ боится потерять меня? Нѣтъ, это не

ревность. Онъ слишкомъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Для него нѣтъ стоющихъ соперниковъ. Онъ не подозрѣваетъ, и въ недавнемъ прошломъ, что-нибудь болѣе интимное между мною и моимъ маэстро.

А это просто—«выявленіе своей воли»—какъ выразился бы мой профессоръ.

«Покажу, что здѣсь первый номеръ я».

Какъ это возмутило бы меня мѣсяцъ назадъ! Я заставила бы его извиниться передъ тѣмъ, при всѣхъ; а если бъ онъ отказался—я бы отказала ему отъ своего дома.

А теперь?

Объясненіе было неизбѣжно; но вотъ въ чемъ оно состояло.

Я говорю ему:

— Онъ мой испытанный другъ и самая чистая личность, какую я когда-либо встрѣчала въ жизни.

— Это при немъ и останется.

— Но *ты* былъ глубоко неправъ.

Это «ты» рѣзнуло меня самое: я съ нимъ на «ты», и эта близость, съ глазу на глазъ, дѣлаетъ меня какъ бы его тайной сообщницей.

— Можетъ-быть... Но такое было у меня настроеніе. И вообще я не выношу такихъ упадошныхъ маэстро, съ ихъ непомѣрными претензіями.

— Но согласитесь—это не можетъ оставаться безъ какого-нибудь выхода.

— Это его дѣло. Кто же ему мѣшаетъ прислать мнѣ вызовъ. Но это ему, вѣроятно, не улыбается. Онъ и тогда чуть не упалъ въ обморокъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить мнѣ въ такомъ же тонѣ или сдѣлать вызывающій жестъ.

— Но какъ же мнѣ быть... Это вышло у меня въ гостиной.

— Какъ знаешь!

И больше ни одного слова.

Дуэли не вышло. Въ выходкѣ противъ моего маэстро не было ничего формально-оскорбительнаго; но тонъ всей тирады былъ надменно-вышучивающій.

Вызова оскорбитель не получилъ, но я получила письмо отъ моего маэстро. На первой страницѣ я распознала слѣды слезъ.

Вотъ какъ онъ кончалъ его:

— «Какъ мнѣ ни горько будетъ уйти отъ васъ, но развѣ я могу бывать у васъ? Но меня еще сильнѣе огорчаетъ и страшитъ то, что́ произошло съ вами, на нашихъ глазахъ. Гдѣ же

ваше свѣтлое и могучее «я»? Неужели вы уже раба страсти, нашедшей себѣ такой объектъ! Господи!»

Это «Господи» звучало и на бумагѣ крикомъ сердца.

Мой кружокъ отхлынулъ отъ меня. Дѣло встало такъ: либо они, либо *онъ*? Это насиліе надъ моей личностью; но оно было неизбѣжно. Все равно — *онъ* бы ихъ выгналъ и я не нашла бы въ себѣ ни воли, ни желанія во что бы ни стало удержать ихъ.

Одинъ только духовникъ зашелъ ко мнѣ «прощаться».

— Почему прощаться?— спросила я въ большомъ смущеніи.

— Васъ надо оставить теперь на полной волѣ... Вами владѣетъ острый недугъ. Или онъ убьетъ вашу личность, или вы его превозможете. Предсказывать я не берусь.

Послѣ его ухода я тихо плакала.

XXXVII.

Въ эти записи я не заглядывала больше двухъ мѣсяцевъ.

Они пролетѣли какъ во снѣ.

Мнѣ сдѣлалось слишкомъ тяжело въ моемъ домѣ, послѣ того какъ я осталась одна—и всѣ друзья отъ меня отхлынули.

Послѣднія капли этой чаши доставила все та же Люля.

Она явилась тотчасъ же послѣ того, какъ пробилъ часъ поворота моей женской доли.

И вся—месть. Точно она выдаетъ меня замужъ. Ни одного намека на то, что́ между нами вышло у телефона. Но я ей дала сейчасъ же почувствовать, что я не желаю дѣлиться съ ней тѣмъ, что́ произошло въ моей интимной жизни.

И если бъ еще—съ ея стороны—какой-нибудь амикошонскій подходъ—я бы ее «выставила».

Надо было скрыться, убѣжать отъ всего этого старья.

Онъ всегда свободенъ. И первый предложилъ мнѣ уѣхать отъ здѣшней непогоды и слякоти—на «лазурное прибрежье».

Вотъ когда насталъ мой медовый мѣсяцъ. Въ купе поѣзда, мчавшаго насъ на французскую Ривьеру, я впервые почувствовала себя «молодой», перешедшей отъ брачнаго аналоя въ спальню вагона. Тогда только испытала я блаженство глупости, съ полнымъ отсутствіемъ всякой мысли, какихъ бы то ни было желаній, кромѣ одного — чтобы такъ жить безъ перерыва, все съ тѣмъ же уничтоженіемъ своего существа—передъ однимъ божествомъ—божествомъ безграничной и ненасытной страсти.

Кто этого не вкусилъ—тотъ не жилъ. Но такую любовь могутъ зарождать только избранные мужчины.

Я ни разу—въ теченіе этого медоваго мѣсяца—не спросила себя:

— Да полно, любитъ ли онъ меня хоть на половину такъ, какъ я его люблю?

Мнѣ этого—точно совсѣмъ не нужно было. *Какъ* онъ любитъ—я не хотѣла знать. Зачѣмъ? Я владѣла собственнымъ сокровищемъ, тѣмъ, что разливалось по всѣмъ жилкамъ моего тѣла. И онъ только одинъ замѣчалъ во мнѣ этотъ огонь. Онъ одинъ научилъ меня проходить черезъ состоянія неописуемаго экстаза!

Какіе же тутъ могутъ быть счеты? Что вамъ за дѣло—даже до того—одна ли вы на свѣтѣ пользуетесь его ласками, или нѣтъ.

Прежде такая мысль перевернула бы все мое нравственное «я», а тутъ я была внѣ всякихъ условій этики.

Я понимала законность того, что называютъ «а-морально»—слово, которое я произносила съ неподдѣльной брезгливостью.

И онъ продолжалъ быть для меня какъ-бы незнакомцемъ. Кто онъ, какіе въ немъ таятся недостатки или пороки—это меня не касалось.

Что же въ этомъ такого удивительнаго? Развѣ я не читала въ десяткахъ уголовныхъ процессовъ, что женщина—жена или возлюбленная преступника, крупнаго мошенника или даже грабителя, убійцы—ведетъ себя на процессѣ все съ той же беззавѣтной любовью и самопожертвованіемъ, идетъ съ нимъ на поселеніе и на каторгу?

Окажись онъ злодѣемъ... развѣ я была бы въ состояніи оттолкнуть его отъ себя? Развѣ я не пошла бы съ нимъ и на каторгу?

За то блаженство, какое я познала съ нимъ и черезъ него, можно отдать все—вплоть до своей чести—и за него броситься въ огонь, идти на что угодно, только бы не потерять своего сокровища.

XXXVIII.

Въ царствѣ рулетки, въ Монте-Карло, мы очутились среди самой пестрой всесвѣтной толпы прожигающихъ жизнь «растакуэровъ»—какъ называли въ газетахъ, когда я была еще въ дѣвицахъ-подросткахъ.

Масса женщинъ—и старыхъ, и крашенныхъ, и свѣжихъ—

подлинныхъ аристократокъ и всякаго сброда, актрисъ, пѣвицъ, кокотокъ всякихъ «марокъ».

И такое же почти количество мужчинъ—и совсѣмъ заурядныхъ, и очень изящныхъ.

Но я никого не разглядывала. Для меня это была только толпа — въ игорныхъ ли залахъ, въ концертахъ, на оперныхъ спектакляхъ.

И я ни съ кѣмъ изъ самыхъ фешенебельныхъ и красивыхъ мужчинъ не сравнивала моего спутника. Ни наружности, ни какихъ-либо другихъ сторонъ его личности. Это полное равнодушіе къ его внутреннему «я» даже усилилось.

Такое же равнодушіе овладѣло мною и къ тому—какъ всѣ эти женщины дѣйствуютъ на него. Мнѣ ни разу не приходила возможность взволноваться въ родѣ того момента, когда мнѣ представилось, что онъ, въ каретѣ автомобиля, поцѣловалъ Люлю.

Всѣ эти разряженныя барыни и просто бабенки, яко-бы честныя и прямо продажныя — какъ-бы не существовали для меня. Я даже стала смотрѣть на нихъ съ какой-то особенной мягкостью и терпимостью. Можетъ быть, это является именно въ игорныхъ залахъ, гдѣ всѣ женщины, что сидятъ или стоятъ около зеленыхъ столовъ — одного разряда въ глазахъ крупье и прислуги казино. Поэтому-то тутъ и жены «особъ» держатъ себя на одной ногѣ съ продажными прелестницами.

До тѣхъ поръ я, попадая въ Монте-Карло, никогда не увлекалась игрой и всегда любила повторять, что у меня нѣтъ игрецкой жилки. На этомъ и успокоилась.

Но эта жилка оказалась у него, и въ сильнѣйшей степени. Отъ него контагій перешелъ и на меня.

Я втянулась, переживая то, что онъ испытывалъ, какъ страстный игрокъ. Ни одинъ мускулъ его лица не дрогнетъ, даже при самомъ крупномъ проигрышѣ. Онъ только немного блѣднѣетъ и дѣлается еще красивѣе. Для меня было наслажденіемъ—впиваться глазами въ его глаза, за столомъ рулетки или trente et quarante.

Играетъ онъ смѣло, умно, оригинально, но несчастливо.

Я предложила ему играть пополамъ. Когда мы поѣхали—всѣ дорожные расходы велъ онъ и былъ очень педантиченъ—подсчитывалъ, сколько каждый изъ насъ расходуетъ.

Когда я ему въ первый разъ тутъ замѣтила, что это лишнее, что между нами не можетъ быть никакихъ счетовъ, онъ замѣтилъ серьезнымъ тономъ:

— Какъ же иначе? Съ какой же стати буду я играть роль красавца-мужчины?

Можетъ, онъ и подозрѣваетъ, что про него такъ говорятъ.

Наша совмѣстная игра затянула насъ такъ, что черезъ недѣлю банкиромъ очутилась я. Свои деньги онъ всѣ проигралъ. Я выписала изъ Россіи сумму, какой могло бы хватить хоть на цѣлый годъ разъѣздовъ по Европѣ... но безъ игры.

Но я ни единой минуты не подумала, что вотъ теперь онъ живетъ на мой счетъ — до такой степени я не отдѣляла себя отъ него. И меня восхищало, что онъ такъ просто къ этому относился.

Поѣхалъ онъ не на мой счетъ. Играли мы вмѣстѣ. Развѣ не все равно—чьи деньги пошли на ставки, послѣ того, какъ онъ все проигралъ?

Я была еще счастливѣе и по-дѣтски радовалась тому, что отнынѣ у насъ не будетъ даже намека на какіе бы то ни было счеты.

XXXIX.

И какъ кончился этотъ медовый мѣсяцъ?!

Боже мой!

Въ этомъ самомъ вертепѣ всемірной азартной игры, женскаго тщеславія и женской продажности я испытала нѣчто такое, чего я не могла бы представить себѣ и во снѣ.

Я? Повелительница! Теперь мнѣ это кажется какимъ-то кошмарнымъ сновидѣніемъ; а вѣдь это было, было... и я не только на своей душѣ, но на своемъ *тѣлѣ* перечувствовала мой позоръ.

Я не впадала въ самообманъ, когда находила, что была выше какихъ бы то ни было сомнѣній, вопросовъ о личности и о прошломъ того, кто такъ овладѣлъ мною и кто давалъ мнѣ минуты несказаннаго блаженства.

И среди сотенъ молодыхъ, красивыхъ, элегантныхъ и главное—доступныхъ женщинъ, толпящихся въ игорныхъ залахъ, въ ресторанахъ, въ томъ клубѣ, гдѣ играютъ всю ночь, меня ни одного раза не кольнуло что-нибудь, хотя-бы мгновенно, похожее на ревность.

Мнѣ казалась, въ недавнемъ прошломъ, дикой моя вспышка съ Люлей.

И вдругъ—вышло то, что́ должно было случиться. Не сразу, но я не могла не замѣтить, что какая-то, по всѣмъ видимостямъ, дорогая кокотка или актриса, можетъ быть, танцовщица—переглядывалась съ *нимъ*.

Къ ней онъ, при мнѣ, нигдѣ не подходилъ, какъ и вообще ни къ одной женщинѣ—такъ, чтобы я это замѣтила, но часто заговаривалъ съ ними, и въ казино, и въ концертахъ, и даже въ кафе. И все это такъ, между прочимъ, безъ всякаго любезничанія.

Тутъ меня что-то кольнуло, совершенно такъ, какъ тогда на улицѣ, въ автомобилѣ. Я ничего не замѣтила ему, не спросила его даже—кто эта иностранка. Что она не русская—я въ этомъ была увѣрена. Ея выговоръ былъ слишкомъ парижскій.

Еще недѣлю передъ тѣмъ я способна была бы думать такъ:

— «Какое мнѣ дѣло до того, что онъ, какъ калифъ въ гаремѣ, броситъ свой платокъ какой-нибудь одалискѣ!»

Можетъ быть, все это сошло бы на нѣтъ. Мы были вмѣстѣ въ оперномъ спектаклѣ, потомъ въ grill-room слегка поужинали.

— Я загляну еще... въ клубъ.

Ему хотѣлось отыграться. Съ нимъ была порядочная сумма. Но я ни секунды не пожалѣла денегъ... хотя онѣ давно уже были только у меня.

Пошла я домой, въ отель, безъ всякой тревоги, немного утомленная и скоро заснула. Разбудилъ меня его приходъ. Это было очень поздно. Начинало свѣтать. Такъ поздно онъ еще не засиживался за ночной игрой.

— Откуда ты?—спросила я сквозь сонъ.

— Тамъ меня уже нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, и мнѣ показалось—точно это не его голосъ.

Я надавила кнопку, и спальня освѣтилась. Онъ стоялъ въ аршинѣ отъ кровати и какъ-то странно усмѣхался—блѣдный, съ страннымъ блескомъ въ глазахъ.

«Онъ выпилъ»,—быстро подумала я.

Къ алкоголизму онъ не склоненъ и очень крѣпокъ: за обѣдомъ и завтракомъ выпиваетъ полбутылки шампанскаго и водки не пьетъ.

Присѣлъ ко мнѣ и потянулся, точно затѣмъ, чтобы поцѣловать меня. Не винный запахъ оттолкнулъ меня, а запахъ чьихъ-то сильныхъ духовъ.

«Онъ ночевалъ у ней!» молніей пронизало мой мозгъ.

Я оттолкнула его и вскочила.

— Ты... ты... ночевалъ...

— Я не могла договорить. Меня стало трясти, какъ въ лихорадкѣ. И я, съ поднятыми кулаками, ринулась на него. Онъ схватилъ меня за руки, повалилъ на постель и сталъ... бить во что попало... Я лишилась чувствъ.

XL.

И я не прогнала его. Не уѣхала тотчасъ же. Когда я пришла въ себя, онъ ушелъ спать въ другой номеръ. Я пришла въ ужасъ. Но отъ чего?

Отъ мысли, что между нами все кончено?

Ну да, онъ меня билъ. Но вѣдь я первая кинулась на него со сжатыми кулаками.

Лишиться его ласкъ, потерять навсегда то сокровище, которое я ношу въ себѣ, съ тѣхъ поръ, какъ познала, что̀ такое страсть, что̀ можетъ давать блаженство—женщинѣ больше, чѣмъ мужчинѣ.

Внутренній трепетъ охватилъ меня. Это было что-то въ родѣ предсмертной агоніи.

Не прошло и пяти минутъ, какъ я уже рыдала, на колѣняхъ, у его постели, цѣловала его руки и колѣна.

И это была я, повелительница, и не въ припадкѣ безумія, а въ полномъ обладаніи своего духовнаго «я».

Какой же другой ходъ былъ мыслимъ послѣ этого? Я сознавала безповоротно: до тѣхъ поръ, пока мною будетъ владѣть это непреодолимое влеченіе—я буду его рабой.

И не было стыдно повторять это себѣ.

Все пошло по-старому. Встрѣчался ли онъ съ той прелестницей—я не хотѣла и спрашивать. Но черезъ недѣлю—не больше—онъ вдругъ объявилъ, что надо ѣхать... что у него есть дѣло, требующее его возвращенія въ Россію.

Какое дѣло? Онъ не разсудилъ мнѣ объяснить. Я продолжала ничего не знать о немъ. Дорогой, въ спальномъ купэ, я внезапно спросила себя, проснувшись раньше его:

«Свободенъ онъ или связанъ? Можетъ быть, женатъ? А если свободенъ, то кто же мѣшаетъ нашему браку?»

Къ тому, чтобы пріобрѣсть его въ мужья — я не стремилась. Я жила въ такомъ угарѣ, гдѣ я ничего больше не желала и ни о чемъ не раздумывалась.

Въ тотъ же день, я сама, самымъ простымъ тономъ, сказала ему:

— Какъ это странно, что я ничего не знаю—про тебя... И прежде всего то—холостой ты или женатый, свободный или связанный?

Онъ не смутился и также просто отвѣтилъ:

— Я связанъ. И жена моя не дастъ мнѣ развода.

— Ни подъ какимъ видомъ?

Онъ усмѣхнулся боковой усмѣшкой и сказалъ:

— Это пахло бы кушемъ въ сто тысячъ рублей.

И больше ничего не прибавилъ.

«Только-то»? подумала я. Сто тысячъ рублей! У меня милліонное состояніе. И изъ-за такой презрѣнной суммы я буду оставлять его въ зависимости отъ постылой жены?

И еще дорогой я первая стала просить его—помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

Онъ не сталъ «ставить точки на і»; но тонъ его былъ такой:

«Продать себя, какъ твоего возлюбленнаго—я на это не пойду. Я не красавецъ-мужчина».

Стало быть, что же?

Стать моимъ мужемъ. На это онъ не можетъ не пойти.

Будетъ это или нѣтъ? Мужъ, или возлюбленный—все равно, онъ—мой повелитель. И я впредь иду на уничтоженіе моей личности, той, которую я такъ долго и усердно отстаивала, въ томъ домѣ, куда опять вернулась—одна.

Въѣхать ко мнѣ онъ не захотѣлъ.

Вотъ я сижу въ моемъ рабочемъ кабинетѣ. На письменномъ столѣ портреты всѣхъ моихъ бывшихъ друзей.

Два изъ нихъ — мой милый maestro и мой духовникъ — смотрятъ на меня, какъ живые, и прощаются со мною.

Вѣроятно, духовникъ сказалъ бы:

— Вы не можете пребыть въ безсрочномъ рабствѣ. Кошмаръ отлетитъ, и вы опять будете повелительницей.

Не знаю! Ничего не знаю! Но я еще въ когтяхъ чудища, которое напоило меня чарующимъ напиткомъ...

П. Д. Боборыкинъ.

ЖАЛЕЙКА.

Играй-играй, дудочка!
Потѣшай свѣтъ-батюшку,
Родимую матушку!
Меня сестры загубили,
Подъ березкой схоронили
За наливное яблочко,
За серебряное блюдечко!

Русская народная сказка.

Гдѣ сладилъ ты свою жалейку
Дождемъ пронизанный пастухъ?
Какой корой душисто-клейкой
Обвилъ старательно вокругъ?

Кто научилъ лады для пѣсенъ
Прорѣзать смѣтливымъ ножомъ?
Зачѣмъ раструбъ у дудки тѣсенъ
И плачетъ, жалуясь, о чемъ?

«Гдѣ по канавѣ незабудка
Встаетъ съ болотистаго дна,
Была она, пастушья дудка,
Неторопливо сплетена.

«Растетъ надъ кочкою березка,
На ней ободрана кора,
По ней бѣжитъ и стынетъ слёзка
И вянуть листикамъ пора.

«Подъ той березкой погубили
Меня завистницы мои,
Подъ тою кочкой схоронили
И ножъ оставили въ груди...

«Меня, пастухъ, ты пожалѣй-ка:
Пригубь ты дудочку свою!
Взыграй-взыграй, моя жалейка,
Потѣшь отца и мать мою!»...

Пастухъ ремень затянетъ туго,
Судьба закинетъ въ дальній край,
А дудка, вѣрная подруга,
Твердитъ за пазухой: играй!

И гдѣ-нибудь, забытый колосъ
Сбирая осенью съ полей,
Отецъ и мать признаютъ голосъ
Пропавшей дочери своей.

Левъ Зиловъ.

ЗАДАЧА СОЦІАЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ.

Существуетъ искусство исправлять природу, но это искусство—сама природа.

Шекспиръ. „Зимнія сказки“.

Среди множества крупныхъ соціальныхъ проблемъ, надъ которыми теперь работаютъ умы государственныхъ людей, мыслителей и ученыхъ, видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ охранѣ физическаго и духовнаго здоровья народныхъ массъ въ цивилизованныхъ странахъ. Во всѣхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ нашего отечества, этому вопросу посвящена обширная литература, какъ книжная, такъ и журнальная. Послѣднее десятилѣтіе въ Западной Европѣ возникло нѣсколько научныхъ обществъ какъ мѣстнаго, такъ и международнаго характера, поставившихъ своей задачей собираніе данныхъ и разработку относящихся къ этому вопросу — матеріаловъ. Зародилась по иниціативѣ знаменитаго творца ученія о наслѣдственности Франсиса Гальтона, кузена Дарвина, наука, задавшаяся цѣлью изучить условія и методы улучшенія человѣческой породы. Гальтонъ далъ этой юной наукѣ названіе «эвгеника». Въ Лондонѣ основанъ спеціальный біологическій институтъ, исключительно посвященный работамъ въ этомъ направленіи. Во главѣ этого института стоитъ выдающійся ученый, послѣдователь и продолжатель дѣла, начатаго Гальтономъ, Пирсонъ.

Было бы, однакожъ, заблужденіемъ думать, будто нашему вѣку принадлежитъ заслуга почина человѣческой мысли въ этомъ направленіи. Забота объ охранѣ населенія, о поднятіи и улучшеніи расы была знакома самымъ древнимъ историческимъ народамъ. Основываясь на дошедшихъ до насъ раннихъ сборникахъ законовъ и религіозныхъ трактатахъ индусовъ, китайцевъ, персовъ, египтянъ, мы можемъ, хотя и косвеннымъ путемъ,

придти къ заключенію, что уже въ древнѣйшія времена этимъ народамъ не было чуждо сознаніе важности различныхъ соціально-гигіеническихъ мѣръ, при помощи которыхъ регулировались гигіеническія условія главныхъ біологическихъ моментовъ жизни—брака, рожденія и воспитанія.

У грековъ, о бытѣ которыхъ мы имѣемъ вполнѣ точныя историческія данныя, мы находимъ уже въ Спартѣ стройную систему соціально-гигіеническаго режима, сознательно преслѣдовавшаго задачу усовершенствованія человѣческой породы. То была уже не одна охрана населенія, а систематическая біологическая дрессура, то былъ опытъ человѣководства, поставленнаго широко и открыто, какъ животноводство. И если въ другихъ греческихъ государствахъ не было того формальнаго, строгаго до жестокости режима, который мы встрѣчаемъ въ Спартѣ, все же въ болѣе смягченной формѣ мы находимъ въ Аѳинахъ въ строѣ жизни, въ воспитаніи, въ культѣ спорта и состязаній тѣ же тенденціи, что́ и въ Спартѣ, но лишь безъ законодательнаго регулированія этого режима. Оба величайшихъ свѣточа греческой мысли, идеалистъ Платонъ и реалистъ Аристотель, въ трактатахъ о государствѣ углубились въ обсужденіе этого вопроса. Поразительно, что именно идеалистъ Платонъ пошелъ гораздо дальше Аристотеля по пути государственнаго регулированія народной жизни. Его книга о государствѣ явилась въ эпоху наивысшаго духовнаго развитія греческой, особенно аѳинской жизни. Демократическій режимъ достигъ тогда своего апогея. Аѳины были не городомъ, а академіей, въ которой граждане занимались, главнымъ образомъ, философіей, поэзіей, политикой, декламаціей, играми, гимнастикой и т. п.

Отъ проницательнаго взора великаго мыслителя не ускользнула однакожъ бездна, раскрывшаяся передъ судьбой аѳинскаго народа, стоявшая предъ стѣнами беззаботнаго города и праднаго народа и готовая ежеминутно поглотить веселый и философствующій городъ. Въ это время, когда аѳинское государство разлагалось и видимо погибало, вслѣдствіе борьбы партій и изнѣженности нравовъ, Платонъ, вглядываясь въ цвѣтущую соціальнымъ здоровьемъ Спарту, обдумывалъ свое лѣкарство, которое должно было спасти его родину отъ гибели, и выработалъ свой планъ будущаго государства, построеннаго на общности имущества, труда, женъ и жизни. Въ государствѣ, разводящемъ человѣческую породу, говоритъ Платонъ, никто не имѣетъ права выбирать себѣ мужа или жену. Самые лучшіе мужчины должны возможно чаще соединяться съ

самыми лучшими женщинами, а худшіе съ худшими возможно рѣже. Дѣтей отъ первыхъ надо воспитывать, отъ вторыхъ нѣтъ. Молодымъ воинамъ, которые обнаружили особую храбрость, надо давать много женщинъ, чтобы они передали свои качества возможно большему числу дѣтей. Въ своей заботѣ о снабженіи государства возможно болѣе совершенными въ физическомъ отношеніи гражданами, Платонъ разрѣшалъ «властителямъ», первоприсутствующимъ на свадьбахъ, прибѣгать къ обману, если только этимъ путемъ возможно было достигнуть желаемаго подбора, разумѣется, заботясь о сохраненіи тайны обмана. Количество рождающихся въ государствѣ дѣтей также должно быть подъ контролемъ правителей и притомъ должно регулироваться въ соотвѣтствіи съ размѣромъ убыли населенія отъ эпидемій и войнъ. Не ограничиваясь половымъ подборомъ, который весь находится въ рукахъ закона и государства, не довольствуясь регулированіемъ самаго размноженія, Платонъ устанавливаетъ еще и естественный подборъ, также подъ контролемъ государства. Слабые дѣти и старики не имѣютъ права на жизнь, государство не обязано ихъ кормить. Мужчины, отъ которыхъ нѣтъ потомства, теряютъ право на женщину въ государствѣ Платона. Замѣчательно, что въ проектѣ этого фантастическаго государства мы встрѣчаемъ уже зачатки соціальной половой гигіены, Такъ, Платонъ не разрѣшаетъ «дѣтопроизводства» женщинамъ ранѣе 20-ти-лѣтняго возраста и не позже 40-лѣтняго; мужчинѣ разрѣшается сдѣлаться отцомъ лишь «по минованіи періода чрезмѣрныхъ позывовъ» и не дальше 55-лѣтняго возраста. Дѣти, рожденныя внѣ этихъ сроковъ, не имѣютъ права на заботы государства. Мать обязана такого ребенка спрятать въ тайномъ мѣстѣ. Нельзя не поразиться наблюдательностью, обнаруженной Платономъ, подмѣтившимъ тотъ фактъ, что дѣти, рожденныя отъ очень юныхъ отцовъ молодыми матерями, рѣдко обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Систематическія наблюденія новѣйшаго времени установили этотъ фактъ и для современныхъ народовъ европейскаго материка.

Утопія Платона послужила во многомъ прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ фантазій на эту тему. Она встрѣтила со стороны историковъ восторженныхъ поклонниковъ, не мало также осужденій и порицаній. «Замѣчательно», говоритъ Клейнвэхтеръ, что Платонъ, который придаетъ особое значеніе познанію, видитъ въ мудрости величайшую силу, дѣлаетъ философовъ законодателями и ввѣряетъ имъ управленіе государствомъ, въ то же время въ потомствѣ желаетъ укрѣпить не ихъ качества, но черты

здоровыхъ, сильныхъ, красивыхъ самцовъ и самокъ. Этотъ мнимый «аристократъ духа» (по словамъ Фогта) облагораживаетъ человѣческій родъ такъ, какъ коннозаводчикъ облагораживаетъ лошадиную породу».

Столь жестокій приговоръ надъ утопіей Платона страдаетъ значительной долей увлеченія и едва-ли можетъ быть признанъ строго-безпристрастнымъ. Въ платоновскомъ государствѣ должны были существовать 4 слоя населенія. На самомъ верху стоитъ сословіе мудрецовъ-властителей — или «охранителей». Кромѣ обыкновеннаго физическаго и умственнаго воспитанія, они изучаютъ еще математику, астрономію и діалектику, и восходятъ «на наивысшую ступень знанія—къ идеѣ блага, составляющей основу всякаго познанія. Они лучше всѣхъ понимаютъ нужды государства и поэтому управляютъ имъ».

Въ распоряженіи «властителей» находятся «стражи», играющіе роль помощниковъ, вѣрнѣе, послушныхъ рукъ властителей. Стражники—воины, защитники отечества отъ внѣшнихъ враговъ. Вся утопическая, коммунистическая организація платоновскаго государства относится къ классу «стражи». За стражами стоитъ 3-й классъ свободныхъ гражданъ-рабочихъ въ широкомъ смыслѣ—крестьянъ, ремесленниковъ и др. Еще ступенью ниже стоитъ 4-ый элементъ—рабы. Платоновская утопія совершенно игнорируетъ 3-й и 4-й элементы, предоставляя ихъ жизни идти установившимся путемъ.

Воспитаніе, которое Платонъ рекомендовалъ для стражи, отнюдь не было исключительно-физическимъ. Они получали извѣстное, лишь строго опредѣленное умственное образованіе, преслѣдовавшее, главнымъ образомъ, нравственную дисциплину; въ видахъ этой дисциплины исключали какъ философію, такъ и поэзію, какъ располагающія, по мнѣнію Платона, къ нежелательной на войнѣ самостоятельности и игрѣ воображенія. Умственное образованіе, полученное стражами, должно однакожъ по плану Платона быть настолько серьезнымъ, чтобъ оно давало возможность воспитателямъ подмѣтить въ юношѣ—будущемъ «стражѣ», проблески или зачатки высшихъ духовныхъ способностей. Такой юноша болѣе даровитый, нежели его товарищи, уже выключался изъ разряда стражей, получалъ высшее, разностороннее образованіе, очевидно, соотвѣтствовавшее современному университетскому курсу европейскихъ народовъ. Здѣсь юноша подготовлялся къ своему будущему званію высшаго лица въ странѣ—«правителя». Уже одна эта возможность перехода изъ класса стражей въ высшій разрядъ правителя страны, въ классъ философовъ, дока-

зываетъ, что Платонъ, хотя и преслѣдовалъ въ классѣ стражей главнымъ образомъ физическія достоинства, все же не игнорировалъ ни нравственной стороны, ни умственныхъ качествъ этого класса. Мы въ этомъ еще болѣе убѣждаемся, когда находимъ у Платона опредѣленіе класса стражи, какъ представителей воли и отваги, т.-е. качествъ далеко не исключительно физическихъ, а чисто-духовныхъ. При оцѣнкѣ платоновской утопіи не слѣдуетъ упускать изъ виду той соціальной цѣли, которую она преслѣдовала. Со стороны Платона это не было теоретическое profession de foi на тему объ идеальномъ соціальномъ устройствѣ человѣческаго общества. Платонъ является въ своемъ трактатѣ не больше, какъ врачемъ, и притомъ же врачемъ-хирургомъ, предъ которымъ стоитъ трудная задача спасти погибающую родину. Причину угрожавшей Аѳинамъ гибели онъ видѣлъ, основательно или нѣтъ, въ ея военной слабости. Послѣднюю онъ, вмѣстѣ со многими другими современниками, находилъ въ слишкомъ большой мягкости нравовъ, въ чрезмѣрно развившейся эластичности и неустойчивости общественнаго мнѣнія, въ анархіи политической мысли и, наконецъ, въ чрезмѣрно развившейся индивидуальности дѣятелей, принадлежавшихъ къ правящимъ классамъ,—въ концѣ концовъ—въ упадкѣ общественной спайки и соціальной слитности гражданъ.

Платонъ видѣлъ только одно средство, которое, по его мнѣнію, могло спасти Аѳины—пойти еще дальше по слѣдамъ ихъ грознаго соперника—по слѣдамъ Спарты, и путемъ соціальнаго подбора возродить военную мощь Аѳинъ. Быть можетъ, самъ Платонъ смотрѣлъ на эти жертвы, которыя его планъ возрожденія требовалъ отъ принциповъ свободы и индивидуальности, лишь какъ на крайнія мѣры, какъ врачи смотрятъ на необходимую для спасенія жизни больного ампутацію. Быть можетъ, онъ даже смотрѣлъ на проектируемый имъ строй какъ на временную мѣру, которая, по минованіи опасности, можетъ быть смягчена и видоизмѣнена. Объ этомъ можно догадаться изъ того, что во второмъ своемъ сочиненіи «О законахъ» онъ значительно смягчаетъ рѣзкости и формализмъ въ регулированіи половой жизни гражданъ, хотя самый принципъ подбора и гигіены сохраненъ. Стоитъ отмѣтить, что отъ Платона не ускользнули два крупныхъ факта, въ которыхъ и современная соціальная гигіена видитъ большое соціальное зло и источникъ вырожденія современныхъ культурныхъ народовъ, а именно—замкнутость классовую и «приданое». Оба эти момента, по общему признанію всѣхъ соціологовъ, мѣшаютъ свободному проявленію естественнаго

полового подбора и отбора, и влекутъ за собой біологическій упадокъ, а нерѣдко и вырожденіе привилегированныхъ классовъ. Платонъ въ своемъ государствѣ запрещаетъ приданое и рекомендуетъ приливъ свѣжихъ силъ изъ низшихъ классовъ въ сословіе стражей и правителей. Браки между родственниками воспрещены.

Поистинѣ трудно удержаться отъ восклицанія: «нѣтъ ничего новаго подъ луной», когда сравнишь и сопоставишь утопическія мечты геніальнаго грека съ болѣе реальными, легче осуществимыми программами, которыя начертала на знамени новѣйшая наука — «эвгеника».

2000 лѣтъ спустя послѣ Платона итальянскій монахъ Кампанелла [1]) пишетъ въ тюрьмѣ новую утопію; идя по слѣдамъ Платона, онъ весьма подробно останавливается на регулированіи половой жизни въ интересахъ національнаго здоровья. Взглядъ Кампанеллы уже стоитъ гораздо ближе къ нашимъ современнымъ понятіямъ о свободѣ личности, религіозномъ и моральномъ значеніи брака. Кампанелла требуетъ, однако, чтобъ рѣшающій голосъ въ брачномъ подборѣ принадлежалъ врачу—требованіе, составляющее одинъ изъ основныхъ догматовъ эвгеники.

Послѣ Кампанеллы на 300 лѣтъ снова наступаетъ затишье въ этомъ вопросѣ, и только въ 19-мъ вѣкѣ онъ вновь оживаетъ и уже болѣе не сходитъ со сцены.

Образованіе крупныхъ центровъ населенія,—большихъ городовъ Европы, возникновеніе фабричной промышленности, постоянныхъ армій, зарожденіе массъ пролетаріата, живущаго въ тяжелыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, эмиграція, развитіе алкоголизма, проституціи и пауперизма, широкое распространеніе сифилиса—всѣ эти соціальные факторы жизни современныхъ народовъ дали себя знать въ цѣломъ рядѣ нежелательныхъ, подчасъ угрожающихъ, симптомовъ въ жизни и здоровьѣ народныхъ массъ. Во Франціи раньше, чѣмъ гдѣ-либо, эти явленія обратили на себя вниманіе, и Морелю принадлежитъ большая заслуга піонера въ этомъ вопросѣ. Онъ, какъ всякій піонеръ, впалъ въ нѣкоторую крайность, указавъ на грозящую будто бы цивилизаціи опасность общаго вырожденія культурнаго населенія. Зато послѣ его указанія и пропаганды опасность вырожденія стала предметомъ серьезнаго вниманія и изученія.

Въ той же Франціи во второй половинѣ 19-го вѣка обнаружился новый, быть можетъ, еще болѣе грозный симптомъ—

---

[1]) Кампаннелла, Томасъ. „Государство Солнца".

постоянное паденіе размѣра ежегоднаго прироста населенія—паденіе, продолжающееся и до настоящаго времени. Нѣкоторое время явленіе это замѣчалось въ одной Франціи, и другіе народы могли, одни съ чувствомъ самодовольства, другіе съ примѣсью злорадства, быть спокойными на счетъ ихъ страны, и видѣли въ этомъ симптомѣ спеціальную соціальную болѣзнь французскаго народа. Скоро, однакожъ, обнаружилась неосновательность этой иллюзіи. Такое же паденіе прироста населенія стало мало-по-малу обнаруживаться и въ другихъ странахъ—въ Англіи, Бельгіи, Сѣверной Америкѣ, южной Германіи, и притомъ не только въ большихъ городскихъ центрахъ, но и въ промышленныхъ районахъ и въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ.

Статистическія изслѣдованія, достигшія въ послѣднее время значительнаго техническаго совершенства и широко организованныя теперь во всѣхъ европейскихъ государствахъ врачами, открыли рядъ еще болѣе грозныхъ фактовъ — упадокъ величины рождаемости въ культурной семьѣ. Это уменьшеніе рождаемости настолько значительно, что, несмотря на повсемѣстный упадокъ смертности—по крайней мѣрѣ взрослаго населенія—все же обусловливаетъ собою паденіе прироста. Затѣмъ выяснилось, что въ фабрично-промышленномъ населеніи, а также въ городскомъ, и притомъ не въ однихъ только бѣднѣйшихъ классахъ, наблюдается огромная дѣтская смертность. Другого рода факты также несомнѣнно указываютъ на упадокъ біологической энергіи массъ—сюда нужно отнести—замѣтное увеличеніе % матерей, неспособныхъ къ кормленію, увеличеніе числа дѣтей, нуждающихся для занятія въ очкахъ. Имѣются наконецъ симптомы, въ которыхъ уже приходится признать настоящее явленіе вырожденія. Сюда нужно отнести уменьшеніе % годныхъ къ военной службѣ среди призывного класса населенія (Германія), увеличеніе числа случаевъ прирожденнаго слабоумія (Швейцарія), случаевъ прирожденной эпилепсіи, наростаніе % душевныхъ болѣзней въ большихъ городскихъ и промышленныхъ центрахъ, все увеличивающееся распространеніе туберкулоза и т. д.

Всѣ эти зловѣщія явленія не остаются, разумѣется, безъ весьма энергической реакціи со стороны общества, врачебнаго сословія и правительства. Дѣлается не мало для борьбы съ алкоголизмомъ, съ туберкулозомъ, съ пауперизмомъ, принимаются всевозможныя санитарныя и филантропическія мѣры для борьбы съ дѣтской смертностью. Европа покрылась сѣтью обществъ и учрежденій для борьбы съ алкоголизмомъ и его пагубными послѣдствіями. И, несмотря на всѣ эти усилія, Европа не можетъ, однако,

еще похвалиться крупными результатами. Исконная соціальная болѣзнь—преступность—не только не уменьшается, но въ нѣкоторыхъ странахъ возрастаетъ, что́, конечно, нужно поставить въ связь съ усиленіемъ алкоголизма, съ городскимъ пауперизмомъ, съ частыми экономическими кризисами, съ невольными кочевками рабочаго населенія и его оторванностью отъ родной почвы и т. д. Прирожденное слабоуміе является общимъ факторомъ, занимающимъ видное, иногда преобладающее положеніе въ происхожденіи многихъ соціальныхъ болѣзней. Такъ, въ классѣ проститутокъ встрѣчается весьма высокій % прирожденныхъ слабоумныхъ. Извѣстный психіатръ Бонгофферъ нашелъ среди 190 проститутокъ, попавшихъ въ тюрьму за незначительныя нарушенія правилъ «полиціи нравственности», т.-е. не за настоящія преступленія—100 слабоумныхъ субъектовъ, т.-е. 53%. Извѣстный англійскій изслѣдователь Брактвайтъ утверждаетъ, что прирожденное, унаслѣдованное слабоуміе играетъ весьма важную роль въ происхожденіи бродяжничества, почти всегда связаннаго съ отвращеніемъ къ физическому труду. По его наблюденіямъ, населеніе англійскихъ рабочихъ домовъ, равняющееся 20—30 тысячамъ, содержитъ большой % такихъ духовно-слабыхъ отъ рожденія субъектовъ. Этотъ же авторъ, признанный въ Англіи большимъ авторитетомъ въ вопросѣ объ алкоголизмѣ, полагаетъ, что весьма большой % алкоголиковъ прежде всего люди психически-дефективные отъ рожденія. Онъ едва находилъ между ними $^1/_3$ вполнѣ нормальныхъ людей и думаетъ, что если бъ даже удалось вылѣчить этихъ алкоголиковъ отъ ихъ болѣзненнаго влеченія къ спиртнымъ напиткамъ, то ихъ нельзя считать вполнѣ здоровыми, — что въ теченіе долгаго времени отъ нихъ нельзя ожидать здороваго нормальнаго потомства.

Особенно поучительны для выясненія взаимной связи и взаимодѣйствія соціальныхъ и біологическихъ факторовъ большія семьи дегенерированныхъ, гдѣ въ цѣломъ ряду поколѣній, произошедшихъ отъ одного больного корня, наблюдались всѣ виды физическаго, духовнаго и соціальнаго вырожденія—бродяжничество, пауперизмъ, проституція, алкоголизмъ, помѣшательство, слабоуміе и преступность.

Недавно въ Германіи была описана одна такая семья дегенерантовъ—въ 843 члена. Семья произошла отъ одной бродяги-алкоголички, слегка слабоумной, но физически крѣпкой. Большинство потомковъ этой особы были проститутки, бродяги, нищенствующіе, преступники, въ томъ числѣ много убійцъ. Борьба съ этой семьей, совокупность судебно-административныхъ мѣръ, противъ

нея принятыхъ, обошлась прусскому правительству въ 5 милліоновъ марокъ. Такія же большія семьи дегенерантовъ найдены и описаны въ Швейцаріи и во Франціи.

Совокупность всѣхъ этихъ фактовъ, ставшихъ достояніемъ общественнаго мнѣнія, выдвинула во второй половинѣ 19-го вѣка на видное мѣсто во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ вопросъ объ охранѣ физическаго и духовнаго здоровья населенія. Не малый толчекъ получилъ также этотъ вопросъ отъ эволюціоннаго ученія Дарвина. Какъ извѣстно, система его установила нѣсколько біологическихъ началъ, до сихъ поръ никѣмъ не оспариваемыхъ. Они заключаются въ слѣдующемъ. Человѣческая раса не есть нѣчто неизмѣнное, неподвижное, а способна всюду, т.-е. во всѣхъ своихъ племенныхъ разновидностяхъ, къ измѣняемости. Другими словами, въ человѣческомъ организмѣ, какъ въ любомъ растеніи, или у любого животнаго вида, могутъ появляться, подъ вліяніемъ невполнѣ извѣстныхъ еще условій и причинъ, незначительныя измѣненія въ организаціи, небольшія уклоненія отъ обычнаго строенія отдѣльныхъ органовъ. Уклоненія эти называютъ варіаціями. О причинѣ возникновенія такихъ индивидуальныхъ варіацій до сихъ поръ въ біологіи идутъ ожесточенные споры. Дарвинъ допускалъ возможность зарожденія подобныхъ варіацій подъ вліяніемъ воздѣйствія окружающей среды, и въ этомъ случаѣ онъ былъ еще близокъ къ взглядамъ своего великаго предшественника Ламарка, который видѣлъ во всѣхъ варіаціяхъ, какъ и во всей эволюціи, продукты и результаты воздѣйствія среды и наслѣдственности, закрѣпляющей въ потомствѣ измѣненія, вызванныя въ организмѣ родителей вліяніемъ среды. Дарвинъ былъ осторожнѣе въ своихъ воззрѣніяхъ и допускалъ, что нѣкоторыя варіаціи могутъ возникать самостоятельно, т.-е. вполнѣ независимо отъ внѣшнихъ условій, и имѣть свой источникъ въ самой организаціи. Вообще Дарвинъ не останавливался особенно много на вопросѣ о причинахъ происхожденія варіацій, а бралъ этотъ фактъ, какъ твердо установленный. Второй, и въ сущности самый важный изъ основныхъ пунктовъ дарвиновскаго ученія, заключается въ новомъ, принадлежащемъ Дарвину принципѣ борьбы между различными типами организацій, между индивидуумами различныхъ типовъ.

Самъ Дарвинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не выходилъ изъ предѣловъ зоологіи; даже тогда, когда онъ трактовалъ о человѣкѣ, онъ оставался строгимъ біологомъ и не переносилъ своихъ идей о борьбѣ, о подборѣ и отборѣ въ область соціологіи. Но совершенно естественно этотъ переносъ былъ сдѣланъ его послѣ-

дователями, біологами и соціологами. Роль борьбы и подбора въ эволюціи всего живого, начиная отъ тѣла и кончая языкомъ, начиная отъ животныхъ и кончая человѣческимъ обществомъ, стала лозунгомъ науки въ концѣ 19-го вѣка.

Безмолвно при этомъ была допущена гипотеза, принадлежащая Ламарку и санкціонированная до извѣстной степени Дарвиномъ, что измѣненія, возникающія въ организмѣ животномъ, а стало быть, и въ человѣческомъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій или среды, также передаются потомству. Получилось ученіе о передачѣ путемъ унаслѣдованія потомкамъ пріобрѣтенныхъ индивидомъ при жизни измѣненій. Въ подкрѣпленіе этому ученію явились на помощь факты, указывающіе на вырожденіе населенія, наблюденія, сдѣланныя надъ потомствомъ туберкулезныхъ, сифилитиковъ, алкоголиковъ, психопатовъ и преступниковъ. Наблюденія эти, казалось, давали право утверждать, что разъ начавшееся вырожденіе имѣетъ тенденцію прогрессировать въ нисходящихъ потомкахъ и, слѣдовательно, должно постепенно привести вырождающуюся группу населенія въ состояніе полной потери жизнеспособности, т.-е. къ вымиранію.

Въ такомъ именно смыслѣ понималъ вырожденіе Морель, творецъ этого ученія. Дальнѣйшее, болѣе тщательное наблюденіе показало, что такая схема хода вырожденія не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ случаямъ. Во многихъ начавшееся вырожденіе можетъ остановиться, при этомъ далеко не всѣ члены семьи подвергаются въ одинаковой степени вырожденію. Рядомъ съ вырастающими потомками сифилитиковъ и алкоголиковъ, въ той же семьѣ встрѣчаемъ дѣтей совершенно здоровыхъ, не носящихъ на себѣ печати тяжелой наслѣдственности. Врачи, ежедневно имѣющіе дѣло съ осязаемыми и грубыми проявленіями патологической наслѣдственности и вырожденіемъ на почвѣ неблагопріятныхъ условій, не могутъ закрывать глаза на дѣйствительность. Они встрѣчаются въ своей дѣятельности съ тремя группами фактовъ. Съ одной стороны, бьетъ въ глаза явная связь между дурными соціальными условіями и весьма опредѣленными явленіями біологическаго вырожденія, какъ самого населенія, живущаго въ этихъ условіяхъ, такъ еще болѣе рѣзко у потомства этой группы населенія. Съ другой стороны, опять-таки врачамъ яснѣе, чѣмъ кому-либо другому, приходится убѣждаться въ могуществѣ наслѣдственности, видя чуть ли не ежедневно, какъ дѣти, выросшія при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вскормленныя молокомъ здоровой кормилицы, съ первыхъ лѣтъ своей жизни несутъ на себѣ печать наслѣдія отъ своихъ больныхъ или слабыхъ родите-

лей, то въ видѣ общаго пониженія жизнеспособности и біологической устойчивости, то въ формѣ неправильнаго тѣлосложенія, то въ видѣ легкой заболѣваемости, то, наконецъ, въ формѣ явнаго повторенія у нихъ тѣхъ самыхъ болѣзней, которыми страдали ихъ родители.

Случаи второй категоріи сравнительно проще и легче анализируются, нежели первая группа случаевъ. Тутъ очевидно, что все ненормальное, что наблюдается въ дѣтяхъ, нужно отнести на счетъ организаціи родителей. Среда здѣсь не играетъ, какъ будто, никакой роли. Это, однако, не совсѣмъ такъ. Вѣдь, если въ одной и той же семьѣ, гдѣ одинъ изъ родителей здоровъ, а другой боленъ, одни дѣти проявляютъ на себѣ слѣды дурной наслѣдственности, а другія свободны отъ нея, т.-е. совершенно здоровы, при чемъ могутъ даже лицомъ и сложеніемъ походить на больного родителя, приходится допустить, что у здоровыхъ дѣтей имѣло мѣсто нейтрализующее вліяніе другого, здороваго родителя.

Что такая нейтрализація существуетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться: въ пользу этого говоритъ много фактовъ. Спрашивается, что мы знаемъ о законахъ, управляющихъ этой нейтрализаціей? Какую роль играютъ внѣшнія условія жизни этой семьи, ея соціально-біологическій режимъ, въ процессѣ нейтрализаціи дурныхъ элементовъ болѣе здоровыми? Еще болѣе труднымъ становится разобраться въ случаяхъ первой категоріи, когда дѣти, сравнительно здоровыхъ родителей, живутъ въ дурныхъ соціальныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Здѣсь при настоящемъ состояніи науки почти невозможно обособить фактовъ прямого, непосредственнаго вліянія дурныхъ условій на ростущій дѣтскій организмъ отъ косвеннаго, посредственнаго дѣйствія этихъ условій черезъ организмъ родителей на организацію дѣтей путемъ наслѣдственности. Когда же передъ нами является третья категорія случаевъ, гдѣ ослабленные родители, или больные, алкоголики, туберкулезные, сифилитики, живутъ въ тяжелыхъ трудовыхъ условіяхъ и въ неблагопріятной антигигіенической обстановкѣ, совершенно немыслимо даже предпринять попытку расчлененія тѣхъ трехъ факторовъ, которые участвуютъ въ процессѣ дезорганизаціи дѣтскаго организма: болѣзнь и біологическая слабость родителей, вліяніе дурныхъ условій на здоровье родителей и, наконецъ, прямое вредное дѣйствіе этихъ же условій на ростъ, формировку и развитіе дѣтей.

Наблюденія показали, что существуютъ двоякаго рода условія—одни способствуютъ переходу болѣзней по наслѣдству

отъ родителей къ дѣтямъ, а другія, наоборотъ, мѣшаютъ, препятствуютъ этому переходу и какъ бы защищаютъ организмъ дѣтей отъ болѣзней ихъ родителей.

Возьмемъ случай, когда у одного изъ родителей имѣются свойства, которыя располагаютъ къ извѣстнымъ болѣзнямъ, а мать обладаетъ свойствами, оказывающими сопротивленіе этимъ болѣзнямъ. Въ зародышѣ ребенка произойдетъ смѣшеніе между свойствами отца и матери. Какое вліяніе осилитъ? Удастся ли матери воспрепятствовать зародышу получить отцовскую наслѣдственность или нѣтъ? Въ точности мы еще не знаемъ, отъ чего зависитъ побѣда то здороваго, то больного родителя, но мы уже знаемъ, что чѣмъ вообще крѣпче, свѣжѣе здоровье одного изъ родителей, чѣмъ онъ моложе, тѣмъ больше вѣроятія, что его здоровая наслѣдственность возьметъ верхъ надъ больной наслѣдственностью другого родителя.

Большое значеніе имѣетъ и то, насколько здоровый родитель находится въ хорошихъ условіяхъ жизни, т.-е. не истощенъ ли чрезмѣрной работой, хорошо ли питается и т. д. Общее состояніе здоровья больного родителя, его условія работы и питанія также играютъ большую роль. Если родитель, страдающій сифилисомъ или чахоткой, живетъ въ хорошихъ условіяхъ, хорошо питается, не изнуренъ работой, то онъ можетъ дать жизнь ребенку, не очень расположенному страдать различными послѣдствіями сифилиса или туберкулоза. Но стоитъ только такому больному родителю подвергнуться упадку питанія и силъ, зачатый въ это время ребенокъ будетъ имѣть весьма сильное предрасположеніе къ наслѣдственному сифилису и туберкулозу. Знаніе всего этого подаетъ надежду, что въ будущемъ, при общемъ улучшеніи условій жизни, правильномъ трудѣ, окажется возможнымъ во многихъ случаяхъ успѣшно бороться съ вреднымъ вліяніемъ наслѣдственности со стороны больного родителя.

Мало посвященному въ эту проблему можетъ показаться излишнимъ мудрствованіемъ, лишеннымъ всякаго практическаго, соціальнаго значенія, такое исканіе корней зла, такое стремленіе разобраться въ клубкѣ различныхъ причинъ и факторовъ, производящихъ и каждое въ отдѣльности, и всѣ въ своей совокупности почти одинъ и тотъ же эффектъ—вырожденіе. Зачѣмъ,—можетъ сказать иной читатель,—намъ знать, что̀ играетъ главную роль, что̀ второстепенную? Среда ли, наслѣдственность ли, и если среда, то какъ она дѣйствуетъ—прямо ли на организмъ дѣтей, или преломляясь черезъ организмъ родителей? Не до-

статочно ли намъ знать, гдѣ зло, чтобы уже знать, какъ съ нимъ надо бороться.

Легко, однакожъ, убѣдиться, что для успѣха въ борьбѣ со зломъ нужно знать не только, гдѣ врагъ, но знать это детально, знать силы, которыми располагаетъ врагъ, пути, по которымъ онъ двигается и входитъ въ организмъ. Мало того, необходимо знать и тѣ силы, которыя организмъ можетъ выставить противъ врага. Если есть основаніе предполагать, что между больными и здоровыми родителями происходитъ борьба за преобладаніе въ организмѣ ихъ ребенка, то необходимо выяснить, нѣтъ ли какихъ-либо внѣшнихъ, находящихся въ нашихъ рукахъ и подчиненныхъ нашей волѣ, условій, съ помощью которыхъ мы могли бы поддержать усилія болѣе здороваго родителя въ его борьбѣ съ вліяніемъ больного родителя.

Во всей проблемѣ охраны здоровья и борьбы съ вырожденіемъ выступаютъ два главныхъ теченія—одно, тяготѣющее къ средѣ, другое къ наслѣдственности. Тутъ не только двѣ теоріи—плодъ работы кабинетныхъ ученыхъ; предъ нами двѣ діаметрально противоположныя практическія тенденціи, двѣ соціальныя системы. Кто видитъ въ дѣйствіи среды, т.-е. во внѣшнихъ условіяхъ, главный, быть можетъ, даже единственный источникъ измѣненій въ организмѣ, кто принимаетъ, что наслѣдственность передаетъ эти измѣненія потомству, для того вся проблема здоровья и вырожденія расы есть цѣликомъ соціальная задача. Кто, наоборотъ, не признаетъ рѣшающаго значенія за вліяніемъ среды и кто вмѣстѣ съ послѣдователями школы Вейсмана не признаетъ унаслѣдованія потомками случайныхъ, пріобрѣтенныхъ подъ вліяніемъ среды измѣненій, тотъ видитъ въ проблемѣ соціальной гигіены двѣ задачи — одну соціальную и другую біологическую.

Знакомясь съ состояніемъ этой проблемы въ современныхъ культурныхъ странахъ, мы встрѣчаемъ тамъ оба эти направленія—соціальное и соціально-біологическое. Первое направленіе составляетъ credo европейской соціалъ-демократіи. Второе теченіе получило особенно широкое развитіе въ Германіи подъ вліяніемъ идей Вейсмана, который видитъ источникъ всякой измѣнчивости и корень возникновенія новыхъ формъ и новыхъ варіацій въ самомъ организмѣ. Ученіе это въ томъ видѣ, какъ оно выдвинуто Вейсманомъ, можно назвать теоріей самопроизвольныхъ измѣненій въ организмѣ растеній и животныхъ.

Борьба названныхъ двухъ противоположныхъ направленій соціальной гигіены имѣетъ такое огромное значеніе для даль-

нѣйшихъ судебъ этой проблемы, что обязываетъ остановиться на болѣе подробномъ изложеніи обоихъ направленій. Въ соціалъ-демократическихъ кругахъ, а также въ рядахъ христіанско-соціалистической партіи относятся весьма скептически ко всякимъ реформамъ въ области спеціальной, санитарно-гигіенической. Ихъ воззрѣнія на эту проблему, поскольку они высказываются въ органахъ этихъ партій, могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ. Идеи Дарвина и эволюціонное ученіе, перенесенныя въ область человѣческой жизни и исторіи человѣчества, произвели радикальную ломку въ господствовавшихъ раньше взглядахъ. Мы уже больше не вѣримъ, говорятъ они, химеристамъ, какъ Ж.-Ж. Руссо, который утверждалъ, что человѣкъ выступилъ на историческую арену въ образѣ ангела. Еще меньше мы можемъ теперь допускать, что на человѣкѣ лежитъ проклятіе грѣхопаденія. Человѣкъ, какимъ мы его теперь знаемъ, не ангелъ и не демонъ, онъ еще находится на пути своего духовнаго и моральнаго формированія. Будущее человѣчество, его физическое и духовное развитіе еще не закончены, и отъ самого человѣка еще въ значительной степени зависитъ, выяснивъ себѣ законы своего развитія, примѣнить это знаніе къ жизни и дать желаемое направленіе дальнѣйшему развитію человѣческой расы.

Далѣе, говорятъ, необходимо для успѣшной работы въ этомъ направленіи радикально освободиться отъ одного предразсудка, который долгое время принимался на вѣру, какъ догматъ, и много тормозилъ правильное пониманіе задачи соціальной эволюціи. Предразсудокъ этотъ заключается въ вѣрѣ во всемогущество воспитанія, которое будто бы въ состояніи все сдѣлать изъ человѣка и совершенно измѣнить его натуру. Въ настоящее время, въ извѣстныхъ классахъ населенія, а именно въ рабочихъ, множество индивидовъ не могутъ достигнуть полнаго, доступнаго ихъ природѣ, развитія своихъ духовныхъ силъ и всѣхъ способностей, зачатки коихъ заложены въ ихъ природѣ. Рѣшающій факторъ въ выработкѣ тѣхъ или другихъ особенностей, той или другой высоты душевной жизни, соціалисты видятъ исключительно въ обстановкѣ, въ средѣ.

Ученіе Дарвина утверждаетъ, что эволюція животнаго царства совершалась подъ вліяніемъ суровой борьбы, что нужда и голодъ были главными импульсами, толкавшими животное царство на путь усовершенствованія и развитія. Соціалисты, принимая дарвиновскій принципъ борьбы за существованіе, видо-

измѣняютъ его въ примѣненіи къ человѣку и къ развитію общества. Противники соціализма не упускаютъ, разумѣется, случая указать на это противорѣчіе между требованіями теоретическаго соціализма и принципами дарвинизма. Соціалистовъ обвиняютъ въ извращеніи дарвиновскихъ идей, когда они выставляютъ, какъ необходимое условіе правильнаго развитія человѣка и общества — полное обезпеченіе матеріальныхъ потребностей культурнаго человѣка, когда они говорятъ, что проблема нормальной эволюціи человѣка лежитъ цѣликомъ въ границахъ хозяйственной, т.-е. экономической области. Соціалисты говорятъ,—такъ утверждаютъ ихъ противники,—что требованія повышенія заработной платы, улучшенія жилищъ, сокращенія рабочаго времени—гораздо важнѣе различныхъ предписаній соціальной и расовой гигіены.

Движеніе, существующее въ современныхъ массахъ, противъ нынѣшней организаціи собственности вообще и земельной въ частности, по мнѣнію соціалистовъ, логически вытекаетъ также и изъ принциповъ соціальной гигіены, и въ концѣ концовъ вся проблема расоваго вырожденія должна разсматриваться исключительно подъ угломъ зрѣнія классовой борьбы. Взгляды соціалистовъ находятъ себѣ сочувствіе и поддержку у нѣкоторыхъ теоретиковъ. Такъ, докторъ Гутчиссонъ утверждаетъ, что для улучшенія расы совершенно достаточно улучшить ея питаніе: «Дайте дѣтямъ хорошее питаніе до 12-ти-лѣтняго возраста, и я вамъ гарантирую прекрасную расу». Максъ Нордау также возражалъ противъ необходимости особыхъ мѣръ и спеціальнаго подбора для поднятія уровня расы. Въ каждомъ человѣкѣ, говоритъ Нордау, заключены зачатки всѣхъ біологическихъ и психическихъ возможностей, даже зародыши всѣхъ формъ индивидуальнаго развитія. И такъ какъ каждый человѣческій индивидъ заключаетъ въ себѣ въ скрытой формѣ зачатки всѣхъ лучшихъ духовныхъ и физическихъ человѣческихъ качествъ, то очевидно, для проявленія этихъ скрытыхъ качествъ, для того, чтобы ихъ призвать къ жизни, вовсе не такъ важно организовать какой-то спеціальный подборъ индивидовъ; гораздо существеннѣе создать такія соціальныя условія, которыя благопріятствовали бы проявленію этихъ скрытыхъ зачатковъ въ природѣ человѣка.

Съ этими воззрѣніями полемизируетъ новѣйшая біологическая школа германскихъ антропологовъ [1]), приверженцевъ

[1]) Schalmeyer, M. Reibmayr, A., M. Gruber, Rudin, E. Weinberg. W. Woltmann и др.

Вейсмановской теоріи, проповѣдующихъ соціально-гигіеническую реформу въ духѣ законодательнаго регулированія брака. Однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей и пропагандистовъ этого направленія является въ Германіи Шальмейеръ [1]).

Онъ отрицаетъ, чтобы экономическая и вообще хозяйственная нужда современныхъ рабочихъ массъ была причиной упадка расы, ея вырожденія. Не только въ докапиталистическій, но даже и въ доисторическій періоды среда не была болѣе благопріятной, чѣмъ теперь для здоровья населенія. Какъ теперь доказано, въ эти отдаленныя отъ насъ эпохи человѣческое племя въ теченіе многихъ тысячелѣтій жило въ пещерахъ, въ самыхъ будто бы ужасныхъ антигигіеническихъ условіяхъ, въ атмосферѣ, переполненной испареніями экскрементовъ, разлагавшихся труповъ животныхъ и погибшихъ отъ заразныхъ болѣзней людей. И если при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ все же человѣческое племя не только не выродилось, а наоборотъ, прогрессировало по пути физической и духовной эволюціи, то очевидно, рѣшающее значеніе принадлежало не средѣ, а органическому процессу подбора наиболѣе одаренныхъ и жизнеспособныхъ индивидовъ. Человѣчество прежнихъ историческихъ эпохъ, за рѣдкими исключеніями, пишетъ Шальмейеръ, питалось въ ледниковый періодъ не лучше, чѣмъ теперь: первобытный человѣкъ, несомнѣнно, терпѣлъ гораздо больше нужды, жилъ въ гораздо худшихъ условіяхъ, нежели нынѣ. Отъ времени до времени населеніе страдало отъ настоящаго голода. Шальмейеръ указываетъ на примѣръ Россіи, по его мнѣнію, будто бы доказывающій, что періодическія голодовки населенія не оказываютъ на послѣднее гибельнаго вліянія и не влекутъ за собой вырожденія. Наоборотъ, Россія стоитъ выше Германіи, Франціи и Скандинавіи по своей физіологической работоспособности, такъ какъ изъ 772.000 рекрутовъ, призыва 1804 г., только 14.000, или 1,8%, оказались совершенно негодными противъ 6,2%—6,3% негодныхъ въ Германіи. Самое коренное различіе между прежними условіями жизни и теперешними заключается, по мнѣнію Шальмейера, въ томъ, что въ прежнее время, особенно въ доисторическія эпохи, естественный подборъ самъ регулировалъ выживаніе однихъ годныхъ и вымираніе менѣе годныхъ элементовъ. Теперь же это автоматическое саморегулированіе ослабѣло и дѣйствуетъ несовершенно.

Обращаясь къ ученію соціализма, Шальмейеръ упрекаетъ послѣдній въ томъ, что его идеологія, въ лицѣ марксизма, свела всю

---

[1]) Schalmeyer. Vererbung und Auslese, 1904 и Generative Etik, 1909.

проблему о поднятіи положенія массъ къ классовой борьбѣ и совершенно игнорируетъ эволюціонный процессъ подбора. Въ этомъ процессѣ, говоритъ онъ, играютъ крупную роль многіе такіе факторы, которые никакого отношенія не имѣютъ къ классовой борьбѣ. Такъ, напримѣръ, весьма важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, какъ великъ % лицъ, добровольно или вынужденно остающихся безбрачными, и какъ это число распредѣлено между различными группами населенія и классами общества; каковъ средній возрастъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, и какъ велика въ глазахъ различныхъ группъ населенія цѣнность тѣхъ жертвъ, которыя бракъ и самъ требуетъ отъ каждаго вступающаго въ бракъ. Въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ распространена борьба съ дѣторожденіемъ, вѣрнѣе, ограниченіе размноженія въ различныхъ классахъ населенія. Какіе факторы играютъ опредѣленную роль въ выборѣ лицъ, вступающихъ въ бракъ—являются ли личныя качества, физическія или духовныя, рѣшающими моментами, или соціальныя, какъ-то: положеніе семьи, происхожденіе, «приданое» и т. п. Не безъ значенія также то обстоятельство, принято ли при вступленіи въ бракъ считаться съ наслѣдственностью и алкоголизмомъ, обращаютъ ли вниманіе на здоровье матери той особы, съ которой намѣрены вступить въ брака, и т. д.

Шальмейеръ заканчиваетъ свое изложеніе программы евгеники или соціальной расовой гигіены слѣдующей категорической формулой. «Одно измѣненіе, даже улучшеніе, среды не въ состояніи безъ регулированія процесса подбора предохранить націю отъ вырожденія. И такъ какъ въ настоящее время естественный подборъ, т.-е. прямую борьбу между индивидами, нельзя уже допустить, то для современныхъ цивилизованныхъ народовъ остается лишь одинъ исходъ: регламентація полового подбора путемъ законодательнымъ, т.-е. регулированіе размноженія въ интересахъ націи. Мы имѣемъ возможность держать этотъ подборъ въ нашихъ рукахъ. Будущіе государственные люди, восклицаетъ германскій ученый, будутъ во всѣхъ государственныхъ и соціальныхъ мѣропріятіяхъ считаться съ возможнымъ вліяніемъ этихъ мѣръ на процессъ полового подбора. Политика, разсчитанная на далекое будущее, не должна ставить интересы настоящей минуты и живущаго поколѣнія выше интересовъ всей будущности расы, интересы которой должны быть признаны господствующими надъ всѣми».

Нельзя обойти молчаніемъ тотъ замѣчательный фактъ, что германская соціалъ-демократія начинаетъ въ послѣднее время про-

никаться въ этомъ вопросѣ взглядами, приближающимися, по крайней мѣрѣ въ теоріи, къ только-что цитированнымъ воззрѣніямъ ярыхъ отрицателей вліянія среды. Замѣчается увлеченіе идеей и принципами государственнаго человѣководства. Такъ, мы находимъ въ австрійской «Рабочей Газетѣ», руководящемъ органѣ австрійской соціалъ-демократіи, слѣдующія строки: «Во всей природѣ мы находимъ факты, доказывающіе, что всѣ крупныя измѣненія въ строеніи животныхъ, рѣшавшія судьбу расы, ея процвѣтаніе или гибель, явились слѣдствіемъ врожденныхъ зачатковъ, или особенностей въ строеніи»... «Само собою разумѣется, что этимъ не исключается вліяніе среды; но вліяніе это не имѣетъ рѣшающаго значенія и не имъ опредѣляется прогрессъ расы».

«Въ особенности это примѣнимо къ одной области человѣческой жизни, а именно къ интеллектуальной сферѣ. Для безпристрастнаго наблюдателя ясно, что индивиды, которымъ человѣчество обязано большими умственными импульсами и иниціативой, обязаны своей необыкновенной работоспособностью специфическимъ врожденнымъ особенностямъ ихъ духовной организаціи, особенностямъ, въ свою очередь, имѣющимъ свои корни въ особыхъ варіаціяхъ зародышевой плазмы ихъ родителей. То, что мы видимъ въ умственной эволюціи, можетъ быть цѣликомъ примѣнено и къ физической организаціи человѣка. Мы имѣемъ право сказать: Хорошая школа и хорошій школьный учитель далеко не всемогущи. Дарвинизмъ приводитъ насъ къ чрезвычайно великой практической задачѣ—къ расовой гигіенѣ. Какъ устроить человѣческое общество такъ, чтобы явилось путемъ подбора возможно большее число даровитыхъ людей, такова практическая задача, завѣщанная дарвинизмомъ человѣчеству. Когда въ будущемъ экономическая борьба классовъ приведетъ къ состоянію равновѣсія, установится соціально-справедливое государство, тогда всѣ индивиды получатъ одинаковую возможность свободнаго и равномѣрнаго развитія всѣхъ своихъ духовныхъ качествъ и способностей. Тогда-то именно и наступитъ моментъ для примѣненія соціальной гигіены; тогда только наступитъ эра возможности подбора наилучшихъ силъ расы, тогда борьба за существованіе получитъ реальное значеніе—лучшему, или болѣе совершенному будетъ принадлежать міръ».

Полемика съ различными теченіями въ проблемѣ эвгеники не входитъ въ рамки настоящаго очерка. Но, сопоставляя общія основоположенія соціалъ-демократовъ и взгляды антропо-соціологовъ, нельзя не признать перевѣса на сторонѣ первой въ широтѣ пониманія задачи и методовъ эвгеники. Въ самомъ

дѣлѣ, допустимъ даже, что вліяніе среды не имѣетъ рѣшающаго значенія, что оно само по себѣ не сильнѣе организаціи; нельзя же отрицать того, что среда есть факторъ объективный, видимый, осязаемый, доступный измѣренію и нашему воздѣйствію; съ другой стороны—внутренняя организація, невидимое строеніе какихъ-то, хотя и правдоподобныхъ, живыхъ молекулъ, которыя по всей вѣроятности всегда останутся для насъ тайной. О существованіи этихъ таинственныхъ зачатковъ мы можемъ догадаться лишь послѣ того, какъ они уже проявятся внѣшнимъ образомъ въ видѣ особыхъ уклоненій отъ нормы, или же спеціальной даровитости. Среда, наоборотъ, всегда даетъ себя знать, даже въ ея самыхъ тонкихъ и слабыхъ проявленіяхъ. Что мы можемъ знать объ индивидуальномъ предрасположеніи, какимъ образомъ можемъ мы предположить въ первые годы дѣтства существованіе у ребенка какихъ-то зачатковъ, особой даровитости или наоборотъ наклонности къ порокамъ, болѣзнямъ и вырожденію? Казалось бы, когда имѣешь задачу съ одной болѣе извѣстной величиной и другой совершенно неизвѣстною, логика диктуетъ сперва заняться первой и уже потомъ приступить къ отысканію второй, неизвѣстной величины.

Требованіе соціалъ-демократіи начать съ наиболѣе доступнаго и объективнаго элемента проблемы, съ регулированія среды, и затѣмъ уже направить усилія на регламентацію біологическаго фактора, является поэтому требованіемъ логики. Далѣе самая постановка проблемы у соціалъ-демократовъ несравненно шире, нежели у соціалъ-антропологовъ. Послѣдніе все время говорятъ о борьбѣ съ опасностью упадка расы; первые не довольствуются предупрежденіемъ упадка и вырожденія: они смотрятъ на это лишь какъ на первую фазу борьбы. Обезпечивъ расѣ здоровье, застраховавъ ее отъ вырожденія, они мечтаютъ впослѣдствіи заняться вопросомъ объ усовершенствованіи расы. Соціалъ-антропологи имѣютъ въ виду, одни—главнымъ образомъ, другіе—исключительно, обезпечить физическое процвѣтаніе расы, при чемъ многіе откровенно говорятъ не о расѣ, а о націи; духовное же процвѣтаніе расы является для нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Соціалъ-демократы считаютъ физическое процвѣтаніе массъ настолько элементарнымъ, само собою подразумѣвающимся требованіемъ, что имъ кажется страннымъ изъ него сдѣлать идеалъ и мечту. Ихъ идеалъ заключается въ преслѣдованіи духовнаго развитія и дальнѣйшаго усовершенствованія человѣческаго рода, безъ различія національностей и государственныхъ группировокъ населенія.

Аргументація соціалъ-антропологовъ стремится доказать тезисъ, будто самыя неблагопріятныя гигіеническія условія не въ состояніи обусловить біологическій упадокъ населенія и вызвать вырожденіе послѣдняго, если къ этимъ условіямъ не присоединяются какія-то специфическія вліянія, лежащія въ самой физической организаціи населенія. Шальмейеръ въ этомъ тезисѣ является представителемъ цѣлой школы германскихъ соціалъ-антропологовъ. Въ виду высокой важности этого тезиса для эвгеники и для всей проблемы борьбы съ вырожденіемъ, на немъ слѣдуетъ остановиться. Шальмейеръ ссылается на ученіе Дарвина о той роли, которую играли суровая нужда, голодъ и борьба за существованіе въ выработкѣ человѣка изъ низшаго существа.

Если авторитетъ такого ума, какъ Дарвинъ, и долженъ имѣть значеніе въ этомъ вопросѣ, то нужно помнить, что самъ Дарвинъ имѣлъ въ виду лишь первыя ступени эволюціи человѣческой породы, ея зарожденіе. Никогда и нигдѣ Дарвинъ не утверждалъ, чтобы эволюція человѣческаго рода, даже въ доисторическую эпоху, обусловлена была факторами, подобными тѣмъ, какіе господствовали въ первой стадіи возникновенія человѣческаго рода. Исторія зарожденія человѣчества и первыхъ ступеней его эволюціи покрыта еще глубокой тайной. Неизвѣстно то мѣсто, т.-е. та часть земной поверхности, гдѣ впервые совершилось преобразованіе обезьяноподобнаго существа — въ человѣческое. Неизвѣстно, когда, въ какую изъ отдаленныхъ эпохъ произошло то, что́ принято называть «появленіемъ человѣка на землѣ». Еще не рѣшенъ вопросъ, была ли первичная человѣческая раса физически слабѣе извѣстныхъ намъ нынѣ живущихъ дикарей, или, наоборотъ, сильнѣе и крупнѣе. Вотъ что́ мы находимъ объ этомъ у Дарвина [1]): «Животныя, обладающія большимъ ростомъ, свирѣпостью и способностью подобно гориллѣ защищаться отъ какихъ угодно враговъ, врядъ ли могли стать общественными, а это существеннымъ образомъ задержало бы пріобрѣтеніе высшихъ духовныхъ качествъ, каковы симпатія и любовь къ ближнимъ. Поэтому для человѣка происхожденіе отъ сравнительно слабаго существа могло оказаться величайшимъ преимуществомъ. Малая сила и быстрота человѣка, отсутствіе у него природнаго вооруженія и т. п. болѣе уравновѣшиваются, во-первыхъ, его умственными способностями, посредствомъ которыхъ онъ изобрѣлъ для себя оружіе, орудія, и т. п., хотя оставался еще въ первобытномъ состояніи; во-вторыхъ, его соціальными особенностями, побудившими его помогать другимъ и поль-

[1]) Происхожденіе человѣка.

зоваться помощью ближнихъ. Нѣтъ ни одной страны, болѣе изобилующей опасными хищниками, нежели южная Африка, нигдѣ нѣтъ такихъ ужасныхъ климатическихъ условій, какъ въ полярныхъ странахъ; однако, одна изъ мельчайшихъ расъ, именно бушмены, удерживаются въ южной Африкѣ, а малорослые эскимосы живутъ въ полярныхъ областяхъ. Но эти предки не могли подвергаться какимъ-либо особымъ опасностямъ, будь они даже гораздо безпомощнѣе и беззащитнѣе существующихъ теперь дикарей, если они жили на какомъ-либо тепломъ материкѣ, или большомъ островѣ, въ родѣ Австраліи, Новой Гвинеи или Борнео,—послѣдній является теперь родиной оранга».

Исходя изъ этой идеи Дарвина, швейцарскій антропологъ Кольманъ пытался создать ученіе о происхожденіи всѣхъ нынѣ существующихъ человѣческихъ расъ изъ одной первичной расы пигмеевъ. Ученіе это, однако же, какъ недостаточно обоснованное, не принято ученымъ міромъ.

Всѣ находки останковъ скелета первобытной, доисторической расы, сдѣланныя уже послѣ Дарвина, указываютъ на то, что раса эта была высокорослая, обладала мощнымъ и крѣпкимъ скелетомъ. Найденныя недавно на островѣ Явѣ голландскимъ врачемъ Дюбуа части скелета ближайшаго къ человѣку примата—антропопитекуса также принадлежатъ крупному и сильному существу. Данныя, добытыя въ пещерахъ, гдѣ находятся слѣды доисторическаго человѣка, также согласуются съ этими предположеніями; если, какъ видно изъ содержанія этихъ пещеръ, человѣкъ могъ тамъ находиться рядомъ съ сильнѣйшими и крупнѣйшими животными, медвѣдемъ, львомъ и др., то очевидно, въ ту эпоху человѣкъ былъ существомъ, обладавшимъ большой физической силой и ловкостью.

Съ другой стороны, все болѣе и болѣе дѣлается вѣроятнымъ, что родиной первобытнаго человѣка, т.-е. мѣстомъ, гдѣ какая-то форма приматовъ поднялась на ступень человѣческаго существа, слѣдуетъ признать Австралію, которая въ силу какого-то геологическаго переворота отдѣлилась отъ Ю.-Азіатскаго континента въ ту раннюю эпоху, когда хищники еще не водились въ Южной Азіи. Австралія поэтому осталась свободной отъ хищниковъ, что сдѣлало условія свободнаго развитія приматовъ весьма благопріятными. Можно поэтому допустить, какъ это дѣлаютъ теперь нѣкоторые антропологи, что первые шаги эволюціи человѣка были избавлены отъ жестокой борьбы съ хищниками и климатомъ. Позже, когда размножилась первичная раса и разсѣялась по Южной Азіи и даже на сѣверѣ, она всту-

пила въ борьбу съ условіями среды, но уже окрѣпнувъ физически и умственно.

На островахъ Тихаго океана, примыкающихъ къ вѣроятной родинѣ человѣка въ Полинезіи и Меланезіи, мы еще и теперь застаемъ первобытныя человѣческія племена въ такихъ условіяхъ жизни, въ которыхъ только съ большой натяжкой можно допустить ту суровую борьбу за существованіе, о которой говорятъ соціалъ-антропологи. Ни климатъ, ни условія добыванія пищевыхъ средствъ не требуютъ здѣсь отъ человѣка большого напряженія. Милліоны дикарей и понынѣ живутъ еще въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ нѣтъ мѣста серьезной борьбѣ за существованіе, борьбѣ за пищу, борьбѣ съ климатомъ и хищниками. И тѣмъ не менѣе, эти первобытныя племена поражаютъ европейцевъ прекраснымъ физическимъ тѣлосложеніемъ, красотой формъ, сравнительно-высокимъ умственнымъ уровнемъ, какого, напр., достигло еще до появленія европейцевъ племя маори въ Новой Зеландіи.

Въ одной изъ германскихъ колоній, въ Того, на западномъ берегу Африки, въ Гвинейскомъ заливѣ, еще и теперь населеніе живетъ въ такихъ условіяхъ, гдѣ безъ всякаго усилія и борьбы человѣкъ находитъ все, что̀ ему нужно. Одежда, пища, кровля растетъ и живетъ вокругъ него, не требуя никакого ухода за собой. Бананы его кормятъ и одѣваютъ, масличная пальма доставляетъ ему масло. Рѣки и лѣса полны съѣдобными и полезными продуктами. По разсчету европейцевъ, туземцу-негру достаточно 2—3 часа въ недѣлю слегка поработать, чтобы имѣть все, что̀ ему нужно. Только съ увеличеніемъ населенія, когда излишекъ его вынужденъ разстаться съ наиболѣе благопріятными мѣстностями и переселиться въ другія, гдѣ природа не столь щедра и гдѣ требуется больше труда, вступаетъ въ свои права борьба за существованіе. Теперь борьба можетъ привести къ рабству и къ канибализму, что̀ возникаетъ уже въ болѣе позднюю полуисторическую эпоху; въ теченіе же перваго періода существованія небольшихъ, разсѣянныхъ человѣческихъ группъ нѣтъ основаній приписывать борьбѣ серьезное значеніе. Европейцы, впервые посѣтившіе примитивныя племена, обитающія въ тропическихъ странахъ Австраліи, Америки и южной Азіи, не нашли тамъ никакихъ эпидемическихъ болѣзней; послѣднія были туда занесены европейцами и оказались губительными для примитивнаго населенія, организмъ котораго не выработалъ еще никакого сопротивленія дѣйствію этихъ болѣзней. Такимъ образомъ, на той стадіи, въ которой слѣдуетъ видѣть исходный

пунктъ эволюціи человѣческаго рода, а именно у низшихъ расъ, живущихъ въ тропическихъ странахъ, еще не скученныхъ и не слившихся въ большія полу-культурныя народности, нѣтъ, повидимому, тѣхъ факторовъ—нужды, подбора и отбора, въ которыхъ соціалъ-антропологи думаютъ найти двигатель эволюціи человѣческаго рода.

Борьба эта возникаетъ уже въ послѣдующую эпоху, когда вслѣдствіе разростанія первобытнаго населенія началось его разсѣяніе по поверхности земли. Конечно, само сгущеніе населенія уже должно было повести за собою внутреннюю борьбу—человѣка съ человѣкомъ. Войны, канибализмъ и рабство—таковы характерныя черты этого періода для мѣстностей съ избыткомъ населенія. Слѣды этой стадіи суровой борьбы еще и теперь сохранились во многихъ мѣстностяхъ. Замѣчательно, что тамъ именно, въ тѣхъ пунктахъ земного шара, гдѣ эта форма борьбы достигла высокаго напряженія, напримѣръ, въ центральной Африкѣ, въ центральной Австраліи, эволюція человѣка, какъ физическая, такъ и духовная и соціальная, не сдѣлала большихъ успѣховъ. Несмотря на богатые ресурсы природы, на большія массы населенія въ центральной Африкѣ,—гдѣ внутренняя борьба между человѣкомъ и человѣкомъ была особенно сильна,—культура остановилась на довольно низкой степени и замерла.

Если мы теперь находимъ человѣчество на высокомъ духовномъ и соціальномъ уровнѣ, то это является результатомъ распространенія человѣческой породы по всей поверхности земли, и, главнымъ образомъ, обусловлено водвореніемъ человѣка въ умѣренныхъ и суровыхъ поясахъ земного шара. Здѣсь примитивный человѣкъ прошелъ свой культурно-историческій стажъ, здѣсь онъ изъ дикаря превратился въ того человѣка, какимъ мы его теперь видимъ. Здѣсь человѣку пришлось бороться и съ скупой природой, и съ суровымъ климатомъ, и съ своими сосѣдями-животными, и притомъ не съ одними только хищниками.

Множество различныхъ факторовъ сильно вліяли на человѣка въ этомъ періодѣ, какъ-то: климатъ, пища, работа, режимъ; организмъ человѣка претерпѣвалъ измѣненія, приспособлялся къ новымъ условіямъ среды. Борьба съ природой создавала подборъ наиболѣе приспособленныхъ и отборъ, элиминацію менѣе приспособленныхъ индивидовъ. Борьба людей между собою также была немаловажнымъ факторомъ. Какому изъ всѣхъ этихъ факторовъ слѣдуетъ приписать наибольшую долю въ томъ прогрессѣ человѣческой породы, въ той выработкѣ болѣе высокой расы, которая получилась въ теченіе этого періода?

Соціологи новой школы утверждаютъ, что прогрессъ этотъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ приписать свободной игрѣ естественнаго подбора и естественнаго отбора, выживаніемъ сильныхъ и гибелью слабыхъ. Теорія эта не можетъ пока быть подкрѣплена никакими солидными данными. Намъ совершенно неизвѣстно, какую роль при этомъ играла организація семьи и племени и другіе соціальные элементы. У самыхъ низшихъ нынѣ живущихъ расъ уже встрѣчается довольно рѣзкое дѣленіе на классы, а позже на касты, что̀ должно было, безъ сомнѣнія, играть весьма важную роль въ выработкѣ высшаго типа человѣка, и въ чемъ можно уже видѣть искусственный соціальный подборъ.

Не нужно забывать, что эволюція человѣческаго рода и образованіе высшей группы индо-европейскихъ народовъ совершилось въ теченіе всего періода разсѣянія, передвиженія доисторическаго человѣка. Весьма вѣроятно, что самый процессъ передвиженія и кочевокъ имѣлъ немалое біологическое вліяніе на дальнѣйшее усовершенствованіе расы. То немногое, что̀ стало достояніемъ исторіи послѣднихъ этаповъ этого процесса разсѣянія человѣчества, указываетъ, что каждая новая волна, передвигавшая массу какого-нибудь народа на новое мѣсто, служила толчкомъ къ поднятію культуры и соціальной организаціи этого народа. Преданія многихъ народовъ связываютъ начало ихъ исторической жизни съ переселеніемъ (Іудея, Римъ и др.). Когда одна часть населенія подымается съ насиженнаго мѣста и уходитъ искать себѣ новыя мѣста, то, по закону вѣроятностей, эта уходящая часть будетъ содержать въ себѣ большой % наиболѣе сильныхъ и предпріимчивыхъ индивидовъ этого народа. Въ теченіе многихъ вѣковъ первобытное человѣчество не знало прочной осѣдлости и находилось въ состояніи непрерывнаго передвиженія. Эпохи крупныхъ переселеній составляли только частные эпизоды того состоянія непрерывнаго кочеванія или бродяжничества, въ которомъ человѣческій родъ находился. На этотъ бродячій, докультурный періодъ жизни человѣческаго рода нужно смотрѣть какъ на героическій и подготовительный къ культурной жизни стажъ, въ теченіе котораго завершился циклъ физическаго развитія человѣка и заложены были основы его будущей соціальной организаціи. Это былъ періодъ, когда естественный подборъ дѣйствовалъ съ наибольшей интенсивностью, а естественный отборъ неумолимо удалялъ всѣ слабые элементы, по всей вѣроятности, уже въ первыхъ годахъ жизни дѣтей.

Наступаетъ второй періодъ жизни—культурный, когда человѣкъ дѣлается осѣдлымъ и домашнимъ существомъ. Пере-

ходъ отъ жизни кочевой къ жизни осѣдлой совершился, конечно, не сразу, а постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ. Не всѣ народы, населяющіе землю, уже окончательно стали осѣдлыми. Не только среди дикихъ и полудикихъ краснокожихъ въ Америкѣ и австралійскихъ дикарей, но въ центрѣ Стараго Свѣта, на границѣ Европы и Азіи, въ Киргизскихъ степяхъ, въ Закаспійскомъ краѣ, мы застаемъ многія монгольскія и арійскія племена, обладающія нѣкоторой культурой, еще не вышедшими изъ состоянія номадовъ. Въ двухъ самыхъ большихъ цивилизованныхъ странахъ—въ Сѣверной Америкѣ и Россіи процессъ прикрѣпленія человѣка къ землѣ и превращеніе человѣка въ существо домашнее еще не завершился. Еще и на нашихъ глазахъ продолжается разселеніе, внутренняя эмиграція, передвиженіе значительныхъ массъ людей изъ одного края страны въ другой.

Мы имѣемъ поэтому возможность, сравнивая жизнь народовъ, окончательно осѣвшихъ, съ бытомъ тѣхъ немногихъ народовъ, которые еще не вышли изъ состоянія номадовъ, наблюдать то вліяніе, которое осѣдлость оказываетъ на тѣлесныя и душевныя отправленія человѣка, какія измѣненія претерпѣваетъ его организація подъ вліяніемъ осѣдлости и потери свободной жизни на лонѣ природы.

Открывается значительная аналогія между тѣми физіологическими перемѣнами, которыя испытываютъ животныя, когда они переходятъ изъ свободнаго, естественнаго состоянія на домашній режимъ. Животное одомашненное теряетъ въ своей жизнеспособности и въ способности сопротивляться вреднымъ вліяніямъ среды; оно легче заболѣваетъ. Многія животныя теряютъ свою плодовитость, нѣкоторыя дѣлаются совершенно безплодными. Другія животныя становятся въ періодѣ своей половой жизни вновь временно номадами. И хотя подъ вліяніемъ ухода и хорошаго питанія домашнія животныя дѣлаются крупнѣе дикихъ, но у нихъ обнаруживается явленіе физической дегенераціи, которая по наблюденіямъ всѣхъ натуралистовъ совершенно неизвѣстна среди животныхъ въ дикомъ, т.-е. свободномъ и естественномъ состояніи.

Весьма поучительны наблюденія надъ животными, выросшими на свободѣ и потерявшими ее по волѣ человѣка. Въ зоологическихъ садахъ Европы давно уже англійская болѣзнь считается бичемъ, уносящимъ массу молодыхъ животныхъ, и особенно сильно страдаютъ отъ этой болѣзни свиньи. Обезьяны, перенесенныя изъ своей родины въ Европу, гибнутъ отъ непривычнаго для

нихъ климата. Наблюденія надъ японской обезьяной, перевезенной въ Берлинскій зоологическій садъ, показали, что, несмотря на прекрасныя гигіеническія условія и питаніе, у обезьяны скоро открылась англійская болѣзнь, рахитизмъ, болѣзнь, совершенно неизвѣстная до сихъ поръ у обезьянъ. Болѣзнь заключается въ страданіи хрящей и костей и выражается преимущественно въ неправильномъ ростѣ костей: слѣдствіемъ болѣзни является задержка роста и тѣла, скривленныя ноги, суженіе таза, куриная грудь, недоразвитость грудной клѣтки, искривленіе позвоночнаго столба—горбатость, неправильности въ ростѣ черепа и т. д. Уродство роста—карлики и великаны также являются слѣдствіемъ рахитизма.

Долгое время врачи искали причины этой весьма распространенной въ Европѣ болѣзни то въ неправильномъ питаніи, то въ недоброкачественности питьевой воды, то въ климатическихъ условіяхъ, то ставили ее въ связь съ сифилисомъ и алкоголизмомъ. Теперь, однако, можно считать вполнѣ выясненнымъ, что эта болѣзнь—продуктъ домашней, вѣрнѣе, комнатной культуры человѣка. Профессоръ Ганземанъ [1]), ученикъ Вирхова, изучавшій эту болѣзнь, указываетъ на тотъ фактъ, что наибольшій % рахитическихъ дѣтей попадается среди родившихся осенью, тогда какъ дѣти, родившіяся весною, даютъ гораздо меньшій %. Напрашивается само собою простое объясненіе этой разницы тѣмъ, что осеннія дѣти проводятъ первые мѣсяцы своей жизни въ комнатѣ, тогда какъ весеннія дѣти уже первое время своей жизни пользуются солнцемъ и свѣжимъ воздухомъ.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ этой болѣзни твердо установленный источникъ самой разнообразной дегенераціи культурнаго населенія, источникъ, который становится все обильнѣе, чѣмъ больше развивается концентрація населенія въ большихъ городахъ и скученность въ фабрично-промышленныхъ центрахъ.

Какъ и всякое измѣненіе въ обмѣнѣ веществъ и въ питаніи, рахитизмъ способенъ, даже въ самой легкой формѣ, передаваться по наслѣдству организму потомства. Вотъ почему даже незамѣтныя уклоненія въ обмѣнѣ веществъ, которыя должны развиваться у беременныхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ или въ мастерскихъ, имѣютъ много шансовъ передаваться будущему поколѣнію, если не въ видѣ прямого унаслѣдованнаго рахитизма, что́ не доказано, то по крайней мѣрѣ въ формѣ пред-

---

[1]) Dr. Hansemann, Ueber Rachitis als Volkskrankheit. Berl. kl. Woch. 1906, № 9.

расположенія и подготовки къ заболѣванію этой болѣзнью. Трудно перечислить всѣ тѣ разнообразныя формы вырожденія, которыя влечетъ за собой рахитизмъ. Связь туберкулоза съ рахитизмомъ давно доказана, разумѣется—связь эта косвенная и заключается въ малой сопротивляемости легкихъ рахитика, обладающаго узкой грудью и слабо развитой грудной мускулатурой. Узкіе тазы рахитическихъ женщинъ часто создаютъ косвенное препятствіе къ дѣторожденію. Неправильное развитіе черепа, часто наблюдаемое скопленіе жидкости въ полости черепа, имѣетъ своими послѣдствіями различныя формы психической дегенераціи—вплоть до слабоумія. Недоразвитость передней лобной части черепа обусловливаетъ частое страданіе рахитическихъ дѣтей врожденной близорукостью. Вся армія горбатыхъ, кривоногихъ, кривобокихъ является продуктомъ рахитизма.

Всю эту обширную группу явленій вырожденія нельзя лучше охарактеризовать, какъ назвавъ ее культурной дегенераціей,—и признавъ въ этомъ вырожденіи послѣдствіе перехода человѣка отъ естественныхъ біологическихъ условій къ искусственнымъ культурнымъ—это продуктъ, если можно такъ выразиться, «одомашненія» человѣка.

На первыхъ ступеняхъ человѣческой культуры въ самой жизни обнаруживается тенденція поставить границы дальнѣйшему распространенію рахитической дегенераціи. И въ настоящее время наблюдается повышенная смертность рахитическихъ дѣтей отъ инфекціонныхъ болѣзней, большая смертность взрослыхъ отъ туберкулоза, нерѣдкіе случаи смерти рахитическихъ родильницъ во время родовъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ хорошей врачебной помощи. Но всѣ эти и другіе моменты достигали несравненно болѣе значительныхъ размѣровъ въ тѣ времена, когда медицина и общественное призрѣніе стояли еще на низкой ступени развитія. Этимъ въ извѣстной мѣрѣ достигался тотъ естественный отборъ, или бракъ слабаго дегенеративнаго населенія, въ которомъ антропо-соціологи видятъ могучаго предохранителя населенія отъ дегенераціи. Въ какой мѣрѣ этимъ путемъ достигалась чистка населенія, трудно сказать. Зато приходится признаться, что, благодаря успѣхамъ медицины и значительному подъему общественнаго призрѣнія, этотъ факторъ естественной чистки населенія отъ рахитической денегераціи потерялъ значеніе.

Профессоръ Ганземанъ почти не скрываетъ своего сожалѣнія о томъ, что теперь многихъ рахитиковъ удается вылѣчить, и этимъ дается возможность носителямъ рахитической дегенераціи передавать потомству зачатки послѣдней. При этомъ онъ реко-

мендуетъ, какъ самую раціональную и дѣйствительную методу борьбы съ рахитизмомъ, заботу о подрастающемъ поколѣніи, профилактическія мѣры, направленныя къ тому, чтобы дѣти росли при естественныхъ условіяхъ, т.-е. на воздухѣ и въ движеніи. Мѣры эти, однако, никоимъ образомъ не должны, по его мнѣнію, имѣть характеръ насилія надъ нравами и привычками и должны прежде всего стремиться къ перевоспитанію народа.

Обращаясь къ другимъ формамъ дегенераціи—къ алкогольной, сифилитической, туберкулезной, мы и тутъ убѣдимся, что культура вообще, не только близкая намъ форма ея, европейская, индустріальная, но вообще всякая культура, всякая осѣдлая жизнь человѣка въ большой коллективной единицѣ—составляетъ источникъ всѣхъ видовъ дегенерацій.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что современная соціалъ-антропологія, особенно же германская, видитъ въ дегенераціи явленіе, будто бы присущее всѣмъ эпохамъ и стадіямъ человѣческой эволюціи, но лишь нѣсколько больше выступающее съ развитіемъ культурной жизни человѣчества. Главное зло соціалъ-антропологи видятъ не въ дегенераціи вообще и не въ культурѣ, какъ источникѣ дегенераціи, а въ паденіи подъ вліяніемъ культуры силы естественнаго отбора, который въ докультурный періодъ человѣческой эволюціи самъ справлялся съ вырожденіемъ ея и усиленно дѣлалъ дѣло «чистки».

Такой взглядъ на соотношеніе между культурой и вырожденіемъ рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ даннымъ. Все говоритъ за то, что въ докультурный періодъ эволюціи человѣческій родъ не зналъ вырожденія, какъ не знаетъ его животный міръ. Когда жизнь животныхъ находится въ естественныхъ условіяхъ, тогда борьба, побѣда сильныхъ и болѣе приспособленныхъ надъ слабыми и менѣе приспособленными не имѣетъ ничего общаго съ вырожденіемъ. Если размножившаяся порода хищниковъ появляется путемъ переселенія въ новыхъ мѣстностяхъ и истребляетъ мѣстную фауну, это не значитъ еще, что послѣдняя пала вслѣдствіе процесса вырожденія. Если, напримѣръ, искусственно разведенное у насъ въ Бѣловѣжской пущѣ стадо оленей, поѣдая молодые побѣги деревьевъ, уменьшило запасы пищи, которые прежде служили зубрамъ, и послѣдніе стали вымирать, то это еще не означаетъ вырожденія зубровъ. Быть можетъ, среди нихъ и разовьется дегенерація отъ недостатка пищи, но такая дегенерація не есть причина ихъ вымиранія, а параллельно съ послѣднимъ явленіемъ вызванное культурнымъ факторомъ ухудшеніе условій добыванія пищи.

Нужно усвоить себѣ ту точку зрѣнія, что наша культура, особенно индустріальная, какъ самая тяжелая форма домашняго быта, какъ максимумъ порабощенія человѣка условіями труда, есть единственный прямой и косвенный источникъ массовой дегенераціи. Когда же къ этому трудовому закрѣпощенію человѣка, которое отрѣзаетъ его отъ природы, присоединяются еще соціальныя организаціи, выростающія на почвѣ культуры, тогда на помощь распространенію дегенераціи и ея фиксированію въ потомствѣ является новый соціально-культурный факторъ—паденіе естественной тенденціи дегенераціи къ выравниванію, къ самоизлѣченію. Наслѣдственность присоединяется къ пріобрѣтенной дегенераціи. Если бы мы могли, однако, расчленить оба фактора—дѣйствіе самого источника вырожденія и закрѣпленіе послѣдней силой наслѣдственности, то, безспорно, главный рѣшающій факторъ слѣдовало бы видѣть въ непрерывающейся продукціи новой дегенераціи—во вредномъ вліяніи культуры на біологическія отправленія человѣка.

Когда соціалъ-антропологи пытаются умалить значеніе дурныхъ гигіеническихъ и соціальныхъ условій и отрицаютъ вліяніе послѣднихъ на продукцію явленій дегенераціи, они имѣютъ противъ себя массу точныхъ данныхъ, собранныхъ гигіенистами въ области фабрично-промышленной. Желая обосновать свое отрицательное отношеніе къ этимъ даннымъ, Шальмейеръ ссылается на пещерную жизнь доисторическаго человѣка, какъ на аргументъ, уничтожающій, по его мнѣнію, значеніе вредныхъ гигіеническихъ условій. Трудно придумать менѣе убѣдительное доказательство. Ничѣмъ, во-первыхъ, не доказано, чтобы существовалъ такой періодъ эволюціи доисторическаго человѣка. Пещерныя породы находятся въ горныхъ мѣстностяхъ (Кавказъ, Крымъ и др.), которыя по всѣмъ даннымъ относятся къ историческимъ эпохамъ, и, повидимому, пещеры были лишь временными убѣжищами, гдѣ населеніе пряталось иногда отъ враговъ. Слѣды доисторической пещерной жизни такъ рѣдки, что не даютъ никакого права говорить о цѣломъ пещерномъ періодѣ жизни человѣческаго рода.

Изъ того, что почти во всѣхъ такихъ пещерахъ находятъ слѣды присутствія хищниковъ, можно бы съ такимъ же правомъ вывести заключеніе, что человѣкъ жилъ въ одной компаніи со львами, медвѣдями и т. п. Очевидно, что пещеры служили именно лишь временнымъ убѣжищемъ, а человѣкъ той эпохи еще не былъ домашнимъ существомъ, а кочующимъ охотникомъ. Шальмейеръ говоритъ о зловоніи пещеръ, о разлагающихся тру-

пахъ, погибшихъ отъ инфекціонныхъ болѣзней. А между тѣмъ, исторія не сохранила никакихъ указаній на существованіе эпидеміи въ древнемъ Египтѣ. Древнѣйшія упоминанія о проказѣ принадлежатъ Библіи и относятся уже къ высоко-культурной эпохѣ. Первое положительное указаніе на эпидемію [1]) (у Θукидида) относится къ 5-му вѣку до Р. Х. въ Греціи. Первоисточникомъ заразныхъ болѣзней для Европы являются восточныя страны, гдѣ раньше, чѣмъ въ Европѣ, развилась культура и возникли большіе населенные центры.

Ссылка Шальмейера на пещерную жизнь весьма характерна. Она показываетъ, что соціалъ-антропологи извѣстнаго лагеря идутъ на буксирѣ у опредѣленнаго соціально-политическаго теченія, закрывающаго глаза на дѣйствительность, не желающаго видѣть, гдѣ находится настоящій источникъ вырожденія.

Мы можемъ теперь попытаться дать болѣе полное опредѣленіе проблемы эвгеники. Чѣмъ отличается цѣль и программа этой молодой науки отъ общественной гигіены, основные принципы которой уже были извѣстны многимъ народамъ древности? Востокъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ изъ чистоты религіозный обрядъ въ видѣ обязательнаго омовенія. Изолированіе прокаженныхъ уже вполнѣ можетъ быть признано мѣрой, регулирующей подборъ, мѣрой борьбы съ вырожденіемъ. Бракъ почти у всѣхъ полукультурныхъ всегда подвергали регламентаціи, имѣвшей своей цѣлью огражденіе здоровья расъ.

Что же несетъ эвгеника новаго на своемъ знамени? Основатель новой науки «національной эвгеники», Гальтонъ, въ своей рѣчи, произнесенной на открытіи лабораторіи при лондонскомъ университетѣ, въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ задачи этой науки: «изученіе тѣхъ агентовъ, находящихся подъ соціальнымъ контролемъ, которые могутъ улучшить или ухудшить какъ физическія, такъ и духовныя свойства будущихъ поколѣній». Слово эвгеника должно по идеѣ Гальтона обнимать два разряда явленій—хорошіе зачатки и хорошій подборъ. Эвгеника, говоритъ Пирсонъ [2]), продолжатель дѣла Гальтона, стоящій въ настоящее время во главѣ эвгенической лабораторіи, наука уже не новая. Она пережила первую фазу всякой науки—идеологическую (Платонъ), пережила и вторую фазу—наблюдательную (работа врачей, криминалистовъ и соціо-

---

[1]) Характеръ этой эпидеміи не выясненъ. Одни ее считаютъ чумой, другіе оспой, нѣкоторые видятъ въ ней тифъ.

[2]) The scope and importance to the state of the science of National-Eugenics. 1908. London.

логовъ XIX вѣка) и въ настоящій моментъ вступаетъ уже въ третью и послѣднюю фазу—измѣрительную и прикладную. Изъ области догадокъ и предположеній она вступаетъ въ фазу детальнаго изученія явленій наслѣдственности, тщательно освѣщая весь тотъ вредъ, который наносится націи свободнымъ безконтрольнымъ подборомъ, указываетъ на опасность, угрожающую всей будущности націи, и описываетъ средства борьбы со зломъ. Эвгеника,—говоритъ Пирсонъ,—должна вспомнить слова Платона: «государственный человѣкъ, желающій добиться улучшенія породы своего народа, долженъ взять примѣръ съ пастуха, желающаго поднять породу своего стада. Такой пастухъ, говоритъ Платонъ, начинаетъ съ чистки стада, съ удаленія всѣхъ плохихъ и слабыхъ экземпляровъ». Чистка эта, въ человѣческомъ обществѣ,—продолжаетъ Пирсонъ,—въ прежнія эпохи производилась силами самой природы, или, какъ говорятъ біологи, космическимъ путемъ. Естественная борьба за существованіе въ человѣческой средѣ дѣйствовала въ доисторическія времена неуклонно и безпощадно, какъ и въ мірѣ животномъ, и чистка расы отъ негодныхъ элементовъ совершалась космическими силами—природой. Съ поднятіемъ человѣка на ступень культурнаго существа естественная чистка ослабѣла; кромѣ того, человѣкъ сталъ существомъ этическимъ, и въ настоящее время требованія чистки встрѣчаютъ противодѣйствіе не только въ культурѣ, но и въ душѣ современнаго человѣка—въ его этикѣ. Эвгеника не можетъ вступать въ конфликтъ съ совѣстью, съ чувствомъ состраданія и человѣколюбія, составляющими крупныя соціальныя цѣнности, большія пріобрѣтенія, сдѣланныя человѣкомъ на пути его развитія. Въ то же время, имѣя въ виду высокую цѣль, благо будущихъ поколѣній, требующее и большихъ реальныхъ жертвъ со стороны современнаго общества и большихъ уступокъ со стороны этическаго сознанія современнаго человѣка, эвгеника должна въ первую очередь посвятить себя пропагандѣ своихъ принциповъ и добиться примиренія между требованіями будущаго, т.-е. эвгеники, и между голосомъ этики. Конечной цѣлью этой пропаганды,—формулируетъ Пирсонъ свое заключеніе,—должно быть созданіе такого новаго соціальнаго міропониманія, которое сдѣлало бы необходимыя отъ индивидовъ жертвы актомъ высшаго національнаго патріотизма. И эвгенисты не сомнѣваются, что это время близко.

Никоимъ образомъ эвгеника не требуетъ суроваго отношенія къ слабымъ, не ограничиваетъ проявленія филантропіи, она стремится лишь дать болѣе цѣлесообразное примѣненіе

нашему чувству состраданія, дабы оно не принесло вреда обществу. Пропаганда этой основной идеи—примиренія этики съ высшими интересами расы, ея будущностью, и составляетъ пока главную работу эвгенистовъ. Лабораторія, основанная Гальтономъ, собираетъ данныя, касающіяся унаслѣдованія и вырожденія, и знакомитъ общество съ результатами этихъ изслѣдованій. За короткій періодъ своего существованія лабораторія успѣла уже выполнить рядъ цѣнныхъ планомѣрныхъ изслѣдованій соціально-біологическаго характера надъ унаслѣдованіемъ физическихъ и духовныхъ свойствъ, надъ унаслѣдованіемъ болѣзней, надъ унаслѣдованіемъ въ области явленій вырожденія. Эти изслѣдованія уже обнаружили нѣсколько интересныхъ фактовъ. Такъ, во-первыхъ, обнаруживается, что, кромѣ прямого унаслѣдованія потомствомъ опредѣленныхъ уродствъ, аномаліи и болѣзней родителей, существуетъ еще болѣе скрытая и сложная форма наслѣдственности, которая заключается въ томъ, что у потомковъ, рожденныхъ отъ родителей, страдающихъ одними какими-либо симптомами вырожденія, встрѣчаются другіе симптомы вырожденія, весьма отдаленные отъ родительскихъ. Такъ, напримѣръ, у родителя, страдающаго альбинизмомъ [1]), можетъ явиться ребенокъ идіотъ, у нервнаго отца—сынъ алкоголикъ, отъ туберкулозныхъ родителей—дѣти помѣшанныя и т. д. Это даетъ Пирсону поводъ высказать предположеніе, что, быть можетъ, существуетъ родъ унаслѣдованія «вырожденія». Явленіе это, впрочемъ, въ медицинѣ давно извѣстно, и было уже описываемо не разъ подъ именемъ трансформаціи наслѣдственности; однако жъ собранные лабораторіей матеріалы расширяютъ понятія о трансформаціи наслѣдственности и даютъ цѣнные факты для уясненія природы вырожденія [2]).

Другое болѣе важное значеніе имѣютъ изслѣдованія сравнительной плодовитости семействъ, принадлежащихъ различнымъ классамъ населенія въ Англіи, Сѣверной Америкѣ и Даніи. Наименьшей плодовитостью обладаютъ англійскія интеллигентныя семьи, наибольшей духовно-дефективныя семьи лондонскаго населенія. Въ этихъ же семьяхъ и дѣтская смертность наибольшая; но изысканія Герона показали, что смертность въ дефективныхъ семьяхъ не выравниваетъ перевѣса рожденія, и что въ общемъ итогѣ % прироста дефективной вырождающейся группы населенія все же значительно больше % прироста здороваго населенія.

---

[1]) Глазъ, радужная оболочка котораго лишена пигмента, кроличій глазъ.

[2]) Orschansky, Etude sur l'Heredité, 1894 г.

Такимъ образомъ, приходится признать печальный фактъ прогрессивнаго наростанія пропорцій дегенеративнаго элемента—въ смыслѣ біологическомъ и соціальномъ въ современныхъ культурныхъ странахъ. Пирсонъ, основываясь на этихъ фактахъ, рѣшается уже произнести слово, которое еще не встрѣчается у Гальтона—а именно «національная опасность».

Гальтонъ, который имѣлъ больше въ виду общее поднятіе расы, чѣмъ ея чистку, категорически не допускалъ мысли о законодательномъ вмѣшательствѣ въ эту область. Онъ еще незадолго до своей смерти писалъ: «Эвгеника разсчитываетъ въ своей работѣ лишь на силу общественнаго мнѣнія, которая окажется достаточно мощной, разъ она будетъ завоевана этой идеей».

Одинъ изъ видныхъ изслѣдователей въ различныхъ областяхъ соціальной гигіены—Гавелокъ Еллисъ [1]), остается и теперь въ своемъ послѣднемъ сочиненіи вѣрнымъ принципамъ Гальтона. Онъ не допускаетъ обязательнаго требованія отъ вступающихъ въ бракъ врачебнаго свидѣтельства о своемъ здоровьѣ и удостовѣренія хорошаго (въ біологическомъ смыслѣ) происхожденія. Конечно, въ высшей степени желательно,—говоритъ онъ, установить обычай удостовѣряться въ личномъ и фамильномъ здоровьѣ предъ вступленіемъ въ бракъ, но лишь сознательно, по личной волѣ.

Далеко не всѣ эвгенисты сохранили еще ту позицію, которую занималъ Гальтонъ. Оффиціальный представитель эвгеники въ Англіи Пирсонъ уже не довольствуется одной пропагандой эвгеники. Онъ говоритъ уже объ опасности, о необходимости принести въ жертву то, что́ для англійскаго гражданина было до сихъ поръ самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ—его личную свободу, его индивидуальность.

Въ самомъ дѣлѣ, чего требуютъ строгіе выводы изъ факта «національной опасности», которую уже теперь громко признаютъ эвгенисты. Разъ «опасность» существуетъ отъ накопленія вредныхъ элементовъ въ націи, разъ естественный подборъ оказывается недостаточнымъ для чистки націи, разъ цивилизація и гуманность способствуютъ прогрессу дегенераціи, необходимо, говорятъ эвгенисты, совершить эту чистку законодательнымъ путемъ, не дожидаясь, пока общество подымется на такую высоту, что чистка станетъ совершаться самимъ обществомъ, и совершится «самочистка». И дѣйствительно, нужна большая доза оптимизма,

[1]) Havelock Ellis,—Rassenhygiene u. Volksgesundheit. 1912.

чтобы вѣрить, что можетъ наступить такое время, когда сами дегенеранты проникнутся эвгеническими идеями и добровольно откажутся отъ своего права на размноженіе. Пока дегенеранты не сдѣлаютъ этого добровольно, эвгеника можетъ добиться лишь одного, чтобы здоровые элементы населенія не вступали въ бракъ съ дегенерантами. Но отъ этого дальнѣйшее наростаніе дегенеративнаго населенія не уменьшится; напротивъ того, изслѣдованія самихъ эвгенистовъ указываютъ на высокую плодовитость тѣхъ семействъ, гдѣ оба родителя дегенеранты.

Конечно, изоляція дегенеративной части населенія отъ здороваго была бы уже нѣкоторымъ выигрышемъ для расы. Но образованіе въ одной странѣ рядомъ двухъ, по всей вѣроятности враждебныхъ лагерей, здоровыхъ и дегенеративныхъ людей, едвали можно считать удовлетворительнымъ рѣшеніемъ проблемы. Отсюда уже одинъ шагъ назадъ къ старой системѣ, которую эвгенисты такъ порицаютъ, къ системѣ высылки преступныхъ и вообще вредныхъ, нежелательныхъ элементовъ общества. Совершенно естественно, что, разъ зародилась въ видѣ эвгеники идея о чисткѣ націи, въ интересахъ ея будущаго, логическій ходъ мысли роковымъ образомъ приводитъ къ насилію, къ законодательному вмѣшательству въ самый интимный уголокъ личной жизни человѣка, въ тотъ уголъ, куда до настоящаго времени осмѣливалась заглянуть одна религія.

Точныя статистическія данныя показываютъ также, что средняя продолжительность жизни у дегенеративныхъ семействъ не только не ниже, чѣмъ у здоровыхъ, но часто они превышаютъ послѣднихъ, что́ опять-таки даетъ имъ больше шансовъ на большое потомство. Опасность, если эти факты вѣрны, оказывается таки довольно серьезной. Многіе эвгенисты открыто заговорили о необходимости законодательной борьбы съ опасностью. Такъ, Пирсонъ въ своей послѣдней рѣчи говоритъ: «Можно считать доказаннымъ, что и совѣсть, какъ одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой психики, переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ; я не сомнѣваюсь поэтому и въ томъ, что преступныя наклонности въ свою очередь наслѣдуются потомствомъ. Мы теперь кормимъ нашихъ помѣшанныхъ и преступниковъ, мы отпускаемъ ихъ изъ заведенія или пріюта «исправленными» и «излѣченными», и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы ихъ получаемъ обратно въ тѣ же пріюты и заведенія послѣ того, какъ они успѣли за это время своего пребыванія на свободѣ посѣять сѣмена своей дегенераціи. Среднее число преступленій, совершенныхъ каждымъ англійскимъ преступникомъ, попадающимъ въ тюрьму, равняется 10. Какъ бы мы ни вылѣчили

помѣшаннаго и ни исправили преступника, но съ точки зрѣнія эвгеники мы не устраняемъ опасности отъ того и другого». «Ихъ соціальная опасность заключена въ ихъ зародышевыхъ клѣткахъ. Наше высоко развитое чувство гуманности диктуетъ жалость и заботливость по отношенію къ этимъ несчастнымъ. Эвгеника говоритъ: будьте милостивы, но не забывайте своего долга по отношенію къ націи. Никакой народъ не въ состояніи сохранить своей силы, если здоровые элементы населенія не будутъ имѣть перевѣса въ плодовитости. Если мы хотимъ имѣть мужественный и способный народъ, мы должны озаботиться, чтобы негодные элементы населенія не оставили никакого потомства. Будемъ помнить, что біологическіе факторы одни управляютъ эволюціей человѣчества. Отъ нихъ однихъ зависитъ расцвѣтъ и упадокъ народовъ. Такъ какъ мы не имѣемъ средствъ противъ вырожденія, остается лишь принять мѣры противъ передачи вырожденія путемъ унаслѣдованія потомками и вмѣстѣ съ тѣмъ придумать мѣры, чтобы поднять плодовитость лучшихъ элементовъ. Нельзя мириться съ такими явленіями, какія теперь наблюдаются въ Англіи, гдѣ существуетъ обширный кругъ даровитыхъ личностей, почти безплодныхъ, гдѣ цѣнныя духовныя качества потеряны для будущности націи». «Если въ основу соціальнаго законодательства не будутъ положены эти взгляды о необходимости дать перевѣсъ размноженію лучшихъ элементовъ, націи грозитъ вырожденіе, она снова погрузится въ варварство, изъ котораго ее, быть можетъ, выведетъ, какъ и раньше, вновь получившій силу жестокій законъ естественнаго подбора».

Хотя Пирсонъ ни разу не обмолвился въ своей рѣчи ни однимъ словомъ объ ограниченіи свободы брака и о кастраціи, но для всякаго ясно, что подъ словами соціальное законодательство слѣдуетъ понимать именно мѣры насильственнаго обезвреженія дегенеративнаго класса населенія.

Мѣры эти получили въ послѣднее время названіе элиминаціи, т.-е. устраненіе вреднаго или дегенеративнаго элемента. Въ Германіи говорятъ объ элиминаціи зародышеваго источника, т.-е. устраненіи не самого дегенеративнаго индивида, а содержащихся въ немъ вредныхъ зародышевыхъ зачатковъ. Интересно, что большинство психіатровъ, хотя имъ больше, чѣмъ кому-либо, приходится имѣть дѣло съ дегенеративными элементами населенія, съ идіотами, эпилептиками, алкоголиками и помѣшанными, не идутъ дальше теоретическаго признанія желательности нѣкоторыхъ единичныхъ случаевъ примѣненія насилія надъ своими паціентами. Такъ, выдающійся германскій психіатръ Крепелинъ

говоритъ: «Хотя нельзя отрицать необходимости регулированія полового подбора, но трудно въ ближайшемъ будущемъ ожидать, чтобы общественное мнѣніе примирилось съ вмѣшательствомъ закона въ эту въ высшей степени личную область человѣческой жизни».

Почти тѣ же слова говоритъ психіатръ Ашафенбургъ по поводу борьбы съ преступностью.

Рѣшительнѣе высказываются юристы. Извѣстный криминалистъ Гентигъ [1]) пишетъ: «Приходится вѣрить въ унаслѣдованіе въ зародышевой ткани тенденціи къ такимъ дѣйствіямъ, которыя въ соціальномъ организмѣ являются преступленіемъ. Когда преступный типъ соединяется со здоровымъ, то повидимому первый дѣлается въ потомствѣ господствующимъ (доминантнымъ въ смыслѣ теоріи менделизма). Надежды на регенерацію потомства, или возвращеніе потомства къ среднему здоровому типу человѣка очень мало».

Гентигъ цитируетъ слова директора Гамбургскаго зоологическаго сада Гагенбека, извѣстнаго дрессёра, который высказываетъ глубокое убѣжденіе въ возможности исправлять натуру и характеръ звѣрей при помощи извѣстной методы воспитанія. «Дикіе звѣри, какъ люди», говоритъ Гагенбекъ, «одарены отъ природы хорошими и дурными зачатками. Воспитаніе можетъ развить первые и подавить послѣдніе». Гентигъ замѣчаетъ по этому поводу, что къ человѣку взгляды Гагенбека не примѣнимы. Человѣка труднѣе, по его мнѣнію, исправить, чѣмъ звѣря, по той причинѣ, что всякій человѣкъ въ дѣтствѣ по натурѣ своей полупреступникъ—морально недоразвитое существо, которое иногда уже при рожденіи является носителемъ врожденныхъ, органическихъ зачатковъ пороковъ и преступностей.

При рѣшеніи вопроса о томъ, какія мѣры допустимы и какія непріемлемы, нужно, говоритъ Гентигъ, бросить разсужденіе о достоинствѣ человѣческой личности. Только прямые эксперименты должны имѣть здѣсь рѣшающее значеніе.

Только-что упомянутый криминалистъ сдѣлалъ первую серьезную попытку пересмотрѣть всю проблему борьбы съ преступностью съ точки зрѣнія подбора и отбора [2]). Онъ указываетъ не безъ основанія, что въ самой преступности, въ этой спеціальной средѣ, въ томъ режимѣ, который она создаетъ, и вообще во всей системѣ наказанія, проявляется нѣкоторая

---

[1]) Hentig, Strafrecht u. Auslese, 1914.

[2]) Слова „подборъ“ и „отборъ“ употребляются часто, какъ однозначащія; здѣсь первый терминъ употребляется въ смыслѣ выбора лучшихъ экземпляровъ, а второй терминъ въ смыслѣ устраненія худшихъ.

инстинктивная тенденція къ отбору, къ исключенію преступнаго человѣка изъ націи. Продолжительное лишеніе свободы и ссылка, каторжныя работы суть мѣры, ограничивающія дальнѣйшую передачу будущимъ поколѣніямъ антисоціальныхъ тенденцій, сидящихъ въ организаціи преступнаго люда.

Гентигъ напоминаетъ указаніе извѣстнаго итальянскаго психіатра Морселли на элиминирующее значеніе самоубійства, какъ одного изъ явленій отбора и чистки общества отъ дегенеративныхъ, «несоціально-способныхъ» элементовъ.

Точку зрѣнія Морселли на самоубійства, какъ на селективный (отборный) процессъ, Гентигъ распространяетъ на проституцію и съ большой натяжкой переноситъ это также на эмиграцію. Онъ высказываетъ при этомъ мысль, что эмиграція, напр., изъ Германіи въ Америку, удаляетъ слабые въ смыслѣ соціальнаго приспособленія элементы, которые направляются въ мѣста меньшаго соціальнаго или экономическаго напряженія. И въ эмиграціи онъ видитъ, такимъ образомъ, явленіе селективное.

Въ настоящій моментъ получаютъ особенный интересъ нѣкоторыя соображенія, которыя Гентигъ высказываетъ о ростѣ населенія. Если преступность, проституція и накопленіе другихъ несоціально-способныхъ элементовъ происходитъ отчасти отъ перенаселенія, т.-е. отъ повышеннаго напряженія пульса соціальной жизни, отъ увеличенія интенсивности борьбы за существованіе, то почему бы не пойти той дорогой, по которой уже пошли нѣкоторые народы, а именно, по пути уменьшенія рождаемости и замедленія прироста населенія? Называя этотъ способъ рѣшенія вопроса утопическимъ, Гентигъ говоритъ, что онъ былъ бы прекраснымъ рѣшеніемъ, если бы на земномъ шарѣ не было еще много другихъ—конкуррирующихъ съ нами націй. «Понизивъ нашу плодовитость, мы потеряемъ нашу силу сопротивленія въ борьбѣ съ какимъ-нибудь другимъ народомъ, обладающимъ низшей культурой и большей плодовитостью, нежели мы. Намъ нужно заботиться о томъ, чтобы въ борьбѣ побѣдителями были наиболѣе сильные и приспособленные».

На первомъ конгрессѣ эвгенистовъ въ 1912 г., въ Лондонѣ, были намѣчены и рекомендованы слѣдующія желательныя мѣры борьбы:

1) Разлученіе супруговъ дегенеративной семьи на продолжительное время, на весь производительный періодъ.

2) Ограничительные брачные законы, т.-е. воспрещеніе вступать въ бракъ лицамъ, одержимымъ извѣстными болѣзнями,

какъ алкоголизмъ, эпилепсія, чахотка и сифилисъ, перенесшимъ помѣшательство.

3) Запрещеніе вступать въ бракъ потомкамъ семействъ, въ которыхъ были такіе больные.

4) Искусственное воспрепятствованіе оплодотворенія (для извѣстной категоріи семействъ).

5) Спеціальный подборъ лицъ, вступающихъ въ бракъ.

6) Разрѣшеніе многоженства нѣкоторымъ индивидамъ въ интересахъ поддержанія породы.

7) Обязательное примѣненіе кастрированія къ нѣкоторымъ субъектамъ, какъ-то: идіотамъ, эпилептикамъ, тяжелымъ формамъ помѣшательства, алкоголикамъ, неисправимымъ преступникамъ.

8) Замѣна кастраціи менѣе тяжелой операціей, «стерилизаціей», которая, не нарушая половой жизни, лишь уничтожаетъ возможность оплодотворенія.

9) Мѣры улучшенія тѣхъ условій жизни, которыя могутъ вліять на здоровье населенія.

Нѣкоторыя изъ выставленныхъ въ этой программѣ требованій уже были фактически осуществлены въ нѣсколькихъ штатахъ Сѣверной Америки за нѣсколько лѣтъ до конгресса. Въ шести штатахъ уже вошелъ въ силу законъ, запрещающій бракъ душевно-больнымъ, слабоумнымъ, эпилептикамъ и тяжелымъ алкоголикамъ.

Всего шире этотъ законъ формулировали въ штатѣ Мичиганъ; штатъ Индіана принялъ въ 1907 году, по предложенію гинеколога Шарка, законъ о стерилизаціи индивидовъ, потомство которыхъ признано вреднымъ. Штатъ Конектикутъ, по примѣру Индіаны, ввелъ у себя этотъ законъ. Штатъ Калифорнія принялъ законъ о кастраціи. Къ январю 1912 г. 8 штатовъ ввели у себя законъ о стерилизаціи; послѣднимъ былъ штатъ Нью-Іоркъ, который въ 1912 году принялъ такой же законъ. Во многихъ другихъ штатахъ Америки, гдѣ еще его нѣтъ, стерилизація производится свободно, добровольно, съ согласія индивида.

Изъ европейскихъ государствъ только въ Швейцаріи была въ цюрихской окружной психіатрической больницѣ и въ университетской клиникѣ примѣнена кастрація и стерилизація съ согласія больныхъ и съ разрѣшенія общины слабоумныхъ, преступниковъ, мужчинъ и женщинъ въ 19 случаяхъ.

Основатель новой науки, Френсисъ Гальтонъ [1]), заканчиваетъ свою послѣднюю статью «Эвгеника, какъ факторъ рели-

[1]) Eugenics as a Factor of Religion.

гіи» слѣдующими словами: «Эвгеническое вѣрованіе расширяетъ задачу человѣческой любви, распространяя ее на будущія поколѣнія... Она строго воспрещаетъ всѣ тѣ формы сантиментальности, которыя вредны для расы, указываетъ пути къ совершенію того, что́ можетъ вполнѣ замѣнить воспрещенное. Короче сказать, эвгеника есть мужественное вѣрованіе, полное надеждъ, которое обращено къ самымъ благороднымъ чувствамъ нашей природы».

Когда мы сопоставимъ эти возвышенныя и трогательныя слова съ тѣми, что́ говорятъ и пишутъ эвгенисты-юристы, врачи-соціологи, съ тѣми требованіями, которыя формулировались на первомъ конгрессѣ эвгенистовъ, испытываешь такое чувство, какое переживаетъ человѣкъ, очнувшійся отъ чуднаго сна и сразу возвращающійся къ сѣренькой дѣйствительности.

Новая религія любви къ будущему человѣчеству—и кастрація! Есть надъ чѣмъ позадуматься. Невольно спрашиваешь себя, не заблудились ли эвгенисты, не сбились ли они съ прямого пути!

Допустимъ нѣчто совсѣмъ невозможное, что путемъ оперативнаго вмѣшательства сдѣлана будетъ попытка прекратить дальнѣйшее размноженіе всей инвалидной группы населенія во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. По вычисленіямъ американскихъ соціологовъ и статистиковъ, въ однихъ Сѣверо-Американскихъ штатахъ имѣется до 10% дегенеративнаго населенія, подлежащаго элиминаціи, т.-е. до 7 милліоновъ людей. Неужели можно серьезно говорить о такой массовой кастраціи или стерилизаціи? Пойдемъ, однако же, въ нашихъ предположеніяхъ и допущеніяхъ дальше. Предположимъ, что какая-нибудь нація приняла бы такое героическое рѣшеніе; послѣднее наткнулось бы на непреодолимое препятствіе—на невозможность точнаго разграниченія дегенеративныхъ индивидовъ отъ недегенеративныхъ, подлежащихъ элиминированію отъ такихъ, которымъ можно предоставить свободу и возможность оставить потомство.

Странно, что эвгенисты принимаютъ такія категорическія рѣшенія, прежде чѣмъ наука — біологія, антропологія и медицина, выработали точный критерій того, что́ слѣдуетъ считать несомнѣннымъ доказательствомъ наличности вырожденія у даннаго индивида.

Дегенерація можетъ быть минимальная и максимальная. Какой врачъ возьметъ на себя отвѣтственность при рѣшеніи вопроса о степени развитія вырожденія у даннаго лица и шансовъ перехода его дегенераціи къ потомкамъ? Лишь въ сравни-

тельно немногихъ случаяхъ, когда передъ нами находится слабоумный, неизлѣчимый помѣшанный и вообще полная психическая инвалидность, рѣшеніе не представитъ затрудненія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ придется рѣшать вопросы, имѣемъ ли мы дѣло съ вырожденной дегенераціей или съ послѣдствіями болѣзни, перенесенной въ началѣ жизни. Педагогамъ-врачамъ хорошо извѣстны тѣ практическія трудности, какія встрѣчаются, когда приходится установить предсказаніе относительно явно-слабоумныхъ дѣтей—и опредѣлить, могутъ ли они, выросши, подняться до минимальнаго уровня человѣческой психики и сдѣлаться соціально-годными индивидами или нѣтъ.

Еще больше сложности и затрудненій въ вопросѣ объ элиминаціи уже существующихъ потомковъ такихъ дегенерантовъ, соціальныхъ инвалидовъ. Предъ нами семья дегенеранта-отца или матери—положимъ, эпилептика, слабоумнаго, алкоголика, преступника и т. д. Въ этой семьѣ могутъ быть и дѣти, не несущія на себѣ печати явнаго вырожденія. Какъ быть съ ними? Примѣнить ли къ нимъ оперативный пріемъ элиминаціи или нѣтъ? Это будетъ зависѣть отъ того, какъ смотрѣть на сидящую въ нихъ скрытую наслѣдственность. Если вѣрить, что болѣзненная и вредная наслѣдственность сидитъ, хотя и скрытно, во всѣхъ потомкахъ, тогда всѣ дѣти подлежатъ элиминаціи, несмотря на кажущееся ихъ нормальное сложеніе и здоровье.

Какъ извѣстно, основатель ученія о вырожденіи, Морель, вѣрилъ въ прогрессивный характеръ вырожденія, которое возникаетъ на почвѣ ненормальной наслѣдственности и, все возрастая въ каждомъ слѣдующемъ поколѣніи, оканчивается фатально наступленіемъ безплодія и вымираніемъ.

Въ дѣйствительности схема Мореля изображаетъ явленія вырожденія въ сильно увеличенномъ видѣ. Случаи вырожденія отдѣльныхъ семействъ представляютъ, къ счастью, рѣдкое исключеніе. Вырожденіе, повидимому, нуждается, кромѣ патологической наслѣдственности, еще въ цѣломъ рядѣ содѣйствующихъ, т.-е. вредныхъ соціальныхъ условій, какъ пауперизмъ, невѣжество, тяжелый трудъ, неправильная жизнь и т. д. Тамъ, гдѣ всѣ эти условія имѣются налицо, вырожденіе, конечно, возможно. Съ другой стороны, въ самомъ способѣ дѣйствія патологической наслѣдственности на потомковъ содержится, кромѣ чисто-біологическаго вліянія больной конституціи родителей, еще масса бытовыхъ и культурныхъ факторовъ, какъ-то: плохая обстановка, отсутствіе надзора и правильнаго воспитанія, грубое и жестокое обращеніе съ дѣтьми, дурные примѣры и непосредственное вредное психическое вліяніе больного родителя,

напримѣръ пьяницы, на душевное развитіе ребенка. Совокупность всѣхъ этихъ условій, влекущая за собой раннее знакомство дѣтей съ улицей, раннюю нужду, бродяжничество дѣтей и т. д., быть можетъ, оказываетъ гораздо больше вліянія на процессъ вырожденія потомства, чѣмъ сама больная кровь родителей. Во всемъ ученіи о вырожденіи этотъ вопросъ о расчлененіи двухъ факторовъ,—конституціи родителей и режима жизни, играетъ главную роль, и, пока это расчлененіе не будетъ сдѣлано, мы не имѣемъ права говорить о фатальномъ вліяніи патологической наслѣдственности и о какомъ-то роковомъ законѣ дегенераціи.

Наука еще не обладаетъ вѣрной методой, которая давала бы возможность въ каждомъ конкретномъ случаѣ предвидѣть дальнѣйшую судьбу дегенеранта и предсказать участь его потомства. Для того, чтобы быть совершенно увѣреннымъ въ полномъ истребленіи всѣхъ нежелательныхъ зачатковъ, скрытыхъ въ организмѣ даннаго дегенеранта или больного, необходимо элиминировать все его потомство, даже то, которое обладаетъ цвѣтущимъ здоровьемъ и не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ вырожденія или инвалидности. Законодательное требованіе такого рода элиминированія цѣлой семьи можетъ и должно во многихъ случаяхъ встрѣтить естественную и законную оппозицію, которую нельзя будетъ, къ счастью, одолѣть. Мы говоримъ къ счастью, такъ какъ огульное элиминированіе всего потомства дегенерантовъ грозило бы нанести огромный ущербъ духовному инвентарю націи, лишило бы страну многихъ талантливыхъ и весьма цѣнныхъ въ соціальной экономіи народа гражданъ.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ и соображеній, можно ли серьезно выставить такое требованіе, какъ регулированіе, насильственное и законодательнымъ путемъ, размноженія населенія, и претендовать на радикальное устраненіе или обезвреженіе всѣхъ, какъ явныхъ, такъ и скрытыхъ, болѣзнетворныхъ и вредныхъ зачатковъ, таящихся въ организаціи извѣстной части населенія? Подобная задача превышаетъ и силы современной науки, и едва-ли доступна самому деспотическому изъ правительствъ.

Предположимъ однако, что невозможное стало возможнымъ, и что мечта нѣкоторыхъ эвгенистовъ осуществилась — одновременно, въ данномъ государствѣ, произошла та идеальная чистка человѣческаго стада, о которой мечталъ Платонъ для Аѳинъ. Всѣ подозрительные элементы, больные, дегенераты, порочные, слабые, устранены отъ участія въ приростѣ населенія даннаго

народа. Будетъ ли этой радикальной чисткой достигнута та завѣтная цѣль, на которую указываютъ намъ эвгенисты, цѣль, которая должна оправдать попраніе самаго святого и дорогого для человѣка—его сознанія личной свободы въ вопросахъ сердца, семьи, его чувства отвѣтственности за судьбу своихъ дѣтей? Будетъ ли этими жертвами достигнуто поднятіе біологическаго уровня расы, обезпечено ея дальнѣйшее процвѣтаніе, физіологическое и соціальное, есть ли надежная гарантія тому, что вырожденіе, инвалидность, болѣзни, со всѣми ихъ спутниками, не возродятся вновь въ этой странѣ?

Эвгенисты, вѣрующіе въ цѣлесообразность предлагаемой ими мѣры и признающіе въ ней радикальное рѣшеніе вопроса, очевидно, считаютъ роль соціальныхъ факторовъ второстепенной. Они забываютъ, что пока алкоголь остается народнымъ напиткомъ, пока будетъ существовать дѣтскій и материнскій фабричный трудъ, проституція, съ ея спутникомъ сифилисомъ, пока извѣстная часть населенія будетъ ютиться въ подвалахъ и на чердакахъ, дегенерація будетъ имѣть благопріятную почву для своего пышнаго расцвѣта.

Еще менѣе дѣйствительной можно считать вторую мѣру, предложенную эвгенистами—врачебный контроль надъ бракомъ. Этимъ можетъ быть только нанесенъ послѣдній ударъ браку, какъ государственному учрежденію. Если созданію такого контроля не будетъ предшествовать умственная и моральная эволюція въ сознаніи людей, мѣра эта будетъ еще менѣе дѣйствительной, чѣмъ существующая нынѣ система наказанія для нѣкоторыхъ преступленій. Если же въ будущемъ совершится подобная эволюція, то регламентація будетъ излишней.

Позволительно надѣяться, что когда тревога, вызванная въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ странахъ опасностью растущей дегенераціи, уляжется, тогда инспирированная тревогой безпощадная война, объявленная несчастному дегенеративному населенію, также въ свою очередь уступитъ мѣсто болѣе скромнымъ мѣрамъ. Устраненіе отъ участія въ размноженіи извѣстныхъ категорій неизлѣчимыхъ индивидовъ—какъ идіоты, неизлѣчимые душевно-больные, неизлѣчимые алкоголики, пока такіе существуютъ—больные преступники, не встрѣчаетъ уже и теперь препятствій въ сознаніи культурныхъ людей.

Наибольшее противодѣйствіе ожидаетъ проповѣдуемое эвгеникой ограниченіе и регулированіе филантропіи. Мы видѣли, что даже такіе осторожные эвгенисты, какъ Гальтонъ, Пирсонъ и Гавелокъ-Эллисъ, порицаютъ сантиментальность по отношенію

къ слабымъ, обиженнымъ судьбой. Выставляется требованіе, чтобы забота о больныхъ и слабыхъ не велась въ ущербъ будущимъ поколѣніямъ. Если раскрыть внутренній смыслъ, скрывающійся въ этомъ совѣтѣ, то окажется слѣдующее: родителямъ предлагается не обнаруживать той заботливости, какая теперь проявляется къ больнымъ, слабымъ дѣтямъ. Ганземанъ открыто выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что много рахитическихъ дѣтей, благодаря заботамъ, уходу и лѣченію, выздоравливаетъ. Рекомендуется борьба съ материнскимъ чувствомъ и инстинктомъ покровительства и защиты слабыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, эвгенистамъ хорошо извѣстна та роль, которую игралъ и продолжаетъ и понынѣ играть этотъ могучій инстинктъ въ развитіи самаго характернаго и, быть можетъ, самаго важнаго фактора человѣческой эволюціи — альтруизма, выросшаго изъ чувства симпатіи и изъ заботъ о дѣтяхъ. Англіи именно мы обязаны разработкой этой стороны культуры. Дарвинъ во многихъ мѣстахъ своего трактата о происхожденіи человѣка указываетъ на это. Въ послѣднее время Зутерландъ вновь собралъ массу данныхъ въ пользу этого тезиса. Материнскій инстинктъ по общему признанію есть тотъ основной корень, изъ котораго выросло все дерево высшихъ альтруистическихъ эмоцій. Сообщество людей, взаимный трудъ и защита, а позже и гражданскія отношенія людей, конечно, создали новое наслоеніе соціальной морали, но все же основнымъ источникомъ и базисомъ альтруизма и понынѣ остается материнское, правильнѣе, родительское чувство. Приглядываясь къ жизни, мы видимъ, что почти вся общественная филантропія питается этимъ источникомъ.

Материнскій инстинктъ обладаетъ одной особенностью, съ которой необходимо серьезно считаться. Онъ нерѣдко обнаруживается съ наибольшей силой къ дѣтямъ не только больнымъ и слабымъ, что было бы совершенно понятно, но къ дѣтямъ-калѣкамъ, какъ-то идіотамъ, эпилептикамъ, парализованнымъ, горбатымъ и т. п. Кому изъ врачей не приходилось видѣть, какъ интеллигентная мать такого калѣки, вполнѣ сознающая его неизлѣчимость, забываетъ другихъ своихъ здоровыхъ дѣтей и всецѣло, иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, отдаетъ всю себя заботамъ о несчастномъ калѣкѣ. На такихъ примѣрахъ можно не только убѣдиться въ жизненности материнскаго инстинкта, но здѣсь же и обнаруживается его настоящій корень—инстинктъ защиты и помощи слабымъ созданіямъ. О любви, о чувствѣ материнской гордости и надеждахъ на будущее тутъ уже не можетъ быть и рѣчи—предъ нами немаскированный, біологическій корень, выросшій въ душѣ культурнаго человѣка.

Проповѣдовать походъ противъ этого инстинкта въ настоящее время является весьма сомнительной услугой дѣлу душевной эволюціи. Если бы законодательство, руководясь идеями эвгенистовъ, приняло мѣры борьбы съ проявленіями этого инстинкта, оно, конечно къ счастью, встрѣтило бы опредѣленное сопротивленіе; но если-бъ оно одолѣло это сопротивленіе, то едва-ли современный соціальный строй, основанный на суровомъ принципѣ борьбы и конкурренціи—былъ бы въ состояніи поддержать и сохранить тотъ уровень альтруизма, котораго мы уже въ настоящее время достигли.

Правы ли эвгенисты, утверждающіе, что, въ интересахъ будущаго всего человѣчества, всей нашей расы, необходимо, подавивъ въ себѣ симпатіи къ слабымъ, принести послѣднихъ въ жертву, сокративъ ихъ личную жизнь, предоставляя прозябать въ неблагопріятныхъ условіяхъ? Эвгенисты ожидаютъ отъ этой мѣры поднятія уровня процвѣтанія человѣческихъ обществъ. Можно ли это считать уже строго доказаннымъ—вотъ въ чемъ вопросъ. Повидимому, эвгенисты считаютъ исключеніе слабыхъ индивидовъ изъ жизни рода большимъ плюсомъ. Никто изъ эвгенистовъ не предполагаетъ, чтобы устраненіе слабыхъ и больныхъ дѣтей отъ участія въ жизни народа могло повлечь за собою крупную соціальную потерю; а между тѣмъ оно такъ въ дѣйствительности.

Можно было бы указать на частое совпаденіе всякаго рода явленій душевнаго и физическаго вырожденія у многихъ даровитыхъ людей, чтобы ясна стала та опасность, которая угрожаетъ человѣчеству отъ огульной борьбы со всѣми дѣтьми, проявляющими на себѣ печать вырожденія. Можно не раздѣлять крайностей ученія Ломброзо, который во всякомъ геніи и талантѣ видитъ дегенерата, но нельзя также игнорировать наблюденія, ведущія свою родословную отъ Аристотеля и подтверждающіяся ежедневно. Не затрагивая этого вопроса, ограничимся болѣе доступнымъ для провѣрки явленіемъ—часто наблюдаемой физической хилостью въ первые годы жизни будущихъ геніевъ.

Изучая біографіи великихъ людей—писателей, ученыхъ, мыслителей, словомъ, семью учителей человѣчества, мы наталкиваемся на поразительный фактъ, что весьма многіе изъ нихъ въ дѣтствѣ отличались физической слабостью и различными дефектами въ физической организаціи. Въ семьѣ поэтовъ мы встрѣчаемъ Лермонтова — рахитичнаго и слабаго ребенка. Шиллеръ, Беранже, Гердеръ, Мицкевичъ были въ дѣтствѣ слабыми. Вальтеръ-Скоттъ страдалъ параличемъ

ногъ. Державинъ родился такимъ слабымъ, что его запекали въ хлѣбъ (народнымъ способомъ искусственной теплотой поддержать въ новорожденномъ жизнь). Викторъ Гюго родился почти мертвый. Гёте въ состояніи асфикціи, и только съ помощью искусственнаго дыханія онъ былъ оживленъ. Суворовъ былъ въ дѣтствѣ хилымъ ребенкомъ, что не помѣшало ему впослѣдствіи обладать необыкновенной выносливостью. Гердеръ, Демосѳенъ, Берне были первые годы жизни слабы.

Цѣлый рядъ величайшихъ мыслителей—Кантъ, Коперникъ, Александръ Гумбольтъ, Декартъ, Лейбницъ, Бэконъ и много др. были очень слабыми дѣтьми. Ньютонъ родился недоношеннымъ. Паскаль былъ такъ слабъ, что не могъ посѣщать школы. Ж.-Ж. Руссо до 10 лѣтъ былъ очень слабый ребенокъ. Кеплеръ родился 8-ми-мѣсячнымъ, былъ болѣзненъ, страдалъ въ дѣтствѣ головными болями и трясеніемъ головы.

Многіе изъ этихъ геніевъ впослѣдствіи, выросши, обладали изряднымъ здоровьемъ и дожили до старости. И, что всего интереснѣе, это то, что духовныя дарованія будущаго генія иногда обнаруживаются сравнительно поздно. Тьеръ и Бальзакъ плохо учились въ дѣтствѣ. Шериданъ считался въ школѣ «непроходимымъ глупцомъ». Ламаркъ до 32 лѣтъ былъ на военной службѣ. Оставивъ службу вслѣдствіе полученной раны, онъ занялся зоологіей. Говардъ считался тупымъ мальчикомъ, родители взяли его изъ школы и отдали въ москательную лавку.

Можно было безъ конца удлинить списокъ подобныхъ примѣровъ, но, кажется, и этихъ достаточно, чтобы отнестись съ уваженіемъ и признательностью къ благородному инстинкту матерей, которыя, не смущаясь ни хилостью, ни уродливостью своего ребенка, заботились о немъ и старались его сохранить.

Резюмируя сказанное, видимъ, какъ симпатичная идея пропаганды физическаго и духовнаго усовершенствованія человѣка, провозглашенная Дарвиномъ и основателями эвгеники, въ германской соціалъ-антропологіи скоро выродилась въ уродливую полицейскую систему, преслѣдующую задачи—1) поднятія физической мощи населенія, 2) пренебреженія слабыми, инвалидными его элементами, 3) борьбы на смерть съ этимъ населеніемъ, насильственное лишеніе его размноженія.

Повторяя здѣсь еще разъ уже поставленный вопросъ, какъ могло произойти такое превращеніе гуманной идеи эвгеники въ грубое орудіе насилія, мы можемъ искать отвѣта только въ той соціальной атмосферѣ, въ которой въ послѣднія 50 лѣтъ растетъ и воспитывается германская соціальная мысль. Самая характер-

ная особенность жизни и настроенія германскаго народа послѣдняго періода заключается въ нигдѣ до сихъ поръ еще небываломъ полномъ сліяніи инстинктовъ массъ, политическихъ потребностей государства и соціально-экономическихъ стремленій отдѣльныхъ классовъ съ идеологіей высшаго культурнаго элемента страны, съ теченіемъ общественной мысли, съ направленіемъ науки и права.

Разгромъ Германіи и Пруссіи Наполеономъ укрѣпилъ въ сознаніи всѣхъ нѣмцевъ сознаніе необходимости объединиться и стать сильными. Это было пробужденіе естественнаго національнаго чувства. Наука, просвѣщеніе и литература взяли на себя идейную пропаганду этой здоровой тенденціи. Такъ возникла единообразная народная нѣмецкая культура. Въ это же время Пруссія сознательно задалась цѣлью сдѣлать изъ нѣмцевъ воинственный, сплоченный и дисциплинированный народъ, создать изъ него послушное орудіе въ рукахъ правительства. Наступила эпоха систематической дрессировки населенія—въ школѣ, въ церкви, въ работѣ, въ общественныхъ организаціяхъ. Культура и дрессура нѣкоторое время шли и развивались параллельно, но очень скоро первая поддалась напору послѣдней. Въ лицѣ Гегеля германская философія стала преданнымъ слугой государства. Послѣ побѣды надъ Австріей и разгрома Франціи Пруссія оказалась во главѣ Германіи не только какъ политическая сила, но какъ культурная и моральная руководительница. Съ этого момента наступаетъ новый періодъ универсальной дрессировки всего строя германской науки, всѣхъ уголковъ ея культуры, ея не только общественной, но и индивидуальной мысли, насколько послѣдняя проявляется въ литературѣ, искусствѣ, въ правахъ и въ настроеніи массъ.

Германія, убѣдившись въ той громадной пользѣ—политической, соціальной и экономической, какую ей дала прусская дрессура, бросилась сама въ объятія послѣдней; сама добровольно, безъ сопротивленія отказалась отъ многихъ своихъ мечтаній и стремленій, которыя были раньше выработаны культурой. Даже наиболѣе сильное культурное достояніе прежней Германіи—соціалъ-демократическое теченіе, постепенно стушевалось и примирилось съ дрессировкой, идущей сверху, которая наконецъ въ послѣднее время стала чѣмъ-то въ родѣ догмата для нѣмецкой общественной мысли.

Зародившееся въ концѣ XVIII вѣка въ разрозненной массѣ нѣмецкихъ племенъ національно-объединительное и освободительное движеніе быстро развѣтвилось и дало начало двумъ круп-

нымъ теченіямъ, народному и государственному. Изъ перваго выросла германская культура, изъ второго—дрессура. Послѣднее всосало въ себя культуру и подчинило ее себѣ, сообщивъ ей одностороннее направленіе. Въ настоящее время Германія представляетъ собою единственную въ мірѣ страну, гдѣ бьется въ унисонъ пульсъ всѣхъ культурныхъ теченій, интересы всѣхъ классовъ населенія, гдѣ духъ науки, искусства, все находится въ поразительной гармоніи между собою. Въ наши дни, когда жизнь любого европейскаго, даже самаго маленькаго народа, являетъ изъ себя арену борьбы самыхъ непримиримыхъ идей, теченій, интересовъ, гдѣ слова конкурренція, борьба не сходятъ съ языка, Германія является какой-то соціальной загадкой. Нигдѣ, ни въ одной цивилизованной странѣ, вы не встрѣтите такого дружнаго сотрудничества буржуазіи и высшаго сословія, такого добровольнаго преклоненія перваго предъ послѣднимъ. Нигдѣ вы не найдете такого мирнаго сожительства рабочаго класса съ капиталистическимъ. Нигдѣ соціалъ-демократическая рабочая партія не мирится такъ скромно съ своимъ чисто-теоретическимъ существованіемъ и не заражена въ такой мѣрѣ шовинизмомъ. Нигдѣ корифеи науки не являются такими скромными хористами въ томъ государственномъ хорѣ, гдѣ запѣвалами являются государственные люди Пруссіи.

Наиболѣе рѣзко сказалось подчиненіе германской научной мысли общему политическому настроенію въ тѣхъ областяхъ науки, гдѣ послѣдняя соприкасается съ различными сторонами общественной жизни. Исторія, соціологія—науки, вездѣ и всегда имѣющія національную окраску, въ Германіи стали высоко тенденціознымъ орудіемъ національныхъ стремленій. Мало того, одна изъ юныхъ вѣтвей біологіи—антропологія въ Германіи получила чрезвычайно специфическую окраску. Цѣлый рядъ германскихъ ученыхъ пытается съ помощью всевозможныхъ натяжекъ доказать, что германская раса имѣетъ отличное отъ романской и славянской происхожденіе и отдѣльную историко-географическую родину. Эта раса будто бы наиболѣе чистая по своему этническому составу, такъ какъ она якобы свободна отъ примѣси африканской крови и монгольской, что ей, этой наиболѣе чистой вѣтви арійской расы, принадлежитъ не только будущее міровое господство, но и міровое распространеніе, а потому и естественное право въ интересахъ цивилизаціи и всего человѣчества—поглотить, истребить другія низшія вѣтви арійской расы, какъ садоводу принадлежитъ право выкорчевать дикій растущій лѣсъ, чтобы на его мѣсто создать культурный садъ. Такимъ образомъ,

охрана и культивированіе германской расы уже перестали быть дѣломъ чисто-національнымъ, нѣмецкимъ, а становятся дѣломъ и задачей всего человѣчества, ибо германская нація не есть обособленная нація, подобно другимъ—французской, англійской, или русской. Германія не нація, а раса, и въ будущемъ она станетъ человѣчествомъ, сперва во главѣ послѣдняго, а въ далекомъ будущемъ частью поглотивъ, частью переваривъ и уподобивъ себѣ другіе народы, она станетъ человѣчествомъ. Право Германіи на побѣду надъ другими народами и на подчиненіе послѣднихъ ей есть высшее право, освященное природой, исторіей и интересами всего человѣческаго рода. Права отдѣльныхъ народовъ на самостоятельное развитіе, на свою культуру, являются претензіями низшаго разряда.

Къ сожалѣнію, другіе народы не хотятъ или неспособны проникнуться подобными взглядами, не въ состояніи подняться на такую высоту, съ которой имъ стало бы ясной нравственной обязанностью для нихъ подчиниться Германіи и добровольно дать себя поглотить. На такой подвигъ сознательнаго національнаго самоубійства не хватаетъ духовной силы ни у одного изъ сосѣдей Германіи. Германія вынуждена въ силу своего провиденціальнаго призванія заставить силой другіе народы покориться своей волѣ, міровой волѣ, высшей волѣ человѣчества. Предстоитъ борьба Германіи со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ—Германія должна стать сильнѣе всѣхъ народовъ, не только каждаго въ отдѣльности, но всѣхъ вмѣстѣ.

И вотъ, германская наука, охваченная этой бредовой идеей, этой новой религіей всегосподства, дѣлается пропагандисткой грубой силы. Германіи нужны сильные, воинственные сыны, недоступные подобно другимъ европейцамъ жалости. Мать не должна щадить слабаго ребенка, жена—больного мужа, община—своихъ слабыхъ членовъ. Все, невыгодное для борьбы, должно быть устранено съ пути. Пусть въ этихъ слабыхъ, нервныхъ дѣтяхъ скрываются будущіе Ньютоны, Говарды. Пусть потомки этихъ слабыхъ и нервныхъ взрослыхъ будутъ хорошіе художники, учителя, врачи—все равно, имъ нѣтъ мѣста на землѣ, разъ они не могутъ принять участія въ борьбѣ съ другими народами. Такова суровая логика современной германской политической проповѣди, замаскированной громкимъ названіемъ «соціальной антропологіи».

Вдохновляемая стремленіемъ создать физически-сильную, выносливую, закаленную породу людей—германская соціальантропологія впадаетъ въ односторонность и крайность. Она фатально стремится къ спортизму и атлетизму. Объектомъ ея

особыхъ заботъ дѣлается незначительная группа наиболѣе крѣпкихъ индивидовъ—аристократы тѣла, обладающіе отъ природы задатками дальнѣйшаго физическаго усовершенствованія. Средній человѣкъ, имѣющій отъ природы мало шансовъ сдѣлаться атлетомъ, игнорируется, а вся группа физически слабаго люда считается чуть ли не соціальнымъ зломъ, съ которымъ нужно воевать. Максъ Груберъ, одинъ изъ столповъ соціальной антропологіи въ Германіи, говоритъ прямо о вредѣ гигіены [1]).

Становится вполнѣ понятнымъ, почему основной тенденціей соціальной антропологіи дѣлается борьба съ вырожденіемъ, дѣйствительнымъ или воображаемымъ, почему грозный призракъ будущей борьбы превращаетъ молодую науку въ орудіе борьбы.

При этомъ все же остается необъяснимымъ, почему совершенно игнорируется соціальная среда, въ которой зарождается и выростаетъ дегенерація. Не потому ли, что современная соціальная среда и вся современная культура составляютъ продуктъ капиталистическаго строя? Не потому ли академическая наука въ Германіи такъ осторожно обходитъ всѣ вопросы среды и культуры, что за спиной этой среды она рискуетъ встрѣтить самую могущественную соціальную силу нашего времени—капиталъ? Въ самомъ дѣлѣ, можно ли затронуть жилищный вопросъ, не задѣвъ при этомъ жизненный нервъ современнаго строя—вопросъ о частной земельной собственности? Можно ли заговорить объ ограниченіи дѣтскаго и женскаго труда, о гигіенѣ труда, не задѣвъ интереса капитала? Можно ли даже задумать серьезную борьбу съ алкоголизмомъ, чтобы при этомъ не всталъ страшный для капитала призракъ прогрессивнаго подоходнаго налога? Несомнѣнно, безопаснѣе оставить въ покоѣ всѣ эти щекотливые и неудобные вопросы,—забыть о средѣ и обрушиться всѣми силами на жертвъ этой среды.

Истинная эвгеника, будучи продуктомъ прогрессивной соціальной мысли, будетъ развиваться въ томъ направленіи, которое ей указали благородные и возвышенные умы Дарвина и Гальтона. Эвгеника будетъ наукой о задачахъ и методахъ охраны и усовершенствованія человѣческой природы не только въ физическомъ, но еще болѣе въ духовномъ отношеніи.

Проф. И. Г. Оршанскій.

---

[1]) D. M. Woche. 1909. 18 November.

* *
*

Тамъ, въ лѣсу, гдѣ дремлетъ вязъ зеленый,
Гдѣ цвѣтетъ въ оврагѣ бузина,
Гдѣ трепещутъ лапистые клены,
По утрамъ люблю бродить одна.

На тропинкахъ солнечныя пятна,
Какъ улыбки ясныя дѣтей.
Тамъ душѣ все близко, все понятно,
Тамъ хотѣть и чувствовать вольнѣй.

Сходитъ миръ средь тишины священной,
И въ душѣ обычныхъ нѣтъ тревогъ,
Будто къ ней, покинутой и плѣнной,
Тихо, тихо прикоснулся Богъ.

Екатерина Бунге.

БОРЬБА НѢМЕЦКАГО ВЛІЯНІЯ СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

О нѣмецкомъ вліяніи въ первые годы царствованія Александра I едва-ли приходится говорить. Побѣдоносная Франція приковывала въ это время къ себѣ если не симпатіи, то интересъ всего міра. Ученикъ Лагарпа, императоръ рано подвергся вліянію освободительныхъ идей, шедшихъ отъ Франціи Вольтера, Руссо и Дидерота. При дворѣ его бабки, хотя и Ангальтской принцессы, всесильны были французскія литературныя вліянія и сама императрица комментировала или, точнѣе, переносила въ свой наказъ мысли, вычитанныя ею въ «Духѣ законовъ» Монтескье. Г. Гомонъ, авторъ книги о французскомъ вліяніи въ Россіи, справедливо указываетъ на то, что Франція въ первую четверть XIX вѣка поставляла Россіи и вольнодумцевъ и мистиковъ, въ числѣ ихъ Сенъ-Мартэна, и такихъ католиковъ-легитимистовъ, какими были эмигрировавшіе изъ Франціи сторонники Бурбоновъ. Напомнимъ хорошо извѣстный фактъ присутствія въ числѣ ихъ и знаменитаго уполномоченнаго Пьемонта Жозефа де-Местра, не переставшаго сѣтовать на то, что русское общество увлекается пагубными книгами — livres pernicieux, — среди которыхъ, разумѣется, первое мѣсто отводится имъ Вольтеру, Руссо и Энциклопедистамъ. Этой французской литературой зачитывались и русскіе реформаторы. Въ своихъ проектахъ новаго русскаго государственнаго строя Сперанскій, несомнѣнно, слѣдуетъ образцу французскихъ имперскихъ учрежденій, придавая, напримѣръ, государственному совѣту то же значеніе, ту же роль подготовителя законопроектовъ и верховнаго административнаго суда, какая признана была за возрожденнымъ Наполеономъ и во многомъ уклонившимся отъ стараго типа

«Королевскимъ совѣтомъ». Сперанскій, разумѣется, не ограничился одними заимствованіями изъ Франціи, и федералистическій характеръ, какой носитъ его конституція, отражаетъ на себѣ американскій образецъ, ту конституцію 1787 г., которая съ немногими измѣненіями продолжаетъ держаться и по настоящій день. Мордвиновъ, со своими аристократическими симпатіями тянулъ наоборотъ болѣе въ сторону Англіи. Отсюда—въ отличіе отъ Сперанскаго — предлагаемая имъ двухъпалатная система, отсюда же—мысль о томъ, чтобы усилить представительство зажиточнаго класса въ нижней палатѣ отказомъ депутатамъ въ какомъ-либо вознагражденіи за ихъ трудъ. «Конституціонныя теченія,—пишетъ В. И. Семевскій,—проявились при Александрѣ I въ обществѣ, литературѣ и наукѣ, при чемъ большую роль сыграла западно-европейская печать. Въ 1806 г. изданъ былъ по повелѣнію государя переводъ вышедшаго въ 1771 г. французскаго сочиненія швейцарца Делольма объ англійской конституціи, а въ 1805—11 г.г. появились въ русской передачѣ сочиненія Бентама-Дюмона въ трехъ томахъ. Переводъ книги Монтескье: «О духѣ законовъ», напечатанный еще при Екатеринѣ II, изданъ былъ вновь въ 1801 г., а новый переводъ сталъ появляться между 1808 и 1814 г.г.». «Книги эти,—пишетъ Семевскій,—проникали въ самые глухіе провинціальные города; такъ, въ серединѣ 1810-хъ годовъ въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губерніи, у многихъ жителей, въ томъ числѣ купцовъ и мѣщанъ, имѣлись коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, какъ-то: Монтескье, Делольма, Беккаріи и др.» [1]). Всѣ эти книги переведены были съ французскаго, въ числѣ ихъ, и сочиненія англичанина Бентама, изданныя имъ въ сотрудничествѣ съ швейцарцемъ Дюмономъ. Да и кого изъ всей нѣмецкой политической литературы можно было поставить рядомъ съ только-что упомянутыми всемірными авторитетами!

И наиболѣе передовая часть общества—члены масонскихъ ложъ, будущіе декабристы,—питали свою мысль, главнымъ образомъ, французскими книгами, да еще, пожалуй, англійскими, подчасъ, въ нѣмецкой передачѣ. Такъ, Н. И. Тургеневъ увлекался Адамомъ Смитомъ; ознакомился же онъ впервые съ его мыслями въ той передачѣ, какую давалъ имъ въ Геттингенѣ профессоръ Сарторіусъ. Большинство наиболѣе видныхъ декабристовъ или побывали сами во Франціи, или, живя въ Россіи, читали французскія книги.

---

[1]) В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ, стр. 65.

М. А. Бестужевъ самъ свидѣтельствуетъ,—пишетъ тотъ же Семевскій,—о сильномъ вліяніи западно-европейскихъ наблюденій на морскихъ офицеровъ. Въ 1817 г. онъ былъ во Франціи и, тамъ познакомившись со многими французскими моряками и англичанами-путешественниками, «заимствовалъ» у нихъ начало свободныхъ мыслей. Волконскій въ бытность свою въ Парижѣ въ 1813 и 1814 г.г. посѣщалъ салонъ г-жи Сталь, встрѣчалъ въ немъ либеральнаго публициста Бенжамэна Констана, сочиненія котораго оказали затѣмъ немалое вліяніе на декабристовъ. Лунинъ въ 1816 г. познакомился въ Парижѣ съ Сенъ-Симономъ, который предостерегалъ его отъ увлеченія политикой, утверждая, что будущность всего человѣчества зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія трехъ двигателей,—чувства, науки и промышленности [1]).

Чтеніе, разумѣется, произвело на декабристовъ еще большее вліяніе въ смыслѣ выработки ихъ соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, чѣмъ пребываніе за границей въ рядахъ русской арміи, призванной сломить владычество Наполеона. Еще семнадцатилѣтнимъ юношей Н. Тургеневъ зачитывается Вольтеромъ и знакомится съ сочиненіями Мабли. Будучи слушателемъ Геттингенскаго университета, онъ читаетъ не только Адама Смита, но и аббата Галіани и англичанина Джемса Стюарта, послѣ чего онъ, по собственнымъ словамъ, прекращаетъ чтеніе Жанъ-Батиста-Сэя, убѣдившись, что «мало пользы въ его книгѣ». Въ 1816 г., уже состоя въ близкомъ общеніи съ извѣстнымъ Штейномъ, министромъ-реформаторомъ Пруссіи, онъ увлекается Делольмомъ и отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «политическіе писатели (его времени) либеральнѣе нашихъ. По какимъ-то страннымъ и бѣдственнымъ обстоятельствамъ многіе находятъ теперь опасными, злыми и ложными правилами тѣ, кои за пятьдесятъ лѣтъ почитались единственно справедливыми и ведущими къ счастью народовъ» [2]). Тотъ же Тургеневъ читаетъ сочиненіе Бенжамэнъ-Констана «о выборахъ», находитъ въ немъ много хорошаго и справедливаго и возстаетъ въ то же время противъ допущенія имъ необходимости имущественнаго ценза. Въ 1820 г. Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ, что чтеніе Бональда, извѣстнаго клерикала и реакціонера, навело его на либеральныя мысли. «Глупость глупцовъ,—пишетъ онъ,—или умъ, во тьмѣ находящійся, часто лучше всего доказываетъ истину. Давно я не читалъ ни-

---

[1]) Ibid., 201—206.
[2]) Ibid., 211.

чего болѣе убѣдительнаго въ пользу либеральныхъ идей». Въ кругъ его чтеній вошелъ также комментарій на «Духъ законовъ», написанный Дэтю де Траси. Послѣдній вообще имѣлъ большой успѣхъ у декабристовъ и не мало повліялъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, на политическія воззрѣнія автора «Русской Правды», декабриста Пестеля. Тургенева плѣняетъ мысль Дэтю о томъ, что главный и единственный способъ дать нравственность народу—постановленія государственныя. Во французскихъ комментаріяхъ на итальянца Филанджіери, написанныхъ Бенжамэномъ-Констаномъ, ихъ ревностный читатель, по собственному сознанію, нашелъ здравыя и справедливыя мысли о множествѣ вопросовъ изъ обширной области политики, между прочимъ, доказательства необходимости конституціоннаго строя. И другой декабристъ С. М. Семеновъ, интересуясь нѣмецкими философами, въ то же время глубоко изучалъ французскихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. А. Н. Муравьевъ, въ своемъ показаніи слѣдственной комиссіи, говоритъ буквально, что «вольнодумство возникло въ немъ со времени пребыванія въ чужихъ краяхъ отъ духа времени тогдашняго (1813—14 г.); оттого началъ онъ читать разныя политическія книги, какъ-то: Макіавелли, Монтескье, «Общественный договоръ» Руссо и прочія, тому подобныя». Рылѣевъ, въ свою очередь, изучалъ «Духъ законовъ», конституціи, какъ европейскія, такъ и американскія. «Свободомыслiемъ первоначально заразился,—говоритъ онъ въ своемъ показаніи,—въ походахъ во Францію въ 1814—15 г.г. Потомъ оное постепенно возрастало во мнѣ отъ чтенія разныхъ современныхъ публицистовъ, каковы: Биньонъ (авторъ книги: «Кабинеты и народы») Бенжамэнъ-Констанъ и др.». «Первая книга, развернувшая въ Н. А. Бестужевѣ желаніе конституціи въ Россіи, по его собственному признанію, было французское сочиненіе Делольма о конституціи въ Англіи». Другой Бестужевъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскаго, «свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ» (въ томъ числѣ Бентама). Баронъ Штейнгель въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «Теперь трудно упомнить, какое сочиненіе наиболѣе способствовало развитію моихъ либеральныхъ понятій. Читалъ Вольтера, Руссо, Гельвеція». Батеньковъ въ своихъ показаніяхъ настаивалъ на той мысли, что чтенія г-жи Сталь о французской революціи заставили его проникнуться уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенной ненавистью къ французской отъ 1791 г. Это и

обратило его въ защитника двухпалатной системы и родовой аристократіи, какъ основы верхней палаты. М. А. Фонвизинъ «пріобрѣлъ, какъ онъ говоритъ, свободный образъ мыслей еще въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ изъ прилежнаго чтенія Монтескье, Рейналя, Руссо».

Опуская рядъ другихъ, остановлюсь на примѣрѣ молодого мичмана Дивова, который воспиталъ себя въ «либеральномъ духѣ» на чтеніи Делольма, Рейналя («Философская и политическая исторія обѣихъ Индій»), а также «Путешествія въ Америку Лафайета». Что касается до Пестеля, то онъ былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ. Въ его записной книжкѣ можно встрѣтить выписки изъ Вольтера, Дидро, Кондильяка, Гельвеція, Руссо, Гольбаха, Беккаріи, Бентама, г-жи Сталь, Сисмонди; наиболѣе же сильное вліяніе на его политическіе взгляды оказалъ Дэтю де Траси. Самъ Пестель рекомендуетъ Лореро при первомъ свиданіи въ 1824 г. читать Беккаріа, Филанджіери, Вольтера и Гельвеція, Сэя и Адама Смита. Тѣхъ же писателей изучалъ и декабристъ Крюковъ, и Поджіо, и Н. Бобрищевъ-Пушкинъ. Оба послѣдніе упоминаютъ также о Гольбахѣ и Вателѣ («Право народовъ или начала естественнаго права»), а князь Ѳ. Шаховской беретъ съ собою въ крѣпость и произведенія Роберта Оуэна.

Подводя итогъ всему сказанному, Семевскій справедливо говоритъ, что «изъ писателей, у которыхъ наши декабристы могли почерпнуть свѣдѣнія по государственному праву, чаще другихъ они называютъ Монтескье, Филанджіери, Руссо, Делольма, Бентама, Бенжамэна-Констана и Дэтю де Траси» [1]).

Кто желалъ бы познакомиться съ воздѣйствіемъ этихъ французскихъ идей на тѣ проекты конституцій и тѣ болѣе или менѣе незаконченныя политическія статьи и трактаты, которые вышли изъ рукъ нѣкоторыхъ декабристовъ—Никиты Муравьева и Пестеля, тотъ найдетъ обильную для себя пищу въ интересномъ разборѣ, данномъ В. И. Семевскимъ въ его книгѣ «Объ общественныхъ и политическихъ идеяхъ декабристовъ», этихъ провозвѣстникахъ русскаго либерализма. Чтобы дать только примѣръ той зависимости, въ какую Пестель попалъ къ французскимъ конституціоннымъ теоретикамъ, я приведу лишь одинъ фактъ. Въ проектѣ конституціи, написанномъ имъ въ 1820 г., Пестель, опираясь на примѣръ Америки, высказался за учрежденіе въ Россіи областныхъ представительныхъ собраній. Позднѣе онъ измѣнилъ свой взглядъ на федерацію подъ вліяніемъ сочиненія

[1]) Ibid. S.S. 205—229.

Дэтю-де-Траси. Повторяя мысль Монтескье и Руссо, послѣдній рекомендуетъ мелкимъ и слабымъ государствамъ образовывать союзы и въ то же время признаетъ, что только единая и нераздѣльная Франція способна была противостоять всей Европѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ указаніемъ Пестель призналъ, что «Россія должна быть единымъ и нераздѣльнымъ цѣлымъ, отвергающимъ всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства» [1]). Это положеніе онъ защищаетъ въ своей «Русской Правдѣ» слѣдующимъ соображеніемъ: «что касается Россіи, то дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ «различными языками» говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими или главными государствами».

Я не стану долѣе настаивать на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что передовая политическая мысль Россіи подчинялась вліянію французской и англійской, но отнюдь не нѣмецкой публицистики. Ни на одно нѣмецкое сочиненіе нѣтъ ссылокъ ни въ показаніяхъ декабристовъ, ни въ ихъ литературныхъ опытахъ. Да и какія бы это были сочиненія? Пуффендорфъ и Вольфъ устарѣли. «Метафизическія основоположенія правовѣдѣнія» Канта были слишкомъ отвлеченно написаны и заключали въ себѣ въ концѣ концовъ одно философское обоснованіе мыслей, высказанныхъ Руссо. Позднѣйшіе нѣмецкіе философы, начиная съ Фихте и оканчивая Гегелемъ, вопросовъ конституціоннаго устройства въ своихъ книгахъ, даже посвященныхъ энциклопедіи права, не затрагивали. Да и въ нѣмецкихъ университетахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, посѣщаемыхъ уже въ это время избранной, немногочисленной русской молодежью, въ области экономическихъ и политическихъ наукъ проповѣдывались англійскія и французскія теоріи.

---

[1]) Ibid. S. 515.

Немудрено, если въ такихъ условіяхъ французское вліяніе продолжало быть господствующимъ не только въ области модъ и изящной литературы, но и въ области руководящихъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній.

Разумѣется, что 1812 годъ вызвалъ нѣкоторую остановку въ этомъ мирномъ завоеваніи Россіи французскими идеями, не тѣми, которыя обусловили собою освободительное движеніе 1789 и слѣдующихъ годовъ и отвергнуты были въ виду ихъ демократическаго характера и «излишествъ свободы» современниками Екатерины, а тѣми, которыя подъ именемъ наполеоновскихъ удержали только часть наслѣдія революціи, воскрешая въ то же время многія руководящія начала старой Франціи.

Гдѣ же, спрашивается, искать первыхъ очаговъ быстро возросшаго во второй половинѣ царствованія Александра I и въ правленіе Николая Павловича нѣмецкаго вліянія? — Я полагаю, что рядомъ съ масонскими ложами, продолжавшими традицію Екатерининской эпохи и свою зависимость отъ Германіи, ближайшій импульсъ къ распространенію въ русскомъ обществѣ прежде всего нѣмецкой философіи, а затѣмъ и созданной Шиллеромъ и Гёте новой нѣмецкой литературы, дали университеты, какъ въ самой Германіи, куда со временъ Екатерины и Павла только и посылаемы были для усовершенствованія въ наукахъ русскіе студенты, такъ и въ Россіи, гдѣ, какъ увидимъ, самъ Московскій университетъ преобразованъ былъ по образцу Тюбингенскаго и гдѣ въ университетахъ оказалось немало профессоровъ, ранѣе преподававшихъ въ Германіи или получившихъ въ ней научную подготовку. Я не буду останавливаться на роли масонства, такъ обстоятельно изученной В. И. Семевскимъ и въ рядѣ статей, отпечатанныхъ имъ въ журналѣ «Минувшіе Годы», и въ его книгѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». Чтобы доказать зависимость ихъ отъ Германіи, достаточно сослаться на упомянутый мною въ другомъ мѣстѣ фактъ широкаго распространенія нѣмецкаго языка въ самомъ ходѣ масонскихъ работъ. Напомню приводимыя Семевскимъ цифры. Какъ въ союзѣ «Астрея», такъ и въ союзѣ «Великой провинціальной ложи», не малое число ложъ работало или на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, или на русскомъ и нѣмецкомъ. Число первыхъ равнялось 10-ти,—8-мь въ «Астреѣ», 2—въ «Союзѣ великой провинціальной ложи» [1]).

Перехожу къ роли нѣмецкихъ университетовъ. Они сдѣла-

[1]) Минувшіе Годы. 1908. Кн. 3. Стр. 128.

лись весьма рано однимъ изъ дѣятельныхъ проводниковъ нѣмецкаго вліянія, въ частности университеты Лейпцигскій и Тюбингенскій, а въ болѣе позднее время Берлинскій. Екатерина II-ая, еще въ 1766 году, послала въ Лейпцигскій университетъ 12 молодыхъ людей. Изъ нихъ половина были пажами; и къ числу ихъ принадлежалъ впослѣдствіи А. Н. Радищевъ, которому едва исполнилось 17 лѣтъ. На каждаго питомца отпущено было 800 руб. въ годъ, и ко всѣмъ приставленъ, въ качествѣ ментора, гофмейстеръ Бокумъ. Въ числѣ товарищей Радищева были Ушаковъ и Кутузовъ.

Первый прославленъ былъ авторомъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»—въ своемъ особомъ «Житіи Ушакова». Что касается до Кутузова, то онъ долгое время былъ уполномоченнымъ русскихъ масоновъ въ Берлинѣ, пріобрѣлъ извѣстность переводомъ на русскій языкъ «Мессіады» Клопштока и «Размышленій» Юнга. Самъ Радищевъ, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, занялся переводомъ извѣстнаго сочиненія Монтескье «О величіи и упадкѣ римлянъ». Сынъ его въ своихъ воспоминаніяхъ, отпечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1858 году, говоритъ объ отцѣ, «что онъ вернулся юрисконсультомъ, литераторомъ, медикомъ и химикомъ изъ своей заграничной командировки». Александръ Николаевичъ, какъ видно изъ его сочиненій, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, но его начитанность была не исключительно нѣмецкая. Онъ былъ поклонникомъ и послѣдователемъ знаменитаго Гельвеція, книга котораго «О Разумѣ» вышла въ Парижѣ въ 1758 году. Даже бѣглое знакомство съ его знаменитымъ «Путешествіемъ», за которое онъ присужденъ былъ къ смертной казни, свидѣтельствуетъ о томъ, что, раздѣляя общее увлеченіе своего времени французской литературой, онъ воспиталъ свою мысль на сочиненіяхъ тѣхъ самыхъ писателей, которые оказали немалое вліяніе на Екатерину II-ую, начиная съ Монтескье, переводчикомъ котораго онъ былъ, и кончая Вольтеромъ и французскими матеріалистами съ Гельвеціемъ во главѣ. Сама императрица въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу Радищева пишетъ: «Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно, сочинитель оной исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ... Знанія имѣетъ довольно и много книгъ читалъ». Удивительно, что Екатерина заподозрила Радищева въ мартинизмѣ, такъ рѣзко расходившемся во взглядахъ съ направленіемъ французскихъ матеріалистовъ, которыхъ придерживался авторъ «Путешествія». Императрица пишетъ о немъ: «Онъ же едва-ли не мартинистъ, или что подобное».

Это обвиненіе подало поводъ Шишковскому поставить Радищеву во время слѣдствія вопросъ: «Не былъ ли онъ приглашенъ въ общество мартинистовъ»—на это послѣдовалъ отвѣтъ: «Мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ охуждаетъ».—Въ подтвержденіе Радищевъ сослался на нѣкоторыя мѣста въ своей книгѣ, изъ которыхъ видно отрицательное отношеніе автора «Путешествія» къ ученіямъ мартинистовъ. Пробѣгая самую книгу Радищева, встрѣчаемъ въ ней нерѣдко ссылки на французскихъ писателей и ни одной на нѣмецкихъ. Самое содержаніе книги не таково, чтобы предполагать частыя заимствованія изъ иностранныхъ авторовъ. Мы только косвенно узнаемъ о томъ, кого Радищевъ считалъ духовными вождями человѣчества. Такъ, разсказывая о своей встрѣчѣ съ однимъ новгородскимъ семинаристомъ, ушедшимъ искать просвѣщенія внѣ стѣнъ семинаріи, Радищевъ влагаетъ ему въ уста жалобу на то, что Аристотель плутъ и схоластикъ [1]), донынѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Тотъ же семинаристъ прибавляетъ: «Какъ не потужить, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавались на языкѣ народномъ. Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе... Нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ... Въ каждомъ судѣ былъ бы хотя бы одинъ членъ, понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе». «Боже мой,—продолжалъ онъ:—если бы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствованій судовъ нашихъ о дѣлахъ! Что бы сказали Гроцій, Монтескье, Блекстонъ. Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію (послѣднюю книгу) вмѣсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь». Такимъ образомъ, Радищевъ устами выведеннаго имъ семинариста указываетъ, какія книги онъ считалъ бы настольными для судьи. Это—голландецъ Гуго де Гротъ, французъ Монтескье, англичанинъ Блекстонъ. Ни объ одномъ нѣмецкомъ авторитетѣ ни слова. Всѣ три книги уже были переведены на русскій языкъ; изъ Блекстона только первыя двѣ части. Самъ Радищевъ пускается по поводу своей встрѣчи въ слѣдующее разсужденіе: «Оглянись назадъ, кажется, еще время-то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе и весь его причетъ: невѣжество, рабство, инквизиція, и многое кое-что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы». Пристрастіе Радищева къ англійскому языку и къ литературѣ выступаетъ и въ томъ поученіи, какое даетъ взрос-

[1]) Радищевъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1868 г. стр. 111.

лымъ дѣтямъ передъ разлукой выводимый имъ крестицкій дворянинъ. Въ его уста вложены собственныя мысли Радищева о воспитаніи; онъ говоритъ между прочимъ: «Англійской языкъ, а потомъ Латинской, я вамъ извѣстнѣе сдѣлаю другихъ, ибо упругость духа вольности, переходы въ изображеніи рѣчи пріучатъ и разумъ къ твердымъ понятіямъ, во всякихъ направленіяхъ нужнымъ» [1]).—Мы узнаемъ и о литературныхъ пристрастіяхъ Радищева изъ слѣдующаго перечисленія имъ книгъ, которыя читаны будутъ «доколѣ не истребится родъ человѣческій». Таковыми онъ считаетъ: Омира (Гомера), Виргилія, Мильтона, Расина, Вольтера, Шекспира, Тассо. Опять-таки ни одного нѣмецкаго писателя. Да и немудрено, если вспомнить, что время, къ которому относятся годы ученичества и годы продолжительныхъ чтеній Радищева, въ Германіи предшествовало появленію Лессинга, и среди тогдашнихъ знаменитостей, разумѣется, не Готшедтъ и не Бодмеръ, а одинъ только Клопштокъ, переведенный другомъ Радищева, Кутузовымъ, пользовался и заграничной извѣстностью. Въ одномъ только мѣстѣ «Путешествія» я встрѣтилъ упоминаніе о нѣмецкомъ беллетристическомъ произведеніи: «Слезы мои, пишетъ Радищевъ, были для меня столь же сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ» [2]).—Въ словѣ о Ломоносовѣ попадается другое нѣмецкое имя, имя знаменитаго Вольфа, котораго Ломоносовъ сдѣлался ученикомъ; но въ тутъ же помѣщенномъ перечнѣ великихъ ораторовъ опять-таки встрѣчаются только англійскія и французскія имена: Питъ, Буркъ, Фоксъ, Мирабо.—Заходитъ рѣчь о Ломоносовѣ, какъ историкѣ (Радищевъ употребляетъ выраженіе «дѣписатели»), и Радищевъ снова приводитъ, какъ недосягаемыя величины, рядомъ съ Тацитомъ, француза Рейналя и англичанина Робертсона. Упоминаніе о Баконѣ Веруламскомъ и о Франклинѣ въ той же характеристикѣ Ломоносова, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о томъ, что свои авторитеты Радищевъ охотно бралъ изъ англійской, далеко не изъ нѣмецкой литературы [3]).

На примѣрѣ Радищева намъ немудрено было убѣдиться въ томъ, что, несмотря на пребываніе въ нѣмецкомъ университетѣ, русскіе люди возвращались на родину проникнутыми не одной нѣмецкой, но и французской и англійской культурой, послѣдователями той просвѣтительной философіи, какая изъ Англіи стала проникать во Францію ко времени появленія «философскихъ писемъ» Вольтера и выступила въ полномъ расцвѣтѣ къ

[1]) Ibid. S. 148.
[2]) Ibid. 222.
[3]) Ibid. 253—255.

эпохѣ выхода въ свѣтъ знаменитой «Энциклопедіи» Даламбера и Дидро, «Духа законовъ» Монтескье, первыхъ «Разсужденій» Руссо и его знаменитаго «Эмиля». Вліяніе всѣхъ этихъ писателей замѣтно на Радищевѣ, и онъ не уклонился отъ истины, когда, отвѣчая на предъявленное ему обвиненіе въ томъ, что онъ зараженъ (такъ по крайней мѣрѣ выразилась Екатерина) французскимъ заблужденіемъ т.-е. революціонной доктриной, онъ отвѣтилъ: «Францію-жъ въ примѣръ не бралъ... ибо сіе писалъ онъ прежде, нежели во Франціи было возмущеніе».

Нѣмецкіе университеты, — какъ еще въ большей степени, чѣмъ Лейпцигскій, доказываетъ примѣръ Геттингенскаго,—были очагами не одной нѣмецкой, но міровой науки и литературы. Эту мысль весьма подчеркиваетъ въ своей нѣмецкой книгѣ и въ своихъ позднѣе вышедшихъ русскихъ журнальныхъ статьяхъ господинъ М. Вишницеръ, работавшій, между прочимъ, въ нашей Академіи Наукъ надъ матеріаломъ переданнаго ей Тургеневскаго архива. Указавъ на присутствіе русскихъ студентовъ съ первой половины XVШ-го вѣка въ Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Геттингенѣ, въ Гейдельбергѣ и Галлэ, авторъ говоритъ: «Особое значеніе имѣлъ Геттингенскій университетъ въ концѣ XVШ-го и въ началѣ XIX-го вѣка. Выдающіеся ученые этого университета, привлекавшаго, по словамъ русскаго студента фонъ Фрейганга, иностранцевъ такъ же сильно, какъ королевскій замокъ въ Версалѣ,.. космополитическій и чуждый всякихъ узкихъ мѣстныхъ вліяній, характеръ университета,.. вотъ главные моменты, которые мы должны имѣть въ виду при выясненіи вопроса, почему мы встрѣчаемъ столько русскихъ именъ въ университетскихъ спискахъ конца XVШ-го и начала XIX-го вѣка [1]).

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVШ-го столѣтія Геттингенскій университетъ становится однимъ изъ первыхъ въ мірѣ. Онъ считаетъ въ средѣ своихъ профессоровъ извѣстныхъ химиковъ, математиковъ, физиковъ; но особенно блестяще поставленъ въ немъ отдѣлъ юридическихъ и политическихъ наукъ. Русскій студентъ этого университета А. Я. Полѣновъ пишетъ о немъ: «Геттингенскій университетъ можетъ почитаться первымъ относительно юридическихъ наукъ. Юристы со всѣхъ странъ пріѣзжаютъ сюда, для своего образованія и усовершенствованія. Если въ серединѣ столѣтія изъ русскихъ ѣдутъ въ Геттингенъ преимущественно медики и естественники, то во второй половинѣ вѣка его посѣщаютъ юристы и историки». А. Я. Полѣновъ пріѣхалъ въ

[1]) „Минувшіе Годы“, апрѣль 1908 года, стр. 186.

Геттингенъ въ *1766* году, по окончаніи юридическаго образованія въ Страсбургѣ. Онъ слушаетъ лекціи по ленному праву, интересуясь положеніемъ крестьянства на Западѣ и характеромъ ихъ землевладѣнія. Вернувшись въ Петербургъ въ слѣдующемъ году, онъ уже представляетъ «Вольному экономическому обществу» разсужденіе на заданную имъ тему:—«Что полезнѣе для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко на то или другое его право простирается?» Полѣновъ только потому не получилъ высшей награды, что позволилъ себѣ рѣзкую критику крѣпостного права [1]).

Съ цѣлью привлечь возможно большее число русскихъ, университетъ иногда приглашалъ на каѳедру нѣмецкихъ ученыхъ изъ Россіи, въ числѣ ихъ извѣстнаго Шлецера, автора книги «О лѣтописи Нестора». Экономистъ Іоганнъ Бекманъ, прежде чѣмъ сдѣлаться профессоромъ въ Геттингенѣ, состоялъ преподавателемъ въ Петровскомъ училищѣ въ Петербургѣ. Екатерина II-я одно время думала пригласить въ члены комиссіи по составленію «Наказа» нѣкоторыхъ геттингенскихъ юристовъ и историковъ, въ числѣ ихъ статистика Ахенваля и извѣстнаго знатока исторіи нѣмецкаго государственнаго права Пюттера. Настроеніе профессоровъ было благопріятно французскому освободительному движенію и проводимымъ во Франціи принципамъ свободы и равенства. Максимъ Невзоровъ, посланный на средства масонскихъ ложъ обучаться въ Лейденѣ и пріѣхавшій для завершенія образованія въ Геттингенъ, встрѣтилъ въ профессорѣ и поэтѣ Бюргерѣ, бывшемъ въ то время великимъ мастеромъ Геттингенской ложи, человѣка, сочувственно относившагося къ идеѣ равенства. Выражая свое удовольствіе по поводу того, что онъ отклонилъ предложеніе вступить въ среду геттингенскихъ братьевъ, Невзоровъ, впослѣдствіи ставшій реакціонеромъ, пишетъ въ своей автобіографіи:—«Славные нѣмецкіе университеты, какъ напримѣръ, Берлинскій, Гальскій, Лейпцигскій, Вѣнскій, Іенскій и всего болѣе Геттингенскій, сіе молодое, но слишкомъ далѣе другихъ въ новомъ безуміи забѣжавшее дитя Германіи, были первѣйшими орудіями, разсадниками, распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго отъ того послѣ... несчастія своего отечества [2])».

---

[1]) См. В. Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ 18-мъ и первой половинѣ 19-го столѣтія, 1888 г. Томъ I, стр. 81.

[2]) Отрывокъ изъ посланія Невзорова къ Поздѣеву. Библіографическія записки 1858 года, № 24. Цитата заимствована мною изъ статьи господина Вишницера о геттингенскихъ годахъ Н. И. Тургенева, „Минувшіе Годы“ 1908 г., апрѣль, стр. 191.

Приливъ русскихъ въ нѣмецкіе университеты, и въ частности въ Геттингенъ, пріостановленъ былъ указомъ Павла Петровича, отъ 9 апрѣля 1798 г., запрещавшимъ его подданнымъ посѣщать иностранные университеты «по причинѣ возникшихъ нынѣ въ нихъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ».

Съ воцареніемъ Александра Павловича, указъ этотъ былъ отмѣненъ. Русская молодежь снова отправилась въ нѣмецкіе университеты; въ числѣ ихъ Геттингенскій снова сталъ привлекать учащихся изъ Россіи. Профессора изъ Геттингена охотно были приглашаемы въ Первопрестольную. Даже курсъ по русской исторіи читалъ въ Москвѣ бывшій геттингенскій философъ Булэ. Сочиненіе геттингенскаго профессора Шлецера—«Лѣтописецъ Несторъ» въ 1804 году вышло на русскомъ языкѣ [1]).

Отвѣчая своему космополитическому направленію, Геттингенскій университетъ, въ которомъ въ 1801 году на 701 слушателя приходилось 456 иностранцевъ, старался избѣгать въ преподаваніи всякаго рода національностическихъ пристрастій. Связь Ганноверскаго курфюршества съ Англіей, въ лицѣ одного и того же правителя, во многомъ объясняетъ причину, по которой Геттингенскій университетъ, расположенный въ курфюршествѣ, сдѣлался проводникомъ не одной нѣмецкой, но и англійской науки. Въ своей книгѣ объ этомъ университетѣ въ 1802 году, его воспитанникъ, Эрнестъ Брандесъ, останавливается на той мысли, что необходимо, какъ онъ говоритъ, «большому числу студентовъ, которымъ въ будущемъ придется занимать отвѣтственныя должности въ разныхъ государствахъ, знакомиться съ чужими нравами и взглядами, дабы въ нихъ могъ пробудиться либеральный всечеловѣческій духъ. Въ виду этого нѣкоторые профессора, въ томъ числѣ Геренъ, въ своихъ курсахъ, знакомили слушателей съ политическими, общественными и административными учрежденіями Англіи, Франціи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, а Сарторіусъ своей аудиторіи излагалъ ученіе Адама Смита «О богатствѣ народовъ».

Въ числѣ слушателей Геттингенскаго университета мы встрѣчаемъ такихъ впослѣдствіи извѣстныхъ людей, какъ: А. И. Михайловскій-Данилевскій, Николай Тургеневъ и Кайсаровъ, написавшій диссертацію объ освобожденіи крестьянъ на латинскомъ языкѣ и разобравшій въ ней записку лифляндскаго помѣ-

[1]) Ibid., стр. 188—193.

щика Унгерна-Штернберга, по мнѣнію котораго рабство коренится въ человѣческой природѣ и отвѣчаетъ принципамъ разума. Диссертація Кайсарова публично защищалась имъ въ Геттингенѣ въ 1804 году. Николай Тургеневъ, какъ и Михайловскій-Данилевскій, особенно интересовался экономическими науками. Въ семинаріяхъ Сарторіуса Данилевскій читалъ рефераты по финансовому праву, которые проникнуты были взглядами Адама Смита, и впослѣдствіи онъ, руководя выборомъ чтеній одного изъ участниковъ заговора декабристовъ А. фонъ-Бриггена, направилъ его на изученіе «Духа законовъ» Монтескье и «Богатства народовъ» Смита. Въ число студентовъ въ Геттингенѣ попало нѣсколько слушателей педагогическаго института въ Петербургѣ. Среди нихъ мы находимъ Кайданова, посланнаго для занятія исторіей, географіей и статистикой, будущаго философа Галича, шеллингіанца по направленію, и Куницына. Послѣдній по возвращеніи изъ командировки занялъ каѳедру естественнаго права въ преобразованномъ впослѣдствіи въ университетъ педагогическомъ институтѣ. Куницынъ въ 1818 году выпустилъ въ свѣтъ свои переработанныя лекціи подъ заглавіемъ «Естественное право». Въ немъ онъ придерживался взглядовъ Руссо и Канта и поплатился за свою смѣлость отставкой, данной ему въ мартѣ 1821 года.

Въ числѣ слушателей Геттингенскаго университета, какъ я уже сказалъ, мы находимъ и Николая Ивановича Тургенева, будущаго декабриста и автора хорошо извѣстныхъ книгъ: «Опытъ о налогахъ» и «Россія и русскіе». Еще въ Москвѣ до своей поѣздки Николай Ивановичъ, получившій образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, открытомъ въ 1789 году при университетѣ, занимался экономическими и политическими науками. Въ 1807 году онъ посѣщаетъ въ университетѣ лекціи Рейнгарда по исторіи философіи, Гайма по статистикѣ и Цвѣтаева по теоріи права. Два послѣднихъ учились ранѣе въ Геттингенѣ, Цвѣтаевъ кромѣ того посѣтилъ Парижъ въ 1804 году, занимался тамъ правовѣдѣніемъ подъ руководствомъ въ числѣ другихъ извѣстнаго Пасторэ и такимъ образомъ имѣлъ возможность получить весьма широкую и разностороннюю подготовку. Самъ Николай Ивановичъ ѣдетъ въ Геттингенъ не одинъ, а въ обществѣ со студентомъ Куницынымъ, будущимъ профессоромъ. Въ Геттингенѣ Николай Ивановичъ мало занимается философіей, сосредоточиваетъ свое вниманіе на лекціяхъ Герена и Сарторіуса и читаетъ труды Адама Смита, Гарнье и Герена о «торговомъ обмѣнѣ у народовъ древняго міра». Онъ занятъ также пере-

водомъ книги своего учителя Сарторіуса «О народномъ богатствѣ», которое въ значительной мѣрѣ было простой передачей взглядовъ Смита. «Смитъ, заноситъ въ свой дневникъ Тургеневъ, восхищаетъ меня, а эта наука (политическая экономія) будетъ главнѣйшимъ моимъ занятіемъ въ продолженіе, думаю, всей моей жизни». Тургенева занимаетъ уже въ это время вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ; еще въ Геттингенѣ онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ (въ 1810 году): «Священнѣйшимъ долгомъ рѣшился я поставить себѣ улучшеніе состоянія земледѣльцевъ, на которыхъ буду имѣть вліяніе, и послѣ трудами, доказательствами стараться поспѣшествовать къ облегченію судьбы земледѣльцевъ вообще въ Россіи». Нѣсколько лѣтъ спустя, назначенный послѣ битвы подъ Лейпцигомъ 1812 года въ центральный департаментъ по управленію тѣми землями Рейнскаго союза, которыя не вошли въ число воевавшихъ съ Наполеономъ княжествъ, Тургеневъ въ своемъ возобновленномъ дневникѣ пишетъ: «Часто думаю я теперь о Россіи... Уничтоженіе рабства есть первый важнѣйшій шагъ къ достиженію всѣхъ цѣлей государственныхъ вообще. Но тутъ правительство, кажется, не столько можетъ успѣть, сколько частные люди, а сіи должны видѣть свою пользу; а чтобы видѣть оную, надобно знать немного болѣе, нежели курить вино и ѣздить за собаками—надобно просвѣщеніе. Слѣдственно, судьба рабства тѣсно соединена съ судьбою просвѣщенія дворянъ, которымъ должно вбить въ голову благородныя, человѣческія понятія; собственную ихъ пользу надо имъ показать, убѣдить ихъ въ истинѣ, справедливости, человѣколюбіи, религіи: а для сего нужны соединенія умныхъ, вѣрныхъ гражданъ, покровительствуемыхъ правительствомъ. Правительство можетъ даже проложить дорогу, сдѣлать первый примѣръ,—а духъ подражанія, ободряемый разноцвѣтными ленточками, много можетъ подѣйствовать на самыя благороднѣйшія души» [1]).

Такимъ образомъ, нѣмецкіе университеты, и въ частности Геттингенскій, являясь истолкователями общественныхъ идеаловъ, впервые проведенныхъ въ жизнь французской революціей, пробуждаютъ въ русскихъ образованныхъ людяхъ интересъ и къ крестьянскому освобожденію.

Въ царствованіе Александра I проходитъ, какъ извѣстно, отмѣна крѣпостного права въ балтійскихъ губерніяхъ и для самой Россіи издается законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Въ обѣихъ реформахъ идетъ рѣчь объ одномъ личномъ освобо-

[1]) „Минувшіе Годы“ 1908 годъ, №№ 5 и 6, стр. 230.

жденіи крестьянъ. Они не надѣляются землею ни на началѣ частной собственности, ни въ порядкѣ мірского, общиннаго владѣнія. Въ этомъ отношеніи Россія опять-таки слѣдуетъ западноевропейскимъ образцамъ, за исключеніемъ одного лишь, преподаннаго революціонной Франціей.

Въ моемъ «Экономическомъ ростѣ Европы», излагая подробно ходъ эмансипаціи на Западѣ, я старался показать, что, начиная съ среднихъ вѣковъ, и прежде всего съ Италіи, идетъ отпускъ крестьянъ на свободу путемъ оставленія ими участковъ, отданныхъ въ ихъ наслѣдственное пользованіе помѣщиками. Иногда законодатель ускоряетъ этотъ процессъ принятіемъ мѣръ къ отпуску на волю всѣхъ крестьянъ въ предѣлахъ того или другого города—республики или завоеванныхъ имъ феодальныхъ замковъ, съ прилегающими къ нимъ ленами. Въ Англіи указанное движеніе принимаетъ массовый характеръ со второй половины XIV в., такъ что къ серединѣ слѣдующаго канцлеръ короля Генриха VI Ланкастерскаго Фортескью уже считаетъ возможнымъ говорить о своей родинѣ, какъ о странѣ, не знающей земельной крѣпости. Крестьянскій отходъ, скопленіе въ городахъ ушедшаго изъ помѣстій трудящагося люда, становится важнѣйшимъ факторомъ эмансипаціи и въ Германіи, гдѣ складывается поговорка, что «городской воздухъ дѣлаетъ несвободнаго свободнымъ» (Die Luft macht frei) и гдѣ создается обычаемъ правило о томъ, что пребываніе въ предѣлахъ городской осѣдлости въ теченіе года и дня лишаетъ помѣщика возможности вчинать въ судахъ искъ противъ бѣжавшаго. Такъ называемыми «désaveux», т.-е. отказами отъ помѣстныхъ надѣловъ, пролагается и во Франціи путь къ гражданской свободѣ и независимости. Крѣпостное право исчезаетъ задолго до революціи, за немногими исключеніями, или переходитъ въ чиншевое оброчное владѣніе. Дѣятелямъ 1789 г.—1793 г. выпадаетъ въ удѣлъ обращеніе этой наслѣдственной крестьянской аренды въ полную собственность съ помощью выкупа такъ называемыхъ земельныхъ рентъ, выкупа, который въ дѣйствительности очень часто отпадаетъ. Ко времени воцаренія Александра I крѣпостное право, возродившееся въ сосѣдней Германіи съ эпохи Реформаціи и еще продолжавшее держаться въ формѣ чиншевого владѣнія въ бывшихъ польскихъ земляхъ, не исключая и Галиціи, не могло навесть русское правительство на мысль о государственномъ выкупѣ, подобномъ тому, который болѣе полувѣка спустя былъ проведенъ дѣятелями 19-го февраля. Мы видѣли, что и въ проектахъ улучшенія быта крестьянъ, которыми задавались Радищевъ, Полѣновъ, Кайсаровъ

или Николай Тургеневъ, не ставится еще ясно вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею.

Когда въ Остзейскомъ краѣ послѣдовала эмансипація безъ надѣленія землею освобождаемыхъ, въ средѣ людей, озабоченныхъ улучшеніемъ условій трудящагося люда, раздались голоса, неблагопріятные той формѣ дарованія крестьянамъ личной независимости, какая нашла выраженіе себѣ въ законодательствѣ Александра I.

Законъ Павла Петровича, урегулировавшій барщину, пріурочившій ее къ тремъ днямъ недѣли и дозволившій русскимъ крѣпостнымъ затрачивать на обработку собственныхъ полей половину времени въ страдную пору, удовлетворялъ нѣкоторыхъ, даже получившихъ свое воспитаніе за границей русскихъ общественныхъ дѣтелей, повидимому, въ бо́льшей степени, нежели безземельное отпущеніе крестьянъ на волю въ Остзейскихъ губерніяхъ. Доказательство этому мы находимъ въ томъ отношеніи, въ какое сталъ къ крѣпостному праву отецъ знаменитаго Бакунина.

Г. Корниловъ въ своемъ недавнемъ сочиненіи о молодыхъ годахъ Михаила Бакунина приводитъ выдержки изъ стихотворенія его отца, въ которомъ высказывается отношеніе послѣдняго къ крѣпостному праву. Г. Корниловъ полагаетъ, и кажется не безъ основанія, что это стихотвореніе было вызвано поэмой Пушкина «Деревня», написанной въ 1819 г. Въ стихотвореніи А. С. Пушкина встрѣчались слѣдующія строки:

«Не видя слезъ, не внемля стону,
На пагубу людей, избранное судьбой
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Здѣсь рабство тощее влачится по бравдамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонности въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ».

Какъ бы въ отвѣтъ на это стихотвореніе Бакунинъ-отецъ въ своей поэмѣ «Осуга» (названіе рѣки, на которой расположено было его помѣстье) пишетъ:

«Среди воздѣланныхъ полянъ
Я вижу мирное селенье
Трудолюбивыхъ поселянъ.
Не знаю, почему «рабами»
Ихъ наши умники зовутъ,
Они посильными трудами
Оброкъ урочный отдаютъ.
И свой удѣлъ за то имѣя,
Поля, покосы, скотъ и домъ
Такіе же, какъ и владѣя,
Хозяева въ быту своемъ.
Раздѣломъ дней на половину
Полусвободный селянинъ,
Три дня давая господину,
Другіе три—свой господинъ.
На сей незыблемой основѣ
Покоится святая Русь.
И въ ненавистномъ рабства словѣ
Взаимный кроется союзъ.
Что проку въ вольности бездомныхъ
Поденщиковъ въ чужихъ краяхъ,
Кочующихъ рабовъ подъемныхъ
Неволи злой—въ чужихъ домахъ?
Одинъ работникъ изнеможетъ,
И по міру пошла семья,
Хозяинъ и помочь не можетъ.
—Арендная его земля.
У насъ же волей и неволей
Помѣщикъ—опекунъ сиротъ.
И кормитъ ихъ родное поле,
Родная печь тепло даетъ».

А. М. Бакунинъ былъ воспитанникомъ Падуанскаго университета. Біографъ его сына поэтому высказываетъ нѣкоторое недоумѣніе по поводу того, какъ могъ онъ подобныя мысли примирить съ своимъ европейскимъ воспитаніемъ. Но въ годы, когда А. М. получалъ свое образованіе въ Италіи и, въ частности, въ предѣлахъ республики Св. Марка,—гдѣ впослѣдствіи проходилъ онъ свою дипломатическую карьеру,—ни о какомъ освобожденіи крестьянъ съ землею не подымалось еще рѣчи, а отпущенные на волю даромъ или за выкупъ поселяне переходили въ положеніе съемщиковъ чужихъ земель или въ рабочихъ пролетаріевъ. Но что отношеніе къ подневольному труду, которое мы находимъ у А. М. Бакунина, было далеко не всеобщимъ среди людей, просвѣщенныхъ западной наукой, доказательство этому даетъ намъ и такой, въ сущности, консерваторъ, какъ Чаадаевъ, требовавшій, по крайней мѣрѣ, постепенной отмѣны у насъ рабства. То же

доказываетъ и поголовно-отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву всѣхъ декабристовъ. «Аннибаловой» клятвѣ И. С. Тургенева предшествовало рѣшеніе его родственника Николая Ивановича Тургенева еще въ 1810 г. посвятить всю свою жизнь улучшенію состоянія земледѣльцевъ, т.-е.,—поясняетъ Гершензонъ,—уничтоженію крѣпостного права [1]). Самъ А. М. Бакунинъ вынесъ, повидимому, свое отрицательное отношеніе къ освободительнымъ идеямъ изъ пребыванія во Франціи и Неаполѣ во время революціи. По преданіямъ, сохранившимся въ его семьѣ, онъ былъ въ Парижѣ во время взятія Бастиліи. Но Сергѣй Муравьевъ, родственникъ его жены, разсказывалъ о немъ Кропотову, біографу М. Н. Муравьева, что Бакунинъ былъ свидѣтелемъ кровавой революціи не въ Парижѣ, а въ Неаполѣ. Въ упомянутомъ уже стихотвореніи «Осуга» встрѣчается нѣсколько строкъ, касающихся пережитаго Франціей и по ея примѣру другими странами переворота. Вотъ онѣ:

«Какой то сычъ зловѣщій стонетъ
«Les droits de l'homme» и наподхватъ
Съ нимъ журналистика трезвонитъ
Философическій набатъ.
Отъ этой музыки вскружила
Шальныя головы хандра,
И чернь озляся завопила
Ослинымъ хоромъ: «Sa ira!»
Я наяву все это видѣлъ
Въ странѣ драчливыхъ пѣтуховъ
И съ той поры возненавидѣлъ
Музыку тигровъ иословъ.

Сдѣлавшись врагомъ революціи, А. М. Бакунинъ въ то же время не переставалъ интересоваться просвѣтительнымъ движеніемъ въ Россіи и участвовалъ поэтому въ обсужденіи устава «Союза благоденствія». Г. Корниловъ пишетъ о немъ, что онъ игралъ въ дѣлѣ развитія и направленія внутренней борьбы между двумя крайними направленіями въ Союзѣ Спасенія, основанномъ Александромъ Муравьевымъ, значительную роль и писалъ когда-то Михаилу Муравьеву длинное письмо, въ которомъ доказывалъ безнадежность политическихъ революцій въ Россіи. М. Муравьевъ, принятый въ «Союзъ Спасенія» братомъ своимъ Александромъ, относился враждебно къ карбонарскому уставу этого союза, авторомъ котораго былъ Пестель, и къ революціонному направленію,

[1]) См. Гершензонъ: „Образы Прошлаго". Стр. 291. Ст. Н. И. Тургеневъ въ молодости.

приданному послѣднимъ членамъ этого тайнаго общества. А. М. Бакунинъ поддерживалъ въ немъ это настроеніе и склонилъ его къ составленію устава «Союза благоденствія» по образцу нѣмецкихъ Tugendbund'овъ. «Сергѣй Муравьевъ разсказываетъ, пишетъ Корниловъ, что весь планъ похода противъ Пестеля и его «Союза Спасенія» былъ выработанъ въ кабинетѣ А. М. Бакунина, М. Муравьевъ послалъ ему и рукопись пестелевскаго устава, прося его дать свое мнѣніе о немъ. Бакунинъ воспользовался случаемъ, чтобы, по словамъ Кропотова, осудить увлеченія молодыхъ людей, бредившихъ конституціей. Онъ высказалъ увѣренность, что ей сочувствуютъ немногіе, и говорилъ о тѣхъ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ, какія произойдутъ отъ малѣйшаго ослабленія власти въ странѣ, раскинувшейся на необъятныя пространства, и не имѣющей, кромѣ самодержавія, никакой органической связи между своими частями. «Въ странахъ теплыхъ, богатыхъ и густо населенныхъ, разсуждалъ онъ (по словамъ Кропотова), въ странахъ, изобилующихъ множествомъ образованныхъ и пользующихся досугомъ людей, ограниченныя монархіи еще могутъ существовать безъ особаго неудобства. Но при нашихъ пространствахъ, суровомъ климатѣ, и въ виду неустанной вражды къ намъ Европы, самодержавіе является у насъ потребностью для народа и государственной безопасности. Не путемъ анархіи, насилій и заговоровъ противъ правительства можемъ мы достигнуть благоденствія, полагалъ онъ, но распространяя въ народѣ любовь къ труду, трезвости, порядку, чистоплотности и честности, ознакомляя его съ ремеслами и искусствами и развивая просвѣщеніе»! Эти мысли, по словамъ Кропотова, были встрѣчены весьма сочувственно М. Муравьевымъ и приняты имъ за основаніе при составленіи устава «Союза благоденствія» [1]). Примѣръ А. М. Бакунина показываетъ намъ, что Карамзинъ далеко не былъ одинокъ въ своемъ осужденіи реформъ, затѣянныхъ Александромъ I при ближайшемъ участіи Сперанскаго. Представленная имъ черезъ сестру Александра великую княгиню Екатерину Павловну записка «О древней и новой Россіи», какъ и происходившіе въ Твери, при дворѣ великой княгини и ея перваго мужа принца Ольденбургскаго, споры съ императоромъ о самодержавіи и конституціи, споры, при которыхъ Александръ отстаивалъ благодѣтельность конституціонныхъ началъ, а Карамзинъ защищалъ самодержавіе, отвѣчали опредѣленному теченію въ руководящихъ кругахъ. Записка «О древней и новой Россіи» была вручена въ Твери Александру въ 1811 г.

---

[1]) Корниловъ. Молодые годы М. Бакунина. Стр. 21—24.

Наступившая затѣмъ борьба съ Наполеономъ положила конецъ всѣмъ попыткамъ пересозданія имперіи по французскому образцу, усилила мистическое направленіе ума императора, приблизила къ нему знаменитую баронессу Крюднеръ, положила, какъ мы сейчасъ увидимъ, конецъ вліянію французскихъ идей; въ области философіи, она поставила на первую очередь задачу религіозно-нравственнаго возрожденія, сказавшуюся созданіемъ по мысли Александра «Священнаго Союза» трехъ императоровъ.

Параллельно съ этими историческими событіями шла радикальная перемѣна и въ томъ направленіи, въ какомъ мысль Европы стала воздѣйствовать на наше общество. На смѣну энциклопедистамъ и Вольтеру,—нѣмецкая философія въ меньшей степени въ лицѣ Канта, нежели Шеллинга, начинаетъ овладѣвать умами прогрессирующей части русской молодежи. Масонскія ложи закрываются въ 1818 г., и нѣкоторые члены ихъ, въ числѣ ихъ, какъ мы увидимъ, Чаадаевъ, успѣютъ настолько отрѣшиться отъ идей масонства, что не прочь будутъ выступить у насъ съ пропагандой католицизма, которому сочувствовала проживавшая въ Парижѣ г-жа Свѣчина. Въ ея салонѣ въ 30-хъ годахъ членъ австрійскаго посольства Апони и совѣтникъ русской миссіи, мемуары котораго, писанные на французскомъ языкѣ, недавно отпечатаны были въ Парижѣ, встрѣтятъ князя Гагарина, вскорѣ покинувшаго службу, чтобы осуществить свое намѣреніе перейти въ католицизмъ и записаться въ орденъ іезуитовъ. Примѣру Гагарина послѣдуютъ и нѣкоторые другіе русскіе, въ томъ числѣ, будущій отецъ Мартыновъ. Нѣсколько лѣтъ спустя проф. Печеринъ, одно время бывшій въ составѣ преподавателей Московскаго университета, также принимаетъ католичество, становится сперва монахомъ, а затѣмъ католическимъ патеромъ.

Философское вліяніе Германіи сказалось въ Россіи далеко не сразу. Вѣкъ Александра, какъ мы только-что показали, подобно вѣку Екатерины, былъ періодомъ увлеченія французской и отчасти англійской мыслью. Французская революція вызвала въ этомъ отношеніи только ту перемѣну, что Вольтеръ, Дидро и Гельвецій признаны были ложными философами и принуждены уступить мѣсто менѣе виднымъ, но въ то же время менѣе опаснымъ для христіанства и власти мыслителямъ. Изъ ихъ среды наиболѣе выдающимся былъ, разумѣется, Жозефъ де-Местръ. Посланникъ Савойскаго герцога и короля Пьемонта, долгіе годы

проведшій въ Петербургѣ, оставившій слѣдъ своего пребыванія въ немъ въ извѣстной книгѣ, озаглавленной «С.-Петербургскіе вечера» де-Местръ едва-ли не самый блестящій представитель католической философіи, принципа легитимизма и, наконецъ, вселенскаго значенія папы въ первой четверти прошлаго столѣтія.

Онъ во многомъ высказывалъ взгляды, близкіе къ тѣмъ, какіе мы впослѣдствіи найдемъ у Чаадаева. То изъ его положеній, которое увлекло самого творца «Положительной философіи», О. Конта, и заставило его отнести къ органическимъ эпохамъ въ исторіи развитія человѣчества средніе вѣка съ ихъ двоевластіемъ папы и императора, духовнаго и свѣтскаго верховенства надъ міромъ, нашло «откликъ въ письмахъ Чаадаева по философіи исторіи». Де-Местръ высказываетъ въ своей книгѣ о папѣ то положеніе, что контроль папской власти за дѣятельностью самодержавныхъ правителей былъ одновременно гарантіей мира и защитой свободы, что деспотизмъ сдѣлался немыслимымъ благодаря подчиненію свѣтскихъ властителей главѣ христіанскаго міра. Эта самая мысль будетъ выражена впослѣдствіи и у Чаадаева. Она, быть можетъ, не останется безъ вліянія и на такіе свободомыслящіе умы, какъ тотъ, какимъ надо считать московскаго профессора Печерина, не ужившагося въ русской обстановкѣ, покинувшаго Москву, добровольно осудившаго себя на бѣдность и бродяжничество въ теченіе ряда лѣтъ, съ цѣлью сохранить безъ умаленія свою индивидуальность, и покончившаго вольнымъ переходомъ въ лоно католицизма.

Въ области философской мысли отмѣтимъ еще вліяніе двухъ французскихъ философовъ-эклектиковъ, скорѣе историковъ, чѣмъ творцовъ самостоятельныхъ системъ—де-Жерандо и несравненно болѣе знаменитаго—Кузена. Сочиненіе русскаго философа и профессора Московскаго университета Давыдова, какъ вѣрно указано г. Сакулинымъ, свидѣтельствуетъ о его близкомъ знакомствѣ съ обоими писателями. Весьма вѣроятно, что при ихъ посредствѣ онъ заинтересовался также философами англо-шотландской школы, начиная съ Бэкона Веруламскаго, продолжая Гаррингтономъ и заканчивая Гётчиссономъ. Свое преподаваніе въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ Москвы, возникшемъ еще въ 1779 г. и возобновленномъ въ 1791 г., И. И. Давыдовъ началъ въ 1814 г. Во главѣ благороднаго пансіона стоялъ тогда А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Онъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ на средства «Дружескаго ученаго общества», связаннаго съ памятью объ извѣстномъ русскомъ масонѣ, Шварцѣ. Подъ его вліяніемъ и развивался Антон-

скій. Это обстоятельство, пишетъ Сакулинъ, не сдѣлало изъ него, однако, ортодоксальнаго масона, но наложило неизгладимый отпечатокъ на все его религіозно-нравственное міровоззрѣніе». Проф. Тихонравовъ доказываетъ, что не масонство, а реакція философскимъ идеямъ, предшествовавшимъ французской революціи, дала окраску тому направленію, которое господствовало въ преподаваніи университетскаго пансіона [1]).

Академикъ Истринъ, въ статьѣ «Младшій Тургеневскій кружокъ и Ал. Ив. Тургеневъ», говоритъ въ свою очередь: «Три элемента были выдвинуты въ московскомъ пансіонѣ: нравственное совершенствованіе, патріотизмъ и литературное образованіе. Первое требованіе идетъ еще отъ Новиковскаго періода, отъ Шварца, отъ котораго Прокоповичъ-Антонскій унаслѣдовалъ свои основныя положенія» [2]). Въ рѣчи о воспитаніи, произнесенной Антонскимъ, на актѣ 1798 г., уже встрѣчаются ссылки на «извѣстнаго, какъ онъ пишетъ, въ ученомъ свѣтѣ Бакона», у котораго онъ заимствуетъ классификацію трехъ главныхъ способностей души—память, разсудокъ и воображеніе. Тотъ же «Баконъ» играетъ большую роль и въ философскихъ построеніяхъ Давыдова, и не одинъ «Баконъ», но и Петръ Гассенди—противникъ Аристотеля и Декарта, поклонникъ системы Эпикура и атомизма Демокрита, отрицатель врожденныхъ идей, стремившійся эклектически сочетать старинный сенсуализмъ съ христіанскимъ спиритуализмомъ, съ ученіемъ о Провидѣніи и безсмертіи души. П. Гассенди принадлежалъ къ эпохѣ, слѣдовавшей за Бэкономъ, и жилъ между 1592 и 1655 г.г. Давыдовъ посвящаетъ первую свою философскую работу—докторскую диссертацію, Бэкону. Она вышла въ 1815 г., а второе его сочиненіе: «Опытъ руководства къ исторіи философіи», отпечатанный въ Москвѣ въ 1820 г., открывается заявленіемъ, что авторъ предпочитаетъ способъ Гассенди, т.-е. желаетъ сначала познакомить съ попытками, удачными и неудачными, которыя довели мыслителей до опредѣленія «правилъ и законовъ теоріи философіи». Главнымъ же руководителемъ Давыдова въ его «Очеркѣ исторіи философіи», по собственному его признанію, является де-Жерандо. «Въ иныхъ мѣстахъ, пишетъ онъ, вмѣнялъ я себѣ за честь переводить знаменитаго философа, въ другихъ—извлекалъ изъ него важнѣйшія мысли; есть предметы, въ которыхъ осмѣливался не соглашаться съ великимъ писате-

---

[1]) Сочиненія Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 401.
[2]) Архивъ бр. Тургеневыхъ, вып. II, стр. 65.

лемъ» [1]). Де-Жерандо самъ былъ послѣдователемъ Кондильяка и въ то же время другомъ мистика Сенъ-Мартэна. Въ «Философскомъ лексиконѣ» Франка говорится о немъ, что онъ счастливо развивалъ теорію Локка и Кондильяка объ отношеніи, существующемъ между мыслью и ея внѣшними выраженіями. Франкъ считаетъ его однимъ изъ первыхъ писателей, познакомившихъ французовъ съ исторіей философіи. Заглавіе его книги «Histoire comparée des systèmes philosophiques». Въ ней онъ уже во многомъ отступаетъ отъ Кондильяка, въ частности, въ вопросѣ о дѣятельности души, независимо отъ чувствованій. Давыдовъ познакомился съ сочиненіями де-Жерандо еще изъ лекцій своего учителя, проф. Булэ. Сакулинъ говоритъ, что безъ преувеличенія можно сказать: Давыдовъ хотѣлъ быть русскимъ де-Жерандо въ своемъ «Опытѣ руководства». Здѣсь онъ особое значеніе придаетъ Бэкону, о которомъ говоритъ, что «его ученіе развилось повсюду и какъ плодоносное древо распространилось на многія отрасли. Не одна секта, кромѣ Сократовой, не произвела столь великихъ талантовъ, сколько Баконова секта въ опытной философіи». Локкъ, Кондильякъ, д'Аламберъ и Боннетъ, по мнѣнію того же Давыдова, «оказываютъ важныя услуги метафизикѣ, озаряютъ сію мрачную часть философіи изслѣдованіемъ способности души. Нравственная же философія получаетъ прочное обоснованіе трудами Гаррингтона и Гочиссона» (Гётчисонъ). Къ опытной философіи Давыдовъ относится вполнѣ положительно. «Невыгода ея, пишетъ онъ, состоитъ только въ ея скромности, въ ней нѣтъ ничего таинственнаго, что́ обыкновенно возбуждаетъ страсть и воспламеняетъ воображеніе. Правила ея просты и согласны съ разсудкомъ». Сакулинъ, у котораго мы заимствовали всѣ эти данныя, справедливо говоритъ, что въ своемъ «Опытѣ» Давыдовъ внѣ всякаго сомнѣнія является апологетомъ опытной философіи» [2]). Направленіе Давыдова являлось новшествомъ сравнительно съ тѣмъ философскимъ теченіемъ, которое господствовало въ Россіи, по словамъ Сушкова, предъ самымъ нашествіемъ Наполеона. Это направленіе онъ характеризуетъ словами: «Духовно-мистическое или, правильнѣе, набожно-поэтическое», очевидно, завѣщанное масонствомъ, ложи котораго закрыты были частью не ранѣе 1818 г.

На-ряду съ де-Жерандо попадается у философовъ второй

---

[1]) См. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма, т. I, ч. I, стр. 25.
[2]) Сакулинъ. Ibid., стр. 30.

половины царствованія Александра I упоминаніе и о Кузенѣ, хотя послѣдній далеко не играетъ для нихъ той же роли, что Жерандо. Имя Кузена встрѣчается рядомъ съ новымъ властителемъ думъ, нѣмецкимъ философомъ Шеллингомъ, о которомъ Давыдовъ впервые заводитъ рѣчь въ своей «Логикѣ». «Логика» Давыдова тѣмъ интересна, что заключаетъ въ себѣ признаніе, что «первый въ отечествѣ нашемъ познакомилъ насъ съ Шеллингомъ почтенный проф. Галичъ». Сакулинъ справедливо указываетъ, что Давыдовъ обошелъ въ этомъ случаѣ своимъ вниманіемъ труды Велланскаго, который, повидимому, и ранѣе Галича проповѣдывалъ Шеллингову философію. Изъ чегырехъ писателей, которыхъ обыкновенно считаютъ провозвѣстниками въ Россіи Шеллинговой философіи, только одинъ Велланскій, по словамъ Сакулина, можетъ быть причисленъ къ вѣрнымъ его послѣдователямъ. Еще въ 1815 г. онъ издаетъ свое «Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествопознанія». Значеніе Велланскаго въ дѣлѣ распространенія у насъ Шеллинговой философіи и ея послѣдователя Окена послужило темою разсужденій для многихъ русскихъ историковъ и философовъ, въ числѣ ихъ—Филиппова, Милюкова, К. С. Веселовскаго. Повторять сказанное ими я не считаю нужнымъ; но, чтобы дать понятіе о томъ отвлеченномъ языкѣ, какимъ излагалась Велланскимъ эта и безъ того не особенно ясная нѣмецкая метафизика, я приведу слѣдующій отрывокъ, который Сакулину удалось открыть въ бумагахъ Одоевскаго. Онъ заключаетъ въ себѣ резюмэ натуръ-философіи Велланскаго и сдѣланъ имъ почти въ концѣ его жизни, въ 1841 г. На него можно смотрѣть поэтому, какъ на окончательную передачу его мысли. Предоставляемъ читателю судить, насколько лицамъ, не посвященнымъ въ тайны нѣмецкой метафизики, легко было разобраться въ этомъ сокращенномъ изложеніи шеллингіанства. «Природа есть произведеніе самопознательнаго дѣйствія абсолютной идеи Бога, образующейся лѣпотою, истиною и благостью, какъ идеалами душевной субъективной сущности и тѣлесной объективной формы человѣка, равнокачественными свѣту, тяжести и теплотѣ, составляющимъ дѣятельныя силы и вещественное содержаніе всей видимой природы. Лѣпота изъявляетъ субъективную сущность въ объективной формѣ, истина показываетъ форму въ сущности; а благость знаменуетъ одно нераздѣльное начало объективной формы тѣла и субъективнаго существа души. Посему, человѣкъ есть индивидуальный духовный міръ, какъ истинный обликъ Бога, представляемаго въ немъ тремя видами единой сущности: духомъ, тѣломъ и душою, кои суть идеальное, реальное и

ассенціальное существо человѣка, созданнаго по образу и по подобію Божію на землѣ. Огонь есть всемірный элементъ, состоящій изъ свѣта, тяжести и теплоты, которыми производятся, удерживаются, разрушаются и измѣняются всѣ вещества и силы естественныхъ предметовъ. Свѣту равнозначителенъ духъ, тяжести сообразно тѣло, а съ теплотою однокачественна душа, какъ существенныя принадлежности человѣка, содержащагося къ огню въ противоположномъ значеніи образовательнаго ихъ свойства, и въ универсальномъ мірозданіи человѣкъ составляетъ внутренній, идеальный центръ, а огонь содѣлываетъ внѣшнюю реальную периферію общей сферы субъективнаго органическаго и объективнаго неорганическаго міра» [1]).

Въ двухъ недавно изданныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно посвящено молодымъ годамъ Бакунина, а другое—князю Одоевскому, какъ мыслителю и писателю, сообщено не мало матеріала о быстромъ ростѣ у насъ шеллингіанства. Изъ нѣмецкихъ философовъ, наиболѣе выдающійся Кантъ встрѣтилъ у насъ слабый откликъ. Давыдовъ, правда, упоминалъ о немъ въ своей «Логикѣ», но властителемъ думъ суждено было сдѣлаться не великому кенигсбергскому мыслителю, а Шеллингу. Шевыревъ, въ годы ученичества въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, въ который онъ поступилъ въ 1818 г., застаетъ въ немъ слабые слѣды мистическаго настроенія, овладѣвшаго Россіей передъ началомъ освободительной войны. Мистицизмъ этотъ, по словамъ другого современника, Сушкова, не только предшествовалъ, но отчасти подготовилъ торжество въ преподаваніи нѣмецкой философіи и всего болѣе Шеллинга, «котораго, говоритъ Шевыревъ, ввели въ пансіонъ профессора Павловъ и Давыдовъ» [2]). Но Давыдовъ относился къ Шеллингу не безъ нѣкоторой самостоятельности. По замѣчанію Филиппова, автора «Судебъ русской философіи», «вся своеобразность ученія нѣмецкаго мыслителя, вся сила и слабость его поэтическихъ и фантастическихъ классификацій и аналогій, всѣ его полярности и прочія натуръ-философскія красоты и безсмыслицы исчезаютъ или стушевываются у Давыдова до неузнаваемости». Это не помѣшало, однако, тому, что знаменитый Магницкій счелъ возможнымъ въ своемъ доносѣ найти въ логикѣ Давыдова вольнодумство и развратъ, какъ слѣдствіе «богопротивнаго ученія Шеллинга». Перешедъ на сторону нѣмецкой философіи, Давы-

---

[1]) Сакулинъ, Ibid. 129—130.
[2]) Сакулинъ, стр. 20.

довъ считалъ нужнымъ направить въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ стрѣлы противъ французскаго раціонализма XVIII-го вѣка. «Съ непонятнымъ распространеніемъ въ отечествѣ нашемъ словесности французской,—писалъ онъ подъ псевдонимомъ «Мемнона»,—наводняемы мы были въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій книгами безъ всякаго разбора, ибо вмѣстѣ съ Фенелонами, Боссюэтами и Лапласами входили къ намъ ничтожныя сочиненія Вольтера, Дидеротовъ, Гельвеціевъ; юные праздно-любцы увлекались нелѣпостями лжеучителей; даже люди зрѣлые повѣрили и затвердили, будто сіи самохвалы—философы. Англичане и нѣмцы никогда не удостаивали имени философовъ Вольтера, Дидерота и имъ подобныхъ писателей. Не только въ Германіи, но и во Франціи, продолжаетъ Давыдовъ, замѣтное распространеніе получаетъ теперь ученіе любомудрія болѣе основательнаго, нашедшаго выраженіе себѣ въ сочиненіяхъ Лейбница, Канта, Фихте и другихъ послѣдователей сихъ необыкновенныхъ умовъ, основателей современной философіи».

Въ 1826 г. Давыдовъ открываетъ преподаваніе философіи и въ Московскомъ университетѣ; во вступительной лекціи «о возможности философіи», какъ науки, онъ ссылается на книгу Шеллинга съ тѣмъ же заглавіемъ, появившуюся еще въ 1795 г. Природа видимая для него есть уже отраженіе духовной, отраженіе идеальнаго въ вещественномъ. Слѣдуетъ новая ссылка на Шеллинга, на его «Идеализмъ и натурфилософію». Но въ трудахъ Давыдова мы встрѣчаемъ еще, по счастливому выраженію Филиппова, «борьбу Локковскаго эмпиризма съ идеализмомъ Шеллинга». Во всемъ, что́ говоритъ онъ о Шеллингѣ, замѣчаетъ Сакулинъ, нѣтъ и слѣда того сильнаго поклоненія нѣмецкому философу, какое мы находимъ у Велланскаго или Галича. И тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ Давыдова, образовался тотъ рядъ людей, которые, вышедши изъ благороднаго пансіона, положили основаніе кружку и журналу, ставшимъ проводниками въ русское общество идей Шеллинга. Главою кружка сдѣлался князь Одоевскій. Этотъ кружокъ еще въ 1823 г. включалъ въ себѣ подъ руководительствомъ Раича, Погодина, Титова, Шевырева цѣлый рядъ другихъ дѣятелей. Образованію этого кружка не мало содѣйствовалъ Погодинъ. Въ письмѣ къ княгинѣ Голицыной отъ 15 марта того же года онъ сообщаетъ: «У насъ составилось общество друзей; собираемся раза два въ недѣлю, читаемъ свои сочиненія и переводы; у насъ положено между прочимъ перевести всѣхъ гречѐскихъ и римскихъ классиковъ. Уже начаты

Платонъ, Демосѳенъ и Титъ Ливій». Кружокъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, литературныя задачи, но не былъ также чуждъ и философіи. Въ немъ Одоевскій прочиталъ свой переводъ изъ «Натуральной философіи» Окэна, единомышленника Шеллинга. Почти одновременно съ обществомъ Раича въ томъ же 1821 г. возникаетъ уже чисто-философское «Общество Любомудрія». Предсѣдателемъ его является Одоевскій, а секретаремъ хорошо извѣстный писатель Веневитиновъ. Въ числѣ членовъ мы встрѣчаемъ имена и А. И. Кошелева и Ив. Кирѣевскаго. Болѣе или менѣе тѣсно примыкали къ кружку, по словамъ Сакулина, Титовъ, Мельгуновъ, Шевыревъ и Погодинъ. Собранія происходили обыкновенно у Одоевскаго. Въ своихъ мемуарахъ Кошелевъ говоритъ, что общество продолжало собираться до 14 декабря 1825 г., «когда мы сочли необходимымъ прекратить философскія бесѣды, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣніе полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе». «Общество Любомудрія» просуществовало, такимъ образомъ, два года. Терминъ «любомудрія» былъ пущенъ въ ходъ еще въ XVIII в., для обозначенія философіи, отличной отъ той, какую проповѣдывали энциклопедисты. Кошелевъ въ своихъ мемуарахъ, говоря объ обществѣ, замѣчаетъ: «тутъ господствовала нѣмецкая философія, т.-е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окэнъ, Гэрресъ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія разсужденія, но всего чаще бесѣдовали о прочитанныхъ нами твореніяхъ нѣмецкихъ любомудровъ. Мы особенно высоко цѣнили Спинозу. Большимъ авторитетомъ пользовался также Гэрресъ, шеллингіанецъ, занимавшійся, главнымъ образомъ, вопросами религіи». Первымъ органомъ, гдѣ любомудріе нашло себѣ пріютъ, былъ «Вѣстникъ Европы», издававшійся тогда М. Т. Каченовскимъ. Но такъ какъ это былъ журналъ далеко не спеціальный и который готовъ былъ посвятить вопросамъ трансцендентальной философіи сравнительно лишь небольшое число страницъ, то Одоевскій вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ съ 1824 г. сталъ издавать подобіе нѣмецкихъ альманаховъ подъ названіемъ «Мнемозина». Этотъ журналъ не былъ философскимъ въ строгомъ смыслѣ слова, но отводилъ нѣмецкой метафизикѣ несравненно больше мѣста. Издатели въ первой же книжкѣ указывали на двѣ преслѣдуемыя ими цѣли: 1) борьбу съ французскимъ направленіемъ во имя германскаго любомудрія и 2) проповѣдь самобытности. По примѣру «Мнемозины», говоритъ Сакулинъ, и другіе журналы, какъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный

Архивъ» и «Литературные Листки», заговорили о Шеллингѣ и Окэнѣ. «Мнемозина» просуществовала недолго и имѣла, повидимому, не болѣе двухсотъ подписчиковъ. Ближайшей по времени попыткой «любомудровъ», пишетъ тотъ же Сакулинъ, было изданіе «Московскаго Вѣстника» подъ редакціей М. П. Погодина при сотрудничествѣ Пушкина, Шевырева, Веневитинова, Одоевскаго, Титова, Кошелева и др. Этотъ кружокъ поддерживалъ прежнія связи съ Давыдовымъ, продолжая ставить его весьма высоко. Въ числѣ сотрудниковъ «Мнемозины» былъ и Павловъ, по спеціальности физикъ, но пріобрѣтшій также извѣстность, какъ проповѣдникъ шеллингіанства съ каѳедры Московскаго университета. Проф. Сакулинъ посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ первомъ томѣ своего обширнаго сочиненія о князѣ Одоевскомъ. Изъ его анализа взглядовъ Павлова слѣдуетъ, что, будучи сторонникомъ Шеллинга и Окэна, онъ существенно упрощалъ и раціонализировалъ ихъ ученіе, а это содѣйствовало тому, что его лекціи и статьи всегда производили впечатлѣніе ясности и простоты. Онъ былъ скорѣе умѣреннымъ шеллингіанцемъ и переносилъ, по выраженію Сакулина, центръ тяжести на точныя науки. «Умозрѣніе, училъ онъ, при всемъ его преимуществѣ предъ эмпиріей, безъ сей послѣдней недостаточно. Каждое явленіе, слѣдовательно, и природа, какъ совокупность явленій, есть соединеніе противоположностей, совмѣстность идеальнаго съ вещественнымъ. Посему умозрительное познаніе и эмпирическое, каждое отдѣльно, какъ одностороннее, неполно. Опытъ и наблюденіе—повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія». Павловъ сталъ издавать свой журналъ подъ именемъ «Атеней» въ годы 1828—30. Въ первыхъ же двухъ номерахъ своего журнала онъ напечаталъ философскій разговоръ подъ заглавіемъ: «О взаимномъ отношеніи свѣдѣній умозрительныхъ и опытныхъ». Статья эта должна быть отмѣчена потому, между прочимъ, что мы находимъ въ ней первую попытку критическаго отношенія къ тому поверхностному «любомудрію», которой заразилась молодежь двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Авторъ хотѣлъ выразить протестъ противъ тѣхъ, кто думалъ, что достаточно усвоить общіе принципы философіи, чтобы, не изучая точныхъ наукъ, считать себя вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Недаромъ философія есть наука наукъ. Павловъ предалъ осмѣянію такое направленіе въ формѣ разговора, въ которомъ участвуютъ три вымышленныхъ лица подъ названіями: Кенофонъ, Полистъ и Менонъ. Въ этомъ разговорѣ встрѣчаются мысли, которыя покажутся трюизмами всякому со-

временному послѣдователю научной философіи; напримѣръ, слѣдующая: «Чтобы узнать философію, надобно прежде знать науки. Въ философіи разсуждается о возможности того, что въ наукахъ представляется, какъ есть. Можно ли разсуждать о возможности того, чего не знаешь, слѣдовательно, свѣдѣнія умозрительныя, составляющія философію, возможны только при опытныхъ, составляющихъ науки. Ясно ли теперь, что науки безъ философіи быть могутъ и совсѣмъ не вздоромъ, а философія безъ наукъ невозможна. Если же кто вздумаетъ философствовать, не зная наукъ, его мудрствованія будутъ вздоръ постыдный для ума, вредный для наукъ».

«Любомудрствовавшая» молодежь сочла себя задѣтой, и «Московскій Телеграфъ» Полевого счелъ нужнымъ подвергнуть ироническому разбору мысли Павлова. Авторомъ статьи былъ самъ Полевой; формою изложенія также избранъ былъ разговоръ, но на этотъ разъ онъ происходитъ между Давыдовымъ, покровителемъ и до нѣкоторой степени инспираторомъ «Мнемозины», и Павловымъ, критикомъ легкомыслія, проявленнаго кружкомъ любомудровъ. Первый выступаетъ подъ именемъ Алкиноя, второй подъ прозвищемъ Кассія Феликсъ. Павловъ не отказался отъ отвѣта, и на этотъ разъ еще откровеннѣе высказалъ свое отрицательное отношеніе къ тѣмъ, для которыхъ философія стала предметомъ моды, «чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ плащей, безъ которыхъ франты не обходятся ни зимой, ни лѣтомъ». «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пишетъ онъ, возродилось у нѣкоторыхъ литературныхъ юношей тщеславіе щеголять философическими терминами, не понимая ихъ значенія. Затѣйница-мода изъ удовольствія пошутить шепнула тому, другому: это—новая философія. Съ этого времени права здраваго смысла поколебались и въ славу вошла безсмыслица. Появились цѣлые трактаты на русскомъ языкѣ, на которые сами русскіе смотрѣли, какъ на вновь найденные іероглифы». Очевидно, Павловъ былъ далекъ отъ того безусловнаго преклоненія предъ Шеллингомъ и его школой, какое обнаруживалъ, напр., проф. Велланскій, считавшій возможнымъ писать, напримѣръ, слѣдующее: «Сколько бы изслѣдованій по роду предметовъ различно не было, всѣ эти предметы надо разсматривать съ одной точки зрѣнія. Сія же точка находится въ натуральной философіи». Или еще: «Безъ умозрительной способности духъ человѣка остается въ невѣдѣніи самого себя и окружающей природы... Сколько бы помрачителей ни усиливались къ одолѣнію эпохи истиннаго познанія, не возмогутъ они потемнить сіянія наступившей ея зари, и умозрительныя понятія г. Шеллинга о

сущности природы, несмотря на всѣ возмущенія не разумѣющихъ его противниковъ, составляютъ начало сей эпохи». Велланскій былъ въ большомъ почетѣ у любомудровъ и, въ частности, у Одоевскаго. Въ періодъ изданія «Мнемозины» Одоевскій обратился къ нему съ письмомъ, которое, какъ говорилъ Велланскій, «восхитило его болѣе, чѣмъ другіе лестные отзывы, приходившіе къ нему изъ разныхъ мѣстъ Россіи». «Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ ученыхъ россіянъ, писалъ Одоевскому Велланскій, вы одни поняли настоящее значеніе философіи». Послѣ смерти Велланскаго Одоевскій также говорилъ о немъ, какъ «о нашей отечественной знаменитости», какъ о «можетъ быть единственномъ русскомъ философѣ». Оба сошлись въ безусловномъ преклоненіи предъ Шеллингомъ. «Шеллингу обязанъ я, писалъ Одоевскій Титову 16 іюля 1823 г., моей теперешней привычкой всѣ малѣйшія явленія, случаи, мнѣ встрѣчающіеся, родовать» (переводъ французскаго generaliser). Одоевскій одно время задавался мыслью издать словарь исторіи философіи, такъ какъ считалъ ближайшей причиной тому, что въ наукахъ и искусствахъ русскіе только подражатели, не иное что, какъ ихъ презрѣніе къ «любомудрію».

Мы, конечно, не послѣдуемъ за проф. Сакулинымъ въ разборѣ философскихъ статей Одоевскаго. Отмѣтимъ только вслѣдъ за его біографомъ, что, въ противоположность Велланскому и Павлову, философія интересуетъ Одоевскаго преимущественно въ примѣненіи къ области духа человѣческаго. Въ 1842 и въ 1847 г.г. Одоевскому суждено было увидѣть дважды Шеллинга въ Берлинѣ. Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, сообщая о первомъ свиданіи, Одоевскій писалъ: «Шеллингъ и не зналъ, что я первый началъ его переводить на Руси». Если сравнить Одоевскаго съ его сверстниками, не исключая и Веневитинова, замѣчаетъ Сакулинъ (стр. 175, I т.), и говорить вообще о любомудріи, то онъ раньше, полнѣе, глубже и своеобразнѣе, чѣмъ кто-либо изъ нихъ, пытался дать себѣ систематическій отчетъ въ общефилософскихъ и эстетическихъ идеяхъ своего времени. По словамъ Погодина, философскія статьи Одоевскаго въ «Мнемозинѣ» отличались «примѣчательной ясностью изложенія».

И Михаилъ Бакунинъ началъ свои занятія нѣмецкой философіей съ изученія работъ Шеллинга. Изъ артиллерійскаго училища Бакунинъ вынесъ немного. Онъ вышелъ изъ него съ знаніемъ математики, французскаго языка, на которомъ его заставили писать разсужденіе: «о вліяніи нравовъ на литературу и литературы на нравы», и съ большимъ патріотическимъ паѳосомъ, сказавшимся между прочимъ во французскомъ письмѣ къ родителямъ

по поводу выхода въ свѣтъ извѣстнаго стихотворенія Пушкина «Клеветникамъ Россіи». «Русскіе—не французы, значилось въ этомъ письмѣ; они любятъ свою родину, обожаютъ своего монарха, его воля для нихъ законъ. Между ними не найдется ни одного, который бы не пожертвовалъ всѣми своими интересами для благополучія (Государя) и благоденствія родины» [1]).

Послѣ небольшого числа лѣтъ, проведенныхъ на военной службѣ, Бакунинъ рѣшительно отказался поступить на штатскую и объявилъ родителямъ о рѣшимости подготовлять себя къ научной дѣятельности и профессорской карьерѣ. На это рѣшеніе повліяло знакомство его съ членами кружка Н. В. Станкевича, который, еще будучи студентомъ въ университетѣ, сдѣлался центромъ для цѣлаго ряда товарищей, охотно подчинявшихся его умственному и нравственному руководительству. Станкевичъ, по словамъ Анненкова, дѣйствовалъ обаятельно всѣмъ своимъ существомъ. Въ 1834 г. онъ оканчиваетъ курсъ въ университетѣ и уѣзжаетъ домой въ Воронежскую губернію, гдѣ усиленно занимается философіей Шеллинга. Его сближаетъ съ Бакунинымъ неудачное ухаживаніе за его сестрою, заставившее его пріѣзжать въ имѣніе Бакуниныхъ—«Премухино», Тверской губ. Съ этого времени Бакунинъ становится близкимъ другомъ Станкевича и дѣятельнымъ членомъ организованнаго имъ кружка. Объ этомъ кружкѣ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, въ томъ числѣ Герцена.

«Тридцать лѣтъ тому назадъ, писалъ онъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Россія будущаго существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, только-что вышедшими изъ дѣтства, дотого ничтожными и незамѣтными, что имъ было достаточно мѣста между ступней самодержавнаго ботфорта и землей. А въ нихъ было наслѣдіе 14-го декабря (1825 г.), наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто родной Руси». Въ началѣ 30-хъ годовъ, когда эти мальчики выросли, изъ нихъ образовались въ Московскомъ университетѣ два кружка, — это были кружокъ Герцена и его друзей—съ одной стороны, и кружокъ Станкевича—съ другой. «Между нашимъ кружкомъ и кругомъ Станкевича, пишетъ Герценъ, не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе. Намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами. Мы ихъ—сантименталистами и нѣмцами». Москва въ большей степени,

---

[1]) Корниловъ. Молодые годы М. Бакунина, стр. 47.

чѣмъ Петербургъ, сдѣлалась очагомъ изученія Шеллинговой философіи, хотя первыми представителями шеллингіанства были петербургскіе профессора, уже упомянутые мною Велланскій и Галичъ. Первый—профессоръ физіологіи, второй—спеціалистъ по философіи. Г. Корниловъ не прочь думать, что преобладаніе въ петербургскомъ обществѣ французскихъ философскихъ и политическихъ началъ — сдѣлалось препятствіемъ къ равному съ Москвой увлеченію мѣстной интеллигенціи Шеллинговской философіей. Въ кружкѣ Станкевича мы находимъ и Бѣлинскаго, и Клюшникова, съ которымъ Станкевичъ вмѣстѣ изучалъ и Шеллинга, и Канта. Бакунинъ присоединился къ кружку въ 1835 г., а годъ спустя въ него вошли и В. П. Боткинъ, и Т. Н. Грановскій. Въ кружкѣ принимали также участіе Ефремовъ, К. Аксаковъ и Невѣровъ и довольно близко стоялъ къ нему проф. Надеждинъ. «Щегольскими діалектиками», по выраженію Аксакова, считались въ кружкѣ именно Бакунинъ и Надеждинъ; въ Станкевичѣ же цѣнили чистую мысль, необыкновенный и глубокій умъ. «Скажу еще, прибавляетъ К. Аксаковъ, что Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайне безжизненныхъ и бездушныхъ выводовъ мысли. А Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы». Центральнымъ вопросомъ для кружка былъ вопросъ о назначеніи человѣка. Онъ привелъ ихъ къ изученію философіи. Слушаніе лекцій Надеждина и Павлова,—у послѣдняго Станкевичъ жилъ почти въ теченіе всего прохожденія имъ университетскаго курса,—и обильное чтеніе философскихъ или соприкасающихся съ философіей книгъ помогли Станкевичу и его друзьямъ выработать нѣчто подобное собственному міровоззрѣнію, но весьма близкому къ шеллингіанству, хотя систему Шеллинга они не знали еще по подлиннику. Изъ небольшого очерка, написаннаго Станкевичемъ, подъ заглавіемъ: «Моя метафизика» видно, что молодой авторъ уже былъ проникнутъ нѣкоторыми взглядами «Критики чистаго разума», пантеизмомъ Спинозы и монистическими представленіями Шеллинга о природѣ и разумѣніи. Въ 1831 г. Станкевичъ еще передаетъ въ письмахъ къ Невѣрову главные выводы новѣйшей нѣмецкой философіи ни болѣе, ни менѣе, какъ по Кузену [1]).

Переходя, въ частности, къ Бакунину, его біографъ пишетъ: «Въ основаніе его философскихъ, этическихъ и эстетическихъ

---

[1]) Корниловъ. Op. cit. S. 124—125. Недаромъ Em. Haumant въ своей книгѣ „О французской культурѣ въ Россіи“ замѣчаетъ, что и „въ самый разгаръ увлеченія нѣмецкими писателями русскіе начинаютъ знакомиться съ ними во французскихъ передачахъ“. См. стр. 377 и слѣд.

взглядовъ еще въ артиллерійскомъ училищѣ былъ положенъ извѣстный «Лицей» Лагарпа, въ двухъ послѣднихъ томахъ котораго содержится поверхностный обзоръ французской и англійской философіи XVIII в., при чемъ довольно подробно изложены системы Локка и Кондильяка, выводы которыхъ Лагарпъ противопоставляетъ взглядамъ французскихъ энциклопедистовъ, матеріалистовъ и революціонеровъ. Съ нѣмецкой философіей Бакунинъ вовсе не былъ знакомъ до 1835 г.» [1]). Г. Корниловъ держится того мнѣнія, что мысль Бакунина тѣмъ не менѣе работала надъ рѣшеніемъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые интересовали кружокъ Станкевича, и что онъ, не дойдя до отожествленія природы съ идеей, стремился, однако же, къ полному подчиненію идеѣ матеріальной природы. Но отъ 1835 г. мы имѣемъ уже прямое свидѣтельство о томъ, что Бакунинъ занимается чтеніемъ присланнаго ему Станкевичемъ экземпляра «Критики чистаго разума» Канта. Одновременно самъ Станкевичъ занимается съ Клюшниковымъ изученіемъ того же Канта и въ письмѣ къ Невѣрову вспоминаетъ, что съ тѣмъ же Клюшниковымъ они читали и Шеллинга. «Если мы не поняли вполнѣ, прибавляетъ онъ, его хода (развитія мыслей), его діалектики, то постигнули основныя идеи, сущность системы. Чтобы возвести свое горячее убѣжденіе на степень знанія, надобно хорошенько изучить основаніе, на которомъ утверждается новая нѣмецкая философія. Это основаніе—система Канта». Въ письмѣ отъ 4 ноября 1835 г. Станкевичъ говоритъ Бакунину: «Вѣрно, ты не разъ задумаешься надъ Кантомъ. Читая его, я думалъ сегодня, какъ бы облегчить тебѣ эти труды. Я боюсь, что недоразумѣніе взбѣситъ тебя и ты бросишь его или слишкомъ будешь ломать голову. Я пришлю тебѣ его систему по-французски, если достану. Не спѣши его читать. Ты говорилъ мнѣ, что мало знакомъ съ языкомъ философскимъ и отвлеченностями вообще. Въ такомъ случаѣ Канта надобно изучать медленно и основательно. Подвигайся потихоньку впередъ, не оставляя ничего не понятымъ». Въ письмѣ отъ 12 ноября 1835 г. мы читаемъ: «Ты пишешь мнѣ, что не можешь успокоиться, пока не войдешь въ духъ Канта. Для этого я въ короткихъ словахъ разскажу тебѣ, какъ знаю, его систему. А читая его наскоро и гоняясь за одними результатами, ты собьешься съ толку и не получишь пользы. Надо его изучать, надобно привыкнуть на немъ къ методу новой философіи, надобно твердо убѣдиться въ его по-

[1]) Корниловъ. Ibid. S. 129.

ложеніяхъ, которыя послужили основаніемъ къ системѣ Шеллинга и въ трансцендентальной, и въ натуральной философіи. Этотъ твердый методическій умъ разбилъ старые кумиры, развѣялъ призраки, носившіеся въ области ума, и своею сухою критикой приготовилъ поэзію Шеллинга. Я благоговѣю передъ Кантомъ, несмотря на то, что отъ него болитъ у меня голова по временамъ». Письмо заканчивается разсужденіемъ о связи между основными положеніями Канта, Фихте и Шеллинга [1]).

Бакунинъ, повидимому, не долго сидѣлъ надъ Кантомъ, и въ его перепискѣ съ сестрами нѣтъ упоминанія о «Критикѣ чистаго разума», а наоборотъ не мало указаній на то, что въ это время онъ погрузился въ сферу религіозной мысли. Этому обстоятельству вполнѣ отвѣчаетъ и переходъ его къ изученію основного трактата Фихте,—его «Теоріи знанія». Бакунинъ переводитъ для «Телескопа» лекціи Фихте «О назначеніи ученаго». Только въ 1837 г. Бакунинъ отъ попытокъ изученія Канта, Фихте и Шеллинга переходитъ къ изученію Гегеля. До этого времени онъ старается въ сочиненіяхъ Фихте найти правила для собственной жизни. Такъ, прочитавъ у него «Жизнь есть любовь», онъ пускается въ письмахъ къ сестрамъ въ слѣдующія разсужденія: «Итакъ, любить, дѣйствовать подъ вліяніемъ какой-либо мысли, согрѣтой чувствомъ—вотъ задача жизни. Но что любить и какъ любить? Что значитъ любить?.. Что значитъ у насъ любовь къ отечеству?.. Холодная, затверженная изъ Карамзина фраза, безъ всякаго настоящаго значенія. Что значитъ любовь къ человѣчеству?—Затверженныя слова Евангелія: «любите другъ друга, какъ самихъ себя». Любовь къ наукѣ? Желаніе прослыть ученымъ. Любовь семейная?—привычки и обязанности. Любовь къ Богу—боязнь ада и желаніе рая. Вотъ вамъ любовь нашего общества, и ему-то, по мнѣнію батюшки, я долженъ жертвовать собой» [2]).

Независимо отъ Станкевича и Бакунина, Ив. Кирѣевскій, будущій издатель журнала «Европеецъ», также занимается Шеллинговой философіей въ связи съ Кантовой и первое свое знакомство съ германскимъ идеализмомъ получаетъ въ своей семьѣ отъ отчима Елагина, образованнаго офицера, вывезшаго изъ заграничныхъ походовъ 1812—13 г. нѣкоторое знакомство съ сочиненіями Канта. Съ 1819 г. онъ перешелъ, благодаря приватнымъ лекціямъ Велланскаго, отъ Канта къ Шеллингу.

---

[1]) Корниловъ. Стр. 139, прим. 2-е.
[2]) Ibid. S. 173.

Свое влеченіе къ нѣмецкой философіи онъ передаетъ и своимъ пасынкамъ, Кирѣевскимъ. Ив. Кирѣевскій во время своего заграничнаго путешествія болѣе основательно знакомится съ германскими философскими системами, заводитъ личныя связи съ Гегелемъ и гегельянцами въ Берлинѣ, а затѣмъ съ Шеллингомъ въ Мюнхенѣ; при этомъ Кирѣевскій не становится гегельянцемъ, хотя и одолѣваетъ «Энциклопедію» Гегеля, послѣ личнаго съ нимъ знакомства. Онъ стремится создать самостоятельное міровоззрѣніе, болѣе близкое къ Шеллингу, нежели къ Гегелю [1]).

Братъ Ив. Кирѣевскаго Петръ, извѣстный впослѣдствіи своимъ сборникомъ русскихъ пѣсень, въ свою очередь, читаетъ подъ вліяніемъ того же Елагина Шеллинга. Г. Гершензонъ полагаетъ, что нѣкоторыя историко-философскія идеи были заимствованы имъ у послѣдняго. Но общій духъ шеллингизма остался ему чуждъ [2]).

Наконецъ, Шеллинговой философіей увлекся и одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ—Чаадаевъ, вступавшій въ письменный обмѣнъ съ Шеллингомъ и заинтересовавшійся всего болѣе послѣднимъ періодомъ его философской дѣятельности, когда отъ изученія «Философіи природы» Шеллингъ перешелъ къ религіозной философіи. Въ «Перепискѣ Чаадаева», изданной Гершензономъ, сохранился текстъ этихъ писемъ. Они представляютъ значительный интересъ для рѣшенія вопроса о томъ, что именно искали въ Шеллингѣ русскіе ревнители его міровоззрѣнія и въ какой мѣрѣ теченіе, извѣстное подъ названіемъ западничества, считало нужнымъ искать въ Шеллинговой системѣ философское для себя обоснованіе.

Въ 1832 г. Чаадаевъ пишетъ первое свое письмо къ Шеллингу, но не къ этому году относится ихъ знакомство. Оно началось еще въ Карлсбадѣ, гдѣ оба они лѣчились въ 1825 г. Чаадаевъ напоминаетъ объ этомъ нѣмецкому философу, говоря: «Помните вы молодого человѣка, который въ Карлсбадѣ часто бесѣдовалъ съ вами по вопросамъ философіи? Вы сказали ему между прочимъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ вы измѣнили свой образъ мыслей, и посовѣтовали дождаться выхода въ свѣтъ новаго сочиненія, прежде чѣмъ знакомиться съ вашей системой. Сочиненіе это, которымъ вы занимались тогда, до сихъ поръ не появлялось, а молодой человѣкъ, васъ посѣщавшій, это я... Вы позволите мнѣ сказать, что изученіе ва-

---

[1]) Корниловъ. Ibid. S. 114—115.
[2]) Гершензонъ. Образы прошлаго. Стр. 94.

шихъ сочиненій открыло мнѣ совершенно новый міръ; озаренный свѣтомъ вашего ума, я нашелъ въ сферѣ мышленія такія области, которыя пока оставались для меня скрытыми. Изученіе вашей системы было для меня источникомъ плодотворныхъ и пріятныхъ размышленій. Да будетъ мнѣ также дозволено сказать, что, слѣдуя за вами, я часто приходилъ къ другимъ заключеніямъ. Теперь я узнаю отъ пріятеля, недавно проведшаго съ вами нѣсколько дней (разумѣется А. И. Тургеневъ), что вы занимаетесь нынѣ преподаваніемъ философіи Откровенія. Я предполагаю, что вы даете въ немъ развитіе той мысли, которая зарождалась у васъ во время нашей встрѣчи въ Карлсбадѣ... Читая васъ, я всегда предчувствовалъ, что изъ вашей системы необходимо должна развиться новая религіозная философія. Не могу вамъ выразить, насколько я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что глубочайшій философъ нашего времени пришелъ къ необходимости слить философію съ религіей. Едва я самъ началъ философствовать, какъ эта идея предстала мнѣ, какъ маякъ и какъ цѣль моей умственной работы. Весь интересъ моей жизни, вся любознательность моего ума были поглощены этой единственной мыслью и по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ моихъ размышленіяхъ, мною овладѣвала увѣренность, что въ этой мысли лежитъ и величайшій интересъ человѣчества. Всякая новая мысль, которая въ моей головѣ присоединялась къ этой первичной, казалась мнѣ новымъ камнемъ для постройки храма, въ которомъ люди сойдутся, чтобы въ полнотѣ познанія обожать Господа. Въ томъ интеллектуальномъ одиночествѣ, въ которомъ протекали мои дни на родинѣ, я долгое время считалъ себя единственнымъ, истощающимъ свои силы надъ этой работой, если не говорить о немногихъ товарищахъ, разсѣянныхъ по всему свѣту. Я открылъ затѣмъ, что всѣ мыслящіе люди шли въ томъ же направленіи, и день, когда я узналъ эту истину, былъ для меня великимъ днемъ. Но въ то же время мнѣ ясно представилась необходимость высокаго ума, великой индивидуальности, призванной руководить всѣми умами, чтобы оберегать торжество этой мысли. Совершенно естественно я началъ съ этого времени думать о васъ. Я сказалъ себѣ: этотъ человѣкъ, такъ высоко поставленный въ сферѣ моральной, которому родъ человѣческій обязанъ тѣмъ, что онъ снова открылъ свои первоначальныя и святыя интуиціи, не могъ не увидѣть во всемъ ея блескѣ этотъ новый свѣтъ, который вскорѣ засвѣтитъ надъ всѣми нами. Онъ долженъ увидѣть его раньше, чѣмъ онъ предстанетъ глазамъ всего міра. Неужели онъ, который сумѣлъ установить гармонію столькихъ различныхъ эле-

ментовъ человѣческой мысли, не примиритъ религіозный элементъ съ элементомъ философическимъ, тѣмъ болѣе, что оба уже касаются другъ друга. Однимъ словомъ, въ моихъ внутреннихъ стремленіяхъ къ прогрессу и усовершенствованію, я вамъ предоставлялъ совершить ту великую революцію, къ которой устремлена была новѣйшая мысль. И вотъ я узнаю, что ваше краснорѣчивое слово не проповѣдуетъ болѣе науку земли, но науку неба. Мои желанія, мое предчувствіе до нѣкоторой степени осуществились. Я сперва собрался писать вамъ только для того, чтобы выразить вамъ мою признательность. Но въ настоящую минуту я не могу воспротивиться желанію узнать что-нибудь объ этомъ новомъ образѣ вашей системы. Не будетъ ли высокомѣрнымъ попросить у васъ лишь нѣкоторыхъ указаній объ основныхъ ея положеніяхъ или о руководящей идеѣ вашей современной доктрины?» [1]).

Значительный свѣтъ на то настроеніе, въ какомъ было составлено только-что приведенное письмо, даютъ строки, написанныя Чаадаевымъ нѣсколько времени спустя А. И. Тургеневу. Онъ благодаритъ его за интересное сообщеніе, имъ сдѣланное. «Ваше письмо изъ Лондона весьма заинтересовало меня. И такъ, несомнѣнно, что съ одного конца свѣта до другого держится одна общая мысль: универсальный духъ паритъ надъ всѣмъ міромъ, тотъ Weltgeist, о которомъ говорилъ мнѣ Шеллингъ (очевидно, еще въ Карлсбадѣ) и передъ которымъ онъ преклонялся съ такимъ величіемъ. Можно, слѣдовательно, идти рука объ руку, несмотря на безконечныя разстоянія. Нѣтъ границъ для мыслей. Это безконечная цѣпь людей, которые мыслятъ въ унисонъ, которые преслѣдуютъ одну цѣль всѣми силами своей души и разума, идутъ, слѣдовательно, однимъ шагомъ и на протяженіи всего свѣта» [2]).

Шеллингъ отвѣчаетъ Чаадаеву изъ Мюнхена, гдѣ онъ состоялъ въ это время профессоромъ, письмомъ отъ 21 сентября 1833 г. Оно написано по-французски и представляетъ несомнѣнное значеніе и для пониманія того отношенія, въ какое натурфилософъ сталъ къ новому обороту, принятому его философскимъ мышленіемъ, обороту религіозному. «Въ моментъ окончанія труда, давно начатаго въ тишинѣ, и результатомъ котораго будетъ открытіе новаго интеллектуальнаго міра, доселѣ недоступнаго философіи, намъ пріятно узнать, что другіе люди стоятъ на одной съ нами дорогѣ, что они прислушиваются къ

[1]) Сочиненія и письма Чаадаева. S. 168—169. T. I.
[2]) Ibid., т. I, S. 183.

намъ, что они насъ напередъ понимаютъ и что, слѣдовательно, общій духъ времени, а не настроеніе индивидуальное, вдохновилъ насъ и сказался чрезъ наше посредство». Въ дальнѣйшей части письма, уже написанной по-нѣмецки, Шеллингъ настаиваетъ на томъ, что онъ не покинулъ стараго пути, а только продолжалъ его, что онъ нимало не думаетъ отказаться отъ ранѣе пріобрѣтеннаго, но только превзойти его. Философія Откровенія не обнимаетъ собою всей его философіи, а образуетъ только ея третью часть. «Моя система отличается тѣмъ отъ всѣхъ прежнихъ, что заключаетъ въ себѣ философію, которая не причиняетъ никакого насилія ни философіи, ни христіанству. Я придерживался по возможности прежней дороги и искалъ наипростѣйшихъ пріемовъ, озабоченный тѣмъ, чтобы превозмочь раціонализмъ не богословія, а философіи, и, съ другой стороны, я старался воздержаться отъ того, чтобы не впасть въ сантиментальность, фантастичность или мистику, отвергаемую разумомъ» [1])... Такимъ образомъ Шеллингъ отстаивалъ отъ Чаадаева цѣльность своего міровоззрѣнія. Онъ отказывался признать какой-нибудь новый поворотъ въ своей системѣ и говорилъ о своей религіозной философіи только какъ объ увѣнчаніи зданія.

Вся эта переписка необыкновенно цѣнна для насъ тѣмъ, что показываетъ, такъ сказать, философское обоснованіе дорогой Чаадаеву мысли, что имѣется единая христіанская культура, общая всѣмъ народамъ, созданная и проводимая въ міръ католичествомъ и папствомъ, къ которой Россія, вовлеченная въ европейскій круговоротъ геніемъ Петра, можетъ только пріобщиться въ интересахъ совмѣстнаго участія съ Европой въ дальнѣйшемъ поступательномъ ходѣ человѣчества, что для нашего отечества невозможно поэтому задаваться мыслью о какой-то отличной отъ всего католическаго міра народной или національной гражданственности. Эта мысль, проводимая и въ его философскихъ письмахъ и въ тѣхъ, которыя посланы были Чаадаевымъ графу Сиркуру и А. И. Тургеневу, въ значительной степени ляжетъ въ основу нашего западничества. Мы подробнѣе познакомимъ съ нею читателя, говоря о зарожденіи тѣхъ двухъ противоположныхъ теченій—западничества и славянофильства, которыя составляютъ главное содержаніе нашего интеллектуальнаго развитія съ начала 30-хъ годовъ. Въ настоящее же время мы используемъ другое письмо Чаадаева къ тому же Шеллингу, съ цѣлью показать источникъ отрицательнаго отношенія русскихъ шеллин-

[1]) Ibid., т. I, примѣч. S. 382—3.

гіанцевъ, какъ западниковъ, къ философіи Гегеля, которую стремились использовать для своихъ цѣлей русскіе «самобытники», отстаивая мысль о томъ, что каждой націи или, точнѣе, каждому племени, въ томъ числѣ и славянскому, суждено выработать свою самостоятельную культуру.

Въ 1842 г. Чаадаевъ изъ Москвы снова пишетъ Шеллингу по случаю его перехода въ Берлинъ, куда, по мнѣнію Чаадаева, онъ призванъ съ цѣлью низвести съ престола «новую философію» (Гегеля). Чаадаевъ говоритъ объ интеллектуальномъ кризисѣ, переживаемомъ Россіей, объ «обуявшей насъ національной реакціи, страстной, фанатической, ученой, естественно вызванной къ жизни тѣми экзотическими теченіями, подъ властью которыхъ мы такъ долго жили, но которая можетъ радикально измѣнить мышленіе страны». Та философія, которую Шеллингъ призванъ низвергнуть въ Берлинѣ, вошла въ комбинацію съ идеями, нынѣ господствующими въ Россіи. Вступивъ въ связь съ ними, она грозитъ извратить окончательно наше національное чувство. «Я разумѣю тотъ затаенный въ сердцѣ каждаго народа принципъ, который составляетъ его совѣсть, способъ его самопониманія и его поведенія при прохожденіи имъ пути, отведеннаго ему въ общемъ распорядкѣ міра. Изумительная эластичность этой новой философіи (Гегеля), которая позволяетъ ей всякаго рода приспособленія, создала въ воображеніи русскихъ людей самыя странныя представленія о роли, какую мы призваны играть въ мірѣ, о нашихъ будущихъ судьбахъ. Ея фаталистическая логика, которая упраздняетъ свободу самоопредѣленія, которая всюду находитъ неумолимую необходимость, примѣненная къ нашему прошлому, готова была обратить всю нашу исторію въ ретроспективную утопію, въ дерзкій апоѳеозъ русскаго народа... Насъ старались убѣдить въ томъ, что, предупреждая поступательный ходъ человѣчества, мы уже осуществили въ нашей средѣ самыя честолюбивыя теоріи, имъ преслѣдуемыя. Намъ грозитъ опасность потерять драгоцѣннѣйшее наслѣдіе нашихъ предковъ: стыдливость разума, умѣренность мысли, какими мы были проникнуты, благодаря нашей религіи, склонной къ созерцательности и аскетизму. Можете судить послѣ этого, въ какой мѣрѣ для всѣхъ насъ, привязанныхъ къ родинѣ, ваше появленіе въ самомъ очагѣ этой новой философіи, которая могла сдѣлаться для насъ вредоносной, является желательнымъ» [1]). Такимъ образомъ, Чаадаевъ необыкновенно опредѣленно высказываетъ ту

---

1) Ibid. T. I. S. 245.

мысль, что гегельянство явилось у насъ такъ сказать философскимъ обоснованіемъ для теоріи русской самобытности и призванія всего славянства, во главѣ съ Россіей, повѣдать міру что-то новое, ему невѣдомое, и отвѣчающее тѣмъ задачамъ, которыя Западъ поставилъ передъ собою и которыя нашли осуществленіе себѣ въ нашемъ прошломъ.

Мы перейдемъ въ ближайшемъ очеркѣ къ вопросу о томъ, когда гегельянство стало пускать корни въ Россіи, какіе круги воспріяли его особенно охотно, какія послѣдствія имѣло распространеніе его въ нашей средѣ.

Максимъ Ковалевскій.

НА ГОРУ.

Я иду на гору по крутой тропѣ,
Грезить о любимой, думать о тебѣ.
Подъ ногами дышатъ свѣтлые цвѣты,
Я боюсь ихъ тронуть, въ нихъ какъ будто ты.

Бережно иду я. Вѣетъ мнѣ въ упоръ,
Волосы лаская, сочный вѣтеръ горъ;
Нѣжащимъ налётомъ, точно свѣжесть водъ,
Мнѣ лицо цѣлуетъ, о тебѣ поетъ.

Чѣмъ всхожу я выше, тѣмъ ярчѣй цвѣты,
Тѣмъ во мнѣ яснѣе и прекраснѣй ты.
Чѣмъ дорога круче, чѣмъ обрывъ острѣй,
Тѣмъ твой образъ чистый ближе и роднѣй.

Жарокъ лѣтній полдень, жаръ его мнѣ милъ.
Изъ долины сонной, гдѣ я всѣмъ простилъ,
Молодой и вольный, по крутой тропѣ,
Я иду на гору думать о тебѣ.

Семенъ Астровъ.

СЛУЧАЙНОСТЬ.

(The morals of Marcus Ordeyne).

Романъ Уильяма Локка.

(Окончаніе) [1]).

XVIII.

Ноября 1-го. Пять дней уже, какъ на меня обрушился этотъ ударъ, а я только теперь начинаю приходить въ себя и по-настоящему ощущать боль.

Всѣ эти дни я прожилъ какъ во снѣ. Лица знакомыхъ, съ которыми я встрѣчался въ клубѣ, плавали передо мной, словно въ туманѣ; голоса ихъ звучали откуда-то издали. Глаза мои за эти дни поглотили несчетное количество печатныхъ строкъ, но смыслъ ихъ мнѣ невѣдомъ. Я засадилъ себя за механическую работу — переписывать въ одну тетрадь отдѣльныя замѣтки, собранныя мной, какъ подготовительные матеріалы для моей «Исторіи», но и въ эту работу я не въ состояніи былъ внести ни атома интеллигентности: папы, князья, художники проходили передъ моими глазами, какъ разрозненныя имена, съ которыми не связано никакихъ конкретныхъ представленій. Часами я безсмысленно глядѣлъ въ огонь, или же на мокрыя вѣтви деревьевъ напротивъ моего окна. Или въ тупой тоскѣ бродилъ по улицамъ. Одинъ разъ пошелъ искать утѣшенія въ зоологическомъ саду.

Тамъ есть одна премилая медвѣдица, которая совсѣмъ, какъ человѣкъ, проситъ подачки. Я такъ часто кормлю ее ржаными лепешками, что мы стали почти друзьями. И медвѣдица отне-

---

[1]) См. сентябрь, стр. 155.

слась ко мнѣ съ участіемъ. Я долго стоялъ передъ ея клѣткой, а она, склонивъ голову на бокъ, смотрѣла на меня умильно темно-карими глазами, потомъ присѣла на заднія лапы, а переднія просунула сквозь прутья клѣтки— совсѣмъ, какъ Карлотта, когда она проситъ чего-нибудь сладенькаго. Глядя на нее, я задумался о метампсихозѣ. Карлотта, какъ обыкновенная женщина, одаренная безсмертною душой, не существуетъ; та, кого я зналъ и любилъ, была лишь подобіемъ женщины. И теперь духъ ея вселился въ тѣло маленькой бурой медвѣдицы, которая глядитъ на меня такъ странно-ласково глазами Карлотты и жестами Карлотты проситъ подачки.

Вчера я началъ умолять ее вернуться ко мнѣ. Говорилъ, что домъ мой опустѣлъ, что даже мебель стосковалась по ней. Молилъ такъ страстно, и глаза медвѣдицы глядѣли на меня такъ ласково, что я былъ убѣжденъ, что тронулъ ея сердце. Но въ это время подошелъ къ клѣткѣ новый посѣтитель, и животное сейчасъ же повернулось къ нему и съ жалобнымъ визгомъ протянуло къ нему лапу за подачкой. И тутъ я почувствовалъ, что въ немъ дѣйствительно живетъ душа Карлотты.

Я молча перенесъ ударъ. Еще никто не знаетъ о немъ. Никакихъ справокъ я не наводилъ. Когда человѣка обманулъ его лучшій другъ и покинула женщина, которую онъ любитъ, единственные утѣшители—время и одиночество. Да и къ кому же мнѣ идти за утѣшеніемъ? Я слишкомъ обособился отъ всѣхъ людей, и людямъ я не нуженъ.

Отъ Карлотты до сихъ поръ ни строчки. Она ушла изъ моей жизни такъ же легко, безъ угрызеній, какъ и отъ Хамди эффенди—какъ и отъ того несчастнаго, который увезъ ее изъ Александріи. Если бъ ей сказали, что я умеръ, она, пожалуй, и тутъ воскликнула бы: «Какъ я рада!».

Условились ли они заранѣе насчетъ побѣга, или же Паскуале похитилъ ее по дорогѣ на урокъ и убѣдилъ бѣжать, не знаю. Да и не все ли равно? Она уѣхала. Важенъ одинъ только этотъ ужасный фактъ. Никакія объясненія и мольбы о прощеніи не могли бы уменьшить моихъ страданій. Будь она другой, чѣмъ она есть, я, можетъ быть, нашелъ бы въ своемъ сердцѣ ненависть къ ней. Но я и ненавидѣть ее не могу. Какъ можно ненавидѣть существо, лишенное души и сердца! Но любить его можно—слѣпо—Богу вѣдомо, какъ горячо. Я заперъ на ключъ дверь комнаты Карлотты, и ключъ у меня въ карманѣ. Никто не долженъ входить туда. Комната останется въ томъ же видѣ, какъ была при ней, и я буду оплакивать ее, какъ мертвую.

Что касается Паскуале, будь я человѣкомъ одного съ нимъ типа, я гонялся бы за нимъ по Европѣ, пока не настигъ бы его, и тогда одинъ изъ насъ уничтожилъ бы другого. Въ одномъ отношеніи онъ похожъ на Карлотту. Онъ тоже лишенъ нравственнаго чувства. Какъ же иначе разрѣшить загадку? Какъ примирить его рыцарское поведеніе по отношенію къ чахоточной прачкѣ съ гнуснымъ вѣроломствомъ относительно меня, которое онъ въ это же самое время замышлялъ. Я знаю, что онъ обманывалъ многихъ, что тамъ, гдѣ замѣшана женщина, никакія соображенія чести или дружбы не могутъ стать помѣхой удовлетворенію его желаній, но я думалъ—почему, и самъ не знаю—потому развѣ, что я ужъ очень высокаго мнѣнія о себѣ—я думалъ, что этотъ волкъ отнесется ко мнѣ иначе, чѣмъ къ другимъ, что на мою овечку онъ не посягнетъ. Случалось, у меня возникали сомнѣнія въ его порядочности, но я стыдился ихъ и не задумался самъ бросить въ волчью пасть моего ягненка. И въ то время, какъ онъ издѣвался надъ моей довѣрчивостью, я, бѣдный глупецъ, въ отчаяніи метался по всему городу, разыскивая его, чтобъ онъ помогъ мнѣ вырвать мою голубку изъ собачьей пасти.

Я чувствую себя виноватымъ передъ Хамди-эффенди; слѣдовало бы извиниться передъ нимъ: въ этой трагикомедіи, которую я разыгрываю, не худо бы подчасъ и вспомнить, какъ ведутъ себя благовоспитанные люди. Но, съ другой стороны, вѣдь, онъ вознагражденъ съ избыткомъ за обиду напраснаго подозрѣнія той радостью, которую онъ долженъ былъ испытывать, терзая меня своими насмѣшками. Даже среди моихъ тяжкихъ душевныхъ мукъ я извиваюсь, какъ угорь, отъ уязвленнаго самолюбія, какъ только вспомню о своей нелѣпой и унизительной ошибкѣ и о томъ, какъ я ходилъ въ Отель Метрополь требовать отъ Хамди, чтобъ онъ отдалъ мнѣ назадъ Карлотту.

Ноября 2-го. Я получилъ увѣдомленіе о смерти стараго Симона Макъ-Кватти. Въ послѣдніе дни, въ немногіе моменты просвѣтлѣнія, меня тянуло къ нему — отогрѣться и отдохнуть душой возлѣ него. Но его уже утащила Кумушка Смерть, давно подстерегавшая его на болотѣ. Милый старый язычникъ! теперь онъ

«Захваченъ вращеньемъ земли,
Какъ скалы, деревья и камни»...

Ноября 3-го. Сегодня утромъ является ко мнѣ Аптуанетта съ большой картонкой, присланной Карлоттѣ, и сообщеніемъ, что посыльный дожидается внизу.

— Я пришла спросить, мосье, какъ съ этимъ быть — назадъ отправить, что ли?—дрожащимъ голосомъ говоритъ Антуанетта, готовая расплакаться.

— Зачѣмъ же назадъ? Оставьте здѣсь.

По этикеткѣ на картонкѣ я ужъ вижу, что тамъ мѣха, заказанные мной для Карлотты недѣли двѣ тому назадъ — она такъ зябла, бѣдняжка, въ нашемъ суровомъ климатѣ.

— Но, monsieur, бѣдному ангельчику...

— Можетъ понадобиться это и на небесахъ?

Добрая женщина съ испугомъ воззрилась на меня.

— Будемъ поступать, какъ древніе египтяне, Антуанетта, которые ставили въ гробницы пищу и вино, клали дорогіе уборы и украшенія — чтобы тѣни усопшихъ, возвращаясь на землю, могли тѣшиться ими. Вообразимъ себѣ, Антуанетта, что эта гробница—не выстроишь же пирамиды въ Лондонѣ, хотя онъ и огромная пустыня — и что комната въ верхнемъ этажѣ—внутреннее святилище, гдѣ тѣло отошедшей отъ насъ покоится въ тиши, умащенное благовоніями и повитое несчетными пеленами.

— Что вы такое говорите, баринъ!—съ испугомъ вскрикиваетъ Антуанетта.—Вѣдь не умерла же мадемуазелль? Мнѣ страшно, monsieur, слушать васъ.

— Мнѣ и самому страшно, Антуанетта.

Когда она ушла, я снесъ картонку съ мѣхами наверхъ, положилъ ее, нераспакованной, на кровать Карлотты и, выйдя, снова заперъ за собою дверь.

Ноября 9-го. Я принялъ важное рѣшеніе. Всю эту недѣлю думалъ и раздумывалъ, а вчера ночью, когда я лежалъ безъ сна, съ открытыми глазами, рѣшеніе это внезапно встало предо мной, какъ нѣчто окончательное и ужъ неизмѣнное. Не довѣряя совѣтамъ ночи, когда мозгъ черезчуръ возбужденъ безсонницей, я провѣрилъ свое рѣшеніе трезвымъ разумомъ дня — и остался при немъ.

Я разбилъ сердце женщины. Пренебрегъ страстною любовью женщины, которая была близка и дорога мнѣ, женщины съ большой душой и съ чуткимъ, нѣжнымъ сердцемъ, женщины развитой и умной, которая была для меня чуткимъ и понимающимъ товарищемъ на всѣхъ поприщахъ интеллектуальныхъ достиженій. Одному Богу извѣстно, *что* можетъ любить во мнѣ женщина! Я смотрю въ зеркало на свое костлявое, ястребиное лицо, на которомъ лежитъ печать ничтожности — и самъ дивлюсь этому чуду, но фактъ остается фактомъ: мнѣ, непривлекательному и недостойному любви, былъ посланъ этотъ безцѣнный

даръ—женская любовь. Какъ хохоталъ бы Паскуале надъ такимъ опредѣленіемъ! Онъ говорилъ всегда, что женская любовь дешевле грязи, ибо изъ нея не слѣпишь даже пирожка. Проклятый циникъ! Негодяй! «Не забудьте,—какъ-то сказалъ онъ мнѣ,—что, если даже мужчина безобразенъ, какъ смертный грѣхъ, онъ можетъ быть и соблазнителенъ, какъ грѣхъ. Красавица всегда сумѣетъ найти въ Звѣрѣ что-нибудь привлекательное, незамѣтное другимъ, и такъ будетъ до скончанія вѣка». Но я—такой убогій, жалкій Звѣрь, безъ всякихъ шансовъ на превращеніе въ нѣчто высшее,—самый заурядный Звѣрь, скучный, склонный къ поученіямъ — глупый, недальновидный Звѣрь, достойный лишь презрѣнія. И все-таки, Юдиѳь любила меня. А я, вмѣсто того, чтобъ на колѣняхъ благодарить боговъ за такую великую милость, отвергъ ее и сталъ безумствовать, домогаясь несравненно меньшаго — розовыхъ губокъ Карлотты и ея золотисто-бронзовыхъ волосъ. И разбилъ сердце Юдиѳи. Это было преступленіе, которое я теперь хочу искупить.

Искупить преступленіе? Когда я вдумываюсь въ значеніе этихъ словъ, я краснѣю отъ стыда. Подумаешь, какую тяжкую кару я на себя налагаю! Вотъ какъ опасно мыслить метафорами—а я всегда это дѣлалъ. Это пріучаетъ какъ-то со стороны смотрѣть и на жизнь, и на себя, и на все окружающее. Если бъ какой-нибудь юноша спросилъ моего совѣта, я сказалъ бы ему: «Научитесь мыслить безъ уклоновъ». Тоже слово придумалъ: искупленіе! Просто я пойду къ ней и покаюсь ей во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Скажу ей, какъ изнемогла моя душа подъ бременемъ одиночества. И на колѣняхъ буду умолять ее явить мнѣ великую свою женскую доброту и вернуть мнѣ свою любовь, и стать моей подругой жизни и товарищемъ, котораго я буду любить и чтить до конца дней своихъ, поскольку во мнѣ еще остались силы. Она пожалѣетъ меня немножко, такъ какъ и я страдалъ, а я уже жалѣю ее, съ глубокой нѣжностью, отъ всей души, и наша совмѣстная жизнь будетъ построена на томъ всепониманіи, которое есть и всепрощеніе. И это будетъ настоящая совмѣстная жизнь, въ которой двое все дѣлятъ пополамъ. Бывало, я свысока подтрунивалъ надъ ея боязнью одиночества. Прости мнѣ, Господи! Я тогда не зналъ, какой ужасъ—одиночество. Оно можетъ быть утѣшительнымъ въ первые дни, когда человѣкъ пришибленъ ударомъ, но теперь оно душитъ меня, какъ навалившаяся на меня невидимая, грозная сила. Я жажду присутствія другого человѣка въ моемъ домѣ. Я жажду присутствія женщины въ моемъ сердцѣ.

Мы будемъ жить вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, не считаясь съ мнѣніемъ свѣта. Пусть моралисты осуждаютъ насъ—что намъ за дѣло? Для Юдиѳи это не составитъ большой разницы съ ея теперешнимъ положеніемъ, а что касается меня,—развѣ общество не считаетъ себя уже оскорбленнымъ моими поступками? Развѣ тетушка Джессика не смотритъ на меня, какъ на развратника, а добродѣтельная кузина Розалія не вздрагиваетъ отъ ужаса, поминая мое грѣшное имя въ своихъ тепленькихъ молитвахъ? Если я на дѣлѣ совершу что-нибудь такое, за что они въ правѣ будутъ осудить меня, имъ отъ этого не станетъ ни тепло, ни холодно. И, если мой баронскій титулъ начнетъ отдавать послѣ этого неподобающими запахами, все же эти запахи пріятнѣй, чѣмъ вначалѣ, когда мой предокъ получилъ этотъ титулъ за услуги, оказанныя имъ въ Брайтонѣ его Королевскому Высочеству Принцу Регенту. Это—единственный для меня способъ загладить свою вину передъ Юдиѳью и найти для себя хоть какое-нибудь утѣшеніе. Мы поѣдемъ путешествовать. Италія, любимая страна Юдиѳи, влечетъ и меня. Всего вѣрнѣй, мы поселимся во Флоренціи. Этотъ домъ безумія я сдамъ внаймы. Чистая, нѣжная любовь Юдиѳи очиститъ мое сердце отъ ядовитой страсти, и въ концѣ концовъ въ немъ воцарится миръ...

Я вынулъ изъ рамки портретъ Карлотты и швырнулъ его въ огонь—сжечь колдунью за ея колдовскія чары. И смотрѣлъ, какъ она корчилась и извивалась въ огнѣ. Послѣдній взглядъ, брошенный ею на меня передъ тѣмъ, какъ огонь лизнулъ ея лицо, былъ полонъ такого дьявольскаго обаянія, въ яркомъ желтомъ свѣтѣ пламени она была такъ прекрасна, что безумная тоска по ней стиснула мнѣ горло, и я весь затрясся отъ безмолвныхъ рыданій.

Но теперь это прошло. Съ Карлоттой покончено. Если она воображаетъ, что я, какъ Гастибелза, l'homme à la carabine, въ поэмѣ Виктора Гюго, буду сидѣть и ждать, пока вѣтеръ, дующій надъ Примрозъ-Хиллемъ, не сведетъ меня съ ума, она жестоко ошибается. Съ этой минуты,—клянусь!—она ничто для меня; я буду ѣсть и спать и смѣяться, какъ будто она никогда не жила на свѣтѣ. Полифемъ, свернувшись клубочкомъ на диванѣ, въ любимомъ уголкѣ Карлотты, смотритъ на меня насмѣшливо своимъ единственнымъ глазомъ. Злое, недовѣрчивое, насмѣшливое

существо—нѣсколько вѣковъ тому назадъ его сожгли бы вмѣстѣ съ его покойною хозяйкой.

Я опять здоровъ и лучше чувствую себя съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ къ своему—теперь ужъ неизмѣнному—рѣшенію.

Завтра я иду къ Юдиѳи.

XIX.

Ноября 10-го. Мнѣ пришлось позвонить дважды, прежде чѣмъ горничная Юдиѳи отперла мнѣ дверь.

— М-съ Мэнуорингъ сейчасъ занята, сэръ Маркусъ.

— Спросите ее, могу ли я войти и подождать—мнѣ надо сообщить ей нѣчто важное.

Она оставила меня ждать въ коридорѣ, чего никогда еще не бывало со мной въ квартирѣ Юдиѳи, и тотчасъ же вернулась съ отвѣтомъ. Если мнѣ все равно, не могу ли я подождать въ столовой? Я прошелъ туда. Столъ былъ весь заваленъ статистическими таблицами и какими-то лоскутками полотна и шелка. На одномъ концѣ стояла швейная машинка, на другомъ—пишущая. На конторкѣ у окна, среди груды писемъ и счетныхъ книгъ—большая ваза съ дивными бѣлыми и желтыми хризантемами. Въ уголкѣ томикъ Данте, раскрытый, переплетомъ вверхъ. Мнѣ отрадно было смотрѣть на этотъ безпорядокъ, такой знакомый, такой характерный для Юдиѳи. Она мужественно переноситъ свое горе,—думалъ я. Какъ ей ни тяжко, она дѣлаетъ свое привычное, будничное дѣло. Бодрость и выдержка не измѣнили ей. А я—мнѣ стало совѣстно за то, что у меня такъ мало власти надъ собой.

Я уже хотѣлъ отойти отъ конторки, когда мнѣ бросился въ глаза конвертъ съ французской маркой, надписанный, несомнѣнно, рукою Паскуале, слишкомъ мнѣ хорошо знакомой. Такъ какъ внутри, повидимому, было письмо, я не взялъ его въ руки, чтобы разсмотрѣть поближе. Но и одного взгляда было достаточно, чтобы убѣдить меня, что письмо отъ Паскуале. Чего ради онъ переписывается съ Юдиѳью? Я былъ озадаченъ. Что это—попытка оправданія, исповѣдь, мольба ходатайствовать за него и испросить мое прощеніе? Можетъ ли что больше взволновать, чѣмъ случайно приподнятая завѣса надъ тайной переписки друга? Проникнуть въ эту тайну, пытаться разгадать ее, прочтя письмо, такъ же невозможно, какъ украсть у друга серебряную ложку. Неловко даже, что случайно заглянулъ въ нее, считаешь непро-

стительною дерзостью строить по этому поводу какія бы то ни было предположенія. Такого рода любопытство ненавистно мнѣ и омерзительно—и однако жъ, стремительный, нарядный, наглый почеркъ Паскуале интриговалъ и мучилъ меня.

Вошла Юдиѳь, почти такая же, какой я видѣлъ ее въ послѣдній свой визитъ, усталая, измученная, съ какой-то странною тревогою во взорѣ.

— Я очень извиняюсь, что заставила васъ ждать,—сказала она, протягивая мнѣ безжизненную руку.

Я поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Я охотно ждалъ бы и весь день, чтобы увидѣть васъ, Юдиѳь.

— Серьезно?

Она какъ-то странно засмѣялась.

— Пустая болтовня въ моихъ устахъ сейчасъ была бы оскорбленіемъ для васъ,—отвѣтилъ я.—Я много пережилъ съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ васъ въ послѣдній разъ.

— Я тоже. Больше, чѣмъ вы можете предполагать. Ну-съ—что вы имѣете сообщить мнѣ важнаго?

— Многое. Прежде всего, вы, вѣроятно, уже знаете, что случилось, такъ какъ я случайно видѣлъ здѣсь у васъ письмо отъ Паскуале.

Она быстро оглянулась на конторку, потомъ посмотрѣла на меня. И отвѣтила:

— Да. Онъ въ Парижѣ.

Я былъ изумленъ ея небрежнымъ тономъ.

— Онъ ничего вамъ не сказалъ?

— Быть можетъ, сэръ Маркусу Ордайну угодно прочесть его письмо.

— Вы отлично знаете, что читать его я не стану.

Юдиѳь снова засмѣялась, нервно теребя пальцами свой носовой платокъ, уже свернутый въ маленькій шарикъ.

— Простите меня. Я такъ люблю эти ваши реплики en grand seigneur. Это напоминаетъ мнѣ болѣе счастливые дни. Что касается Паскуале—въ своемъ письмѣ онъ только извиняется, что не могъ исполнить моей просьбы. Въ *тотъ* вечеръ, когда онъ везъ меня домой, онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Парижъ, и я просила его привезти мнѣ одно косметическое средство. Карминъ Бодуэнъ—если хотите знать. Я стала такъ страшна, что мнѣ приходится теперь румяниться немного передъ выходомъ на улицу. Но я, вѣдь, этого и не скрываю.

— Такъ вы ничего не знаете о Карлоттѣ?

— О Карлоттѣ?

— Она убѣжала съ этимъ мерзавцемъ на другой день послѣ того, какъ я былъ у васъ.

Юдиѳь изумленно воззрилась на меня, потомъ закрыла глаза и отвернулась, опёршись рукой о столъ. Мое негодованіе противъ негодяя Паскуале все росло. Какъ онъ смѣетъ писать Юдиѳи вздорныя письма о какихъ-то тамъ косметикахъ, съ такимъ предательствомъ на совѣсти! Я представляю себѣ это утонченно любезное письмо—въ своихъ письмахъ онъ очарователенъ, особенно, когда рѣчь идетъ о пустякахъ. Я представляю себѣ Карлотту, которая смотритъ черезъ его плечо, читаетъ и, хлопая въ ладоши, радостно воркуетъ: «О! какъ это забавно!»

Когда я разсказалъ Юдиѳи въ общихъ чертахъ свою исторію, шагая стремительно изъ угла въ уголъ, въ то время, какъ она недвижно сидѣла у стола, она протянула мнѣ руку и тихо, все еще не глядя на меня, сказала, какъ она огорчена, глубоко огорчена. Въ ея голосѣ была такая искренность, что сердце мое умилилось передъ ея благородствомъ, и я крѣпко сжалъ ея протянутую руку.

— Благослови васъ Богъ, Юдиѳь, за вашу доброту. Но жалѣть вы меня не можете только, какъ человѣка, который чуть не помѣшался съ горя. Такого же, каковъ я есть сейчасъ, вотъ, передъ вами, жалѣть меня не за что и не надо. Я пришелъ сюда, милая Юдиѳь, чтобъ принести вамъ, если только это въ моей власти, радость и довольство—быть можетъ, даже счастье.

Она вырвалась отъ меня съ испуганнымъ крикомъ: «Маркусъ!» отскочила назадъ, такъ что теперь насъ раздѣлялъ уголъ обѣденнаго стола, и уставилась на меня такими испуганными глазами, какъ будто мои слова были бредомъ сумасшедшаго.

— Маркусъ! Что это значитъ?—воскликнула она, какимъ-то неестественно-рѣзкимъ голосомъ.

— Это значитъ—это значитъ, что моя скороспѣлая любовь ужъ умерла, убита, съ корнемъ вырвана. Я зарылъ ее глубоко въ неосвященной землѣ, какъ вампира, съ воткнутымъ въ сердце осиновымъ коломъ. И пришелъ снова къ вамъ, Юдиѳь, молить васъ о прощеніи, о любви—сказать вамъ, что я переродился, милая—что я съ радостью отдамъ вамъ всего себя и все, что я имѣю, если только вы захотите взять—свою жизнь, свою нѣжность, свою глубокую и неизмѣнную преданность. Боже мой!—неужели вы не вѣрите мнѣ?

Она все еще испуганно смотрѣла на меня, тяжело опираясь на столъ. Ея дрожащія губы не сразу могли выговорить:

— Нѣтъ, я вѣрю. Вы никогда не лгали мнѣ.

— Тогда во имя любви и неба, зачѣмъ же вы такъ смотрите на меня?

Она вздрогнула, видимо, силясь подавить не то горькій смѣхъ, не то негодованіе, что именно, я не могъ опредѣлить.

—Вы спрашиваете, почему?—неровнымъ голосомъ переспросила она.—Потому что вы сейчасъ для меня—точно ангелъ мести съ огненнымъ мечемъ.

Теперь я изумился въ свой чередъ.

— Мести? За что же мнѣ вамъ мстить? Чѣмъ вы могли обидѣть меня, или какое бы то ни было живое существо? Полно, милая,—я присѣлъ на уголокъ стола, чтобъ быть поближе къ ней,—давайте разберемся въ этомъ трезво. Если когда-нибудь человѣкъ нуждался въ женщинѣ—такъ это я. Я положительно не въ силахъ дольше жить одинъ. Мы должны поселиться вмѣстѣ. Мнѣніе свѣта?—Богъ съ нимъ: мы съ вами можемъ плюнуть на него. Если вы имѣете что-либо возразить противъ моего предложенія, давайте обсудимъ это вмѣстѣ и спокойно.

Тонкій станъ Юдиѳи дрожалъ, какъ натянутая струна. Дрожалъ и ея голосъ, когда она отвѣтила мнѣ:

— Да, обсудимъ это спокойно. Но не здѣсь. Я не могу видѣть васъ такъ, среди мелочей моей будничной жизни, между одной машинкой и другой—это дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Перейдемте въ гостиную. Тамъ царитъ атмосфера покоя—ея голосъ какъ-то странно сорвался и дрогнулъ:—субботняго покоя.

Я соскочилъ на полъ и обнялъ ее за талію.

— Скажите мнѣ, Юдиѳь, что съ вами?

— Ничего. Женское «ничего», если только вы помните, что это значитъ. Идемте въ гостиную.

Я отворилъ дверь въ корридоръ; она прошла впередъ, я за ней. Она и въ гостиную вошла первая, а я еще съ минуту повозился съ ручкой двери, которая давно ужъ отвертѣлась и не хотѣла запираться. Повернувшись и шагнувъ впередъ, я невольно остановился, пораженный неожиданностью.

Мы были не одни. У камина, на коврикѣ, заложивъ руки за спину и привѣтливо наклоняясь въ мою сторону, стоялъ мужчина въ длинномъ сюртукѣ пастора. Во всей его внѣшности было что-то не только клерикальное, но бьющее въ глаза своей подчеркнутою клерикальностью. Его черный сюртукъ былъ необычайно длиненъ, сапоги съ невѣроятно толстыми подошвами, бѣлый галстухъ, закрывающій концы отложного воротничка—ширины необъятной — явный признакъ принадлежности къ

евангелической церкви. Гладко-выбритое цвѣтущее лицо было украшено темными бакенбардами, также слишкомъ длинными. Блестящій лысый черепъ окаймляла бахрома темныхъ волосъ.

Я съ невольнымъ изумленіемъ уставился на этого неожиданнаго господина, затѣмъ, овладѣвъ собой, вопросительно взглянулъ на Юдиѳь.

— Сэръ Маркусъ, позвольте вамъ представить моего мужа, м-ръ Руперта Мэнуоринга.

Ея мужъ! Этотъ благожелательный евангелическій пасторъ— ея мужъ! Но гдѣ же блестящій кавалеръ, нѣкогда плѣнившій ее? Гдѣ развратный негодяй, разбившій ея жизнь? Что общаго можетъ быть у него съ этимъ пасторомъ? Ошеломленный, я, все же, заставилъ себя учтиво поклониться, но изумленіе мое достигло апогея, когда Юдиѳь, издавъ какой-то странный звукъ, не то смѣхъ, не то рыданіе, перешедшее въ рѣзкій, истерическій хохотъ, бросилась къ двери, распахнула ее и мгновенно захлопнула за собою. Я слышалъ ея истерическія взвизгиванья въ коридорѣ; потомъ хлопнула другая дверь, и наступившее безмолвіе сказало мнѣ, что она заперлась у себя въ спальнѣ. Не считаясь съ присутствіемъ новаго мужа, я позвонилъ. Служанка, на крики выбѣжавшая изъ кухни, вошла немедленно.

— Ступайте къ вашей госпожѣ. Она больна,—сказалъ я.

Дѣвушка убѣжала. Пасторъ и я смотрѣли другъ на друга.

— Боюсь,—сказалъ я,—что я пришелъ некстати. Я надѣюсь ближе съ вами познакомиться въ другой разъ.

— О, пожалуйста, не уходите,—возразилъ онъ.—Моя жена просто немного разстроена; она скоро оправится. Я прошу васъ извинить ее. Притомъ же, мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать съ вами.

Онъ придвинулъ мнѣ кресло— мое собственное кресло, удобное, широкое кресло Ампиръ, подаренное мной Юдиѳи въ день ея рожденія. И сдѣлалъ это очень учтиво, какъ хозяинъ дома. Положеніе было совершенно фантастическое. Только какой-нибудь изобрѣтательный чертенокъ могъ бы придумать это, чтобы позабавить послѣобѣденною шуткой высшее начальство. Я сѣлъ и невольно протеръ глаза. Да полно, вправду ли я вижу передъ собой этого лысаго пастора съ висячими темными баками? Но и послѣ того, какъ я протеръ глаза, видѣнье не исчезло. Онъ живой стоялъ передо мною и учтиво глядѣлъ на меня, ожидая, пока я заговорю. Это было ужасно. Отсутствіе этого супруга, вѣроломно бросившаго свою юную жену и скитающагося, какъ я думалъ, по разнымъ европейскимъ вертепамъ, было основою

и оправданіемъ моихъ отношеній къ Юдиѳи—и вотъ, этотъ почтенный, вполнѣ респектабельный джентльменъ стоитъ передо мной, извиняясь за свою жену и прося меня присѣсть на мое же собственное кресло. Мнѣ вспомнились слова Юдиѳи—о томъ, что въ гостиной царитъ «атмосфера субботняго покоя», и я долженъ былъ ухватиться за ручки кресла, чтобъ не послѣдовать примѣру Юдиѳи и не залиться истерическимъ смѣхомъ.

Появленіе пропавшаго супруга, какимъ рисовала мнѣ его легенда—развратникомъ, повѣсой, разгульнымъ негодяемъ,—было бы также неожиданностью. Я также изумился бы и огорчился передъ этой неожиданной помѣхой, ставшей поперекъ дороги всѣмъ моимъ планамъ устроить счастье Юдиѳи. Но это все же было бы нормально, въ порядкѣ вещей. Но появленіе его во образѣ евангелическаго пастора—болѣе неподходящаго супруга для Юдиѳи трудно даже выдумать!—повторяю, казалось чѣмъ-то фантастическимъ.

— Если не ошибаюсь, сэръ Маркусъ,—началъ онъ, не спѣша раздвигая полы своего непомѣрно длиннаго сюртука и усаживаясь возлѣ меня,—если не ошибаюсь, вы очень дружны съ моей женой?

Я пробормоталъ, что знаю м-ссъ Мэнуорингъ уже много лѣтъ.

— Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстна и исторія ея несчастнаго замужества?

— Да, она говорила мнѣ...

— Въ такомъ случаѣ, васъ не меньше ея должно удивлять мое присутствіе здѣсь. Мнѣ хотѣлось бы завѣрить васъ, какъ представителя ея друзей и общества,—какъ я уже завѣрилъ ее самое,—что, прежде чѣмъ рѣшиться на такой серьезный шагъ, я горячо молился и просилъ совѣта у Господа Бога.

Я не лицемѣръ и не ханжа, но, когда при мнѣ человѣкъ говоритъ о томъ, что онъ просилъ совѣта у Господа Бога, словно у своего хорошаго знакомаго, это кажется мнѣ по меньшей мѣрѣ безтактнымъ. И еще такимъ слащавымъ тономъ истаго ханжи. Я невольно съежился и чопорно отвѣтилъ:

— У васъ, безъ сомнѣнія, были уважительныя основанія снова вступить въ кругъ ея жизни.

— Самыя уважительныя,—подтвердилъ онъ, гладя свои бакенбарды:—а именно: что я христіанинъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше мнѣ онъ нравился.

— Если такъ, можно узнать, почему вы оставались вдали отъ нея всѣ эти годы?

— Укоръ заслуженъ мною. Но это были годы грѣховной жизни. Какому бы униженію ни подвергли меня за это, оно будетъ заслуженнымъ. Но съ тѣхъ поръ я обрѣлъ благодать Божію. Обрѣлъ ее въ три часа пополудни, восьмого января въ тысяча восемьсотъ...

— Мнѣ все равно, въ которомъ году,—перебилъ я. Гнѣвъ душилъ меня. Онъ, очевидно, пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ присвоить себѣ тѣ небольшія деньги, которыя есть у Юдиѳи. Онъ—несомнѣнный плутъ; это видно уже потому, какъ онъ закатываетъ глаза, выворачивая бѣлки.

— Вы желали о чемъ-то побесѣдовать со мной,—торопливо продолжалъ я.—Я буду очень радъ, если вы приступите прямо къ дѣлу. По всей вѣроятности, это касается м-ссъ Мэруоринъ. Она примирилась съ обстоятельствами, нашла возможность обставить свою жизнь довольно комфортабельно и была въ извѣстной степени довольна ею, но вотъ—являетесь вы, вторгаетесь нежданно въ ея жизнь и все переворачиваете. Насколько я васъ понялъ, вы хотите мнѣ объяснить, почему вы это сдѣлали,—но я не вижу, при чемъ же тутъ благодать Божія.

Онъ вскочилъ съ кресла и простеръ ко мнѣ съ мольбою обѣ руки, неловкимъ жестомъ вдохновеннаго англійскаго пророка.

— Какъ: при чемъ? При всемъ. Это начало и конецъ, ядро и скорлупа, корень и вѣтви всего дѣла. Благодать Божія поставила преграду на моемъ пути въ самый разгаръ моей грѣховной жизни. И съ той поры благодать Божія освѣщаетъ мнѣ болѣе святой и правый путь. Благодать Божія помогла мнѣ стать изъ того, чѣмъ я былъ, тѣмъ, что я есть теперь. Благодать Господа нашего и Сына его Господа нашего Іисуса Христа снизошла на меня великимъ свѣтомъ въ январскій день, какъ она снизошла на Савла Тарсянина. Тутъ все дѣло въ Божьей благодати.

— М-ръ Мэнуоринъ, такія рѣчи или кощунственны, или же...

Онъ не далъ мнѣ договорить, почти съ крикомъ подхвативъ послѣднее мое слово:

— Кощунственны? Господь съ вами! Да за кого же вы меня принимаете? Вы думаете, это святотатственная шутка? Да неужели же вы не видите, какъ все это серьезно для меня? Придите ко мнѣ, если не вѣрите, посмотрите, какъ я живу,—онъ схватилъ меня за рукавъ, словно хотѣлъ сейчасъ же тащить за собой,—среди бѣдняковъ, въ Гокстонѣ. Вы едва-ли даже знаете, гдѣ это—Гокстонъ;—я самъ не зналъ, когда былъ

такимъ, какъ вы теперь—это пустыня безнадежнаго уныніи, куда не заглядываетъ и земное солнце, не говоря уже о Божественномъ Свѣтѣ. Подите туда сами, и увидите, правду ли я говорю.

Тутъ меня осѣнило, и я понялъ, что человѣкъ этотъ говорилъ отъ глубины души, что онъ до ужаса правдивъ.

— Я долженъ просить у васъ прощенія за то, что усомнился въ вашей искренности. Это объясняется полнымъ моимъ незнакомствомъ съ терминами евангелическаго благочестія.

Онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня, потомъ, спокойнымъ тономъ свѣтскаго человѣка, привыкшаго владѣть собой, сказалъ, съ милой улыбкой:

— Много лѣтъ тому назадъ я имѣлъ удовольствіе знать вашего дѣдушку, покойнаго баронета. Вы очень мнѣ напоминаете его.

Можно ли было милѣе и тактичнѣй принять извиненіе. На одну секунду возрожденный христіанинъ снова сталъ галантнымъ Рупертомъ Мэнуорингомъ, и я понялъ, что въ немъ находили привлекательнаго.

— Присядьте, пожалуйста,—сказалъ онъ, уже серьезнѣе,—и разрѣшите мнѣ пояснить вамъ сказанное.

Онъ повѣдалъ мнѣ свою исторію, замѣтивъ, что ее не мѣшаетъ знать и постороннимъ—это *я*-то *посторонній* въ гостиной Юдиои!—и что я въ правѣ разглашать ее, сколько мнѣ угодно. Онъ даже будетъ очень радъ этому, ибо онъ самъ ищетъ широкой огласки... Поскольку мнѣ запомнился этотъ разсказъ,—у меня все путалось въ головѣ, когда я слушалъ,—онъ заключался въ слѣдующемъ.

Руперть Мэнуорингъ велъ жизнь грѣховную—не только въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, который придаютъ этому слову религія и духовенство, но и въ прямомъ, общепринятомъ смыслѣ. Не было преступленія, котораго бы онъ не совершилъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя ведутъ на каторгу и въ ссылку. Онъ пьянствовалъ, соблазнялъ женщинъ, плутовалъ въ карты, мошенничалъ съ лошадьми на бѣгахъ; репутація у него была самая отчаянная, компанія тоже—все больше жулики и гулящія дѣвицы. Онъ соблазнилъ и Юдиоь и убѣдилъ ее бросить своего перваго мужа, а тотъ, бѣдняга, вскорѣ послѣ того и умеръ съ горя. Тогда онъ женился на Юдиои, но бросилъ ее ради хорошенькой буфетчицы, а потомъ бросилъ и эту. По его собственному выраженію, онъ все время барахтался въ грязномъ корытѣ. Словомъ, какъ я и думалъ, это былъ форменный негодяй, которому мѣсто въ тюрьмѣ... Но вотъ, въ одинъ прекрасный день,

хорошенькая дѣвушка, которую онъ преслѣдовалъ на улицѣ, затащила его на митингъ возрожденцевъ—и онъ преобразился. Онъ такъ живо и ярко описывалъ этотъ митингъ, что, если бъ мой усталый умъ не утратилъ всякой способности къ яркимъ эмоціямъ, быть можетъ, онъ и меня бы обратилъ, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ. Онъ повторялъ отдѣльныя мѣста изъ проповѣди, размахивалъ руками, громилъ порокъ готовыми фразами и общими мѣстами изъ брошюрокъ Арміи Спасенія,—и все это съ такою убѣжденностью, какъ если бъ это было откровеніе свыше, полученное имъ самимъ. Это было трогательно. Это было смѣшно. Это было невыразимо тягостно. Онъ самъ такъ утомился, что отиралъ платкомъ вспотѣвшее лицо и лысину.

— Еще не кончился митингъ, какъ я уже молился на колѣняхъ возлѣ дѣвушки, которую намѣревался погубить. Я вышелъ на улицу новымъ человѣкомъ, возрожденнымъ благодатью Господней, снизошедшей на меня. И рѣшилъ посвятить остатокъ своей жизни спасанію другихъ заблудшихъ душъ. Мои грѣховныя привычки свалились съ меня, какъ изношенное платье. Я сталъ учиться, готовясь быть пасторомъ. Теперь я завѣдую небольшой миссіонерской церковью въ Гокстонѣ. Пути Господни неисповѣдимы, сэръ Маркусъ.

— Да, всѣ это говорятъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, удивляетесь, сэръ Маркусъ, что со времени моего возрожденія прошло ужъ много времени, а я теперь только надумалъ возобновить сношенія съ моей женой. Это потому, что я наложилъ на себя искусъ, подвергъ себя испытанію. Я хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли такова воля Божія. Я долженъ былъ на опытѣ провѣрить, способенъ ли я, въ житейскомъ смыслѣ, посвятить свою жизнь искупленію ея обидъ и моихъ винъ передъ нею. Теперь я убѣдился въ этомъ и предлагаю ей честную семейную жизнь и христіанскій домашній очагъ.

Я глядѣлъ на него, разинувъ ротъ.

— Неужели же вы думаете, что Юдиѳь будетъ жить съ вами въ Гокстонѣ, какъ ваша жена?

— Почему же нѣтъ? Вѣдь она—жена моя.

Я всталъ и взволнованно зашагалъ по комнатѣ. Я какъ-то не могъ уразумѣть этого.

— Почему же нѣтъ, сэръ Маркусъ?—повторилъ онъ.

— Потому что Юдиѳь не такая женщина, чтобъ быть довольной этимъ. Ей не понравится Гокстонъ, и въ вашей церкви

она будетъ такъ же не у мѣста, какъ былъ бы я на кавалерійской атакѣ.

— Ничего, привыкнетъ. Предоставьте это Господу. Ему все легко.

— Но она едва-ли даже вѣритъ въ Бога, т.-е. въ личное Его бытіе!—съ отчаяніемъ воскликнулъ я.

Онъ пророчески усмѣхнулся и повелъ рукой, какъ бы отметая всѣ ея сомнѣнія.

— Ну, это меня не пугаетъ.

Я попробовалъ перейти на другую почву.

— Но какъ же можно такъ насиловать природу человѣка? Юдиѳь любитъ смѣхъ и веселье, любитъ наряды, блескъ, вино, папиросы и многое такое, чему не мѣсто въ домѣ евангелическаго пастора.

— Моя жена познаетъ радости и утѣхи, вѣдомыя лишь праведнымъ,—возразилъ фанатикъ.—У нея будетъ достаточно денегъ для того, чтобъ одѣваться скромно, но прилично; а что касается алкоголя и табака, никто лучше меня не знаетъ, какъ легко отвыкнуть отъ нихъ.

— Вы такъ же безпощадны въ вашихъ добродѣтеляхъ, какъ были, повидимому, въ вашихъ порокахъ.

— Моя задача—приводить заблудшія души ко Христу.

— Но не этимъ же путемъ.

Онъ сдвинулъ брови.

— Запомните, пожалуйста, сэръ Маркусъ, что я не прошу у васъ совѣтовъ относительно способовъ выполненія моего пастырскаго долга.

— Мнѣ совершенно безразлично, какъ вы его выполняете относительно вашихъ прихожанъ. Но я не могу не протестовать противъ вашего намѣренія засадить Юдиѳь, какъ въ тюрьму, въ эту вашу часовню. Не мѣсто ей тамъ. Ваше предложеніе напоминаетъ мнѣ сіенцевъ, которые были должны одному полководцу больше, чѣмъ они въ состояніи были уплатить. Легенда гласитъ, что они повѣсили этого полководца, чтобы послѣ смерти черезъ мученическую кончину онъ сдѣлался святымъ. Я не желаю для Юдиѳи такого способа канонизаціи. И она сама не пожелаетъ этого. Вы, повидимому, даже и не считаетесь съ ея желаніями. А, между тѣмъ, вѣдь, она въ правѣ располагать собой. Она сама себѣ госпожа. Не промѣняетъ она хотя бы этой вотъ уютной квартирки на вашъ Гокстонъ. И не пойдетъ она къ вамъ на предлагаемыхъ вами условіяхъ.

— Пойдетъ, сэръ Маркусъ.

Онъ снисходительно улыбнулся и протянулъ мнѣ руку въ знакъ того, что разговоръ оконченъ.

Видѣли вы такого Торквемаду? Я чту религіозность. Я уважаю искреннее убѣжденіе этого человѣка въ подлинности своего перерожденія. Я способенъ относиться съ почтеніемъ даже къ длинному сюртуку и висячимъ бакенбардамъ, ибо въ такомъ блестящемъ свѣтскомъ кутилѣ, какимъ былъ Рупертъ Мэнуорингъ, они означаютъ сознательное изо дня въ день умерщвленіе плоти. Но я ненавижу и презираю и съ ужасомъ отворачиваюсь отъ тѣхъ пытокъ, на которыя онъ съ легкимъ сердцемъ обрекаетъ мою бѣдную Юдиѳь.

— Да на что она вамъ?—словно не замѣчая его руки, воскликнулъ я.—Почему вы не можете оставить эту бѣдную женщину въ покоѣ?

— Я исполняю свой долгъ передъ Богомъ и передъ нею.

— Тѣмъ, что доводите ее до истерическихъ припадковъ?

— Ничего, это у нея пройдетъ.

— Будьте здоровы. Мы можемъ спорить хоть тысячу лѣтъ и, все равно, не поймемъ другъ друга.

— Простите,—возразилъ онъ съ изысканной учтивостью, — *васъ* я превосходно понимаю.

Онъ проводилъ меня въ столовую, гдѣ я оставилъ шляпу и зонтикъ, и учтиво отворилъ передо мной входную дверь. Когда она захлопнулась, мнѣ захотѣлось распахнуть ее снова и силой утащить изъ-подъ носа у него Юдиѳь. Но, должно быть, не хватило храбрости. Я очутился на улицѣ, гнѣвно потрясая зонтикомъ, какъ огненнымъ мечемъ, и клянясь совершить всякіе рыцарскіе подвиги ради спасенія Юдиѳи—хотя въ душѣ своей я уже зналъ, что это не поможетъ...

Я махнулъ рукой проѣзжавшему омнибусу и влѣзъ на имперіалъ, хотя моросилъ мелкій дождикъ. Зачѣмъ я сдѣлалъ это—понятія не имѣю: я терпѣть не могу этихъ движущихся машинъ, медлительныхъ и страшно неудобныхъ. Куда мнѣ ѣхать, я и самъ не зналъ. Просто я спѣшилъ уйти подальше отъ Тоттенгэмъ-Кортъ-Родъ, отъ м-ра Руперта Мэнуоринга, отъ себя самого. Я единственный сидѣлъ на имперіалѣ. Моросилъ дождикъ, мелкій, настойчивый, пронизывавшій до костей. Я громко хохоталъ самъ надъ собою.

Опять эта иронія вещей, на каждомъ шагу подставляющая ножку замысламъ неудачника.

XX.

Ноября 11-го. Вчера вечеромъ я написалъ Юдиѳи длинное письмо, убѣждая ее презрѣть давно утраченныя права ея супруга и навсегда соединить свою судьбу съ моею. Я даже позволилъ себѣ цинически замѣтить, что, если такое ея рѣшеніе будетъ непріятно м-ру Руперту Мэнуорингу,—и по дѣломъ ему. Тотъ фактъ, что человѣкъ обратился, сталъ религіознымъ и отрекся отъ былыхъ грѣховъ, еще не искупаетъ тѣхъ обидъ, какія онъ наносилъ ближнимъ до своего обращенія. Мэнуорингъ заслуживаетъ кары за всѣ гадости, которыя онъ продѣлывалъ, а то, что онъ поселился въ Гокстонѣ, или хотя бы даже власяница и пепелъ на головѣ—небольшая кара для человѣка въ такомъ экзальтированномъ состояніи, въ какомъ онъ пребываетъ. Юдиѳь же, наоборотъ, заслуживаетъ компенсаціи, и эту компенсацію только я одинъ могу ей дать, вопреки условной морали и оскорбленнымъ чувствамъ м-ра Руперта Мэнуоринга. Вдобавокъ, это—единственный способъ избавить Юдиѳь отъ докуки неистовыхъ призывовъ прійти въ объятія ея супруга и въ лоно христіанской церкви, въ ея первобытнѣйшемъ видѣ. Она въ данномъ случаѣ—Андромеда, а я—Персей, хотя и чуждый героизма, но посланный избавить ее отъ чудовища, устроившаго себѣ берлогу въ маленькой часовнѣ въ Гокстонѣ.

Я писалъ это письмо въ томъ состояніи изнеможенія, когда человѣкъ еле живъ, когда пульсы его эмоцій бьются слабо и чувствительность притуплена. Сегодня я чувствую себя совсѣмъ иначе. Нервы мои опять натянуты, какъ струны. Что-то насмѣшливо вульгарное, низменное, и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическое вкралось въ мои отношенія къ Юдиѳи.

Къ великому моему изумленію, Юдиѳь сегодня вечеромъ сама пришла ко мнѣ съ отвѣтомъ. Въ первый разъ она пришла ко мнѣ, и первыя же ея слова, когда она, съ грустной улыбкой, оглядѣлась вокругъ, подтвердили этотъ фактъ.

— Все почти такъ, какъ я и представляла себѣ—а знаете ли вы, какъ часто я себѣ это представляла?

Она была теперь спокойнѣе. Растерянное, полубезумное выраженіе ея лица смѣнилось примиреннымъ и покорнымъ. Я подкатилъ къ огню большое кресло, такъ какъ она озябла, и она опустилась въ него со вздохомъ утомленія. Я сталъ на ко-

лѣни передъ нею. Она сняла перчатки и, какъ бывало, положила руку мнѣ на голову. Ея прикосновеніе было такимъ успокоительнымъ. Я подумалъ: «Наконецъ-то мы у тихой пристани!»

— Итакъ, вы, все же, пришли ко мнѣ, Юдиѳь,—шепнулъ я.

— Пришла, милый—чтобы сказать вамъ, что я не могу прійти.

У меня упало сердце.

— Почему?

Мы заспорили. Она по-женски приводила доводы, которые я блестяще опровергалъ. Я повторялъ всѣ аргументы, приведенные мною въ моемъ письмѣ. Она отвѣчала на нихъ какими-то туманными намеками. И, наконецъ, напрямикъ объявила:

— Я возвращаюсь къ мужу.

Я всталъ и попросилъ ее повторить, что она сказала. Она повторила слово за словомъ, съ безнадежнымъ унынiемъ, но такъ внятно и раздѣльно, что каждый слогъ звучалъ, какъ смертный приговоръ. Что я могъ возразить на это?

— Прежде, чѣмъ разстаться съ вами, Маркусъ, я должна вамъ покаяться,—сказала Юдиѳь.—Во мнѣ неожиданно проснулась совѣсть. Должно быть, она всегда была во мнѣ, въ зародышѣ...

— Вы всегда были лучшей изъ женщинъ, самой милой, самой доброй!—горячо воскликнулъ я.

— И, все же, я обманула васъ, милый. Въ томъ своемъ письмѣ Паскуале разсказывалъ мнѣ, что онъ увезъ Карлотту. Я солгала вамъ—но я была тогда близка къ безумію.

Облокотившись локтемъ на каминъ, я смотрѣлъ на нее сверху внизъ. Она была такая нѣжная, такая хрупкая, какъ дрезденскій фарфоръ, казалась неспособною на низость. А она, не получивъ отвѣта, продолжала:

— Я не хотѣла сыграть въ руку Паскуале, Маркусъ,—видитъ Богъ, не хотѣла—и, однако же, сыграла. Помните вы тотъ ужасный вечеръ и нашъ разговоръ на другое утро? Я просила васъ избѣгать ея весь этотъ день—въ знакъ траура по нашей умершей любви. Я знала, что вы сдержите обѣщаніе. Вы щепетильно честны въ каждой мелочи. Если бъ всѣ люди были такіе, какъ вы, хорошо было бы жить на свѣтѣ!

— Не очень,—съ горечью пробормоталъ я.—Онъ въ нѣсколько недѣль разладился бы весь, потому что никто ничего не умѣлъ бы дѣлать.

— Если бъ всѣ были похожи на васъ, не было бы на свѣтѣ низости и вѣроломства и всякихъ тайныхъ козней. Маркусъ, вы должны простить меня—я была доведенная до отчаянія

женщина, боровшаяся за свое счастье. Мнѣ казалось, что еще не все потеряно; у меня еще была надежда. Я удалила васъ и пошла сюда, чтобъ повидать Карлотту. Не прерывайте меня, Маркусъ,—дайте мнѣ кончить. Я встрѣтила ее на улицѣ, невдалекѣ отсюда, и мы пошли съ ней въ Риджентъ-Паркъ. Я все ей разсказала о насъ обоихъ, о своей любви къ вамъ, и умоляла ее отказаться отъ васъ. Не думаю, чтобъ она поняла меня. Она смѣялась и бросала камешками въ маленькую собачку. Я совладала съ собой и ушла отъ нея, и со стыдомъ вернулась домой, униженная до послѣдней степени. Я знала, что Паскуале влюбленъ въ нее—онъ самъ сказалъ мнѣ это наканунѣ и спрашивалъ, что можно сдѣлать, чтобы не допустить вашего брака. Онъ не повѣрилъ, когда вы сказали Хамди-эффенди, что она—уже ваша жена. Но о Паскуале я съ Карлоттою не говорила, Маркусъ, и даже не намекнула ей, что для нея можетъ найтись другой мужъ, кромѣ васъ. Въ этомъ я не была вѣроломной по отношенію къ вамъ, Маркусъ. А два-три дня спустя пришло письмо отъ Паскуале. И я ждала васъ, со страхомъ и съ радостью. Я знала, что вы придете ко мнѣ—и была такъ безумна, что воображала, будто время можетъ исцѣлять—что вы забудете—что наше дорогое прошлое вернется, и я сумѣю заставить васъ полюбить меня. Но тутъ, внезапно, безъ всякаго предупрежденія—онъ и всегда такъ дѣлалъ—является мой мужъ. А потомъ вы, съ вашимъ предложеніемъ жить вмѣстѣ...—словно ангелъ мести съ огненнымъ мечемъ. Потому мести, милый, что я, вѣдь, виновата передъ вами—я украла у васъ ваше счастье. Если бъ я не подготовила ея, никогда бы она не ушла отъ васъ. Если бъ я этого не сдѣлала, или если бъ вы тоже любили меня, Маркусъ, я, можетъ быть, иначе взглянула бы на дѣло, но теперь—я начинаю вѣрить въ Бога и въ то, что все складывается по Его волѣ. И не могу я теперь жить съ вами, какъ ваша жена, Маркусъ. Есть что-то, что не позволяетъ мнѣ. И это сильнѣй даже моей любви къ вамъ. Наша совмѣстная жизнь не была бы теперь для меня такой привлекательной и радостной, какой она была. Наши дороги разошлись. Я должна слѣдовать за своимъ мужемъ.

Я видѣлъ, что она права. Когда Юдиѳи удается побѣдить въ себѣ истеричность, свойственную ея темпераменту, она становится необычайно чуткой и прозорливой—какъ говорится, чуетъ правду.

— Дороги разошлись?—повторилъ я.—Быть можетъ; но почему же вамъ не отдохнуть на перекресткѣ? Развѣ вы не

можете жить, какъ жили до сихъ поръ,—сохранивъ и мужа, и меня, въ качествѣ друзей?

— Я нужна Руперту,—быстро отвѣтила она.—Онъ очень мучается душевными сомнѣніями. Онъ потому и бросается въ крайности религіознаго фанатизма, что все еще не увѣренъ въ себѣ. Мы долго говорили съ нимъ послѣ вашего ухода. Я могу помочь ему.

— Стоитъ ли онъ того, чтобъ вы принесли ему въ жертву свою жизнь?

Она не сразу отвѣтила; нѣсколько минутъ она сидѣла въ задумчивости, склонивъ голову на руку и глядя въ огонь.

— Онъ человѣкъ дурныхъ страстей,—выговорила она, наконецъ.—Вино и женщины губили его. Это было ужасно. Я недолго была за нимъ замужемъ, но это былъ адъ, а не жизнь. Если онъ теперь сорвется снова—онъ погибъ, и въ этой жизни, и въ будущей. Такъ онъ вѣритъ. Онъ, вѣдь, вѣритъ и въ адъ, и въ муки грѣшниковъ въ аду—въ кипящую смолу и крючья, и чертей. Онъ увѣряетъ, что его спасеніе во мнѣ одной. Я должна вернуться къ нему. Если Гокстонъ окажется слишкомъ ужасенъ, я сбѣгу на недѣльку къ Дельфинѣ Карреръ, чтобъ отдохнуть и подбодриться.

Что могъ я ей сказать на это? Я былъ покинутъ, одинокъ, она была нужна и мнѣ. Я могъ бы напомнить ей объ этомъ, тронуть ея сердце своими жалобами и мольбой. *Cui bono?* Я не умѣю плакаться на свою горькую участь передъ женщинами—а передъ мужчинами и подавно. Наединѣ съ самимъ собой я могу проклинать и плакать, и бѣсноваться всячески. Но на людяхъ—нѣтъ. Должно быть, мой прадѣдъ былъ джентльменомъ и прежде, чѣмъ онъ получилъ баронскій титулъ.

— Но тогда ужъ вы не стремитесь сидѣть взаперти, предаваясь своимъ размышленіямъ,—замѣтилъ я.

Она засмѣялась, но смѣхъ оборвался рыданіемъ.

— Вы помните? Это было не такъ давно, а кажется—ужъ много лѣтъ назадъ.

Мы пофилософствовали немного на общія темы, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, когда имъ хочется оттянуть тяжелый разговоръ. Юдиѳь обошла комнату, приглядываясь къ книжнымъ шкафамъ. Многія изъ моихъ книгъ она брала читать и узнавала въ нихъ старыхъ друзей.

— А Бенвенуто Челлини—онъ такъ всегда здѣсь и живетъ у васъ?

— Да.—Я провелъ рукой по ряду книгъ.—Въ своемъ сто-

лѣтіи, среди своихъ товарищей. Въ другомъ мѣстѣ онъ бы чувствовалъ себя несчастнымъ.

— А ваша «Исторія»— подвигается впередъ?

Я показалъ ей стопку законченныхъ листовъ; она бѣгло просмотрѣла нѣсколько страницъ, положила ихъ на мѣсто и отвернулась.

— Не могу читать—я что-то плохо стала видѣть, Маркусъ.

Она постояла передъ собственнымъ фотографическимъ портретомъ—теперь единственнымъ, стоявшимъ на каминѣ.

— Вы отдадите мнѣ его назадъ?

— Это зачѣмъ же?

— Такъ—мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ вы сожгли его.

— Сжечь его? Все, что мнѣ отъ васъ осталось?!

Она подняла на меня глаза, полные слезъ.

— Какой вы добрый, Маркусъ! Послѣ всего, что я вамъ разсказала—вы не озлобились противъ меня.

— За что? За то, что вы донкихотствуете? Идете на мученичество во имя идеала?

— Вы не слыхали, что я вамъ разсказала о Карлоттѣ?

— Ахъ, милая!

Она уже ушла. На прощанье мы поцѣловались — въ послѣдній разъ, въ память былыхъ годовъ. Встрѣтимся ли мы снова?

Тьма сгущается вокругъ меня. Я усталъ, я такъ усталъ... Я хотѣлъ бы уснуть и проснуться старикомъ, съ безстрастной покорностью, присущей старости—а еще лучше вовсе не проснуться. Такимъ бѣднымъ глупцамъ, какъ я, лучше не жить.

Оглядываясь назадъ, я вижу, что вся моя философія опрокинута, всѣ мои утонченные взгляды увяли, какъ куклы, когда изъ нихъ вытряхнешь опилки. Всѣ эти годы я судилъ о Юдиѳи, совсѣмъ не зная ея, и въ этомъ было столько же жестокости, сколько и самомнѣнія. Поистинѣ я брался за мудрость не съ того конца. И теперь я ужъ не берусь судить ее.

Если бъ я любилъ Юдиѳь, со всею страстью, какъ полагается мужчинѣ любить женщину, никакіе обращенные въ христіанство негодяи не въ состояніи были бы разлучить насъ.

А то, что она говорила съ Карлоттой — бѣдняжка!—могу ли я сердиться на нее за это? Какъ бишь она сказала про Карлотту: «Она смѣялась и бросала камешками въ маленькую собачку»...

О Господи!..

Ноября 12-го. Нѣтъ, такъ можно сойти съ ума. Я уѣду. Оставлю домъ на Антуанетту и Стенсона и уѣду за границу. Можетъ быть, въ Верону. Почему именно въ Верону? Я и самъ не знаю. Въ сущности, мнѣ все равно, гдѣ быть—только бы не здѣсь—не въ этомъ домѣ смерти, безумія и преступленія. А Верона въ Италіи, гдѣ я всегда обрѣталъ душевный покой.

Я хочу исповѣдаться въ своемъ безуміи. Эта книга—исторія эволюціи моей морали—законченный разсказъ о фарсѣ, который сыграли со мной насмѣшливые боги. Вчера я думалъ, что фарсъ доигранъ и занавѣсъ опустился разъ навсегда. Оказывается, я ошибался. Слушайте же и смѣйтесь, какъ я—если можете.

Сегодня я заставилъ себя сѣсть за работу. Въ конечномъ счетѣ, вѣдь, я же не бездѣльникъ. Я зарабатываю свое право на жизнь. Когда я издамъ свою «Исторію», это будетъ, все-таки, извѣстный вкладъ, хотя и скудный, въ сокровищницу міра. Клянусь, я лучше и благороднѣй прожилъ послѣдніе годы своей жизни, чѣмъ тогда, когда я изъ-за куска хлѣба работалъ, какъ невольникъ, въ школѣ, преподавая дѣтямъ самую безполезную, несносную и отвратительную отрасль знанія изъ всѣхъ, которыми господа педагоги, въ своемъ безуміи и тупости, уродуютъ мозги и отравляютъ жизни своихъ ближнихъ—начальную математику. Нѣтъ такого человѣка на Божьемъ свѣтѣ, которому надо было бы знать биномъ Ньютона, или же наложеніе треугольниковъ—если только онъ не профессіональный ученый; но тогда онъ можетъ начать спеціализироваться въ математикѣ въ такомъ же возрастѣ, въ какомъ адвокатъ начинаетъ изучать спеціально право, или медикъ хирургію; помимо этого, ему такъ же мало нужны теоремы о биномахъ, какъ санскритскій языкъ, Каббала, или ученіе мормоновъ. Не могу вспомнить безъ стыда и униженія объ этихъ дняхъ, когда я, изъ-за корки хлѣба, проституировалъ свой умъ, отнимая у впечатлительнаго дѣтства драгоцѣнные часы, которые могли бы быть заполнены столькими прекрасными и нужными вещами, для этихъ ненужныхъ и противныхъ человѣческихъ душѣ занятій. Увѣряютъ, будто математика развиваетъ умъ, пріучаетъ дѣтей мыслить логически. Ничего подобнаго. Тутъ думать не о чемъ: все преподносится въ готовомъ видѣ. Она тѣмъ и нравится господамъ педагогамъ, что избавляетъ ихъ отъ труда мыслить, и главное назначеніе ея—дать возможность не умѣющимъ мыслить юношамъ, прошедшимъ университетскій курсъ, зарабатывать себѣ нечестный кусокъ хлѣба, преподавая этотъ предметъ другимъ, которые, въ свой чередъ, могутъ преподавать его грядущимъ поколѣніямъ.

Я съ ума сошелъ. Что это за гнѣвная выходка противъ математики? Должно быть, просто мнѣ надо было на чемъ-нибудь сорвать сердце... Да, такъ я говорилъ, что я не бездѣльникъ, что я зарабатываю свое право на жизнь. Я утверждаю это. Человѣкъ не можетъ требовать уваженія къ себѣ, даже отъ себя самого, если въ его активѣ нѣтъ ничего, кромѣ его vie sentimentale. А послѣ того, что я сегодня сдѣлалъ, я долженъ выдвинуть свои права на самоуваженіе, утраченное мною въ другой области.

Итакъ, весь день сегодня я провелъ за работой. Но вечеромъ меня охватила безумная тоска по *ней*. Такъ, изъ-за пустяка. Антуанетта, которой не нравится нашъ англійскій колотый сахаръ въ безформенныхъ кусочкахъ, разыскала гдѣ-то лавочку, гдѣ продаютъ пиленый сахаръ правильными параллелепипедами, какъ на континентѣ, и подаетъ мнѣ этотъ сахаръ къ послѣобѣденному кофе. Прежде чѣмъ бросить въ чашку кусокъ сахару, я машинально обмакнулъ его въ темную жидкость и смотрѣлъ, какъ эта темная жидкость стекала по бѣлому фарфору. И тутъ я вспомнилъ. Такъ всегда дѣлала Карлотта. Обмакивала въ кофе кусокъ сахару, придерживая его пальчиками, до полнаго насыщенія влагой, и затѣмъ поспѣшно отправляла его въ свой ротикъ, стараясь, чтобъ онъ не развалился по дорогѣ. Когда это случалось, она начинала хохотать и вытирать салфеткой платье, а потомъ шарила у меня по карманамъ, отыскивая чистый носовой платокъ, чтобъ вытереть розовые кончики пальцевъ. Она очень любила эти пропитанные горячимъ кофе кусочки сахара и называла ихъ «*un canard*», какъ французскія дѣти... Это такой пустякъ, но онъ привелъ на память мнѣ тысячу милыхъ, нелѣпыхъ, очаровательныхъ деталей, изъ которыхъ складывалось чарующее обаяніе Карлотты.

Но развѣ есть слова, чтобъ описать любовное безуміе человѣка, котораго можетъ свести съ ума кусочекъ сахара, смоченный кофе? Есть одно французское выраженіе, котораго вы не найдете ни у Ламартина, ни у Шатобріана, ни у прочихъ изысканныхъ классиковъ, но которое, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно красочно и выразительно—*avoir les sens tournés de quelqu'un*. Ну, такъ вотъ: *J'ai les sens tournés d'elle*. Кто-то гдѣ-то что-то писалъ о страсти сорокалѣтняго мужчины. Онъ, навѣрное, цитировалъ эту французскую фразу.

Я не дотронулся до кофе и, положивъ голову на руки, просидѣлъ такъ нѣсколько часовъ, въ тоскѣ безмѣрной... А, когда прислуга улеглась, прокрался въ *ея* комнату, оставшуюся

въ томъ же видѣ, какъ въ вечеръ ея бѣгства, когда Антуанетта, надѣясь вопреки надеждѣ, приготовила ей постель и все, что надо, на ночь. И тамъ—одному Богу вѣдомо, что я тамъ дѣлалъ...

Я вернулся въ гостиную въ безумной ярости, въ той слѣпой злобѣ, которая заставляетъ человѣка проклинать Бога и желать себѣ смерти. Огонь погасъ; я машинально взялъ щипцы, чтобъ помѣшать въ каминѣ. Въ душѣ моей клокотала безсильная злоба, передъ глазами ходили красные круги; хотѣлось убить, задушить кого-нибудь, вездѣ мерещились враги... Только я нагнулся надъ каминомъ, что-то царапнуло меня по плечу. Съ крикомъ я отскочилъ назадъ и увидалъ на каминной доскѣ черное одноглазое существо, глядѣвшее на меня съ нескрываемымъ злорадствомъ. Прежде чѣмъ я понялъ, что я дѣлаю, я взмахнулъ щипцами и изо всей силы ударилъ ими по черепу кота. И онъ упалъ мертвымъ у моихъ ногъ.

Finis coronat opus.

Ноября 22-го. Верона.—Я бросилъ писать «Исторію Морали Ренессанса». Всѣ рукописи съ завернутыми уголками и пыльная кипа матерьяловъ свалены безформенной грудой въ углу комнаты, гдѣ я сижу и зябну передъ небольшою печкой. Комната огромная, вся мраморная, холодная и неуютная, словно «покои Смерти». Сегодня ужъ недѣля, какъ я здѣсь. Я думалъ здѣсь найти покой. Думалъ, что, дыша воздухомъ Италіи, любуясь шедеврами Джироламо даи Либри и Кавацполы, и голубыми горами, которыя они любили писать, я верну себѣ душевное равновѣсіе, и духъ мой станетъ такимъ же безмятежнымъ, какъ у этихъ старыхъ мастеровъ. Въ этомъ старинномъ городѣ, мечталъ я, Риджентъ-Паркъ изгладится изъ моей памяти, и я буду жить мечтой — той жизнью, какой нѣкогда жили эти узенькія улицы.

Но, кромѣ одиночества, я ничего здѣсь не обрѣлъ. Сегодня я стоялъ передъ изуродованными фресками Мороне, которыми такъ восхищался шесть лѣтъ тому назадъ, и ненавидѣлъ ихъ не разсуждающею ненавистью. Мадонна, словно издѣваясь надъ обвитой гирляндой надписью надъ ея головой: «*Miseratrix virginum Regina nostri miserere*», улыбалась глупо и бездушно. Неопознанный мученикъ слѣва отъ нея смотрѣлъ прямо передъ собой съ черствѣйшимъ равнодушіемъ, а св. Рохъ, несмотря на свои выставленныя напоказъ чумныя язвы, казался до противности упитаннымъ и сытымъ. Вся композиція была хуже, чѣмъ безсмысленна—оскорбительна. Она прогнала меня изъ галле-

реи на улицу. А на улицѣ сѣрый туманъ окутывалъ холмы и моросилъ мелкій, пронизывающій дождикъ. Я побрелъ домой и въ пятидесятый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, раскрылъ свою «Исторію Морали Ренессанса». И черезъ двѣ минуты съ проклятьемъ швырнулъ ее въ уголъ.

Я ненавижу ее. На кой мнѣ чортъ этотъ Ренессансъ и его мораль! Всѣ типы этой эпохи—сквернѣйшіе пачкуны, ріомоплеты, головорѣзы и придворные льстецы. Ихъ образы утратили для меня всякій красивый ореолъ, и осталась лишь вульгарная, грубая наглость. Они оскорбляютъ меня своимъ шумливымъ фанфаронствомъ, своей животной жаждой жизни и ея радостей, а, главное, — тѣмъ, что они поминутно напоминаютъ мнѣ о Паскуале.

А между тѣмъ прежде они очень интересовали меня, наполняли музыкой и красками сѣрую пустоту моей жизни. Что же измѣнилось?

Я самъ. Перемѣна во мнѣ самомъ. Теперь я самъ для себя—предметъ мучительнаго интереса, болѣе живописный и занятный, чѣмъ всѣ изящные хулиганы веронскаго *кваттроченто*. Этотъ блестящій вѣкъ отошелъ теперь для меня на задній планъ, кажется скучнымъ и тупымъ. Я одинъ существую. Это отдаетъ Бедламомъ, звучитъ, какъ бредъ величія. Богу извѣстно, что въ дѣйствительности это не такъ. Если вы мучаетесь зубной болью, такъ что вся голова ваша болитъ и ноетъ отъ уха до уха, отъ темени до подбородка и отъ глазныхъ орбитъ до мозжечка, развѣ не вся вселенная сосредоточена для васъ въ вашей головѣ? И развѣ въ эти часы пытки вы для себя — не самое важное изъ всѣхъ живыхъ существъ? И за это никто васъ не осудитъ. Не осуждайте жъ и меня за то, что я терзаюсь моральною зубною болью.

Въ былые дни я былъ жертвой странной галлюцинаціи. Я тѣшилъ себя мыслью,—что я единственный изъ всѣхъ людей, обдѣленный ролью въ жизненной Комедіи. Другіе играютъ, а я, словно сумасшедшій король баварскій, сижу одинъ въ огромномъ залѣ и довольно равнодушно приглядываюсь къ довольно печальному зрѣлищу. Я считалъ себя далекимъ отъ всѣхъ и безопаснымъ въ своей одинокой ложѣ. Но я не принималъ въ разсчетъ насмѣшливыхъ боговъ, которые безмолвными, невидимыми зрителями усаживаются на пустыя мѣста и не терпятъ смертнаго въ своей средѣ. И вотъ, безъ всякаго предупрежденія, меня сорвали съ мѣста, швырнули на сцену и, прежде чѣмъ мой ослѣпленный взоръ успѣлъ привыкнуть къ блеску рампы, я уже ока-

зался участникомъ раздирающей драмы. Я былъ неподготовленъ, плохо зналъ свою роль, сбивался, путалъ, былъ преисполненъ дурацкой самоувѣренности любителя. А это идіотское представленіе было до ужаса реально. Подъ беззвучный смѣхъ невидимыхъ боговъ, я убѣжалъ со сцены. Пріѣхалъ сюда, въ Верону—и убѣдился, что и здѣсь я продолжаю играть свою роль. И всю жизнь игралъ ее, со дня рожденія. Мы затѣмъ, оказывается, и существуемъ, чтобы потѣшать своимъ шутовствомъ боговъ. Сцена—вся земля, а звѣздный эоиръ—безкрайная театральная зала.

Насмѣшливые боги, все же, надѣляютъ своихъ комедіантовъ однимъ безцѣннымъ даромъ: во власти каждаго изъ членовъ труппы въ любой моментъ совсѣмъ уйти со сцены. Я лично чувствую, что для меня этотъ моментъ насталъ. Одинъ послѣдній монологъ, и я, подобно Паяцу, скажу со вздохомъ «*La commedia é finita*»—остальное—молчаніе. Но до этого я долженъ разсказать свою исторію—не исторію нравовъ Ренессанса—а исторію нравовъ Маркуса Ордайна. Я много лѣтъ ужъ, какъ веду дневникъ, но эти отрывочныя записи не удовлетворяютъ меня. До сихъ поръ, я не ощущалъ потребности въ изліяніяхъ. Но теперь, когда Карлотта и Юдиѳь ушли отъ меня, когда единственный другъ мой, Паскуале, навсегда выброшенъ изъ моей жизни, и даже симпатичный Полифемъ отосланъ въ вѣчность моей злодѣйскою рукой, я испытываю неудержимую потребность высказаться вполнѣ и окончательно, въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Это будетъ моя лебединая пѣсня. Что станется съ нею потомъ—мнѣ все равно.

Когда послѣднее слово будетъ дописано, я пойду въ Пинакотеку, стану снова передъ фресками Мороне и, если Miseratrix Virginum Regina снова глупо ухмыльнется мнѣ, я приму это за знакъ и указаніе. Вернусь въ эту мраморную пещеру и—устрою свой послѣдній выходъ. И онъ будетъ такой эффектный, что, безъ сомнѣнья, доставитъ огромнѣйшее удовольствіе насмѣшливымъ богамъ, невидимо любующимся жизненной комедіей.

ЧАСТЬ II.

XXI.

Прошло уже около двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вторично пошелъ въ веронскую Пинакотеку, чтобы прочесть свой приговоръ въ глупо улыбающемся лицѣ Мороновской *Miseratrix Virginum Regina*. Нашелъ я, разумѣется, только то, чего и можно было ожидать—ту же бездушную и глупую улыбку на раскрашенномъ лицѣ, которая такъ разсердила меня два мѣсяца тому назадъ. По крайней мѣрѣ, всякій разумный человѣкъ и не ждалъ бы ничего другого. Но такъ какъ я въ то время былъ вовсе не разумнымъ человѣкомъ, то полное отсутствіе состраданія въ лицѣ бѣдной, обветшалой Мадонны я принялъ за знакъ и указаніе, пошелъ домой и сталъ готовиться къ самоуничтоженію.

Уже два года! А я только въ послѣдніе мѣсяцы оправился настолько, что могу съ философскимъ спокойствіемъ оглядываться назадъ, на эти кошмарные дни, пережитые мною въ Веронѣ. И сегодня я впервые оглядываюсь безстрастно на свое прошлое «я» и безъ боли въ сердцѣ предаюсь воспоминаніямъ. Я сижу на плоской кровлѣ дома въ Могадорѣ, на Марокканскомъ берегу, защищенной полотнянымъ наметомъ отъ яркаго африканскаго солнца, сверкающаго міріадами искръ на поверхности моря, которое виднѣется изъ-за домовъ. Ночь была душная, пропитанная томными, неописуемыми и незабываемыми ароматами Востока, но утро восхитительное, съ прохладнымъ бризомъ съ Атлантическаго океана и ясное до ослѣпительности. Въ прозрачномъ воздухѣ бѣлые квадратные дома и куполы мечетей выдѣляются такъ четко на ярко-синемъ, безъ оттѣнковъ, небѣ. Я живу далеко отъ центра шумнаго портоваго города и отъ людныхъ улицъ, запруженныхъ навьюченными зерномъ верблюдами, крикливыми погонщиками ихъ, живописными, вѣчно ссорящимися между собой, торгующимися и плутующими арабами и евреями; все это далеко отъ меня, вокругъ меня тишина и безпредѣльная лазурь. Къ тому же, вчера подъ вечеръ, когда я ѣхалъ обратно въ Могадоръ, черезъ узкій кусокъ пустыни, отдѣляющій ее отъ Пальмоваго Дома, и на горизонтѣ всталъ городъ—этотъ городъ-мечта

изъ чистѣйшаго снѣга въ оправѣ яснаго аметистоваго заката, на фонѣ блѣднаго лапись-лазули бухты—случилось нѣчто. А вчера вечеромъ произошло еще болѣе важное...

Итакъ, два года тому назадъ я въ Веронѣ рѣшилъ истребить себя, какъ нѣчто, никому и ни на что не нужное. Я не видѣлъ для себя никакого основанія жить. Моя теорія собственнаго моего бытія въ соотношеніи съ космосомъ оказалась несостоятельной, была опрокинута фактами дѣйствительности. Другой теоріи, построенной на болѣе солидныхъ основаніяхъ, у меня не было. А что такое жизнь безъ теоріи? И такъ уже это жизнь безсмысленная, безъ дѣла, безъ друзей, безъ Юдиѳи и безъ Карлотты. Не имѣя даже и теоріи, чтобы утѣшить себя, я совершенно не въ силахъ былъ дольше нести ее. Есть существа, которыя живутъ и безъ любви и безъ теорій—но, вѣдь, это животныя. Если бы даже, предположимъ, я выдумалъ новую теорію—была ли бы мнѣ польза отъ нея? И могъ ли я быть увѣреннымъ, что она не заведетъ меня въ новый рядъ фантастическихъ эмоцій и безплодныхъ попытокъ, завершающихся апогеемъ нелѣпости—убійствомъ ни въ чемъ не повиннаго одноглазаго кота? Невыразимое презрѣніе къ себѣ душило меня, когда я вспоминалъ бѣднаго Полифема—бездыханнымъ на коврикѣ передъ каминомъ и себя самого—стоявшимъ надъ нимъ, отрезвленнымъ, растеряннымъ и огорченнымъ, съ щипцами въ рукѣ.

Я шагалъ взадъ и впередъ по большой, холодной комнатѣ мраморнаго дворца, нагромождая въ умѣ цѣлый рядъ подавляюще убѣдительныхъ доводовъ въ пользу самоистребленія. На столѣ по серединѣ комнаты стояла склянка съ синильной кислотой, которую я давнымъ-давно раздобылъ для себя въ Лондонѣ, будучи убѣжденъ, что всякій человѣкъ долженъ имѣть подъ рукой вѣрный и скорый способъ уйти изъ этого міра. Не разъ я останавливался передъ этой синей скляночкой. Взять ее въ руки, поднести къ губамъ, одинъ глотокъ—и все будетъ кончено. Наконецъ, я вынулъ пробку. Приторный запахъ миндаля защекоталъ мнѣ ноздри. Я снова закупорилъ бутылочку и закурилъ. Потомъ бросилъ папиросу недокуренной и снова приблизился къ столу, на которомъ хранилась смерть. Но проглотить ее мнѣ почему-то не хотѣлось.—«Естественное сопротивленіе организма»,—говорилъ я себѣ:—«животная трусость». И я опять раскупорилъ бутылочку. Но неожиданно дѣло представилось мнѣ въ новомъ свѣтѣ. «Нѣтъ, трусость—уходить изъ жизни, укло-

няться отъ тѣхъ отвѣтственностей, которыя она налагаетъ. Неужели же ты такъ малодушенъ, что у тебя даже не хватаетъ мужества жить?» — «Нѣтъ, я не малодушенъ,— сказалъ я себѣ— во мнѣ есть мужество». И поставилъ бутылочку на столъ.— «Ба,—шепнулъ мнѣ на ухо знакомый демонъ, подстрекавшій меня къ самоубійству,—ты просто боишься смерти». Я снова взялъ бутылочку. Но доводы другого внутренняго голоса были не менѣе убѣдительны, и бутылочка снова очутилась на столѣ.

Такъ, малодушествуя то въ ту, то въ другую сторону и не зная, на чемъ остановиться, я стоялъ, точно оселъ Буридана межъ двухъ вязанокъ сѣна. Я выкурилъ двѣ папироски, шагая взадъ и впередъ по этой огромной, холодной, какъ погребъ, комнатѣ, пропитанной теперь тошнотворно-сладкимъ запахомъ яда, еще усиливавшимъ физическое отвращеніе, вызванное во мнѣ первымъ слабымъ запахомъ. Мнѣ было холодно до дрожи. Огонь въ печи потухъ еще до моего прихода, и я подумалъ, что не стоитъ снова разводить его на тѣ нѣсколько минутъ, которыя мнѣ еще остается жить. Я не принялъ въ разсчетъ ослиной трусости и нерѣшительности.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ я себѣ—мнѣ незачѣмъ трястись отъ холода. Если я согрѣюсь за то время, что буду рѣшать, что малодушнѣе: жить или умереть, отъ этого ничего не измѣнится. Спѣшить мнѣ некуда.

Я взялъ пледъ, которымъ пытался умягчить свое жесткое ложе въ стилѣ Людовика XV, и, накинувъ его себѣ на плечи, продолжалъ шагать изъ угла въ уголъ. Вскорѣ я углубился въ рѣшеніе своей задачи и не замѣтилъ, какъ уголъ пледа постепенно соскользнулъ съ одного плеча на полъ.

— Я сдѣлаю это!—вскричалъ я наконецъ, рѣшительно шагнувъ къ столу. Но пледъ къ этому времени уже на половину съѣхалъ на полъ. Я наступилъ на него, споткнулся и инстинктивно схватился за столъ, чтобъ не упасть. Столъ, довольно шаткій, опрокинулся, не выдержавъ напора, и увлекъ за собою мою склянку съ синильной кислотой, разбившуюся въ дребезги.

— Кончено,—сказалъ я:—*Solvitur ambulando.*

Оглядываясь назадъ, теперь, я склоненъ отнестись къ себѣ снисходительно. Выпилъ ли бы я ядъ, если бъ этого не случилось, я и самъ не знаю. Въ тотъ моментъ, когда я бросился къ столу, я намѣревался это сдѣлать. Послѣ катастрофы, которую я объяснилъ всегдашней своей неудачливостью, сознаюсь, я былъ радъ, что не успѣлъ этого сдѣлать, не потому, что

жизнь показалась мнѣ привлекательнѣй, чѣмъ до того, но потому, что меня избавили отъ необходимости самому рѣшить эту дилемму. Не могъ же я ходить по магазинамъ, покупая синильную кислоту, или револьверы, или веревку, чтобъ повѣситься. Бритвы мои, за отсутствіемъ Стенсона, притупились, а повѣситься на собственныхъ подтяжкахъ—это мнѣ казалось какъ-то унизительнымъ.

Я ворчалъ, плевался, злился, но, такъ какъ, очевидно, мнѣ на роду написано было жить, примирился съ своей участью и съ безрадостнымъ существованіемъ даже безъ оправдывающихъ его теорій.

Дня черезъ два инстинктъ жизни сказался во мнѣ еще сильнѣе. Меня вдругъ осѣнило. Нѣкоторая, такъ сказать, предварительная цѣль жизни у меня имѣется. Я пойду бродить по свѣту въ поискахъ теоріи. И, когда найду, постараюсь соотвѣтственно ей урегулировать тѣ десять-пятнадцать лѣтъ, которыя я еще могу разсчитывать просуществовать на нашей планетѣ. Я долженъ это сдѣлать, даже рискуя тѣмъ, что поиски приведутъ меня къ трупу второго Полифема.

Такъ какъ мнѣ почему-то показалось вдругъ, что въ Италіи мнѣ этой теоріи не найти, я уложилъ свои вещи и умчался изъ Вероны въ Неаполь, гдѣ сѣлъ на пароходъ «Messageries Maritimes» и предпринялъ круговую поѣздку по Леванту. Въ Александреттѣ я съѣхалъ на берегъ и освѣдомился, какъ пройти къ дому префекта полиціи. Я не нанесъ визита Хамди-эффенди, но обошелъ вокругъ все зданіе, съ тоской и съ болью въ сердцѣ, спрашивая себя, гдѣ же здѣсь пряталась Карлотта, поджидая Гарри, который призывалъ ее свистомъ, какъ ручного сокола. Это былъ роскошный бѣлый домъ-дворецъ съ крытымъ балкономъ на колонкахъ, въ которомъ окна всѣ были закрыты ставнями. Позади дома тянулся большой садъ, обнесенный памятною мнѣ оградой. Безъ сомнѣнія, Хамди былъ богатъ, и Карлоттѣ въ дѣтствѣ жилось не хуже, чѣмъ любой знатной дѣвицѣ въ Сиріи. Но этотъ домъ, гдѣ прошло все ея дѣтство, былъ, казалось, окутанъ непроницаемымъ покровомъ тайны. И я стоялъ передъ нимъ недоумѣвающій, растерянный, не умѣя проникнуть въ его тайну, какъ я не умѣлъ проникнуть въ тайну души Карлотты. Результатомъ этихъ поисковъ было открытіе—не новой теоріи, но того, что въ сердцѣ моемъ жива старая боль. Въ глубокомъ унынiи вернулся я на пароходъ и жестоко огорчилъ одного изъ кротчайшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Это былъ пожилой, худощавый нѣмецъ,

всюду и во всякую погоду ходившій въ застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ, узенькомъ черномъ галстухѣ и небольшой голубовато-сѣрой фетровой шляпѣ съ перомъ, придававшей ему отчаянно-безпутный видъ. Звали его Анастасіусъ Дозе, и жизнь свою онъ провелъ безпорочно, въ скитаньяхъ по свѣту, въ качествѣ представителя лейпцигскаго книгоиздательства, пославшаго его разыскивать цѣнныя и рѣдкостныя книги. Ибо иныя книги имѣютъ свою родословную, какъ знаменитые брилліанты, и пріобрѣтеніе ихъ, требующее большой ловкости и такта, связано, какъ увѣрялъ меня г. Дозе, съ восхитительнѣйшими душевными эмоціями. Въ этотъ тоскливый день онъ принесъ показать мнѣ экземпляръ «Синонимовъ» св. Флиска на итальянскомъ и французскомъ языкѣ, изданныхъ Симономъ Магніагусомъ въ Миланѣ въ 1480 г. Съ величайшей осторожностью отвернулъ онъ обложку изъ веленевой бумаги, говоря:

— Среди людишекъ, собранныхъ на этомъ кораблѣ, лишь одинъ умѣетъ чтить прошлое и цѣнить единственное въ своемъ родѣ. Вы сами ученый библіографъ, г. баронетъ, и мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, что во всемъ чернильномъ мірѣ существуютъ всего лишь только два экземпляра этой книги. Одинъ— въ библіотекѣ Болонскаго университета; другой — въ данную минуту лежитъ передъ вами. Это единственная, извѣстная міру книга, изданная Магніагусомъ. Посмотрите, какая чудесная мелкая римская печать — чудо искусства. Ахъ, г. баронетъ! за всю жизнь сдѣлать одно такое дѣло и затѣмъ успокоиться среди блаженныхъ и, взирая на землю, знать, что твоя работа существуетъ всего лишь въ двухъ экземплярахъ, которые берегутъ, какъ зѣницу ока, избранные — какая награда, какое вѣчное блаженство!

Я перелисталъ книгу. Слабый запахъ затхлой учености ударилъ мнѣ въ носъ, напомнивъ запахъ «Исторіи ускоковъ» въ садахъ на набережной Темзы.

— Odor di femina въ ноздряхъ ученаго,—сказалъ я.

— Femina? Женщина?—воскликнулъ онъ, скандализованный.

— Да, мой другъ. Все въ подлунномъ мірѣ такъ или иначе связано съ женщиной. Св. Флискъ написалъ эту книгу потому, что у него не было жены. Симонъ Магніагусъ пересталъ печатать ее потому, что онъ женился и посвятилъ свою дальнѣйшую жизнь воспроизведенію себя самого, вмѣсто писаній св. Флиска.

— Ахъ, это очень интересно. Вы можете мнѣ сообщить, когда именно женился Магніагусъ?

— Я впервые услыхалъ о немъ отъ васъ, милѣйшій докторъ. Но можете быть увѣрены, онъ либо женился, либо собирался жениться, но невѣста убѣжала отъ него, и послѣ этого у него пропала охота работать для потомства, а когда онъ упокоился среди блаженныхъ, она сказала: «какъ я рада! Онъ былъ старый и глупый, и словно весь пропитанный чернилами».

Онъ съ грустью отошелъ отъ меня, прижимая къ груди драгоцѣнную книгу. Всякіе намеки и иносказанія шокировали его, какъ что-то неприличное, неуважительное, а я воспользовался его сокровищемъ только для того, чтобы повѣсить на него, какъ на крючекъ, цѣпь своихъ метафоръ. Мнѣ понадобилось цѣлыхъ три дня, чтобы снова приручить его и уговорить показать мнѣ другое свое сокровище, недавно пріобрѣтенное въ Аѳинахъ: Іоанна Георгія Годельмана Tractate de Lamiis, изданный Николаемъ Бассеусомъ въ Франкфуртѣ. По этому поводу я прочелъ ему поэму Китса о Коринѳской невѣстѣ, совершенно ему не знакомую. Онъ выслушалъ ее снисходительно, какъ старый дипломатъ разсказъ ребенка объ его игрушкахъ. Для него литература не существовала вовсе, а книгопечатаніе заканчивало свое существованіе въ 1600 году. Но мнѣ все-таки жаль было разстаться съ нимъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ надѣялся напасть на слѣдъ чешскаго «травника», напечатаннаго въ Прагѣ и исчезнувшаго безъ слѣда. Лѣтомъ онъ долженъ былъ ѣхать на охоту за книгами въ Исландію. Случайно я узналъ потомъ, что онъ тамъ умеръ. Миръ праху его. Насколько я могу судить, онъ прожилъ жизнь въ блаженномъ отупѣніи, упиваясь своими волнующими розысками. Интересно знать, былъ ли вѣдомъ душѣ его odor di femina. Быть можетъ, онъ впервые столкнулся съ нимъ въ Рейкіявикѣ—и умеръ съ горя.

Я думалъ, что только высадка моя въ Александреттѣ виной тому, что я продолжаю безумствовать, и надѣялся, что новыя картины и перемѣна обстановки вытѣснятъ изъ моей памяти неотступно стоящій передо мной образъ Карлотты. Увы, это было лишь одно изъ суетныхъ заблужденій, на которыхъ я построилъ свою лживую философію. Въ Бейрутѣ, или въ краю «нѣжнаго пѣвца Персефоны», въ Александріи, или на марсельской Canebière, въ полувосточномъ причудливомъ Алжирѣ, или въ Лиссабонѣ, и даже въ горной республикѣ Андорра, гдѣ я надѣялся почерпнуть теорію, такъ сказать, изъ первоисточника, и откуда меня, словно въ насмѣшку, прогнали мухи—на морѣ

и на сушѣ, въ городахъ и въ пустынѣ, далекая рука касалась моихъ сердечныхъ струнъ, и умолкшій (по крайней мѣрѣ, для меня) голосъ ворковалъ голубиными нотками надъ самымъ моимъ ухомъ.

Помню, на пароходѣ я случайно слышалъ, какъ хорошенькая шестнадцатилѣтняя американочка говорила обо мнѣ: «Милый старый чудакъ! онъ все время несетъ ужасающую чепуху, которой никто не понимаетъ, а самъ все время думаетъ о чемъ-то другомъ». Мое неожиданное появленіе на палубѣ смутило юную особу; она вся облилась румянцемъ.

— Сколько же, вы думаете, мнѣ лѣтъ?—спросилъ я.

— Ну, подъ шестьдесятъ.

— Мнѣ, все-таки, пріятно, что вы меня считаете милымъ, хоть я и несу чепуху,—насмѣшливо сказалъ я.

Находчивая, какъ всѣ американки, она подхватила меня подъ руку и повела гулять по палубѣ, повторяя:

— Нѣтъ, вы ужасно милый! Прямо прелесть!

Она и Анастасіусу Дозе, по всей вѣроятности, сказала бы то же самое, если бъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ, но, насколько я могу сообразить, онъ какъ разъ въ это время умиралъ отъ неизбѣжнаго въ Исландіи. Быть можетъ, за эти мѣсяцы я успѣлъ уподобиться ему. Инстинктивно я дотронулся рукой до головы, чтобъ убѣдиться, что на мнѣ нѣтъ фетровой шляпы съ перомъ, и не безъ удовольствія удостовѣрился, что мое пенснэ безъ оправы отнюдь не придаетъ мнѣ того сходства съ совой, какое придавали Анастасіусу Дозе его большія, круглыя, желѣзныя очки. Вотъ какими крохами тщеславія мы иной разъ утѣшаемся!

— Мнѣ ужасно хотѣлось бы знать, какой вы на самомъ дѣлѣ,—говорила юная американочка.

Признаться, почему она мнѣ нравится? Она чуть-чуть напоминаетъ мнѣ Карлотту. Такія же яркія краски и такая же милая кокетливость. Но этимъ и ограничивается сходство. Сѣрое вещество ея мозга продистиллировано воздухомъ Уоллъ-стритъ, и между небомъ и землей весьма немного вещей, которыя бы ей не снились и во снѣ.

— Я философъ, извѣрившійся въ свою философію,—сказалъ я.

— О, это ничего не значитъ. Это бываетъ со всѣми, какъ только они войдутъ въ разумъ. Вы лучше мнѣ скажите, какъ вы нажили свое богатство.

— Богатство? Да я вовсе не богатъ.

— А я думала, что у всѣхъ, посвященныхъ въ рыцари, на вашей родинѣ, куча денегъ.

— Посвященныхъ въ рыцари?—изумился я.—Что же, по-вашему, могъ сдѣлать такой старый чудакъ, какъ я, чтобъ заслужить посвященіе въ рыцари?

— Но, вѣдь, вы же баронетъ.

— Увѣряю васъ, не по своей винѣ.

— Я думала, всѣ баронеты гадкіе. Въ романахъ они всегда гадкіе. Но вы какъ-то не похожи на баронета. Вамъ надо бы, чтобъ у васъ были черные усы и монокль, сигара въ зубахъ и насмѣшливая улыбка. Но, скажите, какъ же вы заполняете время, если вы ничего не дѣлаете и не зарабатываете денегъ?

— Какъ заполняю время? Путешествую, скитаюсь по свѣту въ поискахъ приключеній, какъ странствующій рыцарь—или баронетъ, если вамъ это больше нравится—Круглаго Стола. А ищу я теоріи, оправдывающей жизнь.

— Вотъ странно! Мнѣ и искать не надо. Я, должно быть, родилась съ ней.

— А я, должно быть, такъ и умру, не доискавшись ея.

Снова Лондонъ. Снова я дома, въ тиши своего кабинета. Снова Антуанетта и Стенсонъ и вся заведенная машина домашняго комфорта. Снова вокругъ меня мои книги. Стенсонъ распаковалъ рукопись «Исторіи морали Ренессанса» и положилъ ее на обычное мѣсто, на письменномъ столѣ. Ничто не измѣнилось, а между тѣмъ все стало совсѣмъ другое.

Тоска по дому и возрастающее отвращеніе къ случайнымъ и навязываемымъ мнѣ дорожнымъ знакомствамъ привели меня обратно. Можетъ быть, я и поздоровѣлъ за это время, но, помимо того, мои путешествія принесли мнѣ мало пользы. Моя тѣлесная оболочка обрѣталась среди чужеземныхъ ландшафтовъ и участвовала въ случайныхъ сборищахъ людей, но сердце мое все время пребывало въ своей гробницѣ возлѣ Риджентъ - Парка. Меня влекло сюда почти волшебною, неудержимой силой. Мои слуги обрадовались мнѣ, но больше радоваться было некому. О моемъ возвращеніи на родину никому не было извѣстно, кромѣ моихъ повѣренныхъ. Я только съ ними и переписывался за долгіе мѣсяцы моего отсутствія. Впрочемъ, это невѣрно: изъ Вероны я послалъ одно письмо—м-ссъ Макъ Муррэй, въ отвѣтъ на ея вопросы: что сталось съ Карлоттой и со мною... Я вѣжливо, но кратко сообщилъ ей, что Карлотта сбѣжала съ Паскуале, а я пробуду за границей, сколько поживется. Но дома я не нашелъ даже записки отъ своихъ повѣренныхъ. И грустно усмѣхнулся

при мысли, что, если бъ оно даже пришло безъ марки, я охотно заплатилъ бы за него обычный штрафъ. Впрочемъ, эта мимолетная грусть скоро прошла.

Потянулись однообразные, безмятежные дни. Не принимая никакихъ рѣшеній, я, тѣмъ не менѣе, съ каждымъ днемъ все больше замыкался въ себѣ и въ своемъ одиночествѣ. Какъ летучая мышь, я избѣгалъ солнца и дневного свѣта и свои одинокія унылыя прогулки совершалъ обыкновенно вечеромъ. Я гордился тѣмъ, что сумѣлъ пріучить себя къ одиночеству. Если бъ не прирожденная антипатія къ сырости, корнямъ и всякимъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ пещерожительствомъ, конечно, ужъ не допускающимъ услугъ Стенсона и Антуанетты, я удалился бы въ какую-нибудь Ѳиваиду, или ближайшее ея подобіе. Положительно, во мнѣ развивалась манія отшельничества. Въ свой клубъ я даже и не заглянулъ. Невидимая линія, идущая съ востока на западъ, срѣзая нижній уголъ Зоологическаго Сада, составляла обычную границу моихъ прогулокъ. Дальше этой линіи я не заходилъ. Одинъ разъ я увидалъ издали добрѣйшую м-ссъ Макъ Муррэй и поспѣшилъ вскочить въ ближайшій омнибусъ, чтобъ избѣжать съ ней встрѣчи. До «Исторіи» своей я не дотрагивался. Ренессансъ утратилъ для меня всякую привлекательность. Отъ нечего дѣлать, я сталъ читать неоплатониковъ, Демонологію, черную Магію и т. под., всегда тянувшія меня къ себѣ, какъ отдыхъ послѣ занятій. И жалѣлъ, что слишкомъ хорошо знакомъ съ современной наукой, и это мѣшаетъ мнѣ устроить себѣ лабораторію съ перегонными кубами и волшебными кристаллами и заняться отыскиваніемъ жизненнаго эликсира, или философскаго камня.

Газеты я читаю рѣдко. Кажется, гдѣ-то идетъ война, но я никакъ не могу заинтересоваться ею по-настоящему. Я бѣгу отъ всякаго шума.

— Monsieur заболѣетъ, если онъ не будетъ гулять днемъ, когда свѣтитъ солнце,—говоритъ Антуанетта.

— Monsieur находитъ, что солнце слишкомъ дерзко, безъ спроса, врывается въ душу, которая любитъ сумеречный свѣтъ.

Скажи я это англичанкѣ, она пожалѣла бы меня, какъ полоумнаго. Но Антуанетта, съ чуткостью своей расы, инстинктивно угадываетъ состояніе чужой души, и въ ея участіи было не меньше чуткости отъ того, что она только грустно покачала головой и замѣтила, что это нездорово для желудка.

Мнѣ вспомнилась одна моя фантазія, которой я любилъ тѣшить себя въ былое время.

— Моя добрая Антуанетта,—возразилъ я,—если вы будете приставать ко мнѣ съ моимъ желудкомъ, я построю башню въ сорокъ футовъ вышины и буду жить на самомъ верху, никогда не спускаясь внизъ; а кушанья вы будете мнѣ посылать наверхъ на подъемной машинѣ.

— Monsieur будетъ жить все равно, какъ въ Раю.

— Вотъ именно!—И я съ смѣшаннымъ чувствомъ вспомнилъ о разбитой скляночкѣ съ синильной кислотой.

Всѣ эти мѣсяцы на днѣ моей души жилъ блѣдный образъ Юдиѳи. Мы разстались навсегда, и переписка между нами казалась даже неумѣстной. Но, хоть я и не писалъ ей, немалая доля грусти, омрачавшей мою жизнь, вызывалась опасеніями за ея судьбу. Милая, нѣжная Юдиѳь, любительница смѣха и шампанскаго! Какъ часто я представлялъ ее себѣ сидящей за шитьемъ, увядшей и печальной, въ маленькомъ, неуютномъ домикѣ въ Гокстонѣ. Неужели же это я, Маркусъ Ордайнъ, обрекъ ее на такое искупленіе? Кто тутъ въ правѣ судить и рѣшать?..

Въ день годовщины нашего прощанья пришло письмо отъ нея. Она обрѣла спасеніе въ чуждомъ мнѣ чувствѣ, которое она называетъ «долгомъ». «Я исполняю долгъ, который сама возложила на себя—пишетъ она,—и счастлива постольку, поскольку мнѣ это удается. Я приношу утѣшеніе мрачной и мятежной душѣ. За одинъ годъ развѣялось все мелочное женское тщеславіе, исчезли, такъ сказать, розовыя очки, которыя женщина такъ охотно, надѣваетъ, когда оцѣниваетъ свое вліяніе на мужчину, и зрѣніе мое прояснилось. Но и безъ нихъ за этотъ годъ я безусловно убѣдилась, что, уйди я, эта мятущаяся, мрачная душа не устояла бы. Я держу въ своей власти человѣческую душу. Смѣетъ ли женщина требовать бо́льшаго отъ великихъ боговъ? Какъ видите, я еще не отвыкла говорить вашими метафорами. Дорогой, безцѣнный другъ, не жалѣйте меня. За всѣми кострами любви, черезъ которые суждено пройти женщинѣ, свѣтитъ ясная звѣзда Долга, и счастливъ смертный, который можетъ жить подъ ея тихимъ свѣтомъ».

Это до странности похоже на ту жизненную теорію, за которой я всѣ эти мѣсяцы гонялся по свѣту и которая до сихъ поръ ускользала отъ меня. Она не очень-то нова и не утонченна, не вдохновенна. Но ею держится свѣтъ. Черезъ какія бы фантастическія царства вы ни проѣзжали, въ концѣ концовъ вы неизбѣжно придете къ повседневности.

XXII.

Я отвѣтилъ Юдиѳи на ея письмо. Послѣ долгаго молчанія вначалѣ странно было мнѣ писать ей, но потомъ я разоткровенничался и такъ открылъ ей свое сердце, какъ еще никогда не открывалъ его ни мужчинѣ, ни женщинѣ. Тотъ фактъ, что, помимо этого случайнаго обмѣна писемъ, мы рѣшили не встрѣчаться больше, духовно сблизилъ насъ, и тонъ ея письма разбилъ оковы свойственной моей натурѣ сдержанности. Я разсказалъ ей, какъ я прожилъ этотъ годъ, о запертой комнатѣ наверху, о всѣхъ моихъ безумствахъ, о моей утомительной погонѣ за теоріей и о томъ, какъ на меня подѣйствовало ея рѣшеніе проблемы. И, когда я написалъ это письмо, у меня стало легче на душѣ—я, вѣдь, знаю, что Юдиѳь пойметъ меня.

Письмо я кончилъ около шести часовъ и, чтобъ не отдавать его Стенсону, такъ какъ это было первое частное письмо, написанное мной послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, самъ пошелъ опустить его въ ящикъ. Свѣжій воздухъ точно корилъ меня за то, что я столько времени просидѣлъ взаперти, и манилъ подольше погулять. Ужъ смеркалось. Въ ноябрьскомъ холодкѣ чувствовалось уже морозное дыханіе зимы, и это веселило и бодрило. Я гулялъ по нарядным улицамъ Сентъ-Джонсъ-Вуда и теперь ужъ не чувствовалъ такого отчужденія отъ всѣхъ другихъ людей; я даже готовъ былъ заинтересоваться глупенькими драмами, разыгрывавшимися за этими рядами освѣщенныхъ оконъ. Отъ времени до времени открывалась садовая калитка, и въ полосѣ свѣта, падавшей изъ распахнутой входной двери, появлялся мужчина во фракѣ и съ нимъ женщина — изящная туманная фигура, закутанная въ атласъ, мѣха и кружева, а за ними фигура горничной въ бѣломъ чепчикѣ и бѣленькомъ передникѣ. Мужчина съ женщиной садились въ поджидавшій экипажъ и уѣзжали; снова воцарялась темнота, и я летѣлъ мечтой за ними. Тамъ и сямъ на шторахъ мелькали силуэты, въ особенности, въ верхнихъ этажахъ, такъ какъ время было передобѣденное, когда люди, вмѣстѣ съ рабочимъ платьемъ, сбрасываютъ съ себя и повседневныя заботы. Въ одномъ домѣ, стоявшемъ въ сторонѣ отъ дороги, шторы въ гостиной не были спущены, и я видѣлъ мужчину, подбрасывавшаго на рукахъ смѣющагося ребенка, а рядомъ, тутъ же, стояла мать ребенка и такъ нѣжно улыбалась. Ay de mi! — Въ десяти тысячахъ домовъ бываетъ то же, когда мужъ возвращается домой съ работы. Но эта маленькая сценка

растрогала меня чуть не до слезъ. Честно зарабатывать свой кусокъ хлѣба, продолжать свой родъ, создавать себѣ заботы и отвѣтственность и добросовѣстно нести ихъ, руководить молодымъ поколѣніемъ, чтобъ оно не сбивалось съ прямого пути; потомъ, подъ конецъ жизни, оглянуться назадъ, сказать себѣ: «Я выполнилъ свой долгъ» и спокойно перейти въ вѣчную лабораторію природы—да, вѣдь, это же и есть подлинная сущность жизни. А награда?—Самая обыденная. Улыбающіяся лица жены и дѣтей, которыя выходятъ вамъ навстрѣчу; радостный смѣхъ ребенка, котораго вы подбрасываете на рукахъ. Въ моей жизни ничего этого не было; я прошелъ мимо всего этого. Въ своемъ глупомъ невѣдѣніи я богохульственно издѣвался надъ этой святой обыденностью, и вотъ моя награда — одиночество, пустой очагъ и жизнь, такъ же мало нужная людямъ, какъ жизнь какого-нибудь Симеона Столпника на верхушкѣ его столба.

Я бродилъ по улицамъ, по слѣдамъ мудрости, открытой мнѣ Юдиѳью, и уже нагонялъ ее, казалось мнѣ, когда дошелъ до собственныхъ дверей.

— Ну, хорошо; допустимъ, что и я усвою себѣ эту мудрость—что же дальше? Что же мнѣ съ ней дѣлать?—спрашивалъ я себя, отворяя дверь собственнымъ ключемъ.

Только я поставилъ палку въ стойку и началъ снимать пальто, какъ изъ двери комнаты, смежной со столовой, съ крикомъ выбѣжала Антуанетта.

— О *monsieur, monsieur!*—восклицала она, ломая руки.—Oh, monsieur! Какъ мнѣ сказать вамъ?

Добрая женщина разрыдалась.

— Что съ вами, Антуанетта? Что случилось?

— Пусть только monsieur не сердится. Monsieur добръ, какъ ангелъ, но, конечно, это будетъ для monsieur очень тяжело.

— Да въ чемъ же дѣло? — изумился я. — Вы испортили обѣдъ?

— *Monsieur, она вернулась.*

Всего я ждалъ, только не этого. Я даже пошатнулся, какъ отъ удара въ сердце. Антуанетта подняла на меня свое широкое, заплаканное лицо.

— Monsieur, не прогоняйте ее!

Я тихонько отстранилъ ее и вошелъ въ небольшую комнатку, раньше служившую Карлоттѣ будуаромъ.

На диванчикѣ сидѣла Карлотта, блѣдная, исхудалая, бѣдно одѣтая. Въ первый моментъ я увидалъ лишь большіе темные глаза, устремленные на меня съ той же покорною, собачьею

мольбой, какъ въ моментъ первой нашей встрѣчи; только теперь въ ихъ взглядѣ было что-то нестерпимо-жалкое, надрывающее сердце. При видѣ меня она не встала, а только вся съежилась, словно ожидая, что я ее ударю. Я смотрѣлъ на нее, не находя словъ. Антуанетта плакала, стоя въ дверяхъ.

— Ну?—сказалъ я, наконецъ.

— Я вернулась домой,—выговорила Карлотта.

— Нескоро.

— Да-а.

— Почему вы вернулись?

— У меня не было денегъ.— Она выразительнымъ жестомъ вывернула руки ладонями вверхъ, показывая, что онѣ пусты.— Вотъ все, что у меня осталось.—Она ткнула пальцемъ въ небольшой дорожный мѣшокъ.—Остальное ушло въ Монъ-де-Пьете—въ закладъ—и въ пансіонѣ меня не хотѣли дольше держать. Я задолжала имъ за три недѣли, но они мнѣ, все-таки, одолжили денегъ на билетъ до Лондона. Я сказала, что сиръ Маркосъ вернетъ имъ эти деньги. И вотъ, я снова дома.

— Но гдѣ же—гдѣ же Паскуале?

— Онъ уѣхалъ—уже пять—нѣтъ, шесть мѣсяцевъ, какъ онъ уѣхалъ. Оставилъ мнѣ немного денегъ и сказалъ, что пришлетъ еще. Но не прислалъ. Онъ уѣхалъ въ Южную Африку. Говорилъ, что тамъ война и ему тоже хочется драться, и что я ему опротивѣла. О, онъ былъ страшно недобрый!—воскликнула она, по-дѣтски кривя губки. — Лучше бы мнѣ никогда не видать его!

— Вы повѣнчались?

— Нѣтъ.

— Мерзавецъ!—сквозь зубы пробормоталъ я.

— Онъ сперва хотѣлъ вѣнчаться, но потомъ сказалъ, что въ Парижѣ это все равно. Вначалѣ онъ былъ очень милый, но потомъ—о, сиръ Маркосъ миленькій, онъ былъ *такъ* жестокъ ко мнѣ!..

Наступило краткое молчаніе. Антуанетта плакала у двери, тихонько приговаривая: La chère petite! le cher ange!

Карлотта грустно смотрѣла на меня. Въ ея взорѣ было новое для меня выраженіе страданія. Невыразимая боль сжала мнѣ сердце.

— Что это былъ за пансіонъ, въ которомъ вы жили? Кто тамъ еще жилъ, кромѣ васъ?—спросилъ я, съ замираніемъ сердца ожидая отвѣта: мнѣ ужъ мерещились всякіе ужасы.

— Одна французская семья, старая дама съ двумя до-

черьми, старыми дѣвами, и толстый нѣмецъ-профессоръ. Меня Паскуале помѣстилъ туда. Очень приличный пансіонъ!—она печально улыбнулась—и *такой* скучный! Мадамъ Шампе не пускала меня одну даже на улицу.

— Это еще слава Богу. Вы могли попасть въ худшія руки.

Карлотта отколола старую соломенную шляпку, совсѣмъ не похожую на изящный головной уборъ, которымъ она такъ тѣшилась въ прошломъ году, и бросила его на диванъ рядомъ съ собой. Прядь дивныхъ золотисто-бронзовыхъ волосъ упала ей на лобъ, и это придало ея личику еще болѣе грустное выраженіе. Потомъ она поднялась съ дивана—ея фигура показалась мнѣ какъ-то странно измѣнившейся—и пошла ко мнѣ, протягивая мнѣ обѣ руки.

— Сиръ Маркосъ...—шепнула она.

Я взялъ обѣ ея руки въ мои.

— Дорогая, зачѣмъ вы покинули меня?

— Я была гадкая. И я была *такая* глупенькая.

Я вздохнулъ, выпустилъ ея руки и отошелъ назадъ. Добрая старуха въ дверяхъ забормотала:

— О, monsieur, неужели вы прогоните ее?

— Вмѣсто того, чтобъ разливаться тутъ рѣкой и ничего не дѣлать, вы бы лучше приготовили для мадемуазель ея комнату. Почему вы этого до сихъ поръ не сдѣлали?

— Да, вѣдь, ключъ же у monsieur.

— Это правда,—сказалъ я.

И задумался о томъ, какъ нелѣпо превращать спальни въ мавзолеи для живыхъ. Комната, простоявшая цѣлый годъ запертой на ключъ, становится необитаемой. Тамъ, навѣрное, и сырость, и пыли на вершокъ на всѣхъ вещахъ.

— Сегодня мадемуазель будетъ спать въ моей комнатѣ, а Стенсонъ пусть приготовитъ мнѣ постель и все, что нужно, здѣсь. Подите сговоритесь съ нимъ.

Антуанетта вышла. Я повернулся къ Карлоттѣ.

— Вы очень устали, дитя мое?

— О, да—я *такъ* устала!

— Почему вы не написали?—Мы бы все приготовили для васъ.

— Не знаю. Я была слишкомъ несчастна. Сиръ Маркосъ...—она вдругъ запнулась.

— Что?

— У меня... у меня скоро будетъ ребеночекъ.

Она сказала это такъ по-дѣтски, какъ прежде, забывая о томъ, что я мужчина... Я быстро вскинулъ на нее глаза. Фактъ былъ очевиденъ. Она безпомощно развела руками. Каменное сердце смягчилось бы при видѣ ея.

— Слава Богу, что вы вернулись домой!— выговорилъ я вдругъ охрипшимъ голосомъ.

Она тихонько заплакала. Я обнялъ ее одной рукой за плечи и началъ утѣшать. Рыдая, она бормотала невнятныя слова. Зачѣмъ, зачѣмъ она встрѣтилась съ Паскуале! Я такъ добръ къ ней... Она всегда, всегда будетъ жить со мной. Никогда больше не убѣжитъ отъ меня...

Я повелъ ее наверхъ, отворилъ дверь ея комнаты ключемъ, который вотъ уже годъ ношу вмѣстѣ съ своими, и повернулъ выключатель.

— Посмотрите, что изъ вашихъ старыхъ вещей еще годится вамъ,—сказалъ я.—Я пойду пришлю вамъ сюда Антуанетту, чтобъ она помогла вамъ.

Она недоумѣнно оглянулась вокругъ.

— Зачѣмъ же мнѣ спать въ вашей комнатѣ, когда тутъ все приготовлено для меня—даже горячая вода?

— Милая, эта вода была приготовлена для васъ годъ тому назадъ. Она давно остыла.

— И мои красныя туфельки—и мой халатикъ!—съ дрожью въ голосѣ воскликнула она.

И вдругъ словно осѣла на полъ возлѣ пыльной кровати и горько разрыдалась.

Я на цыпочкахъ вышелъ и послалъ ей Антуанетту.

Годъ тому назадъ я сумасшествовалъ, проклиная боговъ; жизнь казалась мнѣ непереносной; я страдалъ и тогда—это безспорно, но я надѣюсь, что никогда больше мнѣ не придется такъ страдать, какъ въ первую ночь послѣ возвращенія Карлотты. Даже теперь, стоитъ мнѣ вспомнить эту ночь,—я закрываю глаза и чувствую, какъ ледяная рука стискиваетъ мнѣ сердце.

Она сошла къ обѣду часъ спустя, въ розовомъ капотикѣ—одномъ изъ послѣднихъ ея пріобрѣтеній,—который Антуанетта (какъ она объяснила свое запозданіе) провѣтрила передъ каминомъ. И сѣла напротивъ меня, на прежнемъ своемъ мѣстѣ, покорная, раскаявшаяся, но отнюдь не робкая и не смущенная. Стенсонъ прислуживалъ намъ, серьезный и невозмутимый, какъ если бы стрѣлка часовъ передвинулась сразу на двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ. Онъ только тихонько шепнулъ мнѣ на ухо—это

былъ единственный намекъ на случившееся, который онъ себѣ позволилъ:

— Я досталъ бутылку Поммери, сэръ Маркусъ,—можетъ быть, вы выпьете стаканчикъ?

Я былъ тронутъ; добрый малый не имѣлъ иной возможности выразить мнѣ свое участіе.

Карлотта позволила ему наполнить свой бокалъ. Отпила глотокъ и объявила, что вино согрѣло ее. Теперь она ужъ научилась пить вино, не только лимонадъ. Одинъ разъ она даже выпила лишнее, а на другое утро у нея болѣла голова.

— Почему это у людей голова болитъ, когда они выпьютъ?

— Немезида,—сказалъ я.

— А что такое Немезида?

Полу-шутя, какъ прежде, я сталъ объяснять ей. И она, какъ встарь, сказала:

— Не понимаю.

Какъ это все было знакомо и привычно,—и какъ мучительно чуждо!

— А гдѣ же Полифемъ?

— Издохъ.

— О-о! А отчего онъ умеръ, бѣдный Полифемъ?

— Должно быть, такъ ужъ ему было на роду написано. Его смерть была финаломъ послѣдняго акта трагикомедіи.

Что-то въ родѣ привычнаго: «Гу-у!» слетѣло съ губъ Карлотты—но какимъ слабымъ, тусклымъ звукомъ. И тотчасъ же заговорила серьезно и задумчиво:

— Я часто вспоминала Полифема, и сиръ Маркоса, и Антуанетту. И жалѣла, что я не дома... Я была очень гадкая.

Она положила локти на столъ и, обхвативъ лицо ладонями, смотрѣла на меня, качая головой.

— А вы добрый. О, какой вы добрый!..

— Ѣшьте-ка лучше, дитя мое, вашъ соусъ стынетъ,—и подивитесь геніальности Антуанетты, которая ухитрилась готовить намъ обѣдъ и въ то же время помогать вамъ одѣваться.

Она покорно принялась за ѣду. Я наблюдалъ за нею. Видно было, что она изголодалась. Она сама призналась, что съ утра ничего не ѣла, кромѣ чашки кофе съ маленькой булочкой. Несмотря на острую боль въ сердцѣ, ея возвращеніе странно льстило мнѣ. Все-таки, оказывается, я что-то значу для нея—все-таки, она вернулась ко мнѣ, а не къ кому другому—хотя бы, какъ кошка, бродящая по крышамъ, въ концѣ концовъ всегда возвращается домой. Ей, навѣрное, даже и въ голову не прихо-

дило, что мои двери могутъ оказаться запертыми для нея. Первыя слова ея были: «Я вернулась домой». Первое, что она сдѣлала, войдя въ гостиную—взяла мою руку, погладила ее, прижалась къ ней щекой и съ глубокимъ вздохомъ выговорила:

— Я такъ счастлива!..

Какъ ни мелка натура этого легкомысленнаго мотылька, все же, вздохъ этотъ и слова вырвались изъ глубины души. Нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, котораго бы не радовало беззавѣтное довѣріе къ нему животнаго или ребенка. И это—чистая, святая радость, шевелящая лучшія струны сердца и отгоняющая злые помыслы. Карлотта инстинктивно взывала къ лучшимъ сторонамъ моей натуры. Въ ея мысляхъ я занималъ среднее мѣсто между кухаркой и котомъ;—ну, что-жъ, и въ сандвичахъ обыкновенно средній слой—самый существенный.

Она свернулась клубочкомъ въ своемъ любимомъ уголкѣ дивана, и такъ какъ вечеръ былъ прохладный, я укуталъ ее шалью.

— Смотрите, на мнѣ опять красныя туфельки,—сказала она, выгибая ножку.

— А со мною снова моя милая Карлотта.

Я придвинулся къ ней поближе и постепенно узналъ всю ея грустную повѣсть.

Паскуале началъ объясняться ей въ любви съ первой же встрѣчи—пока я шарилъ на полкахъ, разыскивая «*L'Histoire Comique de Francion*», онъ уже успѣлъ закинуть свои сѣти. Потомъ они стали видаться потихоньку отъ меня. И переписываться, адресуя письма въ писчебумажный магазинъ возлѣ нашего дома. Она не любила его. О, въ этомъ я безусловно убѣжденъ. Но онъ былъ молодъ и красивъ, при этомъ веселъ, остроуменъ, умѣлый соблазнитель. А она не противилась. Обманывать меня ей вовсе не хотѣлось. Если бъ я спросилъ, она сказала бы мнѣ правду. Но я не спрашивалъ, такъ какъ былъ далекъ отъ подозрѣній. Порой я удивлялся, что она такъ часто говоритъ о немъ, порой подмѣчалъ странныя совпаденія,—но былъ черезчуръ недогадливъ, чтобъ дѣлать изъ нихъ выводы. Случайная встрѣча съ Паскуале на Паддингтонскомъ вокзалѣ не была случайной—они условились, что онъ встрѣтитъ ее, а про герцогиню онъ все выдумалъ.

Онъ, несомнѣнно, былъ влюбленъ, но не спѣшилъ. Быть можетъ, его сдерживала все же присущая ему нѣкоторая добросовѣстность по отношенію ко мнѣ. Столкновеніе съ Хамди тогда, въ театрѣ, вызвало кризисъ. Угроза турка отнять ее силой встре-

вожила и Карлотту, и меня. Паскуале понялъ, что откладывать дольше невозможно. На другой же день онъ встрѣтился съ ней—о, если бъ я остался дома!—и сказалъ ей, что я женюсь на ней только затѣмъ, чтобъ спасти ее отъ Хамди, а на самомъ дѣлѣ люблю другую. Но отъ Хамди и онъ можетъ ее спасти не хуже меня. А потомъ ее встрѣтила *та, другая,* и стала умолять ее отказаться отъ меня. Она не знала, какъ ей поступить. Бѣдное дитя! откуда же ей было знать? Наканунѣ вечеромъ я объявилъ ей, что она должна выйти за меня замужъ. Она была готова выйти. Она легла въ постель въ увѣренности, что скоро станетъ моей женой. На другое утро она пошла на урокъ музыки. Паскуале поджидалъ ее на улицѣ. Они прошли немного вмѣстѣ. Потомъ онъ кликнулъ кэбъ и увезъ ее на вокзалъ.

— Онъ говорилъ, что любитъ меня, цѣловалъ меня и умолялъ, чтобъ я поѣхала съ нимъ въ Парижъ и тамъ вышла за него замужъ. А я стала вдругъ совсѣмъ слабая—вотъ такая—краснорѣчивымъ жестомъ она безпомощно раскинула руки,—могла ли я противиться ему?

— Какъ же вы не подумали, Карлотта, что это можетъ огорчить меня,—сдѣлать меня несчастнымъ?— спросилъ я, какъ могъ, мягче.

— Онъ говорилъ, что вы будете гораздо счастливѣе съ другой.

— И вы повѣрили ему?

— Потому-то я и говорю, что я была очень гадкая,—просто отвѣтила Карлотта.

И продолжала разсказывать свою исторію—такую старую, такую заурядную и гнусную. Вначалѣ все шло хорошо; они веселились. Потомъ она захворала, простудилась. Это было первое ея знакомство съ сѣверной зимой. Схватила бронхитъ, слегла въ постель. Для такихъ людей, какъ Паскуале, женщина, когда она больна, ничего не стоитъ,—все равно, что опоенная лошадь, или сломанный моторъ. Хуже того, она становится докучною помѣхой. Паскуале былъ способенъ на самыя фантастическія проявленія рыцарства—это было въ его натурѣ. Но ухаживать за женщиной, когда она больна—иное дѣло. Итальянцы пятнадцатаго вѣка ненавидѣли болѣзни, бѣгали отъ нихъ, какъ отъ чумы, Паскуале—настоящій типъ *чинквеченто.* Онъ способенъ снять съ себя сапоги и отдать ихъ нищему, но способенъ и кружиться въ пляскѣ во дворцѣ надъ подземельемъ, гдѣ томится его братъ.

Итакъ, бѣдная Карлотта была заброшена, узнала, что такое

разочарованіе. Когда она поправилась, былая нѣжность на время воскресла. Но ненадолго... Впрочемъ, стоитъ ли разсказывать, напрасно терзая свое сердце. Это такая обыкновенная исторія. Ревность, ссоры, слезы, дикія сцены...

— Одинъ разъ онъ мнѣ объявилъ: «Ты глупа непроходимо и до смерти мнѣ надоѣла». Послѣ этого онъ ушелъ, и больше я ужъ его не видала. Только письмо прислалъ и своего лакея, чтобъ онъ отвезъ меня въ пансіонъ.

— И, все же, Карлотта,—съ горечью выговорилъ я,—вы бы вернулись къ нему, если бы онъ прислалъ за вами?

Она вся вскинулась и схватила меня за плечо—я сидѣлъ рядомъ съ ней. На лицѣ ея выразился ужасъ, какъ у ребенка, котораго пугаютъ букой.

— Вернуться? Къ нему? Послѣ того, что онъ со мной сдѣлалъ? Неужели вы отправите меня къ нему? Сиръ Маркосъ, миленькій, голубчикъ мой, вѣдь вы же не прогоните меня? Я буду хорошая, вотъ вы увидите, какая я буду хорошая. Вернуться къ Паскуале? О нѣтъ, нѣтъ! ни за что!

Она снова откинулась въ уголокъ дивана, глядя на меня умоляющими, полными слезъ глазами.

— Дорогая моя, вы знаете, что этотъ домъ—вашъ, пока вы захотите оставаться въ немъ, но—я ласково погладилъ ея руку—если онъ самъ вернется, когда родится вашъ ребенокъ—*его* ребенокъ...

Она гордо выпрямилась.

— Это мое дитя—только мое, больше ничье—я никому не позволю даже и дотронуться до него, кромѣ—тутъ выраженіе лица ея смягчилось—кромѣ сиръ Маркоса.

XXIII.

И вотъ, Карлотта снова водворилась въ моемъ домѣ, который она считаетъ своимъ. Не я, конечно, стану будить въ ней сомнѣнія. Кажется, одно я постигъ—значеніе любви. Когда любовь—одно желаніе, хотя ее и воспѣвали во всѣ эпохи и во всѣхъ романахъ, она груба, хрупка, обречена на гибель... Но есть любовь иная, которая умѣетъ прощать, переносить обиды, довольствоваться самоотреченіемъ; эта нетлѣнна и слабаго человѣка уподобляетъ ангеламъ. Когда Карлотта зарыдала, припавъ къ моему плечу, я почувствовалъ, что вся моя обида на нее растаяла, и что мое бѣдное сердце любитъ ее по-преж-

нему. Если бъ она вернулась ко мнѣ съ тѣломъ, изъѣденнымъ проказой и съ искалѣченной душой, я бы, все равно, простилъ ей и любилъ бы и лелѣялъ бы ее по-прежнему. Тутъ дѣло не въ разумѣ, не въ состраданіи, но въ донъ-кихотствѣ,—вообще не въ какомъ бы то ни было сознательномъ чувствѣ, это—рефлексъ души.

Потянулись тихіе, мирные дни. Несмотря на боль въ сердцѣ, я былъ странно счастливъ. Надѣяться, лично для себя, мнѣ было бы не на что. Но за этотъ годъ я постарѣлъ на пять лѣтъ и по-иному сталъ смотрѣть на жизнь. Съ меня было довольно и того, что *она* дома, въ тихой пристани, гдѣ никто ея не обидитъ. Мой долгъ былъ—заботиться о ней, какъ для Юдиѳи—спасать ея супруга. Я зналъ, что у меня только одинъ талантъ и не должно зарывать его въ землю. Безконечной любовью и терпѣніемъ перевоспитать Карлотту въ добрую, милую женщину, добрую и любящую мать—вотъ ничтожная задача, выполнить которую мнѣ судило Провидѣніе. Въ сравненіи со всѣмъ, чего можетъ добиться человѣкъ, она была ничтожна. Но кто посмѣетъ сказать, что за нее не стоитъ браться? Да и на что же мнѣ въ этомъ подлунномъ мірѣ употребить свою энергію, какъ не на это? Развѣ лучше писать никому не нужную книгу? Я, впрочемъ, тогда не анализировалъ своихъ поступковъ—я просто дѣлалъ то, что мнѣ подсказывало сердце; тотъ, кто поступаетъ иначе,—позеръ, комедіантъ, играющій для самого себя; но, оглядываясь назадъ, я вижу, что мной руководили именно этого рода соображенія, не осознанныя, но очень властныя.

Хоть я и вылѣчился радикально отъ своей маніи отшельничества, но отношенія мои къ внѣшнему міру остались прежними. Я вкратцѣ сообщилъ Юдиѳи о случившемся и получилъ отъ нея сочувственный отвѣтъ. Мои занятія мистикой и чернокнижіемъ навели меня на мысль выучиться по-арабски. Оказалось, что Карлотта достаточно знаетъ этотъ языкъ, чтобъ давать мнѣ начальные уроки; такимъ образомъ, изъ учителя я сдѣлался ея ученикомъ, что было назидательно для насъ обоихъ.

Постепенно печальныя воспоминанія, казалось, изгладились изъ памяти Карлотты. Она рѣдко заговаривала о Парижѣ, еще рѣже о скучномъ пансіонѣ и никогда—о Паскуале. Къ нему она питала затаенную враждебность животнаго къ человѣку, нанесшему ему неизгладимую обиду. Съ другой стороны, какъ я вскорѣ замѣтилъ, она постепенно развивалась и начинала понимать, что, отдавшись человѣку, котораго она не любила,

она совершила преступленіе передъ самой собой, передъ своимъ женскимъ достоинствомъ, за которое и несетъ тяжкую кару. Однакожъ, сознаніе это не ослабило ея враждебнаго отношенія къ нему. Не разъ я видѣлъ, какъ она сидѣла, сдвинувъ брови и не дотрогиваясь до шитья, лежавшаго у нея на колѣняхъ, очевидно, силясь разрѣшить какую-то сложную проблему, потомъ грустно качала головой, какъ бы сознавъ, что такой мозговой процессъ ей не подъ силу, и снова бралась за шитье или же, встрѣтившись со мной глазами, вздрагивала, успокоительно улыбалась мнѣ и съ удвоеннымъ рвеніемъ принималась за работу. Эти приступы разсѣянности не походили на мечты, хоть ей случалось и мечтать о будущемъ, и я всегда угадывалъ это по мечтательному выраженію ея глазъ и легкой улыбкѣ, скользившей по ея губамъ. Но, когда она сидѣла въ раздумьи, сдвинувъ брови, это значило, что въ душѣ ея шла напряженная работа, и я съ интересомъ спрашивалъ себя, каковъ можетъ быть ея результатъ.

Однажды подъ вечеръ, вернувшись домой, я засталъ ее въ слезахъ надъ книгой. Когда я нагнулся посмотрѣть, что она читаетъ,—въ парижскомъ пансіонѣ она пристрастилась къ чтенію романовъ—она обѣими руками взяла меня за голову.

— О, сиръ Маркосъ, какъ вы думаете, они и меня заставили бы носить на груди большое «А»?

— То-есть? Что это значитъ?

— Какъ Эстеръ Приннъ—вотъ въ этой книжкѣ.

Она показала мнѣ «Красную Букву»—Натаніэля Гауторна.

— Почему вы выбрали именно эту книгу?

— По заглавію. Я такъ люблю все красное, но мнѣ бы непріятно было носить на себѣ большое «А».

— Въ тѣ дни,—сказалъ я,—люди думали, что человѣкъ можетъ быть хорошимъ только, когда онъ жестокъ.

— Они были бы еще жесточе къ Эстеръ, если бъ она не любила...—замѣтила Карлотта, грустно глядя на меня.

Я понялъ, о чемъ она думаетъ.

— Милая моя дѣвочка, не утруждайте вы своихъ мозговъ такими психологическими проблемами.

— А что такое пси...

Я шутливымъ жестомъ какъ бы смахнулъ съ ея губъ этотъ вопросъ и взялъ у нея книгу.

— Моя дѣвочка въ послѣднее время хвораетъ опаснымъ недугомъ. Вотъ, когда вы сидите, наморщивъ лобикъ—я показалъ, какъ; Карлотта засмѣялась—это и есть острый приступъ

этого недуга — стремленія къ разрѣшенію психологическихъ проблемъ.

— Я просто думаю.

— Не надо слишкомъ много думать, милая, по крайней мѣрѣ, сейчасъ. Для васъ гораздо полезнѣе не волноваться и чувствовать себя довольной и счастливой. А не то я пошлю за докторомъ, и онъ пропишетъ вамъ черную и горькую микстуру.

— Чтобъ вылѣчить меня отъ вашихъ—какъ бишь ихъ—проблемъ?

— Вотъ именно.

— *Гу*!—засмѣялась Карлотта,—тутъ лѣкарства не помогутъ.

— Вы повторяете слова, которыя обезсмертилъ Шекспиръ—къ сожалѣнію, ставшія банальными.

— Дальше!—поощрительно молвила Карлотта.

— Что это значитъ?—изумился я.

— Ахъ, вы, миленькій мой сиръ Маркосъ! Я такъ люблю васъ слушать, когда вы говорите.

Я продолжалъ, и огорченіе ея, вызванное чтеніемъ «Красной Буквы», было забыто.

Теперь Карлотта часто сидѣла за шитьемъ. Подъ умѣлымъ руководствомъ Антуанетты, которая, какъ я сильно подозрѣваю, сама промѣняла уполовникъ на ножницы, сваливъ большую часть своихъ обязанностей на молчаливаго, но сочувствующаго Стенсона, она шила приданое малюткѣ. Для ея счастья было достаточно теперь усѣсться съ ногами на диванъ, поставивъ рядомъ съ собой коробку шоколада, а на колѣни рабочую корзинку съ кисеей или батистомъ,—словно большое блюдо съ *oeufs à la neige*—и чтобы я сидѣлъ напротивъ, или рядомъ (я вѣрю, что и послѣднее было необходимо для полнаго ея счастья). Она прилежно ѣла и прилежно шила, порою съ легкимъ крикомъ поднимая запачканные пальчики. И, надувая губки, говорила мнѣ:

— Смотрите!

И, чтобъ не запачкались изящныя вещички, которыя она шила, я вытиралъ ей пальцы своимъ носовымъ платкомъ; а она нѣжнѣйшимъ въ мірѣ голоскомъ ворковала мнѣ: «благодарю васъ» и показывала уже наполовину готовую крошечную кофточку или распашонку.

— Не правда ли, какая прелесть?

— Да, милая,—говорилъ я и отворачивался, думая о томъ, какія утонченныя пытки приходится иной разъ терпѣть людямъ.

Наконецъ, срокъ исполнился. Я почему-то забралъ въ свою глупую голову, что Карлотта должна умереть, и всю ночь терзался ожиданіемъ и неизвѣстностью. Докторъ наткнулся на меня, полу-замерзшаго, подъ лѣстницей въ шесть часовъ утра, и сообщилъ мнѣ радостную вѣсть. Я дотого обрадовался, что этотъ пожилой мужчина, самой ординарной внѣшности, показался мнѣ архангеломъ, осіяннымъ небесной славой.

Вскорѣ затѣмъ я встрѣтилъ Антуанетту, ликующую, озабоченную, преисполненную важности. Тѣмъ не менѣе, она удостоила меня краткой бесѣдой:

— И, вѣдь, подумайте, monsieur,—воскликнула она съ такимъ восторгомъ, какъ будто былъ достигнутъ конечный предѣлъ труднѣйшей эволюціи:—подумайте: родился мальчикъ!

— Да вѣдь, если бы и дѣвочка родилась, вы были бы не менѣе довольны,—засмѣялся я.

Она покачала мудрой, толстой головой.—Женщины—*ça ne vaut pas grand'chose.*

Замѣтьте, это не я—это Антуанетта выразила убѣжденіе, что женщины немногаго стоютъ. И, тѣмъ не менѣе, очень скоро я почувствовалъ себя пѣшкой въ домѣ, гдѣ деспотически царилъ тріумвиратъ изъ этихъ немногаго стоющихъ женщинъ: Антуанетты, няньки и Карлотты.

Описывать счастье Карлотты значило бы касаться святыни, которую я могу только угадывать. Она пребываетъ въ непрерывномъ восторгѣ. Весь смыслъ и радость бытія для нея въ крохотномъ розовомъ комочкѣ, лежащемъ у ея груди. Когда я сижу у нея, она не устаетъ говорить о немъ и восхищаться имъ. Онъ—воплощеніе всѣхъ совершенствъ. Волосы, напримѣръ, какіе дивные, густые!

— Она не вѣритъ, сэръ,—смѣется нянька,—что эти волосики выпадутъ и на мѣсто ихъ вырастутъ другіе.

— О-о? Не можетъ быть. Это было бы слишкомъ жестоко. Вѣдь это же мои волосы—посмотрите, сэръ Маркосъ, миленькій—вѣдь у него волосики совсѣмъ, какъ у меня.

Ей ужасно хочется, чтобъ мальчикъ былъ въ нее.

— Вотъ насчетъ носика не знаю,—критически замѣчаетъ она.—Онъ такой еще крохотный и мягенькій—попробуйте, какой онъ мягенькій. Но глаза каріе, какъ у меня, а ротикъ—нѣтъ, вы только поглядите! вѣдь это же совсѣмъ мой ротъ.

Она прижимается щекой къ щекѣ ребенка и предлагаетъ

мнѣ сравнить два дѣтскихъ ротика. Это правда: они очень похожи.

Карлотта ревнуетъ свое дитя; ей бы только самой его ласкать и нѣжить; она раздражается, когда его беретъ на руки нянька, или Антуанетта. Оно—неотъемлемая ея собственность, и она сердится, когда его касаются чужія руки. Но странно, и здѣсь я составляю исключеніе. Когда я неумѣло беру на руки ребенка и ношу его по комнатѣ, она въ восторгѣ. Ей, должно быть, хочется хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить меня за мою доброту, и эта частица владѣнія ея ребенкомъ—драгоцѣннѣйшій даръ, какой она можетъ придумать.

О Паскуале она, по-прежнему, не говоритъ. Радость материнства какъ будто вытѣснила изъ ея памяти все остальное; отецъ сталъ тѣнью, призракомъ. Не спросивъ ея, въ книгѣ рожденій я записалъ ребенка на имя родителей—ея и Паскуале.

— Какъ вы будете звать его, Карлотта?—спросилъ я ее однажды.

— *Mon petit choux*. Это Антуанетта такъ зоветъ его. Прелестное имячко, не правда ли?

— Да, конечно, это очень мило—называть ребенка «маленькой капусткой», но, когда онъ вырастетъ такимъ большимъ, какъ я, и такимъ старымъ—я вздохнулъ—развѣ кто-нибудь станетъ называть меня «*mon petit choux*»?

Карлотта засмѣялась.

— Это правда. Надо будетъ придумать ему имя.—На минуту она задумалась, потомъ обвила руками мою шею и продолжала:

— Онъ будетъ Маркусъ—Маркусъ Ордайнъ—а современемъ, можетъ быть, и «сиръ Маркосъ», какъ вы.

— Т.-е. когда я умру?

— Ой, нѣтъ! не надо, чтобъ вы умирали. Вы должны жить какъ можно дольше!—испуганно воскликнула она, крѣпче обнимая меня.—Но дѣти, вѣдь, всегда живутъ дольше отцовъ. Такъ ужъ суждено. Онъ и меня переживетъ.

— Будемъ надѣяться, милая. Но именно потому, что я *не* отецъ ему, онъ не можетъ быть сэръ Маркусомъ даже и послѣ моей смерти. Имя свое я могу ему дать, но титулъ...

— А титулъ же кому достанется?

— Никому.

— Онъ тоже умретъ съ вами?

— Да; послѣ меня онъ станетъ выморочнымъ.

— А, вѣдь, его отецъ на самомъ дѣлѣ — вы, — шепнула Карлотта.

— Къ несчастью, англійскій законъ не признаетъ духовнаго родства.

— Что такое духовное родство?

— Это, милая моя, вы поймете сами.—Я нагнулся и поцѣловалъ малютку, лежавшаго у нея на колѣняхъ.—Бѣдный маленькій Маркусъ Ордайнъ, мой бѣдный пріемный сынокъ, боюсь, что твоя жизнь будетъ не очень легкой, но я постараюсь, по возможности, помочь тебѣ.

— Благослови васъ, Боже, милый,—ласково сказала Карлотта.

Я изумленно поднялъ на нее глаза. Впервые она говорила, какъ взрослая женщина—какъ женщина съ душой.

Нѣсколько недѣль спустя.

Мы сидѣли за завтракомъ. Въ утренней газетѣ былъ отчетъ о сраженіи съ бурами и списокъ убитыхъ британскихъ офицеровъ. Я, по обыкновенію, внимательно просматривалъ печальный списокъ, какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза одна фамилія—я, какъ прикованный, глядѣлъ на нее. Паскуале былъ убитъ наповалъ. Бурская пуля положила конецъ безпутной, яркой жизни. Это было ужасно: несмотря на обиду, которую онъ нанесъ мнѣ, первое мое чувство было огорченіе. Онъ былъ слишкомъ красивъ и привлекателенъ, чтобъ умереть такъ рано.

Карлотта налила мнѣ чаю и, обойдя вокругъ стола, поставила передо мною чашку. Чтобъ она не заглянула черезъ мое плечо въ газету, какъ она всегда это дѣлала, я положилъ газету на столъ, но ея быстрые глаза уже прочли крупнымъ шрифтомъ отпечатанный заголовокъ.

— «Большое сраженіе. Списокъ убитыхъ британскихъ офицеровъ». О, дайте мнѣ взглянуть, сиръ Маркосъ.

— Нѣтъ, милая. Идите завтракайте.

Она какъ-то особенно взглянула на меня. Я попытался выдавить изъ себя улыбку, но я—актеръ плохой и вмѣсто улыбки вышла гримаса.

— Почему мнѣ нельзя читать?—поспѣшно спросила она.

— Потому что я не позволяю вамъ, Карлотта.

Она продолжала смотрѣть на меня. Лицо ея покрылось блѣдностью. Я помѣшалъ ложечкой въ чашкѣ и сдѣлалъ видъ, будто прихлебнулъ чаю.

— Идите завтракать, дитя мое.

— Тамъ есть что-нибудь—что-нибудь о *немъ*? Онъ, вѣдь, тоже—британскій офицеръ.

Такъ какъ она, все равно, догадывалась, я не счелъ нужнымъ долѣе скрывать. Притомъ же, рано или поздно, надо было бы сказать ей.

— Милая, онъ больше не британскій офицеръ.

— Онъ умеръ?

Мнѣ вспомнился другой вечеръ—какъ онъ далекъ теперь!—когда другая газета сообщила ей о другой смерти — и ея вопросъ—точно такой же. И я испугался, какъ бы она и теперь не сказала: «Какъ я рада!»

Я подозвалъ ее и, указавъ ей пальцемъ на столбецъ, тревожно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица. Она прочла, постояла немного, глядя въ пространство, и повернулась ко мнѣ... Личико у нея было такое жалкое.

Я привлекъ ее къ себѣ, и она прижалась головкой къ моему плечу.

— Я и сама не знаю, о чемъ я плачу, сиръ Маркосъ, миленькій,—рыдая, шептала она.

Я заставилъ ее выпить немного чаю изъ моей чашки, но ѣсть она не захотѣла и ушла къ себѣ наверхъ. На этотъ разъ она не сказала, что рада. Заплакала, сама не зная, почему. Мнѣ стало совѣстно, что я могъ усомниться въ ней.

Весь день она была уныла и задумчива. А вечеромъ, вмѣсто того, чтобы свернуться калачикомъ на диванѣ, обложивъ себя подушками, она попросила меня почитать ей вслухъ и усѣлась на скамеечку у моихъ ногъ, подперевъ одной рукою подбородокъ, а другую положивъ мнѣ на колѣно.

— Я рада, что *онъ* былъ храбрый,—сказала она, наконецъ, въ первый разъ сама заговоривъ о Паскуале.—Я люблю, когда мужчина храбрый.

— Dulce et decorum est. Онъ умеръ за свою страну.

— Теперь мнѣ не такъ больно думать о немъ.

Невольная зависть сдавила мнѣ сердце. Паскуале смертью реабилитировалъ себя въ глазахъ Карлотты, и теперь она будетъ чтить его память, какъ память героя. Но развѣ это не естественно? Развѣ женщины не всѣ такія? Я чувствовалъ себя такимъ чужимъ ей въ этотъ вечеръ, такимъ далекимъ. Она больше не говорила о *немъ*, но я угадывалъ, что въ мысляхъ ея *онъ*, и что мысли эти добрыя. Я знаю, это было нелѣпо съ моей

стороны. Но я почти увѣровалъ въ свое фиктивное отцовство и ревновалъ теперь къ законнымъ правамъ умершаго.

А, вѣдь, если бъ онъ остался живъ, въ одинъ прекрасный день онъ, чего добраго, явился бы, съ своимъ побѣдоноснымъ видомъ и неотразимымъ смѣхомъ, и увезъ бы отъ меня обоихъ: мать и сына. И я возблагодарилъ боговъ за то, что они избавили меня отъ этого послѣдняго униженія.

Но больше съ того дня она не поминала имени Паскуале.

XXIV.

Какъ мнѣ описать то, что произошло невдолгѣ спустя.

Смерть ребенка такая обычная вещь, такое, въ сущности, неважное событіе. Человѣкъ разсудительный — хотя такихъ немного—разсуждая отвлеченно, можетъ только порадоваться, что человѣческая душа избавлена отъ скучной череды томительно унылыхъ, или тяжкихъ лѣтъ, которая зовется жизнью. Ибо кто рѣшится опровергнуть утвержденіе пессимистовъ, будто человѣку лучше не родиться, а, ужъ если онъ имѣлъ несчастіе родиться, самое лучшее для него—поскорѣе умереть. Но тѣхъ, у кого смертью отнята единая надежда жизни, не утѣшатъ такія разсужденія. Горе — наиболѣе эгоистическая изъ эмоцій. Я утратилъ все, чѣмъ жизнь была красна для меня. Развѣ этого недостаточно, чтобъ чувствовать себя несчастливымъ?

Карлотта сама едва не умерла отъ горя. А я дрожалъ за ея жизнь и снова съ горечью думалъ о томъ, какой я неудачникъ. Кажется, чего скромнѣе дѣло жизни, которое я себѣ намѣтилъ — заботиться о новомъ поколѣніи, въ лицѣ сына Карлотты — и даже эту малую пользу принести мнѣ не суждено было Судьбой.

Простуда, крупъ, нѣсколько мучительныхъ безсонныхъ ночей—и бѣдный крошка пересталъ дышать. Мы съ Антуанеттой насильно оторвали похолодѣвшій трупикъ отъ груди Карлотты. Я одинъ везъ его на кладбище. Бѣленькій гробикъ стоялъ на скамеечкѣ наемнаго экипажа, и на немъ лежали бѣлые цвѣты,— даръ Антуанетты. Въ часовнѣ на кладбищѣ еще одинъ трупъ ждалъ погребенія, и священникъ служилъ панихиду надъ обоими заразъ. Я стоялъ одинъ у бѣленькаго гробика. Возлѣ большого чернаго было много провожатыхъ. Я мелькомъ видѣлъ надпись на немъ: «Дженъ Элліотъ, † на восьмидесяти-шестомъ году отъ рожденія». Пасторъ молился за «нашихъ дорогихъ брата и

сестру, нынѣ усопшихъ». Это была или жестокая шутка, или жестокая правда.

Моему «пріемному сыночку» не понадобится моя помощь въ жизненныхъ заботахъ. Но мать его нуждалась во мнѣ, и еще какъ нуждалась. Если бъ не я, не жить бы ей на свѣтѣ. Въ это я крѣпко вѣрю. Я былъ единственной доскою, за которую она цѣплялась, чтобъ не утонуть—буквально цѣплялась обѣими руками. Она часами не отпускала меня отъ себя, не выпускала моей руки изъ своихъ. Только когда я былъ возлѣ нея, она немного успокаивалась.

Сколько ночей мы оба провели безъ сна. Это было не такъ давно, но въ памяти у меня все перемѣшалось, дни и ночи. Тусклый свѣтъ въ знакомой комнатѣ, которую я нѣкогда запечаталъ, какъ гробницу; тѣни на стѣнѣ; лихорадочно горящее лицо и огромные тоскующіе глаза Карлотты; ея головка, утонувшая въ подушкахъ; маленькая ручка, въ отчаяніи тискающая мою; тихая поступь няни—вотъ все, что сохранилось въ моей памяти. А, когда она пришла въ сознаніе и выздоровѣла, долгое время она ничего не говорила и даже какъ будто не замѣчала меня, но все время требовала, чтобъ я не отходилъ отъ нея. Ей было жутко безъ меня и страшно. Я теперь только понялъ, какую роль ребенокъ сыгралъ въ развитіи ея натуры. Онъ затронулъ въ ея душѣ глубокія, живыя струны, разбудилъ способность чувствовать. Она покинула меня безъ сожалѣнія. Отдалась Паскуале безъ единаго проблеска страсти. Вернулась ко мнѣ, какъ раненый звѣрекъ идетъ въ свою берлогу. Но ребенка она полюбила страстно, беззавѣтной, пламенной любовью, сѣмя которой таилось гдѣ-то въ тайникахъ ея души. И теперь, когда ребенокъ умеръ и солнце для нея погасло, весь міръ казался ей холодной, ледяной пустыней.

Потомъ у нея явилась потребность говорить, и она часами, днями, непрерывно разсказывала мнѣ о ребенкѣ—до тѣхъ поръ, какъ ей не начало казаться, что онъ живой, и она не начала требовать, чтобъ ей отдали его... Это былъ рецидивъ горячки.

Наконецъ, однажды вечеромъ, она уснула крѣпкимъ сномъ выздоровленія и, пробудившись утромъ, увидала меня у своей постели. Я не спалъ—въ шесть часовъ я смѣнилъ сидѣлку. Впервые съ того дня, какъ ребенокъ захворалъ, Карлотта улыбнулась мнѣ, взяла мою руку и поцѣловала.

— Я проснулась словно въ раю. Сиръ Маркосъ, миленькій, какъ пріятно видѣть опять ваше лицо!—шептала она.

— Я надѣюсь, что въ раю можно увидѣть покрасивѣе меня.

— *Гу!*—засмѣялась Карлотта.—Развѣ вы не знаете, что вы красивы?

— Зачѣмъ же издѣваться надо мной?—И я напомнилъ ей, какъ она однажды покатилась со смѣху, когда я ей сказалъ, что я красавецъ.

Карлотта терпѣливо выслушала меня и, слегка вздохнувъ, сказала:

— Вы не понимаете, сиръ Маркосъ, миленькій. Я думала о моемъ дѣткѣ и объ ангелахъ, всѣ ангелы похожи на васъ.

Чтобъ скрыть смущеніе, я засмѣялся и изобразилъ ей себя въ ангельскомъ видѣ, съ длинными, свѣтлыми, какъ ленъ, волосами и бѣлыми крыльями за спиною.

— У моихъ ангеловъ не было крыльевъ,—серьезно возразила Карлотта.—Они всѣ были въ халатахъ. Но, все-таки, это были настоящіе ангелы. И одинъ изъ нихъ, самый похожій на васъ, поднесъ мнѣ на рукахъ моего дѣтку, чтобъ я его поцѣловала; потомъ онъ положилъ моего бэби на бѣленькое облачко, и бэби уснулъ, и меня взялъ на руки и понесъ по воздуху, далеко-далеко, и я не плакала, разставаясь съ бэби. Правда, какъ смѣшно? Я угнѣздилась около него — вотъ такъ — она свернулась клубочкомъ подъ одѣяломъ — и это было такъ уютно.

Блѣдный лучъ февральскаго утренняго солнышка скользнулъ въ комнату изъ-подъ занавѣси. Я погасилъ электрическую лампочку и, отдернувъ занавѣси, впустилъ въ комнату яркій дневной свѣтъ.

— О, милое солнышко!—вскричала Карлотта, поворачиваясь къ окну.—Какое же ты сегодня красивое! Теперь здѣсь похоже на рай. А знаете—таинственно шепнула она,—передъ тѣмъ, какъ мнѣ проснуться, вокругъ меня все вдругъ стало темно: я потеряла своихъ ангеловъ и не могла найти ихъ.

Я далъ ей благоразумный совѣтъ—не разыскивать чиновъ небесной іерархіи en desabillé и удовольствовался болѣе скромными обитателями этой планеты. Она пожала мою руку.

— Я постараюсь удовольствоваться, сиръ Маркосъ, миленькій.

Она очень старалась, бѣдняжка, когда я былъ съ нею; но безъ меня нерѣдко клала возлѣ себя груду крохотныхъ кофточекъ и распашенокъ, перебирала ихъ всѣ по одной и плакала—плакала безъ конца; поэтому, хотя она и поправилась, щечки ея оставались блѣдными и впалыми, и глаза тоскующими. Погода испортилась; сырость и туманъ не позволяли выйти изъ

дому, и Карлотта цѣлыми днями сидѣла неподвижно у камина. Ея любимымъ мѣстечкомъ стало теперь низенькое кресло въ гостиной, которое можно было вплотную придвигать къ камину. Въ свой будуаръ внизу, гдѣ, бывало, поучала ее добрѣйшая миссъ Григгсъ, она почти и не входила.

Однажды, неожиданно выйдя изъ задумчивости, она окликнула меня по обыкновенію: «Сиръ Маркосъ, миленькій!» Я поднялъ голову отъ стола, за которымъ изучалъ арабскую грамматику.

— Да?

— Я думала—о, я такъ много теперь думаю!.. Я все думаю, какъ вы, должно быть, любите меня. Вы очень меня любите?

— Да, Карлотта,—печально улыбнулся я:—должно быть, что такъ.

— Такъ же сильно, какъ я любила мою дѣтку?

— Прежде я любилъ васъ по-другому.

— А теперь?

— А теперь, кажись, что такъ же.

— Я любила своего бэби за то, что онъ былъ мой,—говорила она задумчиво, сквозь тоненькіе пальчики глядя на огонь.—Я готова была все для него сдѣлать, а отъ него мнѣ ничего не было нужно. Я умерла бы для него. Это такъ странно. Да я думаю, что вы именно *такъ* любите меня, сиръ Маркосъ. За что только?

— За то, что, когда я, года два назадъ, нашелъ васъ на набережной Темзы, вы были почти такъ же безпомощны, какъ вашъ маленькій бэби,—не совсѣмъ искренно отвѣтилъ я.

Карлотта быстро вскинула на меня глаза.

— О, нѣтъ! Тогда я была только обузой для васъ. О, я теперь все понимаю. Я теперь стала умная. Но вы всегда были добры ко мнѣ. Я потому и заговорила съ вами, что у васъ было такое доброе лицо. Вы читали какую-то засаленную маленькую книжечку.

— «L'Histoire des Uscoques»—прошепталъ я. Какъ это все далеко.

Наступило молчаніе. Я взглянулъ на нее, разъ, другой, но она опять ушла въ свои мысли. Я вздохнулъ—должно быть, о томъ, что жизнь, вообще, такъ печальна— и снова взялся за арабскую грамматику.

— Сиръ Маркосъ?

— Да.

— Почему вы не прогнали меня, когда я вернулась?

Я закрылъ арабскую грамматику, подошелъ и сѣлъ съ ней рядомъ.

— Милая моя дѣвочка,—что за вопросъ! Какъ же я могъ прогнать васъ изъ вашего собственнаго дома?

Она быстро, испуганно воззрилась на меня, потомъ на горящіе угли, потомъ снова на меня—и вдругъ разрыдалась, уткнувшись головой въ колѣни.

Я неумѣло, какъ всѣ мужчины, началъ утѣшать ее и при этомъ упомянулъ о бэби.

— Я не о бэби плачу,—рыдала Карлотта.—А о себѣ. И о васъ. И обо всемъ, что я теперь только начинаю понимать.

Я погладилъ ея волосы, закурилъ папироску и зашагалъ по комнатѣ, нѣсколько удивленный быстрымъ психологическимъ развитіемъ Карлотты и въ то же время тронутый тѣмъ, что она такъ цѣнитъ мою дружбу. Въ ушахъ моихъ звучало грустное: «Поздно, поздно!» И я думалъ о томъ, что могло бы быть, пробѣгая всю гамму безплодныхъ и банальныхъ сожалѣній. Я состарился. Страсть погасла. Надежда—надежда слышать въ своемъ домѣ топотъ дѣтскихъ ножекъ, гордиться хоть и выдуманнымъ сыномъ, бережно охранять, хотя и за другого, слабый факелъ юной жизни—эта надежда умерла и зарыта въ землю въ маленькомъ бѣломъ гробикѣ. Осталась только большая, спокойная любовь. Я старый, утомленный жизнью человѣкъ, а Карлотта для меня—безконечно любимая сестра—или дочь—или даже внучка—такимъ старикомъ я себя чувствовалъ. И, когда я поднялъ ее съ кресла и поцѣлуями стеръ слезы съ ея глазокъ, воистину, я цѣловалъ ее, какъ дѣдушка, безъ всякаго притворства.

Снова та же старая проблема. Какого чорта мнѣ дѣлать съ Карлоттой—вѣрнѣй: съ Карлоттой и съ самимъ собой? Въ нашихъ своеобразныхъ отношеніяхъ мы неразрывно связаны.

Прежде всего, ей нужно солнце—а не унылая и хмурая англійская весна— и затѣмъ, перемѣна. Нельзя оставить ее въ этомъ домѣ, гдѣ витаютъ страданіе и смерть. Да и мнѣ не мѣшаетъ провѣтриться. Лондонъ сталъ для меня какимъ-то кошмарнымъ городомъ. Его безпокойное честолюбіе мнѣ чуждо. Его развлеченія не развлекаютъ меня. Изъ пяти милліоновъ его населенія не сыскать и пяти человѣкъ, съ которыми я могъ бы

заговорить по душѣ. Юдиѳь ушла изъ моей жизни. Мои тетушки и кузины смотрятъ на меня, какъ на человѣка, поставившаго себя по ту сторону морали. М-ссъ Макъ Муррэй до сихъ поръ не знаетъ, что я вернулся въ Англію. Согласенъ, что не хорошо такъ поступать со старымъ другомъ. Я знаю, что она пожалѣла бы Карлотту и сдѣлала бы все, чтобы помочь ей—но способна ли понять Карлотту? Теперь, задавая себѣ этотъ вопросъ, я убѣждаюсь, что способна, но въ то время я не разсуждалъ. Я, какъ улитка, забился въ свою раковину. Сравненіе шаблонное—но и я, вѣдь, самая шаблонная улитка, когда-либо помѣщавшаяся въ раковинѣ изъ десяти комнатъ. А теперь эта раковина, со всѣми безполезными книгами, въ ней нагроможденными и еще въ милліонъ разъ болѣе безполезнымъ манускриптомъ «Исторіи морали Ренессанса» и мрачными воспоминаніями о моихъ жизненныхъ неудачахъ и невзгодахъ, опротивѣла мнѣ, какъ тюрьма, въ которой я еле влачу жалкое существованіе. И я рѣшилъ покинуть ее, бросить свои книги, отречься отъ морали Ренессанса и уѣхалъ съ Карлоттой въ глушь, въ пустыню, залитую солнцемъ, чтобы тамъ исполнилась судьба, предрѣшенная мнѣ великими богами.

XXV.

Снова я сижу на плоской кровлѣ дома въ Могадорѣ, на Марокканскомъ берегу—тамъ же, гдѣ, мѣсяцъ тому назадъ, были написаны послѣднія страницы. Этотъ мѣсяцъ прошелъ необычайно быстро.

Я уже сказалъ, что вчера вечеромъ случилось нѣчто такое, что я бы могъ предвидѣть, но упорно не хотѣлъ предвидѣть. Постепенно, во время нашихъ странствій, на моихъ глазахъ вновь расцвѣла дивная красота Карлотты, по мѣрѣ того, какъ воздухъ и краски ея родного Востока возвращали ей здоровье и силы. На моихъ глазахъ ширился ея умъ и оживали чувства. Я наблюдалъ, какъ пышнымъ цвѣткомъ распускалась ея душа въ тиши ночей, подъ яркими звѣздами, сіявшими надъ безкрайной пустыней. И чѣмъ дальше, чѣмъ печальнѣй становились ея глаза,—но теперь въ нихъ было уже не прежнее, молящее, собачье выраженіе, а грусть, которая была не только отзвукомъ тоски по умершемъ ребенкѣ,—но это я, если и замѣчалъ, то не старался вникнуть и не допытывался о причинахъ. Я лично продолжалъ изучать арабскій языкъ и вести долгія бесѣды съ просвѣ-

щеннымъ мавромъ, общество котораго доставляло мнѣ большое удовольствіе. На этихъ дняхъ я начну записывать въ отдѣльную тетрадку его изреченія и застольныя рѣчи, чтобы составить изъ нихъ потомъ книгу. Но теперь я хочу разсказать о Карлоттѣ.

Она охотно приняла сегодня утромъ мое предложеніе прокатиться верхомъ и позавтракать въ Пальмовомъ Домѣ, какъ мы не разъ уже это дѣлали. Въ угоду мнѣ—такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю—она сумѣла побороть свою врожденную лѣнивость. Дотого, что сама пристрастилась къ кочевой жизни на пароходѣ и въ отеляхъ, и стала безпокойной искательницей новыхъ мѣстъ и новыхъ впечатлѣній. Наконецъ, я ужъ запротестовалъ и настоялъ на томъ, чтобы мы отдохнули въ Могадорѣ, гдѣ меня соблазнилъ пожить отдававшійся въ наймы уютный домикъ, прекрасно меблированный, принадлежавшій нѣмецкому купцу, который на время уѣхалъ въ Европу. Я не такъ молодъ, какъ Карлотта, и ужъ столько лѣтъ наблюдаю окружающее, что оно начинаетъ меня усыплять. Карлотта, дай ей волю, до скончанія вѣка разъѣзжала бы на верблюдахъ по Африкѣ. Она во многихъ отношеніяхъ сильно измѣнилась. Вмѣсто того, чтобы видѣть во мнѣ добраго дядю, который доставляетъ ей лакомства и все прочее, необходимое для жизни, а она принимаетъ это, какъ должное, потому что она—Карлотта, она относится ко мнѣ теперь съ искренней симпатіей и нѣжностью и старается угадывать мои желанія, отодвигая свои на задній планъ. Но сладости любитъ по-прежнему и поѣдаетъ ужасающія мавританскія лакомства съ жадностью, которая можетъ равняться только съ моимъ отвращеніемъ къ нимъ. Она все та же милая, прелестная Карлотта. Но только уже не ласкается ко мнѣ, какъ прежде. И, если иной разъ коснется рукой моего плеча, то такъ робко, что я засмѣюсь, а она сконфузится. Бывало, она своими ласками съ ума меня сводила. Тѣ дни прошли. И я чувствую себя древнимъ, какъ египетскій сфинксъ.

Итакъ, мы позавтракали въ Пальмовомъ Домѣ, а назадъ въ Могадоръ ѣхали уже подъ вечеръ, по холодку. Мы были одни, хорошо знали дорогу и потому были избавлены и отъ проводниковъ, и отъ подслѣповатыхъ ребятишекъ, которыя, какъ и неизмѣнныя спутницы ихъ, мухи, страшно досаждаютъ туристу на Востокѣ. Справа отъ насъ безбрежная пустыня сливалась съ горизонтомъ; слѣва песчаные холмы и глыбы камня закрывали даль; впереди маячила сверкающая полоса, за которой были море и городъ. Насъ окружали одиночество и тишина. Въ про-

зрачномъ африканскомъ воздухѣ каждый предметъ выдѣлялся необычайно четко на синемъ фонѣ неба.

Задумавшись, я обогналъ Карлотту и, неожиданно замѣтивъ, что ея нѣтъ со мною рядомъ, обернулся. И увидѣлъ зрѣлище столь дивной красоты, что сердце мое невольно забилось быстрѣе. Это была та же Карлотта верхомъ на варварски осѣдланномъ и изукрашенномъ мулѣ—но Карлотта въ ослѣпительно яркихъ краскахъ. Надъ головой у нея былъ раскрытъ бумажный зонтикъ, купленный ею въ Могадорѣ,—она была въ восторгѣ отъ него, я же видѣть не могъ эти ужасныя полосы, темно-вишневыя съ желтымъ—невозможный зонтикъ, годный только для пантомимы—или же для такой вотъ прогулки по африканской пустынѣ. Развернутый, онъ весь горѣлъ на солнцѣ, заливая словно отсвѣтами вина бронзовые волосы Карлотты подъ бѣлой полотняной шляпой, и теплые тона ея кожи, и ослѣпительно бѣлый шелкъ ея блузки; вся ея фигура такъ ярко вырисовывалась на фонѣ ярко-синяго неба. Это было ослѣпительное видѣніе. Разинувъ ротъ, я глядѣлъ на Карлотту, подъѣзжавшую ко мнѣ, раскачиваясь всѣмъ станомъ въ тактъ раскачиванью мула, и волновался, какъ можно волноваться иной разъ при видѣ красоты. Она пристально глядѣла на меня. Потомъ остановилась, взоры наши встрѣтились, и въ ея удивительныхъ глазахъ я впервые прочелъ тоску, призывъ души къ душѣ. Мигъ промелькнулъ. И мы снова поѣхали рядомъ. Мы оба молчали; я не смотрѣлъ на Карлотту, чувствуя, что въ душѣ моей поднимается смутная тревога, оживаетъ то, что я считалъ давно умершимъ.

Нежданно, словно окутанный предразсвѣтною дымкой, передъ нами всталъ городъ.

Высокіе минареты и башни сверкали бѣлизной въ блѣдно-аметистовой дымкѣ постепенно, черезъ гамму зеленоватыхъ тоновъ, переходящей въ глубизну зенита. Море лѣниво лежало у подножія города, словно помостъ изъ лапись-лазули. Но все это было призрачно, воздушно. Вдали группа пальмъ отливала опаловыми отсвѣтами. Поднявшійся легкій вѣтерокъ кружилъ въ воздухѣ крохотныя песчинки, и отъ этого призрачный городъ на горизонтѣ дрожалъ, какъ волшебные замки миража.

— Словно городъ въ сказкѣ!—съ восторгомъ воскликнулъ я.

Карлотта не отвѣтила. Я думалъ, что она не слыхала. Нѣкоторое время мы молча ѣхали рядомъ. Потомъ она придвинулась ко мнѣ вплотную.

— Пріѣдемъ ли мы когда-нибудь туда?—сказала она, указывая впередъ рукой, державшей возжи.

— Куда: въ Могадоръ?—Надѣюсь,—засмѣялся я, думая, что она устала.

— Нѣтъ, не въ Могадоръ. Въ сказочный городъ—куда всѣмъ хочется попасть.

— Вы слишкомъ далеко заѣхали, дитя мое, чтобы стремиться теперь къ сказочнымъ городамъ и къ недостижимому. Я знаю маленькую дѣвочку, которая еще недавно спросила бы меня: «А что такое сказочный городъ?»

— Теперь она не спроситъ потому, что знаетъ... Нѣтъ. Никогда намъ не попасть туда. Ѣдемъ какъ будто прямо въ этотъ волшебный городъ, а доѣдемъ—окажется все тотъ же Могадоръ.

— Вы не счастливы, Карлотта?

— А вы, сиръ Маркосъ?

— Я? Я—философъ, дитя мое, а счастливый философъ это—*lusus naturae*, уродъ, котораго можно показывать въ музеѣ восковыхъ фигуръ. Если бы Барнуму и Бейли попался такой, они бы помѣстили его между волосатымъ человѣкомъ и живымъ скелетомъ.

— Должно быть, и я становлюсь философомъ,—замѣтила Карлотта,—и это мнѣ совсѣмъ не нравится. Иногда мнѣ кажется, что я ненавижу все и всѣхъ—кромѣ васъ, сиръ Маркосъ, миленькій. Видите, какая я гадкая. Должно быть, я ужъ отъ рожденія такая. Но прежде я была счастлива. Мнѣ и въ голову не приходило мечтать о сказочныхъ городахъ. Я была, какъ кошка. Какъ Полифемъ. Помните Полифема?

— Да.—Этотъ странный разговоръ настолько выбилъ меня изъ колеи, что я, неожиданно для самого себя, прибавилъ:—Я убилъ его.

Карлотта повернула ко мнѣ изумленное лицо.

— Вы убили его? За что?

— За то, что онъ издѣвался надо мною, когда я былъ несчастливъ.

— Изъ-за меня?

— Да; изъ-за васъ. Но при чемъ тутъ Полифемъ? Мы говорили о философахъ и вы сказали, что, когда вы философски настроены, вы ненавидите все и всѣхъ, кромѣ меня. Почему для меня вы дѣлаете исключеніе, Карлотта?

Мы ѣхали такъ близко, что моя нога терлась объ ея сѣдло. Я пристально смотрѣлъ на нее. Она отвернула голову и закрылась отъ меня зонтикомъ. До меня донеслось заглушенное рыданіе.

— Давайте сдѣлаемъ привалъ—и посидимъ немного—мнѣ хочется поплакать.

— Женская философія всегда въ концѣ концовъ приводитъ къ этому,—грубо усмѣхнулся я.—Нѣтъ. Отдыхать не время. Уже поздно. Передъ нами только Могадоръ. Такъ ѣдемъ же туда.

Карлотта быстро перекинула зонтикъ на другую сторону.

— Что съ вами, сиръ Маркосъ? Вы никогда прежде такъ не говорили со мной.

— А чортъ его знаетъ, что со мной такое!—сердито буркнулъ я, хотя за что я разсердился, я и самъ не знаю.—Сначала вы съ этимъ вашимъ невозможнымъ зонтикомъ и обманчивой лазурью небесъ и солнцемъ, изображаете изъ себя академическую картину, отъ которой начинаетъ ныть моя сантиментальная душа, а потомъ...

— Зонтикъ очень красивый,—возразила Карлотта, смиренно поднимая на меня глаза.

— Дайте его мнѣ.

Она покорно подала. Я швырнулъ его въ пустыню. Раскрытый зонтикъ раза два нелѣпо перекувырнулся, потомъ улегся смирно. Карлотта придержала мула.

— О-о!—вырвалось у нея прежнимъ звукомъ.

Я поспѣшно слѣзъ, помогъ ей сойти и взялъ подъ уздцы обоихъ муловъ.

— Милое дитя мое, объясните мнѣ, что здѣсь такое происходитъ. Живемъ мы здѣсь ужъ сколько мѣсяцевъ спокойно, мирно, и вдругъ вы ни съ того, ни съ сего начинаете говорить о сказочныхъ городахъ и сокрушаться, что въ нихъ невозможно попасть, а я злюсь и швыряюсь зонтиками. Что все это значитъ?

Самое необычайное было то, что я говорилъ съ Карлоттой, какъ съ взрослой женщиной, какъ герой моднаго французскаго романа. Можетъ быть, я все-таки моложе, чѣмъ я думалъ.

— За что вы сердитесь на меня?—спросила она тихо, не поднимая глазъ.

— Понятія не имѣю.

Она медленно-медленно подняла на меня глаза, влажные, трепетные; легкая тѣнь улыбки скользнула по ея губамъ. Ей-богу, эта скверная дѣвчонка ликовала, что она еще имѣетъ власть надо мной. Я поднялъ зонтикъ, закрылъ его и подалъ ей.

— Вамъ, кажется, хотѣлось поплакать. Что же вы?

— Не могу,—жалобно сказала Карлотта.

— И не хотите сказать мнѣ, почему, ненавидя весь міръ, вы дѣлаете исключеніе для меня?

Карлотта кончикомъ ботинки рыла песокъ... Мнѣ вспомнились розовые пальчики, которые она такъ безстыдно выставляла на-показъ на другой день послѣ ея пріѣзда въ Лондонъ. Былыя надежды, былые страхи, былая борьба воскресали вновь. Она была теперь еще прекраснѣе, еще плѣнительнѣй, чѣмъ Карлотта-босоножка, а душой она переродилась. Я слышалъ, какъ она еще разъ прошептала:

— Не могу.

Я клялся себѣ всѣми клятвами, какія только можетъ давать себѣ мужчина, что я до конца останусь для Карлотты только дѣдушкой. До сихъ поръ я добросовѣстно выполнялъ принятую на себя роль. Но тутъ внезапно съ меня свалились и сѣдая борода, и стариковскій халатъ, и сердце мое снова молодо забилось при видѣ ея красоты. Я стиснулъ зубы.

— Нѣтъ,—сказалъ я себѣ.—Надъ *этой* трагикомедіей занавѣсъ больше не подымется.

Я бросилъ возжи на шею ея мула, который, какъ и мой, тупо смотрѣлъ на насъ, ничего не понимая.

— Намъ пора ѣхать, Карлотта. Садитесь.

Она покорно поставила свою крохотную ножку на мою ладонь, и я усадилъ ее въ сѣдло.

До самаго города мы не обмѣнялись словомъ. Но каждый изъ насъ чувствовалъ, что произошло нѣчто рѣшающее.

За обѣдомъ мы сошлись снова. Карлотта съ лихорадочнымъ оживленіемъ говорила о нашихъ путешествіяхъ и засыпала меня вопросами, выказывая небывалую жажду знанія. Но у меня сегодня не было ни малѣйшей охоты поучать ее.

Послѣ обѣда мы вышли оба на плоскую крышу. На маленькомъ столикѣ возлѣ плетенаго кресла, въ которомъ я обыкновенно сижу, былъ сервированъ кофе. Звѣздная голубая ночь вѣяла истомой. Изъ какого-то кафэ доносились монотонные звуки мавританской мелодіи; разстояніе смягчало рѣзкость голосовъ и струнныхъ инструментовъ. Карлотта налила мнѣ кофе, дождалась, пока я выпилъ, и, какъ добрая внучка, поставила на мѣсто чашку. Потомъ подошла ко мнѣ.

— Дайте и мнѣ мѣстечко на вашемъ креслѣ, сиръ Маркосъ, миленькій.

Я сдвинулъ ноги на край подножки, и она присѣла, хотя могла бы сѣсть и на другое кресло—я не паша какой-нибудь, чтобъ выносить на крышу кресло только для себя.

— Разскажите мнѣ о звѣздахъ.

Я зналъ, чего ей хочется. Она любила древніе греческіе

миѳы; ихъ поэтичность, хоть и сглаженная моимъ обыденнымъ, прозаическимъ изложеніемъ, плѣняла ея юную фантазію. Она переживала теперь восхитительную фазу духовной эволюціи.

Я поглядѣлъ на небо—и началъ разсказывать ей о Плеядахъ. О томъ, какъ у Атласа и Плейоны, которая сама была дочерью Моря, родилось семь дочерей, и всѣ онѣ были чистыя дѣвушки, кромѣ одной, и всѣ подруги Артемиды. Какъ Оріонъ охотникъ, потомъ умерщвленный Артемидой—вонъ три звѣздочки изъ его пояса блестятъ на небѣ—гнался за ними съ дурнымъ умысломъ, а онѣ въ страхѣ взмолились къ богамъ о спасеніи и были превращены въ вѣчно прекрасныя звѣзды; какъ, наконецъ, послѣдняя изъ нихъ, которая не была чистой дѣвушкой, такъ какъ полюбила смертнаго, со стыда спряталась отъ своихъ сестеръ и стала невидимой для человѣческаго глаза.

— Ей было стыдно, — пояснила Карлотта, — потому что потомъ она полюбила другого, одного изъ боговъ, а онъ не хотѣлъ и взглянуть на нее, такъ какъ она унизила себя, отдавшись смертному. У женщины огонь горитъ вотъ здѣсь—она прижала руки къ груди—и ей тоже хочется, чтобъ этотъ огонь сжегъ, испепелилъ ее совсѣмъ, что она стала невидимой, какъ воздухъ.

Съ послѣдними словами она поспѣшно поднялась, но я удержалъ ее, положивъ руки ей на плечи.

— Карлотта, дитя мое, что это значитъ?

Она схватила меня за руки и, вырываясь, съ отчаяніемъ выкрикнула:

— Вы — одинъ изъ боговъ, а я желала бы стать невидимою звѣздочкой.

— Ну, *этого* я вовсе не желаю.

Я насильно привлекъ ее къ себѣ, и губы наши встрѣтились. И въ этотъ разъ Карлотта всю свою душу отдала мнѣ въ поцѣлуѣ.

— Какъ хорошо опять прислониться къ вамъ!—съ своей обычной прямотой говорила, немного погодя, моя Карлотта.— Я такъ давно—о! такъ давно этого не дѣлала!—Она вздохнула съ облегченіемъ.—Сиръ Маркосъ?..

— Теперь вы должны звать меня просто: Маркусъ.

Она покачала головкой и прижалась ею къ моему плечу.— Нѣтъ. Для всѣхъ вы—Маркусъ—или сэръ Маркусъ—но для меня вы всегда будете «сиръ Маркосъ». Сиръ Маркосъ, ми-

ленькій, прежде я не знала разницы между смертными и богами. Только въ то утро, когда я проснулась...

— И приняли меня за ангела въ халатѣ...

— Халатъ—это ничего не значитъ, — возразила она. И безыскусственно, правдиво, разсказала мнѣ все, что пережило ея сердечко съ того утра; но то, что она сказала мнѣ, священно и этого передавать я не могу.

Потомъ мы весело болтали о настоящемъ, о дивной ночи, о звѣздахъ, о благоуханіи, которымъ напоенъ воздухъ Востока.

— А мнѣ сдается, милая, что мы въ концѣ концовъ таки попали въ Нефелококкигію.

— А что такое Нефелококкигія?

— Это скверная этикетка, наклеенная Аристофаномъ на вашъ сказочный городъ.

Такимъ образомъ, изъ зла вышло добро, изъ муки—счастье, изъ ужаса—глубокая и вѣчная любовь. Многіе скажутъ, что по отношенію къ Карлоттѣ я съ самаго начала велъ себя преглупо, и что моя женитьба на ней—вѣнецъ глупости. Но я на мудрость и не претендую. Мудрость въ данномъ случаѣ означала бы женитьбу на невѣстѣ съ пятью тысячами въ годъ, выѣзды въ свѣтъ, въ качествѣ подруги жизни кузину Дору и преждевременную старость, какъ преддверіе къ вѣчному уничтоженію. А я утверждаю, что путь безумія для меня—спасеніе. Иные, можетъ быть, станутъ корить меня, что я растратилъ даромъ свою жизнь, что, со всей своей ученостью, я ничего не достигъ. Я тоже нѣкогда думалъ, что надо достигать, и хвасталъ этимъ въ своемъ дневникѣ, въ то время, когда я даромъ коптилъ небо. О, этотъ дневникъ! Я торжественно отрекаюсь отъ него и отъ всѣхъ идіотски-нелѣпыхъ сужденій о жизни, высказанныхъ въ немъ. Теперь я вовсе не считаю, что я даромъ копчу небо—помните, что говоритъ Эпиктетъ о путяхъ Провидѣнія:

«Что еще могу я дѣлать, я, хромой старикъ, какъ не пѣть хвалы Господу? Будь я соловьемъ, я бы пѣлъ по-соловьиному; будь я лебедемъ, я бы пѣлъ, какъ лебедь. Но я разумная тварь и долженъ хвалить Бога; это—мое дѣло и я его дѣлаю, и не уйду съ своего поста до тѣхъ поръ, пока меня не прогонятъ, и призываю васъ пѣть со мной ту же пѣсню».

Я тоже не соловей и не лебедь, и ничего не могу прибавить, какъ они, къ красѣ земли. Хромой старикъ ограниченъ въ своихъ возможностяхъ, но и въ положенныхъ ему предѣлахъ онъ

можетъ выполнить свое назначеніе, держась своего мѣста и восхваляя Бога.

Карлотта вышла на крышу звать меня завтракать и смотритъ черезъ мое плечо, пока я пишу эти слова.

— Какой же вы хромой старикъ?—восклицаетъ она въ негодованіи.—Вы самый молодой на свѣтѣ, самый сильный, самый умный!

— Что же мнѣ дѣлать съ этими волшебными дарами?—спрашиваю я, смѣясь.

— Стать знаменитымъ,—отвѣчаетъ она убѣжденно.

— Отлично, милая. Мы съ тобой поѣдемъ въ какую-нибудь только-что открытую страну, гдѣ легче прославиться, чѣмъ начинающему въ Лондонѣ, и выпишемъ Антуанетту и Стенсона, чтобъ они служили намъ.

— Это будетъ очаровательно,—говоритъ она.

Итакъ, мнѣ предстоитъ стать знаменитымъ. Ce que femme veut, Dieu le veut. А у Карлотты теперь есть душа, и она хочетъ использовать ее какъ можно шире. Она поведетъ меня куда-то ввысь. Но стану ли я царемъ въ Новомъ Вавилонѣ, или первымъ министромъ въ Новой Зеландіи, или же законодателемъ одного изъ полинезійскихъ племенъ — это, пока, тайна, сокрытая отъ насъ богами. Но въ свое время Карлотта, безъ сомнѣнія, не преминетъ сорвать съ нея покровъ.

— Какую чепуху вы пишете! — смѣется моя дѣвочка.

— Массу вздора и немножко правды. Эта смѣсь—жизнь,— говорю я.

Съ англійскаго пер. З. Журавская.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ОРѢШКИ.

Въ дуплахъ дубовъ заботливая глина
И—старцемъ вновь возвращена листва.
Пусть стволъ во мху и въ вѣткахъ паутина,
И тамъ, вверху, въ расщелинѣ,—трава!..

Здѣсь много милаго!.. Здѣсь мохи, какъ плѣшки;
Огонь отцовъ таящіе кремни;
И вялые чернильные орѣшки;
И гулкіе заржавленные пни.

Дорожка вспухла отъ кротовыхъ кочекъ,
Скамья давно безъ спинки и доски,
Въ ея столбахъ такъ много норъ и точекъ
Осъ и жучковъ, а въ трещинахъ—трухи.

Сюда ведетъ меня воспоминанье
И къ старости направленные дни
На странное, безмолвное свиданье:
Меня встрѣчаетъ мама у скамьи.

Здѣсь наше прошлое, мы въ немъ двоешки!
Взволнованно идемъ по парку: я—
Ищу въ сухой листвѣ чернильные орѣшки,
Она—любовь и юность, и меня.

Левъ Зиловъ.

А. Ѳ. КОНИ.

I.

30-го сентября текущаго года исполнилось пятидесятилѣтіе служенія родинѣ одного изъ лучшихъ сыновъ ея, Анатолія Ѳедоровича Кони.

Общественное вниманіе сейчасъ отвлечено. Гремитъ «гроза военной непогоды»; враги дѣйствуютъ на нашей территоріи; внутри мы видимъ горячее патріотическое воодушевленіе народа, готоваго на самыя тяжкія жертвы для одолѣнія врага, но въ то же время наблюдаемъ затяжной конфликтъ между давно назрѣвшими и ясно выраженными желаніями и чаяніями страны—съ одной стороны, и старымъ курсомъ правительственнаго корабля—съ другой. Тревожны и сѣры сумерки дѣйствительности, и въ частности въ столь важной области, какъ область правосудія, продолжается не только отклоненіе отъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ, но даже отъ тѣхъ «обломковъ» ихъ, которые сохранились до XX-го вѣка. Но и въ такое время знаменательные дни не проходятъ незамѣтно. Общество должно остановить вниманіе и съ радостью его останавливаетъ на датахъ, связанныхъ съ именами, которыми можетъ гордиться наша родина, и говорящихъ намъ о неусыпномъ и глубоко плодотворномъ трудѣ, начавшемся въ «ушедшія въ даль времена» и продолжающемся на нашихъ глазахъ.

Одна изъ такихъ датъ—юбилей А. Ѳ. Кони.

Начнемъ съ данныхъ біографическаго характера. А. Ѳ. родился въ Петербургѣ 28 января 1844 г. въ интеллигентной и литературной семьѣ. Его отецъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони, былъ разностороннимъ и виднымъ дѣятелемъ своего времени (первой половины прошлаго вѣка) и близко стоялъ къ лучшимъ людямъ сороковыхъ годовъ. Медикъ по образованію, онъ много времени

отдалъ службѣ, по преимуществу педагогической, работалъ и въ наукѣ, но съ наибольшимъ жаромъ и энергіей работалъ въ области литературы и театра. Изъ научныхъ его работъ до сихъ поръ не потеряла значенія обширная монографія «Исторія Фридриха Великаго», которая была переведена на нѣмецкій языкъ и принесла автору отъ Іенскаго университета степень доктора философіи honoris causa. Въ области литературы и театра Ѳ. А. далъ рядъ пьесъ, которыя не сходили съ репертуара столичныхъ театровъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; здѣсь нашли себѣ мѣсто и куплеты, въ тѣ времена дававшіе единственную возможность хоть немного коснуться злобъ дня; куплеты Ѳ. А. написаны хорошимъ стихомъ и часто отличаются мѣткостью и остроуміемъ. Центръ же тяжести въ дѣятельности Ѳ. А.—это изданіе имъ съ 1840 по 1857 г.г. журналовъ «Пантеонъ» и «Репертуаръ». За свое послѣднее пятилѣтіе «Пантеонъ» преобразовался въ большой театрально-литературный ежемѣсячникъ, гдѣ много мѣста отводилось критикѣ и теоріи искусствъ и гдѣ Ѳ. А. отстаивалъ для театра, сходясь съ В. Г. Бѣлинскимъ, завѣты искренности игры и простоты ея, видя здѣсь «духовное проявленіе» и энергично возставая противъ всего ходульнаго и вычурнаго, сводящаго искусство лишь къ «пластическому проявленію». Въ общемъ міросозерцаніи Ѳ. А. преобладали элементы идеализма и романтики, и этимъ элементамъ онъ былъ вѣренъ всю свою жизнь.

Мать Анатолія Ѳедоровича, Ирина Семеновна Кони, была въ близкомъ родствѣ съ извѣстнымъ романистомъ того времени Вельтманомъ и подъ его вліяніемъ занялась литературой; ея перу принадлежитъ рядъ повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ подъ фамиліей Юрьевой (дѣвичья фамилія И. С.) въ разныхъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ «Пантеонѣ» ея мужа.

Такимъ образомъ, съ дѣтства въ родной семьѣ А. Ѳ. былъ окруженъ атмосферой, которая говорила о трудѣ, о наукѣ, о литературѣ, объ искусствѣ и не могла остаться безъ вліянія на душу будущаго труженика и мастера слова, посвященнаго служенію лучшимъ идеаламъ.

Учился А. Ѳ. сперва въ училищѣ св. Анны, а затѣмъ во второй петербургской гимназіи, гдѣ окончилъ шесть классовъ и откуда ушелъ, чтобы прямо по экзамену поступить въ университетъ. Это было въ самомъ началѣ знаменательныхъ 60-хъ годовъ. Еще гимназистомъ, А. Ѳ. съ нѣсколькими товарищами проникалъ на лекціи въ университетъ, тогда широко раскрывшій свои двери, и посѣщалъ въ думѣ публичныя лекціи Костомарова, Стасюлевича, Спасовича и др. Тянуло скорѣе перейти изъ гим-

назіи въ высшій храмъ науки, и мы видимъ уже осенью 1861 г. А. Ѳ. студентомъ физико-математическаго факультета. Но вскорѣ разразились извѣстныя событія, повлекшія за собой уходъ части профессоровъ и закрытіе университета, и А. Ѳ. перешелъ въ Московскій университетъ, но уже на юридическій факультетъ. Какъ сообщилъ въ печати самъ А. Ѳ., однимъ изъ поводовъ къ перемѣнѣ факультета было случайное ознакомленіе съ только-что тогда вышедшимъ въ свѣтъ «Русскимъ гражданскимъ правомъ» извѣстнаго казанскаго профессора Мейера, которое произвело на юнаго студента сильное впечатлѣніе, направившее его на путь юриспруденціи.

Въ Москвѣ около А. Ѳ. образовался тѣсный дружескій кружокъ, энергично работавшій, составлявшій лекціи профессоровъ (въ томъ числѣ знаменитаго профессора римскаго права Никиты Крылова) и проводившій досуги въ чтеніи и бесѣдахъ, куда нерѣдко захаживалъ уже тогда пользовавшійся большимъ уваженіемъ своихъ товарищей-филологовъ будущій знаменитый историкъ Ключевскій.

Если въ лицѣ Крылова А. Ѳ. имѣлъ профессора, воодушевлявшаго своихъ слушателей и разъяснявшаго имъ путемъ освѣщенія античныхъ институтовъ высокое значеніе основныхъ началъ юриспруденціи, то симпатіи къ уголовному праву могли явиться у А. Ѳ. лишь вполнѣ самостоятельно. Каѳедру этого предмета занималъ тогда С. Баршевъ; онъ въ это время успѣлъ «эволюціонировать» отъ своихъ старыхъ взглядовъ; онъ не защищалъ болѣе суровыхъ тѣлесныхъ наказаній и основъ нашего до-реформеннаго карательнаго и судебнаго строя; онъ даже ставилъ неудовлетворительныя отмѣтки студентамъ, отвѣчавшимъ по его старымъ записканъ, заявляя, что «нынче такъ не думаютъ»; но, конечно, онъ не могъ ни самъ увлечься новыми вѣяніями въ области уголовнаго правосудія, ни увлечь своихъ слушателей. Но чуткость стараго преподавателя у Баршева была. Онъ сумѣлъ оцѣнить и экзаменаціонные отвѣты А. Ѳ. и его кандидатскую диссертацію «О необходимой оборонѣ», вышедшую въ свѣтъ въ 1865 г. Эта работа была первымъ шагомъ по пути научной дѣятельности и подготовки къ профессурѣ по каѳедрѣ уголовнаго права. Оставляя А. Ѳ. по этой каѳедрѣ, Баршевъ желалъ, чтобы А. Ѳ. немедленно защитилъ диссертацію pro venia legendi и приступилъ къ чтенію лекцій, но А. Ѳ. считалъ это невозможнымъ и желалъ предварительно поработать заграницей; соотвѣтствующіе кредиты оказались исчерпанными, и А. Ѳ. пришлось, не оставляя мысли о занятіи наукой, искать другихъ занятій.

Преобразовательная работа въ то время кипѣла, и А. Ѳ. столкнулся съ ней, поступивъ на службу сперва въ государственный контроль, а потомъ въ главный штабъ, гдѣ участвовалъ въ выполненіи работъ по юридической части по указаніямъ тогдашняго военнаго министра Д. А. Милютина. Но эти стадіи оказались непродолжительными: открылись новыя судебныя учрежденія, и А. Ѳ. перешелъ на службу по судебному вѣдомству, куда въ это время все живое и энергичное шло съ энтузіазмомъ, который А. Ѳ. однажды сравнилъ съ «первой любовью». Съ этихъ поръ судебному вѣдомству на много лѣтъ А. Ѳ. отдаетъ свои лучшія силы.

Въ 1867 г. мы видимъ его секретаремъ при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ, извѣстномъ Ровинскомъ; въ томъ же году онъ уже товарищъ прокурора въ Харьковѣ; въ 1870 г. онъ выполняетъ въ качествѣ прокурора казанскаго окружнаго суда при введеніи здѣсь судебной реформы важную миссію организаціи прокурорскаго надзора и съ честью выходитъ изъ трудной задачи наладить правильныя отношенія между самостоятельнымъ новымъ судомъ и администраціей, представителемъ которой являлся въ то время извѣстный крутымъ образомъ дѣйствій и крайнимъ самовлятіемъ губернаторъ Скарятинъ. Въ 1871 г. А. Ѳ. переходитъ прокуроромъ окружнаго суда въ Петербургъ и занимаетъ это мѣсто въ теченіе пяти лѣтъ, устраивая періодическія совѣщанія подвѣдомыхъ ему чиновъ прокурорскаго надзора, гдѣ читались доклады, обсуждались спорные вопросы текущей практики и вырабатывалась солидарность и единообразіе дѣятелей прокуратуры. Правда, это вызвало ироническіе вопросы въ родѣ того, что «Вы у себя дали конституцію?» Правда, при преемникахъ А. Ѳ. эти «новшества» были выведены, и объединеніе достигалось путемъ механическаго подчиненія, но польза такихъ новшествъ признавалась даже такими скептиками изъ сотрудниковъ А. Ѳ., какимъ былъ покойный Жуковскій, и со слезами черезъ много лѣтъ о прокурорствѣ А. Ѳ. вспоминали въ печати другіе его сотрудники, напримѣръ Вильямсонъ.

Затѣмъ слѣдуетъ недолгая служба А. Ѳ. по судебной администраціи на посту вице-директора министерства юстиціи, съ нерѣдкимъ исполненіемъ директорскихъ обязанностей. Уже въ Харьковѣ началась извѣстность А. Ѳ., какъ выдающагося судебнаго оратора; эта извѣстность выросла и укрѣпилась въ Петербургѣ, гдѣ А. Ѳ. выдвинулся, выступая по болѣе важнымъ дѣламъ, и гдѣ ему приходилось вести судебное состязаніе съ наиболѣе видными и талантливыми представителями нашей адвокатуры, въ

томъ числѣ К. К. Арсеньевымъ и В. Д. Спасовичемъ. Все это невольно обращало вниманіе на А. Ѳ. и побудило министра юстиціи графа Палена привлечь его въ министерство.

Но, несмотря на добрыя личныя отношенія съ министромъ, сказалась разница въ воззрѣніяхъ Палена и А. Ѳ. на то, какимъ долженъ быть курсъ судебнаго корабля, а можетъ быть сказалась и неспособность А. Ѳ. идти на серьезные компромиссы и приспособленія, требуемые бюрократической службой. Въ 1876 г. А. Ѳ. былъ назначенъ вице-директоромъ, а уже въ 1877 г. онъ возвращается къ судебной дѣятельности и занимаетъ мѣсто предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда.

Здѣсь подъ личнымъ руководствомъ А. Ѳ. проходитъ рядъ важныхъ дѣлъ, по которымъ онъ произноситъ свои замѣчательныя по содержательности и безпристрастію такъ наз. руководящія напутствія присяжнымъ; тутъ онъ отдается громадной работѣ руководительства столь обширнымъ и сложнымъ учрежденіемъ, какъ столичный окружный судъ. Но... съ этой должностью ему приходится разстаться. Недовольство, создавшееся въ сферахъ въ связи съ оправдательнымъ приговоромъ по дѣлу В. Засуличъ, на которомъ предсѣдательствовалъ А. Ѳ., вызвало его невольное превращеніе изъ криминалиста въ цивилиста: его назначаютъ предсѣдателемъ гражданскаго департамента петербургской судебной палаты, и эта своего рода почетная ссылка въ мѣста, отдаленныя отъ излюбленнаго А. Ѳ. уголовнаго права и уголовнаго правосудія, длится почти четыре года. Лишь въ 1885 г. онъ призывается на постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Черезъ много лѣтъ А. Ѳ. добрымъ словомъ отмѣтилъ свое пребываніе въ цивилистахъ. Онъ отмѣтилъ то чувство радости, которое онъ испыталъ, какъ криминалистъ, когда, «вынужденный заниматься гражданскимъ правомъ, вдругъ сквозь туманъ этой новой для него области узрѣлъ альпійскія вершины римскаго права, образно начертанныя незабвеннымъ учителемъ» (Никитой Крыловымъ); онъ указалъ, какъ полезенъ для него оказался этотъ цивилистическій стажъ въ его оберъ-прокурорской дѣятельности, гдѣ такъ часто приходится сталкиваться съ преюдиціальными вопросами; но, конечно, все то, что post factum освѣтилось болѣе мягкимъ свѣтомъ, нелегко въ свое время переживалось.

Шесть лѣтъ занималъ А. Ѳ. постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената и, можно сказать, оставилъ яркій отпечатокъ своей личности и своихъ научныхъ и судейскихъ убѣжденій на всей практикѣ департамента. Въ 1891 г.

его назначаютъ сенаторомъ того же департамента, а оберъ-прокуроромъ становится Н. В. Муравьевъ, но, съ одной стороны, послѣдній быстро дѣлаетъ «карьеру и фортуну» и уже черезъ годъ попадаетъ въ государственные секретари, а съ другой стороны, яснымъ становится, какъ незамѣнимъ А. Ѳ. въ роли отвѣтственнаго и вліятельнаго руководителя и направителя уголовной кассаціонной практики, и къ нему обращается министръ юстиціи Манасеинъ съ просьбой вернуться къ исполненію обязанностей оберъ-прокурора съ сохраненіемъ званія сенатора. Въ 1897 г. въ министерство Н. В. Муравьева А. Ѳ. окончательно оставляетъ постъ оберъ-прокурора, а въ 1900 г. оставляетъ и уголовный департаментъ и переходитъ въ сенаторы общаго собранія; наконецъ, въ 1907 г. онъ получаетъ назначеніе въ члены нашей новой верхней палаты, преобразованнаго Государственнаго Совѣта.

Но эта обширная дѣятельность не помѣшала А. Ѳ. энергично работать и на другихъ поприщахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ читалъ лекціи по уголовному процессу въ училищѣ правовѣдѣнія, а послѣ небольшого перерыва болѣе десяти лѣтъ (1901—1912) занималъ ту же каѳедру въ Александровскомъ лицеѣ; онъ до назначенія оберъ-прокуроромъ около десяти лѣтъ былъ почетнымъ мировымъ судьей по Петербургу и двумъ уѣздамъ петербургской губерніи, при чемъ не только носилъ почетное званіе, но и по мѣрѣ возможности принималъ участіе въ работѣ мировыхъ съѣздовъ; онъ выступалъ и выступаетъ съ публичными лекціями, всегда привлекающими массу слушателей; онъ произноситъ рѣчи и дѣлаетъ доклады въ ученыхъ и литературныхъ обществахъ и учрежденіяхъ; со времени открытія разряда изящной словесности въ академіи наукъ А. Ѳ. былъ избранъ почетнымъ академикомъ и съ тѣхъ поръ почти всегда удѣлялъ много времени и вниманія какъ разряду, такъ и академіи вообще.

Прибавимъ, что А. Ѳ. дѣятельно работаетъ въ благотворительныхъ обществахъ, какъ предсѣдатель комитета благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства, предсѣдатель общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Московскаго университета и др., что неоднократно онъ несъ особые труды, въ видѣ участія въ комиссіи о печати Кобеко, предсѣдательствованія въ созванномъ при Муравьевѣ совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ и участія въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ (гдѣ онъ сыгралъ весьма важную роль, о которой мы скажемъ ниже), и что много лѣтъ онъ отдаетъ упорному научному и литературному труду, усилившемуся въ послѣдніе годы со времени его ухода съ боевого поста криминалиста-практика.

Сперва появляются въ печати его отдѣльные доклады, статьи и рѣчи; мы ихъ встрѣчаемъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи, въ старомъ московскомъ «Юридическомъ Вѣстникѣ», въ безвременно погибшемъ «Порядкѣ» Стасюлевича, въ «Вѣстникѣ Европы» и въ историческихъ журналахъ; съ конца восьмидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней А. Ѳ. выпускаетъ объемистые книги-сборники, которые выходятъ все новыми и новыми изданіями, каждый разъ пополненными чѣмъ-либо новымъ и глубоко интереснымъ. Въ 1888 г. выходятъ «Судебныя рѣчи»; въ 1896 г.—«За послѣдніе годы»; затѣмъ слѣдуютъ «Очерки и воспоминанія» (1906 г.), «На жизненномъ пути» (т. I и II, 1912 г., но уже вышло второе изданіе) и, какъ данъ дорогому для автора дню пятидесятилѣтія судебной реформы, прекрасно иллюстрированный сборникъ «Отцы и дѣти судебной реформы».

Но и этими капитальными трудами не исчерпывается научная и литературная работа А. Ѳ. Кони. Онъ редактируетъ рукописи, оставшіяся послѣ Горбунова, приводитъ въ порядокъ этотъ обширный, иногда хаотическій матеріалъ и даетъ большую вступительную статью съ яркой характеристикой личности и значенія Горбунова. Онъ даетъ интересную вступительную статью въ новый коллективный комментарій устава уголовнаго судопроизводства, изданіе котораго предпринято въ Москвѣ въ связи съ юбилеемъ судебной реформы. Онъ выпускаетъ въ 1897 г. въ свѣтъ книгу «Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ», гдѣ воскрешаетъ личность этого, почти забытаго, великаго сердцемъ врача-филантропа, друга бѣдныхъ, печальника за ссыльныхъ и арестантовъ. Подъ вліяніемъ этой книги оживаетъ вниманіе общества къ памяти Гааза; приводится въ порядокъ его могила, получаютъ признаніе его заслуги и ему ставится памятникъ передъ больницей, которую онъ создалъ и въ которой неустанно трудился.

Если мы укажемъ въ заключеніе, что, къ сожалѣнію, остались до сихъ поръ ненапечатанными нѣкоторые доклады и рѣчи А. Ѳ. Кони (напримѣръ, интересный и цѣнный докладъ его въ юридическомъ обществѣ «объ условіяхъ судебной службы на Кавказѣ», остроумная и тонкая рѣчь на редакціонномъ торжествѣ въ день выпуска перваго номера газеты «Порядокъ» и др.), то, подводя итогъ, нельзя не признать, что хотя и великъ полувѣковой періодъ, но что за этотъ періодъ въ культурную сокровищницу Россіи А. Ѳ. Кони сдѣлалъ такой вкладъ, который можно было сдѣлать лишь при рѣдкомъ соединеніи выдающихся талантовъ со столь же выдающейся трудоспособностью.

II.

Оцѣнивая дѣятельность А. Ѳ., прежде всего необходимо остановиться на немъ, какъ на судебномъ ораторѣ, ибо именно на этомъ поприщѣ было положено начало его широкой извѣстности и даны образцы, которые нельзя не признать лучшими образцами судебнаго краснорѣчія.

Въ рѣчахъ А. Ѳ. мы находимъ рѣдкую гармонію содержанія и формы. Блестящая форма его рѣчей чужда внѣшнихъ эффектовъ; содержаніе отличается глубиной и разносторонней эрудиціей, гдѣ обширныя познанія въ области юриспруденціи сочетаются, съ одной стороны, съ познаніями изъ области другихъ научныхъ дисциплинъ, особенно психологіи, а съ другой стороны, дополняются богатымъ знакомствомъ съ изящной литературой.

Отсюда прежде всего—оригинальность рѣчей Кони. Какъ справедливо однажды отмѣтилъ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, «этимъ рѣчамъ нельзя подражать, но по нимъ нужно учиться. Каждая рѣчь представляетъ собой стройное, послѣдовательное и законченное цѣлое; каждая рѣчь отмѣчена всестороннимъ и вдумчивымъ изученіемъ всѣхъ особенностей даннаго случая. Преступленіе предстаетъ передъ нами въ рѣчахъ А. Ѳ. не какъ нѣчто изолированное и формальное; А. Ѳ. подвергаетъ личность преступника глубокому анализу; онъ умѣло вскрываетъ не только внѣшнюю обстановку и условія среды, гдѣ возникло преступленіе, но и истинную душу преступленія—его мотивы, безъ установленія которыхъ дѣло всегда остается темнымъ и загадочнымъ. Устраняя все несоотвѣтствующее высокимъ и важнымъ задачамъ суда, А. Ѳ. на прокурорской трибунѣ одинаково не знаетъ ни ожесточенія, ни сантиментальности. Извлекая изъ дѣла все, что говоритъ противъ обвиняемаго, онъ иногда произноситъ незабываемое сурово-правдивое слово; онъ умѣетъ напомнить присяжнымъ въ дѣлѣ, гдѣ подсудимый говорилъ, что у него «мягкія руки», что это руки «не только мягкія, но и длинныя»; онъ произнесъ незабываемый терминъ «кандидатъ безправія», примѣнивъ его къ отличившемуся на поприщѣ произвола кандидату правъ; но въ то же время А. Ѳ. никогда не сгущаетъ красокъ, никогда не допускаетъ рѣзкостей по адресу противника, а главное, всегда видитъ въ преступникѣ *человѣка*, по отношенію къ которому нужно соблюдать установленныя закономъ гарантіи и, стоя на стражѣ общественныхъ

интересовъ, въ то же время не забывать великаго завѣта правды и милости.

Такимъ былъ А. Ѳ. не только въ роли прокурора и оберъ-прокурора, давшаго рядъ образцовыхъ и юридически тонкихъ заключеній. На предсѣдательскомъ креслѣ по цѣлому ряду важныхъ дѣлъ онъ далъ примѣры замѣчательныхъ руководящихъ напутствій присяжнымъ. Извѣстно, какъ въ общемъ слабо стоитъ у насъ дѣло съ этими напутствіями; чаще всего оно сводится къ чисто формальному и бѣглому обзору обстоятельствъ дѣла, гдѣ необходимая *объективность* превращается въ *безцвѣтность* и дополняется общими и также бѣглыми указаніями на права и обязанности присяжныхъ при рѣшеніи дѣла. Какъ справедливо замѣтилъ А. Ѳ. Кони («На жизненномъ пути», т. I, стр. 301), у насъ «твердаго и точнаго понятія о границахъ и о внутреннемъ смыслѣ руководящаго напутствія все еще окончательно не установлено; и теперь бываютъ случаи, когда напутствія являются или безполезной, ничему не помогающей тратой времени, или проведеніемъ совершенно произвольныхъ взглядовъ и положеній, способныхъ лишь затемнить голосъ здраваго правового сознанія и житейской правды, или же, наконецъ, что особенно печально, носятъ на себѣ слѣды вліянія французской развязности, но только безъ тонкаго французскаго остроумія». Мы прибавили бы, что, къ сожалѣнію, особенно въ послѣдніе годы, часто можно слышать резюме предсѣдательствующихъ, настолько проникнутыя обвинительными тенденціями, что ихъ съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно назвать второй обвинительной рѣчью, чѣмъ безпристрастнымъ руководящимъ напутствіемъ.

Не таковы резюме самого А. Ѳ. Всегда содержательныя, всегда вдумчиво подводящія итоги свидѣтельскихъ показаній, экспертизы и другихъ доказательствъ, они въ то же время всегда хранятъ дорогую для А. Ѳ. «правильность судебной перспективы», глубоко безпристрастны и чужды малѣйшаго уклона въ сторону обвинительныхъ тенденцій.

Мы указали на характеръ и общее значеніе судебныхъ рѣчей А. Ѳ., но онѣ имѣютъ сверхъ того и научное значеніе. Слово А. Ѳ. не разъ направляло нашу практику на вѣрные пути, помогало ей разобраться въ дебряхъ нашего архаическаго уложенія о наказаніяхъ, раскрывало новыя перспективы при толкованіи уголовнаго закона. Такъ, въ дѣлѣ Ахшарумова и Соболевскаго, А. Ѳ. старался установить предѣлы безотвѣтственности при клеветѣ. По его словамъ, «законъ не можетъ оставлять

безнаказаннымъ опубликованіе ложныхъ свѣдѣній, въ *несомнѣнности* которыхъ *не увѣренъ* и самъ ихъ сообщившій, несмотря на то, что такое опубликованіе можетъ разбить всю жизнь человѣка и поселить скорбь и стыдъ въ его близкихъ. Въ этомъ требованіи было бы ошибочно видѣть стѣсненіе свободы печатнаго слова. Не *свободу* этого слова, а *произволъ* этого слова имѣетъ въ виду такое требованіе». Поэтому оправданъ по обвиненію въ клеветѣ долженъ быть только такой подсудимый, который «имѣлъ въ своемъ распоряженіи данные факты, которые *исключали для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ сообщилъ*» («Судебныя рѣчи», стр. 564 и 577). Сенатъ раздѣлилъ точку зрѣнія А. Ѳ., и ст. 1535 ул. о н., трактующая о клеветѣ, съ этихъ поръ получила новое освѣщеніе.

Въ дѣлѣ псаломщика Кедрова А. Ѳ. выступилъ съ горячей защитой тайны исповѣди и широкаго пониманія статьи закона, охраняющей эту тайну, и благодаря этому наша практика не стала на печальный путь неправильнаго истолкованія закона, результатомъ котораго былъ бы ростъ шпіонства и кляузничества и новый гнетъ на совѣсти лучшихъ представителей нашего клира.

Въ нашумѣвшемъ и больно затронувшемъ общественную совѣсть дѣлѣ о мультанскомъ жертвоприношеніи, А. Ѳ. далъ строгую и справедливую оцѣнку тѣмъ пріемамъ, которые были пущены въ ходъ при разслѣдованіи и постановкѣ на судъ этого дѣла. Если, къ сожалѣнію, подобные пріемы не умерли въ нашей дальнѣйшей судебной практикѣ, то это вина не А. Ѳ., въ данномъ же дѣлѣ онъ способствовалъ торжеству правды, прекращенію страданій темныхъ, но ни въ чемъ неповинныхъ людей и подтвержденію тѣхъ правилъ судопроизводства, которыя должны быть незыблемыми гарантіями для подсудимаго, но, увы, часто подвергаются колебанію.

Въ дѣлѣ Палемъ А. Ѳ., всегда въ своихъ рѣчахъ допускавшій изслѣдованіе личности на судѣ уголовномъ, но ставившій это изслѣдованіе въ предѣлы разумной необходимости, энергично выступилъ противъ злоупотребленій въ этой области, ярко сказавшихся въ дѣлѣ Палемъ (какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ), и этимъ способствовалъ предупрежденію пріемовъ, вредныхъ для правосудія и несогласныхъ съ закономъ.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ, но, мы полагаемъ, и сказаннаго достаточно для того, чтобы высокое значеніе дѣятельности Кони, какъ судебнаго оратора, получило надлежащее подтвержденіе.

III.

Говоря о судебныхъ рѣчахъ Кони, мы коснулись и ихъ научнаго значенія. Теперь передъ нами задача шире—очертить А. Ѳ. какъ ученаго-юриста и писателя.

Въ небольшой статьѣ невозможно исчерпать богатое содержаніе трудовъ А. Ѳ. Мы укажемъ, поэтому, лишь на то, что является наиболѣе цѣннымъ. Прежде всего необходимо отмѣтить важное историческое значеніе многихъ трудовъ А. Ѳ. Въ настоящее время явилась бы невозможнымъ дѣломъ попытка написать исторію нашего дореформеннаго суда, а равно и исторію новаго суда, не собравъ тѣхъ фактовъ и указаній, которые обильно даетъ А. Ѳ. въ своихъ произведеніяхъ, ибо здѣсь данъ незамѣнимый матерьялъ для правильнаго пониманія того, какъ развивалось у насъ правосудіе, въ особенности уголовное, и черезъ какіе этапы и терніи оно переходило.

Незабываемы картины нашихъ судебныхъ и тюремныхъ порядковъ, существовавшихъ до судебныхъ уставовъ 1864 г., которыя отрывочно, но чрезвычайно выпукло проходятъ передъ нами въ книгѣ о докторѣ Гаазѣ, въ очеркахъ, посвященныхъ памяти Ровинскаго и Горбунова, и во многихъ другихъ. Здѣсь и картины стараго квартала, съ его примитивнымъ, скорымъ, но отнюдь не милостивымъ и не нелицепріятнымъ разбирательствомъ; здѣсь и общая характеристика нашихъ старыхъ судовъ съ ихъ безконечнымъ крючкотворствомъ, волокитой и невѣжествомъ, и данныя о нашихъ доморощенныхъ пыткахъ, въ видѣ кормленія селедками, существовавшихъ чуть не наканунѣ судебной реформы, и яркія изображенія ужасовъ подслѣдственныхъ и обыкновенныхъ тюремъ, откуда заключенные иногда выходили ослѣпшими, и знаменитая Владимірка съ желѣзнымъ прутомъ, къ которому приковывали ссыльныхъ, и многое-многое другое, что необходимо знать каждому, желающему ознакомиться съ *подлиннымъ* нашимъ старымъ правосудіемъ, а не съ *начертаніемъ* его въ законахъ и оффиціальныхъ актахъ.

Но неизмѣримо болѣе мы находимъ у А. Ѳ. (особенно въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ» и въ I-мъ томѣ «На жизненномъ пути») важныхъ историческихъ данныхъ, относящихся къ новому суду.

Мы читаемъ о томъ, съ какою любовью и съ какими трудами создавался этотъ судъ; передъ нами проходитъ цѣлый рядъ творцовъ судебной реформы и судебныхъ дѣятелей пер-

ваго призыва; мы видимъ, что въ первый періодъ своего бытія новый судъ еще мало подвергался разнымъ реформамъ и воздѣйствіямъ, и что тогда онъ съ честью выходилъ изъ дѣлъ трудныхъ, сложныхъ и порою затрагивающихъ интересы властныхъ міра сего, какъ, напримѣръ, дѣло игуменьи Митрофаніи, дѣло милліонера Овсянникова, дѣло Ландсберга, дѣло о поддѣлкѣ серій и мн. др. Здѣсь, благодаря мастерской кисти автора, сквозь бытовые и соціальные контуры, связанные съ тѣмъ или другимъ дѣломъ, сквозь обстоятельный фактическій разсказъ о жизни того или иного дѣятеля или о ходѣ того или иного процесса, все время просвѣчиваетъ величавое *общее*, тотъ духъ судебныхъ уставовъ, тогда еще неподвергшихся ломкѣ, который для былыхъ судебныхъ дѣятелей былъ духомъ живымъ и превращалъ ихъ службу въ служеніе по признанію.

Кромѣ того, мы видимъ, что маститый судебный дѣятель, лично прошедшій долгій и трудный путь по всѣмъ ступенямъ судебной служебной лѣстницы, даетъ твердое и авторитетное свидѣтельство въ томъ смыслѣ, что, будемъ ли мы говорить о судѣ мировомъ, о слѣдователяхъ, о присяжныхъ засѣдателяхъ, о судьяхъ, о представителяхъ прокуратуры или адвокатуры, мы въ общемъ должны будемъ признать, что судебные уставы удачно поставили дѣло русскаго правосудія, и что новый судъ нашелъ соотвѣтствующихъ работниковъ, громадное большинство которыхъ въ то время стояло на высотѣ требованій, предъявляемыхъ истиннымъ правосудіемъ къ тѣмъ, которые служатъ его дѣлу.

И если институтъ независимыхъ слѣдователей у насъ былъ сведенъ на-нѣтъ практикой назначенія «и. д.» и «командированіемъ» къ несенію обязанностей слѣдователя лицъ, причисленныхъ къ министерству и находящихся въ полной отъ него зависимости, если былъ нанесенъ рядъ ударовъ судейской несмѣняемости и сокращена компетенція суда присяжныхъ, если стѣснили свободу и автономію адвокатуры, если, наконецъ, на развалинахъ мирового института были выстроены пресловутыя судебно-административныя учрежденія, то вина въ этомъ падаетъ не на судебные уставы; такого рода «реформъ» не требовалъ также ни личный составъ работниковъ на судебной нивѣ, ни качество и характеръ ихъ работы, ни потребности истиннаго правосудія. И тѣмъ не менѣе «реформы» произошли и дали результаты, колоритно начертанные у А. Ѳ.

Съ одной стороны, явилась реформа 1889 г. По справедливому замѣчанію А. Ѳ., это была внезапно разразившаяся

буря, которая смела съ лица русской земли мировыя учрежденія и обратила въ ничто ихъ многолѣтнюю *работу по воспитанію народа въ чувствахъ законности*. На опустошенной судебной нивѣ выросли земскіе начальники и распустились пышнымъ цвѣтомъ узаконеннаго произвола и смѣшенія понятій о личномъ распоряженіи и о судебномъ рѣшеніи» («На жизненномъ пути» томъ I).

Съ другой стороны—новый курсъ по отношенію къ судебнымъ учрежденіямъ съ годами сильно отразился на ихъ личномъ составѣ. Въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 27-го іюня 1908 года по проекту объ увеличеніи содержанія чинамъ судебнаго вѣдомства, А. Ѳ. подчеркнулъ заслугу новаго суда, заключающуюся въ томъ, что «слуга русскаго закона пронесъ незапятнаннымъ ввѣренное ему въ 1866 году знамя и несетъ его такъ до сихъ поръ, рѣдко спотыкаясь, порою изнемогая, но никогда, никогда не замаравъ корыстью или лихоимствомъ тѣхъ рукъ, которыя держатъ это знамя». Но тотъ же А. Ѳ. не разъ съ грустью указывалъ, какъ мало-по-малу въ судебное вѣдомство проникла «приспособляемость» и отреченіе отъ того, въ пользу и честь чего говорилось такъ много задушевныхъ словъ; онъ ставилъ въ особую похвалу Зарудному то, что послѣдній не обращалъ въ своей дѣятельности вниманія «на столь *обычныя у насъ соображенія о томъ, ловко ли? удобно ли?*» Онъ же, наконецъ, воздавая должное судебнымъ дѣятелямъ перваго призыва, констатировалъ, что въ дальнѣйшее время «подъ вліяніемъ разныхъ причинъ» среди представителей судебнаго вѣдомства появились «ремесленники судебной профессіи, безразличные въ выборѣ вѣдомства чиновники и дилетанты, чуждые духу и строгимъ требованіямъ судебныхъ уставовъ» («За послѣдніе годы», «Очерки и воспоминанія» и «На жизненномъ пути», томъ II).

Какъ видимъ, А. Ѳ. даетъ яркую характеристику судебной реформы и ея дѣятелей; эта характеристика, объективная и справедливая по существу и исходящая отъ человѣка, много лѣтъ съ любовью плодотворно поработавшаго на судебной нивѣ, является тѣмъ болѣе важной, что далеко не всегда получаетъ вѣрную оцѣнку прошлое и настоящее судебнаго міра. Если раньше были времена, когда, по справедливому замѣчанію А. Ѳ., велась «бухгалтерія особаго рода, по которой *въ пассивъ* новыхъ судовъ преувеличенно крупнымъ шрифтомъ вписывались малѣйшіе промахи и неизбѣжныя ошибки, а *въ активъ* ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные

при старомъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицепріятнаго правосудія», то теперь пришли времена, когда появляются книги, въ родѣ юбилейнаго изданія министерства юстиціи въ честь судебныхъ уставовъ, гдѣ на свѣтлое прошлое нашего суда набрасываются тѣни и, наоборотъ, время искаженія судебныхъ уставовъ и дѣятели новой формаціи (кромѣ, впрочемъ, представителей адвокатуры) рисуются въ розовыхъ и иногда весьма далекихъ отъ дѣйствительности краскахъ. Чтеніе работъ А. Ѳ., изученіе его данныхъ и его выводовъ могутъ дать надлежащіе коррективы къ тому своего рода «кривому зеркалу» судебныхъ уставовъ, въ которомъ показало ихъ министерское изданіе.

Особеннымъ видомъ творчества А. Ѳ., имѣющимъ большое историко-юридическое значеніе, являются характеристики и портреты государственныхъ и въ частности судебныхъ дѣятелей. Иногда это обширные очерки, иногда небольшія статьи или обработанныя для печати рѣчи, но всегда это цѣнныя по содержанію и блестящія по формѣ произведенія, гдѣ мѣткими и оригинальными штрихами изображены дѣятели послѣдняго пятидесятилѣтія. Здѣсь передъ нами пѣлая галлерея какъ старыхъ соратниковъ автора, судебныхъ дѣятелей и дѣятелей науки въ лицѣ Неклюдова, Спасовича, Ровинскаго, Заруднаго, Арсеньева, Боровиковскаго, Урусова и мн. др., такъ и государственныхъ дѣятелей на разнообразныхъ другихъ поприщахъ, начиная съ Вел. Кн. Константина Николаевича и Вел. Кн. Елены Павловны, продолжая Милютинымъ, Стасюлевичемъ и многими другими, и кончая такими опредѣленными фигурами, какъ Треповъ и Скарятинъ.

При этомъ, тамъ, гдѣ А. Ѳ. Кони приходится говорить о людяхъ недоброй памяти, онъ ничего не замалчиваетъ, но въ то же время хранитъ правильность исторической перспективы и показываетъ намъ этихъ людей безъ сгущенія красокъ и въ условіяхъ, питавшихъ ихъ отрицательныя черты; тамъ же, гдѣ авторъ рисуетъ дорогіе ему и свѣтлые образы, онъ ярко оттѣняетъ каждую черточку, въ то же время не превращая повѣствованія въ дифирамбъ и мягкость соединяя съ объективностью. Въ результатѣ получаются не отвлеченные злые или праведные образы, а живыя фигуры, облеченныя въ плоть и кровь и глубоко цѣнныя по своей жизненной правдѣ.

Мы говорили уже, что въ своихъ трудахъ А. Ѳ. далъ много цѣннаго матеріала, освѣщающаго фактическую дѣятельность новаго суда и условій, среди которыхъ этому суду приходилось работать. Прибавимъ теперь, что особенно поучительными здѣсь

являются данныя, относящіяся къ «доброму» старому и еще такъ недавнему времени, къ воскрешенію котораго такъ усердно тянутся многіе изъ современныхъ господъ положенія,—это дѣла уніатскія, штундистскія и пасторскія.

Мы видимъ, что въ этой области нужна была со стороны судебныхъ дѣятелей долгая, напряженная и самоотверженная борьба, чтобы добиться смягченія хотя бы самыхъ острыхъ и болѣзненныхъ угловъ, и эта борьба велась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, ибо, какъ съ цѣлымъ рядомъ фактовъ въ рукахъ установилъ А. Ѳ., «съ одной стороны дѣятельно выступила духовная власть, водворяющая и укрѣпляющая господство церкви не столько путемъ примѣра, поученія и подъема народной нравственности и религіознаго сознанія, сколько путемъ административныхъ взысканій и судебныхъ приговоровъ»; она, «предпочитая духовному вразумленію—вразумленіе полицейское, попускала явное попраніе свободы совѣсти»; съ другой же стороны, «въ союзѣ и единомысліи» съ духовной властью дѣйствовали «мѣстные высшіе представители администраціи».

Рисуя прошлое, авторъ иногда роняетъ замѣчанія, мѣтко и ярко освѣщающія настоящее.

Онъ вспоминаетъ величавыя фигуры былыхъ старшихъ представителей русской прокуратуры, чуждыхъ «услужливой бѣготни въ канцелярію министерства юстиціи» и «не искавшихъ жадно случая отличиться въ глазахъ властей предержащихъ и тѣмъ снискать себѣ матеріально выгодное положеніе начальника явной и тайной полиціи». Онъ даетъ краткую характеристику работъ комиссіи, созванной Н. В. Муравьевымъ для пересмотра судебныхъ уставовъ, и мы читаемъ, что эта «широковѣщательная комиссія», вопреки первоначальному плану, очень быстро обратилась «въ послушное орудіе для перестройки судебныхъ уставовъ въ смыслѣ искаженія ихъ *основныхъ началъ* съ внѣшнымъ улучшеніемъ нѣкоторыхъ *частичныхъ подробностей*»... «Руки, вскормленныя этими уставами, дерзновенно поднялись на нихъ и, подъ предлогомъ *ремонта*, предприняли ихъ *разрушеніе*» («На жизненномъ пути», II, стр. 247, 259). Въ частности, прослѣдивъ перипетіи вопроса о судейской несмѣняемости, А. Ѳ. «съ грустнымъ чувствомъ» вспоминаетъ «покорную услужливость» многихъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, подчинившихся въ этомъ вопросѣ «предуказанному настроенію» (ibid., I, стр. 469—470). Комиссія отошла въ прошлое; ея труды не стали закономъ и сданы въ архивъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ ней не исчезли ни «покорная услужливость», ни

«предуказанныя настроенія»; но книги А. Ѳ. показываютъ, что не всегда такъ было, и даютъ возможность вѣрить, что не всегда такъ будетъ.

Обращаясь теперь отъ прошлаго къ настоящему, мы должны будемъ сказать, что въ трудахъ своихъ, касающихся современности и ея правового состоянія, А. Ѳ. и какъ ораторъ, и какъ судебный дѣятель, и какъ писатель, и на профессорской каѳедрѣ, прежде и больше всего подчеркивалъ этическія начала и принципіальныя основы. Здѣсь цѣнный *теоретическій* матеріалъ авторъ подкрѣпляетъ многими данными, почерпнутыми изъ его богатаго опыта жизни и изъ его многолѣтней судебной дѣятельности.

Чрезвычайно интересны, прежде всего, нѣкоторыя принципіальныя предпосылки, которыя выясняютъ намъ отношеніе автора къ юриспруденціи вообще, къ ея задачамъ и цѣлямъ; эти предпосылки опредѣляютъ отношеніе автора къ уголовному правосудію и отражаются на всемъ, выходящемъ изъ-подъ его пера и затрагивающемъ судебную сферу въ широкомъ смыслѣ этого слова. Среди разнообразныхъ теченій юридической мысли можно уловить два лейтъ-мотива. Сторонники перваго изъ нихъ являются жрецами вѣры во всеспасительность «строго-юридической» точки зрѣнія, нерѣдко доходящей до оторваннаго отъ жизни догматизма и бездушнаго формализма. Сторонники второго лейтъ-мотива, уважая законъ и отдавая должное догмѣ, въ то же время и въ наукѣ и въ области практическаго правосудія помнятъ, что «суббота создана для человѣка, а не человѣкъ для субботы».

А. Ѳ. Кони является убѣжденнымъ сторонникомъ второго изъ указанныхъ нами воззрѣній на юриспруденцію. Не восхищается онъ (столь нерѣдкими и теперь среди юристовъ) «людьми приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать передъ своимъ мертвымъ глаголомъ». Нѣтъ, авторъ гармонически сочетаетъ уваженіе къ закону со стремленіемъ къ тому, чтобы «правда матеріальная, правда житейская, выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины». Отсюда—рѣшительное отрицаніе всего того, на чемъ лежитъ отпечатокъ «бездушной узости и казуистичности»; отсюда—рѣзкое и справедливое порицаніе такихъ построеній и такихъ толкованій закона, которыя исходятъ отъ «хладныхъ духомъ скопцовъ», стремящихся не къ широкому «пониманію юридическихъ нормъ», а къ «болѣзненно и насильственно» производимому вталкиванію самой жизни въ ихъ узкія рамки;

отсюда, наконецъ, слово живого сочувствія А. Ѳ. по адресу новыхъ теченій въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ и процессѣ, сказанное въ его критическихъ статьяхъ и замѣчаніяхъ при разборѣ «Отчета судьи» Боровиковскаго, «Курса уголовной политики» пишущаго эти строки, книги «О судебномъ краснорѣчіи» Пороховщикова и мн. др.

Чуткость къ біенію пульса жизни и къ ея назрѣвающимъ потребностямъ, соединенная съ высокими этическими критеріями и богатствомъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей творчества, начиная съ законодательныхъ матеріаловъ и кончая изящной литературой,—налагаетъ яркій отпечатокъ на труды А. Ѳ. и составляетъ ихъ главную привлекательную особенность.

На первомъ планѣ мы должны поставить труды А. Ѳ. по созданію особой вѣтви уголовнаго процесса, которую онъ именуетъ «*судебной этикой*». Этой вѣтви онъ посвящаетъ особую статью, приложенную къ его «Судебнымъ рѣчамъ»; ей отдаетъ онъ значительную часть лекцій, читанныхъ въ Александровскомъ Лицеѣ; къ ней же не разъ возвращается и въ своихъ послѣдовавшихъ печатныхъ трудахъ.

«Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ А. Ѳ.), что историко-догматическая сторона въ преподаваніи уголовнаго процесса вездѣ должна занимать подобающее ей по праву мѣсто, но думается, что настало время на-ряду съ исторіей и догмой освѣтить и тѣ разнородные вопросы, возникающіе въ каждой стадіи процесса, которые подлежатъ разрѣшенію согласно существеннымъ требованіямъ нравственнаго закона... Ими у насъ до сихъ поръ почти никто систематически не занимался, а между тѣмъ имъ принадлежитъ въ будущемъ первенствующая роль въ изслѣдованіи условій и обстановки уголовнаго процесса. Формы судопроизводства теперь повсюду болѣе или менѣе прочно установились. Точно также опредѣлился и взглядъ на цѣнность, пригодность и цѣлесообразность различныхъ судебныхъ учрежденій. Законодательство, подъ вліяніемъ временныхъ ослѣпленій, можетъ, конечно, отступить назадъ и возвращаться къ устарѣлымъ и отжившимъ учрежденіямъ, но на коренныя начала правосудія... оно серьезно посягнуть не рѣшится... Вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли человѣчество придумаетъ форму суда, могущую съ прочнымъ успѣхомъ замѣнить судъ присяжныхъ... Въ будущемъ, рядомъ съ изощреніемъ техники, должно пойти развитіе истиннаго и широкаго человѣколюбія на судѣ, равно далекаго и отъ механической нивеллировки отдѣльныхъ индивидуальностей, и отъ

черствости пріемовъ, и отъ чуждой истинной добротѣ дряблости воли въ защитѣ общественнаго правопорядка. Тогда главное вниманіе съ полнымъ основаніемъ обратится на изученіе нравственныхъ началъ уголовнаго процесса—и центръ тяжести ученія о судопроизводствѣ перенесется... на *этическую* и *общественно-правовую* дѣятельность во всѣхъ ея проявленіяхъ» («Судебныя рѣчи», стр. 3—4).

Можно соглашаться или не соглашаться съ авторомъ относительно будущей *доминирующей роли* судебной этики, но *важность* ея не подлежитъ никакому сомнѣнію, и потому труды автора, который не только высказался о томъ, чѣмъ должна быть судебная этика, но и начерталъ ея основы, заслуживаютъ особаго вниманія и признательности.

Обращаясь къ частнымъ темамъ, затронутымъ А. Ѳ. какъ въ связи съ судебной этикой, такъ и въ связи съ уголовно-процессуальной догматикой, мы и здѣсь изъ обширнѣйшаго матерьяла отмѣтимъ лишь существеннѣйшіе на нашъ взглядъ моменты («Судебныя рѣчи», особенно стр. 4—17, 36 и сл.; «На жизненномъ пути», I, особенно стр. 97—109, 322—386).

Въ статьѣ «Пріемы и задачи обвиненія» мы находимъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе, ибо авторъ, кромѣ полной характеристики того, какъ должно быть поставлено обвиненіе и каковы его задачи и пріемы, даетъ блестящій очеркъ этическихъ задачъ не только обвиненія, но и защиты.

Говоря о судебномъ словѣ, А. Ѳ. замѣчаетъ: «Слово—одно изъ величайшихъ орудій человѣка. Безсильное само по себѣ—оно становится могучимъ и неотразимымъ, сказанное умѣло, искренно и во-время. Оно способно увлекать за собой самого говорящаго и ослѣплять его и окружающихъ своимъ блескомъ. Поэтому нравственный долгъ судебнаго оратора — обращаться осторожно и умѣренно съ этимъ оружіемъ и дѣлать свое слово лишь слугою глубокаго убѣжденія, не поддаваясь соблазну красивой формы или *видимой* логичности своихъ построеній и не заботясь о способахъ увлечь кого-либо своею рѣчью». Въ глазахъ А. Ѳ. Кони—прокуроръ—это *говорящій публично судья;* ему А. Ѳ. даетъ высокіе завѣты, о которыхъ особенно нужно помнить въ наши дни, когда прокуратура является зачастую проникнутой началами карьеризма и тенденціей къ легкому возбужденію обвиненій и къ поддержкѣ ихъ во что бы то ни стало, разъ ясно, что обвинительный приговоръ понравится сильнымъ міра сего. А. Ѳ. не допускаетъ преслѣдованія обвинителемъ «какой-либо иной цѣли, кромѣ цѣли правосудія» и указываетъ

представителямъ прокуратуры на то, что, исполняя ихъ тяжелый долгъ, они только тогда будутъ полезны своимъ служеніемъ, «когда въ него будетъ внесена строгая нравственная дисциплина и когда интересъ общества и человѣческое достоинство личности будутъ ограждаться съ одинаковой чуткостью и усердіемъ». Понятно, поэтому, что А. Ѳ. рѣшительно протестуетъ противъ разныхъ «нерѣдкихъ въ послѣднее время пріемовъ», когда съ прокурорской трибуны бросаются по адресу защитника или даже по адресу всего адвокатскаго сословія оскорбительные «намеки и обвиненія», и признаетъ совершенно «недопустимыми въ рѣчахъ обвинителя выходки по поводу племенныхъ или вѣроисповѣдныхъ особенностей подсудимаго». Горько лишь, что эти золотыя слова теперь часто являются забытыми словами.

Съ такой же справедливостью и объективностью относится А. Ѳ. и къ защитѣ. Справедливо утверждая, что составители судебныхъ уставовъ разумѣли уголовную защиту какъ *общественное служеніе*, онъ съ понятной тревогой смотритъ на тѣ случаи, когда «защита *преступника* обращается въ оправданіе *преступленія*, при чемъ, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляютъ потерпѣвшаго и виновнаго помѣняться ролями», или когда «широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ, расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій или безсовѣстному обкрадывателю народа». Но въ то же время А. Ѳ. предостерегаетъ противъ обобщенія подобныхъ случаевъ и противъ неблагопріятныхъ выводовъ по адресу защиты. «Нельзя забывать (говоритъ онъ) тѣ достойныя глубокаго уваженія имена, которыя оставили и оставятъ свой нравственный слѣдъ въ рядахъ присяжной адвокатуры, и ту постоянную и вполнѣ безкорыстную работу, которую нерѣдко, съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести членамъ этой адвокатуры, защищая подсудимыхъ по назначенію отъ суда въ огромномъ числѣ дѣлъ».

Въ наши дни, когда адвокатура обрѣтается «не въ авантажѣ», когда посягаютъ на ея права, съ легкимъ сердцемъ возбуждаютъ противъ ея представителей процессы, когда даже изъ ея собственныхъ рядовъ выступаютъ критики, утверждающіе, что вся наша адвокатура «стоитъ на наклонной плоскости», авторитетный голосъ А. Ѳ. заслуживаетъ особаго и признательнаго вниманія.

Интересный теоретическій матерьялъ заключается далѣе въ статьяхъ А. Ѳ. «Обвиняемые и свидѣтели», «Свидѣтели на судѣ»,

«Вмѣсто предисловія» (къ книгѣ «Судебныя рѣчи») и «Свѣдущіе люди и экспертиза». Здѣсь мы находимъ высокой важности указанія, обоснованныя теоретически и цѣнныя практически, относительно того, какъ должно работать надъ судебнымъ матерьяломъ, какъ наилучше обезпечить его доброкачественность и достовѣрность и какъ использовать его ко благу истиннаго правосудія.

Не останавливаясь на частностяхъ (въ родѣ весьма цѣнныхъ по существу наблюденій надъ пріемами слѣдствія), мы скажемъ, во-первыхъ, что въ названныхъ нами статьяхъ даны перлы судейской и житейской наблюдательности и юридической мысли, и, во-вторыхъ, что во всѣхъ ихъ отразился общій возвышенный взглядъ автора на задачи суда и судебныхъ дѣятелей. Строгая разборчивость въ оцѣнкѣ матерьяла, терпѣливое вниманіе, отсутствіе предвзятости и угодливаго склоненія передъ мнѣніемъ высшихъ, провѣрка по возможности каждаго даннаго, стремленіе не къ одному правомѣрному примѣненію карательныхъ опредѣленій закона, но и къ возможному осуществленію закона нравственнаго,—все это должно неизмѣнно присутствовать въ работѣ судебнаго дѣятеля.

И если, наоборотъ, мы видимъ передъ собой «поруганіе человѣческаго достоинства» или даже просто «забвеніе про живого человѣка, способнаго на чувство страданія», то мы должны «вмѣнить въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и внѣшнюю предполагаемую полезность его работы».

И, какъ заключительный аккордъ, ярко и съ незабываемой силой звучитъ у А. Ѳ. краткій основной завѣтъ всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ: «*слѣдовать точнымъ требованіямъ судебныхъ уставовъ и быть слугою, а не лакеемъ правосудія*».

Мы говорили до сихъ поръ о А. Ѳ., какъ о писателѣ-юристѣ. Но А. Ѳ. является также дѣятелемъ въ сферѣ изящной литературы. Его перу принадлежитъ длинный рядъ докладовъ, воспоминаній, статей и рѣчей, посвященныхъ лучшимъ представителямъ русскаго литературнаго творчества и особенно корифеямъ этой области. Передъ нами здѣсь проходятъ Пушкинъ, Одоевскій, Достоевскій, Гончаровъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Писемскій, Апухтинъ и многіе другіе.

Казалось бы, трудно сказать въ этой области что-либо новое, но это новое находится у А. Ѳ. неизмѣнно. Какъ сильно впечатлѣніе отъ этихъ произведеній А. Ѳ. и съ какой яркостью и оригинальностью они написаны, видно хотя бы изъ письма къ автору такого тонкаго и не чуждаго скептицизма цѣнителя, ка-

кимъ былъ покойный В. О. Ключевскій. По его словамъ, въ трудахъ будущаго бытописателя данной эпохи, поскольку рѣчь будетъ идти о литературѣ и ея корифеяхъ, какъ общественныхъ типахъ, Анатолію Ѳедоровичу «въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ волей-неволей придется занять мѣсто пушкинскаго Пимена». «Вы (прибавляетъ Ключевскій) прямо-таки открыли мнѣ Тургенева, Данилевскаго, Некрасова, Писемскаго, превратили литературные силуэты, какими они мнѣ представлялись, въ живые яркіе образы. И знаете, за что я вамъ особенно благодаренъ? Изъ вашихъ разсказовъ, столь для меня новыхъ, я не вынесъ разочарованій; напротивъ, я обогатилъ только запасъ своихъ сочувствій: въ ежедневной дѣйствительности, какъ вы изобразили этихъ мастеровъ, въ конкретнѣйшихъ, иногда мелкихъ случаяхъ ихъ жизни, вами разсказанныхъ, они не менѣе привлекательны, даже нерѣдко привлекательнѣе, чѣмъ въ своихъ произведеніяхъ. Сколько въ нихъ историческаго и вмѣстѣ сколько трагическаго. Не каждый изъ нихъ носилъ на шейномъ шнуркѣ мундштукъ вмѣсто креста, подобно Писемскому, но на плечахъ каждаго, не исключая и Писемскаго, тяготѣлъ крестъ русской жизни».

Къ этимъ словамъ мы бы прибавили лишь одно. Рисуя литературные портреты, А. Ѳ. глубокое изученіе жизни и произведеній изображаемаго лица всегда соединяетъ со столь же глубокой теплотой. Гордясь нашими лучшими писателями и проникая въ отдаленнѣйшіе углы ихъ творческой лабораторіи, онъ съ любовью относится къ нимъ самимъ. Отсюда тотъ особый колоритъ, который лежитъ на его портретахъ и составляетъ его цѣнную индивидуальную особенность.

И во многихъ случаяхъ здѣсь любовь была за любовь. А. Ѳ. всегда былъ дорогимъ сочленомъ редакціонной семьи «Вѣстника Европы», гдѣ онъ въ былые годы на трапезахъ покойнаго М. М. Стасюлевича въ тѣсномъ кружкѣ дружески встрѣчался съ цѣлымъ рядомъ литературныхъ дѣятелей и въ частности съ Тургеневымъ. Ему проникнутыя теплымъ чувствомъ письма не разъ писалъ Левъ Николаевичъ Толстой, который причислялъ А. Ѳ. къ людямъ, имъ любимымъ, хотя и былъ врагомъ суда и безпощадной кистью рисовалъ его дѣятелей. Въ сердечныхъ отношеніяхъ съ А. Ѳ. находился многимъ обязанный его отцу Некрасовъ. Ему посвятилъ свое извѣстное «Письмо къ прокурору» Апухтинъ и т. д., и т. д.

А. Ѳ. оказалъ также вліяніе и на творчество нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей. Подъ вліяніемъ переданнаго А. Ѳ. разсказа явилось яркое стихотвореніе Некрасова «О Яковѣ вѣр-

номъ, холопѣ примѣрномъ»; одинъ изъ судебныхъ разсказовъ А. Ѳ. произвелъ на Л. Н. Толстого такое впечатлѣніе, что впослѣдствіи онъ взялъ этотъ разсказъ въ основу своего произведенія «Живой трупъ», а упомянутое уже нами «Письмо къ прокурору» Апухтина явилось какъ бы отвѣтомъ на одну изъ бесѣдъ поэта съ А. Ѳ. по вопросу о самоубійствѣ.

IV.

Мы ознакомились съ А. Ѳ., какъ съ выдающимся судебнымъ ораторомъ, ученымъ и признаннымъ мастеромъ слова въ области литературы. Но А. Ѳ. не только судебный *ораторъ*; онъ, во-первыхъ, судебный *дѣятель* въ самомъ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, и, во-вторыхъ, онъ *гражданинъ*, не только отзывчивый къ судьбамъ родины, но и сдѣлавшій малый вкладъ въ строительство этихъ судебъ. Со времени обновленія нашего политическаго строя А. Ѳ. въ реформированномъ Государственномъ Совѣтѣ занялъ мѣсто въ рядахъ лѣваго центра, но не вошелъ въ составъ какой-нибудь политической партіи. Онъ не сторонникъ крайней партійности и того, что онъ называетъ «привычкой налѣплять на людей ярлыки и этикетки и тѣмъ заранѣе освобождать себя отъ безпристрастнаго разбора и пониманія свойствъ и особенностей чужой личности». «У насъ (говоритъ А. Ѳ.) этихъ ярлыковъ въ изобиліи, и грустная дѣйствительность не разъ уже показала, что яркіе флаги прикрываютъ иногда сомнительный грузъ и что подъ многовѣщающей этикеткой подчасъ скрываются болѣе чѣмъ незавидныя нравственныя свойства» («На жизненномъ пути», I, стр. 2).

Но внѣ-партійность А. Ѳ. имѣетъ особый характеръ, ибо умѣренность политическихъ воззрѣній онъ соединяетъ съ рѣдкимъ у насъ отсутствіемъ компромиссовъ и со стойкой энергіей въ защитѣ всего того, что ему дорого и что онъ считаетъ необходимымъ для счастья и развитія нашей родины. И эту стойкую энергію А. Ѳ. неизмѣнно проявлялъ въ теченіе своей полувѣковой дѣятельности какъ въ судебной сферѣ, такъ и внѣ ея.

Въ первой мы должны прежде всего помянуть горячую и плодотворную защиту А. Ѳ. суда присяжныхъ.

Уже въ 1876—77 г.г. велись подкопы подъ судъ присяжныхъ при дѣятельномъ участіи Каткова. Въ министерствѣ юстиціи въ виду этого происходили совѣщанія, въ которыя Паленъ приглашалъ и А. Ѳ., тогда прокурора петербургскаго суда. Здѣсь

предлагалось многое изъ того, что впослѣдствіи осуществили или старались осуществить, какъ-то: изъятіе отъ присяжныхъ сужденія должностныхъ преступленій, допущеніе предсѣдателя въ совѣщательную комнату присяжныхъ, предоставленіе суду права отмѣнять единогласно приговоры, коими оправданъ явно виновный и т. п. А. Ѳ. не только возсталъ противъ этихъ проектовъ, но и представилъ Палену обширную докладную записку въ защиту присяжныхъ, написанную съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такой силой убѣжденія, что записка сыграла серьезную роль: Паленъ призналъ богатство собранныхъ матеріаловъ и вѣрность выводовъ, и многіе изъ проектовъ провалились. Когда же одинъ изъ нихъ (объ устраненіи присяжныхъ отъ сужденія должностныхъ преступленій) все же пошелъ въ ходъ и былъ приведенъ въ готовый и законченный видъ, А. Ѳ., уже призванный на постъ вице-директора и исполнявшій временно обязанности директора департамента, *отказался скрѣпить* этотъ проектъ и этимъ, рискуя своей карьерой, добился отсрочки намѣченной печальной мѣры.

Когда въ 1893 г. возникъ проектъ министра юстиціи Манасеина, по коему коронному суду должно было быть предоставлено право единогласно отмѣнять не только обвинительные вердикты, которыми осужденъ *явно невинный* (ст. 818), но и тѣ вердикты, которыми, по мнѣнію суда, оправданъ явно виновный, то на проектѣ, по предварительному докладу Манасеина, Александръ III написалъ «Съ» (согласенъ). Но затѣмъ, раньше выработки окончательнаго проекта, было потребовано заключеніе вѣдомствъ, а въ частности Манасеинъ, разсчитывая на поддержку со стороны оберъ-прокуратуры, запросилъ и заключеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената. Но этотъ разсчетъ не оправдался. Оберъ-прокуроромъ тогда былъ А. Ѳ. Кони, и онъ, исполняя полученный отъ министра ордеръ, далъ блестяще мотивированное заключеніе *противъ* намѣченной мѣры. Заключеніе было поддержано уголовнымъ департаментомъ Сената, и, главнымъ образомъ благодаря ему, проектъ Манасеина, который убилъ бы всякую независимость присяжнаго суда и устойчивость его приговоровъ, съ трескомъ провалился.

Но не только въ указанныхъ случаяхъ А. Ѳ. проявилъ стойкость и твердость убѣжденій. Ее онъ хранилъ на всѣхъ постахъ, имъ занимаемыхъ, и не терялъ, подобно многимъ другимъ, по мѣрѣ повышенія по судебной лѣстницѣ.

Въ частности, во время его оберъ-прокурорства, для уголовнаго кассаціоннаго департамента не было «ни эллина, ни

іудея», а въ той трудной борьбѣ, которую пришлось вынести департаменту въ дѣлѣ защиты началъ религіозной свободы и терпимости (о чемъ у̀ насъ уже была рѣчь), А. Ѳ. выступилъ какъ дѣятельный и энергичный участникъ и вдохновитель, который, во имя истинныхъ интересовъ правосудія и здоровыхъ началъ государственной жизни, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, поплылъ противъ теченія, хотя это теченіе олицетворялось всевластной въ то время фигурой К. П. Побѣдоносцева.

Особенно трудной оказалась роль А. Ѳ. въ печальной памяти комиссіи временъ Н. В. Муравьева по пересмотру судебныхъ уставовъ. Мы уже знакомы съ ея обликомъ и теперь прибавимъ только, что по многимъ вопросамъ А. Ѳ. пришлось вести борьбу въ защиту лучшихъ началъ судебныхъ уставовъ *чуть не въ одиночку*. По вопросу о передачѣ слѣдствія по менѣе важнымъ дѣламъ въ руки полиціи онъ встрѣтилъ поддержку лишь въ лицѣ бывшаго суроваго прокурора по дѣлу 193-хъ, сенатора Желеховскаго; въ борьбѣ за сокращеніе уже и безъ того подорванной судейской несмѣняемости его первоначально поддержали Закревскій и Мясоѣдовъ, но при окончательномъ обсужденіи вопроса А. Ѳ. со своимъ протестомъ *остался одинъ*.

И если проекты комиссіи не прошли въ жизнь, если нашъ старый Государственный Совѣтъ вернулъ ихъ для переработки министру юстиціи, послѣ чего они канули въ Лету, то, несомнѣнно, здѣсь большую роль сыграли особыя мнѣнія А. Ѳ., сильно и ярко написанныя и представленныя по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ.

Въ своей академической и литературной дѣятельности А. Ѳ. мало соприкасался съ политикой, но и здѣсь въ своихъ рѣчахъ и докладахъ онъ всегда подчеркивалъ движеніе къ свѣту и обновленію и словомъ справливаго осужденія сопровождалъ тѣхъ, кто толкалъ нашу родину въ объятія тьмы и застоя. Онъ чутко отмѣчаетъ «біеніе пульса передовой части русскаго общества, съ ея разумными требованіями и жизненными потребностями, съ ея надеждами, разочарованіями и скорбями». Онъ налагаетъ нестираемое клеймо на попытки для политическихъ цѣлей извращать задачи образованія и воспитанія. По поводу одной изъ такихъ попытокъ А. Ѳ. говоритъ: «Вмѣсто гуманизма, лучшимъ представителемъ котораго былъ Пироговъ съ его «Вопросами жизни», сталъ насаждаться толстовскій псевдо-классицизмъ, заимствовавшій изъ античнаго міра одни убивающія «душу живу» грамматическія упражненія и—быть можетъ—сознательно-проглядѣвшій античный духъ и его безсмертные образы. Рекомен-

дованная великимъ врачомъ-педагогомъ цѣль средней школы — «воспитать человѣка», который сумѣетъ «быть, *а не казаться*», — была извращена ради политической задачи: втиснуть живую впечатлительность отрочества въ узкія рамки мертвящей схоластики».

Являясь сторонникомъ серьезной обдуманности и выдержки, А. Ѳ. не раздѣляетъ способовъ дѣйствій «тѣхъ, кто, хотя бы и къ свѣтлой цѣли, идетъ, «упорствуя, волнуясь и спѣша». Но это отнюдь не призывъ къ квіэтизму или къ теоріи «малыхъ дѣлъ». А. Ѳ. не мирится съ попытками реакціи, въ чемъ бы онѣ ни выражались, и неизмѣнно привѣтствуетъ борьбу съ тѣмъ, что́ онъ называетъ «общественной слѣпотой».

А *общественная слѣпота*, по его словамъ, — это «то состояніе, при которомъ общество мирится съ условіями существованія, устраняющими свѣтъ, освѣщающій и вызывающій къ жизни лучшее, что́ есть въ человѣкѣ, какъ свободномъ и духовно-нравственномъ существѣ. Это лучшее... можетъ быть подавлено искусственною *тьмою* безправія и невѣжества, когда общественное устройство не даетъ свободно развиваться лучшимъ сторонамъ духовной природы народа, заглушая въ немъ и правосознаніе, и сознаніе собственнаго достоинства» («На жизненномъ пути», т. I, стр. 2—4; т. II, стр. 193—195, 407 и др.).

У своихъ старыхъ соратниковъ, особенно у К. К. Арсеньева и гр. Гейдена, А. Ѳ. Кони отмѣтилъ устойчивость убѣжденій. Но ту же устойчивость необходимо указать, какъ неотъемлемую особенность его собственной жизни и дѣятельности. Онъ не продѣлывалъ, да и органически не могъ бы продѣлать, политической эволюціи, столь часто у насъ наблюдаемой, когда люди, въ молодости бывшіе чуть не революціонерами, заканчиваютъ свое поприще столпами охранительнаго лагеря, или когда извѣстные многолѣтней дѣятельностью охранители, съ появленіемъ новыхъ вѣяній въ правительствѣ, вдругъ ощущаютъ въ себѣ приливы либерализма и даже радикализма. На отвѣтственное поприще государственнаго и общественнаго служенія А. Ѳ. выступилъ молодымъ человѣкомъ, но уже тогда у него былъ запасъ твердыхъ и продуманныхъ убѣжденій, которыя принято называть *прогрессивными*. Поднявъ знамя этихъ убѣжденій, А. Ѳ. твердо пронесъ его черезъ полвѣка и ни разу не склонилъ его подъ натискомъ житейскихъ бурь и невзгодъ.

Послѣднія восемь лѣтъ А. Ѳ. занимаетъ отвѣтственный и политически важный постъ члена Государственнаго Совѣта. И здѣсь мы неизмѣнно слышимъ его вѣское и богатое всесторон-

ней аргументаціей слово, всегда направленное противъ тьмы и застоя, всегда приходящее на помощь лучшимъ законодательнымъ начинаніямъ, стремленіямъ къ свободѣ и дѣйствительному обновленію государственной жизни. Онъ и здѣсь ратуетъ за вѣротерпимость и за отмѣну ограниченій, связанныхъ съ оставленіемъ духовнаго сана; онъ поддерживаетъ проектъ университета Шанявскаго; онъ требуетъ широко поставленныхъ и основанныхъ на довѣріи къ общественнымъ силамъ мѣръ борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и алкоголизмомъ; онъ горячо отстаиваетъ уравненіе женщинъ въ наслѣдственныхъ правахъ съ мужчинами, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія и пр.

Мы не будемъ передавать содержанія отдѣльныхъ рѣчей А. Ѳ. въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ не передавали и содержанія его судебныхъ рѣчей: содержаніе тѣхъ и другихъ слишкомъ богато, а изложеніе облечено въ такія формы, которыя можно лишь испортить произвольными и случайными сокращеніями. Но мы приведемъ два интересныхъ мѣста, заслуживающихъ особаго вниманія.

Первое посвящено смѣшенію политики и вѣры. Горячо выступая на защиту свободы совѣсти, А. Ѳ. объявляетъ опасными тѣ политическія соображенія, которыя направлены противъ этой свободы. Сжато и сильно рисуетъ онъ картину того, къ чему приводитъ соединеніе политики и вѣры: «Тамъ, гдѣ церковь подчиняетъ себѣ политику... это вырождается въ инквизицію; тамъ, гдѣ политика подчиняетъ себѣ церковь,—тамъ церковь обращается въ полицейское учрежденіе и несетъ службу городового въ защиту вѣры или дѣйствуетъ огнемъ и мечемъ, какъ дѣйствовали калифы, проповѣдывавшіе исламъ».

Другое замѣчательное мѣсто въ рѣчахъ А. Ѳ. посвящено канцелярскому пониманію задачъ законодательства и соотвѣтствующимъ лейтъ-мотивамъ реакціонеровъ. «Говорили, что нельзя допускать новшествъ, невѣдомыхъ существующему закону. Да, но тогда надо обречь все законодательство на окаменѣлость, потому что всякій новый законъ будетъ касаться того, что̀ невѣдомо закону прежнему»... «Есть болѣзнь, называемая склерозомъ, благодаря которому сосуды и артеріи, по которымъ течетъ животворящая кровь, суживаются, и въ одинъ прекрасный день въ нихъ образуются сгустки крови, что̀ отражается на всемъ организмѣ, и наступаетъ параличъ части тѣла или мозга. Но такая болѣзнь существуетъ и въ нравственномъ отношеніи, ее можно назвать *законодательнымъ артеріосклерозомъ*. И здѣсь бываютъ зловредныя пробки, которыя все затыкаютъ и

благодаря которымъ въ отдѣльныхъ частяхъ государственнаго организма начинаются паралитическія явленія. Эту ли перспективу рекомендуютъ намъ?!»

Увы! Государственный Совѣтъ, въ лицѣ своего большинства, систематически шелъ навстрѣчу указанной перспективѣ. Вспоминая безчисленные случаи задержки и по возможности сведенія на-нѣтъ цѣлаго ряда думскихъ проектовъ, приходится сказать, что на долгіе годы крылатое слово А. Ѳ. о «законодательномъ артеріосклерозѣ» останется лучшей характеристикой цѣлаго періода дѣятельности нашей верхней палаты.

V.

Сорокалѣтіе служебной дѣятельности застало А. Ѳ. сенаторомъ и почетнымъ академикомъ. Пятидесятилѣтіе онъ встрѣчаетъ въ тѣхъ же званіяхъ съ присоединеніемъ званія члена Государственнаго Совѣта.

Дѣятель, соединяющій въ себѣ столько знанія, таланта, работоспособности и твердости убѣжденій, перейдя семидесятилѣтіе жизни, какъ видимъ, поднялся высоко, но не доходилъ до тѣхъ служебныхъ вершинъ, гдѣ онъ могъ бы оказывать плодотворное вліяніе на весь ходъ государственной жизни въ той или иной ея отрасли. Зная судьбы Россіи за истекшее пятидесятилѣтіе, можно удивляться не тому, чего А. Ѳ. не достигъ въ смыслѣ оффиціальнаго положенія, а тому, чего онъ все-таки достигъ. Во многихъ случаяхъ ему помогли не *несмѣняемость*, а *незамѣнимость*, сознаніе которой оказалось въ данномъ случаѣ доступнымъ высшимъ сферамъ даже въ реакціонные періоды.

И все же А. Ѳ. пришлось пережить не мало тяжелаго. По его собственнымъ словамъ, «бывали времена, когда достаточно было не утратить способности краснѣть за себя и за другихъ при столкновеніяхъ съ раболѣпствомъ и предательствомъ единомышленниковъ или низостью противниковъ, чтобы получить кличку «краснаго», влекшую за собою иногда весьма осязательныя послѣдствія». Въ другомъ мѣстѣ, оглядываясь на свою дѣятельность, А. Ѳ. пишетъ: «Моя судебная служба шла горестно и трудно, и тотъ ея періодъ, когда я, вопреки нѣкоторымъ неосновательнымъ надеждамъ, дѣйствовалъ въ твердомъ сознаніи, что русскій судья, призванный примѣнять судебные уставы по ихъ точному смыслу, обязанъ быть нелицемѣрнымъ слугою, но не прислужникомъ правосудія, бросалъ свою тѣнь на всѣ по-

слѣдующіе долгіе годы, ставя меня въ положеніе терпимаго, но отчужденнаго судебнаго дѣятеля, которому рѣшались предлагать сложить съ себя судебное званіе и котораго подвергли разнымъ видамъ служебныхъ аварій нравственныхъ и даже матерьяльныхъ, до лишенія преподавательской каѳедры и назначенія членомъ комиссіи для разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ включительно».

Мы знаемъ, что пятнадцать лѣтъ жизни А. Ѳ. отдалъ работѣ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената въ роли оберъ-прокурора и сенатора. Въ 1900 г. онъ оттуда ушелъ съ нелегкимъ сердцемъ, «убѣдившись въ безплодности и непосильности противодѣйствія тѣмъ разнороднымъ вліяніямъ, которыя отражались на нашей судебной по существу и на кассаціонной дѣятельности, искажая роль сената, какъ хранителя нелицемѣрнаго правосудія». Съ этихъ поръ идею нелицемѣрнаго правосудія и другія идеи и начинанія, необходимыя для блага родины, А. Ѳ. защищалъ уже не въ сенатѣ, а съ перомъ въ рукѣ и на законодательной трибунѣ.

Заслуги А. Ѳ. получили разностороннее общественное признаніе. Харьковскій университетъ поднесъ ему дипломъ доктора уголовнаго права; академія наукъ избрала его почетнымъ членомъ и почетнымъ академикомъ разряда изящной словесности; онъ состоитъ почетнымъ членомъ военно-медицинской академіи, московскаго психологическаго общества и всѣхъ существующихъ юридическихъ обществъ; на знаменательныя даты его жизни откликались дружно и юристы, и научныя и литературныя организаціи, и отдѣльные корифеи русской науки, русской литературы и русской общественности.

Нынѣ, въ день пятидесятилѣтія своей дѣятельности, А. Ѳ. можетъ съ чувствомъ законной гордости и удовлетворенія оглянуться на пройденный путь. Его здоровье уже давно небезукоризненно. Давно уже сердце, которое онъ красиво называетъ «живущимъ въ груди сторожемъ», подвергается припадкамъ и причиняетъ ему большія страданія. Но, несмотря ни на что, А. Ѳ., вступивъ въ восьмой десятокъ лѣтъ своего бытія, продолжаетъ оставаться на своемъ передовомъ рабочемъ посту и неустанно трудится на благо родины и родной литературы.

Въ теченіе всей судебной дѣятельности А. Ѳ. въ немъ неизмѣнно горѣло то, что можно назвать *живой совѣстью* русскаго правосудія. За послѣдніе годы А. Ѳ. отошелъ отъ судебной дѣятельности, но полностью на всѣхъ новыхъ поприщахъ сохранилъ раньше отличавшія его черты. Онъ не утратилъ съ годами ни дѣятельной любви къ людямъ, ни той бодрой и живительной

вѣры въ общечеловѣческіе идеалы и въ грядущую побѣду истинной законности и правды, которая неизмѣнно звучитъ въ его рѣчахъ и трудахъ и неустанно гласитъ: «Vivos voco!»

Пожелаемъ же А. Ѳ. еще многихъ лѣтъ бодрости и побольше здоровья и силъ. Пожелаемъ ему увидѣть въ русской жизни торжество тѣхъ свѣтлыхъ началъ, на защиту которыхъ онъ тратилъ столько таланта, труда и энергіи. Для дѣятелей того типа, къ которому принадлежитъ А. Ѳ. Кони, это будетъ высшая и лучшая награда.

Проф. М. П. Чубинскій.

СОНЕТЪ.

Я проплыла вдоль береговъ Эллады,
Прошла я мимо царственныхъ Аѳинъ.
Страна чудесъ, какъ розовый рубинъ,
Свѣтилась вся, приковывая взгляды.

И сердце билось, полное отрады,
Какъ будто изъ таинственныхъ глубинъ
Дохнула радость—и на мигъ одинъ—
Казалось, сердцу ничего не надо.

Простыя формы, яркіе тона
Ласкали глазъ—и тихая волна
Мнѣ навѣвала радостныя саги.

Забытыя шептала имена...
Изъ голубой, колеблющейся влаги
Вставала вновь счастливая страна.

Екатерина Бунге.

АМЕРИКАНЦЫ И АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА.

За послѣднее время, въ связи съ міровыми событіями, у насъ сильно возросъ интересъ къ Америкѣ и къ американцамъ; поэтому автору казалось своевременнымъ подѣлиться съ читателями «Вѣстника Европы» мыслями и свѣдѣніями о нихъ, основанными на личныхъ наблюденіяхъ и изученіи новѣйшей литературы о Соединенныхъ Штатахъ.

Пестрое по своему племенному составу, современное населеніе Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ аборигеновъ—индѣйцевъ и негровъ—характеризуется все же одной общей чертой: это—искатели лучшей жизни или потомки таковыхъ, это—типъ колонизаторовъ со всѣми присущими имъ качествами: энергіей, смѣлостью и способностью къ упорному труду ради завоеванія новой жизни.

Лица, недовольныя по тѣмъ или инымъ причинамъ прежней жизнью въ старой Европѣ, имѣвшія достаточно энергіи, чтобы порвать съ прежней жизнью и начать новую въ далекой, свободной странѣ, стали заводить, начиная съ XVII столѣтія, колоніи въ Сѣверной Америкѣ въ предѣлахъ теперешнихъ сѣверо-восточныхъ штатовъ. Первоначальнымъ ядромъ этихъ колоній были англо-саксонцы, по преимуществу, пуритане и диссиденты, искавшіе убѣжища отъ религіозныхъ гоненій.

Невольно приходитъ на умъ параллель съ причиной и условіями колонизаціи русскихъ юго-восточныхъ степей и Сибири, гдѣ и по сіе время большой % населенія принадлежитъ къ «старой вѣрѣ», изъ-за которой имъ пришлось нѣкогда бѣжать изъ насиженныхъ гнѣздъ въ невѣдомые, дикіе края и тѣмъ положить основаніе нашимъ колоніямъ. Вспоминаются духоборы, бѣгущіе изъ Россіи и образующіе колоніи въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ.

Первоначальное англо-саксонское ядро американскихъ колоній наложило свой отпечатокъ на все дальнѣйшее поколѣніе, обусло-

вивъ господство во всей великой странѣ англійскаго языка, англиканскихъ церковныхъ порядковъ съ пуританскимъ характеромъ и англо-саксонскихъ бытовыхъ чертъ. Представители другихъ націй, нынѣ входящіе въ большомъ количествѣ въ составъ населенія Соединенныхъ Штатовъ, стали переселяться въ Америку гораздо позже. Нація сформировалась уже къ моменту объявленія независимости англійскихъ колоній отъ метрополіи (1776 г.), а къ тому времени состояла, почти исключительно, изъ англо-саксонцевъ. По цензу 1850 г. среди гражданъ иностраннаго происхожденія было всего болѣе ирландцевъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилось много нѣмцевъ, которые являлись преобладающимъ элементомъ иммигрантовъ 80—90-хъ годовъ XVIII столѣтія. Ими заселены, по преимуществу, центральные нынѣ, считавшіеся прежде западными, штаты, расположенные вокругъ Великихъ озеръ—Эри, Мичиганъ, Гуронъ и др. Здѣсь и по сіе время много обамериканившихся нѣмцевъ. За послѣднее время преобладающій элементъ иммигрантовъ въ Соединенные Штаты составляютъ славяне—чехи, галичане, поляки и русскіе, а также русскіе евреи.

Если исключить элементы населенія, переселившіеся въ Америку за послѣднее время, благодаря широкой дѣятельности эмиграціонныхъ бюро, зазывающихъ переселенцевъ обманами, всякій, кто переѣзжалъ океанъ съ намѣреніемъ поселиться въ Америкѣ, долженъ былъ обладать, и дѣйствительно обладалъ, достаточнымъ запасомъ рѣшимости и энергіи, чтобы пробить себѣ жизнь въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ существованія. И этотъ притокъ новыхъ силъ къ прежнимъ, закаленнымъ борьбою съ природой ради благосостоянія, колонизаторамъ края, не только не ухудшалъ, но, несомнѣнно, улучшалъ составъ населенія молодой страны, вливая въ нее лучшія качества каждой націи и создавая новаго американца, гораздо болѣе разносторонняго по своимъ качествамъ, природнымъ дарованіямъ и наклонностямъ.

Но кто бы ни были новые члены Великой республики, отъ нихъ требовалась энергія и большая работоспособность, чтобы вынести борьбу за существованіе среди сильной, закаленной въ опасностяхъ и работѣ, расы. Подъ вліяніемъ этого могучаго стимула, съ одной стороны, и культурныхъ требованій (обязательное обученіе дѣтей англійскому языку и прохожденіе первоначальной школы, исполненіе вошедшихъ въ обиходъ и непреклонно проводимыхъ обычныхъ требованій культурнаго сожительства), съ другой стороны,—росъ и создавался американскій гражданинъ съ желѣзной волей и крѣпкимъ организмомъ, съ жаждой жизненной борьбы и неустанной работы, въ которой онъ проявляетъ необычайную для европейца работоспособность.

Всосавшій съ молокомъ матери и пріобрѣтающій всей системой воспитанія привычку во всемъ надѣяться лишь на себя и выходить изъ жизненныхъ затрудненій личными усиліями, что̀ выражается характерной поговоркой «help yourself» (т.-е. помогай самъ себѣ), американецъ отличается и еще одной характерной чертой—высокой самодѣятельностью, стремленіемъ добиваться всего собственными усиліями, безъ чьей-либо помощи, не исключая случаевъ, когда такая помощь или протекція могла бы быть легче получена (self reliance).

Для американца является особо привлекательнымъ именно самая авантюра добыванія средствъ и богатства со всѣми ея тяжелыми сторонами и прелестями достигнутаго послѣ большихъ трудностей успѣха. Этимъ объясняется весьма распространенное въ Америкѣ явленіе, что дѣти богача съ молодыхъ лѣтъ уходятъ изъ родительскаго дома, часто съ вѣдома и согласія родителей, чтобы пробивать дорогу своими силами и найти свое собственное счастіе. Съ натуры списанъ занимательный разсказъ Лори [1]) объ американскомъ дядюшкѣ, пустившемъ намѣренно въ широкую жизнь своего племянника и наслѣдника, безъ всякой помощи, предоставляя ему выпутываться изъ труднѣйшихъ положеній, и все это съ цѣлью закала характера. Жизнь многихъ и многихъ американскихъ юношей слагается именно такъ, лишь съ той разницей, что дядюшекъ съ толстой сумой обычно не имѣется, а всего приходится добиваться собственнымъ хребтомъ (русскій терминъ) или, точнѣе, собственными руками (американскій терминъ, характерно отличающійся отъ русскаго).

Прочтите біографію любого изъ крупныхъ американцевъ, въ области общественной, промышленной и научной дѣятельности, и вы вездѣ неизмѣнно натолкнетесь на то, что, раньше чѣмъ сдѣлаться милліардеромъ, президентомъ, знаменитымъ изобрѣтателемъ, ученымъ, человѣкъ побывалъ газетчикомъ, наборщикомъ, фабрично-заводскимъ рабочимъ, клеркомъ и т. д. Американецъ пытаетъ счастье на разныхъ путяхъ и лишь послѣ долгихъ усилій находитъ свое призваніе. «Піонеры» Фенимора Купера, авантюристическіе типы Майнъ-Рида остались по природѣ своей таковыми же, лишь поле ихъ дѣятельности и приключеній перенеслось изъ рудниковъ и дикихъ частей страны въ волны широкой промышленной жизни, въ которой американецъ, по привычкѣ, ищетъ трудности съ тѣмъ, чтобы ихъ преодолѣть, рискуетъ съ надеждой и вѣрой въ успѣхъ и удивляетъ міръ смѣлостью своихъ замысловъ, геніальностью ихъ исполненія

[1]) Лори. Дядя изъ Чикаго. Спб. 1903.

и широтой размаха, невѣдомой въ Европѣ и болѣе понятной и близкой лишь намъ, русскимъ.

Итакъ, энергія и самодѣятельность являются основными чертами американца. Но эти черты чисто-индивидуальныя, и можно было бы предположить, что въ излишне большомъ ихъ развитіи кроется опасность для организованной жизни общества.

Можно было думать, что доведенная до очень высокихъ предѣловъ автономія отдѣльныхъ Штатовъ могла бы повести къ черезчуръ большимъ различіямъ быта, къ обособленности ихъ населенія и къ стремленію совсѣмъ отдѣлиться (столь страшный для европейца «сепаратизмъ»).

Въ высокой степени характерно и поучительно для Россіи, что ни то, ни другое не имѣло мѣста въ Америкѣ. Сильно развитой индивидуализмъ и высокая оцѣнка личной самодѣятельности нисколько не мѣшала организованности американскихъ гражданъ. Начавъ свое историческое существованіе съ сознательной организаціи самостоятельныхъ общинъ и колоній для защиты общаго дѣла на основахъ строго обдуманной, охраняющей свободу личности и самоопредѣленія отдѣльныхъ колоній, американцы сроднились и срослись съ идеей необходимости организаціи для успѣха общественной и политической жизни, и наклонность къ организованности на всякой почвѣ является второй наиболѣе существенной чертой американцевъ. Но едва-ли не самую характерную особенность американцевъ и, несомнѣнно, самое поучительное для насъ явленіе представляетъ рѣзко подчеркнутое у каждаго американца сознаніе національнаго единства. И это при отмѣченной выше многоплеменности населенія и при полной автономіи отдѣльныхъ штатовъ.

Казалось, гдѣ бы, какъ не здѣсь, должна бы быть примѣнена русская пословица «что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай». А между тѣмъ американская жизнь даетъ разительный примѣръ единства и единообразія культуры 90-милліоннаго населенія, раскинутаго на громадномъ пространствѣ территоріи 48 отдѣльныхъ штатовъ-государствъ. Каждый штатъ имѣетъ свои особые законы, иногда противоположные одинъ другому, а проѣзжайте по всей великой странѣ съ запада на востокъ и съ юга на сѣверъ, вы будете неизмѣнно чувствовать, что повсюду здѣсь одна культура, одни и тѣ же порядки и одни и тѣ же, до разительности однообразныя, условія обыденной жизни, вызываемыя одинаковыми обычаями и культурой.

Это положительно чувствуется каждымъ путешествовавшимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, чувствуется безъ изученія.

Я помню мои впечатлѣнія перваго посѣщенія Штатовъ въ 1891 году. До этого я побывалъ почти во всѣхъ странахъ Европы и былъ въ нихъ тоже въ первый разъ. У меня были свѣжи впечатлѣнія отъ несноснаго для дѣловыхъ сношеній разнообразія быта и условій жизни разбитыхъ на крохотныя ячейки государствъ Европы, гдѣ въ одинъ день можно испытать прелести трехъ таможенныхъ осмотровъ и трижды мѣнять языкъ. Наблюдая ближе жизнь сосѣднихъ государствъ и даже отдѣльныхъ частей государства, вы поражаетесь, какъ различны здѣсь не только говоръ и костюмы, но нравы и обычаи.

И вотъ въ Америкѣ, гдѣ, казалось бы, разнообразіе культуръ и націй должно было бы быть перенесено изъ Европы, оказывается совершенно обратное. Познакомившись съ порядками обыденной жизни путешественника въ чужой странѣ, въ Нью-Іоркѣ, я чувствовалъ себя какъ дома, въ каждомъ изъ городовъ и мѣстечекъ десятковъ штатовъ (отдѣльныхъ государствъ) сѣверо-востока, центра и юга страны, и это при несвободномъ (въ началѣ) владѣніи англійскимъ языкомъ. Послѣ мытарствъ съ отелями, комнатами и ресторанами въ европейскихъ странахъ, гдѣ, за немногими исключеніями, на васъ смотрятъ повсюду какъ на дойную корову и стараются «обработать», и, притомъ, въ каждой странѣ на свой ладъ, такъ что приспособиться къ самозащитѣ трудно, я былъ въ восторгѣ отъ однообразія американскихъ порядковъ обыденной жизни, на устройство которой не требовалось отъ васъ никакихъ усилій и, притомъ, не встрѣчалось на пути никакихъ сюрпризовъ и непріятностей, неизбѣжныхъ повсюду въ Европѣ.

Пріѣзжаете вы въ какой-либо городъ, идете съ ручной сумочкой пѣшкомъ или ѣдете въ трамваѣ до ближайшаго американскаго отеля американскаго плана [1]) (имѣется списокъ таковыхъ въ удобной карманной брошюрѣ), записываете въ книгѣ вашу фамилію, иногда тутъ же платите за первый день (раньше это было $2^1/_2$ доллара, т.-е. 5 рублей за комнату съ ѣдой—board) и вамъ не нужно болѣе ни о чемъ разговаривать, нужно только между опредѣленными часами являться къ завтраку и обѣду. При отъѣздѣ подходите къ кассиру и расплачиваетесь безъ какихъ-либо счетовъ. Все это такъ просто и удобно для иностранца, что прямо чувствовалось облегченіе послѣ европейскихъ порядковъ. Правда, вы уже не можете претендовать на особый вкусъ блюдъ европейской кухни, и должны мириться съ американской кухней.

---

[1]) Это надо имѣть въ виду. Въ отеляхъ съ европейскимъ планомъ въ ходу европейскіе порядки обиранія и сложная система расцѣнки комнатъ и питанія.

Въ послѣднее свое посѣщеніе (1913 г.) я нашелъ въ этомъ отношеніи измѣненія къ худшему: «европейскій планъ» отелей какъ-то сталъ преобладать и порядки ухудшились; правда, это относится лишь къ Нью-Іорку и Чикаго. Однообразіе американскаго плана жизни осталось, однако, во всей цѣлости по всей странѣ. Такова сила культуры.

Но это—чисто внѣшнее единообразіе, хотя и основанное на однообразіи культуры и обычаевъ. Гораздо болѣе внушительнымъ и въ политическомъ отношеніи болѣе важнымъ является единомысліе гражданское, такъ сказать, сознаніе единства націи и ея общихъ интересовъ. Эта черта уже тѣснѣйшимъ образомъ связана съ психологіей американскаго гражданина, гордящагося своей принадлежностью къ великой республикѣ.

«I am American», т.-е. я американецъ—формула этой черты и этой гражданской психологіи американца. Кто бы онъ ни былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ до того, какъ только сдѣлался американскимъ гражданиномъ,—чехъ, еврей, нѣмецъ,—записавшись американскимъ гражданиномъ, онъ гордится своимъ званіемъ, своей принадлежностью къ великой республикѣ, собирающей подъ защиту своей конституціи лицъ любого племени, національности и превращающей всѣхъ ихъ въ своихъ гражданъ, защищающихъ ея честь и достоинство не за страхъ, а за совѣсть. Эта поразительная способность ассимилировать разнообразные элементы и превращать ихъ въ сплоченную сознаніемъ единства правъ и обязанностей массу американскихъ гражданъ, какъ намъ кажется, является лучшимъ показателемъ того, что государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ и установленные въ нихъ порядки отвѣчаютъ потребностямъ средняго человѣка въ области правовыхъ отношеній. Сознательное признаніе ихъ при вступленіи въ американское гражданство обусловливаетъ подчеркиваемую приведенной формулой лойяльность американскаго гражданина и сознаніе чести и выгодъ принадлежности къ великой націи.

Совершенно согласныя съ приведенными мыслями высказываетъ и французъ Розъ:

«У всѣхъ американцевъ общая имъ гордость жизнью, и это чувство становится основнымъ элементомъ ихъ коллективной совѣсти, однимъ изъ существенныхъ факторовъ національнаго чувства, глубокимъ источникомъ патріотизма. Въ наше чувство любви къ родинѣ входятъ, главнымъ образомъ, воспоминанія о прошломъ; ихъ же патріотизмъ покоится на довѣріи къ настоящему и надеждѣ на

будущее». «Американецъ благодаренъ своей родинѣ за то, что она предоставляетъ ему огромное поле дѣятельности, неизсякаемыя природныя богатства, учрежденія, которыя даютъ всѣмъ равные шансы добиться своего и покровительствуютъ смѣлымъ игрокамъ въ жизни. Тѣ, которые способствовали возвышенію родины, горды своимъ твореніемъ, вновь прибывающіе—не менѣе чувствуютъ преимущество сразу стать на равную съ другими ногу въ такой цвѣтущей странѣ, высоко выпрямить голову и искать возможности побѣдъ, въ которыхъ имъ мѣшалъ Старый Свѣтъ. И тѣ, и другіе должны только весело работать вмѣстѣ, одушевленные одной волей, надъ достиженіемъ судьбы, которая совпадаетъ съ ихъ собственнымъ счастьемъ». «Отсюда вытекаетъ активное чувство общаго интереса, солидный, крѣпкій, общественный духъ, патріотизмъ не созерцательный и мистическій, но практическій и дѣятельный. Онъ не мечтаетъ о жертвахъ, а довольствуется тѣмъ, что направленъ на пользу родины» [1]).

Трогательнымъ и наивнымъ образомъ американскій патріотизмъ выражается въ особомъ уваженіи и восхищеніи своей столицей—«Вашингтономъ» и «Бѣлымъ домомъ»—резиденціей президента республики. Вашингтонъ изъ патріотическихъ чувствъ (т. к. въ немъ никакихъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ не имѣется) усиленно посѣщается американскими гражданами, которые почитаютъ своимъ долгомъ побывать въ своей столицѣ, видѣть капитолій—зданіе конгресса и Бѣлый домъ. И федеральное правительство, очевидно, учитывая народный духъ, сдѣлало изъ столицы Штатовъ, дѣйствительно, достойный осмотра, изученія и восхищенія, городъ. Онъ созданъ по опредѣленному плану съ разсчетомъ производить впечатлѣніе величія и красоты. Капитолій господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Во всѣ стороны отъ него—широкія, съ мостовыми, какъ полъ, улицы, обсаженныя деревьями. Весь городъ тонетъ въ лѣсу многочисленныхъ парковъ и садовъ и производитъ впечатлѣніе дачной мѣстности или города-сада.

«Бѣлый домъ»—скромный, но любимый народомъ, дворецъ президента. Ворота его сада, съ фонтаномъ и лужайкой, открываются въ извѣстные часы для публики, и американцы охотно посѣщаютъ его ради хорошей музыки и ласкающей простотой и уютомъ обстановки. Они чувствуютъ себя здѣсь легко и располагаются живописными группами среди деревьевъ, на травѣ, подстилая подъ себя очень удобные для этого листы газеты. Эта картина патріархальныхъ нравовъ является характерной и поучительной.

---

[1]) Roz, L'énergie américaine, P. 1911 стр. 102, 103, 105, 106.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о какой-либо коллизіи между общими интересами страны, союза, американской націи въ цѣломъ и интересами штата, государства, въ которомъ живетъ данное лицо. Гдѣ бы онъ ни жилъ, къ какому бы штату ни приписался, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ одинаково чувствуетъ и объявляетъ себя «американцемъ» прежде всего, и это весьма характерно для федеративнаго государства съ автономными штатами.

Сравните эту психологію американскаго гражданина съ тою, какая наблюдается у подданныхъ Австрійской имперіи, принадлежащихъ къ славянскимъ провинціямъ—Галиціи, Богеміи, Босніи, какая наблюдается у поляковъ, финляндцевъ, грузинъ, киргизъ—въ нашей странѣ, и вы должны придти къ неминуемому выводу, что предоставленіе отдѣльнымъ частямъ государства правъ самоопредѣленія культурнаго и, до извѣстнаго предѣла, политическаго не только не ведетъ къ ихъ разъединенію, но обезпечиваетъ крѣпость ихъ союза, основанную на солидарности интересовъ и охранѣ правъ, что суть дѣла здѣсь не во внѣшнемъ принудительномъ объединеніи, а въ сознательно-доброжелательномъ отношеніи массы населенія къ установленному государственному порядку, охраняющему права населенія и обезпечивающему ему, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, человѣческое существованіе.

Сравненіе этой различной психологіи дастъ вамъ отвѣтъ и на другой, невольно возникающій здѣсь, вопросъ: почему и въ Австро-Венгріи, и въ Россіи правительство относится съ такимъ подозрѣніемъ ко всякой окраинѣ, ко всякой національности, стоящей на особомъ положеніи, почему здѣсь можетъ возникать рѣчь о сепаратизмѣ и почему въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ и не можетъ быть ни этихъ страховъ, ни, тѣмъ болѣе, вопроса о сепаратизмѣ—они показались бы прямо-таки смѣшными. Намъ кажется, примѣръ Соединенныхъ Штатовъ съ наглядностью доказываетъ, что федеративное устройство государства и автономія провинцій не только не противорѣчитъ національному единству, но даже способствуетъ его упроченію и обезпечиваетъ его особую стойкость. Этотъ примѣръ указываетъ, какъ легко въ условіяхъ цѣлесообразной федеративной организаціи сглаживаются острые камни національной и религіозной розни и какъ при этомъ формируется единая и сплоченная нація.

Было бы ошибкой думать, что только самъ по себѣ фактъ существованія союза штатовъ на основахъ удачно установленной конституціи могъ создать и обусловить образованіе такой сплоченной націи, какой является американская. Само собою, здѣсь слѣдуетъ

учесть не эту одну сторону, а и многія другія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи и, притомъ, длительно и систематически. Начиная съ общаго экономическаго стимула, заставлявшаго работать не покладая рукъ и притомъ дружно—сначала ради превращенія дѣвственной страны въ страну, доступную для земледѣльческой культуры и жизни, затѣмъ ради установленія экономической связи и товарообмѣна между отдѣльными частями страны и кончая религіей и воспитаніемъ—все это вмѣстѣ взятое оказывало свое вліяніе на созданіе американскаго гражданина и американской націи, и чтобы освѣтить предметъ всесторонне, необходимо анализировать и эти факторы.

Моихъ личныхъ наблюденій за время двухъ посѣщеній Соединенныхъ Штатовъ было бы, конечно, совершенно недостаточно для такого анализа и, если бы и было достаточно, онъ могъ быть одностороннимъ. Къ счастью эта тема довольно хорошо разработана въ двухъ книжкахъ, посвященныхъ современной Америкѣ: Бётлера «Американецъ, какъ онъ есть» [1]) и Ф. Роза «Американская энергія» [2]).

Бётлеръ—профессоръ и президентъ Колумбійскаго университета. Его, богатая содержаніемъ, небольшая брошюра представляетъ собою три лекціи, прочитанныя имъ въ Копенгагенскомъ университетѣ для ознакомленія, въ самыхъ общихъ чертахъ, студентовъ-датчанъ съ американской жизнью и съ американской цивилизаціей. Въ ней сжато, но въ высшей степени выпукло, крупными мазками талантливаго художника, нарисованъ американецъ, какъ политическій типъ (гл. I), американецъ въ его частной дѣятельности (гл. II) и очерчена интеллектуальная и духовная физіономія американца (гл. III).

Ф. Розъ—французъ, повидимому, не бывшій въ Америкѣ,—по крайней мѣрѣ, изъ предисловія и текста книги этого не видно—но очень хорошо изучившій богатую литературу объ Америкѣ и сдѣлавшій очень удачную сводку матеріаловъ, опубликованныхъ многими талантливыми французскими и англійскими наблюдателями американской жизни, каковы А. Рамбо, Поль Адамъ, Гюре, Русье и др. Пользуясь этими источниками, я постараюсь дополнить личныя наблюденія и впечатлѣнія.

Останавливая вниманіе своихъ слушателей на поразительномъ однообразіи американца, какъ политическаго типа, несмотря на разнообразіе природныхъ условій страны и различныхъ націй, проф.

---

[1]) The Americain as he is—by N. M. Butler, president of Columbia University. N. I. 1908.

[2]) L'Enérgie américaine (Evolution des Etats Unis), P. 1911.

Бётлеръ находитъ объясненіе этому явленію, прежде всего, въ постоянствѣ англо-саксонскаго вліянія (persistence of the anglo-saxon impulse) съ господствомъ англійскаго языка, который въ большинствѣ случаевъ становится роднымъ если не въ первомъ, то во второмъ поколѣніи эмигрантовъ всѣхъ націй, и англійскихъ обычаевъ съ укоренившимся чувствомъ справедливости личной свободы.

Розъ объ этомъ же вліяніи англо-саксонской расы пишетъ слѣдующее. «Двѣ наиболѣе сильныя первоначальныя группы: «новоангличане» и виргиніанцы никогда не переставали оказывать вліяніе на всѣхъ остальныхъ, накладывая свой отпечатокъ на послѣдовательныя волны иммиграціи, внушать этой разнородной массѣ чувства порядка и законности. Такимъ образомъ, аристократія востока, которая господствовала всюду, направляла воспитаніе, общественныя дѣла, религію, организовала колонизацію Запада и, послѣ войны за освобожденіе, выяснила значеніе юга, наконецъ, она же подготовила умственное движеніе, результатомъ котораго явилась національная литература» [1]).

Громадное значеніе, въ смыслѣ единства взглядовъ и настроенія населенія отдѣльныхъ штатовъ, имѣло и продолжаетъ имѣть переселеніе изъ одного штата въ другой. Оно совершается весьма легко. Это не то, что переходъ изъ подданства или гражданства одной европейской страны въ другую. Въ Америкѣ, пишетъ Бётлеръ, не рѣдкость встрѣтить семью, дѣдъ и бабушка которой живутъ въ Новой Англіи или Нью-Іоркѣ, отецъ и мать—въ среднихъ штатахъ, а всѣ, или часть дѣтей,—гдѣ-либо въ Скалистыхъ горахъ или въ Техасѣ. Перепись населенія 1910 г. показала, что 21% общаго количества природныхъ американцевъ переселилось изъ штата или территоріи, въ которой родились и живутъ въ другихъ штатахъ или территоріяхъ (l. c., стр. 7—8).

Объединяющую роль сыграли и продолжаютъ играть въ странѣ *политическія партіи*. По конституціи выборы президента производятся выборщиками, избираемыми населеніемъ штатовъ. Фактически же президентъ избирается всеобщимъ голосованіемъ населенія всѣхъ штатовъ, организуемаго политическими партіями. Кандидатура президента и вице-президента предрѣшается на большихъ національныхъ съѣздахъ двухъ нынѣ господствующихъ и борющихся между собою политическихъ партій—демократовъ и республиканцевъ,—которые созываются каждые 4 года для установленія кандидатуръ въ связи съ выясненіемъ программы или платформы. Эти съѣзды имѣютъ громадное вліяніе на всю жизнь страны и, работая надъ

[1]) Roz—l. c. стр. 377.

общимъ, важнымъ для страны, дѣломъ, конечно, являются крупнымъ факторомъ для поддержанія единства интересовъ націи.

Въ сущности здѣсь имѣло мѣсто фактическое измѣненіе конституціи, ея приспособленіе къ требованіямъ развивающейся жизни безъ формальнаго проведенія этого измѣненія въ законодательномъ порядкѣ. Избирательная коллегія выборщиковъ часто сведена на нѣтъ и является нынѣ лишь регистрирующимъ рѣшеніе партій аппаратомъ. Полномочный народъ, желая контролировать выборы президента, установилъ свой контроль надъ ними. Бётлеръ отмѣчаетъ, что въ данное время въ томъ же направленіи стремятся измѣнить и выборы сенаторовъ.

Но наиболѣе важное значеніе надо, по справедливости, отвести тому безпрерывному, въ теченіе болѣе 100 лѣтъ, *вліянію* на созданіе и укрѣпленіе національнаго типа и общей національной точки зрѣнія *со стороны федеральнаго правительства*, какъ оно организовано конституціей. Каждое ассигнованіе Конгрессомъ средствъ на постройку общественнаго зданія въ какомъ-либо городѣ, на регулированіе рѣки или устройство пристани, на улучшеніе почтовыхъ сообщеній, на орошенія безплодныхъ земель, обусловливаетъ сознаніе благъ, получаемыхъ отдѣльною частью политическаго организма отъ его цѣлаго. Несмотря на отсутствіе централизаторскихъ наклонностей федеральнаго правительства, оно фактически, въ извѣстномъ смыслѣ, содѣйствовало централизаціи или собиранію воедино націи, предоставляя права организаціи всѣмъ составнымъ частямъ.

Бётлеръ совершенно правильно отмѣчаетъ особенность созданныхъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ порядковъ: она опредѣляетъ поле гражданской свободы и гарантируетъ противъ попранія правъ отдѣльныхъ гражданъ не только со стороны другихъ гражданъ, но и со стороны самого правительства, роль котораго очень точно установлена той же конституціей. Громадная и важная область умственной, религіозной, культурной, отчасти и экономической жизни находится внѣ вліянія правительства. Но и здѣсь, помимо непосредственнаго воздѣйствія правительства, руководители духовныхъ сторонъ національной жизни, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, sua sponte содѣйствовали объединенію и укрѣпленію единства націи. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовали и экономическія условія. Здѣсь, прежде всего, приходится отмѣтить, что одной, общей для всѣхъ, и основной задачей колонистовъ являлась разработка дѣвственной почвы и созданіе цѣнностей изъ природныхъ, неисчерпаемыхъ богатствъ страны.

«Очень опредѣленныя и могущественныя экономическія условія, пишетъ Розъ, вліяя на разнообразные элементы, которые составляютъ

американскій народъ, или продолжая проникать въ него каждый день, претворили его въ компактное и однородное тѣло» (l. c., стр. 96).

«Самые энергичные люди старой Европы встрѣтились на этой почвѣ съ ея несмѣтными и вполнѣ доступными богатствами, изъ общаго источника они получили начало единства, которое еще усилилъ естественный подборъ; выжили тѣ, кто лучше приспособились, остальные—отпали» (l. c., стр. 317).

Громадное значеніе тотъ же авторъ справедливо придаетъ хорошимъ путямъ сообщенія.

«Американцамъ не пришлось знакомиться съ трудностями и медленностью нашихъ старыхъ путей сообщеній: тропинкой въ лѣсу, проселочной и большой дорогами. Молодой народъ, пользуясь уже съ самаго начала средствами Стараго Свѣта, его знаніемъ и его искусствомъ, сразу началъ съ каналовъ, а въ 1840 г. присоединилъ къ нимъ желѣзную дорогу. Никогда нельзя достаточно оцѣнить роль улучшенныхъ путей сообщенія. Очень возможно, что Калифорнія, разъединенная отъ прочихъ штатовъ огромными, пустынными пространствами, сдѣлалась бы особымъ центромъ такъ называемыхъ Тихоокеанскихъ штатовъ, но первая же трансконтинентальная желѣзная дорога, «Union Pacific Railway», связала новую группу штатовъ со старыми; эта дорога, открытая въ 1869 году, прорѣзала Скалистыя Горы на высотѣ болѣе 2.000 метр. и соединила Нью-Іоркъ съ С.-Франциско черезъ Чикаго, Омаху и Огленъ протяженіемъ больше 5.412 километровъ. Четыре другихъ линіи, приблизительно параллельныя, избороздивъ съ востока на западъ континентъ, послѣдовательно присоединились къ первому желѣзнодорожному пути: въ 1881 г.—Atlantic Pacific изъ Нью-Іорка въ С.-Франциско черезъ С.-Луи, Канзасъ и Санта-Фи (7.400 кил.); въ 1883 г.—Southern Pacific—изъ Н. Орлеана въ С.-Франциско (4.005 кил.) и Northern Pacific — изъ Нью-Іорка въ Асторію черезъ Чикаго (5.839 кил.); наконецъ, Great Northern Pacific—изъ Дулюта въ Олимпію».

«Значеніе этихъ крупныхъ путей, обслуживавшихъ первые сельскохозяйственные и мануфактурные центры, распространяется все больше и больше по мѣрѣ того, какъ развивается промышленность старыхъ рабовладѣльческихъ штатовъ по линіямъ сѣверъ—югъ: линіи изъ Нью-Іорка въ Жаксонвиль, вдоль Атлантическаго океана, изъ Нью-Іорка въ Новый Орлеанъ черезъ Атланту, черезъ Чикаго въ Новый Орлеанъ; изъ Чикаго въ Гальвестонъ черезъ С.-Луи; изъ Дулюта въ Остинъ и Мексику черезъ Омаху, изъ Сіатля въ Лосъ-Анжелосъ черезъ С.-Франциско. Быстрое и сильное

движеніе перемѣщаетъ по всѣмъ направленіямъ съ одного конца территоріи до другого потоки мыслей и интересовъ, усиливаетъ обмѣнъ и одушевляетъ единой жизнью это большое тѣло» (l. c., стр. 101 и 102).

Всѣ указанные выше факторы вліяли дружно въ одномъ направленіи и выковали американскую націю.

Чтобы докончить съ очеркомъ этого облика американскаго народа, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ существенно консервативенъ. «Уже то обстоятельство», пишетъ Бётлеръ, «что конституція сохраняетъ свою силу безъ ея существенныхъ измѣненій въ теченіе очень продолжительнаго времени, доказываетъ консерватизмъ націи» (Butler, l. c., стр. 23).

Типъ американца былъ бы, однако, не полнымъ, если бы ограничиться обрисовкой его политической физіономіи. Необходимо дополнить портретъ штрихами, характеризующими его какъ работника и рядового обывателя.

«Американецъ», пишетъ Бётлеръ, «до настоящаго времени жилъ жизнью, вполнѣ свободной отъ оффиціальнаго надзора и контроля. Онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. И это, именно, было тѣмъ, что создавало его (has been the making of him). Отеческая заботливость и опека правительства такъ противны американскому духу и традиціямъ, что всякая попытка въ этомъ направленіи встрѣчаетъ сильнѣйшее сопротивленіе» (l. c., стр. 36).

Независимость и привычка полагаться только на собственныя силы проявляется въ американской жизни различнымъ образомъ. Эти качества, по мнѣнію Бётлера, дѣлаютъ невозможнымъ образованіе въ Америкѣ какихъ-либо прочно установившихся и постоянныхъ соціальныхъ группъ или экономическихъ классовъ. Почти всѣ безъ исключенія современные крупные дѣятели Соединенныхъ Штатовъ достигли своего высокаго положенія собственными способностями, начавъ работать съ низшихъ ступеней. Главы университетовъ были, чуть не каждый изъ нихъ, скромнымъ и бѣдно оплачиваемымъ учителемъ. Самые выдающіеся судьи начали жизнь бѣдными адвокатами, обреченными на добываніе средствъ существованія. Девятнадцать человѣкъ изъ тѣхъ, что заправляютъ великой системой транспорта въ странѣ и получаютъ громадные оклады, были, если не сами, то ихъ отцы, поденщиками низшаго разряда на службѣ той или другой изъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ біографій Эдиссона и поэта Уйтмана видно, что они начали свою карьеру съ газетчика, наборщика и перемѣнили нѣсколько профессій, пока не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ мы ихъ знаемъ.

«Никто изъ американцевъ,—пишетъ Розъ,—не желаетъ пристроиться, но каждый ищетъ, какъ бы добиться состоянія, карьеры и по очереди пробуетъ самыя разнообразныя профессіи. Понятно, что такіе люди не отступаютъ передъ рискомъ. Недостаточно будетъ сказать, что они не боятся риска, они его любятъ. Рискъ вызываетъ въ нихъ страсть, какъ игра, онъ увлекаетъ ихъ, какъ приключенія» (l., c. стр. 34).

Эта неограниченная возможность подняться надъ общимъ уровнемъ и возвыситься является самымъ сильнымъ стимуломъ къ энергичной работѣ американской молодежи, которая отнюдь не питается идеалами того класса, къ которому она принадлежитъ, а стремится перейти изъ низшаго класса въ высшій. Поэтому, какъ справедливо отмѣчаетъ Бётлеръ, ни одно наблюденіе американской жизни не можетъ быть правильнымъ, если оно исходитъ изъ предположенія, что въ Америкѣ имѣются прочно установившіяся классовыя дѣленія (l. c., стр. 38).

Съ представленіемъ объ американцѣ у каждаго европейца соединяется безудержная жажда наживы, жажда пріобрѣтенія денегъ ради денегъ. Бётлеръ совершенно резонно говоритъ, что ничто не можетъ быть далѣе отъ дѣйствительности. Американецъ менѣе заботится о деньгахъ, чѣмъ французъ, англичанинъ или нѣмецъ. Его главная амбиція—въ успѣшномъ проявленіи своей дѣятельности, въ употребленіи всѣхъ усилій для достиженія желаннаго конца и для выполненія трудной задачи. Деньги, которыя приходятъ съ успѣхомъ, американецъ беретъ, какъ вещественный знакъ и мѣру того, что́ онъ сдѣлалъ. На деньги сами по себѣ онъ смотритъ лишь, какъ на вещественный символъ, указывающій на его обязанность быть такъ или иначе полезнымъ обществу. Въ этомъ взглядѣ лежитъ причина постоянныхъ стремленій къ благотворительности въ большомъ и маломъ масштабѣ. Университеты, гимназіи, госпитали, убѣжища, библіотеки, общественныя предпріятія и памятники всякаго рода основываются и поддерживаются благотворительностью этого рода. Моральная и политическая цѣнность такого положенія дѣла очень велика. Чувство отвѣтственности управленія большимъ богатствомъ и обязательства, налагаемыя имъ, являются качествами, которыхъ можетъ добиться любая нація, и эти качества особо присущи американцамъ.

Точно также, въ противность общепринятому представленію, пишетъ Бётлеръ, американецъ обладаетъ очень эмоціональнымъ темпераментомъ. Его такъ называемая практичность частью умѣрена, частью находится подъ вліяніемъ теплоты чувства и постояннаго идеализма. Не практичность, а идеализмъ побудилъ колонистовъ

заселить атлантическое побережье. Усилія, которыя ими употреблены были на завоеваніе для общаго блага дѣвственной страны, также вызваны не одной практичностью, но и идеализмомъ. Американецъ способенъ пожертвовать любымъ количествомъ денегъ, подвергнуться любому лишенію и страданію, употребить въ дѣло любое усиліе для защиты своихъ убѣжденій. Гражданская война доказала это.

Доказательства крайней отзывчивости американца особенно рельефно выступаютъ при наступленіи крупныхъ событій или несчастій въ своей ли странѣ, или за ея предѣлами. Весь американскій народъ проявлялъ такое чувство печали и горя во время продолжительныхъ предсмертныхъ страданій президента Гарфильда и по поводу убійства Макъ-Кинли, что представленіе о его черствости и разсудочности совершенно исключается. Съ другой стороны, достаточно прослѣдить за поведеніемъ американцевъ на большихъ митингахъ по поводу волнующихъ всѣхъ событій, чтобы разъ навсегда отказаться отъ представленій объ американской сухости и объ отсутствіи у американцевъ отзывчивости и живости.

Здѣсь, кстати, отмѣтить еще одну характерную черту американцевъ—громадное пристрастіе къ спорту и не въ томъ смыслѣ, что каждый изъ нихъ желаетъ принять участіе въ самомъ спортѣ, но именно въ особой страсти наблюдать, слѣдить за перипетіями этихъ спортивныхъ состязаній.

Самымъ любимымъ спортомъ является «base ball». Наша лапта довольна близка по своему характеру къ американскому «base ball». И вотъ, когда устраиваются состязанія въ этотъ «base ball», разсчетливый и вѣчно думающій, какъ мы его понимаемъ, о наживѣ американскій народъ дѣлается прямо помѣшаннымъ на томъ, кто побѣдитъ въ состязаніи. Въ дни, когда происходятъ эти состязанія (обычно они бываютъ осенью), всѣ газеты переполнены сообщеніями о перипетіяхъ этой борьбы. Борьба идетъ между двумя большими партіями, въ которыхъ принимаютъ участіе главари спортивнаго движенія, атлеты, которые имѣютъ особыя клички. Въ ту осень, въ которую мнѣ пришлось быть въ Америкѣ, состязались двѣ партіи (teams): одна — изъ Филадельфіи (она называлась «Atletics» — атлеты) и другая — изъ Нью-Іорка (носившая названіе «Giants»—гиганты). Состязанія продолжались нѣсколько дней, и въ теченіе этого времени населеніе на всемъ громадномъ пространствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ буквально сходило съ ума: оно слѣдило за перипетіями этой борьбы не только по газетамъ, читая ихъ во время отдыха отъ работъ—этой темѣ посвящались цѣлыя страницы, но собиралось громадными толпами на улицахъ, гдѣ для всѣхъ и каждаго, посредствомъ

группъ изъ электрическихъ лампочекъ буквами, сообщались получаемыя по телеграфу сообщенія о результатахъ состязаній. Толпа слѣдила за появленіемъ этихъ сигналовъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Тѣ или иные приверженцы или противники побѣдителей выражали громко свою радость или огорченіе.

Свидѣтельство громаднаго распространенія всякихъ спортивныхъ игръ среди американцевъ мы находимъ въ ихъ обыденномъ разговорномъ языкѣ, куда охотно переносятся термины изъ популярныхъ игръ, и въ нѣкоторыхъ принципіальныхъ понятіяхъ обыденной морали. Такъ, самый дорогой ихъ сердцу, наиболѣе соотвѣтствующій ихъ потребностямъ, наиболѣе освященный ихъ привычками принципъ нашелъ наиболѣе вѣрное выраженіе въ краткихъ и сильныхъ словахъ «открытая игра» (fair play). По-французски,—пишетъ объ этомъ принципѣ французъ Розъ,—это трудно перевести, ибо даже соотвѣтствующему выраженію «franc jeu» не достаетъ того распространенія и значенія, какое ему придаютъ въ Америкѣ. Конечно, и французы понимаютъ, что значитъ быть смѣлымъ игрокомъ, взяться за игру съ шансами, которые даютъ намъ ловкость и случай выиграть партію безъ обмана, платить, когда проигрываешь. Но вся французская жизнь не покоится на этомъ принципѣ. Между тѣмъ одинъ онъ поддерживаетъ съ самаго основанія американскую жизнь, американскую энергію. Генри Ванъ Дейкъ разсматриваетъ этотъ принципъ на-ряду съ вѣрой въ себя (self reliance), энергіей, любовью къ общественному порядку, къ организованности, какъ одну изъ основныхъ чертъ національной души. Это есть не что иное, говоритъ онъ, какъ желаніе заниматься дѣлами съ вѣрными вѣсами и мѣрами, жить въ государствѣ, которое оказываетъ равное покровительство и льготы всѣмъ гражданамъ, участвовать въ игрѣ, гдѣ правила одинаковы для каждаго игрока и гдѣ засчитывается каждый хорошій ударъ, кѣмъ бы онъ ни былъ направленъ (l. c., стр. 305).

Американцы—народъ религіозный. Они крѣпко держатся обычая прекращать всякую работу и торговлю въ воскресные дни. Какъ общее правило, посѣщаютъ въ этотъ день церковь, и вообще не имѣть связи съ церковью считается нереспектабельнымъ. Число пасторовъ и церквей опредѣленно свидѣтельствуетъ объ этой чертѣ американцевъ: въ странѣ насчитывается 60.000 пасторовъ, болѣе 200.000 церковныхъ зданій и болѣе 32.000.000 лицъ бываетъ на исповѣди. Въ деревняхъ и деревенскихъ округахъ церковь является одновременно общественнымъ и религіознымъ центромъ. Библія вездѣ настольная книга, въ нѣкоторыхъ отеляхъ она находится въ каждомъ номерѣ. Всѣ важныя политическія со-

бранія, съѣзды начинаются молитвой, ежедневныя засѣданія сената и палаты представителей и многихъ законодательныхъ собраній штатовъ также открываются молитвословіемъ. Пасторы закономъ предусмотрѣны для арміи и флота. О той же религіозности говоритъ имѣвшее мѣсто въ окт. 1914 г., общее по всей странѣ молебствіе о прекращеніи европейской войны. Хотя въ странѣ не установлено закономъ какой-либо господствующей религіи, однако, по разъясненію высшаго суда, Соединенные Штаты христіанская нація. Фактически церковь совершенно отдѣлена отъ государства, но нельзя не отмѣтить, что и она вліяла въ смыслѣ ассимиляціи населенія.

«Церкви,—пишетъ Розъ,—сдѣлались несравненными орудіями для ассимиляціи. Проникнутыя американскимъ духомъ, созданныя по ея образу, онѣ всѣ проповѣдуютъ уваженіе и любовь къ великой американской націи (l. c., стр. 111). Характерно, что въ этомъ отношеніи церкви различныхъ религій дѣйствовали и дѣйствуютъ согласно... Практическій геній американцевъ организовалъ, если можно такъ выразиться, трестъ религій. Первый фундаментъ былъ заложенъ на знаменитомъ «церковномъ парламентѣ» въ Чикаго въ 1893 г., но онъ уже давно проявлялъ свое существованіе и не перестаетъ проявлять братскими сношеніями, обмѣномъ услугъ, уваженіемъ одной церкви къ другой» (l. c., стр. 112).

Переходя къ наиболѣе поглощающей жизнь американца дѣятельности, къ его дѣловымъ отношеніямъ (business), слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, очень высокую степень честности и успѣшности самого веденія дѣла. Финансовые дѣльцы, управляющіе желѣзнодорожными предпріятіями, фабриками и заводами, принадлежащими крупнымъ промышленнымъ корпораціямъ, за немногими исключеніями, являются людьми исключительныхъ способностей, большихъ техническихъ знаній и умѣнья и отличаются скрупулезною честностью. Населеніе оказываетъ имъ полное довѣріе, охотно покупая ихъ акціи и способствуя расширенію ихъ дѣла, которое часто принимаетъ характеръ не частнаго, а общественнаго дѣла.

О размѣрахъ кредита въ дѣловыхъ сношеніяхъ страны можно судить по тому, что только 5% общаго количества всѣхъ громадныхъ дѣловыхъ операцій совершены за наличный разсчетъ, остальные 95%—посредствомъ чековъ и др. видовъ кредита. Даже самые обыкновенные платежи при мелкихъ покупкахъ въ магазинахъ здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаются чеками, каковые легко получить въ любомъ банкѣ, безъ всякихъ хлопотъ и безъ всякой опасности потерять деньги.

Наиболѣе типичнымъ американцемъ надо признать коренного жителя среднихъ штатовъ—Иллинойса, Айовы, Висконсина, Минне-

зоты. Ближайшее знакомство съ американцемъ, не въ отелѣ, вагонѣ, а въ его домѣ или въ клубѣ, конечно, при достаточномъ знаніи языка, покажетъ каждому наблюдателю высокій уровень развитія средняго американца, довольно основательныя знанія въ области науки и литературы и, особенно, его прямоту и открытость характера. Въ немъ не найти приторной или высокомѣрной вѣжливости француза и нѣмца, нѣтъ излишней сдержанности англичанина, есть, если хотите, грубоватая простота, но, по отношенію къ иностранцамъ, американецъ охотно выказываетъ всегда полную готовность помочь при ознакомленіи съ той или иной стороной американской жизни. По крайней мѣрѣ, лично я, побывавъ въ Соединенныхъ Штатахъ дважды, при чемъ въ первый разъ новичкомъ и недостаточно усвоившимъ языкъ, ниразу и нигдѣ не испытывалъ того непріятнаго, несмотря на внѣшнюю любезность, чувства, что отъ тебя хотятъ отдѣлаться, смотрятъ съ подозрѣніемъ, ни разу не испытывалъ затрудненій въ сношеніяхъ именно съ тѣми лицами, отъ которыхъ зависитъ осмотръ фабрики или заводовъ, или отъ которыхъ можно получить необходимыя свѣдѣнія. И васъ никогда не водятъ здѣсь за носъ, потчуя обѣщаніями: если есть время, американецъ идетъ съ вами на осмотръ, нѣтъ—посылаетъ довѣренное лицо; некогда ему и нѣтъ лица, онъ прямо объ этомъ говоритъ, назначаетъ другой день и часъ, и вы можете быть увѣреннымъ, что получите обѣщанное. Въ качествѣ людей дѣловыхъ, для которыхъ «время—деньги» (time is money), американцы бережно относятся къ тратѣ времени и другими, поэтому дѣловыя сношенія съ ними легки и пріятны. Особенно поражаетъ быстрота рѣшеній, иногда очень крупныхъ дѣлъ и точность исполненія.

Въ противоположность весьма распространенному мнѣнію, американецъ отнюдь не игнорируетъ мнѣнія о немъ европейца и прислушивается къ его критикѣ. Правда, это черта позднѣйшей культуры, но, по справедливости, ее необходимо отмѣтить, и въ этомъ отношеніи американцевъ надо признать теперь отнюдь не обособленной заокеанской націей, живущей своей собственной жизнью, а народомъ, пріобщившимся къ обще-европейской культурѣ и цивилизаціи и слѣдящимъ за ея развитіемъ.

Резюмируя свои лекціи «объ американцѣ, какъ онъ есть», проф. Бётлеръ пишетъ:

«Типичный американецъ тотъ, кто, будь то богатый или бѣдный, будь то поселенецъ сѣвера, юга, востока или запада, будь то учитель, лицо, принадлежащее къ той или иной свободной профессіи, купецъ, фабрикантъ, фермеръ или живущій заработной платой, спеціализировавшійся рабочій (skilled worker)—живетъ жизнью хо-

рошаго гражданина и добраго сосѣда, кто вѣритъ лояльно и всѣмъ своимъ сердцемъ въ учрежденія своей страны и въ принципы, на которыхъ они построены; кто направляетъ свою частную и общественную жизнь согласно здоровымъ принципамъ, кто лелѣетъ высокіе идеалы и стремится воспитать своихъ дѣтей для полезной жизни и для службы родной странѣ» (стр. 97).

Бётлеръ, въ качествѣ истаго американскаго патріота, даетъ здѣсь въ сущности идеалъ американца, какъ его понимаютъ добрые граждане Соединенныхъ Штатовъ. Эта характеристика не лишена интереса для изслѣдователя американской жизни, но, конечно, она далеко не исчерпываетъ содержаніе американскаго типа, физіономію котораго мы старались выше освѣтить всесторонне. Приходится дополнять его отрывочными черточками, не укладывающимися въ намѣченныя рамки. Вотъ одна такая черточка: нигдѣ въ мірѣ вы не встрѣтите такого уваженія къ труду, каковъ бы онъ ни былъ. Только благодаря такому взгляду на трудъ возможны факты, что въ Америкѣ сплошь и рядомъ студенты университета, ради заработка, во время каникулъ нанимаются прислугами въ ресторанахъ, что инженеръ становится, когда надо, кочегаромъ и т. д. Только глубоко укоренившіеся демократическіе нравы дѣлаютъ такіе факты возможными и не вызывающими какого-либо удивленія или насмѣшки. Это же чувствуется при осмотрѣ заводовъ: хозяинъ или управляющій ведетъ васъ въ машинное отдѣленіе и не преминетъ отрекомендовать машиниста—мистера такого-то.

При наблюденіи американской жизни обращаетъ на себя вниманіе каждаго европейца, что жизнь американцевъ, какъ будто, все еще не налажена въ окончательной формѣ, что они все время устраиваютъ ее, дѣлаютъ перестройки своихъ жилищъ, передѣлки, и нѣтъ прочности и осѣдлости въ ихъ существованіи. Нельзя сказать, чтобы это была кочевая жизнь въ буквальномъ смыслѣ слова, но на всемъ лежитъ такой отпечатокъ, что вотъ онъ здѣсь живетъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ снимется, уѣдетъ и переселится въ другое мѣсто. Нѣтъ никакихъ традицій, привязанности къ окружающей обстановкѣ. Поражаетъ то, что около каждаго поселенія, около каждаго жилища, въ среднихъ и западныхъ штатахъ, въ особенности тамъ, гдѣ наиболѣе подвижное населеніе — находится масса ненужныхъ вещей, разбитой посуды, жестянокъ изъ-подъ консервовъ, выброшенныхъ изъ оконъ и дверей, лежащихъ вокругъ этихъ зданій и, повидимому, оставляемыхъ на продолжительное время. Получается впечатлѣніе неряшливости и неопрятности. Нечего и говорить, что около такихъ жилищъ нѣтъ ни деревца, ни цвѣтника, ни огорода. Но и въ буквальномъ смыслѣ бродяжничество, кочевая жизнь

очень распространена въ западныхъ штатахъ. Это отчасти связано съ тѣмъ своеобразнымъ веденіемъ хозяйства и жизни вообще, когда приходится часто мѣнять мѣсто обработки земли въ погонѣ за ея плодородіемъ при веденіи очень экстенсивнаго хозяйства. Желаніе захватить какъ можно большую площадь, обработать ее, собрать съ нея все, что̀ возможно, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ и затѣмъ двинуться далѣе на западъ на новую почву, создало этого бродячаго земледѣльца американскаго типа, вооруженнаго всѣми усовершенствованными земледѣльческими орудіями и наилучшими методами веденія сельскаго хозяйства. Проѣзжая черезъ обширные штаты Миннезоты и Сѣверной Дакоты, можно наблюдать, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, отсутствіе всякихъ постоянныхъ поселеній, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ станцій, и въ то же время разбросанныя на всемъ видимомъ пространствѣ палатки громадныхъ размѣровъ, имѣющихъ площадь средняго жилого дома, съ подраздѣленіемъ на комнаты, въ каковыхъ и проводятъ свою жизнь не только сельскохозяйственные работники, но и сами хозяева. Конечно, такому существованію способствуетъ то, что климатъ въ общемъ довольно мягокъ и съ ранней весны до поздней осени есть возможность жить въ такихъ палаткахъ. Надо сказать, что, по своему характеру, эти палатки совершенно отличаются отъ тѣхъ, въ которыхъ проводятъ время наши земледѣльческіе рабочіе: онѣ приспособлены и снабжены привычными для американскаго рабочаго минимальными принадлежностями комфорта. Все устройство этихъ палатокъ таково, что даже при снѣгѣ въ концѣ осени есть возможность въ нихъ жить.

Собравъ такую палатку и весь скарбъ, земледѣльческіе рабочіе переселяются изъ штата въ штатъ въ зависимости отъ времени производства сельскохозяйственныхъ работъ и въ погонѣ за лучшимъ заработкомъ. Для сельскохозяйственныхъ рабочихъ такого рода переѣзды изъ одного штата въ другой, главнымъ образомъ, съ сѣвера на югъ, или обратно, съ юга на сѣверъ, являются самыми обычными и, благодаря этому кочевому образу жизни въ теченіе ряда лѣтъ, сельскохозяйственные рабочіе изъ русскихъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, обладаютъ очень большимъ знакомствомъ съ значительною частью территоріи земледѣльческихъ штатовъ. Территорія штатовъ такъ велика и разнообразна, что можетъ вполнѣ удовлетворять эту наклонность американцевъ и эмигрантовъ изъ славянскихъ странъ къ бродяжническому образу жизни, къ исканію новыхъ мѣстъ и лучшей жизни.

Наконецъ, отмѣтимъ нѣкоторыя изъ привычекъ американцевъ въ обыденной жизни. Самой непріятной изъ такихъ привычекъ является очень развитая жвачка табака, разныхъ смолъ и резины

(chewing gum) и вызываемая ею потребность плевать вездѣ и всюду безъ разбора. Для культурнаго европейца это поистинѣ отвратительная черта, распространенная далеко не только среди низшихъ слоевъ населенія, но и среди дѣлового общества. Жуютъ не только мужчины, но и женщины. И дико видѣть хорошенькую дѣвушку, держащую все время ротъ полуоткрытымъ и двигающую усиленно челюстями. Во время разговора жеваніе не прекращается, и онъ принимаетъ непріятный характеръ. Въ основѣ этой скверной привычки, говорятъ, лежитъ необходимость усилить выдѣленіе слюны для содѣйствія пищеваренію. Правда, всѣ эти жевательныя средства, распредѣляемыя повсюду автоматами путемъ опусканія 5-центовой монеты, содержатъ пепсинъ и другіе медикаменты, и весьма возможно, что очень грубая въ общемъ пища американцевъ при повышенной нервности требуетъ употребленія этихъ средствъ. Все же можно было бы это дѣлать болѣе эстетично, опрятно и съ большимъ уваженіемъ къ сосѣдямъ. Но, чтобы быть справедливымъ, надо сказать, что зато среди американцевъ вы почти не встрѣтите непріятнаго пьянаго сосѣдства. Меня поражала крайняя воздержанность средняго американскаго обывателя въ отношеніи спиртныхъ напитковъ въ пути, въ ресторанахъ вы рѣдко увидите потребленіе вина и пива: оно сведено до минимума. «Виски» потребляется тоже умѣренно и больше рабочими.

Свои впечатлѣнія объ относительной трезвости американца хотѣлось провѣрить на основаніи цифровыхъ свѣдѣній о потребленіи спиртныхъ напитковъ. Какъ разъ во время моего послѣдняго пребыванія въ Америкѣ, въ журналѣ «Munsey» за окт. 1913 г. помѣщена была статья Фр. Fayant'a съ сравнительными данными о потребленіи алкогольныхъ напитковъ въ разныхъ странахъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Приводимъ табличку потребленія спиртныхъ напитковъ на душу населенія:

	Пиво.	Водки и пр.	Вино.	Итого.
	Въ галлонахъ.			
Соединенные Штаты	20	1.5	0.7	22.2
Англія	31	0.9	0.3	31.2
Германія	26	1.4	1.1	28.5
Франція	9	1.8	40	50.8
Россія	1.68	1.81	—	3.48

Россія добавлена нами для сравненія. Табличка подтверждаетъ впечатлѣніе относительной трезвости американцевъ по сравненію съ европейскими странами.

Возвращаясь къ вопросу о факторахъ, вліявшихъ на формированіе типа современнаго американца, слѣдуетъ остановиться на *системѣ образованія* и пріемахъ *распространенія знаній въ Америкѣ*. Образованію американцы придаютъ громадное значеніе и считаютъ его дѣломъ первостепенной государственной важности. Расходы на образованіе опредѣляются въ 426 милл. долларовъ въ годъ (1909—1910). Они самыми радикальными средствами борются съ безграмотностью иммигрантовъ, дѣлая для ихъ дѣтей обязательнымъ обученіе англійскому языку и прохожденіе элементарной школы. Какъ по однообразію языка, такъ и по характеру школьнаго преподаванія исторіи и географіи американскую начальную школу надо признать національной: все преподаваніе ведется исключительно на англійскомъ языкѣ; при преподаваніи же исторіи и географіи, отечественной исторіи и изученію родной страны—отводится особо почетное мѣсто.

«Великимъ горниломъ Америки, мѣстомъ, откуда всѣ выходятъ американцами,—пишетъ нынѣшній президентъ Сѣв.-Ам. С.-Штатовъ Вильсонъ [1]),—является общественная школа, туда человѣкъ любой расы, любого происхожденія и любого общественнаго положенія посылаетъ своихъ дѣтей, тамъ юношество, обучаясь вмѣстѣ, пропитывается американскимъ духомъ и превращается въ американскихъ гражданъ и женщинъ».

Фактъ мелкій, но характерный, отмѣчаетъ, со словъ Гюре, Розъ въ своей книгѣ, не разъ цитированной выше: во время занятій въ школѣ надъ ея зданіемъ развѣвается національный флагъ; такой же флагъ помѣщенъ на видномъ мѣстѣ и каждое утро школьники ему салютуютъ. Ихъ обучаютъ пѣнію національнаго гимна [2]).

---

[1]) Wilson, New Freedom, стр. 97.

[2]) Вотъ переводъ гимна „Америка“:

„Моя страна, тебя воспѣваю, дорогая страна свободы. Страна, гдѣ умерли наши отцы; страна—гордость пилигримовъ. Пусть пѣснь свободы несется со всякой горы.

Моя родина, земля благородныхъ и свободныхъ гражданъ, люблю твое имя. Люблю твои горы и ручьи, твои лѣса и храмоподобныя скалы. Мое сердце радостно бьется при мысли о тебѣ.

Пусть пѣснь свободы несется съ вѣтрами и звучитъ отъ каждаго дерева. Пусть воскреснутъ мертвые языки, пусть все движущее приметъ участіе въ пѣснѣ, пусть молчаніе горъ будетъ нарушено протяжнымъ эхомъ пѣсни свободы.

Тебя, Боже отцовъ нашихъ, творецъ свободы, Тебя мы воспѣваемъ. Пусть навсегда освѣщается наша страна святымъ свѣтомъ свободы. Защити насъ своимъ могуществомъ, великій Боже, нашъ Государь“.

Заимствовано изъ кн. П. И. Попова.—Въ Америкѣ. СПБ. 1906 г.

Тотъ же Гюре, посѣтивъ начальную школу въ Калифорніи, поражается «чрезвычайнымъ значеніемъ, которое придается малѣйшимъ фактамъ исторіи, въ общемъ такой простой и короткой, Соединенныхъ Штатовъ» (l. c., стр. 125 и 126).

Самая система образованія и организація школьнаго дѣла въ Америкѣ сильно отличаются отъ европейскихъ. Въ схемѣ онѣ таковы: элементарная школа (primery school), школа повышеннаго типа (secondary school), колледжи и университеты.

Элементарныя школы аналогичны, но не тожественны съ нашими министерскими 2-хъ-классными училищами; школы повышеннаго типа (4 года) ближе всего къ городскимъ училищамъ, онѣ захватываютъ часть гимназическаго курса; колледжи (4 года)—это своеобразныя учебныя заведенія, соединяющія въ себѣ старшіе классы гимназій и реальныхъ училищъ и первые курсы высшихъ учебныхъ заведеній. Онѣ даютъ званіе bachellor'a, но для усовершенствованія въ наукахъ и для полученія профессіональнаго образованія (юриста, медика, агронома, инженера, учителя и т. п.) молодые люди поступаютъ въ университеты и политехническія высшія школы, гдѣ получаютъ ученыя степени (graduated).

Всѣ безъ исключенія, мальчики и дѣвочки, проходятъ элементарную школу, очень многіе заканчиваютъ школы повышеннаго типа—secondary school [1]).

Большой наплывъ замѣчается въ колледжи, которые и выпускаютъ главную массу интеллигентныхъ работниковъ для страны и въ университеты.

Къ 1 января 1910 г. [2]) число школъ въ Соед. Штатахъ на 90 милл. населенія было 270.008 съ 20.812.686 учащимися, а въ Россіи на 160 милл. всего 117.941 школъ и 7.687.843 учащихся. Процентъ учащихся къ всему населенію въ Соед. Штатахъ равнялся 22,6, а въ Россіи 3,7.

Американская школа выработала свои собственные, очень оригинальные методы преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ. Я не имѣю возможности останавливаться на этомъ предметѣ и отсылаю интересующихся къ прекрасной книгѣ Е. Н. Янжулъ «Американская школа» [3]). Но считаю необходимымъ отмѣтить особенность

---

[1]) Число этихъ школъ съ повышенной программой, по Розу, за 30 лѣтъ увеличилось съ 1.400 до 12.000. Число учащихся въ колледжахъ за 18 лѣтъ возросло на 400% (а населеніе на 100%), % юношей съ высшимъ образованіемъ удвоился (l. c., стр. 181).

[2]) Источники: Ежегодникъ Россіи 1912 и Statistical Abstract of the United States 1912. Statesman's Uearbook 1913—1914.

[3]) Ек. Янжулъ. Американская школа, изд. 4-е, 1908 г.

методовъ школьнаго преподаванія, являющихся результатомъ особенностей американскаго взгляда на жизнь и пріемы пріобрѣтенія знаній.

Въ общемъ, эти особенности сводятся къ предоставленію учащимся возможно большей самостоятельности въ усвоеніи предмета, къ развитію его индивидуальности, къ заботѣ о здоровьѣ и физическомъ воспитаніи воспитанниковъ. Кромѣ того, американская школа отличается большимъ значеніемъ, какое придается рисованію и ручному труду, какъ предметамъ общеобразовательнаго характера, своею большою доступностью для родителей и для постороннихъ и полнымъ отсутствіемъ поощрительныхъ мѣръ, въ родѣ балловъ и наградъ, наказаній и муштры. Все въ ней сводится къ тому, чтобы самъ ученикъ заинтересовался предметомъ, полюбилъ его, проявилъ вкусъ и почувствовалъ удовольствіе отъ хорошо сдѣланной работы или отъ усвоеннаго новаго знанія.

Въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдается утилитарный характеръ преподаванія. Каждый, кончившій школу второго разряда и колледжъ, знакомъ на практикѣ съ стенографіей, умѣетъ писать на машинкѣ, имѣетъ понятіе о дѣловой корреспонденціи и т. д. Требованіе этихъ практическихъ знаній отъ лицъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ находится въ полномъ согласіи съ общей системой прохожденія стажей на частной и правительственной службѣ. Молодой человѣкъ, желающій поступить на правительственную службу, подвергается особому экзамену, а затѣмъ зачисляется обычно простымъ клеркомъ и лишь постепенно переводится на мѣста съ спеціальными обязанностями высшаго характера. Ту же школу (за исключеніемъ государственнаго экзамена) проходитъ и служащій въ банкѣ, конторѣ и т. п.

Если общеобразовательная школа въ Америкѣ, уступая требованіямъ жизни, стремится ввести въ свои программы практическія знанія, то спеціальныя учебныя заведенія,—коммерческія, техническія и сельскохозяйственныя,—ставятъ практику во главу угла всего преподаванія: въ Америкѣ не мыслимъ инженеръ, не умѣющій лично обращаться со всякой машиной его спеціальности, не мыслимъ коммерческій дѣятель или администраторъ, не знающій бухгалтеріи, стенографіи, не мыслимъ агрономъ, не умѣющій лично пахать, сѣять, вести борьбу съ вредителями и т. п. Въ общемъ, при меньшей затратѣ времени на теорію, изъ американскихъ спеціальныхъ школъ выходятъ люди съ меньшей теоретической подготовкой, но они вполнѣ готовы стать на дѣло безъ дополнительной практики на заводѣ, фермѣ и т. п. Какъ характерный примѣръ практической постановки преподаванія коммерческихъ знаній въ американской школѣ заимствуемъ

слѣдующія строки изъ книги Гюре [1]): «Въ этой школѣ имѣется банковскій классъ и въ немъ обучаютъ веденію дѣлъ. Вмѣсто сухихъ курсовъ счетоводства и бухгалтеріи устроены настоящія рѣшетки кругомъ всего класса. Ученики помѣстились за рѣшетками, у нихъ настоящія кассы, настоящія чековыя книжки и банковые билеты, отлично поддѣланные подъ настоящіе. Всѣ операціи производятся здѣсь *на самомъ дѣлѣ* съ употребленіемъ и печатныхъ бланковъ, вполнѣ сходныхъ съ тѣми, которые употребляются въ банкахъ и торговыхъ фирмахъ. Здѣсь производятся платежи, пріемъ денегъ, покупка и продажа бумагъ по курсу дня, по онкольному счету. Окончивъ такую школу, ученики могутъ на слѣдующій же день поступить въ любую контору и занять любое мѣсто безъ предварительнаго стажа и безъ выучки». Аналогичныя практическія школы существуютъ для обученія буквально любой профессіональной отрасли знанія. Есть особые институты, какъ Куперовскій въ Нью-Іоркѣ, Дрекселевскій—въ Филадельфіи, гдѣ подъ одной крышей одновременно, на самыхъ льготныхъ условіяхъ, обучаютъ дюжинѣ различныхъ отраслей труда, начиная съ сапожнаго ремесла и кончая живописью.

Въ данное время, страна переживаетъ переходное время въ области земледѣльческой культуры и какъ передовые общественные дѣятели, такъ и правительство, и само населеніе начинаетъ придавать большое значеніе распространенію сельскохозяйственныхъ знаній. Поэтому и сельскохозяйственное образованіе стало сильно распространяться въ странѣ. Вотъ что читаемъ по этому предмету въ отчетѣ Департамента Земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ за 1912 г. [2]):

«Вѣра населенія Соединенныхъ Штатовъ въ сельскохозяйственное образованіе растетъ съ каждымъ годомъ, чтò доказывается поддержкою, оказываемою сельскохозяйственнымъ колледжамъ, учрежденіемъ добавочныхъ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ университетахъ и колледжахъ, основываемыхъ частными лицами, возрастаніемъ числа штатовъ, выдающихъ денежныя субсидіи на устройство сельскохозяйственныхъ школъ второго разряда, вниманіемъ, обращаемымъ на подготовленіе учителей по сельскому хозяйству для элементарныхъ и второразрядныхъ сельскохозяйственныхъ школъ, большимъ наплывомъ учащихся во всѣхъ училищахъ и колледжахъ, гдѣ сельское хозяйство преподается основательно.

Согласно списку, напечатанному 30 апрѣля 1912 г. Бюро опыт-

---

[1]) Huret Iules. En Amerique. De New-Iork à la Nouvelle-Orléans. P. 1904. Цитирую по книгѣ Роза, стр. 123.

[2]) Yearbook of the Department of Agriculture for 1912. W., стр. 101.

ныхъ станцій, по сравненію съ подобнымъ же спискомъ, опубликованнымъ въ маѣ 1910 г., число колледжей съ отведенной къ нимъ землей, включившихъ въ свой курсъ сельскохозяйственное образованіе, возросло съ 57 до 61, а число такихъ же колледжей, учрежденныхъ частными лицами, съ 24 до 42. При Колумбійскомъ университетѣ учреждены краткіе курсы по сельскому хозяйству, а Сиракузскій университетъ увеличилъ число сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ колледжей. Въ сущности, на югѣ прохожденіе сельскаго хозяйства введено теперь во всѣ женскія училища, при чемъ главное вниманіе при его преподаваніи обращается на огородничество, цвѣтоводство и птицеводство.

Среди училищъ второго разряда въ настоящее время имѣется 78 спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ школъ противъ 58 въ 1910 г.; кромѣ того 289 общественныхъ высшихъ училищъ получаютъ субсидіи отъ правительства на сельскохозяйственные курсы противъ 28 въ 1910 году. Одинъ штатъ Миннезота ассигнуетъ 125.000 долл. на веденіе курсовъ сельскаго хозяйства, хозяйственной экономіи и сельскохозяйственной механики въ высшихъ общественныхъ училищахъ, изъ которыхъ 30 получаютъ по 2.500 долл., а 50—по 1.000 долл. ежегодно. Канзасъ, Луизіана, Мэнъ, Мэрилэндъ, Массачузетсъ, Нью-Іоркъ, Сѣверная Каролина, Виргинія, Техасъ и Висконсинъ также ассигнуютъ денежныя субсидіи для той же цѣли.

Высшихъ общественныхъ учебныхъ заведеній, обучающихъ сельскому хозяйству безъ воспособленія отъ штатовъ, въ 1912 году числилось 1.600 противъ 432 въ 1910 году, а число нормальныхъ школъ въ штатахъ и графствахъ за то же время возросло со 156 до 196. Всѣ эти заведенія предназначены для бѣлыхъ. Кромѣ того, имѣется 100 училищъ второго разряда для негровъ, 16 спеціальныхъ элементарныхъ училищъ для негровъ и 112 училищъ для индѣйцевъ, въ которыхъ преподаются свѣдѣнія по сельскому хозяйству.

Общее число учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавалось сельское хозяйство, въ 1910 г. опредѣлялось въ 863, между тѣмъ какъ черезъ два года (1912 г.) таковыхъ было 2.575. Такимъ образомъ, увеличеніе выразилось цифрой 1.712, что составляетъ около 200% въ теченіе двухъ лѣтъ. Развитіе сельскохозяйственнаго образованія въ странѣ находится въ тѣснѣйшей зависимости съ дѣятельностью опытныхъ станцій Департамента Земледѣлія и вообще съ дѣятельностью этого органа федеральнаго правительства.

Уже изъ сказаннаго выше объ американской школѣ видна ея особенность, заключающаяся въ томъ, что она самымъ тѣснымъ

образомъ связана съ населеніемъ и приспособлена къ его потребностямъ. Большинство высшихъ школъ является обычно очагомъ распространенія разнообразныхъ знаній въ окружающей средѣ. При нихъ устраиваются курсы по самымъ различнымъ предметамъ. Не ограничиваясь ближайшимъ райономъ, высшая школа пользуется всякимъ случаемъ для осуществленія своей миссіи по распространенію знаній. Особенно подходящими для этого являются ежегодно устраиваемыя осенью въ большинствѣ центральныхъ штатовъ ярмарки-выставки, на которыя съѣзжаются буквально всѣ поголовно фермеры и, будучи въ это время года свободными отъ текущихъ заботъ, охотно слушаютъ подробныя объясненія экспонатовъ университетовъ, или, вѣрнѣе, ихъ отдѣленій, занимающихся распространеніемъ университетскихъ знаній (University Extention Department). Но особенно характернымъ для американскихъ университетовъ пріемомъ распространенія знаній являются лѣтніе курсы, устраиваемые въ мѣстахъ собранія публики для лѣтняго отдыха. О нихъ у насъ много писалось [1]), и останавливаться на этомъ я не буду. Отмѣчу только, что все, что̀ является предметомъ преподаванія на этихъ временныхъ курсахъ, стараются издать въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и это еще болѣе усиливаетъ значеніе дѣятельности названныхъ учрежденій.

Большимъ успѣхомъ пользуются и подвижныя аудиторіи въ вагонахъ, приспособленныхъ для ознакомленія съ теоріей и практикой различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Эта идея привилась уже у насъ въ формѣ агрономическаго поѣзда, организованнаго Московско-Казанской желѣзной дорогой, и въ формѣ баржъ-выставокъ. Но пріемъ этотъ у насъ пока не получилъ еще такого широкаго распространенія, какъ въ Америкѣ, гдѣ Департаментъ Земледѣлія не жалѣетъ затратъ на постройку спеціальныхъ вагоновъ, иногда дорого стоющихъ, для демонстрированія новыхъ усовершенствованныхъ способовъ обращенія со скоропортящимися сельскохозяйственными продуктами съ примѣненіемъ искусственнаго охлажденія и т. п.

Но самымъ сильнымъ средствомъ распространенія знаній безспорно является въ Америкѣ *пресса*.

Поголовно грамотное населеніе поглощаетъ громадное количество печатнаго матеріала; обезпеченіе большого тиража газетъ и оплата расходовъ по ихъ изданію громаднымъ количествомъ объявле-

---

[1]) Мижуевъ. Школа и общество въ Америкѣ.—Янжулъ. Въ поискахъ лучшаго будущаго.

ній—сдѣлали возможнымъ продавать газеты и журналы по очень дешевой цѣнѣ [1]), что, въ свою очередь, способствуетъ ихъ широкому распространенію. Газеты читаются поголовно всѣмъ взрослымъ населеніемъ [2]), и особенный спросъ бываетъ на воскресные номера, которые нерѣдко состоятъ иногда отъ 32 до 100 страницъ, раздѣленныхъ по содержанію на цѣлый рядъ отдѣловъ, или, вѣрнѣе, отдѣльныхъ приложеній: литературнаго, юмористическаго, профессіональнаго (по цѣлому ряду спеціальностей), сельскохозяйственнаго, религіознаго, спортивнаго и т. д., и т. д. Обыкновенно такая газета снабжена иллюстраціями, часто въ краскахъ и стоитъ 5 центовъ. При добросовѣстномъ чтеніи матеріала хватитъ на 2—3 дня. Конечно, каждый читаетъ то, что его особенно интересуетъ.

Кромѣ воскресныхъ номеровъ ежедневной прессы, по воскресеньямъ или по субботамъ выходятъ очень распространенные въ Америкѣ еженедѣльники, приспособленные къ потребностямъ лицъ разныхъ профессій—фермеровъ, мастеровъ и рабочихъ той или иной спеціальности. Эти еженедѣльники ведутся людьми съ спеціальной подготовкой, довольно умѣло и являются въ связи съ практической дѣятельностью, въ той или иной области, однимъ изъ могучихъ средствъ для талантливыхъ самоучекъ, чтобы сдѣлать то или иное новое изобрѣтеніе или усовершенствованіе. Ближайшее изученіе исторіи американскихъ изобрѣтеній показываетъ, что большинство мелкихъ изобрѣтеній, насчитываемыхъ въ этой странѣ господства патентовъ сотнями тысячъ, принадлежатъ лицамъ безъ спеціальной технической подготовки, простымъ рабочимъ и механикамъ разныхъ производствъ. Хорошей спеціальной еженедѣльной и ежемѣсячной прессѣ въ Америкѣ эти самоучки въ большей степени обязаны своей славой, а иногда и богатствомъ.

Громадное количество изобрѣтеній и усовершенствованій въ машинахъ, орудіяхъ, предметахъ обыденной жизни, является указателемъ пытливости ума, его интенсивной дѣятельности, и то, что количество изобрѣтеній, попавшихъ въ регистрацію въ Соединенныхъ Штатахъ, равняется по числу половинѣ общаго числа изобрѣтеній всего міра, не можетъ быть не учтено при характеристикѣ умственнаго облика американца и его типичныхъ чертъ. Мнѣ скажутъ, что здѣсь необходимо имѣть въ виду особо благопріятныя условія для увеличенія числа регистрированныхъ патентовъ въ данной странѣ (наличность большого количества спеціаль-

---

[1]) 1, 2 и 3 цента. Только немногія продаются по 5 центовъ.

[2]) Американцы, прочитавъ газету, обыкновенно бросаютъ ее или въ корзины для мусора, или прямо на улицу. Къ вечеру на главныхъ артеріяхъ Нью-Іорка бываетъ масса этихъ брошенныхъ газетъ.

ныхъ бюро для проведенія патентовъ съ одной стороны, отсутствіе какихъ-либо стѣсненій и волокиты). Я не буду этого отрицать, хотя и это только говорить въ пользу американцевъ. Но введя такую поправку, мы все-же не измѣнимъ основного положенія, что изобрѣтательная дѣятельность американца неизмѣримо выше таковой же европейцевъ и не только численно, но и по значенію отдѣльныхъ изобрѣтеній въ современной культурной жизни. Достаточно напомнить объ американскомъ и всесвѣтномъ колоссѣ въ области изобрѣтеній—Эдиссонѣ, объ изобрѣтателѣ парохода—Фультонѣ, изобрѣтателѣ швейной машины—Эмасѣ Гауэ, изобрѣтателѣ телефона—Грахамѣ Беллѣ.

Возвращаясь къ американской прессѣ, приведемъ и здѣсь нѣкоторыя общія цифровыя данныя. По Бётлеру (l. c., стр. 9—10), изъ общаго числа 60.000 газетъ, печатаемыхъ во всемъ свѣтѣ, около 20.000 принадлежали Соединеннымъ Штатамъ. Изъ этого числа 16.000 еженедѣльниковъ, и эти-то еженедѣльники проникаютъ въ глушь и глубь страны. Какъ по характеру своему (отсутствіе злободневныхъ сенсаціонныхъ сообщеній и дѣловитость изложенія), такъ и по содержанію (цѣнныя и не эфемерныя только свѣдѣнія) —эти изданія имѣютъ гораздо большее и лучшее значеніе для населенія страны, чѣмъ болѣе бойкая бульварнаго пошиба ежедневная пресса крупныхъ центровъ, какъ Нью-Іоркъ, Чикаго и пр. Бётлеръ съ прискорбіемъ отмѣчаетъ всѣмъ извѣстные факты политической и др. нечистоплотности наиболѣе распространенныхъ крупныхъ ежедневныхъ американскихъ изданій, вредно вліяющихъ на толпу. Правда, онъ ставитъ эти газеты въ особое положеніе, какъ нежелательный продуктъ политиканства и борьбы партій, и не считаетъ ихъ типичными для Соединенныхъ Штатовъ.

Здѣсь умѣстно отмѣтить, чтобы не быть одностороннимъ, и темныя стороны американской общественно-политической жизни. Онѣ, конечно, имѣются и, какъ все въ крупномъ политическомъ организмѣ поражаетъ своими масштабами, такъ и эти пороки выступаютъ особенно рельефно передъ глазами привыкшаго къ мелкому масштабу и добра, и зла европейца. Продажность особаго типа американскихъ гражданъ, извѣстныхъ подъ сдѣлавшейся презрительной кличкой «politicians», т.-е. политикановъ и «боссовъ» [1]), и крупные куши, получаемые газетами указаннаго пошиба во время выборныхъ кампаній, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Этой язвы современной политической жизни страны не отрицаютъ и сами американцы, не допускающіе въ хорошее общество этихъ «politicians» и

[1]) Распорядители по выборамъ, иногда наемные.

клеймящихъ газеты за ихъ продажность. Кромѣ интеллигентнаго общества не на сторонѣ этой политической банды и масса народа, который часто является жертвой обмана и подкупа вліятельной шайки политикановъ.

Но это печальное явленіе современной политической жизни присуще, собственно, всѣмъ странамъ и, если оно особенно сильно заставляетъ говорить о себѣ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, то единственно потому, что самый масштабъ страны и проявленій политической жизни гораздо больше, чѣмъ въ живущихъ издавна сознательной политической жизнью европейскихъ странахъ. Однако, явленіе это, несомнѣнно, характера преходящаго и долженствующее исчезнуть вмѣстѣ съ прогрессомъ общественно-политической жизни.

О необходимости бороться съ этой темной стороной американской жизни пишетъ и проф. Россъ (Changing America, l. c., стр. 111—136).

Очень характерной чертой американской жизни являются безчисленные *клубы и общества*. Учрежденіе ихъ не связано никакими формальностями. Любая идея, любой общій интересъ можетъ служить предметомъ занятій общества или клуба. Распространены клубы англійскаго типа, доступъ въ которые ограниченъ строгимъ выборомъ и высокими членскими взносами. Большинство ихъ не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ или иныхъ цѣлей, а являются мѣстомъ препровожденія времени среди близко знакомыхъ лицъ, обычно одной и той же профессіи: таковы клубы инженеровъ, университетскихъ товарищей и т. п., и эти клубы часто имѣютъ свои собственные дома, уютно обставленные, съ библіотекой, бильліардомъ, хорошимъ буфетомъ, а нѣкоторые включаютъ комнаты для временнаго пребыванія. Нѣкоторые изъ клубовъ Вашингтона, гдѣ проводятъ досугъ люди съ высокимъ положеніемъ, не лишены общественнаго значенія. Для иностранныхъ гостей, въ видѣ исключенія, двери клубовъ, по рекомендаціи одного изъ членовъ, радушно открываются и здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, можно ближе и интимнѣе познакомиться съ американцами.

Но гораздо большее общественное значеніе имѣютъ клубы и общества, задающіеся просвѣтительными и культурными цѣлями.

Эти цѣли преслѣдуютъ такъ называемыя «Settlements». О нихъ Розъ пишетъ: «Мужчины и женщины, соединивъ свою добрую волю и свои средства, селятся въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, наиболѣе пораженныхъ нищетой. Къ нимъ присоединяются сотрудники, которые, не покидая своего мѣстожительства, помогаютъ своимъ тру-

домъ или знаніями. Всѣ трудятся надъ тѣмъ, чтобы оздоровить, очистить улицы, дома и души обитателей, прояснить жизнь физическую и нравственную, ассимилировать эту огромную массу, которая, уже разъ претворившись въ національный организмъ Америки, вернетъ себѣ сокровище національной души» (l. c., стр. 143).

По даннымъ того же автора, въ Америкѣ женскихъ клубовъ насчитывается теперь больше 300, и они объединены во всеобщую федерацію. «Въ этихъ клубахъ женщины воспитываютъ свою энергію и разносятъ ее, дисциплинированную, сильную своимъ единствомъ, всюду, гдѣ въ ней нуждаются,—на улицы и въ дома, въ тюрьмы, больницы и богадѣльни. «Сетлементы» созданы въ значительной части трудами женщинъ» (l. c., стр. 145).

Въ частности аналогичную организацію имѣетъ и тѣ-же задачи преслѣдуетъ городской клубъ въ Чикаго (City Club of Chicago), образовавшійся въ 1903 г. и который я возьму для примѣра. Какъ видно изъ его ежегодника за 1913—1914 г.г., задачей его является обсужденіе вопросовъ улучшенія города и быта его населенія, въ чемъ члены клуба, какъ жители города, заинтересованы лично. Организація внѣпартійная и не носитъ политическаго характера. Работа сосредоточена въ комитетахъ, которыхъ было 47, распредѣляющихъ очень детально обязанности. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: комитетъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ, комитетъ распланировки города, комитетъ канализаціи, комитетъ противопожарный, продовольственный, здравія, иммиграціи, страхованія жизни, рабочій, охраны юношества, библіотекъ и музеевъ, телефонный, музыкальный, устройства парковъ и площадей для игръ, почтовый, статистическій, водоснабженія и т. д. Для распредѣленія всѣхъ этихъ отраслей и для сношеній по дѣламъ этихъ комитетовъ создана особая должность секретаря по «гражданскимъ» дѣламъ. Кромѣ того, имѣется особое бюро по устройству публичныхъ лекцій и докладовъ. Темы для лекцій самыя разнообразныя, начиная отъ техническихъ, общественныхъ и кончая религіозно-философскими. Клубъ имѣетъ свой Bulletin, выпускаемый еженедѣльно. Кромѣ того, онъ издаетъ неперіодическія брошюры по текущимъ злободневнымъ вопросамъ городского хозяйства.

Такіе клубы имѣютъ сильное вліяніе на улучшеніе городской жизни и работаютъ рука объ руку съ городскими управленіями. Приведемъ свѣдѣнія о городскомъ клубѣ г. Филадельфіи. Онъ является огромной безпартійной организаціей, въ которой, главнымъ образомъ, работаютъ женщины. Во главѣ его стояла основательница его, писательница г-жа Овенъ Вистеръ, умершая въ прошломъ

году. Эта женщина была крупнымъ дѣятелемъ не только для города, но и для всей націи. Городу она служила, какъ мать семьѣ.

Теперь заложенныя ею реформаторскія идеи проникли всюду—въ строительство, въ торговлю и промышленность, въ очистку улицъ, въ налоговую систему, въ оздоровленіе города, въ школы и въ общественную жизнь. Даже консервативные дѣльцы проникаются новой программой, такъ какъ въ противномъ случаѣ не найдутъ себѣ поддержки въ администраціи. Лозунги новой программы поставлены во главу углу теперешней непартійной администраціи Филадельфіи. Городской совѣтъ, пользующійся законодательной властью, выработалъ программу для развитія хозяйственныхъ улучшеній, для борьбы съ преступностью и для охраненія общественнаго здоровья. 1912 г. былъ рекорднымъ годомъ въ сокращеніи смертности въ Филадельфіи. Въ этомъ году умерло на 1.647 человѣкъ меньше, чѣмъ въ 1911 г. Особенно поражаетъ то обстоятельство, что понизилась смертность отъ чахотки, дифтеріи и лихорадки. Значительно уменьшилась смертность дѣтей моложе 5 лѣтъ. Всему помогла капитальная очистка Филадельфіи отъ накопившейся грязи. Была устроена недѣля для спеціальной очистки города; тогда работали совмѣстно департаменты общественныхъ работъ, общественнаго здоровья, городской клубъ, благотворительныя учрежденія и сами жители. Были очищены 100 незастроенныхъ участковъ, свезено 27.000 кубическихъ ярдовъ различныхъ отбросовъ и мусора. Городская атмосфера сразу очистилась.

Къ сожалѣнію, подробной статистики американскихъ обществъ я не могъ найти. Какъ это ни странно, наиболѣе полныя свѣдѣнія въ общихъ справочникахъ имѣются о такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ, которыя являются характерной особенностью культурной жизни Америки. Они получили здѣсь въ высшей степени широкое распространеніе и извѣстны подъ различными наименованіями: вольныхъ масоновъ, «чудаковъ» (odd fellows), храмовыхъ рыцарей, рыцарей чести и т. д. Въ сущности, ничего тайнаго въ этихъ обществахъ нѣтъ, кромѣ ритуала и чисто-внутреннихъ отношеній между лицами, стоящими во главѣ этихъ организацій. Всѣ эти общества имѣютъ цѣлью усовершенствованіе личности, взаимопомощь и нравственную поддержку на братскихъ началахъ. Что это общества не тайныя, видно уже изъ того, что каждый членъ того или иного общества носитъ особый знакъ, который съ совершенною опредѣленностью указываетъ на его принадлежность къ тому или другому обществу и не только къ обществу, но указываетъ еще и степень его участія, или чинъ. По этимъ

знакамъ незнакомые между собою члены одного и того же «тайнаго» общества узнаютъ другъ друга и съ полной увѣренностью въ томъ, что данное лицо окажетъ всякое содѣйствіе, въ случаѣ нужды, обращаются къ нему, несмотря на незнакомство. Съ другой стороны, открытое существованіе подобныхъ тайныхъ обществъ проявляется въ устройствѣ особыхъ зданій и помѣщеній, въ которыхъ они собираются совершенно открыто, а у нѣкоторыхъ изъ обществъ, какъ, напримѣръ, у масоновъ, во многихъ городахъ имѣются, такъ называемые, масонскіе храмы—своеобразной архитектуры зданія, которыя также служатъ мѣстомъ для ежегодныхъ большихъ собраній. Членскіе взносы въ этихъ тайныхъ обществахъ бываютъ довольно высокими, и проведеніе въ члены сопряжено, кромѣ обычнаго ритуала, съ большими трудностями въ отношеніи рекомендаціи, такъ какъ требуется полное отсутствіе какихъ-либо предосудительныхъ фактовъ въ жизни кандидатовъ, ихъ нравственная чистота и т. д. Масоновъ и другихъ членовъ «тайныхъ» обществъ вы можете встрѣтить какъ среди чиновниковъ центральнаго вѣдомства и отдѣльныхъ штатовъ, такъ и среди промышленниковъ, фабрикантовъ и лицъ другихъ профессій. Но, повидимому, эти общества не вербуютъ своихъ членовъ изъ лицъ низшихъ профессій—рабочихъ и т. д.

Чтобы судить о томъ, какое количество членовъ имѣется въ различныхъ тайныхъ обществахъ, приведемъ нѣкоторыя цифровыя данныя [1]):

Общее количество членовъ братскихъ организацій выражается цифрой въ 12.805.422. Какими рессурсами располагаютъ эти общества, можно судить по слѣдующимъ отрывочнымъ даннымъ, заимствованнымъ изъ того же «World's Almanac» (стр. 526). Данныя относятся къ обществу «Odd fellows», при чемъ включены и европейскіе члены въ числѣ слишкомъ 430.000 человѣкъ. Доходъ (отъ членскихъ взносовъ и пр.) выражался, по свѣдѣніямъ за 1911 г., 18.303.210 долларовъ, а израсходовано на поддержку членовъ и ихъ семействъ—5.854.271 долл. Основной капиталъ равенъ 63 милл. долларовъ. О средствахъ собственно масонскихъ ложъ свѣдѣній не приведено, но, судя по числу членовъ и по близости задачъ и функцій, а также принимая во вниманіе ихъ большую старость, средства эти должны быть не менѣе таковыхъ же «odd fellows».

---

[1]) Заимствовано изъ World's Almanac 1913 г., стр. 524.

Вольныхъ каменщиковъ (масоновъ) . . .	1.522.478
„Чудаковъ"	1.562.829
Храмовыхъ рыцарей	214.716
Новыхъ лѣсныхъ людей	1.219.390

Чтобы судить о распространенности братскихъ организацій въ Соединенныхъ Штатахъ, достаточно сказать, что взрослое (съ 21 года) населеніе страны равняется около 27 милл., такъ что 12 милл. членовъ братскихъ организацій составляютъ 44,4% всего взрослаго населенія или, другими словами, изъ каждыхъ 2—3 человѣкъ одинъ принадлежитъ къ тому или иному обществу братскаго типа.

Кромѣ этихъ обществъ, въ Америкѣ очень много религіозныхъ обществъ и безконечное число всякихъ другихъ. Отмѣтимъ попутно, что имѣется нѣсколько русскихъ православныхъ братствъ съ общимъ числомъ членовъ 6.000 чел. [1]).

Крупныя научныя общества почти всегда носятъ національный характеръ и ежегодно собираются со всѣхъ штатовъ на годовыя собранія [2]).

Выше уже было отмѣчено, что американцы народъ религіозный и что церковь и приходъ у нихъ играютъ большую роль въ жизни. Весьма естественно, что при современной переоцѣнкѣ политико-соціальныхъ взглядовъ, которую, несомнѣнно, переживаетъ страна, церковь отражаетъ новыя теченія мысли въ области религіозныхъ и соціальныхъ вопросовъ. Характернымъ отраженіемъ этихъ новыхъ теченій среди передового духовенства и той роли, которую, видимо, призвано оно сыграть въ процессѣ измѣненія міросозерцанія массы населенія въ области соціальныхъ вопросовъ, является наиболѣе читаемая нынѣ, какъ мнѣ объяснили книгопродавцы, въ Соединенныхъ Штатахъ книга: «The Inside of the Cup», т.-е. внутренняя сторона чаши. Названіе заимствовано изъ извѣстнаго евангелическаго изреченія: «смотрите внутрь чаши». Это—беллетристическое произведеніе, но болѣе чѣмъ на половину оно состоитъ изъ споровъ на тему объ отношеніи церкви и общества къ современной цивилизаціи и соціальнымъ условіямъ жизни. Борьба «дѣтей», начинающихъ тяготиться формальнымъ христіанскимъ благочестіемъ, противъ «отцовъ», крѣпко держащихся традицій англиканской церкви и приходской благотворительности, нашла себѣ здѣсь очень яркое и выпуклое выраженіе.

Главное дѣйствующее лицо романа — молодой энтузіастъ, пасторъ Ходдеръ, мечтающій о своей пасторской дѣятельности, какъ о высокомъ подвигѣ. Изъ сельскаго прихода онъ попадаетъ въ одинъ изъ приходовъ города изъ западныхъ штатовъ и

---

[1]) Русско-американскій справочникъ, стр. 117.

[2]) Таковы напр. „American Society of Natural History“, „American Fishery Society“, „American Engineering Society“ и др.

знакомится съ темными сторонами созданія богатства—городскими воротилами и обнищаніемъ массы городского населенія. Во главѣ такихъ воротилъ оказывается предсѣдатель приходскаго общества, пригласившаго священника на службу. Ходдеръ всецѣло на сторонѣ бѣдноты, съ которой стремится сойтись ближе и помогать ей въ трудной жизни путемъ личнаго участія въ ея жизненномъ горѣ. Естественно, онъ дѣлается горячимъ противникомъ угнетателей и, какъ честный, прямой человѣкъ, свой взглядъ на соціальныя отношенія не скрываетъ передъ приходомъ. Въ одной изъ проповѣдей онъ подвергаетъ рѣзкой и въ недопустимой для фешенебельнаго общества формѣ критикѣ современныя язвы городской цивилизаціи и соціальныя бѣды, освѣщая свои положенія всѣмъ понятными фактами изъ мѣстной жизни. Главари прихода поторопились принять мѣры, чтобы избавиться отъ непріятнаго проповѣдника, сообщили о его приверженности къ соціализму епископу. Къ удивленію, и этотъ послѣдній оказался сторонникомъ радикальной реформы соціальной жизни, при чемъ въ такой реформѣ отводитъ большую роль христіанской религіи и церкви.

Выслушавъ вызваннаго для объясненій пастора, епископъ говоритъ:

«Мнѣ суждено было, наконецъ, узнать, что времена измѣнились, что мы находимся наканунѣ великихъ грядущихъ событій. Скажу откровенно, случись это десять лѣтъ тому назадъ, я назначилъ бы надъ вами слѣдствіе. Теперь я могу лишь сказать вамъ: «Богъ на помощь!» Я также вижу свѣтъ, другъ мой. Я предвижу, хотя еще какъ бы въ туманѣ, начало сліянія всѣхъ сектъ, всѣхъ религій подъ вліяніемъ сознанія истины Христова ученія, освобожденнаго, какъ вы выразились, отъ догматики, отъ безплодныхъ попытокъ раціональнаго объясненія. Въ Японіи, Китаѣ, въ Индіи и Персіи такъ же, какъ и въ христіанскихъ странахъ, время это надвигается дѣйствіемъ какого-то духа, таинственное вліяніе котораго для насъ не постижимо. И даже такіе народы, которые ничего не знаютъ о Евангеліи, охотно воспринимаютъ все, что исходитъ отъ Христа, готовы вѣровать въ христіанскаго Бога».

Идеи новаго христіанства, способнаго привести современное общество къ новой, болѣе счастливой, жизни, были давно въ головѣ пастора. Но дѣйственное ихъ обнаруженіе и воплощеніе въ жизнь было обусловлено сильнымъ вліяніемъ двухъ личностей, встрѣтившихся на его пути: толстовца по убѣжденію и жизни—Бентли, ушедшаго отъ благъ міра сего въ нищету и скрашивавшаго жизнь послѣдней своимъ теплымъ къ ней отношеніемъ и помощью (совѣтомъ, дѣломъ, но не деньгами), и Аллисонъ Парръ—дочери попе-

чителя прихода. Послѣдняя живетъ самостоятельною жизнью, покинувъ отца изъ-за разногласій во взглядахъ на жизнь. Она съ широкимъ естественно-историческимъ образованіемъ и артистическими наклонностями. Обладая сильнымъ характеромъ, она оказывала несомнѣнное вліяніе на энтузіаста-пастора, который полюбилъ ее, и они посвятили себя борьбѣ съ современными язвами соціальной жизни, подготовляя массу къ новой, болѣе счастливой жизни.

Я не имѣю въ виду излагать здѣсь содержаніе книги, въ которой много драматическихъ положеній и яркихъ сценъ борьбы двухъ теченій. Цѣль моя отмѣтить характерныя для настоящаго времени теченія религіозно-философской мысли въ Америкѣ, что, по моему мнѣнію, является необходимымъ дополненіемъ къ сообщеннымъ ранѣе свѣдѣніямъ о культурной физіономіи современнаго американца. А что указанныя теченія и вопросы дѣйствительно сильно занимаютъ умы современнаго интеллигентнаго общества въ Америкѣ, подтвержденіемъ служатъ слѣдующія слова стараго библіотекаря, приводимыя въ той же книгѣ:

«Смотрите», сказалъ библіотекарь, быстрымъ движеніемъ руки указывая на книги, «вотъ тѣ я отложилъ въ сторону, онѣ получены на этой недѣлѣ. Двѣ трети изъ нихъ посвящены религіознымъ или религіозно-философскимъ темамъ. Не даетъ ли это какого-либо указанія вашему уму, какъ духовнаго лица. Мы едва успѣваемъ запасаться этими новыми религіозными книгами, т.-е. хорошими, чтобы удовлетворить спросъ на нихъ. Одинъ Богъ знаетъ, сколько ихъ поглощается публикой, если вѣрить словамъ книгопродавцевъ. Это мнѣ напоминаетъ то время, когда библіотека помѣщалась на Пятой улицѣ, много лѣтъ тому назадъ, и мы не могли въ достаточномъ количествѣ напасать Дарвиновъ, Гексли, Спенсеровъ и вообще популярно-научныхъ сочиненій. Это было время агностиковъ (agnostics). Сейчасъ васъ удивило бы количество мужчинъ и женщинъ всѣхъ слоевъ общества и состояній, спрашивающихъ религіозную литературу».

Живой книгопродавецъ, рекомендовавшій мнѣ цитированную выше книгу, какъ наиболѣе читаемую нынѣ въ Америкѣ, и этотъ библіотекарь со страницъ романа, говорящій о преобладающемъ интересѣ современныхъ читателей-американцевъ, сошлись во мнѣніи, и это, на мой взглядъ, является лучшимъ доказательствомъ того, что дѣйствительно въ странѣ господствуетъ упорная мысль о необходимости обновленія жизни и коренныхъ соціальныхъ реформъ. Да, въ сущности, появленіе во главѣ республики бывшаго профессора, убѣжденнаго демократа-реформатора Вудро Вильсона

и его рѣчи на злобы дня, собранныя и изданныя отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «The New Freedom» («Новая свобода»), являются подтвержденіемъ того же основного положенія, что страна и ея населеніе жаждутъ коренныхъ реформъ въ области соціальной жизни, съ устраненіемъ понятыхъ большинствомъ демократическаго населенія золъ современной жизни. Тема эта настолько обширна и интересна, что развивать ее здѣсь попутно я не считаю умѣстнымъ, но для характеристики этого реформаторскаго теченія, проявляемаго не частными лицами, а вліятельными дѣятелями федеральнаго правительства, я дѣлаю наудачу нѣсколько выдержекъ изъ названной книги теперешняго президента Соединенныхъ Штатовъ.

«Наше правительство было въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ подъ вліяніемъ лицъ, стоящихъ во главѣ крупныхъ единеній (трёстовъ) съ ихъ спеціальными интересами. Оно не контролировало этихъ интересовъ и не отвело имъ настоящаго мѣста въ общей системѣ промышленности; оно само подчинилось ихъ контролю. Въ результатѣ выросли порочныя системы и схемы правительственнаго фаворитизма» (W. Wilson, The New Freedom, стр. 25).

«Мы стоимъ передъ задачей перестройки экономическаго общества... и въ этомъ процессѣ его политическая организація можетъ подвергнуться также радикальнымъ измѣненіямъ» (l. c., стр. 30).

«Наши законодательные методы должны быть реформированы въ направленіи приданія большой огласки каждому акту... Должны быть освѣщены всѣ процессы созданія законовъ» (l. c., стр. 125).

«Наша задача—возстановленіе свободы. Мы предполагаемъ предупредить частную монополію посредствомъ законодательства и добиться, чтобы ограниченія предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ были устранены» (l. c., стр. 222).

Вся книга Вильсона сводится, съ одной стороны, къ критическому разбору установившейся въ странѣ вредной, по его мнѣнію, экономической политики, давшей громадную власть промышленнымъ и банковымъ трёстамъ, подавляющимъ частную предпріимчивость и угнетающимъ рабочихъ и подчинившимъ себѣ само федеральное правительство, а съ другой—къ указанію мѣръ и способовъ борьбы съ этимъ современнымъ зломъ страны. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что своей побѣдѣ на выборахъ 1912 г. Вильсонъ обязанъ, главнымъ образомъ, своей дѣятельности противъ господства трёстовъ въ шт. Нью-Джерси, гдѣ до президентства онъ былъ губернаторомъ и гдѣ благодаря его иниціативѣ проведено нѣсколько законовъ, ограничивающихъ власть всесильныхъ экономическихъ организацій. Вотумъ 15 милліоновъ голосовъ за такого реформатора является

хорошимъ показателемъ народнаго настроенія, съ нетерпѣніемъ ждущаго реформъ.

О той же злобѣ дня современной американской жизни на-ряду съ другими говорится въ другой книгѣ, самое заглавіе которой знаменательно: «Changing America»—Измѣненіе Америки проф. соціологіи въ университетѣ штата Висконсинъ—Россъ [1]).

Говоря о несовершенствахъ современной соціальной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, о продажности прессы, за деньги «убивающей» нежелательныя для тѣхъ или иныхъ предпринимателей сообщенія, онъ рекомендуетъ борьбу съ вреднымъ вліяніемъ капитала и указываетъ на возможную роль въ этой борьбѣ—церкви, университетовъ, дѣйствующихъ путемъ лучшаго политическаго воспитанія избирателей и соотвѣтствующаго вліянія послѣднихъ на законодательство. Свои идеи Россъ проводитъ въ жизнь въ предѣлахъ штата Висконсинъ, учредивъ при университетѣ, гдѣ онъ профессорствуетъ, соціальный центръ и органъ по распространенію въ широкихъ слояхъ университетскихъ знаній (University extension work). Онъ рекомендуетъ слѣдовать какъ этому примѣру университета шт. Висконсинъ, такъ и другому, заключающемуся въ томъ, что многіе изъ вліятельнѣйшихъ профессоровъ университета принимаютъ ближайшее участіе въ дѣятельности правительственныхъ органовъ штата, каждый по своей спеціальности (l. c., стр. 187 и др.).

Итакъ, одной изъ характерныхъ для даннаго момента чертъ американца-гражданина является сознаніе несовершенства современныхъ экономической и соціальной жизни и стремленіе къ широкимъ реформамъ въ этой области.

Н. Бородинъ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Современная европейская война привлекла къ подводнымъ лодкамъ вниманіе всего міра. Любопытно отмѣтить, что въ то время, какъ воздухоплаваніе пользовалось весьма значительной и, къ слову сказать, вполнѣ заслуженной популярностью еще и до войны,—широкіе слои общества проявляли, вообще говоря, очень мало инте-

[1]) E. A. Ross. Changing America. N-Y. 1912.

рѣса къ плаванію подъ водой. Лишь сравнительно небольшой кругъ спеціалистовъ слѣдилъ за постепеннымъ его развитіемъ. Впрочемъ, и среди спеціалистовъ подводная лодка не всегда и не всюду пользовалась признаніемъ. Одни смотрѣли на нее просто, какъ на любопытный аппаратъ, не имѣющій никакого практическаго значенія; другіе же относились къ ней прямо враждебно. Очень часто любили выражаться, что подводная лодка—это «морская пыль». И, дѣйствительно, если имѣть въ виду лишь размѣры, то это образное выраженіе слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ. Подводная лодка, особенно стараго образца, легко можетъ быть названа пылинкой по сравненію съ такой стальной громадой, какую представляетъ собою современный супердредноутъ. Однако, какъ показала практика теперешней войны, эта подводная «морская пыль» одарена такими чрезвычайными разрушительными способностями, что съ ними приходится считаться даже наиболѣе крупнымъ судамъ.

Примѣромъ недовѣрчиваго отношенія, которое вызвала къ себѣ идея пользованія подводными лодками въ военныхъ цѣляхъ, можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что *до 1905 года* Германія не имѣла *ни одной* подводной лодки. Первая нѣмецкая подводная лодка была спущена на воду 30 августа 1905 года. Да и то, она была предназначена лишь для испытаній; ее причислили къ флоту только *въ февралѣ 1907 года*.

Только лишь теперь мы узнали, сколько денегъ, энергіи и времени отдавала Германія своимъ военнымъ и, въ частности, морскимъ приготовленіямъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій. Несомнѣнно, что нѣмцы уже давно не преминули бы воспользоваться такимъ могущественнымъ орудіемъ, какъ подводная лодка, если бы ей придавалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ то значеніе, какое она имѣетъ въ настоящее время.

Впрочемъ, такое отношеніе къ подводнымъ лодкамъ было почти повсемѣстнымъ. Такъ, на порогѣ XX вѣка, къ 1-му января 1901 года, только четыре государства либо имѣли уже готовыя лодки, либо были заняты ихъ постройкой. Въ первую голову идетъ Франція, имѣвшая 14 лодокъ (изъ нихъ только 6 были закончены постройкой); затѣмъ С.-А. Соединенные Штаты со своими 8 лодками, Англія съ шестью, изъ которыхъ ни одна не была закончена, и, наконецъ, Италія, насчитывавшая 2 лодки въ своемъ флотѣ.

Нужно, однако, оговориться, что я имѣю здѣсь въ виду современный типъ подводной лодки, имѣющій болѣе или менѣе крупное боевое значеніе. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы увидимъ, во многихъ странахъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, не было недостатка ни въ проектахъ, ни даже въ осуществленіи

проектовъ самыхъ разнообразныхъ снарядовъ для подводнаго плаванія.

Укажемъ еще одинъ примѣръ отрицательнаго отношенія къ подводнымъ лодкамъ. Въ 1899 году, лордъ Гошенъ, тогдашній руководитель англійской морской политики, отвѣчая на заданный ему въ палатѣ общинъ вопросъ, заявилъ, что онъ считаетъ идею подводной лодки весьма нездоровой и что въ морской войнѣ не придется считаться съ этими лодками. Очень скоро, впрочемъ, сознали всѣ преимущества обладанія флотиліей подводныхъ лодокъ. Всѣ морскія государства, стараясь наверстать потерянное время, съ каждымъ годомъ отводили подводнымъ лодкамъ все больше и больше мѣста въ своихъ судостроительныхъ программахъ.

Мы видѣли раньше, что первая нѣмецкая подводная лодка, U—1 (U—начальная буква нѣмецкаго названія подводной лодки—Unterseeboot), была закончена постройкой осенью 1905 года. Повидимому, U—1 блестящимъ образомъ оправдала ожиданія своихъ конструкторовъ. Уже въ 1907 году въ кредитахъ на морскія нужды подводнымъ лодкамъ удѣлено 6.250.000 марокъ. Въ 1910 году имъ удѣляется втрое больше — 18.750.000, а въ 1913 году даже 25.000.000. Въ общей суммѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, за послѣднія 7 лѣтъ Германія истратила на подводныя лодки 133.500.000 марокъ. Возможно, что эта сумма еще ниже дѣйствительности: мы ничего или, во всякомъ случаѣ, очень мало знаемъ о нѣмецкихъ спеціальныхъ военныхъ ассигновкахъ.

Къ 1-му января 1914 года общее число подводныхъ лодокъ, какъ вполнѣ законченныхъ, такъ и начатыхъ постройкой, во всѣхъ государствахъ доходило приблизительно до 400. Нечего говорить о томъ, какъ въ современной войнѣ рѣзко обозначилась крупная роль подводной лодки. Несомнѣнно, что въ настоящее время повсюду съ лихорадочной поспѣшностью заканчиваются раньше начатыя лодки или закладываются новыя.

Посмотримъ теперь, что́ же дѣлаетъ подводную лодку столь цѣннымъ судномъ. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы не можемъ войти въ детальныя объясненія ея техническаго устройства постараемся лишь указать общіе принципы, на которыхъ это устройство основано.

Историческое развитіе подводной лодки очень часто, и не безъ основанія, сравнивали съ развитіемъ воздухоплаванія. Дѣйствительно, первыя увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки подняться на воздухъ были сдѣланы въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Къ этому же времени, какъ мы увидимъ, относится и возникновеніе первой болѣе или менѣе удачно построенной подводной лодки. Наконецъ, какъ задача

о плаваніи въ воздухѣ, такъ и задача о плаваніи подъ водой, добились удовлетворительнаго рѣшенія почти въ одно и то же время: за послѣднія 15—20 лѣтъ. Небезынтересно отмѣтить, что «широкая публика» всегда проявляла гораздо больше интереса и даже сочувствія къ воздухоплаванію, чѣмъ къ плаванію подъ водой. Между тѣмъ, послѣднее встрѣчаетъ не менѣе трудностей и опасностей, чѣмъ плаваніе въ воздухѣ. Можно быть увѣреннымъ, что жертвы съ той и съ другой стороны не уступаютъ другъ другу въ численности. Несмотря на это, о подвигахъ людей, ввѣрявшихъ свою жизнь первымъ, далеко не надежнымъ подводнымъ судамъ, человѣчество почти ничего не знаетъ.

Можетъ быть, воздухоплаваніе оказалось болѣе привлекательнымъ потому, что выраженія «взвиться къ небесамъ, подобно птицѣ», «быть ближе къ солнцу» и т. п., охотно употребляемыя при описаніяхъ воздушныхъ полетовъ, не имѣютъ мѣста, когда рѣчь заходитъ о погруженіяхъ въ воду. «Нырнуть подъ воду, какъ рыба»—звучитъ совсѣмъ не поэтически. Можетъ быть, причина заключается еще въ томъ, что всѣ эволюціи, совершаемыя аэропланомъ или аэростатомъ, происходятъ у всѣхъ на глазахъ, въ то время, какъ подводная лодка скрывается изъ виду тотчасъ послѣ погруженія. Данныя непосредственнаго воспріятія дѣйствуютъ на человѣка всегда сильнѣе, чѣмъ описаніе, даже самое детальное, событій, гдѣ мы сами не являемся очевидцами. Какъ бы то ни было, всегда находились люди, которыхъ неодолимо привлекало къ себѣ плаваніе подъ водой, и ихъ совокупныя усилія, на протяженіи около 3-хъ столѣтій, только въ самое послѣднее время увѣнчались успѣхомъ.

Само собой разумѣется, что мы поставлены въ абсолютную невозможность представить здѣсь полный историческій обзоръ развитія подводнаго плаванія. Ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе крупныхъ фактовъ, являющихся какъ бы этапами въ этомъ развитіи.

Въ исторіи воздухоплаванія имѣется свой легендарный періодъ: напомнимъ хотя бы легенду о Дедалѣ и Икарѣ. Въ исторіи плаванія подъ водой мы не находимъ такого періода.

Правда, въ одной древнегерманской сагѣ, относящейся къ XII-му столѣтію, встрѣчается упоминаніе о подводной лодкѣ — «Schiffelin». Въ стихотвореніи «Salman und Morolf» (Соломонъ и Морольфъ. Въ русскихъ апокрифахъ и сказаніяхъ Морольфъ соотвѣтствуетъ Китоврасу) разсказывается, какъ, послѣ какой-то новой проказы, Морольфъ, спасаясь отъ гнѣва преслѣдующаго его царя Соломона, устраиваетъ себѣ суденышко — «Schiffelin» и въ немъ погружается.

„Sich nider uff den Grunt.
Eyn rore in das Schiffelin ging,
Da mit Morolf den atem ving".

Сага сообщаетъ, что Морольфъ, дыша черезъ свою трубку, провелъ, такимъ образомъ, на днѣ моря цѣлыхъ 14 дней.

Несомнѣнно, что въ этой сагѣ нашли отраженіе, правда очень легкое и туманное, какія-нибудь дѣйствительно имѣвшія мѣсто попытки устройства снаряда для подводнаго плаванія. Очень характерно упоминаніе трубки для дыханія—«Eyn rore». Въ сущности говоря, этотъ способъ является довольно распространеннымъ. У многихъ полудикихъ народовъ мы встрѣчаемся и понынѣ съ уловкой такого же рода. Ныряя подъ воду, пловецъ запасается болѣе или менѣе длиннымъ стволомъ камыша и такимъ образомъ, оставаясь подъ поверхностью воды, обезпечиваетъ себѣ черезъ него притокъ свѣжаго воздуха. Еще только 15 лѣтъ тому назадъ тонкинскіе пираты, прибѣгнувъ къ этому способу, нашли возможность скрыться отъ преслѣдованія французскихъ солдатъ. Здѣсь, въ строгомъ смыслѣ слова, уже осуществлено плаваніе подъ водой, быть можетъ, въ самой примитивной формѣ.

Первое вполнѣ достовѣрное дошедшее до насъ свѣдѣніе о постройкѣ снаряда для подводнаго плаванія относится къ началу XVII столѣтія. Въ 1624 году, въ присутствіи англійскаго короля, Якова I-го, у устья Темзы, голландскій ученый, ванъ-Дреббель (Cornelius van Drebbel), произвелъ публичное испытаніе построенной имъ подводной лодки. Къ сожалѣнію, не сохранилось ни детальныхъ ея описаній, ни чертежей, по которымъ она была построена. Извѣстно только, что она была построена изъ дерева, что въ ней помѣщалось 15 человѣкъ, изъ которыхъ 12 должны были работать, въ качествѣ гребцовъ, такъ какъ передвигалась она съ помощью особо устроенныхъ веселъ. Англійскія хроники передаютъ, что испытаніе вполнѣ удалось: лодка продержалась подъ поверхностью воды, на глубинѣ 3-хъ метровъ, въ теченіе 2-хъ часовъ и что будто бы самъ король отважился совершить въ ней плаваніе.

Какъ мы уже говорили, деталей о лодкѣ Дреббеля имѣется очень немного, но и того, что мы о ней знаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть все ея несовершенство. Отмѣтимъ хотя бы одинъ ея недостатокъ: она была сдѣлана изъ дерева, т.-е. изъ вещества, механическое сопротивленіе котораго, сравнительно, очень невелико. Не нужно упускать изъ виду, что всякая погруженная поверхность испытываетъ давленіе всего того столба воды, что находится надъ ней. Слѣдуетъ считать, что, при погруженіи на каждые десять метровъ, давленіе возрастаетъ приблизительно на одну

атмосферу. А это крайне значительная величина. Уже при одной атмосферѣ, каждый метръ поверхности подверженъ силѣ приблизительно въ 10.000 килограммовъ. Слѣдовательно, при погруженіи на глубину хотя бы въ 20 метровъ, каждый квадратный метръ долженъ быть сжатъ съ силой въ 20.000 кг. Если же допустить, что поверхность подводной лодки имѣетъ всего лишь 100 квадратныхъ метровъ (мы увидимъ, что такая лодка не считается очень большой), то получается весьма почтенная сила въ 2.000.000 килограммовъ, или 122.000 пудовъ. Естественно, что сдавленная съ такой значительной силой деревянная оболочка должна неминуемо быть раздавлена съ такою же легкостью, какъ яичная скорлупа. Вѣроятно, исходя изъ этихъ соображеній, ванъ-Дреббель благоразумно не погружался глубже, чѣмъ на 2—3 метра.

Послѣ ванъ-Дреббеля идетъ цѣлый рядъ ученыхъ и техниковъ, занимавшихся въ XVII вѣкѣ теоретической или практической сторонами задачи о подводномъ плаваніи. Работы этихъ изобрѣтателей не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, хотя имъ и удалось въ нѣкоторыхъ частностяхъ сдѣлать существенныя улучшенія. То же нужно отмѣтить и относительно первыхъ трехъ четвертей восемнадцатаго вѣка. Слѣдуетъ, однако, упомянуть объ англійскомъ изобрѣтателѣ Дэѣ (Day). Это была первая жертва плаванія подъ водой: 20 іюня 1774 года онъ остался на днѣ морскомъ вмѣстѣ со своей лодкой. Съ нимъ погибъ и весь экипажъ ея.

Слѣдующій годъ (1775) ознаменовался любопытнѣйшей попыткой американца Бюшнеля (Bushnell), собиравшагося, съ помощью построенной имъ подводной лодки, уничтожить англійскую эскадру, блокировавшую въ то время Нью-Іоркъ. Его лодка, «Черепаха», была уже значительно совершеннѣе своихъ предшественницъ. За 150 лѣтъ, со времени постройки лодки ванъ-Дреббеля, техника сдѣлала значительные успѣхи, и Бюшнель не замедлилъ воспользоваться ими. Его «Черепаха», хотя и несовершенная ни въ отношеніи формы, ни въ отношеніи устройства, заключаетъ въ себѣ, тѣмъ не менѣе, почти всѣ органы и выполняетъ почти всѣ функціи современной подводной лодки. Въ виду этого мы остановимся на ея описаніи нѣсколько дольше и, на ея примѣрѣ, постараемся уяснить себѣ принципы, на которыхъ основано плаваніе подъ водой. Предварительно укажемъ только, что въ 1776 году «Черепахѣ» (крайне медленный ея ходъ вполнѣ оправдывалъ это наименованіе) удалось подъ водой подойти вплотную къ пятидесятипушечному англійскому фрегату «Орелъ». Къ счастью для послѣдняго, у сержанта, управлявшаго лодкой, не хватило настойчивости, чтобы довести дѣло до конца, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ

прикрѣпить къ обшивкѣ фрегата особый ящикъ съ 150-ю фунтами пороха, онъ отошелъ отъ непріятеля такъ же тихо и незамѣтно, какъ подошелъ къ нему.

Основнымъ физическимъ закономъ, на которомъ покоится, какъ надводное, такъ и подводное плаваніе, является законъ Архимеда. Согласно этому закону, всякое тѣло, погруженное въ воду, подвержено дѣйствію направленной вверхъ вертикальной силы, величина которой равна вѣсу вытѣсненной тѣломъ воды. Съ другой стороны, на всякое тѣло дѣйствуетъ еще одна сила—сила тяжести, направленная всегда внизъ. Если вѣсъ тѣла больше вѣса вытѣсненной имъ воды, то тѣло тонетъ. Если обѣ силы равны,—тѣло останется внутри воды, не поднимаясь и не опускаясь. Если же вытѣсненная вода вѣситъ больше самого тѣла, то оно всплываетъ наружу до тѣхъ поръ, пока остающаяся погруженной его часть не вытѣснитъ количества воды, вѣсъ которой равнялся бы его собственному вѣсу.

Любопытно отмѣтить, что въ средніе вѣка этотъ простой физическій законъ былъ недостаточно ясно понятъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ примѣнялся не ко всѣмъ тѣламъ. Такъ, напримѣръ, мрачное средневѣковье выработало чрезвычайно оригинальный способъ для распознаванія вѣдьмъ. Заподозрѣнныхъ въ этой своеобразной профессіи женщинъ бросали въ воду, полагая, что невиновныя во взводимомъ на нихъ обвиненіи должны были идти ко дну безъ дальнѣйшихъ околичностей. Если же какой-нибудь несчастной, изъ подвергнувшихся испытанію, удавалось продержаться нѣкоторое время на поверхности воды, то ее сжигали, какъ безусловную вѣдьму. Такая, если можно такъ выразиться, гидростатическая реакція на присутствіе нечистой силы довольно ясно характеризуетъ извѣстную умонастроенность, совершенно исключающую возможность раціональной постановки вопроса о погруженіи въ воду для подводнаго плаванія.

Въ лодкѣ Бюшнеля этотъ вопросъ разрѣшенъ крайне просто и остроумно. Она была весьма небольшихъ размѣровъ, позволявшихъ помѣститься въ ней лишь одному человѣку. Вѣсъ воды, вытѣсненной ею при полномъ погруженіи (или ея полное водоизмѣщеніе), былъ больше ея собственнаго вѣса, включая сюда и вѣсъ сидящаго въ ней человѣка. Понятно, что при такихъ условіяхъ лодка, на подобіе обычнаго судна, плавала лишь на поверхности воды. Поэтому Бюшнель помѣстилъ внутри своей лодки, въ нижней ея части, двѣ цистерны, которыя могли наполняться водой извнѣ, съ помощью особаго клапана. Такимъ образомъ, при неизмѣнномъ объемѣ и, значитъ, неизмѣнномъ водоизмѣщеніи, лодка дѣлалась тяжелѣе и

начинала погружаться. Регулируя притокъ воды въ цистерны, можно было погрузить ее въ желаемой степени. Но нужно было имѣть еще и другое приспособленіе, дѣйствующее, такъ сказать, въ обратномъ направленіи. Въ любой моментъ нужно было имѣть возможность сдѣлать лодку болѣе легкой для того, чтобы она снова могла всплыть на поверхность воды. Съ этой цѣлью, Бюшнель приспособилъ два насоса, съ помощью которыхъ можно было выгонять воду изъ цистернъ наружу и этимъ облегчать судно. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что эти два способа погруженія и поднятія лодки, съ небольшими лишь видоизмѣненіями, удержались и до нашего времени.

Но всего этого еще недостаточно. Подводная лодка встрѣчаетъ одно затрудненіе совершенно особаго свойства. Какъ мы уже видѣли раньше, по мѣрѣ погруженія, ей приходится испытывать все большее и большее давленіе со стороны воды. Сначала давленіе невелико, но все же оно достаточно для того, чтобы чуть-чуть, едва замѣтно уменьшить объемъ погруженной лодки. Отъ этого уменьшается ея водоизмѣщеніе, т.-е. уменьшается дѣйствующая на лодку, направленная снизу вверхъ сила, и лодка, правда очень медленно, начинаетъ идти ко дну. Но, по мѣрѣ опусканія, давленіе дѣлается все значительнѣе, лодка сжимается все больше, водоизмѣщеніе уменьшается еще болѣе, паденіе поэтому ускоряется, и катастрофа неминуема. Чтобы устранить такую возможность, Бюшнель поступилъ слѣдующимъ образомъ. Цистерны наполнялись не настолько, чтобы вѣсъ лодки сравнялся съ вѣсомъ вытѣсненной ею воды, и этимъ достигалось лишь неполное погруженіе. Оставалось приложить сравнительно небольшую силу для того, чтобы сдѣлать его полнымъ. Эта сила производилась дѣйствіемъ спеціальнаго вертикальнаго винта, который приводился въ движеніе извнутри и, надавливая своими лопастями на воду, отталкивалъ лодку отъ поверхности воды книзу. Такимъ образомъ, перегрузки быть не могло: при погруженіяхъ, превышающихъ норму, достаточно было перестать работать винтомъ, и лодка медленно, автоматически всплывала на поверхность.

И это еще не все. Бываютъ при подводномъ плаваніи такіе критическіе моменты, когда всплыть нужно очень быстро, особенно когда почему-либо перестаютъ работать насосы или въ лодкѣ образуется течь, и она перегружается проникающей въ нее водой. Это было предусмотрѣно Бюшнелемъ. Нижняя, очень тяжелая часть его чечевицеобразной лодки могла быть извнутри отдѣлена отъ нея и выполняла, такимъ образомъ, роль балласта, который выбрасывали въ минуту крайней нужды, чтобы имѣть возможность быстро всплыть на поверхность.

Всѣ эти приспособленія удержались до нашего времени.

Какъ мы видимъ, задача о погруженіи была рѣшена весьма удовлетворительно. Но требовалось еще найти возможность передвигаться подъ водой и, вдобавокъ, въ желаемомъ направленіи. Въ то время, къ которому относятся работы Бюшнеля, не было еще двигателей, ни паровыхъ, ни электрическихъ. Поэтому, для передвиженія въ горизонтальной плоскости, онъ долженъ былъ пользоваться горизонтальнымъ гребнымъ винтомъ, приводимымъ во вращеніе непосредственно мускульной силой. Направленіе движенія обезпечивалось употребленіемъ обычнаго вертикальнаго руля. Отмѣтимъ еще, что о глубинѣ погруженія можно было судить по показаніямъ манометра, находившагося внутри лодки, но сообщавшагося съ внѣшнимъ воднымъ пространствомъ. Вообще, несмотря на всѣ ея несовершенства, въ лодкѣ Бюшнеля мы находимъ, въ зачаточномъ видѣ, почти всѣ части, существующія въ организмѣ и современной лодки. Сходство дополняется еще и тѣмъ, что «Черепаха» могла прикрѣплять къ непріятельскому судну особый снарядъ, начиненный большимъ количествомъ пороха и снабженный часовымъ механизмомъ,—прообразъ современной мины.

Послѣ Бюшнеля, разными изобрѣтателями было изготовлено еще нѣсколько моделей подводныхъ лодокъ. Ничего существеннаго, однако, онѣ не добавили. Зато стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе на работахъ Фультона. Разработка и выполненіе его проектовъ относятся къ самому концу XVIII-го столѣтія и къ началу XIX-го. Въ его лодкахъ мы находимъ нѣсколько существенныхъ усовершенствованій. Прежде всего, онѣ удлиняются, ихъ форма дѣлается сигарообразной, что̀ обезпечиваетъ имъ, при подводныхъ перемѣщеніяхъ, менѣе значительное сопротивленіе со стороны воды. Затѣмъ, мы впервые встрѣчаемся съ такъ называемыми горизонтальными рулями, т.-е. съ особыми прикрѣпленными къ лодкѣ наклонными плоскостями. Онѣ расположены такимъ образомъ, что, при поступательномъ движеніи лодки, на нихъ надавливаетъ вода сверху внизъ, и этимъ онѣ производятъ окончательное погруженіе лодки. Эти горизонтальные рули служатъ, слѣдовательно, для той же цѣли, что и вертикальный винтъ Бюшнеля. Кромѣ того, при погруженіяхъ, Фультонъ бралъ съ собою запасы сжатаго воздуха, которымъ онъ пользовался для дыханія.

Впервые, въ лодкѣ Фультона, мы встрѣчаемся съ остроумной идеей употребленія двухъ разныхъ двигателей. Одинъ изъ нихъ служилъ для подводнаго плаванія, это, какъ и у Бюшнеля, гребной винтъ, приводившійся въ движеніе мускульной силой. Другой—для надводнаго; Фультонъ приспособилъ къ верхней части своей лодки

особый парусъ, который могъ складываться при погруженіяхъ. Наконецъ, въ передней части своей лодки Фультонъ устроилъ небольшой, выдававшійся изъ воды металлическій куполъ, въ который было вдѣлано стекло, позволявшее дѣлать наблюденія, оставаясь въ лодкѣ.

Мы считаемъ небезинтереснымъ, по поводу работъ Фультона, сдѣлать нѣсколько заимствованій изъ послѣдней книги инженера Лобёфа (Laubeuf, Sous-marins et submersibles, Paris, 1915).

Когда Фультонъ, въ 1796 году, предложилъ французскому правительству построить флотилію подводныхъ лодокъ для военныхъ надобностей, эта идея встрѣтила очень мало сочувствія. Характерно, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ главной причиной этого несочувствія являлось нежеланіе пользоваться такимъ жестокимъ средствомъ, какъ полное уничтоженіе, съ помощью мины корабля и его экипажа. Фультонъ просилъ даже о зачисленіи себя и своего экипажа въ регулярную армію, такъ какъ онъ боялся, какъ бы съ ними не поступили, какъ съ пиратами, въ случаѣ захвата ихъ непріятелемъ. Любопытно сопоставить съ этимъ ту легкость, съ которой Германія, въ 1915 году, пускаетъ ко дну, безъ предупрежденія, даже торговыя и пассажирскія судна.

Въ одномъ своемъ письмѣ Фультонъ говоритъ, что онъ не считаетъ подводную мину «варварскимъ изобрѣтеніемъ», потому что съ ея помощью можно предохранить страну отъ нападенія со стороны моря.

«Проникнутый этими чувствами, пишетъ онъ далѣе, я смотрю на военный флотъ, какъ на пережитокъ (reste) древнихъ воинскихъ наклонностей, какъ на политическую болѣзнь, противъ которой до сихъ поръ не находили лѣкарства, и я увѣренъ, что подводныя мины являются вѣрнымъ средствомъ для радикальнаго избавленія отъ этого зла».

Усилія Фультона расположить къ себѣ общественное мнѣніе ни къ чему не привели. Однако, въ 1798 году была все-таки назначена комиссія для разсмотрѣнія его проектовъ. Въ своемъ отчетѣ она отнеслась къ проектамъ очень благожелательно и, повидимому, уже предвидѣла, какое крупное значеніе могли имѣть усовершенствованныя подводныя лодки. Такъ, предлагая дать изобрѣтателю возможность сдѣлать необходимыя усовершенствованія, комиссія совѣтуетъ сдѣлать видъ, что въ успѣхъ подводныхъ лодокъ уже совершенно перестали вѣрить. Если бы, говоритъ Лобёфъ, черезъ сто лѣтъ послѣ Фультона, французское морское вѣдомство послѣдовало этому мудрому совѣту, то ходъ современныхъ намъ военныхъ событій былъ бы совершенно иной. Дѣйствительно, мы

уже видѣли въ началѣ этой статьи, что Германія очень поздно лишь въ 1905 году, пришла къ мысли о необходимости обладанія флотиліей подводныхъ лодокъ, и тогда она стала самымъ увѣреннымъ образомъ строить свои лодки по французскому образцу (къ слову сказать, при помощи одного французскаго инженера, хорошо ознакомленнаго съ деталями устройства французскихъ лодокъ). Въ то время, какъ Франція употребила много усилій и принесла много жертвъ для того, чтобы выработать раціональный типъ подводной лодки, Германія воспользовалась всѣми результатами предшествовавшихъ французскихъ работъ.

Очень характерны разсужденія Фультона о психологическомъ, такъ сказать, значеніи подводныхъ лодокъ. «Потеря перваго англійскаго судна, пишетъ Фультонъ, разрушеннаго такимъ необычайнымъ способомъ, произведетъ среди британскаго правительства крайнее замѣшательство. Оно почувствуетъ, что подобнымъ же образомъ можно будетъ уничтожить весь его флотъ, установить блокаду Темзы и остановить всю лондонскую торговлю. Какой ужасъ будетъ, въ этомъ случаѣ, царить въ Англіи!»

Послѣ Фультона было предложено еще нѣсколько типовъ подводныхъ лодокъ, но мы остановимся лишь на лодкѣ баварскаго офицера, Бауэра (Bauer). Хотя онъ и ввелъ нѣсколько интересныхъ деталей при постройкѣ своей лодки, все же его работа была не удачнѣе, чѣмъ у другихъ. Особеннаго упоминанія онъ заслуживаетъ лишь въ виду крайне драматическихъ обстоятельствъ, которыми сопровождались его опыты.

Въ 1851 году Бауэръ произвелъ первое испытаніе своей лодки, въ которой, кромѣ самого изобрѣтателя, было еще два матроса. Когда судно погрузилось на глубину въ 10 метровъ, слишкомъ сильное давленіе воды сплюснуло стѣнки его кормовой части и оно начало быстро наклоняться и, одновременно съ этимъ, падать. Всѣ неприкрѣпленные предметы, тяжелый металлическій грузъ, служившій въ видѣ балласта, и даже самъ Бауэръ съ матросами, все это было сброшено въ опустившуюся часть. Только чудомъ удалось несчастнымъ спастись при этомъ отъ возможности быть задавленными. Между тѣмъ лодка совершенно накренилась и въ такомъ положеніи застряла на днѣ на глубинѣ въ 16 метровъ. Вдобавокъ образовалась сильная течь. Въ нашихъ обычныхъ, надводныхъ условіяхъ вода протекаетъ черезъ небольшія трещины со скоростью, съ которой еще можно легко бороться. Совсѣмъ не то происходитъ на нѣкоторой глубинѣ, гдѣ вода вгоняется подъ значительнымъ давленіемъ. Сначала матросы, работая насосами, по грудь въ водѣ, пытались бороться съ притокомъ воды, но недолго,—вода прибы-

вала все въ большемъ количествѣ. Тогда-то и разыгралась трагедія. Одинъ изъ матросовъ, съ ножемъ въ рукахъ, бросился на Бауэра, который, тоже съ оружіемъ въ рукахъ, сначала защищалъ свою жизнь, а затѣмъ заставилъ матросовъ снова взяться за работу.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ вода затопляла лодку, давленіе воздуха въ ней дѣлалось все больше и больше, пока, наконецъ, оно не уравновѣсило давленія столба воды, находящагося надъ лодкой. Это и остановило новый притокъ воды. Послѣ пятичасовой работы, измученному и задыхающемуся экипажу удалось, при помощи внутренняго большого давленія, открыть входной люкъ, и это и послужило спасеніемъ для Бауэра и его товарищей. Черезъ образовавшееся отверстіе, какъ будто послѣдній вздохъ умирающей лодки, вышелъ исполинскихъ размѣровъ пузырь воздуха и вмѣстѣ съ нимъ выскользнули и люди. Трое измученныхъ пловцовъ вынырнули на поверхность какъ разъ въ то самое время, когда наверху, послѣ многочисленныхъ, продолжительныхъ безуспѣшныхъ попытокъ, уже отчаялись придумать что-нибудь новое для спасенія затонувшихъ.

Намъ хорошо извѣстны всѣ эти детали въ виду того, что экипажу затонувшей лодки удалось спастись. Легко вообразить, какія разыгрываются трагедіи на днѣ моря, въ затонувшихъ лодкахъ, когда надежды на спасеніе уже не остается и когда остается ждать медленной и неизбѣжной агоніи.

Бауэръ не призналъ себя побѣжденнымъ, несмотря на то, что въ Германіи совершенно перестали имъ интересоваться. Въ 1852 г. онъ работаетъ въ Австріи, но безъ всякихъ положительныхъ результатовъ. Въ скорости послѣ этого, мы видимъ его въ Англіи, гдѣ испытанія съ его лодкой снова закончились катастрофой. Во время Крымской кампаніи Бауэръ предлагаетъ свои услуги русскому правительству. Въ Россіи къ нему отнеслись крайне несочувственно. Разсказываютъ, напримѣръ, что Бауэръ, въ видѣ испытанія, предложилъ пройти въ своей лодкѣ подъ килемъ неподвижно стоящаго судна, при чемъ между килемъ и дномъ было не болѣе двухъ метровъ. Лодка же Бауэра имѣла около 3-хъ метровъ въ вышину. Бауэръ, не раздумывая, пошелъ на это предложеніе и, естественно, зарылся въ песокъ. Катастрофы не было лишь потому, что изобрѣтатель могъ своевременно сбросить балластъ. Впрочемъ, благодаря покровительству Великаго Князя Константина Николаевича, Бауэру удалось построить новую модель подводной лодки. Въ октябрѣ 1856 года, совершая свое 134-е погруженіе, она пошла ко дну во время испытаній. Обезкураженный и обнищавшій вернулся Бауэръ въ Германію въ 1858 году, но даже и теперь желѣзная энергія

этого человѣка не была сломлена. До конца своей жизни онъ не переставалъ создавать все новые проекты въ области подводнаго плаванія или подводной стрѣльбы.

Заслуживаетъ интереса также одна американская лодка «Давидъ». За свое непродолжительное (всего около года) существованіе она сумѣла погубить тридцать двѣ жизни. Это была своего рода пловучая или, вѣрнѣе, ныряющая гробница. «Давидъ» былъ построенъ въ 1863-мъ году изъ желѣзныхъ листовъ. То было судно въ 12 метровъ длины, разсчитанное на экипажъ въ 9 человѣкъ, изъ которыхъ 8 должны были вращать винтъ, служившій для передвиженія.

Во время одного изъ первыхъ испытаній, когда экипажъ находился уже въ лодкѣ и управлявшій ею лейтенантъ собирался захлопнуть крышку люка, служившаго для входа,—внезапно набѣжала волна отъ проходившаго по близости парохода, захлестнула лодку, влилась внутрь, и «Давидъ» пошелъ ко дну. Послѣ этой первой катастрофы, лодку съ девятью трупами подняли на поверхность и привели въ исправность. При второй катастрофѣ «Давидъ» погубилъ лишь 5 человѣкъ. Однако, снова нашлись охотники для послѣдующихъ испытаній. Но «Давидъ» и теперь остался вѣренъ себѣ,—онъ снова затонулъ и, на этотъ разъ, основательно. Лишь нѣсколько дней спустя удалось отыскать его и извлечь на поверхность съ девятью новыми жертвами.

Здѣсь, на этомъ примѣрѣ видно, какъ сильна въ человѣкѣ жажда новаго, неизвѣданнаго. Морскія глубины продолжали манить къ себѣ, несмотря ни на какой рискъ,—и снова нашлись добровольцы для новыхъ испытаній «Давида». Но зато, во время четвертой, очередной катастрофы, «Давидъ» сумѣлъ отличиться и даже установить новую важную дату въ исторіи развитія подводныхъ лодокъ. 17-го февраля 1864 года онъ подошелъ къ непріятельскому адмиралтейскому судну (во время Сѣверо-Американской междуусобной войны) и взорвалъ его. При этомъ его самого захлестнуло возникшей отъ взрыва волной, и онъ снова затонулъ, въ четвертый и послѣдній разъ, похоронивъ вмѣстѣ съ собою лейтенанта Диксона и 8 человѣкъ экипажа.

Это былъ первый случай уничтоженія непріятельскаго судна съ помощью мины, пущенной подводной лодкой. Почти всему его экипажу удалось спастись, но само судно—«Housotonic»—пошло ко дну.

Въ смыслѣ наклонности къ умерщвленію своего экипажа, у «Давида» былъ достойный соперникъ въ лицѣ «Разумнаго кита» (американская лодка), который въ теченіе всего лишь 4-хъ лѣтъ утопилъ 39 человѣкъ.

Всѣ предыдущія лодки были небольшихъ размѣровъ,—самое большее въ нѣсколько десятковъ тоннъ водоизмѣщенія,—т.-е., говоря иначе, имѣли объемъ въ нѣсколько десятковъ кубическихъ метровъ. Первая попытка построить большое подводное судно принадлежитъ французамъ: капитану Бургуа (Bourgois) и инженеру Брэну (Brun) работавшимъ въ 1860—63 годахъ. Ихъ лодка имѣла 42 метра въ длину, 450 тоннъ водоизмѣщенія и двигатель въ 80 лошадиныхъ силъ, работавшій сжатымъ воздухомъ. Сжатый воздухъ поступалъ въ машину изъ особыхъ свинцовыхъ сосудовъ и, по выходѣ изъ нея, служилъ также и для дыханія. Максимальная скорость при полномъ погруженіи доходила до 5-ти узловъ (около 9-ти километровъ въ часъ). Но лодка была слишкомъ велика для своего времени: уравновѣшивать ее было въ такой степени трудно, что она либо шла ко дну, либо всплывала на поверхность. Въ 1864-мъ году ее разобрали.

Съ этого времени, собственно говоря, начинается новая эра въ исторіи плаванія подъ водой. Накопленный опытъ былъ достаточно великъ для того, чтобы можно было приступить къ постройкѣ прочной, послушной и достаточно быстроходной лодки. Къ тому же, послѣдняя четверть XIX вѣка ознаменовалась непомѣрно интенсивнымъ развитіемъ техники, и у конструкторовъ лодокъ оказался богатый выборъ какъ разнообразнаго строительнаго матеріала, такъ и способовъ выполненія постройки. Немалую роль въ дѣлѣ развитія подводныхъ лодокъ сыграли работы русскаго изобрѣтателя, Джевецкаго. Въ третьей модели своей лодки (1884) Джевецкій употребилъ электрическій двигатель, питаемый аккумуляторами. Это нововведеніе, какъ мы увидимъ ниже, является крайне существеннымъ, и въ настоящее время имъ пользуются подводныя лодки всѣхъ типовъ, безъ исключенія.

Въ теченіе послѣдней четверти XIX столѣтія усовершенствованіемъ подводныхъ лодокъ занимались почти повсюду. Нѣкоторые типы достигли сравнительно высокой степени совершенства. Особенно интересны работы Норденфельта (Nordenfelt, Швеція); Зэдэ (Zede, Франція); Голланда, Лэка (Holland, Lake, Соединенные Штаты); Перала (Peral, Испанія); Пуллино (Pullino, Италія).

Въ 1900-мъ году были закончены испытанія подводной лодки особаго типа, построенной французскимъ инженеромъ Лобёфомъ (Laubeuf). На ней стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ она послужила прототипомъ для большинства послѣдующихъ моделей, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Это уже вполнѣ совершенный типъ лодки, отвѣчающій, если не всѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, большинству требованій. Конечно, исторія под-

воднаго плаванія не завершилась постройкой «Нарвала»,—такъ называлась лодка Лобёфа; но все послѣдующее развитіе относится уже къ частностямъ, которыя не должны насъ интересовать въ настоящей статьѣ. Мы, такимъ образомъ, оставляя область исторіи, обращаемся непосредственно къ описанію того, что̀ собой представляетъ современная подводная лодка.

До Лобёфа подводныя лодки строились такимъ образомъ, что надводная часть ихъ составляла не болѣе чѣмъ 11%—13% общаго объема; въ иныхъ случаяхъ это отношеніе доходило даже до 3%. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это было выгодно. Такъ, напримѣръ, для полнаго погруженія нужно было набрать въ цистерны лишь небольшое количество воды, и погруженіе требовало очень мало времени. Но эта выгода не уравновѣшивала многочисленныхъ недостатковъ. Сидя слишкомъ глубоко въ водѣ, подводная лодка стараго типа была очень мало пригодна для надводнаго плаванія, особенно при не совсѣмъ спокойномъ морѣ. Мы это видѣли при описаніи первой катастрофы «Давида», когда его затопило волной еще до того, какъ онъ началъ погружаться.

«*Нарвалъ*» *Лобёфа былъ, въ сущности говоря, настоящимъ надводнымъ судномъ, но способнымъ при желаніи и погружаться.* Его надводная часть представляла собою 41% общаго объема, что̀ дѣлаетъ его похожимъ на обычный типъ миноносца, гдѣ надводная часть имѣетъ около 45%. Естественно, что для погруженія такой лодки нужно было употреблять значительное количество балласта, занимавшаго сравнительно очень большой объемъ. Поэтому цистерны помѣщались не внутри лодки, а снаружи, и это опредѣляло цѣлый рядъ производныхъ особенностей. Устройство было таково, что корпусъ лодки былъ охваченъ внѣшней оболочкой, а въ пространствѣ между ними и можно было помѣщать количество воды, необходимое для погруженія. Можно сказать, выражаясь образно, что одна лодка находилась въ другой, при чемъ внѣшняя служила для надводнаго плаванія, внутренняя же для подводнаго, такъ какъ, при погруженіи, она непосредственно поддерживалась водой, находящейся во внѣшней оболочкѣ.

Внутренній толстостѣнный, стальной остовъ имѣлъ круговое сѣченіе,—форму, представляющую максимумъ механическаго сопротивленія. Внѣшняя же оболочка, принимавшая въ себя балластъ, имѣла стѣнки гораздо болѣе тонкія, такъ какъ на нихъ должны были давить съ одинаковой силой какъ вода, въ нихъ заключающаяся, такъ и вода, находящаяся снаружи. Поэтому нѣтъ необходимости давать внѣшней оболочкѣ особую сопротивляемость. Вотъ почему мы встрѣчаемъ современныя подводныя лодки самой разно-

образной формы съ внѣшней стороны. Въ дѣйствительности же, внутренняя ихъ часть, которой приходится на глубинѣ выдерживать громадное давленіе, имѣетъ всегда круговое или эллиптическое сѣченіе.

«Нарвалъ» былъ уже довольно большимъ судномъ: при полномъ погруженіи онъ имѣлъ 202 тонны водоизмѣщенія, т.-е. занималъ объемъ въ 202 кубическихъ метра или, что то же самое, вѣсилъ вмѣстѣ съ балластомъ 202.000 килограммовъ (около 12.000 пудовъ), при 34 метрахъ длины. Первыя испытанія «Нарвала» показали, что полное его погруженіе занимало сравнительно много времени. Нужно было обычное надводное судно превратить въ подводное. Нужно было разобрать и укрѣпить цѣлый рядъ приспособленій, нужно было спустить экипажъ внутрь черезъ люки, закрыть ихъ и, вообще, сдѣлать судно непроницаемымъ для воды. Затѣмъ нужно было вобрать много балласту, что тоже дѣлалось не вдругъ: «Нарвалъ» долженъ былъ вобрать 85.000 литровъ воды (въ нѣкоторыхъ современныхъ лодкахъ приходится вбирать даже до 300.000 литровъ, въ самое короткое время). Наконецъ, и это самое существенное, «Нарвалъ» имѣлъ два разныхъ двигателя. Одинъ изъ нихъ, паровой, служилъ для обычнаго надводнаго плаванія. Онъ былъ весьма удобенъ для быстраго перемѣщенія лодки на поверхности воды, но представлялъ значительныя неудобства при подводномъ плаваніи. Погруженная лодка должна представлять собой совершенно замкнутую систему, и поэтому является въ высшей степени неудобнымъ, если, въ процессѣ функціонированія парового двигателя, выдѣляются наружу продукты горѣнія или отработавшій паръ. Къ тому же горѣніе, поглощая кислородъ, требуетъ постояннаго расхода свѣжаго воздуха, а на воздухъ, внутри погруженной лодки, нужно смотрѣть, какъ на наиболѣе цѣнное вещество. Вдобавокъ, топка котловъ создаетъ невыгодныя температурныя условія въ смыслѣ обитаемости лодки. Въ силу всѣхъ этихъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ, причинъ, современная подводная лодка, въ погруженномъ состояніи, передвигается съ помощью электрическаго двигателя.

Слѣдовательно, при погруженіи, нужно еще прекратить топку въ паровомъ двигателѣ, и это тоже немало задерживаетъ процессъ погруженія. Первыя погруженія «Нарвала» длились около 28 минутъ,—время слишкомъ долгое для того, чтобы лодка, въ моментъ опасности, могла скрыться вглубь отъ преслѣдованія непріятеля. Но впослѣдствіи, при достаточной тренировкѣ экипажа и при нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ самой лодки, время погруженія (для лодокъ, аналогичныхъ «Нарвалу») было сведено къ 4—5 минутамъ.

Въ современныхъ лодкахъ, какъ мы только-что видѣли, всегда

имѣется два разныхъ двигателя: одинъ электрическій, для подводнаго плаванія, и другой — паровой или, чаще всего, внутренняго сгоранія (типа Дизеля)—для надводнаго. Слѣдовательно, имъ нужно имѣть нѣкоторый запасъ жидкаго топлива. Вотъ почему подводная лодка не можетъ удаляться безпредѣльно далеко отъ своей базы, которая ее снабжаетъ всѣмъ необходимымъ, и этимъ радіусъ дѣйствія подводныхъ лодокъ, по необходимости, ограниченъ. Любопытно, что въ настоящей войнѣ нѣмецкія подводныя лодки заходятъ на разстоянія, значительно превышающія предѣлы, до сихъ поръ считавшіеся возможными. Нѣкоторые морскіе авторитеты предложили слѣдующее объясненіе такой анормальности. Возможно, что невинныя рыбацкія барки, мирно занимающіяся своимъ дѣломъ, снабжены нефтью въ достаточномъ количествѣ и, въ условленныхъ мѣстахъ и въ условленное время, выходятъ на rendez-vous съ подводными лодками, слишкомъ отдалившимися отъ своей базы и истощившими свои запасы топлива. Возможно также, что еще до начала войны нѣмцы затопили въ извѣстныхъ имъ мѣстахъ цѣлый рядъ цистернъ съ нефтью, и, въ случаѣ надобности, подводная лодка пользуется этими подводными запасами. Во всякомъ случаѣ, это не болѣе, какъ догадки. Лишь по окончаніи войны мы узнаемъ много новаго и интереснаго изъ области подводныхъ операцій.

Что касается до электрическаго двигателя, то онъ беретъ нужную ему энергію отъ электрическихъ аккумуляторовъ. Въ пользованіи такимъ двигателемъ есть свои хорошія и дурныя стороны. Прежде всего, работа такого двигателя не сопровождается чрезмѣрнымъ шумомъ, какой неизбѣженъ при работѣ термическаго двигателя; это почти беззвучный способъ передвиженія, что̀ крайне важно для лодки, не желающей излишнимъ шумомъ выдать свое присутствіе. Затѣмъ, вѣсъ аккумуляторовъ, несмотря на всѣ химическія превращенія, которыя въ нихъ происходятъ, остается совершенно неизмѣннымъ, а это имѣетъ громадное значеніе для погруженной лодки, гдѣ малѣйшее измѣненіе въ распредѣленіи груза вызываетъ непріятныя накрененія. Въ этомъ отношеніи лодка настолько чувствительна, что достаточно одновременнаго перемѣщенія 3—4 человѣкъ экипажа съ кормы ея на носъ, чтобы она наклонилась на нѣсколько градусовъ. А это настолько значительная величина для современныхъ большихъ лодокъ, что корма оказывается на нѣсколько метровъ выше носа. Къ тому же, тотъ электрическій двигатель, который сообщаетъ гребному винту вращательное движеніе, можетъ быть отдѣленъ отъ винта и можетъ быть самъ приведенъ во вращеніе хотя бы термическимъ двигателемъ лодки. Такимъ способомъ можно произвести весьма значительный токъ, которымъ сызнова заряжаются аккуму-

ляторы, и въ этомъ случаѣ электрическій двигатель работаетъ, какъ динамо-машина. Если зарядъ аккумуляторовъ приходитъ къ концу, лодка поднимается на поверхность, заставляетъ работать свой термическій двигатель и снова заряжаетъ ихъ только-что описаннымъ образомъ.

Къ великому сожалѣнію, употребленіе аккумуляторовъ влечетъ за собой и нѣкоторыя невыгоды. Отмѣтимъ хотя бы то, что они крайне тяжелы. Еще и понынѣ пользуются обычными свинцовыми аккумуляторами. Такъ какъ свинецъ приблизительно въ 11 разъ тяжелѣе воды, то для достиженія болѣе или менѣе значительной скорости подводной лодкѣ приходится брать очень большой грузъ, что́, въ свою очередь, требуетъ увеличенія объема самой лодки. Такимъ образомъ, нельзя разсчитывать на большую скорость подъ водой. «Нарвалъ» имѣлъ, при надводномъ плаваніи, скорость въ 15 километровъ въ часъ; при подводномъ же только около 9-ти. Правда, теперь повсюду замѣчается тенденція строить большія подводныя лодки, что̀ позволяетъ располагать и большею скоростью. Въ нѣкоторыхъ лодкахъ полное водоизмѣщеніе превышаетъ тысячу тоннъ. (Нѣкоторыя, незаконченныя еще постройкой, должны доходятъ даже до 1.300 тоннъ водоизмѣщенія). Въ этомъ случаѣ разсчитываютъ достигнуть значительной скорости,—около 36 километровъ въ часъ на поверхности воды и 21 километръ въ часъ подъ водой. (Длина такихъ лодокъ должна доходить до 75, а средній діаметръ до 7—8 метровъ. Разрабатываются даже проекты еще *значительно* бо̀льшихъ лодокъ). За послѣднее время газеты нѣсколько разъ сообщали о томъ, что въ Германіи заняты постройкой исполинскихъ подводныхъ лодокъ, съ неимовѣрно большимъ радіусомъ дѣйствія и громадной скоростью. Въ этомъ извѣстіи нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, эти необычайныя лодки себя ничѣмъ не проявили. Впрочемъ, постройка современной подводной лодки требуетъ очень продолжительнаго времени, и возможно, что новый типъ нѣмецкихъ U еще не законченъ.

Вообще говоря, по мѣрѣ увеличенія размѣровъ подводнаго судна (терминъ «лодка» дѣлается все болѣе непримѣнимымъ къ судну въ 1.300 тоннъ водоизмѣщенія), возрастаютъ также и трудности управленія имъ. Взять хотя бы равновѣсіе въ погруженномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что подводное судно не можетъ оставаться на опредѣленной глубинѣ, если только оно не находится въ движеніи и если все время исправлять безпрестанныя измѣненія въ его положеніи. Съ этой цѣлью нужно съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за манометромъ, показывающимъ глубину, и почти безпрерывно либо увеличивать, либо уменьшать количества балласта, или дѣй-

ствовать особыми горизонтальными рулями (руль глубины, какъ у аэроплана). Естественно, что эти рули, надавливающіе, такъ сказать, на воду, производятъ свое дѣйствіе только при движеніи лодки, что опять-таки требуетъ особой заботы и вниманія.

Есть много причинъ, въ силу которыхъ измѣняется глубина погруженія лодки, и онѣ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ лодка значительнѣе по своимъ размѣрамъ. Укажемъ, въ видѣ примѣра, только на одну изъ этихъ причинъ.

Морская вода содержитъ въ себѣ, въ растворенномъ состояніи, различныя соли; при этомъ содержаніе соли мѣняется отъ одного мѣста къ другому. Напримѣръ, соленость Средиземнаго моря доходитъ до 40 тысячныхъ, въ то время, какъ въ Балтійскомъ она рѣдко превышаетъ 5 тысячныхъ. Разная соленость воды даетъ ей, естественно, и разную плотность, т.-е., говоря иными словами, при неизмѣнномъ объемѣ—и разный вѣсъ. Кромѣ того, плотность воды мѣняется въ зависимости отъ температуры, которая бываетъ различной на разныхъ глубинахъ и даже на одной и той же глубинѣ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время дня. Но разница въ нѣсколькихъ лишь тысячныхъ, при большомъ водоизмѣщеніи лодки, хотя бы въ 100 тоннъ, даетъ измѣненіе вертикальной силы въ нѣсколько сотъ килограммовъ; для большихъ же лодокъ, около тысячи тоннъ водоизмѣщенія, измѣненіе давленія воды на лодку снизу вверхъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ килограммовъ. При своихъ перемѣщеніяхъ, встрѣчая подводныя теченія, различныя температуры, различную соленость воды,—лодкѣ приходится безпрестанно компенсировать всѣ встрѣчающіяся измѣненія. Правда, искусство управленія лодкой можетъ быть доведено до того, что максимальныя отклоненія ея центра тяжести отъ средняго положенія могутъ не превышать двадцати сантиметровъ. Но такое напряженное вниманіе, особенно при долговременномъ плаваніи, вызываетъ сильное утомленіе экипажа.

Въ своемъ знаменитомъ interview, предназначенномъ для американскихъ журналовъ, германскій адмиралъ, фонъ-Тирпицъ, заявилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ настоящей войнѣ мы очень многому научились относительно подводныхъ лодокъ. Мы раньше думали, что онѣ не могли отходить отъ своей базы болѣе, чѣмъ на 3 дня, такъ какъ иначе это должно было бы истощить экипажъ. Но мы въ скорости узнали, что лодка бо́льшихъ размѣровъ въ состояніи объѣхать Англію и даже оставаться внѣ своей базы въ теченіе 14-ти дней. Для этого только нужно, чтобы экипажу были предоставлены условія, необходимыя для отдыха и спокойствія. И это достигается тѣмъ, что въ неглубокомъ и тихомъ мѣстѣ лодку пу-

скаютъ ко дну, гдѣ она спокойно остается лежать и этимъ дается экипажу возможность выспаться. Это, однако, возможно лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сравнительно неглубоко».

До сихъ поръ такой оригинальный способъ отдыха еще не практиковался, можетъ быть, просто потому, что никому не приходило въ голову такое радикальное рѣшеніе задачи. Можно себѣ представить, какіе сны снятся обитателямъ временно затонувшаго судна, когда сверху, между ними и поверхностью моря, находится толща воды метровъ въ 25—30, которая сдавливаетъ ихъ лодку съ силой въ нѣсколько десятковъ милліоновъ килограммовъ. Условія сна, поистинѣ, необычайныя, особенно если вспомнить, что въ самой лодкѣ находится нѣсколько минъ, изъ которыхъ каждая обладаетъ столь большой разрушительной силой, что она способна взорвать самый могущественный броненосецъ. Дѣйствительно, велика должна быть человѣческая отвага для того, чтобы рѣшиться поставить себя въ такія условія полной изолированности отъ всего остального міра. Достаточно того, чтобы приспособленія, выгоняющія балластъ, перестали дѣйствовать и чтобы грузъ, прикрѣпленный къ килю, не смогъ быть своевременно сброшенъ,—и тогда лодка неизбѣжно должна сдѣлаться братской могилой для моряковъ, спустившихся на дно морское за «отдыхомъ и спокойствіемъ». Нужно думать, что нѣмцы еще до начала войны озаботились приготовленіемъ спеціальныхъ морскихъ картъ, гдѣ указаны мѣста, наиболѣе удобныя для спуска лодокъ.

Собственно говоря, не всякая лодка, которая не можетъ подняться собственными средствами, должна быть разсматриваема, какъ окончательно погибшая. Имѣются способы поднятія ея и посторонними вмѣшательствомъ. Нужно только, чтобы оно было своевременнымъ, иначе экипажъ можетъ погибнуть отъ удушенія. Максимальная длительность непрерывнаго пребыванія подъ водой ограничена количествомъ годнаго для дыханія воздуха. Были, правда, попытки установить спеціальные аппараты для поглощенія продуктовъ дыханія и выдѣленія свободнаго кислорода, но до сихъ поръ эта задача еще не получила раціональнаго рѣшенія.

Къ сожалѣнію, сама лодка не можетъ дать знать о приключившейся съ нею бѣдѣ — безпроволочнымъ телеграфомъ она можетъ пользоваться только при надводномъ плаваніи. Въ послѣднее время ввели въ употребленіе особый, такъ называемый телефонный буй, который можно въ критическій моментъ отдѣлить отъ лодки и который, всплывая на поверхность воды, позволяетъ, во-первыхъ, опредѣлить мѣсто, гдѣ лодка затонула, и, во-вторыхъ, съ помощью особыхъ электрическихъ проводовъ, установить телефонное сообще-

ніе съ пострадавшими. Но для всего этого необходимо, чтобы лодка затонула не слишкомъ глубоко и чтобы буй былъ своевременно замѣченъ,—важно спасти не только лодку, а, главнымъ образомъ, ея экипажъ.

Долгое время изысканія велись и въ другомъ направленіи. Извѣстно, что вода очень хорошо проводитъ звуковыя волны, и уже давно напали на мысль использовать это ея свойство для передачи акустическихъ сигналовъ на большія разстоянія непосредственно черезъ толщу воды. Эта подводная акустическая сигнализація имѣетъ громадную практическую важность для мореплаванія вообще, такъ какъ она способна замѣнить оптическую сигнализацію въ тѣхъ случаяхъ, когда сильные туманы поглощаютъ весь свѣтъ, исходящій изъ маяковъ. Только лишь въ 1911-мъ году напали на удачный способъ производить подъ волной звукъ такъ, чтобы онъ явственно передавался на большія разстоянія. Въ 1912 году были установлены аппараты на одной американской подводной лодкѣ, и сигналы могли быть услышаны подъ водой на разстояніи около четырнадцати километровъ. Совсѣмъ недавно—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ — американскій профессоръ, Фессенденъ (Fessenden) изобрѣлъ новый акустическій электромагнитный «оссиляторъ», съ помощью котораго дѣлается возможнымъ установить въ высшей степени отчетливое акустическое сообщеніе на довольно большія разстоянія. Несомнѣнно, этимъ открытіемъ не замедлятъ воспользоваться для того, чтобы подводныя лодки находились въ постоянномъ сообщеніи съ окружающимъ міромъ, или, по крайней мѣрѣ, могли бы призвать издалека къ себѣ на помощь въ случаѣ аваріи. Если лодка затонула не слишкомъ глубоко, то къ ней спускаютъ водолазовъ, которые должны прикрѣпить цѣпи къ особымъ кольцамъ, которыми снабжена лодка въ предвидѣніи этого случая; затѣмъ ее вытаскиваютъ на поверхность. Къ сожалѣнію, водолазы не могутъ спускаться на глубину, большую, чѣмъ 40—45 метровъ. Были также изобрѣтены спеціальные спасательные мѣшки, въ которыхъ затонувшій экипажъ могъ бы покинуть окончательно потерянную лодку, но, къ несчастью, не всегда является возможность воспользоваться выходами изъ нея.

Такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ совершенствахъ подводная лодка не достигла еще такой степени развитія, чтобы гарантировать безопасность своему экипажу. Но еще большей опасности подвергаются тѣ, которые являются объектомъ ея преслѣдованія. Исключительное значеніе подводной лодки заключается въ томъ, что, не будучи видима непріятельскимъ судномъ, она можетъ подойти къ нему достаточно близко, чтобы пустить его ко дну даже одной, хорошо направленной миной.

Любопытно отмѣтить, что мины, которыми пользуются подводныя лодки, уже давно—около полустолѣтія тому назадъ—достигли высокой степени совершенства. Въ общемъ, мина является маленькой, автоматической подводной лодкой, имѣющей свой собственный двигатель (автомобильныя, самодвижущіяся мины), свои собственные аппараты для регулированія какъ направленія движенія, такъ и степени погруженія, и даже свой собственный запасъ энергіи, которая поддерживаетъ ея движеніе. Такая мина является страшнымъ орудіемъ разрушенія,—задѣтое ею судно почти всегда обречено на гибель. Опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ, минуя всѣ техническія детали ея устройства, современную усовершенствованную автомобильную мину. Это длинный, сигарообразный снарядъ, передняя часть котораго заключаетъ въ себѣ до 120-ти килограммовъ (болѣе $7^1/_2$ пудовъ) взрывчатаго вещества, напримѣръ, пироксилина. Непосредственно за взрывчатымъ веществомъ находится длинная камера—около двухъ метровъ длины—гдѣ помѣщается воздухъ, сжатый до 150-ти атмосферъ; этотъ сжатый воздухъ и даетъ необходимую для движенія энергію. При выходѣ изъ резервуара съ такимъ сильнымъ давленіемъ, воздухъ, естественно, сильно охлаждается, и, чтобы снова его нагрѣть, онъ пропускается черезъ особые аппараты, гдѣ происходитъ сгораніе бензина, спирта или керосина. Оттуда нагрѣтый воздухъ поступаетъ въ двигатель, который приводитъ во вращеніе два гребныхъ винта, съ помощью которыхъ мина и передвигается. Такимъ устройствомъ мина рѣзко отличается отъ обычныхъ артиллерійскихъ снарядовъ, которымъ дается значительная начальная скорость въ моментъ выстрѣла. Энергія, приводящая ихъ въ движеніе, заключается внѣ ихъ, въ то время, какъ мина, при выходѣ изъ минной трубки, получаетъ лишь сравнительно незначительный начальный толчекъ.

Однако, еще недостаточно заставить мину самостоятельно двигаться; нужно еще заставить ее двигаться въ желаемомъ направленіи и на желаемой глубинѣ. Для того, чтобы, разъ начавши свое движеніе, мина не отклонилась ни вправо, ни влѣво отъ назначеннаго ей пути, ее снабжаютъ спеціальнымъ гироскопическимъ аппаратомъ. Это—родъ особо устроеннаго громаднаго, массивнаго и быстро вращающагося волчка. Физикамъ хорошо извѣстно, что всякое вращающееся тѣло стремится сохранить неизмѣннымъ направленіе оси, вокругъ которой оно вращается. Этимъ объясняется, между прочимъ, неизмѣнное наклоненіе оси вращающагося земного шара къ плоскости эклиптики. При малѣйшей попыткѣ измѣнить положеніе оси, возникаютъ особыя силы, и этимъ обстоятельствомъ пользуются при устройствѣ мины, заставляя эти силы дѣйствовать на

особый механизмъ, исправляющій отклоненія мины отъ прямого пути, возникающія отъ разнообразныхъ случайныхъ причинъ.

Что касается до регулированія глубины, то и здѣсь задача была разрѣшена чрезвычайно остроумно. Мы уже раньше видѣли, что чѣмъ больше глубина погруженія, тѣмъ большее давленіе испытываетъ погруженное въ воду тѣло. Въ виду этого, къ внѣшней стѣнкѣ мины приспособляютъ небольшой поршень, который, подъ дѣйствіемъ давленія, измѣняющагося съ глубиной, можетъ перемѣщаться и приводить этимъ въ дѣйствіе особый механизмъ, сообщающійся съ рулями глубины. Понятно, что силы, съ которыми давитъ вода на небольшую поверхность поршня, недостаточны для того, чтобы измѣнить наклоненіе рулей, производящихъ на воду давленіе въ нѣсколько десятковъ килограммовъ. Поэтому гидростатическій поршень дѣйствуетъ не непосредственно на рули, а на вспомогательный двигатель; тотъ же, въ свою очередь, сообщается съ рулями и приводитъ ихъ въ движеніе. Имѣются въ минѣ еще и другіе механизмы для регулированія глубины погруженія, но описаніе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко.

Современная хорошая мина имѣетъ около 50-ти сантиметровъ въ діаметрѣ, около 6 метровъ (3 сажени) въ длину и вѣситъ около 700 килограммовъ (около 43 пудовъ). Если нужно заставить мину пробѣжать лишь небольшое разстояніе, около 100 метровъ, то она способна развить скорость километровъ 80 въ часъ. Если же нужно, чтобы она пробѣжала разстояніе въ 8 — 9 километровъ, то она должна перемѣщаться со скоростью лишь въ 50 километровъ въ часъ. Такая мина, имѣющая громадную массу и скорость въ 80 километровъ въ часъ, должна, понятно, обладать значительнымъ запасомъ кинетической энергіи. И, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мина бываетъ способна пробить обшивку непріятельскаго судна, и этимъ она увеличиваетъ свое и безъ того неимовѣрно большое разрушительное дѣйствіе. У всѣхъ еще, конечно, свѣжа въ памяти печальная катастрофа, постигшая «Лузитанію» въ маѣ 1915 года. Этотъ настоящій трансатлантическій пловучій городъ былъ уничтоженъ всего лишь одной миной, пущенной въ него нѣмецкой подводной лодкой.

Неудивительно, что такому сложному механизму, какой представляетъ собой современная автомобильная мина, соотвѣтствуетъ и весьма солидная стоимость, которая можетъ доходить до двадцати пяти и даже до тридцати тысячъ франковъ. Помимо того, что устройство минъ очень сложно, ни одна изъ нихъ не выпускается изъ фабрики прежде, чѣмъ она не будетъ многократно испробована, и въ нихъ зачастую приходится дѣлать такія же кропотливыя

исправленія, какъ и въ хорошемъ физическомъ приборѣ. Современная усовершенствованная американская мина, въ 21 дюймъ въ діаметрѣ, требуетъ около года для полнаго изготовленія; стоитъ она 6.000 долларовъ.

Въ виду такой высокой стоимости мины дѣлается понятнымъ, что нѣмецкія подводныя лодки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отказались отъ пользованія ими для затопленія судовъ. Конечно, не жалко издержать 25.000 франковъ для уничтоженія дредноута, стоимость котораго исчисляется десятками милліоновъ франковъ. Для этой цѣли, впрочемъ, у подводныхъ лодокъ, кромѣ мины, пѣтъ другихъ средствъ. Но, въ случаѣ нападенія на безоружныя торговыя суда, тактика нѣмцевъ совершенно иная. Ихъ лодки снабжены одной или двумя пушками, которыя можно въ любое время укрѣпить на палубѣ и выстрѣлами изъ которыхъ онѣ вынуждаютъ остановиться торговыя суда. Затѣмъ, послѣ того, какъ непріятельскому экипажу предоставляется спасаться всѣми имѣющимися (а иной разъ и вовсе неимѣющимися) способами, на судно переносятся горючія и взрывчатыя вещества, и этимъ его приканчиваютъ. Можетъ быть, такой способъ дѣйствій диктуется человѣколюбивыми чувствами, а можетъ быть (къ сожалѣнію, имѣются данныя для принятія этого второго предположенія) просто желаніемъ съэкономить дорогую мину. Еще въ 1909 году, при постройкѣ U—13, нѣмцы ввели употребленіе пушекъ. Это нововведеніе казалось тогда непонятнымъ и не разъ подвергалось критикѣ. Раньше всегда полагали, что подводныя лодки служатъ для уничтоженія только большихъ боевыхъ единицъ, и—такъ велика человѣческая наивность—никому не приходила въ голову мысль объ ихъ употребленіи, какъ орудія разрушенія небольшихъ торговыхъ судовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, обладая запасомъ автомобильныхъ минъ, подводная лодка, постепенно, изъ жалкаго, неустойчиваго, маленькаго суденышка, рисковавшаго ежеминутно быть сплюснутымъ давленіемъ воды или просто пойти ко дну, за короткое сравнительно время сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ разрушенія. Что ей даетъ особую силу, такъ это ея чисто-психологическое дѣйствіе. Противникъ ея никогда не можетъ быть увѣренъ, что поблизости нѣтъ маленькаго, но тѣмъ не менѣе страшнаго врага, что въ тотъ самый моментъ, когда все вокругъ на поверхности воды кажется совершенно спокойнымъ и пустыннымъ, на него не направляется труба, выбрасывающая мину. Никакая броня не въ состояніи предохранить отъ ея дѣйствія. Это безпрестанное, напряженное ожиданіе катастрофы должно сильно нервировать и утомлять экипажъ. Впрочемъ, къ счастью, не всякая мина попа-

даетъ въ цѣль и даже не всякая попавшая въ цѣль мина должна неизбѣжно потопить судно. Какъ примѣръ, я хочу привести нѣсколько выдержекъ изъ письма одного морского офицера, который находился на французскомъ броненосцѣ, атакованномъ австрійской подводной лодкой. (Письмо это помѣщено въ «Pages d'Histoire», № 50).

«Мы несомнѣнно дешево отдѣлались. Вообразите, что мы плывемъ, какъ всегда, съ величайшей осторожностью»... «Нѣтъ на виду ни одного перископа, какъ вдругъ,—бумъ!—раздался страшный взрывъ, встряхнувшій все судно. Я какъ разъ былъ на палубѣ. Не успѣли мы ахнуть, какъ впереди взвился водяной столбъ, поднялся выше капитанскаго мостика и обрушился на насъ». «Подводная лодка пустила въ насъ мину; ея обломки, выброшенные водой, лежали у моихъ ногъ; и въ ту же минуту я явственно разглядѣлъ на водѣ борозду отъ второй мины, очень скверно пущенной, и которая, къ счастью, прошла сотнею метровъ позади насъ». «Судно было задѣто въ передней части. Нѣсколько его отдѣленій были залиты, другія угрожали тѣмъ же. У насъ внутри были сотни тоннъ воды, и нужно было видѣть, какъ мы начали погружаться носомъ».

Къ счастью, на этотъ разъ все закончилось благополучно. Французскій броненосецъ (здѣсь идетъ рѣчь о Jean-Bart, поврежденномъ 21 декабря 1914 года) отдѣлался лишь небольшими поврежденіями. Но, попади мина не такъ близко къ носу, Жанъ-Бартъ былъ бы неминуемо затопленъ.

Какимъ же образомъ подводная лодка можетъ видѣть своихъ враговъ, не будучи видима сама, и каковы, вообще, способы, употребляемые ею для оріентированія при подводномъ плаваніи? Въ погруженномъ состояніи лодка бываетъ совершенно слѣпа. Ночью она не имѣетъ возможности оріентироваться по звѣздамъ, какъ это практикуется при надводномъ плаваніи. Днемъ же ея положеніе не лучше,—солнечный свѣтъ очень сильно поглощается морской водой, и даже на небольшихъ глубинахъ можно различать предметы вокругъ себя, самое большее, на нѣсколько метровъ. Здѣсь, на помощь лодкѣ приходятъ тѣ удивительныя свойства гироскопа, о которыхъ мы упоминали выше, говоря объ автомобильныхъ минахъ. Ось извѣстнымъ образомъ подвѣшеннаго, вращающагося гироскопа всегда указываетъ одно и то же направленіе, напримѣръ, на сѣверъ, и служитъ, такимъ образомъ, своего рода компасомъ. Обычный магнитный компасъ не даетъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, въ виду того, что стальной остовъ лодки и разнообразные электрическіе токи, которыми пользуются внутри нея для разныхъ надобностей, своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ не позволяютъ стрѣлкѣ компаса установиться въ плоскости магнитнаго меридіана. Впрочемъ, въ силу

нѣкоторыхъ причинъ, и гироскопъ не получилъ еще повсемѣстнаго распространенія, и очень часто и понынѣ пользуются магнитной стрѣлкой.

Однако, лодка можетъ сдѣлаться и зрячей, если она не слишкомъ погружена. Для этой цѣли ей служатъ особыя трубы,—перископы, длина которыхъ доходитъ иной разъ до 7 метровъ. Верхній ихъ конецъ, выдающійся надъ поверхностью воды, снабженъ оптической системой, позволяющей отсылать лучи свѣта, пришедшіе извнѣ, внизъ по трубѣ, въ башенку командира, гдѣ и образуется изображеніе надводнаго пейзажа. Такимъ образомъ, оставаясь подъ водой, лодка видитъ если не все, то, во всякомъ случаѣ, очень многое изъ того, что происходитъ надъ водной поверхностью. Перископическая труба настолько тонка и такъ мало выдѣляется надъ водой, что издали ее очень трудно замѣтить, а между тѣмъ, приводимая извнутри во вращательное движеніе, она позволяетъ осмотрѣть весь горизонтъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Этотъ предательскій, все видящій, но самъ невидимый глазъ является остроумнѣйшимъ приспособленіемъ. Къ сожалѣнію, въ настоящей статьѣ мы не можемъ войти въ описаніе его деталей. Отмѣтимъ только, что на-ряду съ возможностью видѣть отчетливо ту часть горизонта, на которую направленъ перископъ, есть еще приспособленіе для того, чтобы видѣть весь горизонтъ сразу, чтобы получить такъ называемое панорамическое изображеніе. Есть у перископа и недостатки, одинъ даже весьма существенный: онъ долженъ слишкомъ мало выходить изъ воды. А между тѣмъ горизонтъ бываетъ тѣмъ шире, чѣмъ выше находится наблюдательный пунктъ; поэтому подводная лодка крайне близорука. Но на небольшихъ разстояніяхъ она видитъ такъ же хорошо, какъ и въ естественныхъ условіяхъ. Перископъ былъ изобрѣтенъ для подводной лодки, но современная европейская война дала ему болѣе широкое распространеніе. Онъ очень удобенъ для того, чтобы, не высовывая головы изъ траншеи, можно было бы слѣдить за тѣмъ, что дѣлается внѣ ея.

Таково въ существенныхъ, хотя и очень общихъ, чертахъ устройство подводной лодки. Уже и теперь она достигла высокой степени совершенства, но, несомнѣнно, на этомъ ея развитіе не закончилось. Тѣмъ болѣе, что только современная война показала всю ея пригодность къ боевымъ операціямъ и что даже въ самое послѣднее время было сдѣлано еще нѣсколько усовершенствованій. Эта «морская пыль» легко сражаетъ морскихъ стальныхъ гигантовъ, и въ настоящее время почти что не имѣется способовъ предохранить себя отъ ея дѣйствія. Въ послѣднее время очень много говорили о пользованіи аэропланами для нахожденія

и истребленія подводныхъ лодокъ. Дѣйствительно, въ силу нѣкоторыхъ законовъ оптики, при тихомъ морѣ и небольшой степени погруженія лодки, ее можно съ аэроплана разглядѣть подъ поверхностью воды. Но отсюда до истребленія еще очень далеко. Задача метанія бомбъ съ быстро летящаго аэроплана весьма трудна, даже въ томъ случаѣ, когда поверхность прицѣла во много десятковъ разъ больше, чѣмъ въ случаѣ подводной лодки, которая къ тому же не стоитъ неподвижно. Кромѣ того, толща воды, находящейся надъ лодкой, служитъ ей хорошей броней противъ дѣйствія снарядовъ.

Для защиты отъ минъ существуютъ особыя металлическія сѣтки, которыя, въ предполагаемомъ присутствіи подводныхъ лодокъ, спускаются броненосцемъ въ воду и держатся отъ него на разстояніи десяти метровъ, но, во-первыхъ, современныя мины можно снабжать спеціальными приспособленіями, разрывающими эти сѣтки, и, во-вторыхъ, во время хода броненосца, сѣтки должны быть подняты. Только контръ-миноносцы являются истинными и опасными противниками подводной лодки. Они сидятъ въ водѣ недостаточно глубоко для того, чтобы лодка, находясь подъ водой, могла бы пустить въ нихъ мину; показаться же на поверхность въ ихъ присутствіи она не смѣетъ, изъ опасенія быть разстрѣлянной. Достаточно даже иной разъ разбить ея перископъ для того, чтобы обусловить ея гибель. Такимъ именно образомъ 12 августа 1914 года закончилось первое нападеніе нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ на англійскіе крейсеры. Одинъ изъ нихъ, Birmingham, угодилъ нѣмецкому U—15 прямо въ перископъ, и лодка немедленно была вынуждена подняться на поверхность, по всей вѣроятности, въ виду образовавшейся въ ней течи. Вторымъ снарядомъ она была пущена ко дну.

Морскіе авторитеты видятъ лишь два способа спасенія отъ подводныхъ лодокъ. Это—либо уходить отъ нихъ зигзагообразно со всею возможною скоростью, такъ какъ скорость лодокъ подъ водой сравнительно очень невелика, либо идти прямо на атакующую лодку и стараться задѣть ее, чего иногда бываетъ достаточно, чтобы пустить ее ко дну или, во всякомъ случаѣ, причинить ей крупныя поврежденія. Можно было бы привести множество примѣровъ тому, какъ эти два способа спасенія отъ преслѣдованія подводныхъ лодокъ прекрасно удавались не только военнымъ, но даже и небольшимъ коммерческимъ судамъ.

Изобрѣтателямъ, вообще, свойственно преувеличивать значеніе своихъ изобрѣтеній. Фультонъ глубоко вѣрилъ въ то, что подводная лодка должна положить конецъ существованію военнаго

флота. Бауэръ писалъ, болѣе полустолѣтія тому назадъ, что развитіе подводныхъ лодокъ дѣлаетъ невозможнымъ существованіе броненосцевъ. Мы видимъ теперь, что подводная лодка, дѣйствительно, является необычайно опаснымъ ихъ противникомъ, но наврядъ ли ей удастся вытѣснить ихъ окончательно. Гораздо умѣреннѣе звучатъ слѣдующія слова инженера Лобёфа (докладъ 1907 года), работамъ котораго подводная лодка въ крупной степени обязана своимъ совершенствомъ.

«Въ медленной эволюціи человѣчества нужно стараться совершенствовать средства защиты преимущественно предъ средствами нападенія. Въ этомъ заключается первый шагъ, первый этапъ къ уничтоженію войны. Въ настоящемъ состояніи цивилизованнаго міра надѣяться достигнуть всеобщаго мира путемъ разоруженія,—это опасная утопія. Истинное средство, гарантирующее миръ, заключается въ томъ, чтобы каждому была дана возможность заставить уважать себя. Подводная лодка имѣетъ право на славу, главнымъ образомъ, потому, что она можетъ быть названа *оружіемъ слабыхъ*, *оружіемъ бѣдныхъ*. Нужно пожелать, чтобы всякій второразрядный флотъ обзавелся какъ можно скорѣе подводными лодками. Я хотѣлъ бы надѣяться на то, что человѣчество сохранитъ благодарное воспоминаніе о тѣхъ, кто помогъ слабымъ заставить считаться съ собой сильныхъ, которые часто бываютъ склонны злоупотреблять своей силой».

Въ этихъ полныхъ гуманнаго чувства словахъ явно слышатся нотки гордости. Дѣйствительно, французы не скрываютъ своей вполнѣ законной гордости, когда заходитъ рѣчь о подводныхъ лодкахъ. Они принесли много жертвъ и людьми, и деньгами, и почти всегда шли впереди другихъ націй въ медленной эволюціи подводнаго плаванія.

Любопытно сопоставить съ этимъ нѣмецкую точку зрѣнія. Въ одной нѣмецкой книгѣ, появившейся всего нѣсколько недѣль тому назадъ и посвященной подводнымъ лодкамъ (F. Otto, Das Unterseeboot im Kampfe), авторъ говоритъ буквально слѣдующее.

«Что должно особенно пріятно удивить нѣмца, такъ это тотъ фактъ, что нѣмецкое морское вѣдомство только тогда принялось за постройку подводныхъ лодокъ, когда другіе принесли уже много жертвъ, въ видѣ человѣческой жизни или денегъ, для того, чтобы выковать изъ нея годное къ употребленію оружіе». Затѣмъ, авторъ съ гордостью говоритъ о нѣмецкой «систематической основательности» (systematische Gründlichkeit), которая использовала всѣ уже готовыя усовершенствованія и что, въ то время, какъ всѣ думали,

что нѣмцы еще занимаются изысканіями, европейская война показала все боевое значеніе нѣмецкой подводной лодки.

Нужно надѣяться, что рано или поздно наступитъ время, когда человѣчество откажется отъ войны, когда подводная лодка перестанетъ быть средствомъ нападенія или даже защиты, когда она перестанетъ выбрасывать изъ себя 40—50-пудовыя мины. Тогда у человѣчества окажется въ распоряженіи удивительный, глубоко совершенный снарядъ для мирныхъ, научныхъ завоеваній, для изслѣдованія водныхъ глубинъ, гдѣ еще скрыто много неразгаданныхъ тайнъ. И тогда-то человѣчество вспомнитъ съ благодарностью тѣхъ героевъ, которыхъ, большей частью, при жизни считали оригиналами, но которые, зачастую, съ беззавѣтной смѣлостью жертвовали своей жизнью, чтобы только добиться возможности плавать подъ водой.

А. Чернявскій.

Женева.

ТРУДОВОЙ ЛЮДЪ О ВОЙНѢ.

(Письмо изъ Женевы).

Есть у меня въ Женевѣ старый пріятель — почтальонъ нашего квартала. Онъ далеко менѣе своихъ петроградскихъ собратій обремененъ ненужной работой взбѣганія по лѣстницамъ да разсовыванія писемъ въ собственныя двери адресатамъ, въ разныхъ этажахъ, вплоть до «галерки» подъ чердакомъ. Женевскій мой пріятель, monsieur Hain, избавляется отъ добавочнаго бѣганія, прежде всего, самимъ устройствомъ домовъ: всѣ дома здѣсь лишены дворовъ; слѣдовательно, всѣ представляютъ однообразную, какъ книжныя строчки, шестиэтажную шеренгу вдоль улицы съ подъѣздами на равныхъ другъ отъ дружки разстояніяхъ; и во всѣхъ подъѣздахъ для удобства г-на Эн'а пристроены на стѣнѣ—въ родѣ какихъ-то рѣзныхъ кіотовъ или поставцовъ — однообразные ряды ящиковъ для писемъ съ замочками, по числу квартиръ. На каждомъ ящикѣ—визитная карточка владѣльца, и г-ну Эн'у остается лишь бросать туда письма и газеты. Въ какихъ, подумаешь, мелочахъ выражается иногда прогрессъ Запада по сравненію съ нами! А мелочи эти въ конечномъ итогѣ чрезвычайно экономизируютъ трудъ здѣшняго трудового люда.

Только, когда «фактёръ» (титулъ г-на Эн'а, ибо слово «по-

чтальонъ» остается для служащихъ, перевозящихъ письма въ дилижансахъ, гдѣ таковые еще сохранились) имѣетъ для васъ книги, вообще болѣе объемистый пакетъ или заказную корреспонденцію, онъ принужденъ отдавать ихъ лично, да и то въ силу обычая предпочитаетъ голосомъ Нептуна, повелѣвающаго вѣтрамъ, взывать снизу, изъ глубинъ подъѣзда:

— Мушѐ! . . . Му-ушѐ-е! . . .

т. е. выкликаетъ фамилію адресата да еще съ аккомпанементомъ свиста — покамѣстъ не появится требуемый Мушѐ или его супруга гдѣ-либо на верхней площадкѣ. Послѣдніе и вида не подаютъ, чтобы имъ было обидно фактёрское высвистываніе и выкликаніе. Ничуть. Всѣмъ это кажется столь простымъ и понятнымъ — опять-таки въ видахъ той же экономіи труда и времени. Вѣдь сами жильцы — все большей частью трудовой народъ, не имѣющій никакихъ претензій на особый почетъ, подобно, напр., питерскому чиновнику. Сверхъ того и жильцы, въ особенности дамы-адресатки,— приходится нерѣдко наблюдать, — устраиваются со своей стороны препрактично: если нѣтъ корреспонденціи, требующей личныхъ расписокъ, а лишь большіе пакеты, онѣ спускаютъ къ вопіющему фактёру корзиночку на веревочкѣ въ пролетъ лѣстницы, встаскивая ее затѣмъ обратно съ почтовымъ содержимымъ.

Къ русскимъ адресатамъ, однако, г-нъ Энъ поднимается въ подобномъ случаѣ собственною персоной: тѣ ужъ обязательно даютъ на чай, никакъ не менѣе 20 сантимовъ, и добросовѣстный фактёръ желаетъ оправдать экстренный гонораръ экстреннымъ же трудомъ подъема. А когда ужъ взберется къ вамъ, то не прочь и побесѣдовать минутъ 5—10: вѣдь при данной системѣ вся разноска писемъ по кварталу займетъ не такъ много времени.

За послѣдній годъ наши бесѣды всегда, конечно,—о войнѣ. Г-нъ Энъ съ самаго начала ея неизмѣнно высказываетъ о ней удивительно категорическія и отчетливыя сужденія. Какъ-то, вскорѣ послѣ нарушенія нѣмцами нейтралитета Бельгіи, онъ взобрался ко мнѣ съ недоплаченной открыткой, на предметъ оштрафованія меня двойною цѣнностью почтовой марки. Красный, запыхался — видно, торопился по-пріятельски вылить возмущеніе:

— А? слыхали? — спрашивалъ онъ меня, пока я выплачивалъ мои сантимы. — Что они сдѣлали съ Бельгіей? Вѣдь этакъ завтра могутъ «зачеркнуть» и нашу границу!

— Война, г-нъ Энъ, — возразилъ я. — Война вѣдь и состоитъ въ прекращеніи всѣхъ человѣческихъ законовъ — такъ, по крайней мѣрѣ, пишутъ вотъ германскіе соціалисты въ газетѣ (у меня въ

рукахъ была нѣмецкая газета со статьей Фишера, члена германскаго с.-д. Vorstand'a).

— Война, говорите вы? Ладно. Если только чья бы то ни было нога попробуетъ переступить нашъ порогъ — я марширую!

«Маршировать» — это нарочитый терминъ швейцарской милиціи. Онъ означаетъ: идти оборонять границу.

— Какъ вы можете маршировать? Вѣдь, во-первыхъ, вы — фактёръ, слѣдовательно, и во время войны обязаны оставаться дома для несенія почтовой службы. А второе: у васъ пятеро дѣтей, сѣдые волосы, слѣдовательно, возрастъ вашъ не позволяетъ...

Сѣдоволосый мой собесѣдникъ въ синемъ кепи и форменной тужуркѣ разсмѣялся:

— Сѣдые волосы ничего не значатъ: борода у меня еще черная, да и на самомъ дѣлѣ мнѣ только 35 лѣтъ; дѣти у меня еще малы, въ начальной школѣ учатся. Въ случаѣ же нарушенія нейтралитета мнѣ дадутъ со службы отпускъ: въ крайнемъ случаѣ, у меня жена не хуже меня фактёрское дѣло знаетъ. И я все-таки марширую, вы увидите.

Передъ столь непоколебимой воинственностью я спасовалъ. Я въ то же время припомнилъ, что еще года 3 тому назадъ мой фактёръ былъ съ виду совсѣмъ, что называется, хоть куда: румянъ, черноволосъ. Побѣлѣлъ же какъ-то очень быстро, и притомъ не теряя румянца щекъ, не то отъ значительнаго пристрастія къ сидѣнію въ кафэ по вечерамъ, не то отъ 15 лѣтъ бѣготни съ письмами во всякую погоду — а погода вѣдь въ Женевѣ поспоритъ съ Сѣверной Пальмирой; фактёръ же — человѣкъ не изъ крѣпкихъ сложеніемъ, узкогрудый, тонкокостый, настоящій городской пролетарій. Я, грѣшный человѣкъ, позавидовалъ про себя ясности души, опредѣленности отношенія къ войнѣ этого гражданина нейтральной Швейцаріи. Мнѣ, подданному одной изъ воюющихъ державъ, напротивъ, эта внезапно обрушившаяся, словно лавина, война казалась явленіемъ необычайно сложнымъ, противорѣчивымъ, почти загадочнымъ. Не то она сулитъ намъ всеобщее обновленіе земной жизни послѣ вѣковъ гнета и слезъ — но сулитъ, какъ-то двусмысленно, какъ-то криво ухмыляясь. Не то, наоборотъ, несетъ съ собою черныя волны всемірной реакціи, реакціи общественной, а не только государственной, реакціи, въ которую хочетъ какъ будто погрузиться самая душа цивилизованнаго человѣчества. Бр-р-р!...

Румяно-сѣдому же фактёру ни до какихъ угрозъ исторіи дѣла не было. Онъ просто и твердо *зналъ*, что ему въ его маленькой странѣ есть за что «маршировать». Я хорошо понимаю короткій и прямой путь мыслей въ его головѣ. Кругомъ обступили Швей-

царію державы, безъ сомнѣнія, великія, но всѣ порядкомъ отставшія отъ нея въ прогрессѣ свободы и культуры — по крайней мѣрѣ, что касается степени, такъ сказать, разлитости свободы и культуры въ массахъ населенія. Вильгельмъ ли II-ой, или французская республика рѣшатся перейти Рейнъ либо хребетъ Юры, — для женевскаго почтоваго пролетарія, все равно, настанетъ несомнѣнное ухудшеніе условій жизни. Нечего и говорить, что ужъ въ узкопрофессіональномъ смыслѣ такое ухудшеніе неоспоримо. Всѣмъ памятны, напр., деспотическія расправы французскаго министерства почтъ съ почтальонами, запросившими хоть ничтожнаго улучшенія ихъ суровыхъ условій труда; и стоитъ ли напоминать «военные» приказы прусскаго почтоваго вѣдомства, тоже года 3—4 назадъ, при первомъ звукѣ коллективнаго недовольства, заявленнаго было почтальонами. Женевскій фактёръ находится въ гораздо болѣе человѣческомъ положеніи: и рабочая плата его выше (особенно принимая въ разсчетъ сравнительную дешевизну жизни въ Швейцаріи), и рабочее время его эксплоатируется менѣе немилосердно.

Но, сверхъ того, и самое главное, г-нъ Энъ—человѣкъ, достаточно развитой политически. Если онъ и разноситъ по домамъ газеты разныхъ странъ, разныхъ мнѣній, разныхъ политическихъ партій съ одинаковой, машинообразной поспѣшностью и услужливостью, то это далеко не означаетъ, чтобы онъ столь же машинообразно былъ равнодушенъ къ содержимому этихъ почтовыхъ отправленій. Нѣтъ, когда я встрѣчаю его иной разъ на моей улицѣ съ пачкой благочестивыхъ, протестантски-консервативныхъ газетъ въ рукахъ (въ нашемъ кварталѣ изобилуетъ благочестіе и консерватизмъ), то онъ мнѣ лукаво подмигиваетъ и, потрясая на бѣгу пачкой, произноситъ:

— Lá voilà, la nourriture journalière des môtniers (môtniers—спеціальная кличка для «ханжей» именно протестантскаго оттѣнка).

Онъ хорошо знаетъ, что эти môtniers, эти aristocrates охотно обратили бы швейцарскій народъ въ то несовершеннолѣтнее состояніе, въ какомъ народъ все еще въ немалой мѣрѣ обрѣтается и во французской республикѣ, и тѣмъ болѣе въ германской имперіи. И онъ ничуть не желаетъ, чтобы на помощь môtniers и аристократамъ явилась изъ-за Рейна, Юры, Инна или Сенъ-Бернара внѣшняя, грубая сила. Лучше снять со стѣны свое милиціонное ружье, вынуть изъ шкафа бережно хранящійся сѣро-синій мундиръ и киверъ съ помпономъ и—на границу.

Г. Энъ съ полной увѣренностью можетъ ждать отъ войны лишь одного—реакціи. Понятно, что у него въ головѣ по этой статьѣ все такъ кристально-ясно и просто.

Понятно тоже, что среди идеологовъ и вождей швейцарскаго рабочаго люда почти не существуетъ въ данномъ отношеніи разногласій. За исключеніемъ весьма слабыхъ численно (среди собственно швейцарскаго населенія) анархистовъ, да еще немногихъ такъ называемыхъ «анти-патріотовъ» и «анти-милитаристовъ» стараго оттѣнка, оттѣнка «прежняго» Эрве, всѣ идеологи и лидеры не спорятъ о томъ, какъ вести себя въ случаѣ нарушенія сосѣдями швейцарскаго нейтралитета. Защита культуры и нашей демократіи—вотъ общепринятая формула.

Что касается упомянутыхъ сейчасъ анти-милитаристовъ, то они сосредоточиваются преимущественно въ кантонѣ Невшатель и бернской Юрѣ—тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ во времена стариннаго, 1-го Интернаціонала имѣла свое пребываніе памятная бакунинская Юрская федерація съ составомъ членовъ изъ мѣстныхъ самостоятельныхъ и весьма интеллигентныхъ кустарей-часовщиковъ. Правда, съ бакунинской поры успѣла вывѣтриться соціальная Юрская формація, самостоятельные кустари-часовщики давнымъ-давно и почти цѣликомъ стерты съ лица земли неумолимымъ ходомъ капиталистически-промышленнаго развитія и замѣнены огромными часовыми фабриками. Тѣмъ не менѣе, бакунинскій «душокъ», какъ видите, не вполнѣ вывѣтрился въ средѣ часовыхъ наемныхъ пролетаріевъ, дѣтей и внуковъ тѣхъ вольныхъ кустарей. Но какъ бы то ни было, Граберъ и Ш. Нэнъ, анти-милитаристскіе лидеры Невшателя и депутаты отъ этого кантона въ Національномъ Совѣтѣ, во 1-ыхъ, уже—члены соціалистической партіи, т.-е. партіи, принимающей сказанную формулу борьбы за культуру и демократію; во 2-ыхъ, на моихъ глазахъ за 3—4 послѣднихъ года сами эти «ультра-красные» невшательскіе трибуны сильно сбавили со своего непримиримаго тона. Впрочемъ и то сказать, были они совсѣмъ юными учителями мѣстной народной школы, съ лица—точь въ точь студентики-первокурсники; а французскій учитель Эрве гремѣлъ тогда и оказывалъ неотразимое притяженіе на юные интеллигентные умы.

Словомъ, мой почтальонъ отражалъ лишь единодушную и, какъ кажется, единственно человѣчески мыслимую позицію всей швейцарской трудовой массы. Въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ Швейцарія на европейскомъ континентѣ успѣла воплотить такія конкретныя формы народоправія, при которыхъ благосостояніе рабочей массы даетъ хоть возможность дышать въ данную минуту, а вмѣстѣ съ возможностью дышать приноситъ также средства и орудія тутъ же, подъ рукой, для освободительной дѣятельности, для массовой борьбы, наконецъ, для завоеванія всеобщаго, равномѣрнаго участія во всѣхъ

благахъ матеріальной и духовной культуры. Будь всюду уже сейчасъ подобный какъ въ Швейцаріи, уровень правъ народа, не было бы и рѣчи нигдѣ, пойдетъ ли и охотно ли пойдетъ человѣкъ «толпы» за свою родину.

Впрочемъ и въ Швейцаріи ея мужественные фактёры не всегда ставятся лицомъ къ лицу лишь съ такими простыми, «единогласными» рѣшеніями. Въ нынѣшнемъ году зимой мнѣ еще приходилось вести съ г. Эн'омъ и его пріятелями бесѣды, подчасъ и болѣе пространныя, чѣмъ та бесѣда при случаѣ уплаты 20-сантимнаго штрафа. Отъ времени до времени мнѣ приводится дѣлать экскурсію для сбора впечатлѣній и мнѣній трудовой среды по текущимъ вопросамъ дня. Окунуться въ эту среду я нахожу всегда полезнымъ. Нынѣшній моментъ, эта ужасная война такъ часто преподноситъ вамъ цѣлые букеты сфинксовыхъ загадокъ, что вамъ начинаетъ иной разъ сдаваться—вы брошены въ какой-то темный погребъ безъисходности. Все твердое, разумно-прочное, на чемъ, казалось вамъ, можно было строить и надежды на свѣтлое будущее человѣчества, и даже увѣренность въ самомъ себѣ, въ правотѣ своего недолгаго пути на этой землѣ,—все это внезапно принимаетъ подчасъ дикій и чужой обликъ, обликъ отвратительнаго всеобщаго закона соревнованія въ ненависти и злѣ. И когда душа, наконецъ, утомится созерцаніемъ безотрадной ямы, хорошо помогаетъ маленькая экскурсія въ вечернее сборище трудовыхъ людей.

Есть въ Женевѣ, за пѣнисто-шумной рѣкой Роной старинный рабочій кварталъ Сенъ-Жервэ. До сихъ поръ его нездоровыя, тѣсныя улицы, лишенныя въ большинствѣ отрады солнечныхъ лучей, сохраняютъ ряды стильныхъ, старозавѣтныхъ домовъ. Нижніе этажи этихъ домовъ часто строены еще во времена католическаго расцвѣта,—готическія. Конечно, не ищите въ нихъ такихъ принадлежностей готической роскоши, какъ колонны изъ райскихъ растеній и изъ адскихъ звѣрей, какъ гигантскія ажурныя розетки надъ входомъ, стрѣльчатыя арки, «пламенѣющіе» шпицы: вѣдь передъ нами не храмы, не замки и даже не дома богатой цеховой буржуазіи средневѣковья. Нѣтъ, здѣсь и въ средніе вѣка обитала въ большинствѣ безправная и полуправная голь. Поэтому нижніе этажи этихъ домовъ поражаютъ вашъ взоръ болѣе норкообразностью своихъ входовъ—скорѣй какихъ-то «влазовъ», а не входовъ,—прихотливостью расположенія, формы, величины оконъ. И лишь неизмѣнный плоско-стрѣльчатый верхъ дверей и оконъ (особенность женевской, точнѣе—савойской готики) свидѣтельствуетъ о вѣкѣ строительства. Что касается верхнихъ этажей, то они надстроены, прилѣплены въ позднѣйшее время, но тоже преимущественно лѣтъ 300—400 назадъ, когда Женевѣ

пришлось въ своихъ стѣнахъ оказывать пріютъ множеству гугенотской ремесленной голи изъ Франціи. Стиль верхнихъ этажей тоже оригиналенъ, но двойныя, тройныя широкія окна и свѣтлыя террраски подъ крышей говорятъ уже о вѣкѣ, грезящемъ о солнцѣ, о свѣтѣ, о свободѣ.

Грязно все же въ кварталѣ Сенъ-Жервэ. На него почти не распространяются архитектурно-гигіеническія мѣры современной Женевы, Женевы, стремящейся пустить пыль въ глаза наѣзжему богачу-туристу. Грязно, душно, тѣсно. Но зато въ одномъ изъ самыхъ закоптѣлыхъ отъ старости угловъ помѣщается здѣсь пріютъ трудовыхъ людей, любящихъ вечеркомъ не только выпить, но и поразмыслить, посвѣтить умомъ въ компаніи—кафэ «Грютли». Тутъ я изрѣдка и встрѣчаю моихъ трудовыхъ пріятелей.

Дѣло было незадолго передъ присоединеніемъ пушекъ Италіи ко всеевропейской пушечной симфоніи. Для Швейцаріи снова подымался грозный вопросъ: пройдутъ или не пройдутъ дерущіеся сосѣди сквозь ея мирныя долины и горы? Понятно уже изъ предыдущаго, что для кафэ Грютли рѣшеніе этого вопроса дано было напередъ: «мы маршируемъ и, по мѣрѣ силъ, не пустимъ». Но на этотъ разъ вопросъ отнюдь не исчерпывался прежнимъ простымъ заданіемъ. Какъ извѣстно, выступленіе Италіи по своей психологической подготовкѣ носило ярко ирредентистскій, «все-итальянскій» характеръ. Министръ Саландра, поэтъ Аннунціо, большинство парламента, газеты—всѣ твердили объ «исполняющемся, наконецъ, завершеніи національнаго единства»; вѣнчаніе памятника Гарибальди въ присутствіи сѣдоголоваго отряда послѣднихъ изъ гарибальдійцевъ давало понять міру, куда направлены итальянскія пушки.

Между тѣмъ весь цѣлый кантонъ Тессинъ въ Швейцаріи представляетъ собой «отторгнутый», правда, еще въ незапамятныя времена, клочекъ «живого тѣла» Италіи. Естественно, что швейцарцамъ приходилось рѣшать дополнительный вопросъ: захотятъ, или не захотятъ итальянцы вернуть Тессинъ въ общее лоно матери—Италіи? Вопросъ—уже не о военномъ нейтралитетѣ Швейцаріи, а о самомъ ея суверенитетѣ, о государственной независимости, наконецъ, о цѣлости страны или, если угодно, въ свою очередь о швейцарскомъ «національномъ единствѣ». Такъ-то лазурноозерный Тессинъ попадалъ между Сциллой и Харибдой двухъ родинъ, двухъ національныхъ единствъ. Правда, Италія и наканунѣ своего выступленія, и въ самый моментъ его дала и подтвердила клятвенное завѣреніе Швейцаріи, что будетъ строго соблюдать святость своей подписи, которою она въ числѣ другихъ великихъ державъ въ свое время гарантировала неприкосновенность швейцарскаго нейтралитета, а

съ нимъ и территоріи. Но вѣдь кто же теперь не знаетъ истинной цѣнности дипломатическихъ клятвъ, этихъ «клочковъ бумаги». И не сама ли же Италія, устами ея министровъ, твердитъ о «святомъ національномъ эгоизмѣ», какъ наивысшей политической заповѣди?

— Я думаю,—говорилъ въ кафэ Грютли мой фактёръ, г. Энъ—я думаю, что въ концѣ концовъ эти завистливые сосѣди и короли, пожалуй, доведутъ насъ до драки! Даже и малыя страны не желаютъ никому дарить частей своего дома.

— А не думаете ли вы,—возражалъ я въ свою очередь,—что для вашихъ соотечественниковъ-тессинцевъ именно Италія и есть родной домъ?

Мой вопросъ вызываетъ общее возмущеніе не только за нашимъ столикомъ, но и за двумя сосѣдними. Столики и стулья придвигаются съ двухъ сторонъ къ намъ, бесѣда превращается въ маленькій импровизированный клубъ.

— Тессинцы?—восклицаетъ направо отъ меня другой фактёръ, благодушный, толстый и бритый.—Они завтра же попросятъ у насъ защиты отъ этого, какъ вы говорите, родного дома. О, Тессинъ! никогда не былъ Италіей, онъ всегда входилъ въ составъ Швейцаріи, а Швейцарія—жить въ ней для каждаго человѣка—величайшее счастье, не правда ли, г. русскій?—да и умереть ради нея всѣ рады.

— Ну,—возразилъ ему первый фактёръ, ты кое-о-чемъ врешь, Рюттисозъ (такъ произносилъ онъ нѣмецкую фамилію товарища: Rüttishauser). Не очень тоже легко бываетъ жить нашему брату, у кого не хватаетъ la galette (денегъ). Богачамъ—конечно... А коли придется воевать съ «макаронниками», то потому, что—никто не смѣетъ кроить и рѣзать нашу землю, насъ не спросивши. «Самоопредѣленіе національностей»—процитировалъ онъ пунктъ изъ программы рабочей партіи.

— Г. Энъ,—перебилъ я его.—Вы теперь находите, что товарищъ вашъ неправду говоритъ. А давеча сами собирались защищать отечество именно за тѣ блага, которыми тутъ пользуется весь народъ—демократію, культуру. Какъ же такъ?

— Вотъ!—хлопнувъ кулаками по столу, поддержалъ меня толстый фактёръ.—Всегда *они* этакъ: сами знаютъ, что нѣтъ лучше нашей доброй страны, а—только, чтобы спорить и осуждать...

Тутъ завязался между фактёрами небезынтересный споръ о достоинствахъ и недостаткахъ существующаго швейцарскаго строя. Изъ него мнѣ выяснилось, что толстый принадлежитъ къ рабочему союзу «Грютли», этой старинѣйшей (существуетъ съ 1830 г.)

рабочей организаціи Швейцаріи. Союзъ Грютли [1]) возникъ нѣкогда, какъ чисто-патріотическое учрежденіе, и принималъ въ члены первоначально заодно съ рабочими и хозяевъ, и мастеровъ; словомъ—и помысла тогда не было ни о какой классовой борьбѣ. Съ начала XX в. Грютли вошелъ въ с.-демократическую партію, принявъ и ея марксистскую программу, и, слѣдовательно, классовую борьбу, какъ основу тактики. Но старая, консервативно-патріотическая закваска далеко не исчезла еще въ союзѣ, организованномъ децентралистически и сочленяющемся съ партіей на федеративныхъ началахъ.

Толстый грютліанецъ горой стоялъ за избранность, за совершенство швейцарскаго отечества, соглашаясь лишь, что кое-что въ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ должно быть «приспособлено» къ измѣнившимся требованіямъ времени. Тощій Энъ проводилъ рѣзкую разницу между Швейцаріей «внѣшней» и Швейцаріей «внутренней», какъ онъ выражался. Внѣшняя Швейцарія—т.-е. по сравненію съ ея сосѣдями и отдаленными странами, конечно, заслуживала защиты и жертвы; внутренняя—взятая въ ея внутренней нескладицѣ и несправедливости—вызывала его негодованіе.

— Понятно, Рюттисозъ!—спорилъ онъ,—тебѣ живется нехудо, вѣдь ты денежный фактёръ [2]), тебѣ идетъ отличный доходъ отъ кліентовъ, вонъ у тебя bedon (пузо) какое выросло. Нѣтъ, ты бы попробовалъ нашей собачьей службы.

— А ты думаешь, Энъ, легко мнѣ съ моимъ сложеніемъ взбираться на 5-ые этажи?—защищался толстый. Ты себѣ бросилъ письма въ ящикъ, да и пошелъ дальше; а я мучаюсь по этимъ проклятымъ лѣстницамъ...

Такимъ образомъ, вопросъ политическій совсѣмъ сталъ переходить на узкую, личную и матерьяльную почву. Вернулъ ему широту и полетъ новый собесѣдникъ—по обличью итальянскій землекопъ, въ затасканномъ плисовомъ костюмѣ, покрытомъ известкой и глиной, въ роскошномъ зелено-лиловомъ галстухѣ и съ огромными черными усами.

— Zé commerramme pas (je ne comprends pas),—говорилъ итальянецъ монотонною и отнюдь незвучной скороговоркой, какою говорятъ въ Ломбардіи,—я не понимаю, зачѣмъ Италіи нуженъ Тессинъ и всѣ вообще эти завоеванія? Итальянцамъ, гдѣ хотите, на всемъ свѣтѣ живется лучше, чѣмъ въ Италіи—отчего же мы и эми-

---

[1]) Грютли—названіе той лужайки въ лѣсу кант. Ури, гдѣ по преданію заговорщики 3-хъ „примитивныхъ“ кантоновъ впервые дали взаимную клятву въ борьбѣ съ феодалами-угнетателями.

[2]) т. е. спеціально разносящій деньги, слѣдовательно, получающій отъ адресатовъ des pourboires.

гриуемъ-то ежегодно сотнями тысячъ? А войны—дорого стоятъ намъ эти войны проклятыя. Триполитанскій походъ обошелся 5 милліардовъ лиръ—и до сихъ поръ арабы ничуть не покорены...

Онъ еще прибавилъ нѣкоторыя выраженія по адресу Римскаго банка, виновника—по его мнѣнію—всѣхъ итальянскихъ войнъ, банка, гдѣ орудуетъ по преимуществу папскій капиталъ. Но этихъ его выраженій я приводить ужъ не стану.

— Тессинъ, Тессинъ,—закончилъ онъ.—Знаю я хорошо Тессинъ; видалъ его самъ. И тессинцы по всему свѣту бродятъ въ поискахъ заработковъ, и мы тоже... Всюду одна и та же эксплоатація.

Тутъ къ спору присоединились и другіе сосѣди, поддерживая то ту, то другую сторону. Поднялся такой шумъ, что лишь съ трудомъ можно было уловить, кто что отстаиваетъ. Толстый грютліанецъ и его сторонники доказывали итальянцу, что тотъ долженъ идти защищать свою Италію противъ Австріи—«если не трусъ»; но съ своей стороны объявляли ирридентистскія притязанія Италіи на Тессинъ преступными и обѣщались именемъ всѣхъ 22 кантоновъ «показать» итальянцамъ съ высотъ своей границы, чего стоитъ швейцарское отечество. Итальянецъ клялся, что онъ—ничуть не трусъ, что сражался въ свое время въ Абиссиніи, и «это вовсе не страшно»; но теперь—баста, не желаетъ! Тощій Энъ и его защитники тоже не соглашались съ итальянцемъ, но по инымъ основаніямъ. Нейтралитетъ—молъ—дѣло прекрасное, и надо крѣпко его держаться до послѣдней возможности; вѣрно и то, что тессинцы—народъ сильно разоренный, вѣдь еще лишь въ прошломъ году отецъ—С., директоръ кантональнаго банка и депутатъ отъ кантона въ Бернѣ, сдѣлалъ faillite на 30 милліоновъ, пустивши по міру множество легковѣсныхъ земляковъ-тессинцевъ. Все это вѣрно, но при всемъ томъ требованіе самоопредѣленія національностей и, слѣдовательно, вооруженной самозащиты остается незыблемымъ. Нельзя ни при какихъ условіяхъ позволять грубой силѣ капиталистическихъ «великихъ державъ» поступать съ малыми странами, какъ паукъ съ мухами. Пусть «внутренняя» Швейцарія немногаго стоитъ, но...

— Но я стану зубами, ногтями, всѣмъ, чѣмъ хотите, защищаться противъ попытки отнять хотя бы у одного изъ нашихъ уголковъ и то немногое доброе, что добывалось вѣками.

Я не знаю, насколько вообще имѣлось фактическое основаніе у трехъ спорящихъ сторонъ разговаривать о Тессинѣ, какъ предметѣ итальянскихъ вожделѣній. Какъ извѣстно, Италіей дѣлалось даже прошлой зимой предложеніе о третейскомъ разбирательствѣ, какъ постоянномъ учрежденіи между нею и Швейцаріей—предло-

женіе, удивительнымъ образомъ отвергнутое швейцарскимъ Союзнымъ Совѣтомъ. Но и «всеединая Италія», оффиціальный символъ вѣры, не можетъ быть прямикомъ сброшена съ счетовъ. Выдѣленіе изъ этого «всеединства» одного лишь Тессина можетъ казаться и очень любезнымъ, но все же — мало логичнымъ, слѣдовательно, и достаточно тревожнымъ.

Понятны поэтому и соотвѣтствующаго содержанія статьи, помѣщавшіяся въ самыхъ солидныхъ швейцарскихъ газетахъ, притомъ—отнюдь не въ однѣхъ нѣмецко-швейцарскихъ. Такъ, напр., небезызвѣстный у насъ въ Россіи военный редакторъ солиднѣйшаго «Journal de Génève», полковникъ швейцарскаго генеральнаго штаба Ф. Фейлеръ въ рядѣ статей серьезно занимался вопросомъ о путяхъ и шансахъ вторженія итальянскихъ армій на территорію республики. Правда, что по крайней мѣрѣ въ первыхъ статьяхъ—еще до выступленія Италіи — проницательный полковникъ дѣлалъ успокоительные выводы. Тѣмъ не менѣе, фактъ остается фактомъ: атмосфера войны подорвала добрососѣдское довѣріе, какое существовало въ мирное время, и здѣсь не вполнѣ могутъ отдѣлаться отъ подозрѣній. И если вы сейчасъ не встрѣтите уже въ газетахъ сказаннаго рода статей, то болѣе по установившимся въ послѣднее время политически-цензурнымъ условіямъ; но никто не можетъ помѣшать этимъ темамъ все еще всплывать въ умахъ и бесѣдахъ швейцарскаго населенія.

Населеніе, оказывается, и въ отношеніи къ предполагаемымъ территоріальнымъ захватамъ стоитъ опять-таки на точкѣ зрѣнія: noli me tangere—не тронь меня. И крайняя чувствительность населенія къ мыслимымъ ущербамъ въ государственномъ суверенитетѣ распространяется, повидимому, на всѣ оттѣнки, существующіе въ трудовомъ классѣ—на патріотовъ безусловныхъ, догматическихъ, каковы въ большинствѣ грютліанцы (число членовъ союза Грютли составляетъ 30% всей швейцарской рабочей партіи), какъ и на патріотовъ, такъ сказать, условныхъ, патріотовъ лишь «внѣшнихъ», но не «внутреннихъ», т.-е. стоящихъ во внутреннихъ дѣлахъ на позиціи, рѣшительно враждебной къ существующему. Очевидно, ихъ враждебность ставится въ границы, въ данномъ случаѣ, все тѣмъ же соображеніемъ о демократіи и культурѣ. Какъ бы ни были несовершенны порядки, напримѣръ, въ упоминавшемся Тессинѣ, но все же они не спустились тамъ до уровня порядковъ Италіи съ ея открытыми подкупами при выборахъ въ парламентъ, съ ея полиціей и администраціей, а то и судомъ, трудно отдѣлимыми иной разъ отъ всяческихъ «маффій» и «каморръ».

Можетъ показаться все же, что разница мнѣній въ трудовыхъ

слояхъ швейцарскаго народа несущественна. И грютліанцы, и сторонники «единства партіи» [1]) вѣдь въ концѣ концовъ одинаково склонны проливать кровь за отечество. Въ дѣйствительности разногласіе въ *мотивахъ* патріотической рѣшимости у тѣхъ и у другихъ весьма знаменательно, и на дѣлѣ можетъ приводить въ иныхъ случаяхъ ко взаимно противоположному образу дѣйствій.

Случилось мнѣ не такъ давно снова принимать у себя моего «письменнаго» фактёра г. Эн'а. Получивъ отъ меня требуемую расписку, онъ началъ обычную бесѣду съ сообщенія о томъ, какъ новый швейцарскій посланникъ въ Римѣ, г. Де-Планта высказался въ interview съ итальянскими журналистами по вопросу о возможности отступленія Швейцаріи отъ священнаго принципа нейтралитета. Г. Де-Планта опредѣленно указалъ три случая такой возможности. Первые два случая какъ разъ совпадали съ тѣми пунктами, по которымъ столь рѣшительно высказывались мои собесѣдники-почтальоны и вообще пролетаріи, т.-е. 1) случай нарушенія швейцарскаго нейтралитета кѣмъ-либо изъ воюющихъ сейчасъ сосѣдей, 2) случай обнаруженія завоевательныхъ плановъ кѣмъ-либо изъ нихъ же по отношенію къ той или другой части союзной территоріи. Но 3-го случая г. Де-Планты мнѣ еще не приходилось слыхать изъ устъ моихъ пріятелей.

Этотъ 3-ій случай гласилъ: если со стороны кого-либо изъ воюющихъ державъ или же группы таковыхъ возникнетъ угроза «уморить Швейцарію голодомъ, воспрепятствовавъ подвозу къ ней провіанта»... Такой случай могъ бы разсматриваться для Швейцаріи, какъ состояніе необходимой самообороны, т.-е. какъ законный поводъ къ обнаженію меча. Мнѣніе посланника и привело г. Эн'а въ волненіе.

— Какъ!—кипятился мой почтальонъ.—Нашъ посланникъ позволяетъ себѣ брать отвѣтственность передъ заграницей за такое сомнительное дѣло! Кто насъ хочетъ уморить голодомъ? Никому это, какъ-есть, не нужно. Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего еще не увидя на своей новой должности, уже ругается зря за угрозы, которыхъ Италія и не думала дѣлать,—а на самомъ дѣлѣ самъ принимается угрожать. О, эти аристократы!

— Дорогой Энъ,—возражалъ я,—вы, можетъ быть, не вполнѣ

---

[1]) Несогласіе между двумя частями с.-д. партіи въ послѣднее время выразилось въ особенности въ пунктѣ о „единствѣ партіи“, при чемъ грютліанцы отстаиваютъ свое дѣдовское, федеральное устройство, дающее имъ внутри партіи болѣе вліянія, чѣмъ полагалось бы по числу членовъ Грютли; противники же Грютли настаиваютъ на усиленіи централизаціи—„единства“.

правы. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ со времени начала войны намъ не хватало то керосину, то сахару, то наконецъ муки. Причина—всегда въ остановкѣ идущихъ сюда грузовъ то Франціей, то Австріей, то Италіей. Значитъ, угроза-то голодовки такъ или иначе бывала, а впредь можетъ стать еще сильнѣе.

— Voilà une blague! (Чепуха!), довольно безцеремонно воскликнулъ въ отвѣтъ почтальонъ.—Это вамъ, иностранцу, кажется такимъ скорымъ и легкимъ дѣломъ—лишить насъ окончательно всякаго подвоза: всѣ—молъ—четыре наши границы разомъ закроются—и конецъ. Да какъ же вы не видите, до чего это невозможно? Вѣдь четыре-то нашихъ сосѣда между собою во враждѣ, въ войнѣ, а не въ согласіи. Такъ каждая сторона, хоть на зло другой, всѣ мѣры приметъ, чтобы показать намъ свое расположеніе. Вѣдь мы, нашъ нейтралитетъ—какъ мы ни малы величиной—всѣмъ сейчасъ нужны. За нами ухаживаютъ изо всѣхъ силъ и Франція, и Италія, и Германія, и Австрія...

— Хорошо!—не сдавался я.—Но вѣдь вѣрно, что подвозъ уже не разъ висѣлъ на волоскѣ?

— Вѣрно. Но сами мы и виноваты, т.-е. не мы, швейцарскія рабочія руки (онъ потрясъ своими худыми и жилистыми руками), а наши «хозяева», наши «толстые портъ-монне», купцы, банкиры, фабриканты, аристократы. Что они думаютъ? Мы слѣпы, что ли, не видимъ, какъ они ввозятъ товаръ изъ-за границы черезъ одну таможню, а вывозятъ тутъ же въ другую, непріятельскую. Выходитъ, мы торгуемъ французской контрабандой съ Германіей, а нѣмецкой—съ Франціей. Понятно, и тѣ, и другіе, и третьи, и четвертые на насъ злы и не пускаютъ къ намъ то сахару, то муки, то керосину. Сами нарушаемъ нашъ нейтралитетъ, а потомъ кричимъ объ «угрозѣ» голода!

Фактёръ такъ разгорячился въ порывѣ политическаго краснорѣчія, что разронялъ изъ своей служебной книжки всю аккуратно приготовленную для слѣдующихъ адресатовъ заказную корреспонденцію, и пришлось намъ обоимъ на четверенькахъ ее подбирать. И по уходѣ его у меня оказались позабытые имъ карандашъ и пропускная бумага.

Мнѣ интересно было услышать отъ швейцарца, притомъ фактически такъ близко наблюдающаго дѣло, такъ сказать, соціальнаго кровообращенія, подобныя откровенныя признанія. Мнѣ и самому, правду говоря, приходилось «однимъ глазкомъ» подмѣчать нѣчто въ томъ же родѣ, да иностранцу не очень-то ловко совать свой носъ, куда не спрашиваютъ, и оставалось допускать наличность случайныхъ, рѣдкихъ исключеній. Но фактёръ говорилъ, какъ о

фактѣ, всѣмъ извѣстномъ, хоть и умалчиваемомъ... Мнѣ тутъ кстати вспомнилась и цитированная въ № 154 Journal de Génève статистика американской экспортной торговли съ 1 іюля 1914 года по 31 марта 1915 года, т.-е. за 9 преимущественно военныхъ мѣсяцевъ, по сравненію съ 9-ью такими же мѣсяцами годомъ раньше. Вывозъ (Америки) въ Германію и Австрію, конечно, уменьшился, именно на 278 милліоновъ долларовъ (90%). Но это уменьшеніе оказалось, замѣчательнымъ образомъ, почти уравновѣшено увеличеніемъ вывоза на 229 милліоновъ долларовъ въ пять странъ, сосѣднихъ съ Австріей и Германіей—нейтральныхъ—которыя, очевидно, просто, перепродавали товары «центральнымъ державамъ». Интересно еще увеличеніе за эти 9 мѣсяцевъ сравнительнаго вывоза изъ С. Америки въ каждую изъ этихъ пяти странъ въ отдѣльности:

въ Данію	съ	12	до	63	милл. долл.
„ Италію	„	59	„	139	„ „
„ Швецію	„	11	„	66	„ „
„ Голландію	„	84	„	102	„ „
„ Норвегію	„	7	„	32	„ „

т.-е. увеличеніе отъ 25 до 600% (послѣднее для Швеціи)!

Однако же, для нашего 3-го случая г. Де-Планты краснорѣчивѣе всего даже не самыя цифры, а какъ разъ — нѣмое молчаніе статистической таблички Journal de Génève относительно *Швейцаріи*. Впрочемъ, увеличеніе для Италіи косвеннымъ образомъ свидѣтельствуетъ уже достаточно (это увеличеніе, абсолютно, наиболѣе крупно—на 80 милліоновъ) о томъ, что и Швейцарія не ударила лицомъ въ грязь. Такъ или иначе, но эта выразительная статистика бросаетъ дѣйствительно нѣсколько своеобразный свѣтъ на дипломатическое interview швейцарскаго посланника въ Римѣ. Можно еще понять, что новоиспеченный дипломатъ пытался оказать этимъ путемъ извѣстное давленіе на контрагентовъ державъ въ моментъ тянувшихся тогда переговоровъ о ввозныхъ льготахъ для его страны. Пусть его попытка давленія—довольно дѣтская, ибо контрагенты великолѣпно освѣдомлены въ вышеприведенныхъ статистикахъ и потому *знаютъ*, *чего* отъ Швейцаріи добиваются, а вовсе не зря стремятся ее «извести голодомъ». Но чего совершенно нельзя уразумѣть, такъ это серьезнаго (а не только дипломатически-притворнаго), воинственнаго настроенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ швейцарскихъ круговъ въ связи съ тѣми же затрудненіями продовольственнаго свойства.

Что такія, повторяю, серьезныя тенденціи здѣсь имѣются, не подлежитъ сомнѣнію, и, если бы въ здѣшней республикѣ все тече-

ніе дѣлъ зависѣло исключительно отъ «вліятельныхъ сферъ», то, можетъ быть, мы бы сейчасъ уже очутились посреди театра военныхъ дѣйствій.

Вполнѣ естественно и лежитъ въ самомъ существѣ современнаго строя частной собственности и промышленно-торговой конкурренціи,—что заинтересованныя лица спѣшатъ какъ можно интенсивнѣе использовать горячку войны. Руководствуясь закономъ эпохи: «Лови случай!» (profitez l'occasion), они не очень заботятся о томъ, что̀ именно объявлено за военную контрабанду тою или другою воюющей стороной, и «частнымъ образомъ» получаютъ отъ власти разнаго рода негласныя поблажки и попущенія,—покамѣстъ какая-либо изъ державъ не возопитъ слишкомъ энергично противъ установившейся «свободной» торговой практики и не закроетъ своей границы для вывоза той или другой статьи.

Введенная еще прошлой зимою государственная монополія хлѣбной торговли является именно неизбѣжной развязкой такого рода безудержной спекуляціи. Безъ всякаго сомнѣнія, хлѣбъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ввозился ранѣе частными торговыми фирмами изъ Америки и т. д. въ цѣляхъ перепродажи въ Австрію и Германію. Наконецъ, Франція и Англія въ видѣ репрессіи задержали огромные транспорты американскаго хлѣба, адресованнаго въ Швейцарію. Волей-неволей пришлось Союзному Совѣту внять голосу политическаго благоразумія и монополизировать всю торговлю хлѣбомъ въ своихъ рукахъ, лишь съ денежно-организаціоннымъ участіемъ нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ фирмъ. При этомъ Союзный Совѣтъ бралъ на себя отвѣтственность и бремя доказательства, что ввозимый хлѣбъ назначается каждый разъ исключительно для внутренняго потребленія.

И замѣчательно, что со времени введенія хлѣбной монополіи, вотъ уже съ $^1/_2$ года, прекратились всякія жалобы на недоставку вагоновъ съ зерномъ изъ Генуи, Марсели и Бордо, и гг. булочники, всегда прежде готовые накинуть пару-другую сантимовъ на цѣну хлѣба подъ предлогомъ всякихъ задержекъ въ полученіи муки, съ тѣхъ поръ стали удивительно скромны. Правда, мы все же платимъ имъ за 1 кило хлѣба сѣраго, 2-го сорта (1-ый сортъ теперь вовсе воспрещенъ къ печенію и продажѣ)—48 сант., тогда какъ до войны платили 30—35 сантимовъ. А между тѣмъ изъ-за введенія хлѣбной монополіи тоже было много шуму, газеты опредѣленнаго толка точно также твердили объ «угрозѣ голода» и проч. Въ газетѣ Neue Züricher Nachrichten появилась даже статья за подписью: «D-r U. W.», содержавшая въ себѣ весьма недвусмысленныя угрозы по адресу Англіи, которая будто задерживаетъ корабли съ хлѣбомъ.

Подпись, совпадающая съ иниціалами самого «генерала», т.-е. главнокомандующаго арміей Ульриха Вилле, вмѣстѣ съ воинственнымъ содержаніемъ статьи произвела фуроръ въ публикѣ и заставила рабочія газеты добиваться отвѣта отъ предполагаемаго автора-генерала. Къ счастью, онъ опровергъ фактъ своего авторства, и вскорѣ осуществившаяся хлѣбная монополія наглядно доказала всю пользу, а вовсе не вредъ для страны отъ новаго, организованнаго и строго контролируемаго порядка подвоза, на мѣсто прежняго спекулятивно-анархическаго, способнаго именно вовлечь въ самыя опасныя обостренія и осложненія.

Такъ что безусловно правъ и сейчасъ мой пріятель г. Энъ, когда не видитъ въ 3-емъ случаѣ посланника Де-Планты верха государственной мудрости. Рабочій классъ въ Швейцаріи, едва-ли не больше, чѣмъ въ иной изъ воюющихъ странъ, страдаетъ сейчасъ отъ бѣдствій, несомыхъ войной—денежно-промышленнаго кризиса, безработицы, мобилизаціоннаго отвлеченія кормильцевъ семьи на фронтъ, а едва-ли не болѣе всего отъ крайней дороговизны [1]). Можетъ ли трудовой человѣкъ при этихъ условіяхъ соглашаться съ 3-имъ дипломатическимъ случаевъ? Вѣдь война по поводу «угрозы голода» никакъ не принесетъ ему утоленія голода, совсѣмъ напротивъ—обостреніе послѣдняго. Вѣдь съ другой стороны факты показали, что сказанная угроза легко можетъ быть устранена какъ разъ путемъ разумной дипломатіи—путемъ заключенія договоровъ о подвозѣ, *подъ гарантіей* исключительно внутренняго потребленія данныхъ припасовъ. Такъ не является ли въ концѣ концовъ для пролетарія данный «случай»—лишь случаемъ, гдѣ дѣйствуютъ одни лишь эгоистическіе интересы группы капиталистовъ, готовыхъ весь, достаточно уже страдающій народъ бросить прямикомъ въ пасть ненасытному Молоху войны?

Вотъ въ чемъ смыслъ и здѣшней политической злобы дня—полемики изъ-за такъ наз. ввознаго треста. Уже мѣсяца 3 назадъ англо-французы съ поддержкой итальянцевъ сдѣлали Союзному Совѣту предложеніе объ ограниченіи военно-торговой спекуляціи въ странѣ помощью устройства «ввознаго треста», гдѣ бы подъ контролемъ Союзнаго Совѣта объединенныя силы швейцарскихъ банковъ и крупныхъ импортеровъ организовали весь швейцарскій ввозъ подобно хлѣбной монополіи. Такой трестъ, какъ извѣстно, суще-

[1]) Изъ комбинированной бюджетной статистики оффиціальнаго рабочаго секретаріата и статистики цѣнъ Швейцарскаго союза кооперативовъ видно, что дороговизна жизни для средней рабочей семьи, зарабатывающей около 1.300 фр. въ годъ, возрасла за время войны среднимъ числомъ на 19%.

ствуетъ уже въ Голландіи и даетъ самые выгодные для населенія результаты: обезпеченность подвоза, устойчивость цѣнъ. Правда, тамъ дѣйствіе его значительно тормозится общимъ стѣсненіемъ голландской морской торговли. Но здѣсь, для Швейцаріи, сейчасъ окончательно замкнутой въ заколдованномъ кругу войны, ввозный трестъ представляется единственнымъ мыслимымъ исходомъ.

Нельзя отрицать, конечно, что онъ означаетъ въ то же время и существенное ограниченіе швейцарскаго суверенитета; но вѣдь въ наше время и вообще суверенитетъ малыхъ странъ—дѣло весьма и весьма относительное: вспомнимъ хотя бы исторію съ выкупомъ Сенъ-Готардскаго туннеля. Когда же на картѣ стоитъ жизнь или смерть народныхъ массъ, суверенитетъ силою вещей отодвигается на второй планъ. Жизненные интересы поневолѣ становятся дороже формальнаго «дѣла чести».

Не такъ думаютъ, однако, круги спекулянтовъ, аппетиты которыхъ раззадорены «бѣшеными деньгами» экстренной торговли. Покамѣстъ Союзный Совѣтъ ведетъ медлительные, секретные переговоры съ державами четверного согласія о трестѣ, во вліятельныхъ газетахъ нѣмецкой Швейцаріи ведется цѣлая систематическая кампанія, стремящаяся убѣдить населеніе, что самое предложеніе равносильно было бы едва-ли не выбытію Швейцаріи изъ ряда самостоятельныхъ державъ, превративъ ее въ вассала Англіи и Франціи. И затѣмъ—насколько лишь позволяютъ цензурныя условія—ясно намекается на «состояніе самообороны». Отстаивается новая, спеціально сфабрикованная теорія «наступательно-оборонительнаго нейтралитета», подъ которымъ подразумѣвается, что-де Швейцарія при извѣстныхъ условіяхъ («измора голодомъ») можетъ и не дожидаться прямого нарушенія кѣмъ-либо ея территоріи, но—сама «обороняться нападеніемъ»!

Эти небезопасныя теоріи «на случай» слишкомъ явно бьютъ въ лицо привычному для г. Эн'а представленію, что священный долгъ повелѣваетъ ему маршировать лишь на защиту страны отъ нападенія. Немудрено, что г. Энъ такъ энергично заявляетъ:

— Ils ne m'auront jamais!

И онъ ни въ коемъ случаѣ не желаетъ, чтобы какіе бы то ни было матеріальные интересы мѣстной торговли, либо промышленности, либо haute finance отождествлялись съ его трудовымъ интересомъ. Такого якобы «экономическаго матеріализма» (теперь, впрочемъ, въ этой замѣчательной формѣ, очаровывающаго даже многихъ такъ наз. «апостоловъ марксизма») никакъ не понимаетъ мой румяно-сѣдой фактёръ.

Поэтому я думаю, что, сообщивши ему на-дняхъ о нѣкото-

рыхъ новыхъ фактахъ въ борьбѣ за ввозный трестъ, я принесу ему немалое облегченіе. Дѣло въ томъ, что лишь на-дняхъ въ рабочей газетѣ Berner Tagwacht опубликованъ сенсаціонный документъ, «занесенный счастливымъ вѣтромъ на редакціонный столъ»—по выраженію газеты. Вѣроятно, тоже какой-либо незамѣтный Энъ нашелъ тутъ свой гражданскій долгъ. Документъ этотъ—факсимиле бланковъ, заполненіе которыхъ сейчасъ же, оказывается, требуется политическимъ департаментомъ (министерствомъ иностранныхъ дѣлъ) отъ каждаго торговца, желающаго что-либо ввезти изъ Германіи. Суть бланковъ—въ строгой гарантіи, даваемой правительствомъ совмѣстно съ группой швейцарскихъ банковъ, о невывозѣ ввозимыхъ изъ Германіи товаровъ въ воюющія съ нею страны. Слѣдовательно, страннымъ образомъ, то, что съ такой видимой неохотой предполагается (да и предполагается ли?) дать четверному согласію, уже давно по секрету и съ полной готовностью уступлено Германіи. Спрашивается, изъ-за чего же былъ весь сыръ-боръ въ газетахъ «вліятельныхъ», т.-е. близко стоящихъ къ бернскому правительству? Изъ-за чего вся «патріотическая» декламація о гибели суверенитета и проч.?

Нечаянное открытіе бернской рабочей газеты, повидимому, произвело сильное впечатлѣніе на верхахъ, которые только вчера собрались на него сконфуженно отвѣтить. Надо надѣяться, что оно благотворно подѣйствуетъ на ускореніе хода переговоровъ съ четвернымъ согласіемъ, и швейцарскіе Эн'ы будутъ навсегда избавлены отъ зловѣщаго призрака 3-яго случая Де-Планты.

Я сейчасъ вижу сіяющія розами щеки моего фактёра, когда онъ скажетъ:

— Tant pis pour la souveraineté! Что за суверенитетъ, который давно получаетъ отовсюду пинки?

А. Дивильковскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Телеграфъ, наконецъ, принесъ извѣстіе о серьезномъ и успѣшномъ выступленіи французовъ и англичанъ. Первые окопы нѣмцевъ взяты, но за ними слѣдуетъ второй и третій рядъ, какъ сообщаютъ, не хуже укрѣпленные и взять которые будетъ не легко. Признаюсь, мы отчаялись находить въ извѣстіяхъ съ западнаго фронта что-нибудь иное, кромѣ сообщеній объ артиллерійской перестрѣлкѣ. По мѣсяцу, мы все читали типическую фразу: «къ сѣверу отъ Арраса, недалеко отъ завода Сушэ», и иногда только съ прибавкой—«въ Лепретерскомъ лѣсу». И теперь дѣло не обошлось безъ завода Сушэ, но уже значительно на востокъ отъ него. Въ добрый часъ! Вѣдь, это только начало болѣе реальнаго выступленія. По собраннымъ свѣдѣніямъ изъ самыхъ прямыхъ источниковъ Жоффръ боялся повторенія того, что̀ послѣдовало за его побѣдой на Марнѣ. За недостаткомъ людей и снарядовъ онъ не могъ использовать вполнѣ этой побѣды. Пришлось запастись терпѣніемъ. Въ снарядахъ во Франціи въ настоящее время чувствуется такъ мало нужды, что она не прочь снабжать ими и Сербію, и Италію. Англичане въ этомъ отношеніи болѣе отстали, но и ихъ ежедневное производство растетъ быстро. Мы удвоили, а, пожалуй, и утроили число изготовляемыхъ снарядовъ. Очевидно, мобилизація промышленности и починъ общества въ этомъ дѣлѣ начинаютъ приносить свои плоды. Поменьше бы недовѣрія верховъ къ низамъ и побольше бы надежды низовъ на руководителей! Я знаю секретъ къ тому, но такъ какъ онъ, вѣроятно, не менѣе извѣстенъ и моимъ читателямъ, то я воздержусь отъ его высказыванія. Недавно людьми, хорошо освѣдомленными и обязанность которыхъ быть освѣдомленными, дѣлался подсчетъ тому, сколько союзники въ день производятъ снарядовъ. Оказалось болѣе или менѣе то же число, что и у германцевъ, а между тѣмъ преимущество чугуна, свинца и стали, несомнѣнно, на сторонѣ нашихъ противниковъ. Очень поучительны на этотъ счетъ открытки проф. Озерова. Онѣ вышли новымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «За что мы боремся?». На этотъ вопросъ профессоръ отвѣчаетъ: «Мы боремся за экономическое освобожденіе Россіи». Авторъ открытыхъ писемъ говоритъ, что хочетъ сдѣлать свои идеи доступными большимъ массамъ населенія. Стоитъ взглянуть,—продолжаетъ онъ, на внѣшнюю торговлю Германіи, и поражаешься ея грандіозностью. Германія вывозитъ отъ себя готовыя издѣлія, а ввo-

зитъ сырье; мы же ввозимъ къ себѣ множество готовыхъ издѣлій. Слѣдовательно, наша промышленность слабо поставлена. Мы ввозимъ многое, что̀ могли бы производить сами. Въ ввозѣ ихъ Германія заняла первое мѣсто. Экономически Россія развивается, но бѣда въ томъ, что мы въ этомъ развитіи отстаемъ отъ другихъ странъ». Посмотрите открытки по міровой выставкѣ чугуна, производству стали,—предлагаетъ Озеровъ,—и вы увидите, какое мѣсто занимаетъ Россія, несмотря на огромную свою территорію и большое количество населенія. На открыткѣ № 11 указано въ діаграммѣ міровое производство чугуна и стали. Первое мѣсто въ обоихъ занимаютъ Соединенные Штаты Америки съ выдѣлкой почти полутора милліарда пудовъ стали и такого же, приблизительно, количества чугуна. За ними слѣдуетъ Германія съ ея 900 съ лишнимъ милліоновъ пудовъ стали и чугуна; съ Англіей мы уже падаемъ до 400 милліоновъ пудовъ стали и до 600 милл. чугуна. Французы производятъ всего 224 милл. пуд. стали и 269 милл. пудовъ чугуна, а Россія—двѣсти съ лишнимъ милліоновъ стали и нѣсколько больше—чугуна. Ростъ добычи желѣзныхъ рудъ и выплавки чугуна за послѣднія 40 лѣтъ у насъ несомнѣненъ, но онъ ничтоженъ въ сравненіи съ ростомъ добычи и выплавки тѣхъ же металловъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а за ними въ Германіи. Діаграммы проф. Озерова такимъ образомъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что для успѣшнаго снабженія нашей арміи снарядами, недостаточно одной мобилизаціи промышленности, но необходимо иногда и созданіе ея; а такъ какъ это дѣло далеко не быстрое, то приходится пополнять недостачу туземнаго производства обращеніемъ къ промышленности нейтральныхъ государствъ. Между ними на первомъ планѣ стоятъ Америка и Швеція, а изъ среды воюющихъ такую же услугу могутъ оказать намъ Франція, Англія и Японія.

Какія же обстоятельства содѣйствуютъ и какія препятствуютъ оказанію намъ этой помощи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны ближе затронуть наши отношенія къ великой американской республикѣ и разсмотрѣть тѣ препятствія, какія лежатъ на пути доставленія намъ снарядовъ тремя вышеупомянутыми воюющими державами.

Наши отношенія къ Америкѣ всегда были превосходны. Уступивши Соединеннымъ Штатамъ за чечевичную похлебку обширную область русскихъ владѣній на новомъ материкѣ, мы открыли имъ возможность значительнаго и быстраго обогащенія. Аляска со своимъ горнымъ кряжемъ оказалась своего рода Калифорніей. Такъ какъ этотъ кряжъ тянется и по ту сторону Берингова пролива, то не мудрено, если у американцевъ составилось представленіе, что и въ немъ, при значительной затратѣ капиталовъ, можно обнаружить не меньшія металлическія сокровища, которыя пошли бы на пользу ихъ промышлен-

ности. Въ бытность мою въ Санъ-Франциско въ 1901 г. ко мнѣ являлись сотрудники всѣхъ трехъ существующихъ въ городѣ газетъ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: что вы думаете о проектѣ проведенія желѣзной дороги, которая соединила бы сибирскую магистраль съ Беринговымъ проливомъ, а затѣмъ открыла бы возможность на паромѣ переправлять пассажировъ на американскій берегъ, по тому же образцу, по которому происходитъ сообщеніе материка Европы съ Копенгагеномъ? Рядъ русскихъ дипломатовъ, сумѣвшихъ пріобрѣсть популярность, въ числѣ ихъ, извѣстный впослѣдствіи русскій посолъ въ Японіи, баронъ Розэнъ, своимъ тактомъ, своимъ умѣніемъ ладить съ американцами не мало содѣйствовали укрѣпленію нашихъ пріятельскихъ отношеній. Я испыталъ на себѣ всѣ выгоды этой удачно-направленной дипломатіи, и при томъ одинаково во время обѣихъ моихъ поѣздокъ въ Америку, отдѣленныхъ одна отъ другой 20-тью годами. Въ послѣдній разъ я особенно чувствовалъ теплоту симпатіи. Американская демократія живо заинтересована ростомъ русской. Громадность страны, безграничность ея еще мало использованныхъ природныхъ богатствъ, быстрый ростъ населенія; все это, вмѣстѣ взятое, такъ сильно говоритъ воображенію жителя Нью-Іорка или Чикаго, что я часто попадалъ въ неловкое положеніе, рекомендуя знакомымъ мнѣ американцамъ, при первой своей поѣздкѣ въ Европу, посѣтить Италію для осмотра ея музеевъ. «На что мнѣ Италія и ея музеи; я хочу увидѣть страну столь же, если не большую, чѣмъ моя родина, проѣхаться по Сибири и вернуться Тихимъ Океаномъ». За послѣдніе только годы наши отношенія стали портиться и портиться изъ-за того, что мы отказываемъ въ выдачѣ паспортовъ американскимъ гражданамъ, разъ они заподозрѣны въ принадлежности къ евреямъ. Въ либеральныхъ профессіяхъ и, въ частности, въ печати—въ Америкѣ не мало евреевъ. Я помню, какъ при посѣщеніи меня въ Петроградѣ выдающимся сотрудникомъ вліятельной Нью-Іоркской газеты «Солнце» я изощрялся въ англійской рѣчи, пока не оказалось, что онъ русскій еврей и понимаетъ меня недурно на моемъ родномъ языкѣ. Русскихъ евреевъ, превратившихся въ американскихъ гражданъ, я встрѣчалъ и въ адвокатурѣ, и среди библіотекарей муниципальныхъ книгохранилищъ, и въ числѣ чиновниковъ переписи, и въ числѣ актеровъ, исполнявшихъ въ Чикаго на еврейско-нѣмецкомъ діалектѣ пьесы Островскаго. Однажды я пораженъ былъ присылкой мнѣ двухъ-трехъ десятковъ томовъ, очень объемистыхъ и въ хорошемъ переплетѣ. Ихъ сопровождало письмо, въ которомъ значилось, что присланные мнѣ томы содержатъ въ себѣ результаты десятаго ценза (переписи); въ подведеніи ея итоговъ принималъ участіе благодарный ученикъ, бывшій мой слушатель изъ евреевъ по Московскому университету. Въ мою честь устроенъ былъ

дивертисментъ въ еврейскомъ театрѣ въ Чикаго; хоръ пропѣлъ: «Ахъ Москва, Москва бѣлокаменная!». Вслѣдъ за этимъ исполненъ былъ трепакъ. Я сидѣлъ въ отведенной мнѣ литерной ложѣ въ обществѣ русскаго консула, Шлипенбаха.

И вдругъ, стали отказывать въ паспортахъ! И еще случайно такимъ людямъ, которые въ книжкахъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: «Сильные умы», разсказывали о своихъ бесѣдахъ съ графомъ Витте и съ,—еще не бывшимъ тогда графомъ, — Коковцевымъ, обнаруживая горячую симпатію къ Россіи и ея производительнымъ силамъ. Американское правительство въ президентство Рузвельта отвѣтило на наши попытки «этнографическаго разслѣдованія» при выдачѣ паспортовъ невозобновленіемъ торгового договора. Появились непріязненныя намъ статьи въ руководящихъ органахъ и созданы были тѣ условія, въ которыхъ весьма численной германской эмиграціи, далеко переходящей за 10 милліоновъ и уже пустившей глубокіе корни въ Америкѣ, легко было поддерживать агитацію противъ нашей страны. Агитація, разумѣется, усилилась съ момента войны. Хотя ей не удалось въ общемъ воспрепятствовать снабженію союзниковъ, въ томъ числѣ и насъ, оружіемъ и снарядами, но на митингахъ, устроенныхъ въ Чикаго еще осенью прошлаго года, открыто ставилось такое требованіе. И оно, повидимому, не осталось безъ послѣдствій. Насколько я слышалъ, нѣкоторыя промышленныя заведенія, въ которыхъ американскіе нѣмцы непосредственно участвуютъ, не выполнили нашихъ заказовъ и предпочли вернуть намъ двойной задатокъ. Къ счастью для насъ, акты явнаго пиратства, какіе позволилъ себѣ нѣмецкій флотъ по отношенію далеко не къ одной «Лузитаніи», и почти открытая агитація такого неловкаго дипломата, какъ австрійскій министръ Думба, пропзвели ожидаемое дѣйствіе. Хотя нѣмцы съ самаго начала приложили все стараніе, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе Америки, и съ этой цѣлью бывшій министръ Дернбургъ не отказался прочесть цѣлый циклъ лекцій въ разныхъ городахъ Штатовъ и выступалъ на митингахъ съ проповѣдью культурныхъ задачъ, якобы преслѣдуемыхъ нѣмцами въ настоящей войнѣ, обѣщая, что она обезпечитъ дорогое американцамъ начало свободы морей, хотя одновременно американскіе нѣмцы и стали грозить правящимъ въ настоящее время въ Америкѣ демократамъ, что они откажутъ имъ въ поддержкѣ на выборахъ и склонятъ къ тому же и ненавидящихъ англичанъ ирландцевъ, но истребленіе американскихъ судовъ съ американскимъ экипажемъ было настолько убѣдительнымъ «урокомъ дѣйствительности», что общественное мнѣніе въ С. Штатахъ отвернулось отъ нѣмцевъ и приблизилось къ державамъ четверного согласія.

Можно было думать, что мы используемъ этотъ моментъ для

того, чтобы своевременно принятыми мѣрами въ направленіи къ признанію равенства національностей, хотя бы передъ паспортной системой, удовлетворить давнишній запросъ жителей великой заатлантической республики, что мы пошлемъ въ нее видныхъ представителей нашихъ культурныхъ и финансовыхъ сферъ, инженеровъ и техниковъ, людей науки и публицистики, которые словомъ и дѣломъ, столько же рѣчами на митингахъ, сколько и статьями въ американской печати, стали бы завоевывать намъ симпатіи; а это одно уже поставило бы С. Штаты въ невозможность отказывать въ исполненіи нашихъ заказовъ и, быть можетъ, открыть намъ необходимый кредитъ. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. До послѣдняго времени, единственнымъ представителемъ Россійской Имперіи, если не говорить о членахъ посольства, передъ американской республикой, былъ сотрудникъ «Новаго Времени» г. Сыромятниковъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Сигмы. Въ американской печати, какъ жалуются мнѣ мои американскіе друзья, появилась всего на всего одна статья въ защиту культурной миссіи Россіи въ настоящей войнѣ. Она принадлежитъ перу моего бывшаго товарища по преподаванію въ Москвѣ, а нынѣ знаменитаго оксфордскаго профессора П. Г. Виноградова, къ моей радости снова сдѣлавшагося моимъ коллегою по Академіи наукъ въ Петроградѣ. Профессоръ русской словесности въ Чикаго, отмѣчая въ письмѣ ко мнѣ его журнальный успѣхъ, находитъ, что одной статьи мало, и что на обязанности русской интеллигенціи, желающей послужить своей родинѣ,—запрудить англійскую печать такими же правдивыми объясненіями причинъ и ближайшихъ заданій настоящей войны. Я привѣтствую мысль о посылкѣ въ Америку людей, способныхъ добиться и кредитовъ, и выполненія заказовъ военнаго министерства. Кое-кто уже уѣхалъ съ этой цѣлью. Мнѣ называли имена проф. Бахметьева и Холмогорова. Возникшая въ Петроградѣ русско-американская палата могла бы поддержать такія начинанія. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Наши недавніе противники японцы, со времени заключенія своего договора съ Англіей, не отказываютъ намъ въ снабженіи снарядами и артиллеріей. Въ Японіи проявляется опредѣленное теченіе въ пользу заключенія съ нами союза. На дняхъ мною получено письмо за подписью университетскихъ профессоровъ, предсѣдателя торговой палаты въ Токіо, и журналиста, затѣявшаго изданіе періодическаго органа, задача котораго была бы сближеніе его родины съ моей. Въ письмѣ меня просятъ отвѣтить, какъ я отношусь къ такой мысли. Я немедля помѣстилъ статью въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ которой высказался вполнѣ сочувственно и указалъ на тѣ выгоды, какія Японія и материкъ Азіи могли бы получить отъ болѣе дѣятельной поддержки союзниковъ въ ихъ кровавой борьбѣ съ навязываемой міру

германской гегемоніей. Дѣятельная помощь японцевъ могла бы сдѣлаться однимъ изъ условій скорѣйшаго окончанія войны и водворенія въ мірѣ порядка, основаннаго на признаніи принципа равенства государствъ и права народовъ на самоопредѣленіе своихъ политическихъ судебъ.

Подвозъ намъ оружія и снарядовъ изъ Франціи и Англіи, разумѣется, удесятерился бы, если бы давно начатая операція на Дарданеллахъ закончилась взятіемъ Константинополя и открытіемъ Босфора. Франція производитъ количество снарядовъ, превышающее ея собственную нужду. Она отпускаетъ часть ихъ Сербіи и Италіи и, разумѣется, не отказала бы намъ въ помощи, какъ ими, такъ и оружіемъ. Англія, какъ я уже указалъ, въ этомъ отношеніи нѣсколько отстала отъ Франціи, но Ллойдъ-Джорджъ, въ своемъ удачномъ выступленіи на конгрессѣ трэдъ-юніоновъ, гдѣ его патріотическій энтузіазмъ перешелъ и на вздумавшихъ одно время бастовать рабочихъ, открываетъ такіе лучезарные горизонты для будущаго, благодаря мобилизаціи промышленности, что у меня не является сомнѣнія въ томъ, что и Англія скоро будетъ поставщицей недостающихъ намъ ружей и снарядовъ.

Съ каждымъ мѣсяцемъ наши шансы успѣха растутъ. Молодое, недавно набранное войско получаетъ достаточную выучку, число выдѣлываемыхъ снарядовъ увеличивается чуть не ежедневно, подвозъ ружей и артиллеріи безостановоченъ, мы уже теперь не только отбиваемся, но и нападаемъ; съ октября и ноября шансы успѣха могутъ не только уравняться, но даже перейти на нашу сторону. Успѣхи, достигнутые нашими союзниками, окрыляютъ и наши надежды на конечный успѣхъ. Французы обнаружили не только [illegible]ычныя качества непревзойденной храбрости, но и выдержку, терпѣніе, вызываемое обстоятельствами. Генералъ Жоффръ, убѣдившись послѣ своей побѣды на Марнѣ, что ему не достаетъ нужныхъ средствъ для успѣшнаго наступленія, предпочелъ ждать по недѣлямъ и мѣсяцамъ, и воспользовался теперь лучшимъ вооруженіемъ арміи и благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, чтобы положить начало великому дѣлу изгнанія врага изъ предѣловъ отечества. Цвѣтъ французской литературы идетъ навстрѣчу его понятному стремленію поддержать въ арміи тотъ духъ, который всего болѣе обезпечиваетъ побѣду. Анатоль Франсъ обращается съ краснорѣчивытъ призывомъ къ французскимъ солдатамъ. Пьеръ Лоти въ американской печати даетъ яркую картину того воинственнаго настроенія, какое охватило его родину, философъ Бутру печатаетъ въ Лондонской газетѣ Daily News психологическій этюдъ—необыкновенно вѣрно передающій то состояніе умовъ, которое столько же въ столицѣ, сколько и въ провинціи, поддерживаетъ

готовность пережить рядъ новыхъ испытаній, съ цѣлью добиться окончательной побѣды и обезпечить господство въ мірѣ началъ международной справедливости. Выходящій въ Америкѣ журналъ; «New York Times» даетъ въ особомъ прибавленіи ежемѣсячно выдержки изъ всей европейской печати съ цѣлью освѣтить отношеніе къ войнѣ столько же державъ тройственнаго, сколько и четверного согласія, а равно и нейтральныхъ. Въ сентябрьскомъ номерѣ появились въ переводѣ эти краснорѣчивыя статьи французскихъ мыслителей и писателей, которыя могли бы служить образцомъ и для руководителей русскаго общественнаго мнѣнія. Сколько мнѣ извѣстно, одинъ Леонидъ Андреевъ выступилъ пока съ такимъ обращеніемъ. Одна изъ причинъ, по которымъ онъ не нашелъ еще подражателей, мнѣ кажется, лежитъ въ излишней скромности, въ страхѣ выйти на подмостки. «Каждая добродѣтель, говоритъ французская поговорка, *содержитъ* въ *себѣ* и зародышъ порока». Поговорка эта оправдывается и въ настоящемъ случаѣ. Патріотическія воззванія при неумѣлости могутъ быть, разумѣется, каррикатурны и смѣшны. Но при передачѣ искренняго чувства «языкомъ боговъ», на которомъ Гомеръ считалъ нужнымъ писать по временамъ свою Иліаду, могутъ получиться весьма значительные и счастливые результаты. Вѣдь, краснорѣчивое слово, во время сказанное, это тѣ же зубы дракона, которые, разъ будучи брошены въ почву, вызываютъ изъ нея полки всадниковъ.

Одно изъ условій нашего успѣха, разумѣется, лежитъ въ томъ, чтобы союзники вступили въ непосредственный обмѣнъ между собой, а это послѣдуетъ не раньше взятія Константинополя. Понятно, поэтому, все значеніе, какое имѣетъ, если не привлеченіе балканскихъ народовъ, къ дѣятельному сотрудничеству съ нами, то, по крайней мѣрѣ, сохраненіе ими мира и нейтралитета и при томъ такого, который исключалъ бы возможность подвоза туркамъ идущихъ изъ Германіи и Австріи подводныхъ лодокъ и артиллеріи. Освобожденные нами болгары понимаютъ нѣсколько иначе тѣ обязанности, какія налагаетъ на народы чувство благодарности, а не одно только сознаніе необходимости соблюдать право и справедливость. Союзники смотрѣли на ихъ поведеніе съ чрезмѣрной снисходительностью, довольствовались возобновленіемъ протестовъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ ультиматумомъ, спѣшили устранить даже возможность дальнѣйшаго разрыва своевременными территоріальными уступками, возвращеніемъ отобранной сербами во второй балканской войнѣ части Македоніи, приходившейся болгарамъ по договору 29 февраля. Побѣдителей не судятъ. Изъ всѣхъ союзниковъ сербы одни выгнали изъ своей среды надменнаго врага, грозившаго ихъ самостоятельности; и тѣмъ не менѣе, союзныя державы сочли возможнымъ потребовать отъ Сербіи

жертвы, необходимой для общаго успѣха. Она приглашена была вернуть часть Македоніи, завоеванной ею у Болгаріи во время второй балканской войны—и которая по соглашенію 29 февраля была уступлена болгарскому царству. Скрѣпя сердце, Пашичъ пошелъ на это требованіе, но не вполнѣ. Онъ пожелалъ сохранить часть Македоніи, прилегающую къ Греціи, и обезпечить тѣмъ ближайшее соприкосновеніе Сербіи съ ея союзницей. Болгары, между тѣмъ, при посредствѣ Германіи, завязали переговоры съ турками и добились передачи послѣдней въ ихъ руки площади приблизительно въ 3.000 квадр. километровъ, площади, по которой проходитъ желѣзная дорога, соединяющая ихъ съ Дедеагачемъ. По оффиціальной версіи, пускаемой въ ходъ правительствомъ Родославова, эти 3.000 кв. километровъ поступаютъ въ руки болгаръ въ вознагражденіе за то, что ими сохраненъ былъ доселѣ нейтралитетъ. На разстояніи немногихъ дней послѣ заключенія этого соглашенія съ Турціей, царь Фердинандъ, вопреки протесту лидеровъ оппозиціи, объявилъ мобилизацію болгарской арміи и направилъ ее къ сербской границѣ. Это извѣстіе совпало съ другимъ, о томъ, что къ той же границѣ, но только съ сѣвера приблизилась германо-австрійская армія въ числѣ 150.000 человѣкъ. Артиллерійская перестрѣлка уже начата. Сербіи предстоитъ выдержать новый натискъ непріятеля и на этотъ разъ, можетъ быть, одинаково и съ сѣвера и съ юго-востока. Фердинандъ расчитывалъ, повидимому, на нейтралитетъ столько же Румыніи, сколько и Греціи, на пассивное отношеніе державъ четверного союза и на готовность собственныхъ подданныхъ забыть свои обязательства по отношенію къ освободившей ихъ Россіи. Расчетъ его сперва казался ошибочнымъ. Въ Греціи правительствомъ руководилъ умный, энергичный и честный политикъ Венизелосъ; ему удалось убѣдить короля Константина въ необходимости соблюдать разъ принятыя по отношенію къ сербамъ союзныя обязательства, и Грецiя мобилизовала 150.000 армію. Державы четверного союза приняли согласное рѣшеніе послать двухсоттысячное войско въ поддержку Сербіи, которая сама располагаетъ 300-тысячной арміей. Мобилизація въ самой Болгаріи происходила безъ всякаго энтузіазма, и даже съ нѣкоторымъ противодѣйствіемъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ не пожелали послѣдовать призыву и перешли румынскую границу. Они не склонны драться съ своими освободителями—съ русскимъ войскомъ. 200 молодыхъ болгаръ, получающихъ образованіе въ русскихъ высшихъ школахъ, подали благородный примѣръ славянскаго единодушія. Они отказались воевать съ державою, стоящей во главѣ возрожденія славянскихъ народовъ и на охранѣ ихъ независимости. Они возбудили ходатайство о пріемѣ ихъ въ русское подданство, а часть готова вступить въ русскую армію.

Фердинанду Кобургскому, вовлеченному въ эту авантюру настояніями нѣмецкаго и австрійскаго правительствъ, командировавшихъ къ нему недавно для окончательныхъ переговоровъ герцога Мекленбургскаго, осталось прибѣгнуть къ прозрачному обману: объявить, что мобилизація вызвана имъ не съ завоевательными цѣлями, а заботой о «вооруженномъ нейтралитетѣ», «по образцу Швейцаріи». Сэръ Эдуардъ Грей снова доказалъ свои качества политика, озабоченнаго прежде всего сохраненіемъ міра, видимой готовностью признать эти заявленія болгарскаго правительства за отвѣчающія истинѣ. Онъ не прочь былъ вести дальнѣйшіе переговоры съ Болгаріей, ставя ей на видъ, что прямымъ присоединеніемъ къ союзнымъ державамъ она можетъ еще избѣжать той катастрофы, которой грозитъ ей ея новая авантюра. Но въ то же время онъ не оставлялъ въ ней ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что открытіе военныхъ дѣйствій противъ Сербіи вызоветъ и немедленную репрессію со стороны союзниковъ. Рѣчь, сказанная сэромъ Эдуардомъ Греемъ въ нижней палатѣ англійскаго парламента,—изъ тѣхъ, которыя становятся достояніемъ исторіи. Въ ней весьма ясно выражено то положеніе, что поддерживаемая Германіей на Балканахъ смута вызвана опредѣленнымъ планомъ—проложить чрезъ Сербію и Болгарію путь къ Константинополю, а оттуда—въ Малую Азію. Германія, уже обратившая фактически Австрію въ вассальное государство, намѣрена сдѣлать то же по отношенію къ балканскимъ странамъ, лежащимъ на пути къ Турецкой имперіи и магометанскому Востоку, который она избрала сферой своего экономическаго и политическаго вліянія. Эти заявленія находятъ прямую поддержку въ откровенныхъ статьяхъ извѣстнаго нѣмецкаго публициста Рорбаха, издателя журнала «Бо́льшая Германія». Рорбахъ сходится съ профессоромъ Листомъ въ стремленіи расширить союзъ центральныхъ имперій на Балканскій полуостровъ. Еще осенью 1914 г. вышла брошюра Листа, въ которой намѣчались тѣ перемѣны, какія успѣшная для Германіи война должна вызвать въ перестройкѣ международнаго союза. Берлинскій профессоръ, учебникъ котораго по международному праву, и послѣ исключенія его изъ почетныхъ членовъ Петроградскаго университета, продолжаетъ служить руководствомъ при государственныхъ экзаменахъ, открыто высказалъ ту мысль, что нормы, опредѣляющія отношенія цивилизованныхъ націй, впредь будутъ поставлены подъ ближайшую охрану центральныхъ имперій, которыя распространятъ свои щупальцы и на Скандинавскій міръ, и на Балканскій и Апеннинскій полуостровы (Италія въ то время еще считалась союзницей Австріи и Германіи), и на Испанію, и на вернувшуюся къ благоразумію Францію. Остальныя государства стараго и новаго материка образуютъ второстепенные концентрическіе круги, которые будутъ получать руководство отъ тевтонскаго

міра. Рорбахъ развиваетъ ту же идею, но въ примѣненіи къ одному лишь Балканскому полуострову и азіатскимъ владѣніямъ Турціи. Не одна Сербія и Болгарія, но также Греція и Румынія не въ правѣ будутъ жаловаться на то, что не были предупреждены во-время. Ихъ ожидаетъ роль вассаловъ тевтонскаго міра. Эта перспектива, можетъ быть, не запугиваетъ Фердинанда Кобургскаго, бывшаго прапорщика австрійской арміи; она способна льстить династической гордости румынскихъ Гогенцоллерновъ и встрѣтить сочувствіе въ добромъ супругѣ нѣмецкой принцессы, стоящемъ во главѣ греческаго народа. Но позволено сомнѣваться, чтобы самъ этотъ народъ, какъ и его сосѣди на Балканахъ, восторженно отнеслись къ проекту потерять свободу самоопредѣленія своихъ судебъ. Румынія должна понимать, что ея національная задача освободить своихъ соплеменниковъ въ Австріи,—отъ дальнѣйшей германизаціи и мадьяризаціи—сдѣлается въ новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ нѣмецкой гегемоніей, совершенно несбыточной. Болгары также въ правѣ поставить себѣ вопросъ: не стоитъ ли имъ слишкомъ дорого честь состоять подъ властью Фердинанда Кобургскаго и не достаточно ли съ нихъ того, что первая, затѣянная имъ авантюра,—вторая балканская война,—уже обошлась достаточно дорого. Самъ Фердинандъ, повидимому, былъ не прочь, по крайней мѣрѣ, въ ближайшія недѣли, вводить въ заблужденіе и своихъ подданныхъ, и державы четверного согласія на счетъ своихъ дѣйствительныхъ намѣреній. Онъ попробовалъ-было отставить отъ должности своего министра финансовъ, германофила Тончева, вступилъ въ переговоры, правда, окончившіеся для него неудачно, съ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ оппозиціи Малиновымъ. Глава его правительства, Радославовъ, долго не переставалъ настаивать на томъ, что мобилизація Болгаріи вызвана исключительно желаніемъ обратить мирный нейтралитетъ въ военный; но самыя дѣйствія болгарскаго правительства явно опровергали всѣ эти заявленія. Съ тѣхъ поръ, какъ болгарскій нейтралитетъ утвердился, турки получаютъ въ громадномъ количествѣ чрезъ Болгарію нѣмецкую артиллерію, нѣмецкихъ инструкторовъ и австрійскія подводныя лодки. Оппозиціонная печать цензурою доведена до молчанія, тюрьмы наполняются болгарами, помнящими услуги, оказанныя Россіей, а болгарскія войска размѣщаются на юго-восточной границѣ Сербіи. Мы наканунѣ рѣшающихъ событій и не для одного только Балканскаго полуострова, но также для державъ четверного согласія. Вторженіе нѣмцевъ въ Сербію въ союзѣ съ болгарами грозитъ успѣху операцій въ Дарданеллахъ. Константинополь можетъ попасть въ руки не союзныхъ державъ, а центральныхъ имперій. Судьба его отъ этого едва-ли много выиграетъ. Турецкому владычеству въ Европѣ предстоитъ близкій конецъ, каковъ

бы ни былъ исходъ кровавой распри, раздирающей міръ. Станетъ ли Турція вассальнымъ государствомъ по отношенію къ Германіи, или турокъ будетъ переброшенъ черезъ Босфоръ,—дни османскаго владычества въ Европѣ во всякомъ случаѣ сочтены. Такъ какъ все человѣчество заинтересовано въ свободѣ проливовъ, т.-е. въ возможности безпрепятственнаго торговаго оборота между поставщицей хлѣба Россіей и нуждающимся въ ней Западомъ, то у меня лично не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что прочный міръ Европы будетъ достигнутъ только подъ условіемъ, если эта свобода проливовъ сдѣлается дѣйствительностью.

Событія идутъ быстро. За эти нѣсколько дней дѣйствительное положеніе вещей стало уясняться. 150.000 болгарскаго войска уже посланы къ границѣ Сербіи. 100.000 грозятъ Греціи, другія 100.000 расположены на румынской границѣ. Благодаря тому обстоятельству, что греческой политикой руководилъ еще патріотъ въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, недавно вышедшій побѣдителемъ изъ столкновенія далеко не съ одними политическими противниками въ парламентѣ, патріотъ, поддерживаемый всею націей и съ которымъ приходится считаться и правящей династіи, Греція съ самаго начала приняла положеніе, одновременно и достойное, и откровенное. Она объявила, что будетъ поддерживать свою союзницу Сербію. Греческій же народъ привѣтствуетъ высадку въ Солуни. По слухамъ, правительство заявило протестъ, отстаивая тѣмъ какъ бы свой попранный союзными державами нейтралитетъ. Другого она, очевидно, сдѣлать не могло, такъ какъ десантъ имѣетъ въ виду интересы его же союзника—Сербію. Румынія не принимаетъ пока опредѣленнаго рѣшенія. Ея положеніе, дѣйствительно, стало труднымъ. Въ южныхъ городахъ Трансильваніи сосредоточиваются австрійскія силы, на границѣ Болгаріи выставлено стотысячное войско. Мнѣніе общественныхъ круговъ Румыніи продолжаетъ оставаться раздвоеннымъ. Маргиломанъ рекомендуетъ союзъ съ центральными имперіями. Образовалась новая лига въ пользу энергическаго выступленія на сторонѣ четверного согласія. Братіано, повидимому, не покидаетъ мысли о нейтралитетѣ. Время для дѣятельнаго выступленія Румыніи какъ будто потеряно. Когда русскіе были въ Карпатахъ и занимали Черновицы, присоединеніе Румыніи могло бы сдѣлаться рѣшающимъ факторомъ, если не для судебъ всей Австрійской имперіи, то для будущаго германизируемыхъ и мадъяризируемыхъ румынскихъ подданныхъ Австріи. Большая рѣшительность и меньшая требовательность позволила бы тогда королевству, начальствуемому Гогенцоллерномъ, осуществить свою историческую миссію и возсоединить румынскій народъ подъ своей державой. Но такія рѣшенія, легко принимаемыя національной

династіей, не по силамъ нѣмецкому князю, который Европою же или точнѣе интригами центральныхъ Имперій, сумѣвшихъ обойти Англію, навязанъ былъ сосѣдней съ Россіей державѣ, очевидно, не въ нашихъ интересахъ. Европа платится въ настоящее время за свой избытокъ маккіавеллизма, который далеко не въ первый разъ,—боюсь, и не въ послѣдній,—на разстояніи нѣкотораго времени оказывается наивной оплошностью, исходъ которой легко было предвидѣть. Нельзя одновременно желать и не желать, допускать и не допускать, создавать національное государство и ставить во главѣ его иноземную династію въ надеждѣ парализовать излишества національной политики. Всего разительнѣе послѣдствіе такой двойственности выступаетъ на примѣрѣ Болгаріи. Слѣпой одинъ не въ состояніи видѣть, что въ случаѣ успѣха центральныхъ имперій ей грозитъ умаленіе ея самостоятельности, а если такъ, то національной войну Болгаріи на сторонѣ Германіи и Турціи, противъ освободившихъ ее Россіи и Сербіи, считать нельзя. Но такая война, разумѣется, національна въ глазахъ нѣмецкаго князя, который,—повторяю,—изъ австрійскаго прапорщика сдѣлался царемъ Болгаріи. Его почему-то считаютъ великимъ дипломатомъ. Почему нѣтъ, если считать имъ и Цезаря Борджіа, противъ чего, очевидно, не высказался бы Маккіавелли. Борджіа кончилъ, однако, печально. И я пожелаю человѣку, столь забывчивому объ услугахъ, оказанныхъ моимъ отечествомъ его державѣ, менѣе трагическаго, хотя и столь же позорнаго финала, высказавъ надежду, что онъ кончитъ свою жизнь генераломъ австрійской или нѣмецкой арміи. Жребій брошенъ и брошенъ никѣмъ другимъ, какъ самимъ Фердинандомъ. Возврата нѣтъ. Измѣна славянству, конечно, не изъ числа тѣхъ преступленій, о которыхъ говорится въ уголовныхъ кодексахъ. Исторія знаетъ не мало случаевъ такой же измѣны соплеменнымъ народамъ; иначе не было бы войны Франціи съ Италіей, или Италіи съ Испаніей. Винить весь народъ за поведеніе его правительства было бы несправедливымъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ дѣлать чеховъ отвѣтственными за то, что въ рядахъ австрійской арміи они сражаются съ славянами, а не переходятъ поголовно на сторону послѣднихъ. Во всякой арміи имѣются такія средства сохраненія дисциплины, какъ то, къ которому недавно прибѣгли и въ Болгаріи противъ лицъ, желавшихъ перейти румынскую границу. Поэтому къ отвѣту за современныя событія призванъ будетъ, разумѣется, не весь болгарскій народъ, а Фердинандъ Кобургскій. Болгары обязаны уже ему проигранной войною, потерей Македоніи и Добруджи. Будущее скажетъ, въ какой мѣрѣ они обязаны будутъ ему и потерей своего нѣкогда первенствующаго значенія на Балканахъ. Ихъ манятъ обѣщаніемъ всей Македоніи,

Кавалы, даже протектората надъ несуществующимъ балканскимъ княжествомъ, все это подъ условіемъ, чтобы они сами вытащили каштаны изъ огня, одинаково итальянскаго, черногорскаго, сербскаго и греческаго, къ которому не откажетъ присоединиться и огонь русскій, французскій и англійскій, а при успѣхѣ и огонь румынскій.

Мы увидимъ, быть можетъ, болгаръ, защищающихъ твердыни Адріанополя или входъ въ Босфоръ, но нашимъ законодательнымъ палатамъ едва-ли придется, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, привѣтствовать переходъ первой изъ этихъ твердынь въ ихъ руки. При самостоятельности Балканъ, которая отнынѣ составляетъ одну изъ задачъ, преслѣдуемыхъ четвернымъ согласіемъ, болгарамъ едва ли ввѣрены будутъ ключи не то что Константинополя, но и крѣпостей на Вардарѣ. Русская дипломатія въ полномъ соотвѣтствіи съ тягостнымъ и въ то же время рѣшительнымъ настроеніемъ, охватившимъ широкіе круги населенія не однѣхъ столицъ, послала Болгаріи ультиматумъ и потребовала отвѣта въ 24 часа.

О томъ, что думаютъ о способахъ рѣшенія наступившаго кризиса общественные дѣятели, столько же русскіе, сколько и поляки, идущіе съ ними заодно, можно судить по резолюціямъ, принятымъ еще 9 сентября въ одномъ весьма извѣстномъ петроградскомъ салонѣ. «Своимъ поведеніемъ, значится въ этой резолюціи, Болгарія поставила себя въ положеніе, явно враждебное тройственному согласію. Поэтому, всякія по отношенію къ ней дипломатическія полумѣры и всякое оправданіе ея дѣйствій въ прессѣ и въ собраніяхъ недопустимо; необходимы рѣшительныя, немедленныя дѣйствія. Формальный ультиматумъ долженъ быть предъявленъ Фердинанду Кобургскому и правительству Радославова съ требованіемъ: демобилизовать въ 48 часовъ, предоставить союзникамъ въ видѣ компенсаціи за пропускъ военной контрабанды австро-германцевъ въ Турцію, пропускъ войскъ союзниковъ черезъ Дедеагачъ и турецкую территорію, немедленно передать германскія подводныя лодки, укрывающіяся въ болгарскихъ водахъ Россіи съ одновременной высылкой германскаго штаба изъ предѣловъ Болгаріи. Союзный флотъ долженъ блокировать болгарскіе берега, а союзныя войска, не дожидая нападенія болгаръ на Сербію, должны поспѣшить на защиту пограничныхъ съ Болгаріей стратегическихъ пунктовъ въ цѣляхъ—въ случаѣ нападенія болгаръ на Сербію, немедленнаго, концентрированнаго марша на Софію, дабы отвлечь на себя болгарскія силы, собирающіяся заодно съ австро-венгерскими прорвать тѣснины Дуная у Оршавы и установить связь Берлина и Пешта съ Царьградомъ».

Русская дипломатія не пошла такъ далеко въ своихъ требованіяхъ, но ея ультиматумъ, тѣмъ не менѣе, носитъ весьма рѣшитель-

ный характеръ. Нашему послу Савинскому поручено было 20 сентября передать болгарскому правительству слѣдующую ноту: «События, происходящія теперь въ Болгаріи, свидѣтельствуютъ объ окончательномъ рѣшеніи правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны въ руки Германіи. Присутствіе германскихъ и австрійскихъ офицеровъ въ военномъ министерствѣ и штабахъ арміи, сосредоточеніе войскъ въ пограничной съ Сербіей области, широкая финансовая помощь, принимаемая софійскимъ кабинетомъ отъ нашихъ враговъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, противъ кого направлены нынѣшнія военныя приготовленія болгарскаго правительства. Державы согласія, принявшія близко къ сердцу обезпеченіе чаяній болгарскаго народа, неоднократно предостерегали г-на Радославова, что всякое враждебное дѣйствіе противъ Сербіи будетъ сочтено, какъ направленное и противъ нихъ самихъ. Увѣреніямъ, расточавшимся въ отвѣтъ на эти предупрежденія главою кабинета, противорѣчатъ факты. Представитель Россіи, связанной съ Болгаріей неувядаемой памятью ея освобожденія отъ турецкаго ига, не можетъ оставаться въ странѣ, въ которой готовится братоубійственное нападеніе на союзный славянскій народъ. Императорскій посланникъ получилъ предписаніе покинуть Болгарію со всѣмъ составомъ миссіи и консульства, если въ 24-хъ часовой срокъ болгарское правительство не порветъ открыто съ врагами славянства и Россіи и не приметъ мѣръ къ немедленному удаленію изъ арміи офицеровъ государствъ, воюющихъ съ державами согласія».

20 сентября около 2 час. дня нашъ посланникъ въ Софіи Савинскій вручилъ болгарскому правительству ультиматумъ съ требованіемъ порвать въ теченіе сутокъ съ врагами славянства. 22 числа утромъ еще не было получено никакого опредѣленнаго отвѣта изъ Болгаріи. Черезъ Бухарестъ поступила телеграмма отъ 20 сентября, что военныя власти въ Рущукѣ усилили строгости противъ подданныхъ державъ четверного согласія и разрѣшаютъ имъ выѣздъ въ Румынію лишь подъ условіемъ, что они больше не возвратятся въ Болгарію. Два другихъ слуха, повидимому, указываютъ на то, что рѣшительное выступленіе Россіи произвело свое дѣйствіе на православное духовенство Болгаріи. Отмѣтимъ также отрадный фактъ, что пребывающіе въ Россіи болгары сочли возможнымъ отправить своему правительству заявленіе, не оставляющее ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они смотрятъ на поведеніе Фердинанда Кобургскаго тѣми же глазами, что и вся русская печать безъ исключенія. Текстъ самого посланія—говоритъ съ опредѣленностью о томъ, о чемъ, вѣроятно, думаетъ значительная часть всего населенія Болгаріи, тѣ крестьяне, которымъ памятенъ еще Царь-Освободитель и его посолъ—генералъ Игнатьевъ.

«Болгарія, будучи освобожденной и созданной Россіей, значится

въ посланіи петроградской болгарской колоніи, не можетъ и не должна идти противъ нея. Каждый враждебный шагъ, направленный не только противъ Освободительницы, но даже и противъ ея союзницъ, мы считаемъ величайшимъ государственнымъ и нравственнымъ преступленіемъ, граничащимъ съ безумствомъ. Такой шагъ судить намъ въ будущемъ не только позоръ и безчестіе, какъ самому низкому и чорно-неблагодарному народу, но и повлечетъ за собой гибель нашей несчастной родины... Побѣда Германіи обозначала бы превращеніе всѣхъ балканскихъ государствъ въ политическихъ и экономическихъ рабовъ нѣмцевъ». Во главѣ подписавшихъ я нахожу имя художника Петра Стоянова.

Всѣ эти серьезные признаки наступающаго разрыва между правительствомъ и народомъ не остановили ни Радославова, ни самого Фердинанда. Кобургъ снова почувствовалъ себя прапорщикомъ австрійской службы и получилъ по телеграфу поощреніе отъ своего императора. Съ развязностью покинувшаго прежняго барина слуги, онъ шлетъ дерзкую ноту въ отвѣтъ на русскій ультиматумъ, отстаивая свое право побираться чужими деньгами по собственному выбору и включать въ свое войско австрійскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ. Шуринъ германскаго императора также не отступаетъ передъ мыслью навязать своей странѣ «правительство народнаго недовѣрія». Греческій король Константинъ заявилъ своему премьеръ-министру Венизелосу, правительство котораго поддерживается большинствомъ палаты, что не можетъ идти далѣе въ поддержкѣ его политики. Венизелосъ принужденъ подать въ отставку. Она принята королемъ, и во главѣ правительства въ Аѳинахъ стоитъ теперь человѣкъ, имя котораго связано съ памятью о греческихъ пораженіяхъ въ концѣ прошлаго вѣка.

Освобожденные Франціей, Англіей и Россіей, балканскіе народы, подъ властью поставленныхъ надъ ними нѣмецкихъ династій, готовятъ себѣ гибель въ союзѣ съ центральными имперіями и угнетавшею ихъ Турціей.

А еще говорятъ, что міромъ управляетъ разумъ и что великія рѣшенія подсказываются сердцемъ!

Максимъ Ковалевскій.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Переломъ въ общественномъ настроеніи.—Прогрессивный блокъ и его программа.—Выборы въ Государственный Совѣтъ.—Декларація правыхъ партій.—Условія довѣрія къ правительству.—П. Н. Дурново, В. И. Колюбакинъ и В. И. Покровскій †.

Когда, четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, надъ Россіей разразилась военная гроза, положеніе дѣлъ внутри страны представлялось мало утѣшительнымъ. Государственная Дума, избранная подъ сильнѣйшимъ административнымъ гнетомъ, распадалась на множество фракцій, ничѣмъ не объединенныхъ и, повидимому, неспособныхъ къ объединенію; оппозиція была численно слаба, центръ—нерѣшителенъ и податливъ на внѣшнія воздѣйствія, правая сторона—одушевлена вѣрой только въ силу (не свою собственную, а чужую). Отъ времени до времени крайнія проявленія произвола осуждались большинствомъ, тотчасъ же распадавшимся на части и уже потому одному безсильнымъ повліять на общій ходъ управленія. Тѣ немногія перемѣны къ лучшему, которыя проходили въ Думѣ, разбивались о систематическое противодѣйствіе Государственнаго Совѣта, при полномъ равнодушіи или даже прямо не высказанномъ, но ясно чувствовавшемся одобреніи министерства. Министерство, далекое отъ внутренняго единства, держалось, по инерціи, однажды избранной дороги, съ явнымъ наклономъ въ сторону прошлаго. Земскія собранія и городскія думы не выходили изъ того полусна, въ который они погрузились послѣ крушенія надеждъ 1905-го года. Молчали или говорили едва слышно общества, рѣдки и безцвѣтны были собранія, многаго не договаривала, о многомъ совершенно молчала печать. Не сразу измѣнилась эта картина и во время войны. Январьская сессія законодательныхъ палатъ прошла почти безслѣдно, еще разъ подтвердивъ только то, что̀ не подлежало сомнѣнію съ самаго начала—готовность страны на всѣ жертвы, необходимыя для полной и рѣшительной побѣды. Переломъ настроенія произошелъ не тогда, когда начались наши военныя неудачи, а тогда, когда стали выясняться ихъ причины. Общественное движеніе, возникшее въ половинѣ мая, привело къ созыву Думы, продолжалось послѣ ея открытія и усилилось послѣ временнаго прекращенія ея занятій. Неузнаваемой, подъ его натискомъ, стала Дума; далеко не прежнимъ является Госуд. Совѣтъ; вездѣ кипитъ но-

вая жизнь—вездѣ, кромѣ правительственной сферы. И въ этомъ контрастѣ между глубоко измѣнившеюся страною и очень мало измѣнившимся министерствомъ—трагизмъ настоящей минуты.

Со времени введенія у насъ конституціоннаго строя правительство только одинъ разъ имѣло передъ собою опредѣленную программу, принятую значительнымъ и стойкимъ большинствомъ народныхъ представителей. Отвергнувъ эту программу, правительство распустило первую Думу. Когда оказалось, что вторая Дума еще меньше первой склонна къ уступкамъ, распущена была и она, и избирательный законъ замѣненъ указомъ 3-го іюня. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе восьми лѣтъ, ни о какой программѣ большинства не было и рѣчи, потому что не было и большинства. Не было, собственно говоря, и правительственной программы; надобность въ ней устранялась формулою: «сперва успокоеніе, потомъ реформы», при чемъ успокоеніе и среди полнаго спокойствія признавалось еще не наступившимъ. Теперь есть на-лицо большинство, есть на-лицо его программа. Возникъ старый вопросъ: что дѣлать?—но непримѣнимы старые на него отвѣты. Во время войны немыслимъ роспускъ Думы, не только потому, что невозможны общіе выборы, но и потому, что въ критическія, тяжелыя минуты нельзя налагать молчаніе на «голосъ земли русской». Немыслима и замѣна одного указа другимъ, еще болѣе ограничивающимъ избирательное право; чрезвычайныя мѣры этого рода повторенія не допускаютъ. И это еще не все. Программа первой Думы, глубоко врѣзывавшаяся во всѣ области государственной и народной жизни, могла, съ извѣстной точки зрѣнія, показаться слишкомъ радикальной; можно было думать, что, выдвинутая сравнительно узкими интеллигентными кругами, она не найдетъ отклика и поддержки ни въ другихъ кругахъ общества, ни въ народныхъ массахъ. Другое дѣло—программа прогрессивнаго блока четвертой Думы, настолько же отличная отъ программы первой Думы, насколько велика разница между партійнымъ составомъ обѣихъ Думъ. Программа первой Думы была программой партіи народной свободы, къ которой, въ данномъ случаѣ, примкнули и болѣе лѣвыя группы; въ прогрессивномъ блокѣ крайніе лѣвые не участвуютъ вовсе, кадеты составляютъ меньшинство, а правой своей стороной онъ захватываетъ часть партіи, еще недавно бывшей открыто и рѣшительно консервативною. Каково бы ни было сравнительное достоинство обѣихъ программъ, противъ второй, очевидно, нельзя выдвинуть тѣхъ возраженій, которыя въ свое время оффиціально и оффиціозно приводились противъ первой: нельзя утверждать, что она разрушительна и революціонна, что исполненіе ея грозитъ «потрясеніемъ основъ», ниспроверженіемъ существующаго строя. Ея осуществимость доказывается, прежде всего, широкимъ кру-

гомъ ея приверженцевъ. Еще раньше принятія ея большинствомъ Думы за нее высказались, въ обѣихъ столицахъ, общества купеческое и биржевое; въ московской городской думѣ она встрѣтила одинаковую поддержку со стороны консерваторовъ и со стороны прогрессистовъ. Одно за другимъ присоединялись къ ней разныя собранія и учрежденія. Роспускъ Думы не остановилъ, а скорѣе усилилъ это движеніе. Два дня спустя московское губернское земское собраніе, одно изъ самыхъ осторожныхъ, приняло, большинствомъ 48 голосовъ противъ 8, резолюцію, аналогичную съ упомянутыми выше. Въ лицѣ московскихъ съѣздовъ, земскаго и городского, къ нему примкнула спокойная, уравновѣшенная среда, чуждая увлеченій, просто и трезво смотрящая на жизнь. Движеніе проникло даже туда, гдѣ для него, повидимому, не могло найтись благопріятной почвы: оно отразилось въ постановленіи тверского *дворянскаго* собранія. Чрезвычайно характерно отношеніе къ данному вопросу предстаивтелей торговли и промышленности, собравшихся 16-го сентября для выбора четырехъ членовъ Государственнаго Совѣта. П. П. Рябушинскій пригласилъ выборщиковъ высказаться за желательность немедленнаго созыва законодательныхъ учрежденій и за привлеченіе къ власти лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ. «Голосъ страны,—воскликнулъ онъ,—уже нашелъ свое отраженіе въ многочисленныхъ резолюціяхъ общественныхъ организацій; онъ долженъ найти свое выраженіе и на настоящемъ съѣздѣ». Въ томъ же духѣ говорилъ и А. И. Гучковъ. Возражали г. Рябушинскому только два выборщика, находя, что съѣздъ не въ правѣ постановлять политическихъ резолюцій. За предложеніе г. Рябушинскаго подали голосъ всѣ остальные выборщики, въ числѣ *ста семи*.

О перемѣнѣ политической погоды свидѣтельствуютъ и происходящіе теперь выборы въ Государственный Совѣтъ. Насколько незамѣтна была до сихъ поръ роль представителей торговли и промышленности въ верхней палатѣ, настолько обѣщаетъ быть выдающейся дѣятельность вновь избранныхъ членовъ этой группы. П. П. Рябушинскій, давно и хорошо извѣстный въ московскомъ торговомъ мірѣ, обратилъ на себя общее вниманіе пламенною рѣчью, произнесенною имъ на томъ промышленномъ съѣздѣ, который такъ ярко освѣтилъ положеніе вопроса о снабженіи арміи всѣмъ для нея необходимымъ. Съ тою же энергіей и тѣмъ же успѣхомъ онъ выступалъ и на послѣднемъ общегородскомъ съѣздѣ. А. И. Гучковъ, послѣ постигшихъ его неудачъ и разочарованій, теперь уже не тотъ, какимъ онъ былъ въ періодъ образованія союза 17-го октября и въ особенности во время дѣятельности его въ третьей Думѣ; съ фронта нашихъ армій, гдѣ онъ работалъ съ самаго начала войны, онъ вынесъ новое на-

строеніе, не располагающее къ пассивному ожиданію и безконечно повторяющимся уступкамъ. И. П. Лаптевъ, бывшій членъ Думы перваго и второго созыва (отъ Акмолинской области, лишенной правилами 3-го іюня представительства въ Госуд. Думѣ), принадлежалъ и принадлежитъ къ партіи народной свободы. Близокъ, повидимому, къ тому же политическому теченію и Г. Э. Вейнштейнъ, первый еврей, вошедшій въ составъ верхней палаты. Судя по состоявшимся до сихъ поръ выборамъ членовъ Госуд. Совѣта отъ земскихъ собраній, сдвигъ налѣво произойдетъ и въ этой части верхней палаты. Еще до обновленія состава Госуд. Совѣта существовала возможность предполагать, что прогрессивный блокъ соберетъ въ немъ если не большинство, то близко подходящее къ большинству число членовъ. Теперь такой результатъ становится весьма вѣроятнымъ. Въ важности его убѣдиться нетрудно. Пока въ Государственномъ Совѣтѣ продолжалось засилье правыхъ, пока твердо сложившееся его большинство систематически отклоняло всѣ сколько-нибудь прогрессивные законопроекты, благополучно прошедшіе черезъ Думу, до тѣхъ поръ министерство съ нѣкоторымъ основаніемъ—или, правильнѣе, съ нѣкоторою видимостью основанія—могло оправдывать законодательный застой непримиримой позиціей верхней палаты. Зачѣмъ—такъ оно могло думать или говорить,—зачѣмъ ставить вопросы, которые все равно не получатъ желаннаго разрѣшенія? Зачѣмъ предпринимать борьбу, заранѣе обреченную на неудачу? Конечно, правительство, обладая многими средствами вліянія на Государств. Совѣтъ, не только не пользовалось ими, а, наоборотъ, способствовало усиленію группы, враждебной движенію и новизнѣ; но формальнымъ оправданіемъ для такого образа дѣйствій могла служить ссылка на полноправность и независимость «высокаго собранія». Гораздо опредѣленнѣе и яснѣе положеніе дѣлъ сдѣлается тогда, когда перестанетъ быть неизбѣжнымъ и неустранимымъ противодѣйствіе Госуд. Совѣта. Программа прогрессивнаго блока, если она будетъ принята большинствомъ верхней палаты, не станетъ отъ этого болѣе авторитетной въ глазахъ русскаго общества; но важно то, что падетъ одинъ изъ устоевъ той агитаціи, которая ведется противъ нея неисправимыми сторонниками застоя. Труднѣе будетъ увѣрять, что она «причиняетъ непоправимый ударъ единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи», «приноситъ интересы русскаго народа въ жертву другимъ народностямъ». Еще яснѣе станетъ безплодность и безсодержательность такихъ «декларацій», какъ обнародованная на-дняхъ правыми группами Госуд. Совѣта и Госуд. Думы.

Главный аргументъ, выдвигаемый этою декларацією противъ требованій прогрессивнаго блока, заключается въ томъ, что «вся жизнь Россіи должна нынѣ опредѣляться условіями переживаемаго ею чрез-

вычайнаго времени». До окончанія войны «надлежитъ непрестанно стремиться лишь къ одному—къ одолѣнію врага; этой единственной цѣлью опредѣляются и важность, и безотлагательность того или другого мѣропріятія». На самомъ дѣлѣ жизнь государства и народа продолжаетъ и во время войны идти по обычнымъ дорогамъ, и далеко не безразлично движеніе ея даже по тѣмъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ явнаго, прямого отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ. Чѣмъ меньше это движеніе встрѣчаетъ ненужныхъ препятствій, чѣмъ меньше происходитъ столкновеній между управляющими и управляемыми, тѣмъ выше напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, ведущее къ побѣдѣ. Какъ бы великъ ни былъ общій интересъ къ войнѣ, какъ бы горячо ни было желаніе побѣды, этимъ не исчерпывается народная жизнь, не упраздняются очередныя ея задачи. Недостатки государственнаго и общественнаго строя особенно живо чувствуются именно въ минуты народныхъ бѣдствій, и если окончательное ихъ устраненіе—задача мирнаго времени, то ничто не мѣшаетъ уже теперь ихъ открытому признанію, не мѣшаетъ подготовкѣ къ необходимымъ реформамъ. Есть цѣлыя отрасли управленія, въ самый разгаръ войны занятыя если не исключительно, то преимущественно своимъ обычнымъ, нормальнымъ дѣломъ. Много ли работаетъ надъ военными задачами, напримѣръ, большая часть учрежденій, входящихъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ? И если министръ народнаго просвѣщенія нашелъ возможнымъ приступить къ составленію проекта университетскаго устава, то что же мѣшаетъ другимъ вѣдомствамъ послѣдовать его примѣру? Девизъ «все для войны» не только не требуетъ прибавки: «и ничего во всемъ остальномъ»; онъ прямо ее исключаетъ, потому что это остальное, поднимая духъ населенія, открывая свѣтлыя перспективы въ будущемъ, увеличиваетъ силу противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ.

Декларація правыхъ ставитъ въ вину прогрессивному блоку отсутствіе въ его программѣ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ войною, и включеніе въ нее вопросовъ, вовсе съ нею не связанныхъ. Оба обвиненія одинаково неосновательны. Многіе изъ вопросовъ, прямо касающихся войны, давно поставлены самимъ правительствомъ (устройство совѣщаній, помощь бѣженцамъ, финансовыя мѣры) или Государственной Думой (устраненіе «нѣмецкаго засилья»). И тѣмъ не менѣе они не забыты въ программѣ блока: одинъ изъ ея пунктовъ настаиваетъ именно на скорѣйшемъ проведеніи всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ національной оборонѣ, снабженію арміи, обезпеченію раненыхъ, устройству участи бѣженцевъ и другимъ вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ войною. Другія законодательныя работы, намѣчаемыя программой, совершенно

правильно названы въ ней «направленными къ организаціи страны для содѣйствія побѣдѣ и къ поддержанію внутренняго мира». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ безразлично, съ этой точки зрѣнія, «уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями»—крестьянъ, на которыхъ съ особенною тяжестью ложится бремя войны? Развѣ можетъ пройти безслѣдно обновленіе и повсемѣстное распространеніе мѣстнаго самоуправленія, сліяніе всѣхъ элементовъ населенія въ мелкой земской единицѣ, улучшеніе быта трудящихся классовъ, утвержденіе трезвости на прочной, непоколебимой основѣ? Правыя группы возмущены заботой прогрессивнаго блока о равноправіи евреевъ и о «примирительной политикѣ по отношенію къ упорствующимъ финляндцамъ»; но кому же, кромѣ добровольныхъ слѣпцовъ, война не доказала несправедливость и опасность притѣсненія инородцевъ? Очень характерно слѣдующее обстоятельство. Въ программѣ прогрессивнаго блока есть пунктъ, требующій отмѣны ограниченій въ правахъ поляковъ на пространствѣ всей Россіи и внесенія законопроекта объ автономіи Царства Польскаго. Почему же правыя группы не возражаютъ противъ этого пункта, столь же несогласнаго съ ихъ взглядами, съ ихъ образомъ дѣйствій, какъ и пункты, касающіеся евреевъ и финляндцевъ? Очевидно—только потому, что по отношенію къ полякамъ произошелъ переломъ въ правительственной политикѣ — переломъ, несомнѣнно вызванный войною. Не смѣя отстаивать позицію, которую они такъ храбро защищали, пока она была вмѣстѣ съ тѣмъ позиціею власти, правые не хотятъ видѣть, что наравнѣ съ поляками право на лучшее будущее принадлежитъ всѣмъ другимъ не-русскимъ по происхожденію гражданамъ Россіи. Не хотятъ они видѣть даже и того, что подъ напоромъ войны поколебалась «черта осѣдлости», такъ долго считавшаяся неприкосновенной.

Становясь на защиту никѣмъ не нарушаемыхъ основныхъ законовъ, декларація правыхъ оспариваетъ съ чисто формальной стороны исходную точку программы прогрессивнаго блока: «необходимость объединеннаго правительства, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и готовыхъ дѣйствовать въ согласіи съ законодательными учрежденіями». Утверждать, что правительство уже теперь объединено, что оно пользуется довѣріемъ страны и готово идти рука объ руку съ законодательными учрежденіями, правые не рѣшаются; такъ далеко не идетъ даже ихъ смѣлость. Не рѣшаются они и на открытое заявленіе, что правительство можетъ обойтись безъ довѣрія страны и безъ содѣйствія законодательныхъ учрежденій. А между тѣмъ, именно здѣсь центръ тяжести вопроса. Въ такую минуту, какую теперь переживаетъ Россія, не должно быть мѣста для умолчаній и недомолвокъ, особенно со стороны тѣхъ, кто въ правѣ говорить отъ имени широкихъ круговъ

населенія. Это право безспорно принадлежитъ членамъ Государственной Думы—и на нихъ лежитъ обусловливаемая имъ обязанность. Конечно, при дѣйствіи правилъ 3-го іюня народными представителями въ настоящемъ смыслѣ слова члены Думы считаться не могутъ; но если значительное большинство лицъ, облеченныхъ этимъ званіемъ, сходится во взглядѣ на положеніе дѣлъ и на лучшій изъ него выходъ—сходятся, несмотря на антагонизмъ, еще недавно между ними существовавшій, несмотря на разногласія, и теперь во многомъ отдаляющія ихъ другъ отъ друга,—то, не возвысивъ свой голосъ, не договоривъ свою коллективную мысль до конца, они совершили бы ошибку, близкую къ преступленію. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ коллективныхъ заявленіяхъ, отчасти предшествовавшихъ обнародованію программы прогрессивнаго блока, отчасти послѣдовавшихъ за нимъ. Что касается до членовъ Госуд. Совѣта, присоединившихся къ программѣ, то ими, очевидно, также руководило сознаніе гражданскаго долга. Относительно выборныхъ членовъ это разумѣется само собою; но не инымъ является и положеніе членовъ назначенныхъ. Разъ что Госуд. Совѣтъ обратился изъ учрежденія законосовѣщательнаго въ учрежденіе законодательное, всѣ его члены поставлены, de jure, въ одинаковыя условія; законъ, призывая ихъ къ участію въ контролѣ надъ дѣятельностью правительства, признаетъ ихъ, тѣмъ самымъ, вполнѣ независимыми отъ него. Конечно, практика часто идетъ въ разрѣзъ съ теоріей; но если право остается безъ примѣненія, если обязанность нарушается, то это еще не значитъ, что право и обязанность не существуютъ. Въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ верхнія палаты состоятъ, вполнѣ или отчасти, изъ назначенныхъ членовъ; но если бы происхожденіе полномочій, которыми пользуются послѣдніе, признавалось связывающимъ ихъ свободу, то бытіе верхнихъ палатъ скоро оказалось бы подорваннымъ въ самомъ своемъ корнѣ.

Довѣріе—величина невѣсомая и неуловимая; его наличность или отсутствіе не поддается точному доказательству. Едва-ли, однако, можно отрицать, что оно пріобрѣтается послѣдовательностью, успѣхомъ и согласованностью взглядовъ. Нарушеніе послѣдовательности даетъ поводъ предполагать, что въ прежнемъ, оставленномъ способѣ дѣйствій было нѣчто неладное, а въ новомъ не будетъ искренности или твердости. Министерство И. Л. Горемыкина, служившее въ теченіе полутора года простымъ продолженіемъ министерства графа Коковцова или даже П. А. Столыпина, проводило политику опредѣленно консервативную, во многомъ реакціонную, проникнутую крайнимъ національнымъ (въ новѣйшемъ специфическомъ смыслѣ этого слова). Война очень скоро сломила одинъ изъ ея устоевъ; воззваніе 1-го

августа знаменовало собою коренной поворотъ въ польскомъ вопросѣ, логически предрѣшавшій другія перемѣны въ томъ же направленіи. Указъ 22-го марта (о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ) не оправдалъ, однако, ожиданій; только послѣ длиннаго ряда военныхъ неудачъ проекты полу-реформъ отступили передъ запретною еще недавно мыслью объ автономіи Польши. Только послѣ колоссальнаго наплыва бѣженцевъ изъ западныхъ губерній, занятыхъ непріятелемъ, поколебалась охрана «черты осѣдлости». Обрисовалось, такимъ образомъ, двоякое отступленіе отъ послѣдовательности: сначала въ видѣ отказа отъ прошлаго, потомъ въ видѣ остановки на новой дорогѣ. Аналогичный характеръ имѣли и недавнія перемѣны въ личномъ составѣ министерства: ушли самые яркіе представители стараго направленія, но пришедшіе на ихъ мѣста не идутъ дальше полумѣръ и добрыхъ пожеланій. Единство въ кабинетѣ чувствуется еще меньше, чѣмъ прежде. Едва-ли и могло быть иначе. Прямолинейное продолженіе политики, господствовавшей до войны, оказалось немыслимымъ; но не отъ тѣхъ, кто велъ ее цѣлыми годами, можно ожидать сколько-нибудь рѣшительнаго съ нею разрыва. Въ исторіи крайне рѣдки случаи, когда съ перемѣной направленія не совпадаетъ перемѣна лицъ, облеченныхъ властью. Чтобы такой случай сталъ возможнымъ, нужна не только исключительная талантливость лица, стоящаго во главѣ управленія, но и исключительное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Если Бисмаркъ, крайне непопулярный министръ эпохи «конфликта», явился крайне популярнымъ министромъ эпохи внутреннихъ реформъ, наступившей для Пруссіи послѣ окончанія войны 1866-го года, то это объясняется, помимо его выдающихся дарованій, во-первыхъ, принесеніемъ имъ повинной (испрошеніемъ у палатъ такъ назыв. Indemnität, т.-е. утвержденія неправильно произведенныхъ государственныхъ расходовъ); во-вторыхъ, блестящимъ внѣшнимъ успѣхомъ, честь котораго въ значительной мѣрѣ приписывалась именно ему; въ-третьихъ, заманчивостью программы, на которой онъ сошелся съ большинствомъ палаты депутатовъ (созданіе сѣверо-германскаго союза, какъ первый шагъ къ объединенію Германіи; пересмотръ устарѣлыхъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; освобожденіе труда отъ послѣднихъ остатковъ средневѣковой регламентаціи). Ничего подобнаго мы не видимъ у насъ; не было ни отказа отъ прошлаго, ни примиренія съ внутренними противниками, ни торжества надъ внѣшнимъ врагомъ, ни широкой программы преобразованій. Неудивительно, что въ памяти многихъ, очень многихъ воскресло мудрое правило, предписывающее вливать новое вино въ новые мѣха.

Второе условіе довѣрія—успѣхъ, прочный, серьезный успѣхъ, достигнутый, притомъ, не слишкомъ высокою цѣною. Въ войнѣ, кото-

рую второй годъ ведетъ Россія, онъ, къ несчастію, еще не достигнутъ. Широко распространена и глубоко обоснована вѣра въ его достиженіе; но неизбѣжно возникаетъ вопросъ о причинѣ неудачъ, такъ долго слѣдовавшихъ одна за другою, такъ дорого стоившихъ народу и только въ самые послѣдніе дни перестающихъ висѣть грозной тучей надъ страною. Съ полною ясностью эти причины будутъ обнаружены еще нескоро; но уже теперь нельзя сомнѣваться въ томъ, что многое было упущено, многое сдѣлано неудовлетворительно или слишкомъ поздно, многое скрыто, многое представлено законодательнымъ палатамъ не въ настоящемъ видѣ. Кто и насколько въ этомъ виновенъ—это должна опредѣлить верховная слѣдственная комиссія; но на кого бы ни пала, въ концѣ концовъ, отвѣтственность за все сдѣланное и все несдѣланное, положеніе лицъ, стоявшихъ и стоящихъ во главѣ управленія, не можетъ быть такимъ, какимъ оно было бы при счастливомъ съ самаго начала ходѣ войны или при неудачахъ, не зависѣвшихъ отъ способа веденія внутреннихъ дѣлъ государства. И если устраненъ, наконецъ, недостатокъ снарядовъ, тормозившій развитіе военныхъ дѣйствій, то до сихъ поръ не прекращена неурядица, влекущая за собою разстройство сообщеній и различные виды такъ называемаго голода—хлѣбнаго, сахарнаго, лѣкарственнаго, угольнаго, дровянаго.

Насколько отсутствуетъ третье условіе довѣрія—согласованность взглядовъ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ пункты программы прогрессивнаго блока, гдѣ перечислено все мѣшающее сохраненію внутренняго мира и поддерживающее рознь между національностями и классами. Точка зрѣнія, усвоенная значительнымъ большинствомъ Государственной Думы, многими членами Государственнаго Совѣта, съѣздами общегородскимъ и общеземскимъ, почти всѣми высказавшимися до сихъ поръ общественными учрежденіями, слишкомъ далека отъ той, на которой стояло и почти всецѣло продолжаетъ стоять министерство. Слишкомъ невѣроятно, чтобы на прекращеніе административной расправы рѣшилась та власть, которая возвела ее въ обычный пріемъ управленія; слишкомъ трудно ожидать отъ нея возстановленія уничтоженной ею рабочей, малорусской и еврейской печати, возобновленія прекращенной ею дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, отказа отъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ иновѣрцамъ, еще недавно заподозрѣннымъ ею въ недостаткѣ патріотизма. Слишкомъ рѣзко расходилось бы съ ея традиціями и усвоеніе мысли о политической амнистіи. А между тѣмъ, эта послѣдняя мѣра подсказывается сама собою во всѣ критическіе моменты народной жизни: изгладить слѣды прошлой борьбы—значитъ сдѣлать первый шагъ къ лучшему будущему. Декларація правыхъ сознательно отсту-

паетъ отъ истины, когда разсматриваетъ пунктъ программы, касающійся амнистіи, какъ посягательство на права монарха: программа обращается къ монаршему милосердію, т.-е. идетъ путемъ, вполнѣ согласнымъ съ указаніями закона.

Когда откроется вновь законодательная сессія, вопросъ о довѣріи, возбужденный прогрессивнымъ блокомъ, станетъ особенно острымъ. Министерство будетъ имѣть передъ собою значительное большинство Государственной Думы, быть можетъ—большинство Государственнаго Совѣта, навѣрное—громадное большинство учрежденій, представляющихъ собою самые разнообразные элементы населенія. Всѣ эти большинства, объединенныя общей программой, составятъ такую нравственную силу, какой еще не знавала Россія. И что же противопоставитъ ей министерство, въ комъ оно найдетъ нравственную опору? Быть можетъ, на его сторону станетъ «объединенное дворянство»; но кто же не знаетъ, что оно всегда и во всемъ охраняетъ только свои собственные—узко понятые—интересы и не имѣетъ ничего общаго съ народной массой? Весьма возможно, притомъ, что на этотъ разъ въ самомъ дворянствѣ окажутся на-лицо теченія, идущія въ разрѣзъ со взглядами его самозванныхъ вождей. Выше уже сказано о постановленіи тверского дворянскаго собранія. Предсѣдатель только-что открывшагося московскаго дворянскаго собранія—одного изъ самыхъ консервативныхъ—призналъ, въ своей вступительной рѣчи, необходимость реформъ. Правда, онъ указалъ на несвоевременность ихъ въ переживаемый моментъ, т.-е. во время войны; но этой оговоркой не уничтожается значеніе признанія, мало гармонирующаго съ обычными специфически-дворянскими рѣчами... И это не единственный признакъ поворота въ такихъ сферахъ, гдѣ до сихъ поръ всецѣло господствовало безусловно реакціонное направленіе. Если московскій «отечественный патріотическій союзъ» продолжаетъ твердить зады, посылая смѣшные протесты М. В. Челнокову и князю Г. Е. Львову, то комитетъ московскаго «монархическаго союза» высказывается за «установленіе прочнаго порядка и законности на твердыхъ началахъ свободы слова, печати, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности». Въ печати неисправимыми апологетами прошлаго и усердными защитниками реакціи или застоя остаются только оффиціозныя, почти никѣмъ не читаемыя газеты—и эта защита служитъ для министерства источникомъ скорѣе слабости, чѣмъ силы. Не лишенъ значенія тотъ фактъ, что изъ сонма хвалителей власти выбыло «Новое Время», высказавшееся противъ роспуска Думы и за программу прогрессивнаго блока.

Ближайшее будущее разрѣшитъ вопросъ о степени прочности прогрессивнаго блока. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ продержится до

исполненія или, по крайней мѣрѣ, до приступа къ исполненію его задачи.

Со смертью П. Н. Дурново крайніе правые лишились вождя, которому нельзя было отказать въ послѣдовательности и упорствѣ. Это былъ обломокъ прошлаго, уцѣлѣвшій среди развалинъ, но не находившій себѣ мѣста въ новомъ зданіи. Его послѣдняя рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ показала съ полною ясностью всю ограниченность, всю безнадежную безплодность его политическихъ воззрѣній. Вѣра въ магическую силу приказаній освобождала его отъ критической повѣрки влагаемаго въ нихъ смысла и преслѣдуемой ими цѣли. Требуя отъ другихъ только исполненія, онъ самъ не возвышался надъ уровнемъ исполнителя. Результаты его дѣятельности могли быть только отрицательными. Руководимые имъ, правые никогда не могли бы обратиться изъ реакціонеровъ въ консерваторы. И едва-ли онъ оставилъ наслѣдника, способнаго продолжать его дѣло. Между лидерами правыхъ въ Государственной Думѣ нѣтъ ни одного, кто имѣлъ бы въ своемъ активѣ хотя бы долгій административный опытъ. Плохимъ Ахилломъ былъ П. Н. Дурново, но его подражатели плохи даже въ роли ахилловыхъ мирмидонянъ. Мало похожъ на П. Н. Дурново и вновь намѣченный лидеръ правыхъ Государственнаго Совѣта: шествіе напроломъ, по всей вѣроятности, уступитъ мѣсто дипломатически осторожнымъ маневрамъ.

Скончавшіеся недавно В. И. Колюбакинъ и В. И. Покровскій сослужили большую службу земскому дѣлу, одинъ—трудясь надъ нимъ всю жизнь, другой—отдавъ ему первые годы своей дѣятельности. Пишущему эти строки довелось лично убѣдиться въ томъ, съ какою энергіей трудился В. И. Колюбакинъ во время «недорода», постигшаго Воронежскую губернію въ 1897 г. Онъ былъ въ это время предсѣдателемъ воронежской губернской земской управы, раньше посвятивъ много лѣтъ работѣ въ уѣздномъ бобровскомъ земствѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя—и перешелъ въ члены управы, напоминая тѣхъ генераловъ, которые послѣ командованія арміями становились командующими менѣе крупными войсковыми единицами, чтобы не разстаться съ любимымъ дѣломъ. Подъ вліяніемъ такого же чувства онъ пошелъ въ гласные маленькой городской думы, когда, въ моментъ торжества реакціи, не былъ выбранъ даже въ уѣздные гласные. Чтобы получить понятіе о томъ, какой глубокій слѣдъ могутъ оставить по себѣ не достигшіе—и не искавшіе—широкой извѣстности, но безгранично преданные своему дѣлу земскіе люди, нужно прочитать статью, посвященную памяти В. И. Колюбакина А. И. Шингаревымъ («Рѣчь», № 244).

В. И. Покровскій посвятилъ земскому дѣлу лишь часть своей работы сначала въ качествѣ статистика, потомъ въ качествѣ гласнаго; но ему принадлежитъ заслуга организаціи, въ Тверской губерніи, земской статистики—организаціи ея въ то время, когда она только-что вступала въ жизнь и требовала поистинѣ творческой работы. Большое значеніе имѣютъ и позднѣйшіе труды В. И. Покровскаго, какъ статистика города Петербурга и департамента таможенныхъ сборовъ министерства финансовъ. Въ послѣдніе годы жизни на немъ лежалъ громадный трудъ по статистикѣ начальной народной школы. Добрыя воспоминанія онъ оставилъ и въ вольномъ экономическомъ обществѣ, какъ предсѣдатель статистической его комиссіи.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Земскій и городской съѣзды 7—9 сентября.—Законъ объ обезпеченіи участи бѣженцевъ.—Новое «высшее государственное установленіе».—Помощь бѣженцамъ и земскій и городской союзы.—Отсрочки для окончанія образованія въ мирное время и во время войны.—«Люди иныхъ принциповъ».—К. Е. Маковскій †.

И безъ непосредственно предшествовавшаго роспуска Думы, съѣзды земскаго и городского союзовъ 7—9 сентября были бы крупнымъ общественно-политическимъ фактомъ; пріостановленіе же дѣятельности законодательныхъ учрежденій еще болѣе подняло ихъ значеніе. Безъ малѣйшей боязни впасть въ преувеличеніе, можно смѣло сказать, что въ теченіе этихъ трехъ дней взоры всей Россіи были устремлены къ Москвѣ, гдѣ, частью раздѣльно, частью объединяясь въ одно собраніе, обсуждали жгучіе вопросы минуты уполномоченные губернскихъ земствъ и городскихъ думъ. А тамъ, на съѣздахъ, невольно вставали въ памяти минуты, переживавшіяся десять лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами тому назадъ, когда тоже въ Москвѣ впервые встрѣтились мѣстные дѣятели земства и городского самоуправленія. Вспоминался майскій съѣздъ 1905-го года, итогомъ котораго были извѣстная депутація и едва-ли забытая рѣчь покойнаго князя С. Н. Трубецкого.

Эти воспоминанія, въ свою очередь, наводили мысль на сопоставленія. И во всей силѣ обнаруживалось, насколько глубокъ слѣдъ, оставленный на русской общественности послѣднимъ десятилѣтіемъ.

Наблюдая жизнь изъ года въ годъ и изо дня въ день, незамѣтно впадаешь въ ошибку. Кажется, что если и произошли измѣненія, то весьма поверхностныя. Кажется, что гражданинъ еще не народился и что тонъ общественной жизни даетъ прежній обыватель. Кажется, что, какъ было въ 1905-мъ году, общественность только ищетъ политическихъ идеаловъ, что она ничего еще не нашла и ни на чемъ не остановилась. Съѣзды 7—9 сентября, по сравненію съ майскимъ съѣздомъ 1905-го года, воочію показали, что все это только кажется. На всѣхъ предложеніяхъ и рѣшеніяхъ, не исключая предложеній и рѣшеній чисто политическаго характера, лежала печать дѣловитости и оцѣнки послѣдствій предлагаемаго. Области общихъ сужденій ораторы почти не касались. Чувствовалось, что уже создался циклъ вопросовъ, для всѣхъ одинаково ясныхъ и въ сознаніи всѣхъ разрѣшенныхъ,—вопросовъ, вокругъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть споровъ.

Можетъ быть, этимъ и объясняется то, что на съѣздахъ 7—9 сентября говорилось, сравнительно, мало—особенно на земскомъ съѣздѣ. Въ 1905-мъ году на всякаго рода съѣздахъ и собраніяхъ приходилось принимать самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы ограничивать потокъ рѣчей, ибо всѣ участники съѣздовъ и собраній были полны сомнѣній, и каждый стремился говорить, не столько для убѣжденія другихъ, сколько для того, чтобы найти въ себѣ самомъ опредѣленныя формулы воззрѣній и желаній. Тогда на съѣздахъ и собраніяхъ была сплошь, въ политическомъ смыслѣ, молодежь, несмотря на сѣдину волосъ и почтенный возрастъ весьма и весьма многихъ участниковъ. За десять лѣтъ, вопреки всѣмъ мѣрамъ, систематически направлявшимся къ тому, чтобы обыватели не выросли въ гражданъ, мы явно возмужали. По отношенію, впрочемъ, къ земскому съѣзду такой выводъ требуетъ оговорки. Рѣчей на немъ было сказано даже слишкомъ мало,—настолько мало, что содержаніе резолюціи далеко не получило всесторонняго освѣщенія. И если этотъ фактъ положить въ основу сужденія, то придется сказать, что тѣ элементы дворянства, которымъ съ 1906-го года въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ все еще принадлежитъ, только въ самое послѣднее время заколебавшееся большинство,—что эти элементы, пожалуй, въ политическомъ смыслѣ, представляютъ скорѣе ветхихъ днями обывателей, нежели возмужалыхъ гражданъ.

Общій тонъ на земскомъ съѣздѣ былъ октябристскій, съ нѣкоторыми отдѣльными отклоненіями вправо. Общій тонъ на городскомъ—кадетскій, съ замѣтнымъ отклоненіемъ влѣво. Наибольшую популярность на обоихъ съѣздахъ имѣло заявленіе прогрессивнаго блока о созданіи объединеннаго правительства изъ лицъ «пользующихся довѣріемъ страны»,—заявленіе, страдающее именно тѣмъ, что оно даетъ безграничную возможность каждому трактовать по-своему, какія политическія теченія

и кто изъ ихъ представителей пользуются въ настоящій моментъ «довѣріемъ страны». Это заявленіе получило отраженіе въ слѣдующихъ словахъ земской резолюціи: «Опасность... устранима лишь обновленіемъ власти, которая можетъ быть сильна только при условіи довѣрія страны». Въ «приговорѣ» городского съѣзда во главу средствъ «рѣшительнаго поворота на новый путь» поставлено: «На смѣну нынѣшняго правительства должны быть призваны люди, облеченные довѣріемъ народа». Лѣвое меньшинство городского съѣзда предлагало другую формулу, выдвигавшую принципъ отвѣтственнаго и коалиціоннаго министерства.

Въ соотвѣтствіи съ общимъ тономъ съѣздовъ, въ резолюціяхъ нашло рѣшительное выраженіе желаніе скорѣйшаго возобновленія занятій законодательныхъ учрежденій. Земскій съѣздъ призналъ себя обязаннымъ «вновь указать на необходимость скорѣйшаго возобновленія занятій Государственной Думы, которая одна можетъ дать незыблемую опору сильной власти». Городской съѣздъ попутно раскрылъ, что въ главенствовавшихъ на немъ политическихъ кругахъ ставится знакъ равенства между Думой четвертаго созыва и представительствомъ народа, а также, что эти круги не извѣрились въ творческія силы Думы. Въ приговорѣ городского съѣзда читаемъ: «Творческая работа народнаго представительства должна быть возобновлена безотлагательно».

Такимъ образомъ, смѣна власти другою, пользующейся «довѣріемъ страны», и созывъ Госуд. Думы—вотъ два конкретныхъ лозунга, вокругъ которыхъ объединилась на съѣздахъ земская и городская Россія. И нельзя не признать, что представители мѣстнаго самоуправленія съ полной точностью отразили въ данномъ случаѣ повсемѣстно разлитой отвѣтъ на очередной запросъ дня. Въ крайней правой печати сейчасъ открытъ походъ противъ московскихъ резолюцій. Но походъ этотъ продиктованъ отнюдь не тѣми мыслями, которыя передъ съѣздами и во время ихъ имѣли признаніе даже среди крайнихъ правыхъ политическихъ круговъ. Вслѣдъ за московскою и петроградская городская дума 26 августа приняла однородную розолюцію. Принята она, однако, была не единогласно. Восемнадцать гласныхъ-стародумцевъ не присоединились къ тексту, предложенному и принятому обновленческимъ большинствомъ, и приложили къ журналу, въ видѣ особаго мнѣнія, свой собственный. И въ этомъ текстѣ, подъ которымъ, въ ряду другихъ, стоитъ подпись главы правыхъ Госуд. Совѣта, графа А. А. Бобринскаго, въ заключительныхъ словахъ выражена «увѣренность, что будетъ создано правительство, сильное довѣріемъ народнымъ». Слѣдовательно, 26 августа даже графъ А. А. Бобринскій полагалъ, что правительство должно быть «создано», т.-е. что на

смѣну нынѣшнему правительству должно быть призвано къ власти нѣкое другое, и что это другое правительство должно обладать «силой довѣрія народа». И такія свои мысли онъ излагалъ не въ формѣ надежды, а въ формѣ «увѣренности». Да и въ Москвѣ, на земскомъ съѣздѣ, не разъ бралъ слово представитель Казанской губерніи, выдававшій свою близость къ правымъ организаціямъ воплями о нѣмецкомъ засильѣ и о дороговизнѣ; но по вопросу объ обновленіи министерства онъ говорилъ совершенно то же самое, что говорили ораторы-октябристы.

Нѣкоторое кажущееся разнорѣчіе содержатъ въ себѣ резолюція земскаго съѣзда и приговоръ городского въ отношеніи слѣдующихъ словъ послѣдняго: «Внутренній миръ и духовное единство въ странѣ—эти важныя условія побѣды должны быть обезпечены примиреніемъ и забвеніемъ прошлой политической борьбы и равенствомъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ». Дѣйствительно, такихъ словъ въ земской резолюціи не содержится; но за то въ ней есть ссылка на программу прогрессивнаго блока, ясно выраженная въ заявленіи: «Въ единомысліи съ желаніями страны, Государственная Дума намѣтила тѣ пути, которые могутъ вывести Россію изъ ниспосланныхъ ей испытаній». Въ программу же блока включены и гражданское равенство, и тѣ «примиреніе» и «забвеніе», о которыхъ, раскрывъ скобки земской резолюціи, сказалъ городской съѣздъ.

Заслуживаетъ полнаго вниманія обнаруженная обоими съѣздами готовность идти на самыя рѣшительныя уступки, дабы русская организованная общественность представилась въ тяжелую годину войны дѣйствительно единою, имѣющею различныя воззрѣнія на детали и подробности, но тѣсно сливающеюся въ общей оцѣнкѣ момента. Съѣзды не случайно были созваны на одни и тѣ же дни. Резолюція и приговоръ подготовлялись въ соединенныхъ засѣданіяхъ главныхъ комитетовъ. Не только представители центровъ на съѣздахъ, но и представители полюсовъ—праваго на земскомъ съѣздѣ и лѣваго на городскомъ,—ставили единство рѣшеній выше стремленій во что бы то ни стало дать торжество партійнымъ идеаламъ. Когда на городскомъ съѣздѣ резолюція меньшинства была отвергнута 119 голосами противъ 33-хъ, только три члена меньшинства отказались присоединиться къ рѣшенію большинства. Склонность къ уступкамъ, во имя единства, исключительно характерна въ связи съ воспоминаніями, относящимися къ 1905-мъ году.

Нельзя при этомъ забывать, что земское и городское представительства у насъ глубоко различны по классовому составу. И тамъ, и тутъ представлены классы состоятельные. Но земство, въ частности,—губернскія земскія собранія, комплектуется изъ однихъ дворянъ-землевла-

дѣльцевъ, а въ городскомъ самоуправленіи, кромѣ Петрограда и отчасти Москвы, имѣютъ подавляющее преобладаніе домовладѣльцы-купцы. Въ области хозяйственной между городами и земствомъ идетъ давняя распря. Въ области политическихъ идеаловъ начало сближенію положено всего со времени выборовъ въ Госуд. Думу, да и то избирательный законъ 3-го іюня создалъ значительное основаніе для недоброжелательства городскихъ избирателей противъ избирателей привилегированныхъ—дворянъ-землевладѣльцевъ. Готовность къ взаимнымъ уступкамъ въ этихъ условіяхъ есть тѣмъ болѣе фактъ знаменательный.

Но надъ всѣми прочими итогами земскаго и городского съѣздовъ стоитъ единодушное и горячее заявленіе о рѣшимости страны, несмотря ни на что, вести войну до побѣднаго конца. Уже стало привычнымъ, что гдѣ бы и по какому бы поводу ни собирались русскіе общественные дѣятели, они начинаютъ съ привѣтственныхъ словъ по адресу арміи и съ подтвержденія того, что составляетъ непоколебимую волю всѣхъ слоевъ и классовъ народа: достигнуть въ войнѣ побѣднаго конца и для этого конца все отдать и всѣмъ пожертвовать. «Пусть знаетъ армія—сказалъ въ своемъ приговорѣ городской съѣздъ,—что всѣ мысли и чувства гражданъ Россіи слиты въ стремленіи къ побѣдѣ, въ страстномъ желаніи всѣми силами помочь героямъ въ тяжкой борьбѣ, выпавшей на ихъ долю». Армія это знаетъ. Она знаетъ, что «по-прежнему исполненъ русскій народъ рѣшимости довести войну до конечной побѣды». Но пусть она это узнаетъ снова и снова: ея подвигъ тяжелъ и великъ. Пусть она это узнаетъ отъ союзовъ, объединившихъ все земство и всѣ города для служенія арміи и на позиціяхъ, и на этапахъ, и дома, въ тылу. Пусть она это узнаетъ отъ тѣхъ, кого она уже цѣлый годъ видитъ около себя...

Мы черезъ десять лѣтъ опять вошли въ ту полосу общественнаго настроенія, когда нельзя, съ усмѣшкой и съ пренебреженіемъ, слова противополагать дѣлу,—когда въ вѣрно сказанныхъ словахъ уже заключается дѣло. И въ этомъ смыслѣ, независимо отъ практическихъ послѣдствій, которыя будутъ имѣть резолюціи съѣздовъ или которыхъ онѣ имѣть не будутъ, съѣзды 7—9 сентября сдѣлали дѣло, и дѣло большое. Съѣзды закрѣпили тѣ мысли и чувства, которыми охвачены земство и города, большіе и малые центры общественности, близкіе къ театру военныхъ дѣйствій и далекіе отъ него раіоны. Съѣзды громко и отчетливо сказали, въ чемъ лежитъ залогъ укрѣпленія внутренняго «резерва арміи». Съѣзды были до конца искренни, и уже въ этомъ одномъ заключается большая цѣнность ихъ резолюцій.

За протекшіе до начала войны два года законодательной дѣятельности четвертой Государственной Думы, намъ не разъ приходилось отмѣчать, что не только въ отношеніи законодательнаго творчества, но и въ отношеніи простой техники составленія законовъ, она далеко не стоитъ на должной высотѣ. Къ сожалѣнію, этими же свойствами замѣтно отличалась работа Думы и въ послѣднюю, такъ быстро оборвавшуюся сессію. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы останавливались на «переработанномъ» комиссіей Думы проектѣ закона о военной цензурѣ, который долженъ былъ подарить «свободѣ» печати драконовскія кары и подсудность «военно-судебнымъ установленіямъ», т.-е. всѣмъ разнообразнымъ формамъ военнаго суда по законамъ военнаго времени, не исключая и суда военно-полевого. Эти предположенія, возникшія не по требованію правительства, а по собственной иниціативѣ думской комиссіи, силы закона не получили, такъ какъ 3-го сентября, въ тотъ самый день, когда разсмотрѣніе проекта должно было быть закончено, Дума была распущена. Но «творчество», проявленное Думой въ регламентированіи вопроса о бѣженцахъ, съ 30 августа стало дѣйствующимъ закономъ.

Когда «положеніе объ обезпеченіи нуждъ бѣженцевъ» разсматривалось въ Государственной Думѣ, программа прогрессивнаго блока еще не была подписана. Но едва-ли будетъ ошибкою сказать, что фактически блокъ уже существовалъ. Слѣдовательно, во-первыхъ, все то, что внесено и не внесено въ положеніе по иниціативѣ Думы, вполнѣ возможно оцѣнивать подъ угломъ зрѣнія программы блока и, во-вторыхъ, отвѣтственнымъ за эту иниціативу является уже не право-октябристское большинство, а большинство блока, включающее въ себя солидныя юридическія силы двухъ оппозиціонныхъ фракцій.

По правительственному законопроекту, для обсужденія и объединенія всѣхъ мѣръ по обезпеченію участи бѣженцевъ предполагалось образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «особое совѣщаніе по устройству бѣженцевъ». Думская комиссія по направленію законодательныхъ предположеній не встрѣтила возраженій противъ образованія совѣщанія, но, какъ видно изъ ея доклада, «съ своей стороны полагала необходимымъ, въ виду особой важности мѣропріятій, касающихся бѣженцевъ, предоставить этому совѣщанію самостоятельное значеніе, придавъ ему характеръ высшаго государственнаго установленія». И Дума мнѣніе комиссіи раздѣлила. Государственный Совѣтъ, какъ извѣстно, намѣренно принялъ проектъ Думы безъ всякихъ измѣненій.

Такъ создалась ст. 9 положенія, которая гласитъ: «Особое совѣщаніе по устройству бѣженцевъ есть высшее государственное установленіе. Никакое правительственное мѣсто или лицо не даетъ особому совѣщанію предписаній и не можетъ требовать отъ него отчета».

Въ этомъ опредѣленіи, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе терминъ «высшее государственное установленіе». Этотъ терминъ, въ прежнемъ нашемъ законодательствѣ, дѣйствительно существовалъ, и слѣдъ его остался въ ст. 1 учрежденія Правительствующаго Сената, гдѣ говорится, что Сенату подчинены «всѣ вообще мѣста и установленія въ Имперіи, кромѣ высшихъ государственныхъ установленій». Но если обратиться къ дѣйствующимъ учрежденіямъ Государственнаго Совѣта и Думы, то окажется, что даже законодательныя палаты нынѣ «высшими государственными установленіями» не именуются. «Государственный Совѣтъ—гласитъ ст. 1 его учрежденія—составляетъ государственное установленіе, въ коемъ обсуждаются законодательныя предположенія». А что касается Думы, то даже одно скромное именованіе государственнымъ установленіемъ, безъ эпитета «высшее», ей не присвоено. Слѣдовательно, строгій догматикъ долженъ признать, что ближе всего къ «особому совѣщанію по устройству бѣженцевъ» изъ всѣхъ нашихъ мѣстъ и установленій подходитъ только Государственный Совѣтъ, но что и онъ стоитъ степенью ниже, ибо ему принадлежитъ наименованіе государственнаго установленія просто, а особому совѣщанію по устройству бѣженцевъ—съ прибавкою «высшее».

Допустимъ, однако, что желаніе Думы поднять «самостоятельное значеніе» особаго совѣщанія по устройству бѣженцевъ не шло далѣе снабженія его тѣмъ положеніемъ, которое принадлежитъ Государственному Совѣту. Но какъ могло законодательное учрежденіе не замѣтить, что, желая придать совѣщанію «самостоятельное значеніе», оно абсолютно никакой самостоятельностью его не снабдило? Вопреки деклараціи ст. 9-й, совѣщаніе, какъ явствуетъ изъ положенія, не только не представляетъ собою «высшаго государственнаго установленія», но и вообще установленіемъ не можетъ быть названо, ибо никакой властью ни въ какомъ отношеніи оно не обладаетъ. Перечисляя въ ст. 2-й мѣста и лица, на которыя возложены «заботы по обезпеченію матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ бѣженцевъ», положеніе о совѣщаніи не упоминаетъ. Распоряженіе кредитами предоставлено цѣликомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Ему же принадлежитъ исключительное право вносить дѣла на разсмотрѣніе совѣщанія. Словомъ, особое совѣщаніе по устройству бѣженцевъ есть не болѣе, какъ обычнаго типа совѣщаніе при министрѣ, и всѣ задачи его сводятся къ тому, что оно можетъ высказывать мнѣнія, для министра отнюдь не обязательныя. «О всѣхъ засѣданіяхъ особаго совѣщанія—значится въ ст. 15-й—составляются журналы, съ указаніемъ мнѣнія большинства и тѣхъ особыхъ мнѣній, которыя несогласные съ большинствомъ члены совѣщанія пожелаютъ занести въ журналъ. На журналахъ отмѣчается и принятое предсѣдателемъ рѣшеніе по обсужденному вопросу».

Что же это за «высшее государственное установленіе», которому «никакое правительственное мѣсто или лицо не даетъ предписаній» и которое, въ то же время, выноситъ лишь мнѣнія, дабы по ознакомленіи съ этими мнѣніями, но отнюдь не считая ихъ для себя обязательными, принималъ рѣшенія министръ внутреннихъ дѣлъ,—лицо, подчиненное Правительствующему Сенату? Можно съ увѣренностью сказать, что «никакое правительственное мѣсто или лицо» и случая никогда имѣть не будетъ дать совѣщанію предписаніе или потребовать отъ него отчета, но не потому, что это запрещено закономъ, а по причинѣ, гораздо болѣе простой. Давать предписанія и требовать отчета можно только по отношенію къ такому органу, который имѣетъ опредѣленные кругъ вѣдомства и степень власти. Въ дѣлѣ обезпеченія нуждъ бѣженцевъ единственнымъ такимъ центральнымъ органомъ является министръ внутреннихъ дѣлъ. Къ нему только и могутъ быть обращаемы предписанія и отъ него только и можно требовать отчета. Что и кто можетъ предписать совѣщанію, если совѣщаніе даже не обладаетъ правомъ иниціативы въ разсмотрѣніи «дѣлъ и вопросовъ»? Какой, въ чемъ и кому оно можетъ дать отчетъ, если все, что бы оно ни сдѣлало, покрывается формулой: «такъ рѣшилъ министръ внутреннихъ дѣлъ»?

При подобной конструкціи совѣщанія, совершенно непонятно, почему для членовъ его установлена подсудность верховному уголовному суду на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ опредѣлена подсудность членовъ законодательныхъ учрежденій. Во-первыхъ, разъ члены совѣщанія лишены какой бы то ни было власти, трудно представить себѣ, что специфическаго, требующаго столь исключительнаго изъятія, могутъ заключать въ себѣ преступныя дѣянія, совершенныя ими «при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей». А, во-вторыхъ, едва-ли можно найти оправданіе тому, что будутъ подлежать не общему уголовному, а «верховному» суду, напримѣръ, представитель комитета бакинскаго мусульманскаго благотворительнаго общества, или представитель еврейскаго комитета помощи жертвамъ войны,—лица, во всякомъ случаѣ, стоящія не на одномъ уровнѣ государственнаго значенія съ членами Государственнаго Совѣта и Думы и съ министрами.

Опредѣленіе чрезвычайнаго порядка отвѣтственности за преступныя дѣянія, равно какъ и присвоеніе совѣщанію наименованія «высшаго государственнаго установленія», свидѣтельствуютъ, что у думской комиссіи, а вслѣдъ за нею и у общаго собранія Думы, была мысль создать изъ совѣщанія по устройству бѣженцевъ нѣкое новшество, не укладывающееся въ рамки существующихъ органовъ управленія. Мысль, однако, осталась вовсе нереализованной. И въ результатѣ получились сплошныя юридическія и логическія противорѣчія. Не

одни представители національныхъ благотворительныхъ организацій оказались, въ отношеніи подсудности, на положеніи членовъ законодательныхъ палатъ и министровъ, но наравнѣ съ ними и чиновники вѣдомствъ, начальствомъ назначаемые въ составъ совѣщанія. И этимъ чиновникамъ тоже, оказывается, «никакое мѣсто или лицо» не можетъ давать предписаній.

Но наиболѣе характернымъ, въ смыслѣ неустранимаго внутренняго противорѣчія, является включеніе въ составъ совѣщанія по семи членовъ Госуд. Совѣта и Думы, «по избранію сихъ установленій». Министерскій проектъ допускалъ участіе въ совѣщаніи членовъ законодательныхъ учрежденій, но не по избранію «сихъ установленій», а по приглашенію министра внутреннихъ дѣлъ, т.-е. проектъ допускалъ ихъ индивидуальное участіе въ министерской работѣ, какъ опредѣленныхъ лицъ, полезныхъ своимъ опытомъ и своимъ желаніемъ работать. Думская же комиссія признала, что члены законодательныхъ учрежденій должны входить въ совѣщаніе по избранію Думы и Гос. Совѣта, т.-е. включила въ составъ совѣщанія представителей законодательныхъ учрежденій. Надо думать, что именно въ силу этого явились и наименованіе совѣщанія «высшимъ государственнымъ установленіемъ», и запретъ давать ему предписанія, и чрезвычайная подсудность. Но если, въ результатѣ, буква закона подняла вѣдомственныхъ чиновниковъ и представителей національныхъ благотворительныхъ организацій на положеніе членовъ законодательныхъ учрежденій, то содержаніе закона опустило членовъ Думы и Государственнаго Совѣта до положенія обывателей и чиновниковъ. Мыслимы ли, безъ нарушенія всей сути конституціонализма, такія условія, при которыхъ законодательныя учрежденія делегируютъ своихъ членовъ въ правительственный совѣщательный органъ для того, чтобы они, ни въ чемъ и ничѣмъ не стѣсняя министра, помогали ему своими совѣтами и мнѣніями вести порученное ему дѣло? Думается, что на этотъ вопросъ двухъ отвѣтовъ быть не можетъ.

Изъ того, чего Дума не внесла въ положеніе объ обезпеченіи нуждъ бѣженцевъ, заслуживаетъ особаго вниманія умолчаніе о роли и значеніи въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ земскаго и городского союзовъ. Въ программѣ прогрессивнаго блока отмѣчена необходимость скорѣйшаго проведенія закона «о земскихъ и городскихъ съѣздахъ и союзахъ», какъ мѣры, «направленной къ организаціи страны для содѣйствія побѣдѣ и къ поддержанію внутренняго мира». Дѣйствительно, годичный опытъ показалъ, что земскій и городской союзы являются самымъ могучимъ общественнымъ факторомъ «организаціи побѣды». Показалъ онъ также и то, что въ дѣлѣ обезпеченія участи бѣженцевъ всего вѣрнѣе можно разсчитывать на успѣхъ при условіи руко-

водительства работой на мѣстахъ со стороны союзовъ. Но не могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, не знать соединившіеся въ прогрессивный блокъ члены Думы, какія препятствія сопровождали и сопровождаютъ на каждомъ шагу дѣятельность союзовъ, въ виду отсутствія законной регламентаціи этой дѣятельности. Между тѣмъ, въ прошедшемъ черезъ Государственную Думу законѣ о бѣженцахъ мѣста для работы земскаго и городского союзовъ не нашлось.

По ст. 10-ой положенія, въ составъ совѣщанія по устройству бѣженцевъ входятъ «представители всероссійскихъ земскаго и городского союзовъ, по одному отъ каждаго, по избранію ихъ комитетовъ». И больше о союзахъ въ положеніи—ни звука. А въ то же время главная мѣстная работа возложена на земскія учрежденія и на городскія общественныя управленія. Такимъ образомъ, черезъ положеніе съ полной послѣдовательностью проведена та самая тенденція, которой держался весной, въ отношеніи дѣла борьбы съ заразными болѣзнями, Н. А. Маклаковъ. Законъ о бѣженцахъ совершенно ясно опредѣляетъ, что земство и города должны вести дѣло помощи бѣженцамъ, строго оставаясь въ рамкахъ, очерченныхъ для нихъ земскимъ и городовымъ положеніями,—т.-е. въ условіяхъ губернаторскаго руководительства и надзора. Между тѣмъ, если до изданія этого закона и было что-либо сдѣлано по обезпеченію нуждъ бѣженцевъ, то только союзами. И на мѣстахъ всѣ уже понимаютъ, какая разница между работой земскаго и городского самоуправленія въ условіяхъ губернаторскаго руководительства, съ одной стороны, и работой въ условіяхъ руководительства изъ Москвы главными комитетами союзовъ—съ другой.

Съ тяжелымъ чувствомъ былъ встрѣченъ на съѣздахъ 7—9 сентября только-что распубликованный передъ тѣмъ законъ объ обезпеченіи нуждъ бѣженцевъ. Въ программу съѣздовъ входилъ выработанный главными комитетами планъ помощи бѣженцамъ. Пріѣхавшіе съ мѣстъ ссылались на законъ, составленный Государственной Думой, и, еще не зная его содержанія, выражали увѣренность, что, наконецъ, дѣло можно будетъ вести не «явочнымъ» порядкомъ, не отъ одного отпуска аванса до другого. Имъ приходилось объяснять, что въ отношеніи совмѣстной дѣятельности земскихъ учрежденій и городовъ разныхъ губерній все осталось по-старому, что годичное существованіе союзовъ и всѣми признанную ихъ работу Дума обошла молчаніемъ, что планъ помощи вновь придется проводить въ условіяхъ ежедневныхъ треній. Въ резолюціяхъ по вопросу о бѣженцахъ оба съѣзда подчеркнули, что «только дружной совмѣстной работой всѣхъ дѣйствительныхъ силъ страны, объединенныхъ общимъ руководствомъ центральныхъ органовъ земскаго и городского союзовъ, какъ организацій всероссійскихъ, можно еще внести извѣстный порядокъ въ дѣло устройства бѣженцевъ».

Созданіе конструктивныхъ противорѣчій въ законѣ и устраненіе отъ дѣла помощи бѣженцамъ земскаго и городского союзовъ, само собою разумѣется, отнюдь не входило въ намѣренія прогрессивнаго блока. На законѣ объ обезпеченіи участи бѣженцевъ просто отразилось въ полной мѣрѣ то самое, о чемъ говорилъ по поводу законопроекта о военной цензурѣ В. А. Маклаковъ, вспоминая «обстоятельства» принятія въ 1912-мъ году третьей Думой закона о шпіонствѣ. Этотъ законъ В. А. Маклаковъ назвалъ «грѣхомъ третьей Думы», — грѣхомъ, явившимся слѣдствіемъ разсмотрѣнія его въ «вермишельномъ» порядкѣ. Законъ о бѣженцахъ разсматривался не въ порядкѣ «вермишели». Напротивъ, по поводу его говорилось много и весьма содержательныхъ рѣчей. Но это все были рѣчи на общеполитическія темы и на тему о положеніи и о нуждахъ бѣженцевъ «вообще». Изъ текста же рѣчей далеко не видно, что выступавшіе ораторы дали себѣ трудъ тщательно изучить то, что́ предлагала думская комиссія. А комиссія тоже, повидимому, не отнеслась съ достаточной продуманностью, съ одной стороны, къ тѣмъ болѣе или менѣе красивымъ мыслямъ, которыя зародились въ ея средѣ при обсужденіи министерскаго проекта, а съ другой—къ сопоставленію содержанія проекта въ цѣломъ и въ его отдѣльныхъ частяхъ.

Скорѣйшее возобновленіе занятій Думы необходимо. И когда ея занятія будутъ возобновлены, на прогрессивномъ блокѣ будетъ лежать долгъ самаго внимательнаго отношенія къ техникѣ разработки законопроектовъ въ комиссіяхъ и къ «обстоятельствамъ» прохожденія ихъ черезъ общія собранія Думы. Сложившіеся за время третьей Думы «навыки» настоятельно требуютъ рѣшительной внутридумской реформы.

Съ тѣхъ поръ, какъ, въ виду войны, послѣдовала отмѣна льготъ перваго разряда по семейному положенію, естественно всталъ на очередь вопросъ объ отсрочкахъ призыва для окончанія образованія. Въ теченіе послѣдняго времени извѣстія о связанныхъ съ этимъ вопросомъ предположеніяхъ правительства не сходятъ со столбцовъ газетъ, но эти извѣстія отличаются самой крайней противорѣчивостью. То сообщается изъ «авторитетныхъ источниковъ», что отсрочки рѣшено отмѣнить, то, наоборотъ, что отсрочки останутся въ силѣ, вслѣдствіе избытка молодыхъ людей, желающихъ добровольно поступить въ военныя училища съ сокращеннымъ курсомъ.

Вопросъ имѣетъ двѣ стороны: практическую и принципіальную. Со стороны практической онъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о потребности арміи въ молодыхъ людяхъ, годныхъ для пополненія офи-

церскаго состава. И въ этомъ смыслѣ онъ, конечно, имѣетъ весьма существенное значеніе, но то или иное его рѣшеніе опредѣляется не столько общими соображеніями, сколько цифровыми и другими отчетнаго характера данными. Принципіальная же сторона вопроса требуетъ положительнаго его разрѣшенія совершенно независимо отъ того, какъ велика потребность арміи въ молодыхъ людяхъ, не призванныхъ на военную службу вслѣдствіе нахожденія ихъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, впредь до окончанія ими курса или достиженія предѣльнаго возраста.

Главной основой, на которой построена система всеобщей воинской повинности, служитъ начало равенства, въ смыслѣ равенства тяготы, налагаемой на населеніе и на отдѣльныхъ лицъ обязанностью съ оружіемъ въ рукахъ защищать родину. Согласно этому началу, воинская повинность не знаетъ ни привилегій происхожденія, ни привилегій состоятельности и степени полученнаго образованія. Молодые люди всѣхъ сословій и классовъ, безотносительно къ образовательному цензу, обязаны отбывать повинность на одинаковыхъ основаніяхъ. Сокращеніе, въ зависимости отъ образовательнаго ценза, сроковъ службы нарушенія принципа не вноситъ, ибо въ мирное время, когда армія предоставляетъ собою школу для приготовленія солдатъ къ войнѣ, оно оправдывается тѣмъ, что новобранцы съ образовательнымъ цензомъ скорѣе могутъ пройти военную науку, нежели неграмотные или малограмотные. Въ военное же время ни для кого никакихъ сроковъ военной службы не существуетъ, а всѣ безъ исключенія воинскіе чины обязаны оставаться подъ знаменами, либо до утраты здоровья, либо до окончанія войны.

Что касается отсрочекъ до окончанія образованія, то въ мирное время онѣ также точно имѣютъ полное оправданіе. Государство чрезвычайно нуждается въ гражданахъ, получившихъ законченное высшее или хотя бы только среднее образованіе. И чѣмъ менѣе образованіе въ странѣ развито, тѣмъ болѣе бережно государство должно относиться къ препятствіямъ успѣшнаго прохожденія школы желающими и могущими ее пройти. Среди такихъ препятствій, перерывъ на срокъ военной службы, какъ учитъ опытъ, имѣетъ весьма существенное вліяніе. Съ другой стороны, и государству, и арміи совершенно безразлично, будетъ ли опредѣленная группа молодыхъ людей поступать въ войска въ общій призывной возрастъ, или на нѣсколько лѣтъ позже, ибо эта группа настолько, сравнительно, невелика, что на общемъ возрастномъ составѣ арміи система отсрочекъ отразиться замѣтно не можетъ. Равнымъ образомъ, и начала равенства въ мирное время отсрочки не нарушаютъ. Условія прохожденія военной службы въ мирное время совершенно одинаковы какъ въ одномъ, такъ и въ

другомъ году. А потому, если одно лицо было призвано на 21-мъ году отъ роду, а другое на 23-мъ или на 25-мъ, то никакихъ преимуществъ второе по сравненію съ первымъ не получило и ничѣмъ второе интересовъ перваго не нарушило.

Но въ обстоятельствахъ военнаго времени положеніе вопроса кореннымъ образомъ измѣняется. Въ моментъ войны армія—не школа для приготовленія солдатъ, а боевая сила страны. Въ моментъ войны боевая защита отечества обращается изъ отвлеченнаго требованія, изъ лозунга, въ реальный фактъ. Въ моментъ войны солдатъ не готовится жертвовать жизнью, какъ въ мирное время, не воспитывается для этой готовности, а обязанъ ею жертвовать и жертвуетъ. И въ этотъ моментъ отсрочки вступаютъ въ непримиримое противорѣчіе съ началомъ равенства. Отсрочки получаютъ характеръ привилегіи, освобожденія отъ военной опасности. Въ то время, какъ одни стоятъ лицомъ къ лицу передъ этой высшей для человѣка опасностью,—передъ опасностью лишиться жизни,—другіе ей не подвергаются. Никакія соображенія посторонняго свойства, хотя бы такія, какъ потребность государства въ лицахъ, имѣющихъ высшее образованіе, не въ силахъ оправдать этого, ничѣмъ не компенсируемаго неравенства. Конечно, если для двухъ, трехъ и болѣе возрастныхъ классовъ будетъ нарушено нормальное прохожденіе высшей школы и нормальное окончаніе средней, это не можетъ остаться безъ слѣда на будущей мирной жизни страны. Но одной ли этой трудно поправимой жертвы требуетъ безпримѣрная война? Только ли съ этимъ придется считаться, когда война будетъ доведена до побѣднаго конца?

У насъ, по особенностямъ нашихъ условій полученія высшаго образованія, сохраненіе отсрочекъ въ дни переживаемой войны обращаетъ на себя особое вниманіе потому, что фактически отсрочки освобождаютъ отъ военной опасности лишь молодыхъ людей состоятельныхъ классовъ. Среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ гимназій и реальныхъ училищъ у насъ есть и сыновья крестьянъ, и «кухаркины дѣти». Но, все-таки, для молодыхъ людей изъ несостоятельныхъ классовъ прохожденіе всѣхъ ступеней школы составляетъ рѣдкое исключеніе. Для молодыхъ же людей состоятельныхъ классовъ—скорѣе общее правило, нежели исключеніе. А потому въ глазахъ крестьянъ и рабочихъ отсрочки, несомнѣнно, имѣютъ всѣ признаки классовой привилегіи «господъ». И если они въ настоящее время сѣтуютъ на отсрочки, то для того у нихъ есть совершенно достаточное фактическое основаніе. Разъ изъ массъ населенія уже приняты на военную службу и посланы въ условія боевой опасности и единственные сыновья, и девятнадцатилѣтніе юноши, то никакіе доводы не разубѣдятъ массы въ томъ, что отлагать при-

зывъ сыновей «господъ», поступившихъ въ университеты, на то время, когда войны и боевой опасности не будетъ, есть мѣра, ведущая къ неуравнительности и несправедливости.

Насколько отсрочки во время войны нарушаютъ начало равенства въ боевой защитѣ отечества, настолько не можетъ служить разрѣшеніемъ вопроса вызовъ для поступленія въ военныя училища студентовъ-добровольцевъ. Воинская повинность есть обязанность, и потому все, ея касающееся, должно имѣть разрѣшеніе въ законѣ, а отнюдь не въ доброй волѣ тѣхъ или иныхъ молодыхъ людей. Нельзя такъ ставить вопросъ объ отсрочкахъ и психологически. Боевая опасность представляетъ собою нѣчто столь громадное, что невозможно требовать, чтобы у всѣхъ была готовность подвергнуть себя этой опасности по доброй волѣ. Не даромъ давно уже сложилось, какъ повѣрье, что на войну не должно проситься и что на войнѣ не должно ни просить боевыхъ порученій, ни предлагать свои услуги, а должно лишь идти, куда посылаютъ, и исполнять, что̀ приказываютъ. Тѣхъ, кто не имѣютъ отсрочекъ, не спрашиваютъ, желаютъ они или нѣтъ идти на службу. Почему же имѣющимъ отсрочки предоставлять самимъ рѣшать тотъ роковой вопросъ, съ которымъ неразрывно связанъ вопросъ о сохраненія здоровья и даже жизни?

Такимъ образомъ, принципіальная оцѣнка вопроса объ отсрочкахъ неустранимо требуетъ его разрѣшенія въ смыслѣ ихъ отмѣны. Практическая же сторона вопроса занимаетъ уже второе мѣсто, ибо касается средствъ и способовъ наиболѣе цѣлесообразнаго использованія интеллигентной молодежи. Въ данномъ отношеніи нынѣшняя война въ корнѣ перевернула тѣ воззрѣнія на средства пополненія убыли офицерскаго состава, которыя господствовали и у насъ по примѣру германской литературы. Институтъ сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ такъ называемыхъ подпрапорщиковъ едва-ли полностью оправдалъ связывавшіяся съ нимъ ожиданія. Институтъ же прапорщиковъ показалъ себя на большой высотѣ. Сравнительно съ обычнымъ офицерскимъ составомъ, подпрапорщики не обладаютъ надлежащимъ общимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, при наличности достаточныхъ техническихъ знаній и навыковъ. А прапорщики, такъ называемые прапорщики запаса, наоборотъ, не обладаютъ техническими знаніями и навыками, при наличности интеллектуальнаго развитія. Если же прапорщики оказались элементомъ болѣе пригоднымъ для замѣны офицеровъ, нежели подпрапорщики, то опытъ, слѣдовательно, засвидѣтельствовалъ, что, по своему командному значенію въ бою, общее интеллектуальное развитіе стоитъ на войнѣ выше техническихъ знаній и навыковъ.

Отсюда самъ собою вытекаетъ и дальнѣйшій выводъ. Для замѣ-

щенія убыли въ офицерскомъ составѣ слѣдуетъ не понижать цензовыя условія поступленія въ военныя училища на сокращенный курсъ, а привлечь къ ускоренной подготовкѣ для службы въ офицерскомъ званіи университетскую молодежь, понимая подъ нею, конечно, не только студентовъ университетовъ, но студентовъ и слушателей всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній вообще. Но при этомъ, по тому же принципу наилучшаго использованія интеллектуальныхъ силъ страны, несомнѣнно должны быть допущены и отступленія, и изъятія. Война потребовала мобилизацію промышленности и напряженную работу фабрикъ и заводовъ. Въ этихъ видахъ освобождены отъ призыва въ войска квалифицированные рабочіе. На тѣхъ же основаніяхъ надлежитъ освобождать и студентовъ-техниковъ, подъ условіемъ работы на нужды войны въ области ихъ спеціальныхъ знаній.

Отсрочки для окончанія образованія съ самаго начала войны создали у насъ явно ненормальное положеніе для учебныхъ заведеній. Первыя зданія, которыя были заняты въ Петроградѣ и въ Москвѣ подъ лазареты,—это зданія городскихъ начальныхъ училищъ. Дѣло начальной школы не остановлено, но обученіе ведется въ чрезвычайно неблагопріятной обстановкѣ частныхъ квартиръ и двухъ очередей. Затѣмъ съ весны стали постепенно отводиться подъ лазареты зданія среднихъ учебныхъ заведеній. Зданія же высшихъ учебныхъ заведеній остаются и до настоящаго времени не занятыми. А, между тѣмъ, жизнь высшей школы была въ прошломъ году несомнѣнно разстроена. Будетъ она разстроена и въ нынѣшнемъ. Да едва-ли и мыслимо, чтобы было иначе. Гимназисты—дѣти, и если только ихъ искусственно не отвлекать отъ занятій, они учиться будутъ и учиться должны. Университетская же молодежь въ полной мѣрѣ живетъ тѣми интересами и всѣмъ тѣмъ вообще, чѣмъ живутъ общество, страна. Какъ молодежь, она даже особенно экспансивно реагируетъ на всѣ событія жизни, ея мысли и чувства особенно захвачены войной. Не до науки теперь студентамъ. Сотни, а во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣстѣ—навѣрное тысячи студентовъ ушли на войну добровольцами. Другія тысячи служатъ санитарами въ передовыхъ отрядахъ, работаютъ на фронтахъ въ безчисленныхъ учрежденіяхъ земскаго и городского союзовъ, принимаютъ раненыхъ съ поѣздовъ, доставляютъ ихъ въ лазареты. И если аудиторіи пустуютъ, то упрекать за это студентовъ нельзя. Но зачѣмъ сохранять фикцію ненарушимости университетскаго преподаванія?

Главная бѣда нашихъ «патріотовъ» въ кавычкахъ, когда они обособляются въ общемъ дѣлѣ для того, чтобы кому-то что-то показать и

кому-то въ чемъ-то служить примѣромъ,—денежная нечистоплотность. Не избѣгло, въ данномъ отношеніи, общей участи и курское земство—единственное на всю Россію, не пожелавшее влиться въ всероссійскій земскій союзъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Печальную картину если не прямыхъ хищеній, то, выражаясь мягко, широкаго «самовоспособленія», раскрылъ докладъ ревизіонной комиссіи послѣднему курскому экстренному земскому собранію (см. «Русское Слово», № 203).

Курское земство откололось съ самаго перваго дня, какъ только возникла мысль о земскомъ союзѣ, и оно тогда громко подчеркнуло свое нежеланіе идти въ общемъ дѣлѣ рука объ руку со всѣми земскими губерніями. Можетъ быть, этотъ отколъ и не былъ инспирированъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, былъ сочувственно встрѣченъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковымъ. По крайней мѣрѣ, курское земство сразу стало трактоваться, какъ организація параллельная и равноцѣнная всероссійскому земскому союзу. На одинаковыхъ началахъ оно получало и получаетъ казенныя деньги, и въ дѣлѣ открытія кредитовъ совѣтъ министровъ обнаруживалъ къ нему не разъ даже нѣсколько болѣе повышенную предупредительность.

И вотъ, въ итогѣ, ревизіонная комиссія сочла своимъ долгомъ отмѣтить, что курскіе уполномоченные, не въ примѣръ уполномоченнымъ общеземскаго союза, получали по пятисотъ рублей жалованья въ мѣсяцъ, выписывали себѣ сверхъ того по десяти рублей суточныхъ и еще ставили въ счетъ губернскому земству какія-то «чаевыя» и «столовыя». Подвижной госпиталь курскаго земства, какъ докладывала ревизіонная комиссія, отличается «неподвижностью», вслѣдствіе чего изъ десяти мѣсяцевъ онъ работалъ только въ теченіе шести съ половиной. Поѣздъ-баня обслуживалъ войска всего сорокъ дней, находясь остальное время въ глубокомъ тылу.

Въ виду такихъ данныхъ, одинъ изъ гласныхъ предложилъ собранію ликвидировать обособленныя учрежденія курскаго земства на фронтахъ и передать ихъ земскому союзу. Предложеніе это вызвало со стороны «зубровъ» самые рѣшительные протесты, и курское земство осталось отщепенцемъ. Членъ Думы Н. Е. Марковъ, по словамъ корреспондента, «вмѣсто возраженій, просто выбранился площаднымъ ругательствомъ по адресу общеземскаго союза, гдѣ работаютъ «люди иной породы и иныхъ принциповъ»... Онъ правъ: въ земскомъ союзѣ работаютъ люди «иныхъ принциповъ», —тѣхъ принциповъ, которые не позволяютъ обращать святое дѣло помощи раненымъ въ средство «самовоспособленія». Курская губернія тоже когда-то знала людей этихъ «иныхъ принциповъ»: князя Петра Дм. Долгорукова, А. Н. фонъ-Рутцена, Н. В. Ширкова, предсѣдателя управы

Н. В. Раевскаго. Люди этой «породы» въ 1906 и 1907 гг. почти вездѣ въ земствѣ были вытѣснены «зубрами». Въ другихъ губерніяхъ, однако, уже наступилъ поворотъ. Въ курской же еще главенствуютъ гг. Марковы, и съ тѣхъ поръ какъ курская губернія осталась единственной, не скинувшей оковъ мести и страха, которыми были охвачены десять лѣтъ тому назадъ дворяне-землевладѣльцы, «засилье» въ ней зубровъ сдѣлалось особенно замѣтнымъ пятномъ на земской Россіи.

Случайность уличнаго городского движенія унесла въ могилу крупную жертву. Вагонъ трамвая наскочилъ на извозчичью пролетку, пролетка опрокинулась, и ѣхавшій въ ней знаменитый художникъ-живописецъ К. Г. Маковскій расшибся на смерть.

Имя покойнаго Константина Егоровича Маковскаго пользовалось исключительной извѣстностью, начиная со столицъ и кончая самыми глухими углами. Столицы знали его картины по выставкамъ и музеямъ, уѣзды и села—по безчисленнымъ ихъ воспроизведеніямъ. Оцѣнкѣ творчества К. Г. Маковскаго будетъ посвящена въ «Вѣстникѣ Европы» особая статья. Широкую публику привлекали къ произведеніямъ его кисти богатство красокъ, яркость освѣщенія и эффектность композиціи. Въ этомъ отношеніи, всѣмъ памятны такія его картины, какъ, напримѣръ, «Русалки», «Боярскій свадебный пиръ» и «Выборъ невѣстъ царемъ».

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Владиміръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изданіе 6-е, Сергѣя Соловьева. М. 1915. Стр. X+359. Ц. 2 р. 50 к.

Новое прекрасное изданіе стихотвореній знаменитаго философа невольно останавливаетъ вниманіе на себѣ. Настоящее шестое изданіе значительно полнѣе предыдущихъ. Редакторомъ-издателемъ, племянникомъ Влад. Соловьева, включено сюда болѣе тридцати стихотвореній, не входившихъ въ прежнія изданія. Часть этихъ стихотвореній была по смерти автора напечатана въ разныхъ журналахъ, письмахъ Соловьева и пр., часть печатается въ шестомъ изданіи съ рукописей впервые. Эти новыя вещи прежде всего привлекаютъ читателя, и въ нихъ, какъ вообще въ лирикѣ Соловьева, мы находимъ образное, иногда очень звучное и красивое, отраженіе всю жизнь страстно волновавшихъ его идей.

Лирика вообще—писалъ объ ней Соловьевъ—«есть подлинное откровеніе души человѣческой... Въ поэтическомъ откровеніи нуждаются не болѣзненные наросты и не пыль и грязь житейская, а лишь внутренняя красота души человѣческой, состоящая въ ея созвучіи съ объективнымъ смысломъ вселенной, въ ея способности индивидуально воспринимать и воплощать этотъ всеобщій существенный смыслъ міра и жизни» (изъ статьи «О лирической поэзіи»). Такъ и лирика самого философа посвящена его сокровеннымъ мистическимъ настроеніямъ, въ которыхъ категорія красоты занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. «Въ концѣ—писалъ онъ въ предисловіи къ третьему изданію своихъ стихотвореній—Вѣчная красота будетъ плодотворна, и изъ нея выйдетъ спасеніе міра, когда ея обманчивыя подобія исчезнутъ, какъ та морская пѣна, что родила простонародную Аѳродиту. *Этой* мои стихи не служатъ ни единымъ словомъ, и вотъ единственное достоинство, которое я могу и долженъ за ними признать».

Въ числѣ впервые появляющихся стихотвореній Соловьева находимъ полностью то стихотвореніе, которое самъ авторъ нѣсколько разъ, по частямъ, цитировалъ въ своихъ философскихъ трудахъ, какъ образъ и иллюстрацію самыхъ дорогихъ своихъ мыслей:

Какъ въ чистой лазури затихшаго моря
Вся слава небесъ отражается,
Такъ въ свѣтѣ отъ страсти свободнаго духа
Намъ вѣчное благо является.

Но глубь недвижимая въ мощномъ просторѣ
Все та же, что въ бурномъ волненіи;
Могучій и ясный въ свободномъ покоѣ,
Духъ тотъ же и въ страстномъ хотѣніи.

Свобода, неволя, покой и волненье
Проходятъ и снова являются,
А онъ все одинъ, и въ стихійномъ стремленьи
Лишь сила его открывается.

Другія, впервые печатаемыя, стихотворенія носятъ менѣе отвлеченный характеръ. На первомъ мѣстѣ должно назвать автобіографическія признанія юныхъ лѣтъ: «Прометею» и «Когда въ свою сухую ниву», съ ихъ борьбою противоположныхъ началъ титанизма и смиренія. Къ числу лучшихъ стихотвореній Соловьева надо отнести стихотвореніе «Что рокомъ суждено, того не отражу я», посвященное его невѣстѣ Ек. В. Романовой. Оно сливается въ одномъ настроеніи съ ихъ перепиской, этими пожеланіями—

Чтобъ въ новомъ мірѣ свѣта и свободы
Отъ злобной жизни отдохнула ты.
Чтобъ смутныхъ сновъ тяжелыя видѣнья
Бѣжали всѣ отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ на всемірный праздникъ возрожденья
Явилась ты всѣхъ чище и свѣтлѣй.

Назовемъ еще «Близко, далеко, не здѣсь и не тамъ», красивое стихотвореніе, довольно большое по объему и примыкающее къ циклу пьесъ «Три свиданія» и другихъ, гдѣ Соловьевъ говоритъ о своихъ мистическихъ, посѣщавшихъ его нѣсколько разъ, видѣніяхъ Вѣчной Женственности.

Въ воздушно-легкихъ очертаніяхъ нѣкоторыхъ новыхъ стихотвореній сквозитъ все та же очарованность Соловьева мистическою грезой. Вотъ послѣднее въ сборникѣ стихотвореніе, также изъ числа печатаемыхъ впервые:

Старую пѣсню мнѣ сердце поетъ,
Старые сны предо мной воскресаютъ,
Гдѣ-то далеко цвѣты расцвѣтаютъ,
Голосъ волшебный звучитъ и зоветъ.

Чудная сказка жива предо мной,
Въ сказку ту снова я вѣрю невольно...
Сердцу такъ сладко и сердцу такъ больно...
На душу вѣетъ нездѣшней весной.

Мистическій смыслъ пьесы, выраженное въ немъ ожиданіе конца и воскресенія съ художественнымъ тактомъ раскрыты Соловьевымъ лишь въ двухъ послѣднихъ словахъ заключительнаго стиха.

Влад. Соловьевъ былъ, какъ извѣстно, также замѣчательнымъ мастеромъ юмористическаго и сатирическаго стиха; имъ онъ забавлялся много разъ. Редакторъ не включилъ въ настоящій сборникъ этихъ шуточныхъ и сатирическихъ пьесъ, предполагая составить особый томъ ихъ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія этого плана. Однако, въ числѣ впервые печатаемыхъ стихотвореній находимъ также двѣ-три шуточныхъ вещи. Такова эпиграмма, неизвѣстно кому посвященная, можетъ быть, Побѣдоносцеву или Т. Филиппову, приведенная безъ всякихъ поясненій.

Протяжѣнно-сложѣнное слово
И гнусливо-казенный укоръ
Замѣнили тюрьму и оковы,
Дыбу, срубъ и кровавый топоръ.

Но съ пріятнымъ различьемъ въ манерѣ
Сила та же и тотъ же успѣхъ,
И въ сугубой свершается мѣрѣ
Наказанье за двойственный грѣхъ.

Впервые печатаемая ода «Знаменитому гражданину» относится къ князю Мещерскому, что не пояснено въ комментаріяхъ.

О ты, средь невскаго содома
Хранящій сердце въ чистотѣ!
Твоею мудростью блюдома,
Русь шествуетъ къ своей метѣ.

И скоро, скоро заблужденья
Она отраву изблюетъ
И на руинахъ просвѣщенья
Благонамѣренно заснетъ.

И если сонъ сей величавый
И посѣтятъ еще мечты,—
О, не страшись: въ сіяньи славы
Ей будешь сниться только ты.

Всѣ составившія сборникъ стихотворенія сопровождены обстоятельнымъ комментаріемъ, библіографическими указаніями и проч.

Отмѣтимъ, какъ недосмотръ, что стихотвореніе «Кумиръ Небукаднацара» напечатано въ основномъ текстѣ не въ полномъ видѣ. Его слѣдовало бы помѣстить полностью и съ посвященіемъ К. П.

Побѣдоносцеву, какъ желалъ того самъ авторъ и какъ оно напечатано въ V томѣ книги «М. М. Стасюлевичъ и его современники», стр. 363 и сл. Тамъ же, стр. 338, напечатана извѣстная эпиграмма «Содома князь и гражданинъ Гоморры» на князя Мещерскаго; ее редакторъ ошибочно отнесъ къ числу впервые печатаемыхъ пьесъ.

Къ сборнику служитъ введеніемъ сжатая, но содержательная, мѣстами нѣсколько сухо, но любовно написанная біографія философа-поэта. Она во многихъ мѣстахъ поясняетъ обстоятельства, при которыхъ было написано то или иное стихотвореніе; это часто даетъ конкретную жизнь тому, что̀ можетъ показаться до прочтенія біографіи надуманною отвлеченностью. Авторъ, какъ членъ семьи Соловьевыхъ, знаетъ о своемъ дядѣ многое лучше и больше постороннихъ, и многія указанія его новы и существенны. Такъ, онъ указываетъ на «замаскированность, которую самъ В. С. набросилъ на исторію своего духовнаго развитія. Онъ какъ бы умышленно придалъ видъ естественной и мирной эволюціи развитію своего міросозерцанія, которое несомнѣнно развивалось катастрофически, съ рѣзкими и болѣзненными переломами».

Очень интересны сообщенія г. Соловьева объ отношеніяхъ философа къ нѣкоторымъ дѣятелямъ литературы. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ произошло его знакомство съ Достоевскимъ. Близкое общеніе съ личностью и идеями В. С. сказалось въ послѣднемъ религіозномъ романѣ Достоевскаго «Братья Карамазовы». Достоевскій вмѣстѣ съ В. С. совершилъ поѣздку въ Оптину Пустынь къ старцу Амвросію, прототипу старца Зосимы. Теорію о церкви, развиваемую Иваномъ Карамазовымъ, почти дословно можно найти въ сочиненіяхъ Соловьева. Но слухи о томъ, что Алеша списанъ съ В. С., которые подтверждаются во французской книгѣ Herbigny—«Newman Russe»—лишены всякаго основанія. Свои отношенія къ Достоевскому Соловьевъ высказалъ въ «Трехъ рѣчахъ» о немъ. Племяннику онъ говорилъ, что больше всего любитъ въ Достоевскомъ «нѣкоторыя мѣста изъ «Бѣсовъ». Въ кельѣ старца Амвросія Соловьева съ авторомъ Карамазовыхъ связало чтеніе изъ евангелія о бракѣ въ Канѣ Галилейской. Страничка посвящена отношеніямъ къ Фету, и т. д.

Очень интересны также страницы, посвященныя литературнымъ вкусамъ Соловьева, оставившаго въ своихъ сочиненіяхъ, какъ извѣстно, цѣльную эстетическую теорію и много превосходныхъ характеристикъ русскихъ поэтовъ. Между прочимъ, онъ говорилъ, что вполнѣ искренно любитъ только *чисто-лирическую* поэзію (отсюда его близость къ Фету, съ общими взглядами котораго онъ постоянно

жестоко воевалъ при личныхъ сношеніяхъ). Изъ грековъ онъ интимно любилъ только Платона и еще Аристофана за остроуміе. Зато зналъ наизусть римлянина Катулла и хорошо зналъ, любилъ и переводилъ Виргилія. Изъ поэтовъ новаго времени Соловьевъ любилъ опять-таки тѣхъ, кто наиболѣе приближается къ чистой лирикѣ: Альфреда Мюссе, Гейне, Пушкина, Жуковскаго, Фета, Алексѣя Толстого, Мицкевича. Любимымъ произведеніемъ В. С. былъ между прочимъ фантастическій «Золотой горшокъ» Гофмана. Натурализма въ литературѣ онъ не переносилъ и не любилъ Толстого не только, какъ мыслителя, но и какъ художника. Больше всѣхъ русскихъ прозаиковъ любилъ за фантастичность и остроуміе Гоголя, соединившаго въ себѣ обоихъ любимцевъ В. С.—Гофмана и Аристофана.

Авторъ біографіи очень опредѣленно формулируетъ свою основную точку зрѣнія на Влад. Соловьева. Самое цѣнное для біографа въ философѣ его *церковность*, удаленіе отъ которой было будто его роковою ошибкою. Западничество въ Соловьевѣ было—кажется біографу—лишь случайнымъ придаткомъ къ церковности. Когда «мистицизмъ В. С. изъ церковнаго становится *личнымъ, безпорядочнымъ и произвольнымъ*», тогда «не замедлили сказаться и неизбѣжныя послѣдствія всякаго свободнаго мистицизма, не урегулированнаго церковью и аскетической дисциплиной: физическое разрушеніе и одержимость демоническими видѣніями. Свѣтлыя видѣнія его юности (Софія), его зрѣлыхъ лѣтъ (церковные старцы на камнѣ) смѣняются постоянными явленіями *дьявола* въ различныхъ видахъ. Разсказы о такихъ явленіяхъ мнѣ приходилось самому слышать отъ В. С.». Вообще, «представить В. С. какъ истинно православнаго человѣка и писателя было для меня желанно»—говоритъ біографъ. Несмотря на такую предвзятость, авторъ сумѣлъ быть достаточно объективнымъ, и совмѣстно со всѣми стихотвореніями біографія дастъ возможность оцѣнить душу Соловьева и тѣмъ, для кого его мистическія настроенія, какъ всякія устремленія въ область по существу непознаваемаго, кажутся великими самообманами человѣчества. Къ біографіи очень удачно взяты эпиграфомъ слова Штроссмайера о Соловьевѣ: Solovief anima candida, pia, ac vere sancta est (Соловьевъ—душа чистая, благочестивая и истинно-святая).

— Воспоминанія Александры Владиміровны Щепкиной. Сергіевъ Посадъ, 1915. 248 стр. Ц. 1 р.

Авторъ этой небольшой книги, переносящей насъ въ эпоху сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, самая младшая изъ сестеръ извѣстнаго вдохновителя кружковъ тридцатыхъ—сороковыхъ годовъ, Николая Владиміровича Станкевича. Она была замужемъ за сыномъ зна-

менитаго артиста Михаила Семеновича Щепкина, Н. М. Щепкинымъ. Авторъ воспоминаній все время вращался въ томъ замѣчательномъ кругѣ московской интеллигенціи, который уже такъ подробно и разносторонне освѣщенъ и представленъ въ воспоминаніяхъ другихъ лицъ, начиная съ блестящихъ воспоминаній Герцена, въ перепискахъ членовъ этого круга и въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ. Неудивительно, что воспоминанія А. В. Щепкиной не даютъ существенно новаго и яркаго. Писаны они, видимо, въ очень поздніе годы автора, когда многое исчезло изъ памяти съ одной стороны, съ другой стороны—явно окрасилось чтеніемъ объ этой эпохѣ. Это обстоятельство лишаетъ воспоминанія Щепкиной въ значительной части той непосредственности, которая бываетъ такъ мила и увлекательна въ этомъ родѣ литературы. Тѣмъ не менѣе книжечка просматривается не безъ интереса. Первая ея половина вводитъ насъ въ складъ жизни семьи Станкевичей, въ обыденныя отношенія одного изъ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ, изъ котораго вышелъ Н. В. Станкевичъ. Это—подернутыя меланхолическимъ флеромъ картинки стариннаго помѣщичьяго семейнаго быта, воспоминанія дѣтства, прошедшаго въ счастливой культурной обстановкѣ, живыя и тонкія черты полузабываемаго быта, разсказы о близкихъ автору лицахъ, какъ тѣни скользящихъ въ дальнемъ быломъ. Вторую половину книжки занимаютъ три очерка «Кружокъ друзей Грановскаго», «Грановскій у себя дома и у друзей» и «Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ». Внимательно прочитавшій три—четыре обстоятельныхъ книги о сороковыхъ годахъ, пожалуй, сумѣетъ разсказать о нихъ больше существеннаго и важнаго, чѣмъ читатель найдетъ въ воспоминаніяхъ Щепкиной. Но Щепкина была очевидцемъ и постояннымъ участникомъ ежедневной жизни того времени, люди той поры всѣ ей «родные», она тепло говоритъ о нихъ, какъ о «родныхъ». Поэтому ея разсказы, при всей блѣдности, иногда съ необыкновенной живостью переносятъ въ эпоху, напр. упоминаніе о нѣкоей Остраковой (Астраковой, очень близкой къ семьѣ Герцена) сразу рисуетъ нѣчто въ родѣ тургеневской Кукшиной: «она курила трубку съ очень длиннымъ чубукомъ и любила говорить о правахъ женщинъ». Очень ярко описанъ складъ жизни въ семьѣ Щепкина, своеобразный по своей патріархальности, живо представленъ и самъ Щепкинъ съ его неисчерпаемымъ въ домашней жизни остроуміемъ и благодушіемъ.

Ч. В—скій.

Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Вып. 2. И. М. Волковъ. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х. М. 1915.

Еще къ началу настоящаго столѣтія вниманіе ученаго міра было привлечено появившимися въ обращеніи обрывками папирусовъ и глиняными черепками съ арамейскими надписями. Памятники эти были извлечены изъ мусора на мѣстѣ древней Элефантины. Интересъ и важность документовъ, какъ историческихъ данныхъ, побудили англійскихъ и германскихъ ученыхъ предпринять поиски въ этомъ направленіи. Но первыя систематическія работы были предприняты по почину дирекціи берлинскихъ музеевъ. Вторая экспедиція, отправленная дирекціей въ концѣ 906 и началѣ 907 г.г. для производства раскопокъ, извлекла на свѣтъ большой и цѣнный матеріалъ. Найденные экспедиціей папирусы и черепки почти во всей своей массѣ относятся къ различнымъ годамъ пятаго столѣтія до Р. Х. По содержанію же они распадаются на три группы: «къ одной относятся документы оффиціальныхъ взаимоотношеній представителей іудейской колоніи на Элефантинѣ и различныхъ органовъ персидскаго правительства, а также сношеній этой колоніи съ палестинскою іудейскою общиною; содержаніемъ другой служатъ разнообразныя частности повседневной жизни членовъ колоніи; въ третью входитъ текстъ литературнаго характера—повѣсть о мудромъ Ахикарѣ». (Волковъ. Введ., 6). Всѣ открытые экспедиціей документы опубликованы въ 1911 году проф. Sachau.

Само собою ясно, что новооткрытые документы, имѣя чрезвычайно большое культурно-историческое значеніе, не только являются въ высшей степени важными для ученаго міра, но и представляютъ немалый интересъ для интеллигентнаго читателя вообще. Навстрѣчу послѣднему и выступаетъ со своимъ изданіемъ И. М. Волковъ. Давъ уже русскому читателю возможность ознакомиться съ такимъ въ высшей степени любопытнымъ памятникомъ, какъ «Законы Хаммураби», переводъ котораго былъ выпущенъ г. Волковымъ въ качествѣ перваго номера серіи культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока, теперь, во второмъ выпускѣ этой серіи, онъ предлагаетъ «вниманію читателей переводъ наиболѣе характерныхъ по содержанію, лучше сохранившихся и менѣе трудныхъ для пониманія арамейскихъ папирусовъ, сопровождая его общимъ изображеніемъ быта и судебъ іудейской элефантинской колоніи, при чемъ въ интересахъ цѣльности послѣдняго» г. Волковъ привлекаетъ къ дѣлу

«также нѣкоторые изъ тѣхъ обнародованныхъ Захау документовъ, которые не даны... здѣсь въ полномъ переводѣ» (стр. 7).

Изъ сказаннаго уже ясно, что работа г. Волкова распадается на двѣ части. Первую составляетъ переводъ арамейскихъ документовъ. Переводчикъ дѣлитъ ихъ на двѣ группы. Въ одну входятъ оффиціальные документы, въ числѣ шести. Вторую образуютъ документы частно-бытовые, числомъ—девятнадцать. При переводѣ были использованы изданія Sachau Sayce-Kowley и, очевидно, Staerk'a. Нѣкоторые изъ избранныхъ для перевода документовъ довольно значительно повреждены, и потому иные изъ нихъ будутъ для читателя въ общемъ мало понятны (напр. Б, I и Б, XV).

Вторую часть работы И. М. Волкова составляетъ очеркъ «Главнѣйшія черты быта и судебъ іудейской колоніи по арамейскимъ документамъ». Здѣсь авторъ дѣлаетъ сводку данныхъ, содержащихся въ переведенныхъ имъ документахъ, пользуясь, однако, для полноты и иными источниками, въ его изданіи не содержащимися (напр. Повѣсть о мудромъ Ахикарѣ). Въ своемъ очеркѣ авторъ трактуетъ о возникновеніи элефантинской колоніи, ея военно-политическомъ значеніи, организаціи, культѣ, связи съ іудейской общиной въ Палестинѣ, взаимоотношеніяхъ египтянъ, іудеевъ и персовъ. Далѣе затрагиваются вопросы семейнаго права, даются свѣдѣнія относительно промышленности и торговли, монетнаго дѣла, и, наконецъ, обрисовывается область умственныхъ интересовъ.—Изданіе снабжено десятью рисунками.

Въ заключеніе не можемъ не сравнить два вышедшихъ уже выпуска серіи культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока. Первый, содержащій законы Хаммураби, являющіеся памятникомъ болѣе или менѣе цѣльнымъ, имѣетъ свой главный интересъ именно въ переводѣ кодекса. «Арамейскіе документы», характеризующіеся отрывочностью и данные кромѣ того переводчикомъ въ небольшомъ числѣ, уже не имѣютъ сами по себѣ непосредственно того интереса, и во второмъ выпускѣ серіи вниманіе читателя несомнѣнно будетъ привлечено, главнымъ образомъ, сопроводительной статьей. Указанное различіе въ характерѣ опубликованныхъ переводовъ повело также, напримѣръ, и къ тому, что въ присоединенномъ къ «Арамейскимъ документамъ» очеркѣ г. Волковъ былъ принужденъ болѣе широко воспользоваться непомѣщенными въ изданіи источниками, чѣмъ это было необходимо въ отношеніи очерка, даннаго при переводѣ законовъ Хаммураби. Конечно, указанное различіе по существу покоится уже въ самомъ характерѣ опубликованныхъ въ переводѣ источниковъ. Naturam mutare difficile est.

— Поль Лакомбъ. Присвоеніе земли. Къ вопросу о переходѣ коллективной собственности въ частную собственность. Авторизованный переводъ съ французскаго А. Баулеръ. Петроградъ. 1915.

Въ настоящемъ изданіи вниманію читателя предлагается переводъ одной изъ наиболѣе интересныхъ работъ извѣстнаго соціолога. «Присвоеніе земли» представляетъ собою монографію, въ которой Лакомбъ вновь возвращается къ темѣ, уже раньше затронутой имъ въ его L'histoire considérée comme science, при чемъ, конечно, останавливается на затронутой проблемѣ съ большею подробностью. И подобное возвращеніе къ предмету, обработанному въ общихъ чертахъ уже раньше, не требуетъ оправданій. Вопросъ, которому посвящена новая книга Лакомба, и съ исторической, и съ соціологической точки зрѣнія представляется вопросомъ капитальной важности, тѣмъ болѣе, что врядъ ли найдется большое число проблемъ, относительно которыхъ у соціологовъ и антикваровъ было бы замѣтно болѣе упорное разногласіе, какъ по вопросу объ изначальной формѣ земельной собственности, а отсюда, значитъ, и о дальнѣйшей ея эволюціи. Предлагая свою гипотезу, авторъ выдвигаетъ на первый планъ критическій анализъ теорій своихъ противниковъ. Этимъ онъ уклоняется отъ догматическаго изложенія—слѣдуетъ ли это одобрить или нѣтъ—это вопросъ особый—и предлагаетъ изложеніе діалектическое, которое хотя и является, можетъ быть, не настолько отчетливымъ, но перо автора несомнѣнно сообщаетъ ему живость, яркость и увлекательность.

Набросавъ на начальныхъ страницахъ гипотетическую схему первобытной общины-деревни, Лакомбъ переходитъ далѣе къ обзору фактовъ исторіи и толкованію историческихъ данныхъ. Прежде всего онъ удѣляетъ вниманіе древней Германіи и, сталкиваясь при этомъ съ теоріей Фюстель-де-Куланжа, упорно отстаивающаго принципъ частной собственности, подвергаетъ детальному разбору составляющіе фундаментъ вопроса тексты Цезаря и Тацита. Отъ германцевъ авторъ обращается къ грекамъ, преимущественно Аѳинамъ и Спартѣ. Здѣсь центральными пунктами, около которыхъ по преимуществу вращается мысль автора, являются критика общераспространеннаго ученія о положеніи илотовъ, законъ Эпитадея и вопросъ о гектеморахъ. По поводу послѣдняго—вопроса настолько же интереснаго, насколько по недостатку, неясности и противорѣчію данныхъ и спорнаго—авторъ, какъ намъ кажется, удачно полемизируетъ съ Schömann'омъ и Guiraud.

Переходя къ Риму царскаго и республиканскаго періода, Лакомбъ ставитъ разсмотрѣніе занимающаго его вопроса въ связь съ

проблемою плебса и кліентелы. Послѣднюю, кромѣ того, онъ видитъ какъ бы возрожденною или, вѣрнѣе, развившеюся въ колонатѣ временъ имперіи и видоизмѣненною и усложнившеюся въ аграрныхъ отношеніяхъ среднихъ вѣковъ. До сихъ поръ, по мнѣнію автора, земля является коллективною собственностью или, по меньшей мѣрѣ, данныя исторіи указываютъ на то, что идея коллективизма еще прочна. Но уже начально въ Римѣ, а окончательно въ эпоху среднихъ вѣковъ на сцену исторіи выступаетъ событіе, названіе котораго авторъ ставитъ заглавіемъ своего труда. Первоначальный режимъ мѣняется въ режимъ современный, «режимъ контракта», какъ говоритъ авторъ. Сообразно этому мѣняется и внѣшняя форма аграрныхъ отношеній. Глава общины изъ простого начальника становится собственникомъ, рядовой членъ ея—нанимателемъ или крѣпостнымъ, подать—рентой... Кстати не мѣшаетъ отмѣтить попытку автора согласовать отмѣченное уже различіе воззрѣній соціологовъ и антикваровъ. «Ученые, пишетъ Лакомбъ, отрицающіе общинную собственность, собственность нераздѣльную между людьми иной группы, кромѣ семейной, признаютъ, наоборотъ, собственность семейную... Ну, а если деревня и семья въ началѣ одно и то же, не ясно ли тогда, что и соціологи, и ученые тѣмъ самымъ окажутся солидарными, по крайней мѣрѣ касательно начала собственности вообще?» (стр. 17).

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности болѣе подробно остановиться на интересной работѣ Лакомба, а тѣмъ болѣе дать ея оцѣнку. Въ послѣднемъ отношеніи мы отмѣтили бы лишь нѣкоторую склонность автора къ модернизаціи и сомнительность его ученія о плебеяхъ и кліентахъ, гдѣ авторъ, какъ намъ кажется, вноситъ въ вопросъ еще бо́льшую сложность, устанавливая новое дѣленіе: дѣленіе кліентовъ на національныхъ кліентовъ и кліентовъ плебеевъ. Что касается перевода, то онъ выполненъ въ общемъ удовлетворительно. Изъ промаховъ укажемъ, напримѣръ, слѣдующія выраженія: «тексты *юриспрудентовъ*» (? стр. 132), «законъ *Визиготовъ*» (обычно: Вестготовъ, 155), и особенно отнюдь не имѣющее въ русской рѣчи правъ гражданства слово «*выявить*» (passim), которымъ переводчикъ злоупотребляетъ совсѣмъ не кстати.

Б. П. Ивановъ.

— В. В. Лесевичъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Статьи по философіи. 1915 г. Кн-ство писателей въ Москвѣ. 647 ст. Цѣна 3 р. Т. II. Статьи по философіи. 1915 г. 663 ст. Цѣна 3 р.

Въ исторіи русской общественной мысли литературная дѣятельность Лесевича оставила замѣтный слѣдъ. Особенно это можно ска-

зать о его философскихъ работахъ, занимающихъ первые два тома собранія его сочиненій (въ третій томъ, по плану издательницы, г-жи Ю. В. Леонтовичъ, войдутъ статьи общенаучнаго характера; въ четвертый—литературно-критическія и въ пятый—статьи по фольклору и по изслѣдованію религіозныхъ ученій). Развитіе философіи шло у насъ, говоря въ общихъ чертахъ, двумя параллельными, нигдѣ не встрѣчавшимися, потоками: съ одной стороны была университетски-академическая традиція, вращавшаяся въ кругѣ спиритуалистическихъ и идеалистическихъ идей; съ другой, прогрессивная журналистика, тяготѣвшая, въ цѣломъ, къ матеріализму и позитивизму. Спеціалисты по философіи, люди, дѣломъ жизни которыхъ было изученіе вопросовъ міровоззрѣнія, были почти сплошь соціалистами; задача же положительнаго, научнаго міровоззрѣнія защищалась писателями, у которыхъ по самому существу ихъ дѣятельности проблемы философіи неизбѣжно отступали на второй планъ. Это были люди большихъ, нерѣдко огромныхъ, талантовъ, съ серьезными и иногда философскими задатками, но которые были все же не философами, а философски-устремленными умами, «профанами» въ томъ особенномъ, благородномъ смыслѣ, который придавалъ этому смыслу Михайловскій. Лесевичъ не могъ довольствоваться такимъ профанствомъ въ области философіи. Философіей онъ занимался не между прочимъ, какъ одной изъ очередныхъ темъ журнальной работы, а вплотную, какъ спеціалистъ, не переставая въ теченіе 35 лѣтъ настойчиво бить все въ одну и ту же точку. Лесевичъ былъ настоящимъ, кровнымъ, даже нѣсколько фанатичнымъ, философомъ, въ глазахъ котораго проблемы общаго міровоззрѣнія были не простымъ придаткомъ—часто плохо прилаженнымъ къ той или иной радикальной политической программѣ, а большой, самодовлѣющей цѣнностью человѣческаго существованія. Упорной пропагандѣ Лесевича мы обязаны, въ значительной мѣрѣ, усиленіемъ интереса къ философіи въ рядахъ нашей радикальной интеллигенціи. Его статьи, несомнѣнно, помогли многимъ найти выходъ изъ догматики ортодоксальнаго позитивизма на просторъ болѣе широкаго и критически продуманнаго міровоззрѣнія.

Лесевичъ не былъ, конечно, творческимъ умомъ. Въ его многочисленныхъ статьяхъ, въ его книгахъ не приходится искать вполнѣ самостоятельной, индивидуальной системы. Но на это онъ никогда и не претендовалъ. Свою литературную дѣятельность онъ самъ характеризовалъ въ слѣдующихъ скромныхъ выраженіяхъ: «Задача моя, такимъ образомъ, остается по-прежнему задачей представителя сложившихся или слагающихся воззрѣній, задачею докладчика назрѣвшихъ или назрѣвающихъ успѣховъ въ области философіи, зиждущейся на наукѣ» («Письма о научной философіи», т. I, с. 468). Было бы,

однако, ошибочно видѣть въ Лесевичѣ, на основаніи этихъ словъ, простого референта очередныхъ новинокъ научно-философской литературы Запада. Въ своихъ философскихъ работахъ Лесевичъ популяризировалъ идеи такихъ западно-европейскихъ теоретиковъ, какъ Карлъ Герингъ, Э. Махъ, Р. Авенаріусъ, І. Петцольдтъ и др. Но его популяризація далеко выходила изъ рамокъ заурядnаго пересказа чужихъ взглядовъ. Это было если не оригинальное творчество, то своего рода сотворчество, полный и созвучный отвѣтъ одной мысли другой. Лесевича въ этомъ отношеніи можно сравнить съ такъ безвременно и безсмысленно погибшимъ Луи Кутюра. Какъ и Лесевичъ, авторъ «Принциповъ математики» не былъ оригинальнымъ мыслителемъ. Онъ умѣло и талантливо популяризировалъ теоріи итальянскихъ логистовъ и Рёсселля. Но популяризація эта была такая своеобразная, такая самостоятельная—какъ ни парадоксально звучитъ сочетаніе этихъ противорѣчащихъ другъ другу понятій—что Кутюра по праву занялъ почетное мѣсто въ современномъ логистическомъ движеніи. Такъ же почетна и роль Лесевича въ исторіи развитія идей научной философіи и эмпиріокритицизма.

Въ центрѣ философской дѣятельности Лесевича стоятъ три крупныхъ работы: «Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи» (написано въ 1876 г.), «Письма о научной философіи» (1878 г.) и «Что такое научная философія?» (1890 г.). Около этихъ основныхъ его произведеній группируется цѣлый рядъ болѣе мелкихъ работъ: «Позитивизмъ послѣ Канта», «Новѣйшая литература позитивизма», «Первые провозвѣстники позитивизма», «Философское наслѣдіе 19 вѣка», «Философскія воззрѣнія О. Конта», «Отъ Конта къ Авенаріусу» и пр., повторяющихъ и дополняющихъ взгляды, развитые въ главныхъ сочиненіяхъ. Къ этимъ, менѣе значительнымъ и по размѣру и по содержанію, работамъ примыкаетъ рядъ политическихъ статей и рецензій, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ представителей метафизической философіи, проф. Милославскаго, Грота, Козлова, В. Соловьева и др.

Лесевичъ выступилъ на литературномъ поприщѣ въ качествѣ приверженца позитивной философіи. Но, при своемъ основательномъ знакомствѣ съ нѣмецкой критической философіей, онъ не могъ оставаться слѣпымъ къ недостаткамъ системы Конта и его ближайшихъ преемниковъ, къ ея догматической ограниченности и самодовольной замкнутости. Въ своемъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія» онъ подробно остановился на этой сторонѣ контовскаго позитивизма, указавъ, какое пагубное вліяніе имѣетъ для всей системы отсутствіе въ ней разработанной теоріи познанія. Безъ этой теоріи, доказывалъ Лесевичъ, система О. Конта остается только энциклопедіей наукъ и до высоты

философіи не можетъ подняться. Простое суммированіе частныхъ результатовъ отдѣльныхъ наукъ—чѣмъ занимается позитивизмъ—не есть еще философія. «*Суммируя* результаты изученія конкретныхъ группъ явленій, т.-е. *частныя научныя понятія*, мы получаемъ *науку о мірѣ* въ тѣсномъ смыслѣ, космологію; *вырабатывая же* изъ этихъ частныхъ научныхъ понятій новыя, болѣе *общія* и *отвлеченныя*, соотвѣтствующія не конкретнымъ группамъ явленій, а умозрительнымъ группамъ представленій, мы получаемъ основанную на наукѣ *философію*, научно-философское міроразумѣніе. Какъ совокупность перваго рода понятій можно считать *научнымъ понятіемъ о мірѣ*, такъ совокупность второго—*философскимъ*, хотя оба они въ строгомъ смыслѣ *научны*. Философское понятіе получается изъ научнаго чрезъ *восхожденіе* къ наивысшей степени извлеченія,—восхожденіе, необходимо опирающееся на общую всему строго-положительному знанію *теорію познаванія* и, слѣдовательно, дающее результатъ *не менѣе положительный*, чѣмъ тѣ частные результаты, которые служили ему основою» («Опытъ критическаго изслѣдованія», т. I, с. 362). Тѣ же идеи развивалъ Лесевичъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ «Письмахъ о научной философіи», примыкая къ воззрѣніямъ К. Геринга, Паульсена, Авенаріуса. И здѣсь онъ доказывалъ, что, только опираясь на теорію познанія, можно достичь прочно установленнаго понятія философіи, какъ науки. «Не суммированіе отдѣльныхъ наукъ, не классификація ихъ, не схема принимается здѣсь вмѣсто искомаго понятія, какъ это было въ первоначальной попыткѣ обоснованія научной философіи (т.-е. у позитивизма); вопросъ разрѣшается принципіально указаніемъ путей, которыми можетъ идти далѣе развитіе научныхъ понятій до завершенія своего въ самомъ высшемъ и отвлеченномъ, отвѣчающемъ какъ единству объекта, такъ и потребности единства для субъекта. Такъ устанавливается цѣльность всего нашего знанія и устраняется вмѣстѣ съ тѣмъ произвольное ограниченіе его, при чемъ удерживается, однако же, его положительный характеръ и предотвращается всякая опасность извращенія его и порчи вліяніемъ спекулятивныхъ воззрѣній» (т. I, с. 549). Философію отъ науки, согласно Лесевичу, отличаютъ не содержаніе изслѣдованія, а методъ его, направленіе. Философское направленіе—это то, которое стремится къ конечному единству знанія; эмпирическое же то, которое остается при отдѣльныхъ фактахъ, какъ послѣднихъ истинахъ. Съ этой точки зрѣнія такія научныя изслѣдованія, какъ «работы по естествознанію Гете, В. Гумбольдта или Дарвина, и въ области историко-филологической Ал. Гумбольдта, Бокля или Штейнталя, слѣдуетъ, конечно, признать философскими. Напротивъ того, труды какого-нибудь схоластика, изслѣдующаго формы сужденія, фигуры заключенія и т. п., также какъ и разсу-

жденія метафизика, разыскивающаго сущность и т. д., нельзя, само собою разумѣется, считать относящимися къ философіи» (ib., с. 558).

При такомъ положеніи дѣла стирается, какъ легко замѣтить, грань между наукой и философіей. Науки все болѣе и болѣе пропитываются философскимъ духомъ; но тѣмъ самымъ отнимается почва для существованія особой науки—философіи. Этотъ выводъ Лесевичъ и сдѣлалъ—вслѣдъ за ученикомъ Авенаріуса, Петцольдтомъ—въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи: «Что такое научная философія?». Установленіе теоріи познанія, утверждаетъ нашъ авторъ, какъ отдѣльной самостоятельной науки, отняло у философіи стараго типа ея послѣднее достояніе и лишило крова и пріюта всѣ пустыя, безсодержательныя понятія, и такимъ образомъ положеніе философіи, какъ отдѣльной науки, потеряло почву. Подъ вліяніемъ этого факта сталъ вырабатываться тотъ взглядъ на общее значеніе философіи, который является заключительнымъ звеномъ разсмотрѣнной нами эволюціи: философія стала такимъ знаніемъ дѣйствительности, при которомъ представленіе цѣлаго привлекается для изученія единичнаго, а единичное охватывается взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое» («Что такое научная философія», т. II, с. 220). Но «отрицаніе философіи, какъ отдѣльной науки, не есть еще отрицаніе самой философіи. Философія, переставъ играть обманчивую роль отдѣльной отрасли познанія, становится тѣмъ, чѣмъ она и должна быть—знаніемъ общимъ; она проникаетъ во всѣ отдѣльныя дисциплины, всѣмъ имъ сообщаетъ присущій ей духъ и такимъ образомъ завершаетъ то движеніе, которымъ испытующая критическая мысль свершала процессъ своего развитія; она придаетъ окончательную устойчивость тому положенію, которое подставлялось всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ и которое, ранѣе окончательнаго распаденія всей совокупности познанія на отдѣльныя самостоятельныя группы, было невозможно, немыслимо» (ib., с. 228). Т.-е. опять-таки нѣтъ философіи, какъ особой самостоятельной науки, а есть лишь философски-направленная система наукъ; или, выражаясь противоставленіемъ, выдвинутымъ Бутру на болоискомъ философскомъ конгрессѣ, философія начинаетъ быть представленной въ языкѣ не существительнымъ, а прилагательнымъ.

Лесевичъ понималъ, конечно, что это самоограниченіе и самообреченіе философіи не придется по вкусу людямъ метафизическаго склада мысли. Если метафизика преодолѣна принципіально, то это еще не значитъ, что она перестанетъ существовать и фактически. Метафизика представляетъ собой могущественный пережитокъ, который не разъ еще обнаружитъ скрытый въ немъ запасъ энергіи. «Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда «неутомимая жажда познанія» является предметомъ гордости, внушающей мысль о возвышенности присущихъ

личности стремленій; когда жизнь, съ ея такъ часто идущей въ разрѣзъ съ личными хотѣніями и пареніями фантазіи суровой дѣйствительностью, представляется грубой и низменной; когда просторная и податливая область творчества, въ противоположеніи съ житейской юдолью, выставляется, какъ превыспренній міръ идей и неизреченныхъ содержаній, и во многихъ другихъ, подобныхъ, — метафизика остается и навсегда останется убѣжищемъ неизмѣннаго и сладостнаго успокоенія. Поэтическія души, импульсивныя натуры, волнуемыя побужденіями, подвергать которыя анализу имъ не подъ силу, не перестаютъ и не перестанутъ возвращаться къ самымъ разнообразнымъ формамъ отжитаго, какъ къ залогу блаженства, опирающемуся на опытъ вѣковъ. Всегда найдутся усердные Лаваны, которые ради этой цѣли станутъ ревностно рыться въ хламѣ, спѣшно и страстно розыскивая тѣ кумиры, которые они привыкли считать священными;— найдутся лукавыя Рахили, которыя охотнѣе солгутъ, нежели допустятъ потерю права на обладаніе этими источниками благополучія. Вокругъ этихъ персонажей всегда наберутся своего рода статисты—тщеславное и лицемѣрное ничтожество, которые постараются произвести вокругъ себя побольше шуму и пойдутъ на все, лишь бы получить возможность казаться чѣмъ-нибудь. Громкихъ фразъ, искусственной тьмы и напускной восторженности всегда будетъ, конечно, не менѣе, чѣмъ сколько ихъ имѣется въ обращеніи и въ настоящее время, и метафизика не одинъ еще разъ, конечно, переживетъ такую эпоху, когда съ «всевластнымъ произволомъ и нескрываемымъ пренебреженіемъ станутъ трактовать результаты научнаго изслѣдованія, станутъ извращать и коверкать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не подойдутъ подъ требованія «системы» или просто-на-просто пренебрегутъ ими и скажутъ, что они *упразднены*» (ib., c. 221).

Не всѣ мотивы метафизическаго строительства вскрыты правильно въ этой длинной и краснорѣчивой тирадѣ. Въ частности Лесевичъ преувеличивалъ значеніе моментовъ «лукавства», «лицемѣрія» и «тщеславія» насчетъ болѣе чистыхъ и безкорыстныхъ моментовъ «поэтичности» и «импульсивности». Метафизика (какъ и религія) такой крупный факторъ въ духовномъ развитіи человѣчества, что «громкія фразы», «искусственная тьма» и вообще всякаго рода поддѣлка и шарлатанство могутъ быть здѣсь лишь чѣмъ-то второстепеннымъ, побочнымъ. Метафизиками, если можно выразиться, рождаются, а не дѣлаются и тѣмъ болѣе не поддѣлываются. Но если поставленный Лесевичемъ діагнозъ метафизической болѣзни нельзя признать вполнѣ удачнымъ, то современный расцвѣтъ метафизическаго искательства на Западѣ и у насъ показываетъ, какъ онъ былъ правъ со своимъ осторожнымъ прогнозомъ о дальнѣйшихъ судьбахъ метафизики.

За двадцать пять лѣтъ, протекшихъ со времени появленія послѣдней, цитированной мной, работы Лесевича, философская конъюнктура радикально измѣнилась: позитивизмъ и научная философія теперь совсѣмъ не въ модѣ; идеализмъ въ его многочисленныхъ разновидностяхъ торжествуетъ почти по всей линіи; начинаютъ со «всевластнымъ произволомъ и нескрываемымъ пренебреженіемъ» трактовать результаты научнаго изслѣдованія. Въ такое время появленіе сочиненій трезваго мыслителя, звавшаго прежде всего къ уваженію правъ положительнаго знанія—какъ бы ни относиться къ его собственному рѣшенію проблемы философіи—можно только привѣтствовать.

П. Юшкевичъ.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества, т. VI, вып. I-й. Исторія и теорія эстетики. Харьковъ. 1915. 387 стр. Ц. 2 р.

Какъ видно изъ подзаголовка, данный томъ «Вопросовъ» посвященъ исторіи и теоріи эстетики. Къ первому отдѣлу относится статья *Е. Аничкова*: «Очеркъ развитія эстетическихъ ученій» (1—242 стр.), частью къ первому, частью ко второму отдѣлу должна быть отнесена статья *Т. Райнова*: «Теорія искусства Канта въ связи съ его теоріей науки» (243—387).

Статья проф. Е. Аничкова, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, представляетъ изложеніе исторіи эстетическихъ ученій. Программа ея—не узка; авторъ на протяженіи 242 страницъ излагаетъ основныя теоріи, начиная съ «теорій» древности—Сократа, Платона, Аристотеля и кончая самыми новѣйшими теченіями иноземной и русской эстетической мысли, удѣливъ попутно спеціальныя главы для теорій «ужаснаго и смѣшного», для вопросовъ «о происхожденіи поэзіи» и «современной теоріи эстетическаго воспріятія».

Не перечисляя подробно авторовъ, теоріи которыхъ изложены въ книгѣ, поставимъ вопросъ: насколько удачно выполнена поставленная авторомъ задача, иными словами, насколько стройно, вѣрно и отчетливо изложены теоріи, насколько удачно онѣ систематизированы и показана ли преемственная связь между ними?—И «да» и нѣтъ»—принужденъ отвѣтить я на эти вопросы.—«Да» потому, что манера изложенія Е. Аничкова отчетливо и достаточно рѣзкими штрихами обрисовываетъ контуръ каждой теоріи. «Нѣтъ»,—потому что самъ предметъ мѣшаетъ полной законченности и стройности изложенія: эстетическія воззрѣнія каждаго автора-философа неразрывно связаны со всей его философской системой; они суть только «листы» единой и цѣльной книги всего міровоззрѣнія. Вполнѣ понять ихъ можно только, прочтя всю книгу, т.-е. изучивъ и изложивъ всю систему каждаго теоретика. Сдѣлать это на протяженіи

240 стр., очевидно, немыслимо. Отсюда—несмотря на попытки проф. Аничкова передъ изложеніемъ эстетической теоріи каждаго теоретика кратко очертить и суть всей его системы—неизбѣжное слѣдствіе: нѣкоторый импрессіонизмъ въ изложеніи и обрисовкѣ многихъ теорій, симплицированіе болѣе сложныхъ конструкцій (напр. Канта) и своего рода «зіянія» между отдѣльными звеньями той или иной теоріи.

Но, какъ я уже замѣтилъ, это не столько вина автора, сколько самого объекта изслѣдованія и изложенія. Авторъ въ извѣстной степени достигъ своей задачи: познакомить читателя въ основныхъ чертахъ съ эволюціей эстетическихъ ученій. Работа проф. Аничкова въ этомъ отношеніи—единственная въ русской литературѣ, считая и недавнюю книгу Миронова: «Исторія эстетическихъ ученій» (1913). Собственныя воззрѣнія автора интересны въ вопросѣ о происхожденіи поэзіи и искусства, подробно и оригинально развитыя имъ въ трудѣ: «Весенняя обрядовая пѣсня» и кратко формулированныя въ XVI главѣ данной статьи. Вполнѣ правильно, думается намъ, авторъ видитъ въ «пѣснѣ-заклинаніи» самостоятельный и древнѣйшій видъ поэзіи, стоящій рядомъ съ «рабочей пѣсней», выдвинутой Бюхеромъ. Теорія «игры», видѣвшая въ искусствѣ и поэзіи—разряженіе излишнихъ силъ, само по себѣ безполезное—основательно критикуется проф. Аничковымъ и должна считаться отжившей. Чѣмъ больше мы познаемъ духовный міръ первобытнаго человѣка, тѣмъ яснѣе становится та громадная роль, которую играютъ здѣсь магико-религіозныя воззрѣнія. Я лично склоненъ былъ бы идти дальше автора и признать пѣсню-заклинаніе «отцомъ», а не «братомъ» «рабочей» пѣсни. Изученіе работъ Б. Спенсера и Гиллена, Фразера и Кодрингтона, Стрелова, Ювелина, Маусса, Гюберта, Дюркгейма, М. Ковалевскаго и др., работъ, касающихся религіозно-магическихъ воззрѣній «дикарей», думается, дало бы вполнѣ достаточныя основанія для такой теоріи.

Во всякомъ случаѣ, проф. Аничкову слѣдуетъ поставить въ большую заслугу ясную формулировку и обоснованіе теоріи древности «пѣсни-заклинанія». Совсѣмъ въ иномъ стилѣ написана статья Т. Райнова. Ему нельзя поставить упрека въ «импрессіонизмѣ» и «зіяніяхъ». Вполнѣ понимая неразрывную связь теоріи искусства Канта съ его теоріей науки, онъ даетъ интерпретацію всей «научно-этетической» теоріи кенигсбергскаго мыслителя и подробно мотивируетъ необходимость такого пріема. И въ этомъ онъ правъ. Зато мнѣ непонятно другое—самъ характеръ его прекрасно-написанной статьи. Эта статья—не изложеніе Канта, а, какъ онъ самъ говоритъ, «типизація» и «стилизація» Канта; это «эстетика

Канта въ свѣтѣ собственныхъ эстетическихъ воззрѣній» автора, Кантъ, преломленный и отраженный сквозь призму личныхъ взглядовъ автора и призму современной философіи (стр. 246—47). Этотъ пріемъ, практикуемый нѣмецкими философами въ примѣненіи къ тому же Канту, имѣетъ свои плюсы, но не лишенъ и минусовъ: онъ можетъ (и это, пожалуй, уже случилось съ германской интерпретаціей и комментированіемъ Канта) исказить историческаго Канта и внести чуждые элементы въ его систему—съ одной стороны, съ другой—затемнить собственные взгляды «стилизатора». Боюсь, что это случилось и съ г. Т. Райновымъ, какъ думается, случилось это и съ Когеномъ, Риккертомъ, Наторпомъ и др. Тщательная, кропотливая «стилизація» Канта,—произведенная г. Т. Райновымъ, сдѣлана несомнѣнно въ духѣ Канта, но Канта, усложненнаго всей философіей XIX и начала XX вѣка. Какъ правильно указываетъ и самъ авторъ, его статья не «предназначена замѣнить непосредственное знакомство съ Кантовскимъ текстомъ», но, продолжаетъ онъ, «знакомство съ этимъ текстомъ не сдѣлаетъ нашу статью излишней».

При такихъ заданіяхъ статьи, естественно, и критерій ея оцѣнки [долженъ быть инымъ, чѣмъ критерій правильности и точности изложенія. Такимъ оцѣнивающимъ принципомъ здѣсь можетъ и долженъ быть принципъ: насколько стройно, послѣдовательно и цѣлостно произведена эта стилизація? Самодовлѣетъ ли она себѣ или же въ ней есть «прорывы», нарушающіе цѣлостность всей системы? Отвѣтъ, по моему мнѣнію, долженъ быть положительный. Статья Т. Райнова представляетъ, помимо прекраснаго знакомства автора съ Кантомъ и со всей литературой, относящейся къ Канту, цѣльное и послѣдовательное единство, стройное зданіе, возведенное на почвѣ Кантовскихъ положеній. Авторъ, установивши зависимость теоріи искусства Канта отъ его теоріи науки, показываетъ полную параллельность и «гомогенность» той и другой теоріи въ основныхъ пунктахъ: въ проблемѣ субъекта, объекта, и ихъ взаимоотношенія. Построивши архитектуру Кантовской теоріи науки и искусства, онъ въ XIII главѣ весьма тонко вскрываетъ неудачу попытки Канта растворить объектъ въ субъектѣ и «вывести» первый изъ второго, подчеркивая словесный, а не подлинный характеръ реформы, продѣланной Кантомъ (344—345). Въ послѣдующемъ онъ съ большимъ знаніемъ дѣла опредѣляетъ, что̀ сдѣлалъ Кантъ не только въ области теоріи науки и искусства, но и въ области психологіи творчества, въ частности, въ выясненіи и анализѣ художественной эмоціи.

Я не сторонникъ той нѣсколько «нѣмецкой» манеры философскаго мышленія, къ которой, повидимому, примыкаетъ г. Т. Райновъ. Но такъ какъ послѣдняя пока-что доминируетъ въ области философіи—то, volens-nolens, приходится при оцѣнкѣ становиться и на эту

точку зрѣнія. Съ этой позиціи статья Т. Райнова должна быть признана произведеніемъ «мастера» и спеціалиста своего дѣла, вполнѣ овладѣвшаго предметомъ и рукой артиста выводящаго стройные узоры на Кантовской канвѣ. Другой вопросъ уже—насколько допустимъ и пріемлемъ самъ этотъ типичный для марбурго-фрейбургскаго направленія методъ философскаго мышленія.

Питиримъ Сорокинъ.

— Новое строительство мелкой промышленности и всемірная война. Очеркъ М. Слобожанина. Москва. 1915.

Наша періодическая печать часть своего вниманія удѣляетъ вопросу о будущей организаціи національнаго хозяйства западно-европейскихъ государствъ (преимущественно, Германіи), какой естественно ожидать послѣ грандіознаго опыта регулированія изъ одного центра въ теченіе настоящей войны промышленности, а подчасъ и торговли воюющихъ и даже только сосѣднихъ съ ними странъ. Брошюра, указанная въ заголовкѣ настоящей замѣтки, трактуетъ также о будущей организаціи промышленности, но не Западной Европы, а Россіи, имѣя притомъ въ виду не промышленность ея вообще, а лишь область кустарнаго производства и беря за исходную точку не только тенденціи, проявившіяся въ настоящее, военное время, но и старыя неудовлетворенныя нужды кустарной промышленности, какъ формы производства, широко распространеннаго среди сельскаго населенія и дающей возможность производительнаго примѣненія свободныхъ силъ и незанятаго времени многочисленныхъ нашихъ земледѣльцевъ. По мнѣнію г. Слобожанина, грядущая организація кустарнаго народнаго труда должна быть основана съ одной стороны на возможно болѣе широкомъ примѣненіи здѣсь кооперації и техническаго обученія, съ другой—на организаціи для него рынка путемъ предоставленія ему поставокъ для казенныхъ и общественныхъ учрежденій и регулированія сбыта остальныхъ его продуктовъ съ примѣненіемъ между прочимъ начала непосредственнаго товарообмѣна между кустарями разныхъ спеціальностей и различныхъ районовъ, о чемъ уже подымался вопросъ на двухъ всероссійскихъ кустарныхъ съѣздахъ. Почва для такого регулированія подготовляется дѣятельностью земствъ и кооперативныхъ союзовъ, берущихъ на себя дѣло снабженія различными продуктами и арміи и членовъ кооперативовъ, а центральнымъ органомъ регулированія можетъ сдѣлаться перестроенная на общественныхъ началахъ дѣйствующая нынѣ государственная организація по снаряженію арміи. Изложенная здѣсь идея исходитъ изъ круговъ, прикосновенныхъ къ кустарному и кооперативному дѣлу, и уже поэтому заслуживаетъ общественнаго вниманія.

В. В.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Арсеньевъ, К. К. За четверть вѣка (1871—1894). Сборникъ статей. Петроградъ, 1915 г. Ц. 3 р. Стр. 615+VIII.

Сборникъ „За четверть вѣка“ состоитъ изъ шестидесяти статей, напечатанныхъ К. К. Арсеньевымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ періодѣ 1871—1894 г.г. Это, конечно, не всѣ его статьи, а лишь тѣ, которыя, съ одной стороны, сохранили живой интересъ и въ настоящее время, съ другой—которыя посвящены изображенію мрачнаго пятнадцатилѣтія 1880—1894 г.г.,—эпохи „контръ-реформъ“ или „преобразованій наоборотъ“, результаты коей не изжиты—въ государственномъ смыслѣ—и понынѣ. Первыя двѣ статьи: „Судъ и административная расправа“ (1871 г.) и „Политическій процессъ 1869—1871 г.г.“—являются какъ бы введеніемъ ко всему сборнику, начинающемуся, въ сущности, статьей: „Послѣ 1-го марта“ и заканчивающемуся статьей: „Царствованіе Императора Александра III“. Въ 58-ми статьяхъ затронуты всѣ текущія злобы государственнаго дня указанной выше эпохи, всѣ „вопросы“, дожившіе и до нашего времени, какъ еврейскій, финляндскій, національный, рабочій, клерикальный, и т. д. Въ сборникъ вошли и характеристики выдающихся дѣятелей того времени: Скобелева, Аксакова, Каткова, Лорисъ-Меликова и др. Сборнику предшествуетъ короткое предисловіе автора.

М. Сл.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Люди. Сочиненія. Т. XIII. Издательство „Жизнь и знаніе“. Петроградъ, 1915. Ц. 1 р.

Подъ разными названіями томиками выходитъ собраніе сочиненій Гусева-Оренбургскаго. Новый томикъ, подъ заглавіемъ „Люди“, содержитъ рядъ мелкихъ разсказовъ изъ быта духовенства, частью изъ народной и казачьей жизни. Въ нихъ находишь немного бытовой наблюдательности, немного юмору, немножко много сантиментальности и много шаблона, къ которому пріучило автора многописаніе. Но все это читается легко и можетъ быть отнесено къ разряду недурной „беллетристики“, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это слово Бѣлинскій — то-есть къ разряду лишь удобочитаемыхъ, пріемлемыхъ за недостаткомъ истинно-художественныхъ, произведеній.

Влад. Бончъ-Бруевичъ. Знаменіе времени. Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса. Впечатлѣнія кіевскаго процесса. Изд. „Жизнь и знаніе“. Ц. 1 р.

Громкое дѣло Бейлиса, столь характерное для исторіи нашей общественности и для нравовъ административно-судебной машины, кажется уже, при громѣ современныхъ событій, чѣмъ-то далекимъ и забытымъ. И, видимо, не исполнится надежда, высказанная авторомъ этой книги, что „процессъ этотъ вскорѣ возобновится во всей полнотѣ“. Впечатлѣнія историческаго процесса, которыя авторъ печаталъ въ разныхъ газетахъ во время его хода, стали дѣломъ прошлаго.

Леонидъ Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. Москва, 1915. Стр. VIII+295. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Семеновъ съ большою любовью и усердіемъ къ дѣлу продолжаетъ работать надъ Лермонтовымъ. Онъ выпустилъ не такъ давно книгу: „Лермонтовъ и Толстой“, о

которой мы имѣли случай говорить. Главное мѣсто въ новой книгѣ того же автора о великомъ поэтѣ занимаетъ обширная юбилейная литература о Лермонтовѣ, по случаю столѣтія со дня его рожденія. Юбилей приходился на октябрь прошлаго года, всѣ празднованія были оставлены въ виду войны, и самая юбилейная литература оказалась при количественномъ обиліи сравнительно мало содержательною. Кромѣ очень подробнаго и полезнаго обзора ея, въ книгѣ данъ рядъ замѣтокъ автора о Лермонтовѣ, объ его отношеніяхъ къ другимъ писателямъ (наиболѣе обстоятельна параллель между Лермонтовымъ и Огаревымъ), о нѣкоторыхъ мотивахъ его творчества („Проклятіе“, „Вѣнокъ терновый“), и т. п.

Собраніе сочиненій М. М. Достоевскаго. 2 тома. Петроградъ, 1915. Изд. „Пантеонъ литературы“. Ц. по 1 р. за томъ.

Михаилъ Михайловичъ Достоевскій, братъ знаменитаго Достоевскаго, раздѣлилъ судьбу братьевъ и иной родни литературныхъ знаменитостей: при любви къ литературѣ и отсутствіи таланта, тянулся къ писательству и не далъ ничего, что̀ заслуживало бы серьезнаго вниманія. Въ двухъ томикахъ собранія его сочиненій напечатаны его беллетристическіе опыты. Просматривая ихъ, удивляешься, что нашелся издатель, соблазненный громкимъ звукомъ „Достоевскій“. Разсказы и повѣсти М. Достоевскаго, печатавшіеся въ глухую пору литературы—1848—1852 г.г.—крайне вялы, растянуты и однообразны. Всѣ они въ духѣ „натуральной школы“ конца сороковыхъ годовъ, разрабатываютъ несложный бытъ столичнаго чиновничества, или представляютъ анекдоты, съ несмѣшнымъ теперь юморомъ, во вкусѣ подражаній Гоголю. Герой большой повѣсти „Господинъ Свѣтелкинъ“ варіація къ типу Макара Дѣвушкина, созданному въ „Бѣдныхъ людяхъ“. Переиздавія заслуживали бы не эти слабыя произведенія, которыми не дорожилъ и авторъ, скоро сознавшійся въ отсутствіи у него художественнаго таланта, а пожалуй его переводы; изъ послѣднихъ переводъ „Рейнеке Лиса“ пользуется извѣстностью. Собранію сочиненій предпосланы: 1) въ двѣ странички біографическій очеркъ-справка и 2) статья-некрологъ, написанная Ѳедоромъ Достоевскимъ. Заслуживали бы нѣкотораго изслѣдованія и освѣщенія личныя отношенія М. М. Достоевскаго къ брату, съ которымъ онъ былъ въ оживленной, интересной по литературнымъ темамъ перепискѣ.

С. Ашевскій. Русскіе писатели и война. Изд. „Задруга“. М. 1915. Стр. 128. Ц. 60 к.

Авторъ этой небольшой книги задался мыслью прослѣдить, какъ относились вліятельнѣйшіе изъ русскихъ писателей-художниковъ къ войнѣ вообще, и „въ какомъ направленіи русская художественная литература воспитывала, воспитываетъ и будетъ воспитывать русское и даже иностранное юношество“. Для своей цѣли г. Ашевскій воспользовался не только художественными произведеніями, но также письмами, воспоминаніями, біографіями писателей. Обозрѣніе отношеній къ войнѣ начато съ Кантемира и Ломоносова и заканчивается Гаршинымъ и проведено достаточно полно. Общій выводъ этой довольно любопытной по темѣ, хотя вялой по изложенію, брошюры тотъ, что при всемъ чрезвычайномъ разнообразіи происхожденія, воспитанія, среды, темпераментовъ, почти всѣ русскіе писатели въ концѣ концовъ преодолѣвали воинственныя свои настроенія, и сердцемъ и умомъ доходили до отрицанія войны или по крайней мѣрѣ до признанія ея неизбѣжнымъ зломъ. Единственныя войны, которыя признавались необходимыми, законными и даже священными, это войны оборонительныя и освободительныя. — Завоевательныя войны, а также завоеватели въ русской литературѣ подвергались рѣзкому осужденію, и это миролюбіе русской литературы находится въ полной гармоніи съ миролюбіемъ русской народной поэзіи, народнаго эпоса и души русскаго народа, какъ земледѣльческаго.

Русскій біографическій словарь. Лабзина-Ляшенко. Изд. Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Подъ редакціей Н. Д. Чечулина (л.л. 1—5) и М. Г. Курдюмова (л.л. 6—53). Стр. 846. Ц. 5 р.

Новый томъ Русскаго біографическаго словаря принадлежитъ къ числу весьма удачныхъ, отличаясь обиліемъ серьезныхъ статей, подводящихъ сжато итоги біографическихъ работъ въ отношеніи многихъ лицъ. Назовемъ болѣе крупныя статьи: Лабзинъ (масонъ) — Б. Модзалевскаго, Леонтьевъ К. Н.—Ал. Конопляцева, Лермонтовъ—Дм. Абрамовича, Лобачевскій — А. В. Васильева, Ломоносовъ—Б. Н. Меншуткина, Лопухинъ (масонъ)—Я. Барскова, Лжедимитрій—П. Васенко и пр. Интересна по новизнѣ предмета біографія К. Н. Леонтьева, пережившаго необыкновенно рѣзкіе переломы

міровоззрѣнія, отъ безграничнаго поклоненія эстетизму и оригинальнаго, раньше Ницше, „сверхчеловѣчества“ до аскетизма и безнадежныхъ мечтаній о „замороженіи“ Россіи въ строѣ самодержавія и православія.

Е. А. Звягинцевъ. Полвѣка земской дѣятельности по народному образованію. „Задруга“. М. 1915. Стр. 96. Ц. 45 к.

Эту книжечку довольно извѣстнаго въ области земской народно-образовательной дѣятельности публициста, работавшаго въ ней и практически, нельзя не рекомендовать широкому кругу новыхъ земскихъ гласныхъ и земскихъ учителей, желающихъ сознательно отнестись ко всей совокупности лежащей предъ ними работы. Очерки о земскомъ внѣшкольномъ народномъ образованіи умѣло, просто и точно опредѣляютъ основныя задачи, разрѣшенныя и намѣченныя къ разрѣшенію русскимъ земствомъ въ просвѣтительной области за протекшія 50 лѣтъ. Книжка оживлена многими снимками, вводящими читателя въ бытовую обстановку школъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Въ заключеніе указана относительная скромность достигнутаго земствами, въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно Россіи, и приложенъ указатель литературы предмета, краткій, но достаточный для лицъ, впервые входящихъ въ кругъ этихъ вопросовъ.

Ч. В—скій.

Отрезвленіе рабочихъ. Статистическое изслѣдованіе подъ редакціей Ф. І. Кубацкаго. Москва, 1915 г.

Названная книга заключаетъ данныя, собранныя Обществомъ фабрикантовъ московскаго промышленнаго района по вопросу о вліяніи прекращенія продажи вина на производительность труда рабочихъ. Изслѣдованія непосредственно касались вопросовъ о прогулахъ, несчастныхъ случаяхъ, болѣзняхъ, штрафахъ и сдѣльныхъ заработкахъ рабочихъ до и послѣ прекращенія продажи вина, при чемъ выводы объ измѣненіи интенсивности труда основывались на колебаніяхъ сдѣльныхъ заработковъ, находящихся въ прямой зависимости отъ интенсивности труда рабочихъ. Собранныя данныя, относящіяся къ $^1/_5$ части рабочаго персонала раіона, въ подробно разработанномъ видѣ заключены въ 21 таблицу, а главные результаты изслѣдованія изложены въ текстовой части изданія. Таблицы книги представляютъ интересъ и внѣ связи съ вопросомъ, выясненію коего онѣ служатъ, и ихъ нельзя не признать цѣннымъ матерьяломъ по фабрично-рабочей статистикѣ вообще.

Труды Комиссіи по изученію современной дороговизны. Выпускъ II. Москва, 1915.

Этотъ первый по времени выхода въ свѣтъ выпускъ трудовъ Комиссіи для изученія современной дороговизны, образованной обществомъ имени А. И. Чупрова, содержитъ рядъ монографій объ отдѣльныхъ предметахъ потребленія: мясѣ, маслѣ и яйцахъ, сахарѣ, льнѣ, хлопчатобумажныхъ тканяхъ, минеральномъ топливѣ и дровахъ, принадлежащихъ перу Прокоповича, Лосицкаго, Черненкова, Соколова, Чаянова, Федотова, Кафенгауза и Ѳомина. Статьи, имѣющія статистическій характеръ, построены по плану сопоставленія движенія цѣнъ на продукты въ военное время съ различными, вліяющими на нихъ обстоятельствами, главнымъ образомъ производствомъ даннаго продукта (гдѣ возможенъ его учетъ) и подвозомъ на рынки потребленія, при чемъ по понятнымъ причинамъ наибольшее вліяніе въ большинствѣ монографій удѣлено потребительнымъ рынкамъ Петрограда и Москвы. Выдающимися причинами сильнаго подъема въ послѣдніе мѣсяцы цѣнъ, кромѣ условій производства, являются по даннымъ изслѣдованія, растройство транспорта, спекуляція торговцевъ и производителей, закупки военнаго вѣдомства. Особенно печальнымъ нужно признать прогнозъ относительно снабженія въ ближайшій сезонъ топливомъ фабрикъ, заводовъ и обыкновенныхъ потребителей, и надвигающаяся зима окажется, поэтому, очень тяжелой не только для бѣднаго, но и для средняго потребителя обѣихъ столицъ и другихъ районовъ.

Д. Н. Иванцовъ. Къ критикѣ русской урожайной статистики. Петроградъ. 1915.

Ежегодно публикуемыя данныя объ урожаяхъ представляютъ такой статистическій матеріалъ, которымъ интересуется множество лицъ, обращающихся къ нимъ и съ научными, и съ практическими цѣлями. Но для надлежащаго пользованія этимъ матерьяломъ необходимо знать, какой степени довѣрія онъ заслуживаетъ. Въ этомъ отношеніи для новѣйшаго по крайней мѣрѣ времени имѣется только рядъ болѣе или

менѣе вѣроятныхъ апріорныхъ соображеній, и названная выше работа Д. Н. Иванцова является первымъ опытомъ спеціальнаго изслѣдованія этого вопроса. О пригодности данныхъ авторъ судилъ на основаніи сходства или различія показаній разныхъ источниковъ и оцѣнивалъ соотвѣтствующіе матеріалы съ точки зрѣнія изслѣдователя, интересующагося урожаями, какъ тѣмъ или другимъ симптомомъ, и съ точки зрѣнія практика, стремящагося опредѣлить величину сбора хлѣба въ тотъ или другой годъ. Съ спеціальной работой г. Иванцова долженъ поэтому ознакомиться всякій, прибѣгающій къ пользованію данными нашей оффиціальной статистики урожайности.

Движеніе сезонныхъ рабочихъ на Кавказъ въ 1912 — 14 г.г. Составилъ Дм. Мерхалевъ. Тифлисъ, 1915 г.

Лѣтнее передвиженіе рабочаго люда очень важное явленіе хозяйственной жизни Россіи, систематическое изученіе котораго, однако, не производится. Названная брошюра, составленная по даннымъ Тихорѣцкаго (на Сѣв. Кавказѣ) переселенческаго регистраціоннаго пункта, пополняетъ недостатокъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній относительно Кавказа, рисуя картину лѣтнихъ движеній рабочихъ въ эту область со стороны ихъ профессіональнаго состава, времени передвиженія, губерній выхода и назначенія. Для обратнаго движенія въ брошюрѣ указываются свѣдѣнія лишь о числѣ рабочихъ и моментѣ прохода ихъ черезъ регистраціонный пунктъ.

В. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Алтаевъ, А. Л. Пѣвецъ страданья и свободы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Амфитеатровъ, Александръ. Сестры. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Ардашевъ, П. Н. Курсъ Новой исторіи для VII кл. мужскихъ гимназій. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Арсеньевъ, К. К. За четверть вѣка (1871—94). Сборникъ статей. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Бемъ, А. Л. Къ уясненію понятія историко-литературнаго вліянія. Петроградъ, 1915 г.

Бертенсонъ, Сергѣй. Дѣдъ русской сцены. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Брусянинъ, В. В. Въ рабочихъ кварталахъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Бѣлоцвѣтовъ, Николай. Религія творческой воли. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Вагнеръ, Германъ. Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 65 коп.

Виллари, Пакзале. Николо Макіавелли и его время. Т. I. Со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Пер. И. М. Кригеля. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Вундтъ, М. Греческое міровозрѣніе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Глаголева, Т. М. Ломоносовъ, какъ гражданинъ. Воронежъ, 1915 г.

Гольденбергъ, І. Бельгія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 10 коп.

Гольдштейнъ, І. М. Война, германскіе синдикаты, русскій экспортъ и экономическое изолированіе Германіи. Изд. 3-е. Москва 1915 г.

Горькій, М. Хозяинъ. Три дня. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Страна отцовъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

— Люди. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Депере, Ш. Превращенія животнаго міра. Пер. Ю. Жемчужникова. Подъ ред. А. Борисяка. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Елпатьевскій, С. Разсказы о про-

шломъ. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Емельяновъ, Н. Б. I. Корни дороговизны. II. Организація побѣды. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Каблуковъ, Н. О повышеніи производительности труда въ русской промышленности. Москва, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Кондратьевъ, Н. Д. Развитіе хозяйства Кинешемскаго земства Костромской губ. Кинешма, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Крымовъ, Вл. О прочемъ. Изд. 4-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 к.

Кулюкинъ, Д. Л. Сѣверный откликъ. Бѣлый, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Цѣна 3 коп.

— Вѣтка Палестины и др. стихотворенія. Цѣна 6 коп.

— Мцыри. Цѣна 4 коп.

— Узникъ и др. стихотворенія. Цѣна 4 коп. Петроградъ, 1915 г.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. 2. Статьи по философіи. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Лисовскій, Ст. Ст. Польская литература, исторія и древности въ 1912—1913 г.г. Библіографія. Петроградъ, 1915 г.

Могилянський, Мих. Художникъ слова. Памяти М. М. Коцюбинського. Петроградъ, 1915 р. Цѣна 15 коп.

Мурашевъ, Петръ. Искры въ туманѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Новожиловъ, В. В. Значеніе внѣшняго рынка для Германіи. Кіевъ, 1915 г.

Новомбергскій, Н. Вымученныя кабалы въ Московской Руси XVII столѣтія. Петроградъ, 1915 г.

Савицкій, Дмитрій. Пѣсни любви и страданій. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Салтыковъ, А. А., гр. По старымъ слѣдамъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Серафимовичъ, А. На рѣкѣ. Разсказы. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Тасинъ, Н. По воюющей Франціи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Тимковскій, Н. Сергѣй Тумовъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Толстой, Ал., гр. Приключенія Растегина. Томъ VII. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Трошинъ, Г. Антропологическія основы воспитанія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Франкъ, С. А. Предметъ знанія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Черепнинъ, Н. П. Родная исторія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Юшкевичъ, Семенъ. Очерки дѣтства. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Эйнгорнъ, С. Я. Массажъ и врачебная гимнастика. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Бюджеты крестьянъ Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. Харьковъ, 1915 г.

Грузооборотъ въ Уфимской губерніи. Уфа, 1915 г.

Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка О. А. Новиковой. Сост. W. T. Stead. Пер. Е. С. Мосоловой. Т. I и II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна каждаго тома 1 руб. 25 коп.

Извѣстія главнаго комитета по снабженію арміи. № 1. Москва, 1915

Историко-статистическія таблицы дѣятельности уфимскихъ земствъ. Уфа, 1915 г.

Очерки естественно-историческихъ условій по волостямъ Актюбинскаго уѣзда. Оренбургъ, 1915 г.

Памяти А. П. Философовой 1837—1912. Т. I и II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна за 2 тома 10 руб.

Сельскохозяйственное машиностроеніе и общественная машиноторговля. Кіевъ, 1915 г.

Украинскій вопросъ. Изд. 2-е. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

[illegible] фонд
Моско[illegible] [illegible]